

ISSN 3033-5949

ВЕСТНИК

ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА,
ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
(ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

№ 3 (32) - 2025

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННАЯ ОРДЕНА ЖУКОВА АКАДЕМИЯ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Военная орден Жукова академия
войск национальной гвардии
Российской Федерации

Сетевой научный журнал

ISSN: 3033-5949 (онлайн)

Издаётся с декабря 2017 года

Выходит ежеквартально

Журнал находится
в открытом доступе
и индексируется в системе
Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)
лицензионный договор
с Научной электронной
библиотекой eLIBRARY.ru
от 13.02.2018 г. № 52-02/2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ВОРОБЬЕВ А.О., САЛЬНИКОВ В.П. 5
Суверенитет государства и личности: к вопросу о роли правосознания

КИЙКО А.Ю. 14
Нормы права и нормы морали в системе регуляторов поведения личности

АЛЕКСАНДРОВ А.И., БОГАТЫРЕВ Д.К., ЭКИМОВ А.И. 22
Идея абсолютного добра как основание суверенной философии права России (некоторые размышления в связи с выходом коллективной монографии)

ВЬЮН О.В., КАРПОВ Р.А., СУВЕРОВ Е.В. 32
Медицинская система МВД СССР Алтайского края в 70-е гг. XX в. (историко-правовой аспект)

ЗУБАРЕВ Н.В. 42
Общественный порядок как философско-правовая категория. Роль войск национальной гвардии Российской Федерации в охране общественного порядка на современном этапе их развития

КРИЖАНОВСКАЯ Г.Н. 54
Служение отечеству: взаимодействие власти и общества в условиях военных конфликтов

НАЗАРОВА И.С. 68
Значение Основных законов Российской империи 1906 года для совершенствования конституционного законодательства

СИДОРЕНКО В.П., ИГНАТОВ В.М. 76
Образование и становление учебного заведения в 1943–1967 гг.: к 81-й годовщине образования Военной орден Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ТРЕТЬЯКОВ И.А. 90
Политические, правовые и криминологические подходы к изучению геноцида советского народа (1941–1945 гг.)

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

БАБКИН Д.В., КАЛИМУЛЛИНА О.А. 106
Эмоционально-личностные детерминанты профессионального выгорания юристов с разным профессиональным стажем

ШАБАНОВ Л.В., ЦУКАНОВ И.А. 115
Перспективы развития психологической подготовки офицеров Росгвардии

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

БАКИН А.А. 123
О технологиях, способствующих повышению эффективности социальной и социально-психологической работы с участниками Специальной военной операции

ЕЛИЗАРОВ Е.С., БЕЛОГАЙ К.Н. 131
Уровень профессиональной направленности личности и другие психометрические показатели практикующих медицинских работников

ГОРДЕЕВА П.А. 145
Феномен адаптации и его основные стратегии в образовательной среде военного вуза

МАЛЮТА В.И. 154
Анализ основных понятий, характеризующих психолого-педагогические условия обеспечения устойчивости личности курсантов к информационно-психологическим угрозам

СОРОКОУМОВА С.Н., КОРОБИНЦЕВА М.С. 163
Межличностное общение младших школьников с различным уровнем академической успеваемости

УТЮГАНОВ А.А. 171
Психолого-педагогическое управление процессом адаптации курсантов к высоким учебным нагрузкам

ЧЕКАЛИНА Е.В. 184
Особенности сенсомоторного развития детей в процессе эмоционального общения

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

КАРАЯНИ А.Г., КАРАЯНИ Ю.М., КУЛЕШОВ Д.О. 196
Особенности психологической подготовки военнослужащих Росгвардии при выполнении упражнений учебных стрельб

ТУРЧИН А.С. 205
Взаимосвязь психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач с их уровнем конфликтности

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

КУЗНЕЦОВ Д.Е. 218

Концепция исследования научного наследия Слепова Владимира Яковлевича и его научной школы

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.А., ЛАВРЕЕВА М.С., ЛАНГЕНШТЕЙН В.А. 227

Формирование у курсантов военно-образовательных организаций росгвардии умений педагогического общения

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

ДЕМЕДЮК К.В., РУЗОВ А.П. 237

Педагогические особенности организации учебно-воспитательного процесса по профилактике экстремистских проявлений в период выполнения подразделениями Росгвардии задач Специальной военной операции

КУЗНЕЦОВ А.С., АЛЕХИН И.А. 248

Актуальные вопросы подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктурах войск национальной гвардии Российской Федерации

ПРОКОПЕНКО В.В. 257

Теория и практика совершенствования содержания спортивно-массовой работы с курсантами военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии с использованием национальных видов спорта

СПИРИН А.В., ФЕДОРИШИН М.И. 269

Особенности ролевой гибкости как социально значимого компонента в структуре статусно-ролевой подсистемы коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЧУДАКОВ А.Ю., УТЮГАНОВ А.А., БОНДАРЕНКО С.А. 278

Психофизиологическое обеспечение деятельности военнослужащих войск национальной гвардии в зоне Специальной военной операции

ВЕДЕРНИКОВ А.А. 288

Формирование профессиональной культуры будущих офицеров Росгвардии: вызовы технологической трансформации и пути их преодоления

ДЕВЯТЛОВСКИЙ Д.Н., МУРАШОВА К.Ю. 297

Техническая креативность как компонент профессиональной компетентности курсанта военного вуза

КАЗИМИРОВИЧ А.М. 304

Моделирование процесса информационного воздействия на курсантов военных образовательных организаций высшего образования росгвардии с использованием информационного подхода

НИКОЛАЕВ Р.А. 318

Этапы развития государственно-патриотической компетентности у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации

ПРИМАКИН А.И., САХНОВ С.А., ГРАЧЕВА Н.Г. 326

Построение динамико-математических моделей на базе системы дифференциальных уравнений для описания, прогнозирования и оценки интенсивности обучения в педагогике

ФЕТИСОВ А.В., СТАВИЦКИЙ Д.В. 339

Рациональная организация военно-профессиональной подготовки в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации на основе компетентностных принципов

ШАРУХИН А.П. 348

Оценивание системы и процесса воспитания профессиональной надежности курсантов военной академии (института) Росгвардии: теоретико-методологический аспект

ШАРУХИНА Т.Г. 361

Учебная деятельность курсанта военной академии (института) Росгвардии как объект педагогического управления: теоретико-методологический аспект

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

ЧЕРЕПАНОВ Р.В., ЕВСТРАТОВА Ю.А., ЛУКЬЯНОВА А.В. 372

Нюрнбергский процесс как закономерный итог политики консеквенциализма нацистской Германии

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДЕРЮГИН А.А. 379

В ногу с академией: к юбилею профессора С. Г. Лысенкова

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
обязательна.

Редакция вправе сокращать
и литературно обрабатывать
принятые к публикации тексты.

Материалы должны
соответствовать одному
из научных направлений
(по отраслям наук),
определяющему
направленность
(профильность) журнала:
педагогические,
психологические
и юридические науки.

Издание осуществляет
рецензирование всех
поступающих материалов,
соответствующих
тематике журнала, с целью
их экспертной оценки.
Рукописи не возвращаются.

За достоверность фактов,
имён собственных,
неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций.

FEDERAL STATE OFFICIAL MILITARY
ESTABLISHMENT OF HIGHER EDUCATION
« MILITARY ORDER OF ZHUKOV ACADEMY
OF THE NATIONAL GUARD TROOPS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops
of the Russian Federation

Network scientific journal

ISSN: 3033-5949 (online)

Journal is published since
December, 2017

Journal is published
on quarterly basis

Journal is included
in the system
of the Russian Scientific
Citation Index (RSCI)
license agreement
with the Scientific Electronic
Library eLIBRARY.ru dated
13. 02.2018 No. 52-02/2018

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

- VOROBYEV A.O., SALNIKOV V.P.** 5
The sovereignty of the state and the individual: on the question of the correlation of concepts
- KIKO A.YU.** 14
Legal norms and moral norms in the system of regulators of individual behavior
- ALEXANDROV A.I., BOGATYREV D.K., EKIMOV A.I.** 22
The idea of absolute goodness as the basis of the sovereign philosophy of Russian law (some reflections in connection with the publication of the collective monograph)
- VYUN O.G., KARPOV R.A., SUVEROV E.V.** 32
The medical system of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the Altai territory in the 1970s (historical and legal aspects)
- ZUBAREV N.V.** 42
The concept of public order as a philosophical and legal category. The role of the troops of the national guard of the Russian Federation in the protection of public order at the present stage of their development
- KRIZHANOVSKAYA G.N.** 54
Service to the fatherland: the interaction of power and societies in the context of military conflicts
- NAZAROVA I.S.** 68
The significance of the Basic laws of the Russian empire of 1906 for improving constitutional legislation
- SIDORENKO V.P., IGNATOV V.M.** 76
Education and establishment of the educational institution in 1943-1967: on the 81st anniversary of the formation of the Military order of Zhukov of the academy of the national guard of the Russian Federation

CRIMINAL LAW SCIENCES

- TRETYAKOV I.L.** 90
Genocide of the soviet people (1941–1945). political, legal and criminological approaches to the study of this phenomenon

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

- BABKIN D.V., KALIMULLINA O.A.** 106
Emotional and personal determinants of professional burnout in lawyers with different professional experience
- SHABANOV L.V., TSUKANOV I.A.** 115
Development prospects psychological training of rosgvardiya officers

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

- BAKIN A.A.** 123
On technologies that contribute to increasing the effectiveness of social and socio-psychological work with participants in a Special military operation
- ELIZAROV E.S., BELOGAJ K.N.** 131
The level of professional orientation of the personality and other psychometric indicators of medical practitioners
- GORDEEVA P.A.** 145
The phenomenon of adaptation and its main strategies in the educational environment of a military university
- MALYUTA V.I.** 154
Analysis of the basic concepts that make up the psychological and pedagogical conditions for ensuring the stability of the personality of cadets to information and psychological threats
- SOROKOUMOVA S.N., KOROBINTSEVA T.M.** 163
Interpersonal communication of primary school students with different levels of academic achievement
- UTYUGANOV A.A.** 171
Psychological and pedagogical management of the process of adaptation of cadets to high academic workloads
- CHEKALINA E.V.** 184
Features of sensorimotor development in infants during emotional communication with significant adults

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- KARAYANI A.G., KARAYANI Y.M., KULESHOV D.O.** 196
Features of psychological training of the military personnel of the russian guard when performing shooting exercises
- TURCHIN A.S.** 205
The relationship between the psychological readiness of military personnel to perform service and military tasks and their level of conflict

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

KUZNETSOV D.E. 218

The concept of research of the scientific heritage of Vladimir Yakovlevich Slepov and his scientific school

EMEL'YANOVA E.A., LAVREEVA M.S., LANGENSHEJN V.A. 227

Formation of pedagogical communication skills in cadets of military educational organizations of the Russian Guard

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

DEMEDIYUK K.V., RUZOV A.P. 237

Pedagogical features of the organization of the educational process for the prevention of extremist manifestations during the Special military operation by the Rosgvardia units

KUZNETSOV A.S., ALEKHIN I.A. 248

On the experience of using distance technologies in training personnel in educational organizations of law enforcement agencies

PROKOPENKO V.V. 257

Theory and practice of improving the content of sports and mass work with cadets of the all-russian military aviation organization of the Russian guard using national sports

SPIRIN A.V., FEDORISHIN M.I. 269

Features of role flexibility as a socially significant component in the structure of the status-role subsystem of collective mental models of military personnel interaction

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

CHUDAKOV A.YU., UTUGANOV A.A., BONDARENKO S.A. 278

Psychophysiological support for the activities of military personnel the national guard in the Special military operation zone

VEDERNIKOV A.A. 288

Formation of professional culture of future officers of National guard of the Russian Federation: challenges of technological transformation and ways to overcome them

DEVYATLOVSKY D.N., MURASHOVA K.YU. 297

Technical creativity as a component of the professional competence of a military university cadet

KAZIMIROVICH A.M. 304

Modeling the process of information impact on cadets military educational organizations of higher education of the national guard using the information approach

NIKOLAEV R.A. 318

Stages of development of state-patriotic competence in servicemen of the national guard troops of the Russian Federation

PRIMAKIN A.I., SAKHNOV S.A., GRACHEVA N.G. 326

Building dynamic and mathematical models based on a system of differential equations to describe, forecast, and evaluate the intensity of learning in pedagogy

FETISOV A.V., STAVITSKY D.V. 339

Rational organization of military professional training in the military educational organization of higher education Russian Federation based on competence principles

SHARUKHIN A.P. 348

Assessment of the system and process of the cadets' professional reliability upbringing of the Rosgvardiya military academy (institute): theoretical and methodological aspect

SHARUKHINA T.G. 361

Cadet's educational activity of the Rosgvardiya military academy (institute) as an object of pedagogical management: theoretical and methodological aspect

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES (LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

CHEREPANOV R.V., EVSTRATOVA J.A., LUKYANOVA A.V. 372

The Nuremberg trials as a natural result of the consequentialist policy of nazi Germany

SCIENTIFIC LIFE

DERYUGIN A.A. 379

Keeping up with the academy: on the anniversary of professor S. G. Lysenkov

When reprinting materials,
a reference to the journal
is required.

The editorial board has the right to
shorten and literary process
the texts accepted
for publication.

Materials must correspond
to one of the scientific directions
(by branches of science),
which determines the direction
(profile) of the journal:
pedagogical, psychological
and legal sciences.

The publication reviews
all incoming materials
corresponding to the subject
of the journal for the purpose
of their expert assessment.
Manuscripts are not returned.

The authors of the publications
are responsible for the reliability
of the facts, proper names,
and non-disclosure of secrets.

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Алексей Олегович Воробьев¹, Виктор Петрович Сальников²¹ Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия² Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ spvi2023@mail.ru² Fonduniver@bk.ru

Аннотация. Единство суверенитета личности и государства определяется общностью исторически сложившейся системы нравственно-правовых ценностей, фокусируемой на уровне всеобщего и на уровне единичного. Суверенитет личности не имеет значения без связи личности с государством, которое реализует ее права в социальном пространстве. Эта идея со всей очевидностью должна восприниматься как аксиома в рассуждениях о государственном суверенитете как системе, включающей в себя такой элемент как суверенитет личности. Национальный суверенитет имеет своим основанием симфонию субъектности государства и субъектности личности, которая становится возможной в силу общественного консенсуса относительно общих нравственно-правовых ценностей, закрепленных на уровне общественного и индивидуального правосознания.

Ключевые слова: суверенитет, государство, личность, право, общественное правосознание, нравственно-правовые ценности

Для цитирования: Воробьев А.О., Сальников В.П. Суверенитет государства и личности: к вопросу о роли правосознания // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 5–13. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/001.pdf>.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCE

Original article

THE SOVEREIGNTY OF THE STATE AND THE INDIVIDUAL: ON THE QUESTION OF THE CORRELATION OF CONCEPTS

Alexey O. Vorobyov¹, Viktor P. Salnikov²¹ Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow,² Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

Fonduniver@bk.ru

¹ spvi2023@mail.ru² Fonduniver@bk.ru

Abstract. The unity of the sovereignty of the individual and the state is determined by the commonality of the historically established system of moral and legal values, focused on the level of the universal and on the level of the individual. The sovereignty of the individual does not matter without the connection of the individual with the state, which implements his rights in the social space. This idea should obviously be taken as an axiom in discussions about state sovereignty as a system that includes such an element as the sovereignty of the individual.

Keywords: sovereignty, state, personality, law, moral and legal values

For citation: Vorobyev A.O., Salnikov V.P. The sovereignty of the state and the individual: on the question of the correlation of concepts. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 5–13. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/001.pdf>.

© Воробьев А. О., Сальников В. П., 2025

Введение

Проблема суверенитета на протяжении длительного времени вызывает интерес философов, ученых и практиков. Без осознания значимости идеи суверенитета не может быть правильно поставлена проблема разработки суверенной философии права. В свою очередь, без суверенной философии права, а значит и без суверенной государственно-правовой идеологии, не может быть подлинного государственного суверенитета, выражающего ценностную природу государства [1, С. 170–178]. Понимание и оценка плюрализма идеологии, как показывает проводимая дискуссия на страницах федерального научно-практического журнала «Мир политики и социологии», весьма многогранна [2; 3; 4, С. 17–32; 5, С. 11–24; 6; 7].

Основные положения

В современной науке нет единого подхода к пониманию проблемы суверенитета. Взгляды на процессы, происходящие в обществе, на оптимальную форму государства часто базируются на субъективно-идеалистических представлениях. diametрально противоположны взгляды учёных и на суверенитет России. Ряд ученых рассматривает суверенитет с юридической точки зрения, сквозь призму Основного закона страны. Это течение получило название «конституционализм». По мнению сторонников этого подхода, суверенитет определяется, в первую очередь, Конституцией и принципом верховенства закона. Конституция понимается как универсальный источник власти, определяющий ее суверенность.

Приверженцы институционализма предлагают рассматривать суверенитет с организационной точки зрения, считая конституционные установления и институты государства неприкосновенными и неизбылемыми. В рамках данного подхода возникла теория «мирового правительства», которая считает оправданным доминирование стран НАТО и США на мировой арене, выражающееся не только в игнорировании суверенитета других стран, если это противоречит их интересам, но и в том, что страны НАТО для достижения своих собственных целей во всем поддерживают на Украине крайних националистов и неонацистов, которые представляют прямую угрозу национальной безопасности нашего государства [8, С. 15].

Корпоративизм более склонен учитывать современные реалии. Он не отрицает сложную диалектику внутригосударственных и международных отношений. Однако он отдаёт приоритет в международных делах более развитым странам, то есть Соединённым Штатам и их союзникам.

Суверенитет как социально-правовой феномен не сводим только к совокупности элементов этой системы. По своей природе он является прежде всего их единством, внутренней целостностью, обеспечивающей возможность субъектности государства, его способности не только к независимости, но и к самоопределению, и к активному целеполаганию. Поэтому понятием суверенитета мы должны прежде всего обозначать субъектность государства.

Такую трактовку понятия суверенитета мы найдем в классической философии права, например, у Г. В. Ф. Гегеля. «Гегель, определяя государство в качестве «души» гражданского общества выделяет два его основных качества: во-первых, неразрывность и континуальность всех его членов, а, во-вторых, абсолютное самоопределение, т. е. самоопределение, не зависящее от внешних начал, а имеющее источник исключительно в себе самом» [9, С. 151]. Это качество самоопределения и является основанием субъектности государства, которое является не мертвым механизмом, а живым организмом, что позволило философу сравнить государство, обладающее суверенитетом, с живым существом, обладающим душой: «Идеализм, составляющий суверенитет, есть то же определение, по которому в животном организме его так называемые части суть не части, а члены, органические моменты, изоляция и для себя пребывание которых есть болезнь» [10, С. 317–318]. Именно это понятие субъектности, дедуцируемое ученым из основных определений государства, является системообразующим понятием в его теории суверенитета. Само слово «идеализм» употребляется не в привычном нам смысле. Оно связывает понятие идеального именно с единством, целостностью, внутренним пространством жизни субъекта [9, С. 151].

Заметим, что на этой идее, соотносящей суверенитет с целостностью живого организма, а деградацию суверенитета с болезнью, строит свою теорию национального суверенитета известный сербский философ и политолог Петар Боянич: «Бо-

лезнь для Гегеля... является чем-то большим, нежели обычная травма, которая ставит под вопрос его жизнь... То есть единство государства или же здоровье и целостность организма Гегель утверждает через возможность войны» [11, С. 29]. Отсюда следует вывод о том, что если угроза суверенитету подобна болезни организма, то применение государством силы, направленной на защиту суверенитета, подобно действию врача, целителя.

Такой подход к трактовке суверенитета как субъектного единства государства предполагает, во-первых, что «само государство понимается прежде всего в качестве субъекта действия высшей нравственной идеи как целевой причины жизни народа, реализация которой составляет систему его свободы» [9, С. 150–151], а во-вторых, он предполагает, что и самому феномену суверенитета присуще существование для него аксиологическое измерение.

Имея основой ценностный консенсус, государственный суверенитет является, по сути, концентрированной системой национальных нравственно-правовых ценностей. Будучи производной от национальных ценностей, сам государственный суверенитет должен рассматриваться как одна из важнейших социально-правовых ценностей. Именно ценностная природа суверенитета связывает государственный и личный суверенитет. Государственный суверенитет начинается именно с личности. Об этом очень хорошо сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин 19 декабря 2024 года в ходе совмещенной прямой линии и большой пресс-конференции Президента России: «Вы знаете, суверенитет – очень важная вещь, он должен быть внутри, в сердце... Суверенитет разный: и оборонный, и технологический, и научный, образовательный, культурный. Это очень важно. Для нашей страны это особенно важно, потому что при утрате суверенитета мы теряем государственность. В этом самое главное дело» [12]. В. В. Путин всей своей деятельностью выражает интересы российского народа, опираясь на достижения отечественной науки, в том числе и правоведения. Как известно, на одном из Санкт-Петербургских международных юридических форумов активно обсуждалась проблема справедливости права [13; 14; 15; 16]. Шла речь и об экономическом, технологическом, финансовом, культурном, образовательном и т. д. суверенитете нашего

государства. Эти вопросы внимательно изучаются российскими исследователями [17; 18; 19; 20, С. 289–327; 21; 22; 23; 24; 25; 26, С. 21–55; 27; 28; 29], они будоражат умы и отражают чаяния населения России, отражаются в общественном правосознании страны и трансформируются в отечественных нравственно-правовых ценностях¹, находят отражение в дискуссиях национальных элит и простых граждан [30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38], последовательно и целенаправленно проводятся в жизнь.

Государственный суверенитет можно рассматривать как своего рода орган для трансформации национальных нравственно-правовых ценностей в комплекс ориентиров для активного целеполагания в области государственного строительства и для проецирования в качестве нравственного идеала, предлагаемого мировому сообществу. Ведь государство лишь тогда обладает действительным суверенитетом, когда оно выступает в качестве субъекта всемирно-исторического действия и несет миру, как учил Ф. М. Достоевский, свое «слово» об истине, свое понимание истины и предназначения человека [39; 40]. Это учение Достоевского получило конкретизацию в правовой философии евразийцев, в их теории «государства правды», альтернативные концепции такого государства были разработаны Н. Н. Алексеевыми Л. П. Карсавиным [41]. Академик Российской академии наук А. Н. Савенков в этом же контексте указывал на русскую идею как на «смысловой концепт в истории философии права» [42, С. 481–507].

В философско-правовой науке проблема интереса продолжает оставаться актуальной. К сожалению, она не часто привлекает внимание исследователей [43; 44; 45; 46; 47; 48; 49].

Всякая субъектность предполагает наличие субъекта в качестве своего онтологического ядра. Для человека таким субъектным ядром выступает его личность, его «Я». Для общества и государства таковым может быть только коллективный субъект, ко-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

торый кристаллизуется в процессе установления ценностного консенсуса. Вопрос о способе бытия общественного правосознания актуализирует проблему субъектности его носителей – общества, его институтов и государства. Эта проблема не решается в рамках механистического способа мышления, которое не способно уловить духовно-нравственный смысл явлений права и государства. Классическая философия права, начиная с эпохи античности и вплоть до русской философии права, устанавливала неразрывную связь между социальной субъектностью институтов и общественным правосознанием как выражением общественного консенсуса относительно нравственно-правовых ценностей.

Субъектность должна осознавать себя, а значит, ценностный консенсус должен рефлексировать, т. е. отражать сам себя. Там, где объектом этого «самоотражения» является система нравственно-правовых ценностей, там мы имеем общественное правосознание, которое, однако, мы должны рассматривать только как сегмент общественного сознания в целом. Общественное правосознание, в свою очередь, выступает как реальная предпосылка развития правовой системы государства. В идеальном случае – это закрепление на конституционном уровне базовых нравственно-правовых ценностей, по которым сложился общественный консенсус, что было продемонстрировано пять лет назад в ходе общенародного референдума по конституционной реформе [50, С. 6–7].

Заключение

Анализируя правовую природу государственного суверенитета и суверенитета общества, мы исключаем возможность их противопоставления. Точно так же, как не может идти речи о противопоставлении друг другу общественного и индивидуаль-

ного правосознания, но лишь об их диалектической взаимосвязи.

В то же время важно, чтобы право наций на суверенитет не входило в противоречие с принципом территориальной целостности государства и не становилось стимулом сепаратизма. Пагубное воздействие такого рода сепаратизма на историческое Российское государство мы видели в 1991 г. Его последствия – многочисленные кровавые конфликты на постсоветском пространстве: в России, в Таджикистане, в Узбекистане и Киргизии, в Армении и Азербайджане, в Приднестровье, унесшие много жизней. Апофеозом стали преступления киевских сепаратистов, для пресечения которых российскому руководству пришлось начинать Специальную военную операцию.

Важную роль в формировании правосознания в России играет православие. Эта тема традиционно звучит в отражении российского общественного правосознания [8], а право представляется как основа глобального равновесия [51]. Неслучайно в русской философии право всегда рассматривалось и анализируется сегодня с позиций уроков прошлого для мира будущего. Под этим же углом зрения прошел и XIII Санкт-Петербургский международный юридический форум в 2025 году, на котором с новой силой прозвучала мысль о защите интересов России в новой правовой реальности [52; 53; 55; 57].

Общность нравственно-правовых ценностей на уровне личности и на уровне государства является основанием их соразмерности и динамичного единства, складывающегося в симфонию общественного и индивидуального правосознания, которая является действительным основанием устойчивости национального суверенитета.

Список источников

1. Сальников В. П. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 170–178.
2. Боброва Н. А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 24–33.
3. Крижановская Г. Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 34–40.
4. Лазарев В. В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 17–32.
5. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 11–24.

6. Хабибулин А. Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 21–24.
7. Шеншин В. М. Патриотизм – основа государственно-правовой идеологии, формируемой Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации // Мир политики и социологии. 2019. № 11-12. С. 44–52.
8. Бастрыкин А. Правовая защита национальных интересов российской Федерации в условиях трансформации миропорядка // XII Петербургский международный юридический форум. М. : Росконгресс, 2024. С. 14–18.
9. Сальников В. П. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
11. Боянич Петар. Насилие и мессианиззм / пер. с фр. О. Волчек. Екатеринбург; М. : Кабинетный ученый, 2018. 224 с.
12. Иванов Алексей. Владимир Путин: «Суверенитет – очень важная вещь. Он должен быть внутри, в сердце». URL: https://zavtra.ru/events/vladimir_putin_suverenitet_ochen_vazhnaya_vesh_on_dolzhen_bit_vnutri_v_serdtce (дата обращения: 15.08.2025).
13. Александрова О. И. «Право должно быть способно создать справедливый мир» // XI Петербургский международный юридический форум. СПб. : Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. С. 34–35.
14. Мирзаян Геворг. Суверенитет в праве // XI Петербургский международный юридический форум. СПб. : Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. С. 6–10.
15. Москалькова Т. Н. Актуальные проблемы защиты прав соотечественников за рубежом // XI Петербургский международный юридический форум. СПб. : Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. С. 20–23.
16. Степашин С. В. Право и гуманитарные ценности как опора в период турбулентности мировой политики // XI Петербургский международный юридический форум. СПб. : Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. С. 17–19.
17. Виноградова Е. В. Суверенитет: государство – личность – государство. Российская модель / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 156–163.
18. Володина О. В. Государственный суверенитет в условиях однополярного мироустройства / О. В. Володина, Г. Н. Крижановская, И. В. Мирошниченко // Теория государства и права. 2024. № 3-1 (39). С. 57–64. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_3-1_39_57.
19. Воробьев А. О. Общественное согласие как основание государственного суверенитета: ценностный аспект // Вестник Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 2. С. 5–11.
20. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2151906.
21. Жук А. С. Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии / А. С. Жук, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 2. С. 163–170.
22. Захарцев С. И. Суверенность российской правовой системы как значимое свойство ее нравственно-аксиологической оценки / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Нравственность и гуманизм в праве и культуре: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 г. СПб., 2024. С. 45–61.
23. Исмагилов Р. Ф. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности: монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2025. 552 с.
24. Клименко О. А. Основные подходы к обеспечению государственного суверенитета в условиях новой правовой реальности первой четверти XXI века / О. А. Клименко, А. К. Мирзоев // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 71–82.
25. Сальников В. П. Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты / В. П. Сальников, К. Г. Прокофьев, В. Н. Чайка // Теория государства и права. 2024. № 2-1 (37). С. 205–212. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_205.
26. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук,

проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 418 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004.

27. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски: монография / А. Г. Хабибулин, А. В. Анищенко, В. Н. Анищенко [и др.]; под общ. ред. А. Г. Хабибулина. 2-е изд., расш. и дополн. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова. Высшая школа государственного аудита, 2023. 480 с.

28. Хабибулин А. Г. Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. 2024. № 3-2(40). С. 200–204. DOI 10.25839/MATGIP_2024_3-2_40_200.

29. Чиркин В. Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5–19.

30. Богатырёв Д. К. Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России / Д. К. Богатырёв, И. И. Докучаев. СПб. : РХГА, 2023. 236 с.

31. Емелин С. М. Развитие образования: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 3. С. 31–38.

32. Очередыко В. П. Характерные черты и проблемы высшего юридического образования в России / В. П. Очередыко, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 4. С. 11–20.

33. Патрушев Н. П. Нужны ли России «универсальные» ценности? // Российская газета. 2020. 17 июня.

34. Патрушев: России целесообразно отказаться от болонской системы образования // Российская газета. 2022. 24 мая.

35. Патрушев: Фундамент русского общества – система традиционных ценностей. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/90f07c2> (дата обращения: 15.08.2025).

36. Путин назвал защиту традиционных ценностей важнейшим условием суверенитета. URL: <https://tass.ru/politika/20632937> (дата обращения: 15.08.2025).

37. Путин назвал традиционные ценности фундаментом российского бытия // Ведомости. 2024. 6 марта.

38. Степашин С. В. Пришло время выйти из Болонского образовательного процесса // Российская газета. Столичный выпуск. 2022. № 57(8705).

39. Захарцев С. И. Теоретико-методологические основания философии права Ф. М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2. С. 17–24.

40. Исмагилов Р. Ф. Правовая философия Достоевского и идеократические основания суверенитета России / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 1. С. 171–176.

41. Сальников В. П. Нравственно-правовые аспекты евразийства в русской религиозной философии / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, К. Г. Прокофьев [и др.] // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11 (198). С. 65–69.

42. Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. М. : Наука, 2024. 739 с.

43. Андреев Ю. Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика: монография. М. : Проспект, 2023. 496 с.

44. Завгородняя А. А. Основы типологии интересов в праве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 1(39). С. 48–58. DOI 10.54217/2588-0136.224.39.1.006.

45. Першина И. В. Интерес в праве: автореф дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Першина Ирина Викторовна. Н. Новгород, 2002. 32 с.

46. Сальников В. П. Интересы и их роль в жизнедеятельности государства по международному сотрудничеству в борьбе с преступностью в контексте государственного суверенитета / В. П. Сальников, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 146–158.

47. Субочев В. В. Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. 2007. № 2. С. 27–31.

48. Хабибулин А. Г. Интересы государства и его охранно-защитная функция / А. Г. Хабибулин, Г. Т. Чернобель // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 18–27.

49. Экимов А. И. Правовые идеи и интересы: проблемы методологии // Интересы в праве. Житковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 25–26 марта 2016 г. М. : РУДН, 2017. С. 14–22.

50. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2024. 423 с.
51. Александрова О. Мировой порядок: ценности в праве // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. М. : Росконгресс, 2024. С. 26–29.
52. Бастрыкин А. И. Невыученные уроки второй мировой войны реалии неонацизма // XIII Петербургский международный юридический форум. М. : Росконгресс, 2025. С. 12–17.
53. Москалькова Т. Н. Миссия омбудсмена в многополярном мире // XIII Петербургский международный юридический форум. М. : Росконгресс, 2025. С. 18–21.
54. Становление международно-правового сотрудничества в сфере юстиции: опыт веков для прогресса будущего // XIII Петербургский международный юридический форум. М. : Росконгресс, 2025. С. 6–11.
55. Степашин С.В. Правовая поддержка СВО и жителей приграничья // XIII Петербургский международный юридический форум. М. : Росконгресс, 2025. С. 26–27.

References

1. Sal'nikov V. P. Princip suverenosti gosudarstvenno-pravovoj ideologii i filosofii prava / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zaharcev [i dr.] // Mir politiki i sociologii. 2019. № 9. S. 170–178. (In Russ.).
2. Bobrova N. A. A state without an ideology is nonsense // Mir politiki i sociologii. 2019;7: 24–33. (In Russ.).
3. Krizhanovskaya G. N. On the need for a State ideology // Mir politiki i sociologii. 2019;9: 34–40. (In Russ.).
4. Lazarev V. V. Ideological support of modern justice // Mir politiki i sociologii. 2019;4: 17–32. (In Russ.).
5. Ot redakcii. On the discussion sparked by the presentation article by V. V. Lazarev, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, "Ideological Support for Modern Justice" // Mir politiki i sociologii. 2019;9: 11–24. (In Russ.).
6. Habibulin A. G. Ideology is a fundamental factor in social development // Mir politiki i sociologii. 2019. № 6. S. 21–24. (In Russ.).
7. SHenshin V. M. Patriotism is the foundation of the state and legal ideology formed by the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation // Mir politiki i sociologii. 2019;11-12: 44–52. (In Russ.).
8. Bastyrykin A. Pravovaya zashchita nacional'nyh interesov rossijskoj Federacii v usloviyah transformacii miroporyadka // XII Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. M. : Roskongress, 2024. S. 14–18. (In Russ.).
9. Sal'nikov V. P. The Value Basis of Sovereignty (on the Question of a Sovereign State and Legal Ideology) / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zaharcev [i dr.] // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;11: 149–162. (In Russ.).
10. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M. : Mysl', 1990. 524 s. (In Russ.).
11. Boyanich Petar. Nasilie i messianizm / per. s fr. O. Volchek. Ekaterinburg; M. : Kabinetnyj uchenyj, 2018. 224 s. (In Russ.).
12. Ivanov Aleksej. Vladimir Putin: «Suverenitet – ochen' vazhnaya veshch'. On dolzhen byt' vnutri, v serdce». Available from: https://zavtra.ru/events/vladimir_putin_suverenitet_ochen_vazhnaya_vesh_on_dolzhen_bit_vnutri_v_serdtce (data obrashcheniya: 15.08.2025). (In Russ.).
13. Aleksandrova O. I. «Pravo dolzhno byt' sposobno sozdat' spravedlivyj mir» // XI Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. SPb. : Roskongress; Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii, 2023. S. 34–35. (In Russ.).
14. Mirzayan Gevorg. Suverenitet v prave // XI Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. SPb. : Roskongress; Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii, 2023. S. 6–10. (In Russ.).
15. Moskal'kova T. N. Aktual'nye problemy zashchity prav sootechestvennikov za rubezhom // XI Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. SPb. : Roskongress; Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii, 2023. S. 20–23. (In Russ.).
16. Stepashin S. V. Pravo i gumanitarnye cennosti kak opora v period turbulentnosti mirovoj politiki // XI Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. SPb. : Roskongress; Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii, 2023. S. 17–19. (In Russ.).
17. Vinogradova E. V. Sovereignty: State – Individual – State. The Russian Model / E. V. Vinogradova, S. I. Zaharcev // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021;1: 156–163. (In Russ.).
18. Volodina O. V. State Sovereignty in a Unipolar World / O. V. Volodina, G. N. Krizhanovskaya, I. V. Miroshnichenko // Teoriya gosudarstva i prava. 2024;3-1 (39): 57–64. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_3-1_39_57. (In Russ.).

19. Vorob'ev A. O. Public consensus as the foundation of state sovereignty: the value aspect // Vestnik Voennoj ordena ZHukova akademii vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. 2025;2: 5–11. (In Russ.).
20. Dobro, doverie, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoj mysli: antichnost' i sovremennost': monografiya / E. V. Vinogradova, A. O. Vorob'ev, I. N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : INFRA-M, 2025. 459 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2151906. (In Russ.).
21. ZHuk A. S. The value consensus of society as the foundation of a sovereign legal ideology / A. S. ZHuk, V. P. Sal'nikov // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;2: 163–170. (In Russ.).
22. Zaharcev S. I. Suverenost' rossijskoj pravovoj sistemy kak znachimoe svojstvo ee npravstvenno-aksiologicheskoy ocenki / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // Npravstvennost' i gumanizm v prave i kul'ture: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Sankt-Peterburg, 23 noyabrya 2022 g. SPb., 2024. S. 45–61. (In Russ.).
23. Ismagilov R. F. Filosofiya prava Rossii: teoreticheskie i duhovnye predposylki ee suverenosti: monografiya / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb. : Fond «Universitet», 2025. 552 s. (In Russ.).
24. Klimenko O. A. Main approaches to ensuring state sovereignty in the new legal reality of the first quarter of the 21st century / O. A. Klimenko, A. K. Mirzoev // Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki. 2015;10: 71–82. (In Russ.).
25. Sal'nikov V. P. Morality and State Sovereignty: Value and Social Aspects / V. P. Sal'nikov, K. G. Prokof'ev, V. N. CHajka // Teoriya gosudarstva i prava. 2024;2-1 (37): 205–212. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_205. (In Russ.).
26. Filosofsko-pravovoe poznanie: aktual'nye problemy: monografiya / E. V. Vinogradova, A. O. Vorob'ev, M. YU. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : INFRA-M, 2025. 418 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2152004. (In Russ.).
27. Finansovyj suverenitet i finansovaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i riski: monografiya / A. G. Habibulin, A. V. Anishchenko, V. N. Anishchenko [i dr.]; pod obshch. red. A. G. Habibulina. 2-e izd., rassh. i dopoln. M. : MGU im. M. V. Lomonosova. Vysshaya shkola gosudarstvennogo audita, 2023. 480 s. (In Russ.).
28. Habibulin A. G. Gosudarstvennaya ideologiya kak osnova suverenosti sovremennoj Rossii // Teoriya gosudarstva i prava. 2024. № 3-2(40). S. 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3-2_40_200. (In Russ.).
29. Chirkin V. E. Integration processes between states, constitutions, and state sovereignty // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019;3: 5–19. (In Russ.).
30. Bogatyr'ov D. K. Provincializaciya imperii. Ocherki istorii obrazovaniya v postsovetsoj Rossii / D. K. Bogatyr'ov, I. I. Dokuchaev. SPb. : RHGA, 2023. 236 s. (In Russ.).
31. Emelin S. M. Development of education: modern problems // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022;3: 31–38. (In Russ.).
32. Ochered'ko V. P. Characteristics and Problems of Higher Legal Education in Russia / V. P. Ochered'ko, V. P. Sal'nikov // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022;4: 11–20. (In Russ.).
33. Patrushev N. P. Does Russia need "universal" values? // Rossijskaya gazeta. 2020. 17 iyunya. (In Russ.).
34. Patrushev: It is advisable for Russia to abandon the Bologna system of education // Rossijskaya gazeta. 2022. 24 maya. (In Russ.).
35. Patrushev: Fundament russkogo obshchestva – sistema tradicionnyh cennostej. Available from: <https://rossaprimavera.ru/news/90f07c2> (data obrashcheniya: 15.08.2025). (In Russ.).
36. Putin nazval zashchitu tradicionnyh cennostej vazhnejshim uslovie suvereniteta. Available from: <https://tass.ru/politika/20632937> (data obrashcheniya: 15.08.2025). (In Russ.).
37. Putin called traditional values the foundation of Russian life // Vedomosti. 2024. 6 marta. (In Russ.).
38. Stepashin S. V. It's time to leave the Bologna educational process // Rossijskaya gazeta. Stolichnyj vypusk. 2022;57(8705). (In Russ.).
39. Zaharcev S. I. Theoretical and Methodological Foundations of Fyodor Dostoevsky's Philosophy of Law as an Ideologist of Pre-Eurasianism/ S. I. Zaharcev, D. V. Maslennikov, V. P. Sal'nikov // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 2. S. 17–24. (In Russ.).
40. Ismagilov R. F. Dostoevsky's Legal Philosophy and the Ideological Foundations of Russia's Sovereignty / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2021;1: 171–176. (In Russ.).
41. Sal'nikov V. P. Moral and Legal Aspects of Eurasianism in Russian Religious Philosophy / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, K. G. Prokof'ev [i dr.] // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024;11 (198): 65–69. (In Russ.).
42. Savenkov A. N. Filosofiya prava i stanovlenie rossijskogo gosudarstva-civilizacii: monografiya. M. : Nauka, 2024. 739 s. (In Russ.).

43. Andreev YU. N. Interesy v sovremennom rossijskom prave: teoriya i praktika: monografiya. M. : Prospekt, 2023. 496 s. (In Russ.).
44. Zavgorodnyaya A. A. Osnovy tipologii interesov v prave // Vestnik Moskovskoj akademii sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2024. № 1(39). S. 48–58. DOI 10.54217/2588-0136.224.39.1.006. (In Russ.).
45. Pershina I. V. Interes v prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Pershina Irina Viktorovna. N. Novgorod, 2002. 32 s. (In Russ.).
46. Sal'nikov V. P. Interests and their role in the state's activities in international cooperation in the fight against crime in the context of state sovereignty / V. P. Sal'nikov, O. A. Klimenko, A. K. Mirzoev [i dr.] // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016;9: 146–158. (In Russ.).
47. Subochev V. V. Legal Interests and Principles of Law: Aspects of Interrelation // Filosofiya prava. 2007;2: 27–31. (In Russ.).
48. Habibulin A. G. The interests of the state and its protective function / A. G. Habibulin, G. T. Chernobel' // Zhurnal rossijskogo prava. 2008;5: 18–27. (In Russ.).
49. Ekimov A. I. Pravovye idei i interesy: problemy metodologii // Interesy v prave. Zhitkovskie chteniya: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25–26 marta 2016 g. M. : RUDN, 2017. S. 14–22. (In Russ.).
50. Politiko-pravovoe upravlenie i ugrozy suverenitetu gosudarstva: Monografiya / M. YU. Gutman, S. I. Zaharcev, N. V. Zorina [i dr.]; pod obshch. red. d-ra jurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : INFRA-M, 2024. 423 s. (In Russ.).
51. Александрова О. Мировой порядок: ценности в праве // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. М. : Росконгресс, 2024. С. 26–29. (In Russ.).
52. Bastykin A. I. Nevyuchennye uroki vtoroj mirovoj vojny realii neonacizma // XIII Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. M. : Roskongress, 2025. S. 12–17. (In Russ.).
53. Moskal'kova T. N. Missiya ombudsmena v mnogopolyarnom mire // XIII Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. M. : Roskongress, 2025. S. 18–21. (In Russ.).
54. Stanovlenie mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva v sfere yusticii: opyt vekov dlya progressa budushchego // XIII Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. M. : Roskongress, 2025. S. 6–11. (In Russ.).
55. Stepashin S.V. Pravovaya podderzhka SVO i zhitel' prigranich'ya // XIII Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. M. : Roskongress, 2025. S. 26–27. (In Russ.).

Информация об авторах

А. О. Воробьев – Заместитель директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации

В. П. Сальников – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.09.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

A. O. Vorobyev – Deputy Director of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation – Commander-in-Chief of the National Guard Troops of the Russian Federation

V. P. Salnikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 03.09.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 34

НОРМЫ ПРАВА И НОРМЫ МОРАЛИ В СИСТЕМЕ РЕГУЛЯТОРОВ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Андрей Юрьевич Кийко

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

obr_kom@spvi.ru

Аннотация. Нормы права и морали тем отличаются от форм социального принуждения посредством насилия, что их регулирующее воздействие на поведение личности имеет ценностное основание, предполагающее достоинство свободной личности и суверенность государственности. Суверенной государственности России может соответствовать лишь позитивное правосознание ее граждан, которое основано на традициях национальной правовой культуры, укоренных в системе исторически сформировавшихся нравственно-правовых ценностях.

Ключевые слова: право, мораль, социальные регуляторы поведения личности, социальные нормы, суверенитет, Росгвардия

Для цитирования: Кийко А.Ю. Нормы права и нормы морали в системе регуляторов поведения личности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 14–21. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/002.pdf>.

Original article

LEGAL NORMS AND MORAL NORMS IN THE SYSTEM OF REGULATORS OF INDIVIDUAL BEHAVIOR

Andrey Yu. Kiiko

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

obr_kom@spvi.ru

Abstract. Legal and moral norms differ from forms of social coercion through violence in that their regulatory impact on individual behavior has a value basis that presupposes the dignity of a free individual and the sovereignty of statehood. Only the positive legal consciousness of its citizens, which is based on the traditions of the national legal culture, rooted in the system of historically formed moral and legal values, can correspond to the sovereign statehood of Russia.

Keywords: law, morality, social regulators of individual behavior, social norms, sovereignty, Rosgvardia

For citation: Kiiko A.Yu. Legal norms and moral norms in the system of regulators of individual behavior. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 14–21. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/002.pdf>.

© Кийко А. Ю., 2025

Введение

Тема соотношения правовых и моральных норм – традиционная для юридических наук. Каждый крупный мыслитель, классик теории и философии права оставил свой след в ее осмыслении. И вместе с тем это – тема, постоянно сохраняющая свою актуальность. Ведь человек, общество, государство пребывают в процессе постоянного изменения, а значит, с каждой новой исторической эпохой изменяются способы взаимодействия норм, обеспечивающих регулирование и саморегулирование социального поведения личности.

Более того, не остаются стабильными и сами эти нормы. То, что считалось нравственным три тысячи лет назад, сегодня таковым не может быть признано. И наоборот, мы видим, как в недружественных России государствах правящие круги стремятся за счет агрессивной пропаганды, а то и путем юридического или прямого силового давления, объявить некоей «новой нормальностью» антиценности, закрепляющие очередные ступени нравственного разложения общества, и, наоборот, ниспровергнуть традиционные ценности, сформированные предшествующими по-

колениями западной цивилизации [3; 4; 14; 15; 21].

Основные положения

Подобная историческая трансформация морально-правовых ценностей может быть естественной, т.е. обусловленной самим историческим развитием общества, или насильственной, ставшей следствием приоритета идеологии над процессами саморегулирования общественного развития. В любом случае трансформация ценностей делает для нас очевидной относительность моральных и правовых норм и тем самым проблематизирует вопрос об эффективности и действенности социальных регуляторов, основанных на этих нормах.

Проблема здесь заключается в том, что моральные и правовые нормы, взятые как нормы относительные, неизбежно теряют свое ценностное основание. А ведь только благодаря этому основанию они могут действовать именно как моральные и правовые регуляторы, не утратив своих специфических качеств, имеющих аксиологическую природу. Эта специфика состоит в том, что данные регуляторы не могут опираться на силу принуждения: для моральных регуляторов это полностью исключено; правовые же регуляторы, хотя и включают в себя механизмы принуждения, не могут опираться исключительно на силу.

Условие действенности правовых регуляторов обязательно должно включать в себя и ценностную составляющую, обеспечивающую правомерные действия человека посредством авторитета, убеждения, формирования позитивной правовой культуры. Иначе правовые регуляторы ничем не будут отличаться от силы принуждения, а их объект потеряет качества свободной личности. Право же в своем полном развитии и истинном существовании представляет собой систему регуляции поведения именно свободной личности. «Право – математика свободы», по определению В. С. Нерсисянца [11].

Человек подчиняется нормам морали и нормам права не в силу принуждения, а потому что он признает для себя это должным и правильным. Поэтому он обязательно должен усматривать в основании этих норм нечто, превосходящее его относительное бытие, нечто высшее по отношению к нему, т.е. нечто абсолютное, более значимое, чем сама его жизнь [20]. В противном случае заставить его следовать этим нормам можно будет только путем насилия, но это означает полное отрица-

ние и права, и тем более морали. По крайней мере, это означает отрицание их регулирующих возможностей, которое основано прежде всего на духовной природе права и на свободе воли человека: «Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» [2, С. 67].

Если человек признает морально-правовые нормы несущими содержание, превосходящее его сиюминутные интересы, а в ряде случаев и более значимое, чем жизнь, являющаяся непосредственной ценностью для человека, и если человек принимает требования этих норм в качестве императива своего поведения, то значит, что эти нормы также выступают для него как ценности. Причем как ценности абсолютные, раз они выступают чем-то высшим по отношению к его частным интересам. Свободный человек, вообще, всегда будет готов подчиниться действию лишь тех регулирующих норм, ценность которых он признает абсолютной, а потому охватывающей также и его личностное бытие, являющихся его собственными, личными ценностями [8].

Это свойство абсолютной гармонии мироздания в отношении ценностного мира человека глубоко раскрыл Ф. М. Достоевский, показав, что «жизнь человека только тогда является бытием, когда суть ее составляет свобода. Противоположное понимание свободы, а именно: как своеволия, а не как внутренней гармонии личности и бытия порядка, не как права, имеет своим результатом признание бессмысленности самого бытия» [16, С. 223].

Таким образом, решение принципиально важного для теории права вопроса об источнике действенности моральных и правовых регуляторов поведения личности зависит от нашего подхода к более общей проблеме философского характера – к проблеме отношения абсолютного и относительного в области этики и права [17, С. 32–34]. Эту проблему нельзя решить просто, что называется с наскока, объявив некоторые признанные морально-правовые ценности абсолютными, даже ссылаясь на авторитет религии. Ведь сам этот авторитет не может быть абсолютным, поскольку всегда найдутся люди, которые

не признают его, для которых утверждаемая авторитетом религии система ценностей, возможно, и будет иметь какое-то значение, но опять-таки лишь относительное значение. И проблема, таким образом, будет воспроизводиться уже на новом уровне.

Но этот вопрос о соотношении абсолютного и относительного в системе норм морали и права вовсе не может быть окончательно решенным, решенным раз и навсегда, пусть даже речь идет о самом глубоком, авторитетном и всеми признанном этико-правовом учении именно в силу изменчивости общественных представлений о должном с моральной или правовой точки зрения. Каждое новое поколение должно решать для себя этот вопрос заново. Точно так же, как и в общественном сознании любого народа должно быть заложено его решение вопроса о сущности добра и зла, об их различии [18, С. 179–192]. Не существует и не может существовать какой-то абсолютной морали и вечных правовых норм, которые бы возвышались над представлениями о морально допустимом у людей сегодняшнего дня или у людей иных исторических эпох, у представителей разных культур и разных народов. Ведь в таком случае люди должны были бы признать эти всеобщие нормы в ущерб тому, что является для них ценным в сегодняшний день и в ущерб тому, что объединяет их общество. Но такого в истории не происходило никогда.

Это противоречие удачно выразил Ганс Кельзен: «...действие права допускается в пределах, в которых право имеет моральное обоснование. Истинным значением этого утверждения будет то, что необходимо предположить действие некоей единственной, абсолютной морали – иными словами, абсолютной моральной ценности... Однако ввиду бесконечного разнообразия того, что люди в разные периоды истории и в разных обществах на самом деле считают добром и злом, справедливым и несправедливым, будет невозможно установить некий конкретный элемент, который был бы общим для содержания различных моральных порядков» [9, С. 109–110].

Вместе с тем мораль и право не могут оставаться и чем-то относительным, изменчивым во времени. Ведь в таком случае вместе с началом абсолютного они потеряют и тот естественный регулятор, который несет в себе ценностное начало.

Выйти из этого противоречия можно, лишь актуализируя на философско-

правовом уровне диалектику всеобщего и единичного, абсолютного и относительно-го, лежащую в основе принципов регулирования и саморегулирования социального поведения личности. Философия права «... должна показать, как всеобщее единство раскрывает в себе определенность права и правового сознания. Она должна суметь спроецировать заключенные во всеобщей гармонии бытия начала права в исторические формы развития человека, общества и государства» [5, С. 6–7].

Эту проблему и пыталась решить, и шаг за шагом решала, классическая философия права, начиная с Платона, который указал на то, что социальные отношения делает справедливым их причастность идее абсолютного добра. Аристотель обосновал мысль о том, что государство является не просто средством для достижения прагматичных целей социального регулирования, но и выражением высшей нравственной идеи [6, С. 164–175]. Христианская мысль, развивая учение о том, что высшая гармония мира имеет нравственную природу, соотносит эту гармонию с внутренним миром человека, с его свободой [7, С. 44–60]. Исходя из таким образом понятой идеи свободы, классики немецкого идеализма рубежа XVIII–XIX вв. сформировали несколько моделей философско-правовых учений, на которые потом опирались представители русской философско-правовой мысли. Эту линию развития представлений о праве в истории мировой науки современные ученые предлагают положить в основание суверенной философии права России как ментального фундамента суверенности российского государства [22, С. 196–210].

Сегодня задача укрепления государственного суверенитета России является самой актуальной для нашей страны. В интервью журналисту ВГТРК Павлу Зарубину 13 июля 2025 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин указывал, что Россия не может существовать, не будучи суверенной: «Просто мы по-другому жить не можем, Россия будет либо независимой и суверенной, либо ее не будет вообще»¹. Исключительный характер актуальности суверенитета именно на современном этапе эволюции Российского государства

¹ Путин заявил, что Россия будет существовать только суверенной. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/07/13/26260046.shtml>.

связан с комплексом угроз для него, обострившихся в последние годы [13, С. 231–336]. Ситуация усугубляется и тем, что деградация суверенитета как социально-политического института, имевшая место в 1990-е годы, до сих пор еще не преодолена в полной мере.

Частичная утрата Россией своего суверенитета в 1990-е годы крайне болезненно сказалась на состоянии гражданского общества и личности, ввергнув страну в глубокий социальный и нравственный кризис, проявившийся в массовой десоциализации, деформации общественного и индивидуального правосознания, росте преступности, угасании чувства патриотизма. И напротив, восстановление и укрепление суверенитета нашего государства, осуществляющееся под руководством Президента Российской Федерации В. В. Путина, стимулировало процессы постепенного нравственного оздоровления общества. Конституционная реформа 2020 года зафиксировала отказ от норм, ограничивающих суверенитет России, но одновременно она же означала и фактическое усиление ценностной составляющей системы российского права. В итоге этой реформы не только нравственно-правовые ценности получили высокую степень защиты на конституционном уровне, но и, по свидетельству юристов и философов права, возрос аксиологический потенциал самого права [19, С. 227–337].

Лишь только начав эту работу по восстановлению суверенитета, мы столкнулись с неприкрытой (или почти неприкрытой) агрессией коллективного Запада, для которого приемлема только слабая, зависимая Россия, или же вовсе – территория, свободная от какой-либо суверенной государственности. Противодействие этому осуществляется под руководством В. В. Путина прежде всего на военнополитическом уровне в рамках Специальной военной операции; на экономическом уровне – в процессе противодействия санкциям, в процессе формирования автономной экономической системы страны и в процессе выстраивания взаимовыгодных торгово-экономических отношений с дружественными государствами в рамках БРИКС, ШОС, а также на основе двусторонних договоров; в международном плане – это всяческая поддержка развития многополярного мира, который и должен быть реальным способом существования суверенных государств.

Но главным условием воспроизводства истинного суверенитета страны, конечно, являются люди, ее граждане. Им должна быть в полной мере свойственна способность к суверенному мышлению, критически относящемуся к навязываемым извне идеалам и способам мирозерцания, но при этом – и готовность к восприятию всего ценного, что накопил опыт других стран. Однако прежде всего суверенное мышление должно опираться на национальные традиции, на исторически сложившийся комплекс идеалов и ценностей [23; 24; 25]. Поскольку речь в данном случае идет о мышлении, которое должно реализовать себя в практике воспроизводства суверенитета как социально-политического, политико-правового и духовно-нравственного феномена, постольку первостепенное значение имеет содержание мышления, формируемое нравственно-правовыми ценностями. Это содержание закрепляется в формах позитивного и суверенного правосознания и в национальных традициях правовой культуры.

Традиционные нравственно-правовые ценности – действительная основа суверенного правосознания человека и общества в России. Об этом также говорил В. В. Путин, выступая на заседании Государственного совета 10 июня 2025 года: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, которые закладывались нашими предками в течение столетий. Они в основе нашей цивилизации и идентичности, служат опорой в жизни человека и семьи, формируют культуру, суверенное мировоззрение, устойчивое к попыткам навязать нам чужую волю»².

Хранителем духовно-нравственных ценностей нашего народа на протяжении веков была Русская Православная Церковь, другие традиционные для нашей страны религиозные сообщества. Не случайно руководство Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации уделяет особое внимание взаимодействию с духовенством по вопросам патриотического и духовно-нравственного воспитания личного состава [12]. Специальная военная операция продемонстрировала всю безальтернативность данной работы, направленной на укрепление пат-

² Путин: суверенитет России напрямую связан с традиционными ценностями // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250610/putin-2022058355.html>.

риотического сознания личного состава Росгвардии, на воспитание его в духе уважения к моральным ценностям и основам правовой культуры нашей Родины. Закрепить соответствующую практику призвано соглашение о сотрудничестве, которое было подписано Директором Росгвардии генералом армии В. В. Золотовым и Предстоятелем Русской Православной Церкви Святейшим патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Согласно этому документу, Церковь будет систематически заниматься духовным воспитанием росгвардейцев и их семей, а Росгвардия обязуется охранять храмы и мероприятия с участием священнослужителей, содействовать духовному служению Церкви в зоне Специальной военной операции [10, С. 103].

Отмеченное выше свидетельствует о наличии в институте социализации личности не только права и морали, но и других социальных правил, в частности, религиозных таинств, а также корпоративных регуляторов, традиций, обычаев и т. д. В философско-правовых исследованиях данная реальность определяется как синкретизм современной правовой культуры. В частности отмечается, что синкретизм правовой культуры означает «взаимозависимость

требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [1, С. 12]. Вместе с тем праву и морали в системе регулирования поведения личности принадлежит все-таки ведущая роль.

Заключение

В российской истории последних десятилетий наглядно раскрывается внутреннее единство государственного суверенитета и духовно-нравственных ценностей народа. Ценностное измерение государственного суверенитета определяет легитимность государственной власти, оно обеспечивает эффективность государственного механизма и действие права как нормативно-ценностного регулятора поведения личности. Поэтому традиционные нравственно-правовые ценности должны быть положены в основу моральных и правовых норм. Только в этом случае моральные и правовые нормы будут выступать регуляторами такого поведения наших граждан, которое соответствовало бы условиям существования суверенного Российского государства, его духовно-нравственным идеалам и его всемирно-историческому предназначению.

Список источников

1. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Галиев Фарит Хатипович. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. 55 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
3. Жданов П. С. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права / П. С. Жданов, С. П. Сальников, В. Б. Романовская [и др.] // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 90–98.
4. Жуков В. Н. Россия и Запад: ценности, политика, право: Монография. М. : Юнити-Дана, 2025. 840 с.
5. Захарцев С. И. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2024. 376 с. DOI 10.12737/2134199.
6. Захарцев С. И. Становление логоса права в античной философии / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2018. № 3–4. С. 164–176.
7. Зорина Н. В. Идея свободы в христианской патристике и ее влияние на классическую философию права / Н. В. Зорина, В. П. Сальников, Д. В. Масленников // Теория государства и права. 2025. № 2 (43). С. 44–61.
8. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / под ред. д-ра юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
9. Кельзен Г. Очерки по философии прав и морали. СПб. : Алеф-Пресс, 2024. 291 с.

10. Кийко А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. 2024. № 4 (41). С. 102–113.
11. Нерсисянц В. С. Право – математика свободы: Опыт прошлого и перспективы. М. : Юрист, 1996. 157 с.
12. Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа: коллективная монография / под ред. А. Ю. Кийко, с предисловием В. П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. 369 с.
13. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2024. 423 с. (Научная мысль).
14. Сальников В. П. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? / В. П. Сальников, В. Б. Романовская // Мир политики и социологии. 2014. № 11. С. 11–15.
15. Сальников В. П. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна / В. П. Сальников, В. Б. Романовская, В. И. Цыганов // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 193–202.
16. Сальников В. П. Идея Бога в творчестве Ф. М. Достоевского / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, И. В. Бердников // Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна: коллективная монография / под общ. ред. Д. В. Масленникова; Д. К. Богатырев, Л. В. Богатырева, Е. В. Бильченко [и др.]. СПб. : РХГА, 2023. С. 220–259. в кн. 682 с.
17. Сальников В. П. Институты права в идее абсолютного добра / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, М. В. Сальников // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф. М. Раянов. Уфа: БашГУ, 2018. С. 32–40. В сб. 332 с.
18. Сальников В. П. К вопросу о философских и богословских предпосылках понимания права как формы различения добра и зла / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 10. С. 179–193.
19. Сальников В. П. Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 227–238. В сб. 310 с.
20. Сальников В. П. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей / В. П. Сальников, М. В. Сальников // Юридическая мысль. 2014. № 4(84). С. 70–86.
21. Сальников В. П. Преодоление Европы: философско-правовое эссе / В. П. Сальников, М. А. Груздева // Мир политики и социологии. 2015. № 8. С. 11–22.
22. Сальников В. П. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников [и др.] // Теория государства и права. 2024. № 3 (38). С. 196–211.
23. Сальников М. В. Геополитические, экономические и социокультурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 47–66.
24. Сальников М. В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 183–199.
25. Сальников М. В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. 203 с.

References

1. Galiev F.Kh. Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical-methodological and historical-applied research: author's abstract. dis. ... doctor of law: 12.00.01 / Galiev Farit Khatipovich.

- Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2014. 55 p. (In Russ.).
2. Hegel G. V. F. Philosophy of Law. Moscow: Mysl, 1990. 524 p. (In Russ.).
 3. Zhdanov P. S. From humanism to immoralism, from natural rights to unnatural rights: change in the value foundations of Western law / P. S. Zhdanov, S. P. Salnikov, V. B. Romanovskaya [and others] // The World of Politics and Sociology. 2015;11: 90–98. (In Russ.).
 4. Zhukov V. N. Russia and the West: Values, Politics, Law: Monograph. Moscow: Unity-Dana, 2025. 840 p. (In Russ.).
 5. Zakhartsev S. I. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law / S. I. Zakhartsev, D. V. Maslennikov, V. P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p. DOI 10.12737/2134199. (In Russ.).
 6. Zakhartsev S. I. Formation of the Logos of Law in Ancient Philosophy / S. I. Zakhartsev, D. V. Maslennikov, V. P. Salnikov // The World of Politics and Sociology. 2018;3–4: 164–176. (In Russ.).
 7. Zorina N. V. The Idea of Freedom in Christian Patristics and Its Influence on Classical Philosophy of Law / N. V. Zorina, V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov // Theory of State and Law. 2025; 2 (43): 44–61. (In Russ.).
 8. The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical and Postclassical Philosophy of Law): Monograph / Ed. by Dr. of Law S. I. Zakhartsev; I. A. Ananskikh, I. N. Gribov, S. I. Zakhartsev [et al.]. Moscow: Yurлитinform, 2020. 288 p. (In Russ.).
 9. Kelsen G. Essays on the Philosophy of Rights and Morals. St. Petersburg. : Alef-Press, 2024. 291 p. (In Russ.).
 10. Kiyko A. Yu. The Role of the Russian Orthodox Church in the Spiritual and Moral Education of the Personnel of the National Guard Troops / A Yu. Kiyko, K. G. Prokofiev, V. M. Shenshin // Theory of State and Law. 2024;4 (41): 102–113. (In Russ.).
 11. Nersesyants V. S. Law is the Mathematics of Freedom: Experience of the Past and Prospects. Moscow: Jurist, 1996. 157 p. (In Russ.).
 12. Patriotic Education of Students in Cadet Corps, Suvorov Schools and Military Institutes of the Russian Federation as a Subject of Comprehensive Analysis: Collective Monograph / Ed. A. Yu. Kiyko, with a foreword by V. P. Salnikov. St. Petersburg.: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2023. 369 p. (In Russ.).
 13. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / M. Yu. Gutman, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V. P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific thought). (In Russ.).
 14. Salnikov V. P. “Orient” or “oxident”: which way does the Russian eagle look? / V. P. Salnikov, V. B. Romanovskaya // The World of Politics and Sociology. 2014; 11: 11–15. (In Russ.).
 15. Salnikov V. P. Western civilization and the threat of the blue international: political and legal aggression of the postmodern period / V. P. Salnikov, V. B. Romanovskaya, V. I. Tsyganov // The world of politics and sociology. 2015;9: 193–202. (In Russ.).
 16. Salnikov V. P. The Idea of God in the Works of F. M. Dostoevsky / V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov, I. V. Berdnikov // The Idea of God and the Image of Theology in the Philosophical Discourses of Mature Modernism and Postmodernism: Collective Monograph / Under the general editorship of D. V. Maslennikov; D. K. Bogatyrev, L. V. Bogatyreva, E. V. Bilchenko [and others]. SPb.: RHGA, 2023: 220–259. in the book. 682 p. (In Russ.).
 17. Salnikov V. P. Institutions of Law in the Idea of Absolute Good / V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov, M. V. Salnikov // State and Legal Institutions of Modern Society: Collection of Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Republic of Bashkortostan (Ufa, December 14, 2018) / Ed. F. M. Rayanov. Ufa: BashSU, 2018: 32–40. In the collection. 332 p. (In Russ.).
 18. Salnikov V. P. On the Issue of Philosophical and Theological Prerequisites for Understanding Law as a Form of Distinguishing Good and Evil / V. P. Salnikov, R. F. Ismagilov, D. V. Maslennikov [et al.] // Legal Science: History and Modernity. 2020;10: 179–193. (In Russ.).
 19. Salnikov V. P. Constitutional reform as an implementation of the value consensus of society / V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [et al.] // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials from the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N. V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021: 227–238. Collected papers. 310 p. (In Russ.).

20. Salnikov V. P. Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values / V. P. Salnikov, M. V. Salnikov // Legal thought. 2014;4(84): 70–86. (In Russ.).
21. Salnikov V. P. Overcoming Europe: a philosophical and legal essay / V. P. Salnikov, M. L. Gruzdeva // The World of Politics and Sociology. 2015;8: 11–22. (In Russ.).
22. Salnikov V. P. Theoretical and spiritual-moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia / V. P. Salnikov, R. F. Ismagilov, D. V. Maslennikov [et al.] // Theory of State and Law. 2024;3 (38): 196–211. (In Russ.).
23. Salnikov M. V. Geopolitical, economic and socio-cultural factors in the context of the formation and dynamics of the development of the national political and legal tradition in Russia // Legal field of the modern economy. 2012;11: 47–66. (In Russ.).
24. Salnikov M. V. Political and legal integration: national legal traditions // The world of politics and sociology. 2013;11: 183–199. (In Russ.).
25. Salnikov M. V. Political and legal tradition of Russia: genesis and evolution: Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 203 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Ю. Кийко – кандидат юридических наук,
доцент

Статья поступила в редакцию 03.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

A. Yu. Kiiko – Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

The article was submitted 03.09.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 34

**ИДЕЯ АБСОЛЮТНОГО ДОБРА КАК ОСНОВАНИЕ СУВЕРЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА РОССИИ
(НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ)****Алексей Иванович Александров¹, Дмитрий Кириллович Богатырев², Анисим Иванович Экимов³**¹ Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия² Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия³ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия¹ Aleksandrov@council.gov.ru² rector@rhga.ru³ rospravo@mail.ru

Аннотация. Анализируется коллективная монография «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность», изданная в 2025 году. Показана актуальность и новизна исследования, широкий охват теоретически важных проблем истории философско-правовых учений, глубина понимания связи классической философской проблематики природы мышления и нравственного сознания человека с актуальными вопросами обеспечения государственного суверенитета России.

Ключевые слова: философия права, идея добра, свобода, справедливость, мышление, государство, право

Для цитирования: Александров А.И., Богатырев Д.К., Экимов А.И. Идея абсолютного добра как основание суверенной философии права России (некоторые размышления в связи с выходом коллективной монографии) // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 22–31. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/003.pdf>.

Original article

**THE IDEA OF ABSOLUTE GOODNESS AS THE BASIS OF THE SOVEREIGN PHILOSOPHY OF RUSSIAN LAW
(SOME REFLECTIONS IN CONNECTION WITH THE PUBLICATION OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH)****Alexey I. Alexandrov¹, Dmitry K. Bogatyrev², Anisim I. Ekimov³**¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia² F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, Saint-Petersburg, Russia³ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia¹ Aleksandrov@council.gov.ru² rector@rhga.ru³ rospravo@mail.ru

Abstract. The collective monograph "Goodness, trust, justice, freedom in philosophical and legal thought" is analyzed.: Antiquity and Modernity", published in 2025. The relevance and novelty of the research, the wide coverage of theoretically important problems of the history of philosophical and legal doctrines, the depth of understanding of the connection between the classical philosophical problems of the nature of human thinking and moral consciousness with the urgent issues of ensuring the state sovereignty of Russia are shown.

Keywords: philosophy of law, idea of goodness, freedom, justice, thinking, state, law

For citation: Alexandrov A.I., Bogatyrev D.K., Ekimov A.I. The idea of absolute goodness as the basis of the sovereign philosophy of Russian law (some reflections in connection with the publication of the collective monograph). Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 22–31. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/003.pdf>.

© Александров А.И., Богатырев Д.К., Экимов А.И., 2025

Введение

Сегодня общепризнанной и часто повторяемой стала мысль о том, что основанием истинного суверенитета государства должен быть суверенитет философской мысли и прежде всего – философско-правовой мысли. Но не следует забывать, что еще в начале 2010-х гг. одними из первых с идеей суверенной философии права России выступили ученые, принадлежащие к научной школе профессора В. П. Сальникова, объединившей видных правоведов и философов Санкт-Петербурга [1, С. 22–30; 2, С. 14–18]. Последующие годы были временем работы в этом направлении, результатом которой стали многочисленные статьи, выступления на научных конференциях, монографии [3, 4, 5]. Они отражали различные подходы к решению этой проблемы, высвечивали ее отдельные аспекты в диапазоне от прикладных вопросов правоприменения и до отвлеченных метафизических рефлексий.

При этом речь вовсе не шла о специальной разработке какой-либо единой концепции. Скорее, развивался естественный процесс научного сотрудничества, вектор которого задавался обобщающими и ориентирующими работами главы научной школы. В числе таких работ следует назвать фундаментальный труд, подготовленный В. П. Сальниковым совместно с профессором Д. В. Масленниковым и профессором С. И. Захарцевым, «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права» [6]. Эта работа заложила теоретико-методологический фундамент для развития суверенной философско-правовой традиции России. Ключевые положения, заложенные в этой монографии, были позднее детализированы научном труде профессора В. П. Сальникова и профессора А. И. Бастрыкина, посвященном влиянию идеи добра, как стержневого элементе творчества русского писателя Ф. М. Достоевского на эволюцию философии права в России [7], и в совсем недавно вышедшей в свет книге «Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности» [8], где соавтором выступал профессор Р. Ф. Исмагилов.

Основные положения

Рецензируемое издание – коллективную монографию «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность» [9] – можно рассматривать как своего рода

критического опыт осмысления учеными Санкт-Петербурга и Москвы, других городов России, основных идей, высказанных в этих работах, а также как опыт их творческой переработки. Работа построена как комплекс очерков, посвященных истории отражения и преломления в юридической мысли базовых этико-правовых понятий добра, доверия, справедливости, свободы. Эти понятия, впрочем, трактуются в книге достаточно широко, по сути, как понятия онтологического характера. Такой подход вытекает из самой авторской концепции, из авторского понимания того, какой должна быть форма суверенной философии права России и какими должны быть ее содержательные источники.

Основные контуры этой концепции определены во Введении к рецензируемой монографии [9, С. 6–10], написанном В. П. Сальниковым и Д. В. Масленниковым, и последовательно раскрыты в ее основном тексте. Содержание авторской концепции перекикается с постановкой задач, обозначенных академиком Российской академии наук А. Н. Савенковым для современных философско-правовых исследований: «Весь объем целей и задач русской философии права, решаемых в интеллектуальном поле России, относится к возможностям изучения не только русского философско-правового учения и наследия, но и обязывает к сравнительным исследованиям их диалога с другими зарубежными теориями и течениями в области философии права. Сюда входит изучение взаимного влияния философии права определенных зарубежных школ, взглядов ученых на проблемы мировой философии права» [10, С. 71].

Говоря о том, что не может быть понастоящему суверенным государство, правовая система которого строится на заимствованных идеях, авторы рецензируемой монографии призывают прежде всего опираться на традиции классической правовой мысли. И в этом нет противоречия. Ведь речь не идет о готовых идеях, выводах, взятых из научных систем прошлого, которые можно чисто механически сложить в новую теоретическую конструкцию. Скорее, нужно говорить об актуализации самого опыта мышления всеобщих оснований права, о выработке стиля, характера, определенности мышления, т. е. обо всех тех его определениях, которые суммируются в понятие метода, если только понимать последний не как внешнюю методологию, а как «внутреннюю форму»

мышления (в аристотелевском понимании формы).

Такой опыт для авторов виделся не в какой-либо отдельной исторической системе и даже не в их совокупности, а в единой логике связи первопринципов бытия с онтологическими основаниями правовой жизни. Эту логику предстоит выявить во внутренней взаимосвязи исторически выступавших философских систем от Парменида до Гегеля и спроецировать на решение задачи определения фундаментальной природы права: «...является ли право само по себе некоторой сущностью, заложенной в первоосновах бытия и каким-то образом транслируемой человеку, или же право является продуктом деятельности разума, результатом применения познавательной способности, в равной мере присущей каждому человеку, или же право можно понять, проанализировав особенности психологии человека, или же право является фикцией, всего лишь внешней формой для государственного произвола? Следующим шагом должно стать исследование гносеологических оснований отношения человека к праву. А именно: как человек может познать эту правовую субстанцию и каким образом это знание транслируется в акт воли» [9, С. 6–7].

Такого рода философско-правовое мышление, сформированное всем процессом исторического развития философии, является, по мысли авторов, уже не столько выражением культуры ее творцов – греков, римлян, англичан, французов, немцев и др. – сколько универсальным способом теоретического выражения первооснов бытия. Идея в целом здравая, хотя, как представляется, остается открытым вопрос, почему авторы монографии видят пределы классической философии права именно в немецком идеализме рубежа XVIII – XIX вв. и где проходит та идейная грань, которая создает столь важный для их концепции водораздел между классической и постклассической философией права? Утверждение авторов монографии о том, что идеи представителей постклассической философии права (а это ведь и Г. Кельзен, и Г. Радбрух, и Г. Харт, и Р. Дворкин, и Дж. Ролз, и многие другие глубокие мыслители XX столетия) должны только приниматься во внимание при разработке суверенной философии права, по меньшей мере, нуждается в своей конкретизации и детальном пояснении.

Авторы монографии выделяют два ключевых теоретических источника суверенной

русской философии права. К первому они относят классическую западную философию по линии «от Парменида до Гегеля». Второй теоретической базой, по мнению ученых, выступают труды русских философов права XIX–XX вв. Выдвинутые и обоснованные ими идеи помогли переосмыслить классические подходы и адаптировать выработанную методологию для формулирования нравственно-правовых идеалов России. Ее они рассматривают как первый этап в переосмыслении классической философии права и в адаптации ее наследия для теоретического выражения нравственно-правовых ценностей России: «Именно классики русской философии права сумели на языке, понятном современному читателю, раскрыть смысл того единства абсолютного и личного начал в человеке, которое заключено в свободе как в его высшем определении (свобода как высший дара Бога человеку). Синергия классической философии, дающей методологические средства для теоретического выражения таким образом понимаемой свободы, в русской философии права формирует исходную точку построения национальной суверенной философии права: развитие понятия права из идеи абсолютного единства бытия, которое понято как абсолютное добро, отраженное в положительной свободе человека» [9, С. 362]. Новый этап в становлении русской философии права должна составить творческая деятельность уже современных российских ученых [11, С. 196–211].

Чтобы эта деятельность была целенаправленной и продуктивной, философия права должна выдвинуть в качестве ориентира какую-то определяющую идею, высказав ее как некое «слово», которое кристаллизовало бы вокруг себя соответствующий понятийный дискурс. Такое «слово» для философско-правовой школы В. П. Сальникова связано с категорией абсолютного добра [12; 13]. Именно эта категория является начальной в наименовании монографии (кстати заметить, несколько тяжеловесном).

Понятие абсолютного добра является связующим звеном в истории классической философско-правовой мысли. Оно синтезирует идею абсолютного единства мироздания (что составляет собственно философский аспект предмета метафизики права) и идею блага [14; 15; 16, С. 29–37; 17; 18], из которой, в свою очередь, дедуцируются идеи справедливости и свободы, составляющие понятийную базу как

этики, так и права [19; 20; 21; 22; 23]. В разных вариантах идею абсолютного добра, как исходное начало для понимания сути права и государства, выражали такие разные, в существенных моментах своих учений даже противоположные, мыслители, как Платон и Аристотель, Гоббс и Спиноза, Кант и Гегель. С глубинными основаниями русского миропонимания идею абсолютного добра соотносили такие философы как В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, Л. П. Карсавин, которые из этой идеи выводили первичные определения права и государства (достаточно только вспомнить соловьевское определение права как «минимума добра»).

Развитию базовых философско-правовых категорий посвящены первые шесть глав монографии, в которых выстраивается основная авторская концепция. Идея абсолютного добра понимается прежде всего как объективная идея, не являющаяся продуктом какого-либо социального консенсуса или исторической эволюции. Авторы это обосновывают посредством ряда оригинальных рассуждений методом «от противного»: если бы идея абсолютного добра была делом рук человеческих, то производное от него право свелось бы к насилию, несовместимому с человеческим достоинством, но в таком случае оно уже не могло бы называться правом [9, С. 6–7].

Таким образом, сама идея добра и, соответственно, производное от него право трактуются как то, что осознается человеком в качестве абсолютного и объективного начала, следование которому составляет для человека истинную добродетель. В конечном итоге право приобретает свою действенность не благодаря насилию или манипулятивному подавлению воли человека, а в силу осознания человеком объективности этих неподвластных его воле начал и в силу свободного доверия к тем требованиям, которые эти начала предписывают его воле. Здесь авторы обращаются ко второй стороне абсолютного – к моменту его субъективности (абсолютное есть единство субъективного и объективного), который они обоснованно связывают с идеей свободы.

Понятие права как «эманации» идеи абсолютного добра авторы монографии исследуют на материале античной философии, понятие же права как воплощения свободы человека – на материале патристической философии [9, С. 29–36]. При этом в книге обращается внимание на то,

что для суверенной философии права России органичным будет не стоическое понимание свободы как «произвола», как «свободы от...». Такое понимание легло в основу новоевропейской концепции Гоббса-Локка и последующих либеральных доктрин. Авторы подчеркивают противоположное этой трактовке христианское понимание свободы как высшего дара Бога человеку [9, С. 303, 362]. Это понимание в философском плане концентрировало в себе объективную идею абсолютного добра в сферу человеческой субъективности, указывало на необходимость человеческой личности для полноценного существования абсолютного блага и на то, что это абсолютное благо является не чем-то чуждым и внешним для человека, но прежде всего – его собственным бытием, его высшей целью, которая есть сама жизнь. Предлагаемый в коллективной монографии подход к пониманию идеи свободы в христианской патристике авторы последовательно проводят и в других своих публикациях (см., например, [24]).

Философскую интерпретацию такого понимания авторы монографии связывают с немецким идеализмом, с философией права И. Канта [9, С. 82–101], с философией права И. Г. Фихте [9, С. 113] и с философией права Г. В. Ф. Гегеля [9, С. 114–160]. Но также и с учением Ф. М. Достоевского [9, С. 224–288], которое они вслед за П. И. Новгородцевым определяют как идейный источник русской философии права: «Мысль об абсолютности Добра, о его единстве и единственности, развитая и обоснованная Достоевским, обеспечивает аксиологию права и государства» [9, С. 363]. Внимательное отношение в этом контексте к творчеству Ф. М. Достоевского как философа права представляется совершенно необходимым и оправданным. Оно также свидетельствует о последовательности подходов авторов коллективной монографии к постоянству своих научных устремлений [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35].

Благодаря этому ходу мысли авторы монографии делают допустимой для своей концепции и более привычную философско-правовому мышлению нашего времени (привычную, в основном, благодаря неокантианству) трактовку права в свете категории ценности. Здесь обращает на себя внимание предельно емкая формулировка, которую мы находим в рецензируемой монографии и которая при условии ее теоретического развития

могла бы стать основой аксиологии права в оригинальном варианте, не повторяющем начала неокантианства, но скорее восходящему к традиции классической русской философии: «Когда абсолютное добро постигается человеком через феномен свободы, тогда оно становится для него ценностью» [9, С. 7].

Хотя монография имеет преимущественно историко-правовой характер, ее авторы не уходят от анализа современных вопросов обеспечения и защиты государственного суверенитета, указывая, что для этого: «Отечественная правовая идеология и философия права должны иметь отчетливо выраженное аксиологическое измерение, что соответствует традициям русской правовой культуры. Классическая философия права, при обязательном условии ее реинтерпретации в национальных российских традициях, является соразмерной задаче выражения аксиологического измерения права, государства, национального суверенитета, единства личностных прав и обязанностей» [9, С. 298]. Вопросы обеспечения государственного суверенитета, устранения угроз его укреплению в России, авторский коллектив рецензируемой монографии последовательно проводит и в других научных публикациях [36; 37; 38].

В завершение монографии ее авторы, используя компрехендную концепцию пониманию права, детально разработанную В. П. Сальниковым и С. И. Захарцевым в серии научных публикаций [39; 40; 41; 42; 43], выдвигают тезис, согласно которому: «...пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, при одновременной конкретизации содержания спекулятивно-логической метафизики права, его всеобщего понятия нам достичь не удастся. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, необходимое для соответствующего уровня теоретического синтеза, в результате чего мы получим понимание права уже на совершенно новом уровне» [9, С. 333]. В свете историко-правового исследования, осуществленного в рецензируемой монографии, гипотеза В. П. Сальникова и С. И. Захарцева приобретает новые смысловые оттенки и выглядит еще более обоснованной.

В заключение хочется отметить, что при всей видимой философичности вопроса о правовом измерении категорий добра,

доверия, справедливости, свободы, этот вопрос, поднятый сегодня в контексте проблемы суверенности философии права России, приобретает совершенно практическое значение. Защита нашего государственного суверенитета на идейном уровне становится столь же значимой, как и его защита на силовом уровне. Об этом убедительно свидетельствует внимание руководства Росгвардии к этой проблематике, отражением которого является участие в подготовке рецензируемой работы А. О. Воробьева – заместителя директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации; А. А. Медведева – начальника Главного управления образования и науки Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации; А. Ю. Кийко – начальника Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации; А. А. Утюганова – заместителя начальника Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации по научной работе. Вообще обращает на себя внимание то, что авторский коллектив рецензируемой монографии составляет в основном профессорско-преподавательский состав и научные сотрудники Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, что, конечно же, отражает заинтересованность этой Федеральной службы в решении задач по обеспечению защиты общественной безопасности, стабильности, а значит, и суверенитета России на всех уровнях, включая и сферу научной мысли. Здесь необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что среди авторов монографии мы видим и представителей авторитетных учреждений и вузов нашего Отечества, например, профессора Е. В. Виноградову из Института государства и права Российской академии наук, профессора А. Г. Хабибулина из Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и других.

Заключение

Монография «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность» является высокопрофессиональным и оригинальным трудом, сохраняющим концептуальное единство, несмотря на большой авторский коллектив. Последнее обстоятельство, напротив, свидетельствует о сложившейся и успешно функциониру-

ющей научной школе доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. П. Сальникова, способной решить задачу по

формулированию суверенной государственно-правовой идеологии, отвечающей потребностям и ожиданиям общества в России.

Список источников

1. Александров А. И. Истина философии и идея права: проблема единства / А. И. Александров, Д. К. Богатырёв // Государство и право. 2022. № 9. С. 22–30.
2. Керимов А. Д. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права / А. Д. Керимов, Д. В. Масленников // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 14–18.
3. Дерюгин А. А. Обзор выступлений всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственные ориентиры и основы российского общества: проблемы, угрозы и риски в современных условиях» / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 221–229.
4. Сальников В. П. Об одной дискуссии вокруг государственной идеологии / В. П. Сальников, Г. Н. Крижановская // Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ценности, цели и императивы развития Российской государственности: сборник статей и материалов XVII Международной научно-практической конференции: в 2 т. Брянск, 2023. С. 259–266.
5. Дерюгин А. А. Кафедра теории и истории государства и права: основные направления научных исследований (к 80-летию со дня образования Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии) / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская, Д. А. Никонов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3 (28). С. 13–28.
6. Захарцев С. И. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права: монография. 2-е изд., испр. и доп. / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. М. : ИНФРА-М, 2024. 376 с.
7. Бастрыкин А. И. Идея добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права: к 200-летию Ф. М. Достоевского: монография. 2-е изд., испр. и доп. / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2023. 456 с.
8. Исмагилов Р. Ф. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности: монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2025. 552 с.
9. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с. DOI 10.12737/2151906.
10. Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. М. : Наука, 2024. 739 с.
11. Сальников В. П. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников [и др.] // Теория государства и права. 2024. № 3 (38). С. 196–211.
12. Захарцев С. И. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1. С. 4–7.
13. Сальников В. П. Институты права в идее абсолютного Добра / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, М. В. Сальников // Государственно-правовые институты современного общества: сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф. М. Раянов. Уфа: БашГУ, 2018. С. 32–40.
14. Дмитриев А. В. Развитие принципов теории общего блага в Российской империи второй половины XVIII – первой трети XIX века // Юридическая техника. Ежегодник. № 17. «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)». Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России; Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2023. С. 260–268.

15. Исмагилов Р. Ф. Идея «абсолютного добра» в российской философско-правовой традиции // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 11 С. 175–180.
16. Лебедев С. П. Единое и благо в теологии Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 1. С. 29–37.
17. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; характер русского народа. М. : Политиздат, 1991. 368 с.
18. Романовская В. Б. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В. С. Соловьева / В. Б. Романовская, А. Р. Романовская // Genesis: исторические исследования. 2014. № 6. С. 197–198.
19. Виноградова Е. В. Право, свобода, закон. Контрфорс / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Образование и право. 2021. № 9. С. 30–35.
20. Жук А. С. Сущностная свобода человека как условие его самоопределения в качестве субъекта права и морали (ценностный аспект) / А. С. Жук, Е. В. Лукашин, К. Г. Прокофьев // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 9. С. 151–157.
21. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / под ред. С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
22. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: научное издание / Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012. 176 с.
23. Исмагилов Р. Ф. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.): монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2017. 324 с.
24. Зорина Н. В. Идея свободы в христианской патристике и ее влияние на классическую философию права / Н. В. Зорина, В. П. Сальников, Д. В. Масленников // Теория государства и права. 2025. № 2. С. 44–61. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_44.
25. Бастрыкин А. И. Идея человека в учении Ф. М. Достоевского о праве и государстве / А. И. Бастрыкин, В. П. Сальников // Вестник института права Башкирского государственного университета. 2021. № 4. С. 9–19.
26. Бастрыкин А. И. Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф. М. Достоевского / А. И. Бастрыкин, В. П. Сальников, С. И. Захарцев // Юридическая орбита. 2021. № 1. С. 32–37.
27. Бастрыкин А. И. Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф. М. Достоевского / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 3. С. 165–172.
28. Ващенко А. Н. Идея абсолютного добра в учении о человеке Ф. М. Достоевского / А. Н. Ващенко, В. П. Сальников, И. В. Бердников // Modernity: человек и культура: сборник материалов XXV научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Егоров. СПб. : РХГА, 2023. С. 66–70.
29. Захарцев С. И. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф. М. Достоевского / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 157–171.
30. Захарцев С. И. Теоретико-методологические основания философии права Ф. М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2. С. 17–24.
31. Сальников В. П. Бессмертие души как стержневая идея в учении Ф. М. Достоевского о праве и нравственности / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 5. С. 179–192.
32. Сальников В. П. Философия Ф. М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников [и др.] // Мир политики и социологии. 2018. № 9–10. С. 171–183.
33. Дерюгин А. А. Национальная идея и государственная политика: совершенствование системы подготовки кадров для военной или иной государственной службы / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сборник докладов X Московского юридического форума: в 3 ч. М., 2023. С. 76–84.
34. Крижановская Г. Н. Эволюция теории о справедливом государстве в контексте мировой истории (на примере политико-правовой мысли Древней Греции) / Г. Н.

Крижановская, М. В. Яковлев // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 4 (21). С. 5–10.

35. Крижановская Г. Н. Концепция государственной (юридической) школы о путях построения правового государства в России (вторая половина XIX века) / Г. Н. Крижановская, А. А. Дерюгин // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 8. С. 11–18.

36. Захарцев С. И. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности / С. И. Захарцев, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 69–94.

37. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2024. 423 с.

38. Сальников С. П. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности / С. П. Сальников, К. Г. Прокофьев, В. А. Силантьева [и др.] // Мир политики и социологии. 2018. № 1. С. 139–150.

39. Захарцев С. И. Компрехендная теория права как путь познания его сущности / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Научно-исследовательские публикации. 2021. № 1. С. 5–45.

40. Захарцев С. И. Право в XXII веке: монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, В. И. Гасумянов. М. : Юрлитинформ, 2024. 264 с.

41. Захарцев С. И. Размышления о компрехендной теории права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Образование и право. 2021. № 5. С. 98–105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105.

42. Захарцев С. И. Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Сущность права: Сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 105–118.

43. Захарцев С. И. Философия и юридическая наука: монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.

References

1. Aleksandrov A. I. The Truth of Philosophy and the Idea of Law: The Problem of Unity / A. I. Aleksandrov, D. K. Bogatyryov // Gosudarstvo i pravo. 2022;9: 22–30. (In Russ.).

2. Kerimov A. D. The Scientific Work of St. Petersburg Lawyers in the Perspective of Sovereign Philosophy of Law / A. D. Kerimov, D. V. Maslennikov // Monitoring pravoprimereniya. 2019;4: 14–18. (In Russ.).

3. Deryugin A. A. Overview of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Spiritual and Moral Guidelines and Foundations of Russian Society: Problems, Threats, and Risks in Modern Conditions" / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2 (27): 221–229. (In Russ.).

4. Sal'nikov V. P. About a discussion about the state ideology / V. P. Sal'nikov, G. N. Krizhanovskaya // Tradicii i innovacii v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii: cennosti, celi i imperativy razvitiya Rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik statej i materialov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 t. Bryansk, 2023. S. 259–266. (In Russ.).

5. Deryugin A. A. Department of Theory and History of State and Law: Main Areas of Research (on the 80th Anniversary of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops) / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya, D. A. Nikonov [i dr.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;3 (28): 13–28. (In Russ.).

6. Zaharcev S. I. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskij. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniyah suverennoj metafiziki prava: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. / S. I. Zaharcev, D. V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov. M. : INFRA-M, 2024. 376 s. (In Russ.).

7. Bastrykin A. I. Ideya dobra v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i ee vliyanie na razvitie filosofii prava: K 200-letiyu F. M. Dostoevskogo: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. / A. I. Bastrykin, R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb. : Fond sodejstviya nauke i obrazovaniyu v oblasti pravoohranitel'noj deyatel'nosti «Universitet», 2023. 456 s. (In Russ.).

8. Ismagilov R. F. Filosofiya prava Rossii: teoreticheskie i duhovnye predposylki ee suverenosti: monografiya / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb. : Fond sodejstviya nauke i obrazovaniyu v oblasti pravoohranitel'noj deyatel'nosti «Universitet», 2025. 552 s. (In Russ.).

9. Dobro, doverie, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoj mysli: antichnost' i sovremennost': monografiya / E. V. Vinogradova, A. O. Vorob'ev, I. N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. V. P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : INFRA-M, 2025. 459 s. DOI 10.12737/2151906. (In Russ.).

10. Savenkov A. N. Filosofiya prava i stanovlenie rossijskogo gosudarstva-civilizacii: monografiya. M. : Nauka, 2024. 739 s. (In Russ.).

11. Sal'nikov V. P. Theoretical and Spiritual-Moral Prerequisites for the True Sovereignty of Russian Legal Philosophy / V. P. Sal'nikov, R. F. Ismagilov, D. V. Maslennikov [i dr.] // *Teoriya gosudarstva i prava*. 2024;3 (38): 196–211. (In Russ.).
12. Zaharcev S. I. Freedom as the Concreteness of the Idea of Absolute Good in Dostoevsky's Philosophy of Law / S. I. Zaharcev, D. V. Maslennikov, V. P. Sal'nikov // *Monitoring pravoprimeneniya*. 2020;1: 4–7. (In Russ.).
13. Sal'nikov V. P. Instituty prava v idee absol'yutnogo Dobra / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, M. V. Sal'nikov // *Gosudarstvenno-pravovye instituty sovremennogo obshchestva: sbornik statej k Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.)* / otv. red. F. M. Rayanov. Ufa: BashGU, 2018. S. 32–40. (In Russ.).
14. Dmitriev A. V. Razvitie principov teorii obshchego blaga v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XVIII – pervoj tretj XIX veka // *Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik*. № 17. «Izmeneniya v zakonodatel'stve (doktrina, praktika, tekhnika)». N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii; Nizhegorodskij issledovatel'skij nauchno-prikladnoj centr «Yuridicheskaya tekhnika», 2023. S. 260–268. (In Russ.).
15. Ismagilov R. F. The idea of "absolute goodness" in the Russian philosophical and legal tradition // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2022;11: 175–180. (In Russ.).
16. Lebedev S. P. The One and the Good in Plato's Theology // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2020. T. 21;1: 29–37. (In Russ.).
17. Losskij N. O. Usloviya absol'yutnogo dobra: Osnovy etiki; harakter russkogo naroda. M. : Politizdat, 1991. 368 s. (In Russ.).
18. Romanovskaya V. B. Pravo, religiya, npravstvennost' i absol'yutnoe dobro v tvorchestve V. S. Solov'eva / V. B. Romanovskaya, L. R. Romanovskaya // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2014. № 6. S. 197–198. (In Russ.).
19. Vinogradova E. V. Pravo, svoboda, zakon. Kontfors / E. V. Vinogradova, S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // *Obrazovanie i pravo*. 2021. № 9. S. 30–35. (In Russ.).
20. ZHuk A. S. Sushchnostnaya svoboda cheloveka kak uslovie ego samoopredeleniya v kachestve sub"ekta prava i morali (cennostnyj aspekt) / A. S. ZHuk, E. V. Lukashin, K. G. Prokof'ev // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2023. № 9. S. 151–157. (In Russ.).
21. Ideya svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaya i postklassicheskaya filosofiya prava): monografiya / pod red. S. I. Zaharceva; I. A. Ananskih, I. N. Gribov, S. I. Zaharcev [i dr.]. M. : YUritinform, 2020. 288 s. (In Russ.).
22. Ideya spravedlivosti v tradiciyah postklassicheskoy filosofii prava: nauchnoe izdanie / R. F. Ismagilov, D. V. Maslennikov, V. P. Sal'nikov [i dr.]; pod obshch. red. V. P. Sal'nikova. SPb. : Fond «Universitet», 2012. 176 s. (In Russ.).
23. Ismagilov R. F. Pravo i spravedlivost': istoricheskie tradicii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoj analiz teoreticheskikh issledovanij aktual'nyh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v HKH–HKHI vv.): monografiya / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb. : Fond «Universitet», 2017. 324 s. (In Russ.).
24. Zorina N. V. Ideya svobody v hristianskoj patristike i ee vliyanie na klassicheskuyu filosofiyyu prava / N. V. Zorina, V. P. Sal'nikov, D.V. Maslennikov // *Teoriya gosudarstva i prava*. 2025. № 2. S. 44–61. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2_43_44. (In Russ.).
25. Bastrykin A. I. Ideya cheloveka v uchenii F. M. Dostoevskogo o prave i gosudarstve / A. I. Bastrykin, V. P. Sal'nikov // *Vestnik instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 4. S. 9–19. (In Russ.).
26. Bastrykin A. I. Sistema npravstvenno-pravovyh cennostej v nasledii F. M. Dostoevskogo / A. I. Bastrykin, V. P. Sal'nikov, S. I. Zaharcev // *Yuridicheskaya orbita*. 2021. № 1. S. 32–37. (In Russ.).
27. Bastrykin A. I. Chelovek i narod kak vysshie cennosti v filosofii prava F. M. Dostoevskogo / A. I. Bastrykin, R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2021. № 3. S. 165–172. (In Russ.).
28. Vashchenko A. N. Ideya absol'yutnogo dobra v uchenii o cheloveke F.M. Dostoevskogo / A. N. Vashchenko, V. P. Sal'nikov, I. V. Berdnikov // *Modernity: chelovek i kul'tura: Sbornik materialov XXV nauchno-prakticheskoj konferencii* / otv. red. V. A. Egorov. SPb. : RHGA, 2023. S. 66–70. (In Russ.).
29. Zaharcev S.I. Bytie i refleksiya: ontologicheskie osnovaniya prava v filosofii F. M. Dostoevskogo / S. I. Zaharcev, D. V. Maslennikov, V. P. Sal'nikov // *Mir politiki i sociologii*. 2018. № 12. S. 157–171. (In Russ.).
30. Zaharcev S. I. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya filosofii prava F. M. Dostoevskogo kak ideologa «pred"evrazijstva» / S. I. Zaharcev, D. V. Maslennikov, V. P. Sal'nikov // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2019. № 2. S. 17–24. (In Russ.).
31. Sal'nikov V. P. Bessmertie dushi kak sterzhnevaya ideya v uchenii F.M. Dostoevskogo o prave i npravstvennosti / V. P. Sal'nikov, R. F. Ismagilov, D.V. Maslennikov [i dr.] // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2021. № 5. S. 179–192. (In Russ.).

32. Sal'nikov V. P. *Filosofiya F.M. Dostoevskogo kak ob'ekt interpretiruyushchej rekonstrukcii* / V. P. Sal'nikov, R. F. Ismagilov, D. V. Maslennikov [i dr.] // *Mir politiki i sociologii*. 2018. № 9–10. S. 171–183. (In Russ.).
33. Deryugin A. A. *Nacional'naya ideya i gosudarstvennaya politika: sovershenstvovanie sistemy podgotovki kadrov dlya voennoj ili inoj gosudarstvennoj sluzhby* / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya // *Ustojchivoe razvitie Rossii: pravovoe izmerenie: sbornik dokladov X Moskovskogo yuridicheskogo foruma: v 3 ch. M., 2023. S. 76–84. (In Russ.).*
34. Krizhanovskaya G. N. *The Evolution of the Theory of the Just State in the Context of World History (Based on the Political and Legal Thought of Ancient Greece)* / G. N. Krizhanovskaya, M. V. YAkovlev // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2022;4 (21): 5–10. (In Russ.).
35. Krizhanovskaya G. N. *The concept of the state (legal) school on the ways of building a legal state in Russia (second half of the 19th century)* / G. N. Krizhanovskaya, A. A. Deryugin // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2022;8: 11–18. (In Russ.).
36. Zaharcev S. I. *The Sovereignty of the Russian Federation: Current Threats and Ensuring National Security* / S. I. Zaharcev, O. A. Klimenko, A. K. Mirzoev [i dr.] // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2016;12: 69–94. (In Russ.).
37. *Politiko-pravovoe upravlenie i ugrozy suverenitetu gosudarstva: monografiya* / M. YU. Gutman, S. I. Zaharcev, N. V. Zorina [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : INFRA-M, 2024. 423 s. (In Russ.).
38. Sal'nikov S. P. *The Sovereignty of the Russian Federation: Current Threats and Ensuring Spiritual Security* / S. P. Sal'nikov, K. G. Prokof'ev, V. A. Silant'eva [i dr.] // *Mir politiki i sociologii*. 2018;1: 139–150. (In Russ.).
39. Zaharcev S. I. *The Comprehensive Theory of Law as a Way of Understanding Its Essence* / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // *Nauchno-issledovatel'skie publikacii*. 2021;1: 5–45. (In Russ.).
40. Zaharcev S. I. *Pravo v XXII veke: monografiya* / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov, V. I. Gasumyanov. M. : YUrlitinform, 2024. 264 s. (In Russ.).
41. Zaharcev S. I. *Reflections on the Comprehension Theory of Law* / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // *Obrazovanie i pravo*. 2021;5: 98–105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105. (In Russ.).
42. Zaharcev S. I. *Sushchnost' prava v fokuse komprekhendnoj teorii ego poznaniya* / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // *Sushchnost' prava: Sbornik statej k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. I. Bajtina* / pod red. V. M. Baranova, S. A. Belousova, I. N. Senyakina. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2022. S. 105–118. (In Russ.).
43. Zaharcev S. I. *Filosofiya i yuridicheskaya nauka: monografiya* / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov. M. : YUrlitinform, 2019. 424 s. (In Russ.).

Информация об авторах

А. И. Александров – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Президиума Ассоциации юристов России

Д. К. Богатырев – доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук

А. И. Экимов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

A. I. Alexandrov – Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Presidium of the Russian Lawyers Association

D. K. Bogatyrev – Doctor of Science (Philosophy), Professor, academic of the Russian Academy of Natural Sciences

A. I. Ekimov – Doctor of Science (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 05.09.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 340.15:331.108(571.1)

**МЕДИЦИНСКАЯ СИСТЕМА МВД СССР АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 70-е гг. XX в.
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)****Олег Геннадьевич Вьюн¹, Руслан Анатольевич Карпов², Евгений Васильевич Суверов³**¹⁻² Алтайский институт Санкт-Петербургского университета технологий управлений и экономики, Барнаул, Россия³ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия¹ caducei_22@mail.ru² karpovruslan71@mail.ru³ suverovev69@mail.ru

Аннотация. Медицинская система МВД СССР развивалась последовательно и была направлена на поддержание здоровья ее сотрудников и работников, организацию лечения, проведение профилактических мероприятий, изоляции нетрезвых граждан, осуществление различных медицинских экспертиз. Среди личного состава УВД Алтайского края проводились занятия по оказанию первичной медицинской помощи пострадавшим, получению знаний по строению и функционированию человеческого организма. Медицинские подразделения существовали и в исправительно-трудовой системе, где было организовано лечение заключенных. С течением времени повышались требования к квалификации медицинского персонала, происходила дальнейшая специализация медицинской службы, подразделения постепенно насыщались необходимым специальным оборудованием. Однако отмечались и существовавшие многочисленные недостатки в оказании медицинской помощи в подразделениях МВД СССР в Алтайском крае.

Ключевые слова: медицина, Алтайский край, МВД СССР, лечение, помощь, штаты, медвытрезвитель, лечебно-трудовой профилакторий

Для цитирования: Вьюн О.В., Карпов Р.А., Суверов Е.В. Медицинская система МВД СССР Алтайского края в 70-е гг. XX в. (историко-правовой аспект) // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 32–41. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/004.pdf>.

Original article

**THE MEDICAL SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR IN THE ALTAI TERRITORY IN
THE 1970S (HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS)****Oleg G. Vyun¹, Ruslan A. Karpov², Evgeny V. Suverov³**¹⁻² Altayskiy Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Barnaul, Russia³ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia¹ caducei_22@mail.ru² karpovruslan71@mail.ru³ suverovev69@mail.ru

Abstract. The medical system of the Ministry of Internal Affairs of the USSR developed consistently and was aimed at maintaining the health of its employees and workers, organizing treatment, conducting preventive measures, collecting intoxicated citizens, and conducting various medical examinations. The personnel of the Altai Territory Department of Internal Affairs were trained in providing primary medical assistance to victims and acquiring knowledge about the structure and functioning of the human body. Medical units also existed in the correctional labor system, where prisoners were treated. Over time, the requirements for the qualifications of medical personnel increased, and the medical service further specialized, with the units gradually acquiring the necessary specialized equipment. However, there were also numerous shortcomings in the provision of medical care in the units of the USSR Ministry of Internal Affairs in the Altai Territory.

Keywords: medicine, Altai Territory, USSR Ministry of Internal Affairs, treatment, assistance, states, medical detoxification center, medical and labor rehabilitation center

For citation: Vyun O.G., Karpov R.A., Suverov E.V. The medical system of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the Altai territory in the 1970s (historical and legal aspects). *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;3(32): 32–41. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/004.pdf>.

© Вьюн О.Г., Карпов Р.А., Суверов Е.В., 2025

Введение

В Алтайском крае Медицинская санчасть НКВД СССР была образована в 1944 г., с 1951 г. она вошла в состав хозяйственного отдела УВД Алтайского края. Медицинская служба состояла из больницы (где было размещено 75 коек, 50 коек – терапии, 25 коек – неврологии), поликлиники с лабораторией, физиокабинета, рентгенкабинета, кабинета функциональной диагностики, кабинета медицинской статистики, аптеки, санэпидемстанции, врачебных пунктов, располагавшиеся в городах Бийске, Рубцовске и Горно-Алтайске.

В марте 1969 г. на базе Медицинского отдела хозяйственного управления МВД СССР было создано Управление медицинской службы МВД СССР, которое в июне 1974 г. было реорганизовано в Медицинское управление МВД СССР (1974–1992 гг.). В Управлениях внутренних дел приказом МВД РСФСР от 27 января 1961 г. № 033 в составе хозяйственных отделов были созданы Медицинские службы [1, С. 83, 84].

В Алтайском крае также в 1975 г. была образована окружная военно-врачебная комиссия Медицинской службы в составе председателя, врача-терапевта, врача-психоневролога [2, С. 227].

Основные положения

В данный период Медицинский отдел УВД Алтайского края был полностью укомплектован штатами, кадровая проблема была решена. Личному составу оказывалась медицинская помощь по 18 специальностям, был успешно внедрен бригадный метод обслуживания, налажен ежегодный, профилактический осмотр сотрудников, что позволило сократить заболеваемость с временной утратой трудоспособности [5, л.109–112].

Среди личного состава подразделений МВД СССР было организовано обучение оказанию первой медицинской помощи. На основании Приказа начальника УВД исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов «Об обучении личного состава органов внутренних дел края оказанию первой медицинской помощи» от 28 сентября 1979 г. № 250/151 и во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 июля 1979 г. № 677-214 «О дополнительных мерах по

дальнейшему совершенствованию подготовки органов и учреждений здравоохранения и работе в военное время», предпринимались меры по обучению сотрудников органов внутренних дел оперативно оказывать первой медицинскую помощь пострадавшим. Проект решения совещания Крайисполкома от 27 июля 1979 г. № 019 гласил, «поручить всем начальникам горрайотделов Алтайского края в срок до 20 ноября 1979 г. организовать и обеспечить обучение всего личного состава по оказанию первой медицинской помощи пострадавшим».

Заведующему Рубцовским горрайздравом товарищу Игнатову главным врачам районов было дано задание провести теоретические и практические занятия с составом городских и районных органов внутренних дел.

Обучение личного состава Барнаульского, Бийского и Горно-Алтайского гарнизонов проводилось силами лечебно-профилактических учреждений органов внутренних дел.

Были проведены занятия с сотрудниками МВД СССР Алтайского края по оказанию первой медицинской помощи по темам:

1. Краткие основы анатомии и физиологии человека (костно-мышечная система, сердечно-сосудистая система, расположение основных кровеносных сосудов, места для прижатия артерий, пульс, его характеристика, система прощупывания).

2. Первая медицинская помощь. Понятие о травме (кровотечение, его виды и признаки. Способы остановки кровотечения. Возможные осложнения). Раневая инфекция, асептика и антисептика (наложение повязок. Типовые повязки. Особенности наложения повязок при проникающих ранениях). Черепно-мозговая травма (строение головного мозга, перелом костей черепа). Термические поражения (ожоги от воздействия высокой температуры, кислот и щелочей. Степени ожогов). Состояния, непосредственно угрожающие жизни (нарушение дыхания, искусственное дыхание, травматические шок. Оказание медицинской помощи больным, находившимся в состоянии шока). Остановка сердца (причины, непрямой массаж сердца).

Утопление (первая медицинская помощь). Обморок (первая медицинская помощь).

3. Последовательность действий по оказанию первой медицинской помощи пострадавшим (правила переноски и транспортировки пострадавших, извлечение пострадавших из помещений с учетом имеющих у них повреждений) [5, л. 102–105].

В пенитенциарной системе, как части МВД СССР, существовала также своя медицинская сеть.

Вместимость краевой больницы Управления исправительно-трудовых учреждений УВД Алтайского крайисполкома была рассчитана на 250 коек. Штаты состояли из начальника больницы – врача, заместителя начальника больницы по административно-хозяйственной части, начальника отделения – врача (4 единицы), врача-ординатора (8 единиц), врача-рентгенолога, врача-лаборанта, врача-физиотерапевта, зубного врача (или врача-стоматолога), рентгенолаборанта, лаборанта, старшей медсестры больницы, старшей медицинской сестры отделения (4 единицы), сестры-хозяйки (4 единицы из числа заключенных), медицинского статистика, медицинской сестры (22 единицы), медсестры физиокабинета, заведующей аптекой, фармацевта, санитаря (2 единицы), санитаря (18 единиц из числа заключенных), дезинфектора, секретаря-машинистки, старшего бухгалтера, бухгалтера, кассира-счетовода, заведующего складом, повара (3 единицы из числа заключенных), заведующей прачечной (1 единица за счет заключенных), прачкой (4 единицы из числа заключенных), шоферов (3 единицы), возчиком-конюхом (1 единица из числа заключенных), дворником (1 единица из числа заключенных), парикмахером (1 единица из числа заключенных), агента по снабжению, дежурным помощником начальника больницы (3 единицы), инструктором по политико-воспитательной работе, старшим инспектором спецчасти, старшим инспектором снабжения, начальником отдельного караула, моториста, пожарного.

Штаты исправительно-трудовой колонии (далее – ИТК) № 1 состояли из: медицинской части с амбулаторией и больницей на 10 коек, начальника части – врача, врача-ординатора, зубного врача (или врача-стоматолога), врача-рентгенолога, фельдшера, заведующего аптекой, медицинских сестер (4 единицы).

Штаты медицинского отделения при ИТК № 3 (3-е туберкулезное отделение) состоя-

ли из: начальника отделения, врача-ординатора, врача-физиотерапевта, врача-рентгенолога, рентгенолаборанта (для обслуживания туберкулезного отделения и ИТК № 1), лаборанта, старшей сестры отделения, фармацевта, медицинских сестер (5 единиц), сестры хозяйки (1 единица из числа заключенных), санитаров (5 единиц из числа заключенных), повара (1 единица из числа заключенных), прачки (1 единица из числа заключенных), парикмахера (1 единица из числа заключенных).

Места, занимаемые осужденными, содержались за счет хозяйственной obsługi. Должности 3-го туберкулезного отделения: сестра-хозяйка, санитары, повар, подсобные рабочие по кухне, прачка и парикмахер, комплектовались из числа осужденных ИТК № 3, содержавшихся за счет штата Краевой больницы УИТУ Алтайского края [6, л. 38–115].

Своя специфика была во время оказания медицинской помощи заключенным, которая состояла в соблюдении режима содержания и предотвращения нападения на медицинский персонал и совершения побегов.

Так, 14 ноября 1971 г. из жилой зоны краевой больницы УИТУ по обоюдной договоренности двое осужденных через смежный забор, разделявший территории краевой больницы и следственного изолятора № 1, совершили побег. Это произошло из-за безответственного отношения дежурного помощника начальника следственного изолятора № 1 капитана А. Г. Овсянникова, который самовольно изменил систему охраны, не выставив часового на пост № 2. Слабый уровень оперативно-профилактической работы показал старший инспектор оперчасти капитан В. Г. Марьичев, проявили халатное отношение к службе дежурный наряд контролеров во главе дежурного помощника начальника краевой больницы капитана В. Г., Задонского, а также подачи несвоевременной информации о склонности к побегу осужденного со стороны заместителя начальника по режиму и оперативной работе капитана П. В. Онищука [6, л. 26].

Ведомственные медики осуществляли экспертные заключения о физическом и психологическом здоровье осужденных, возможности их досрочного освобождения в связи с наступившей инвалидностью.

Так, на основании Приказа начальника УВД исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся «О врачебно-трудовом освидетельствовании

осужденных и административно-наказанных» от 25 мая 1972 г. № 845 и во исполнение Приказа МООП СССР № 915 – 1967 г. были утверждены врачебно-трудовые экспертные комиссии УИТУ в составе: 3-х врачей и председателя планово-производственной части учреждения. В работе члены врачебно-трудовой экспертной комиссии (далее – ВТЭК) руководствовались разделом 4-м Положении о медицинском обслуживании осужденного контингента, объявленного приказом МООП СССР № 915 – 1967 г. свою работу ВТЭК осуществляли с 12 июня по 17 июня 1972 г.

Были определены ВТЭК учреждения УБ 14/1. Председатель – начальник медицинской части А. Е. Михеева, члены комиссии – врач В. И. Дягелева, врач Н. В. Белова (краевая больница УИТУ), представитель планово-производственной части.

ВТЭК учреждения УБ 14/3. Председатель – начальник медицинской части А. Н. Будучева, члены комиссии – врач П. К. Афанасьев, врач А. Т. Храмышкин, представитель планово-производственной части.

ВТЭК учреждения УБ 14/5. Председатель – начальник медицинской части М. С. Старикова, члены комиссии – врач Р. Г. Шварева, врач М.Д. Старцева, представитель планово-производственной части.

ВТЭК учреждения УБ 14/6. Председатель – начальник медицинской части В. В. Ковалев, члены комиссии – врач В. И. Ковалева, врач Н. Н. Степкин (медслужба УВД), представитель планово-производственной части [7, л. 116–118].

Формальный подход в работе данных комиссий, приводил к отправке на тяжелые работы больных осужденных. Например, в сентябре–октябре 1977 г. в лесные колонии-поселения были направлены осужденные из УБ 14/5 – 4 человека и по одному из УБ 14/3 и УБ 14/3. Двое из них (Воинов и Чансовас) перед этапом находились на излечении в УБ/12, однако их полное медицинское обследование произведено не было. Заключение о состоянии здоровья осужденных работниками медицинских частей, указанных учреждений были выданы без качественного исследования. При прибытии у всех осужденных был выявлен активный туберкулез легких, и они на основании Приказа МВД СССР 0240 1974 г. были немедленно возвращены обратно, на прежнее место содержания в Алтайский край [8, л. 189].

8 апреля 1967 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом

перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)». Им устанавливалось, что в лечебно-трудовые профилактории (далее – ЛТП) должны направляться лица, «уклоняющиеся от лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, нарушающие трудовую дисциплину, общественный порядок или правила социалистического общежития». Срок пребывания в ЛТП устанавливался от 6 месяцев до 2 лет, решение о направлении туда принимал местный судья.

ЛТП для принудительного лечения и трудового перевоспитания хронических алкоголиков относились к специальным учреждениям органов внутренних дел. Руководили ЛТП Управления и отделы исправительно-трудовых учреждений МВД СССР, а организовывали лечебную работу в них соответствующие Медицинские службы МВД и УВД [9, С. 294].

Наполняемость ЛТП УИТУ УВД Алтайского крайисполкома была на уровне 600 административно-наказанных. Вид профилактория – контрагентский. Место дислокации – поселок Раздольное, Локтевского района Алтайского края.

Штат ЛТП состоял из: начальника профилактория, заместителя начальника профилактория по политиковоспитательной работе, заместителя начальника профилактория, дежурного помощника начальника профилактория (4 единицы), канцелярии в составе: инспектора, машинистки, политиковоспитательной части в составе: начальника отряда, киномеханика-радиста, медицинской части с больницей: начальника медицинской части - главного врача больницы, начальника отделения, врача-психоневролога, врача-терапевта, врача – невропатолога, врача – стоматолога, врача-рентгенолога, фельдшера (2 единицы), старшей медицинской сестры, лаборанта, рентгенолаборанта, медицинского статистика, медицинских сестер (10 единиц), заведующая аптекой, сестры-хозяйки (1 единица из числа заключенных), санитар (5 единиц из числа заключенных), дезинфектора, оперативно-режимной части в составе: старшего инспектора, специальной части в составе: старшего инспектора, инспектора, части интендантского снабжения в составе: начальника части, агента, бухгалтерии в составе: главного бухгалтера, старшего бухгалтера, бухгалтера, бухгалтера продвешстола, бухгалтера - операциониста, бухгалтера лицевых счетов, планово-производственной части: начальника

части, инженера по организации, коммунально-эксплуатационной группы: коменданта - техника-смотрителя зданий, подразделения обслуживающие штаб и жилую зону в составе: уборщицы, водителя легкового автомобиля, водителя санитарного автомобиля, склада интендантского снабжения: заведующего складом, кладовщиком; столовой-кухни в составе: заведующего столовой - шефа-повара; военизированной пожарной охраны: начальника отделения караула, пожарного (2 единицы из числа заключенных) [6, л. 116–118].

ЛТП периодически меняли свою дислокацию на территории Алтайского края, при этом возникали новые. В 1978 г. было принято решение о строительстве нового ЛТП на базе Шипуновского завода ЖБИ для трудоустройства на нем контингента [10, л. 5].

В 1979 г. стал создаваться новый ЛТП № 3 на базе Барнаульского домостроительного комбината, в целях удовлетворения потребностей в рабочей силе, с лимитом на 1250 человек. Однако отсутствие полноценного ограждения, а также контроля над спецконтингентом приводило к тому, что фиксировались случаи, когда работники комбината употребляли алкоголь совместно с больными. Так, начальник цеха гражданин Басков (который к слову, являлся хроническим алкоголиком) употреблял на рабочем месте спиртные напитки вместе с лицами проходившим лечение от алкоголизма, после чего один из них совершил побег [11, л. 1, 2, 31].

Во время производственной деятельности ЛТП, нередко фиксировался получение травм, различной степени тяжести. Так, 31 марта 1980 г. в 17.30 на объекте СМУ ОКСА УВД (учебный отряд УПО УВД) получил тяжелую травму лечавшийся ЛТП № 3 А. А. Ожогин – открытый перелом обеих предплечий и костей таза. [12, л. 3]

Медицинские вытрезвители, работая круглосуточно, оказывали помощь людям, доставленным из общественных мест, находившихся в средней или тяжелой степени опьянения. Прибывшие в медвытрезвитель осматривались работниками, которые определяли степень опьянения и принимали решения об оказании необходимой медицинской помощи, дежурный составлял соответствующий акт, на нарушителя общественного порядка подписывался протокол, который направлялся по месту жительства правонарушителя [9, с. 290, 291].

Деятельность медицинских вытрезвителей осуществляло руководство входящего в

состав ГУООП МВД СССР отдел по руководству медицинскими вытрезвителями и организации профилактической работы с лицами, злоупотребляющие алкоголем.

Штат медицинских медвытрезвителей УВД Алтайкрайисполкома формировался за счет местного бюджета согласно Приказу МВД СССР от 1 июля 1978 г. № 181.

Например, штатная структура медицинского вытрезвителя отдела внутренних дел Рубцовского горисполкома (на 51–60 коек), состояла из: начальника медвытрезвителя, заместителя начальника медвытрезвителя, заместителя начальника медвытрезвителя по политико-воспитательной работе, начальника кабинета профилактики, инспектора профилактики, инспектора дежурного (7 должностей), командира взвода, командира отделения (3 должности), милиционеров (12 должностей), милиционеров-шоферов (10 должности), старшего бухгалтера, бухгалтера-казначея, инспектора по учету, секретаря-машинистки, кастелянши. Функционировал здравпункт (где находились фельдшер и санитарка-уборщица).

Штатная структура медицинского вытрезвителя отдела внутренних дел Алейского горисполкома города Алейска (на 11–20 коек) состояла из начальника медвытрезвителя, начальника кабинета профилактики, инспектора – дежурного (3 должности), милиционера (5 должностей), милиционера-шофера (3 должности), секретаря-бухгалтера, инспектора по учету. Функционировал здравпункт (где находились фельдшер и санитарка-уборщица) [13, л. 6–18].

В своей деятельности медицинская система УВД Алтайского края в 70-е годы прошлого столетия сталкивалась с многочисленными проблемами и недостатками. Следует указать на сложности в выполнении своих служебных обязанностей милиционерами во время взаимодействия со специфическим контингентом, где буйство, неповиновение, оскорбления со стороны отдельных выпивших граждан, их скандальность становились повседневным явлением [14, с. 241].

Руководство Больнично-поликлинического объединения медицинского отдела УВД Алтайского края недостаточного внимания уделяло повышению квалификации персонала, 25 % врачей не была на курсах повышения квалификации 5 и более лет.

Выявленные знания медицинских сестер по диагностике неотложных состояний и

оказанию доврачебной помощи оказались слабые. Персонал объединения не был готов к проведению реанимационных мероприятий, не была выделена палата интенсивной терапии. Врачи и средний медицинский персонал не знали и не пользовались Приказом Минздрава СССР от 29 октября 1968 г. № 768, объявившего инструкцию о контроле качества стерильных растворов и сроках их хранения. Заключительные акты по результатам диспансерных осмотров не составлялись. Не уделялось должного внимания к пенсионерам МВД СССР и членам их семей. Изучение заболеваемости, болезненности этого контингента не проводилась, хотя почасовая нагрузка врачей была значительно ниже нормы. Не было организовано чередование работы врачей в стационаре и поликлинике. Причины заболеваемости с временной нетрудоспособностью по некоторым подразделениям углублено не изучалось, мероприятия по ее снижению не планировалось.

Количество больных, страдающих ишемической болезнью сердца, увеличилось. Отсутствовал строгий контроль за использованием коечного фонда. Не была организована работа поликлиники в субботние дни. Отмечалась низкая культура медицинского обслуживания, санитарная обработка больных и смена белья проводилась несвоевременно, недостаточно на высоком уровне было эстетическое оформление помещений. Не выполнялся Приказ МВД СССР «О проведении предварительных при поступлении на работу и периодических медицинских осмотров трудящихся» от 1969 г. № 400. Встречались факты необоснованной выдачи или продления больничных листов. Не был создан больничный совет Больнично-поликлинического объединения, вследствие чего врачи редко заслушивались о состоянии заболеваемости среди обслуживаемых контингентов и мерах по ее снижению. Обходы начальником БПО не делались.

Было принято решение, освободить от занимаемой должности начальника Больнично-поликлинического объединения Медицинского отдела УВД Алтайского края Л. А. Нестерова за неудовлетворительную организацию работы понизить ее в должности. За необъективную выдачу больничных листов, искусственно завышения временной нетрудоспособности врачу – ординатору Л. А. Козинской был объявлен выговор,

она была освобождена от обслуживания сотрудников БПО [5, л. 109–112].

Подбор кадров работы в медвытрезвителях Алтайского края осуществлялся неудовлетворительно. Также фиксировались различные нарушения советского законодательства в финансовой области. Ряд руководителей медицинских вытрезвителей своевольно распоряжались денежными средствами, полученными за оказание платных услуг. По-прежнему остро стояли вопросы соблюдения законности и служебной дисциплины в медицинских вытрезвителях. В Алтайском крае все еще не были изжиты факты халатного и беспечного отношения к сохранности ценностей у доставляемых граждан, незаконного присвоения денег [15, С. 75, 76]

Например, на должность бухгалтера медвытрезвителя Павловского РОВД была принята З. А. Оленикова с кулинарным образованием, не имевшая специальной бухгалтерской подготовки, а начальником был назначен старший лейтенант милиции В.И. Русаков, не готовый выполнять возложенные на него обязанности. В результате проведенной финансово-хозяйственной ревизией были выявлены факты присвоения должностными лицами денежной суммы в размере 495 руб. 84 коп. [16, л. 45].

Ситуацию с нарушением социалистической законности в Советском Союзе осложняли непростые социально-экономические отношения. В данный период ускорился процесс девальвации социалистических принципов, неверие широких масс в построение коммунистического общества, отсутствие решения хронических проблем в обеспечении населения товарами и услугами [17, С. 59].

Совершенные хищения из подразделений медицинской системы МВД СССР Алтайского края, вскрывались и с помощью проведения документальных ревизий [18, С. 127–131]. В целом в правоохранительных органах была создана дееспособная модель контроля и проверок, в том числе и медицинской системе УВД Алтайского края [19, С. 135–141].

Методы

В представленной работе были использованы архивные материалы, хранящиеся в информационном центре ГУ МВД России по Алтайскому краю и впервые введенные в научный оборот.

Методы исследования составили принципы объективности и историзма, преемственности и системности научного анализа. Это позволило исследовать данную

проблему с учетом конкретной исторической обстановки во взаимосвязи и развитии, во всей ее многогранности и противоречивости.

Использовался и проблемно-хронологический метод, что позволило определить особенности развития медицинской системы МВД СССР в Алтайском крае.

Результаты

Помимо ведомственного законотворчества развитие медицинского обслуживания в системе МВД СССР осуществлялось на основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» от 22 сентября 1977 г., где подчеркивались успехи медицины за годы советской власти, ее доступность, бесплатность, высокий уровень квалификации советских врачей. Всего в это время в стране функционировало 24 000 больницы (с наполнением на 3 000 000 коек), в органах здравоохранения трудилось 5500 000 человек, из них 865 000 врачей [3, С. 115].

Медицинская система МВД СССР Алтайского края в 70-е гг. XX в. переживала свой подъем. Это было связано с динамическим развитием министерства внутренних дел Советского Союза, что было большой заслугой непосредственного руководителя Н.А. Щелокова. Ведомственная медицинская система на Алтае была представлена Медицинским отделом УВД Алтайского края, состоявшим из Больнично-поликлинического объединения (БПО), а так же специальных медицинских подразделений (вытрезвителей и Лечебно-трудовых профилакторий), медицинских подразделений исправительно-трудовых учреждений. Имевшие недостатки в их деятельности носили нередко субъективный характер и были связаны с кадровой проблемой, а также недостаточным финансированием.

В указанный период была проделана большая работа по улучшению материально-технической базы медицинской системы МВД СССР в Алтайском крае, а именно: построено здание больницы на 100 коек, где функционировали 2 отделения, клинично-диагностическая, биохимическая, бактериологическая лаборатории и диагностические кабинеты. За счет этого были увеличены в 2 раза возможность лечения больных (в 1975 г. по сравнению с 1970 г.), происходила дальнейшая специализация стационарной медицинской помощи: 33 % коек было выделено для лече-

ния неврологических больных, 36 % для больных, страдающих желудочно-кишечными заболеваниями и неспецифическими заболеваниями легких. В поликлинике УВД Алтайского крайисполкома медицинскую помощь оказывали по 19 специальностям.

Поликлиника, стационар и лаборатория были оснащены современной медицинской техникой и аппаратурой. Открывались врачебные здравпункты в УВД Горно-Алтайского областного и Бийского городского исполкомов. Регулярно пополнялся их транспортный парк. Наблюдался рост штатов Больнично-поликлинического объединения Медицинского отдела УВД Алтайского края, который увеличился на 18 % к уровню 1970 г. Все должности врачей и средних медицинских работников были укомплектованы. Ежегодно повышали свою квалификацию в институтах усовершенствования врачей 3–4 человека. Регулярно проводились профилактические осмотры личного состава, с целью выявления ранней стадии заболевания. В барнаульском гарнизоне прошедших медицинский осмотр составило 98 %, хуже обстояло дело на периферии.

В структуре общей заболеваемости среди личного состава преобладали: грипп и острые респираторные заболевания, бытовой травматизм (92 случая на 1000 человек), ангина (41 случай на 1000 человек), производственный травматизм (40 случаев на 1000 человек), пневмония (33 случая на 1000 человек), гипертоническая болезнь (8 случаев на 1000 человек), язвенная болезнь (6 случаев на 1000 человек), болезни печени и желчных путей (3 случая на 1000 человек).

Высокая заболеваемость была зарегистрирована по итогам 1976 г. в следующих подразделениях: Управление исправительно-трудовых учреждений, Управление внутренних дел, Спецшколе МВД СССР, Краевой больницы УИТУ, Опердивизионе, ОДАН, УБ 14/1, ИЗ 17/1.

Руководством УВД Алтайского края периодически выявлялись существовавшие проблемы и недостатки в деятельности всей ведомственной медицинской структуры:

1. Низкое качество обследований на предмет наличия болезни. Не все страдающие сердечно-сосудистыми заболеваниями, болезнями органов дыхания и желудочно-кишечного тракта были полностью обследованы.

2. Не всегда привлекались для консультаций, ведущие специалисты из других краевых лечебных учреждений здравоохранения.

3. Заболеваемость сотрудников органов внутренних дел снижалась очень медленно. Оставался высокий производственный травматизм.

4. Ряд сотрудников, имея освобождение от работы, нарушали режим, самостоятельно прекращали лечение, продолжая выполнять свои служебные обязанности, тем самым способствовали возникновению рецидивов и хронических заболеваний.

5. Руководители подразделений не контролировали лечение своих подчиненных, не всегда выполняли рекомендации врачей по трудоустройству длительно и часто болеющих сотрудников.

6. Начальники гор(рай) отделов внутренних дел своевременно не исполняли указания о проведении ежегодных медицинских осмотров своих подчиненных на базе территориальных лечебно-профилактических учреждений. При этом недооценивалось влияние физкультуры и спорта, как факторов укреплявших здоровье.

7. Отсутствовало со стороны отдельных медицинских работников добросовестное исполнения своих служебных обязанностей, чуткое и внимательное отношения к больным, улучшение качества диагностики и эффективности лечения на базе достижения медицинской науки.

8. Все еще встречались факты получения травм сотрудниками в состоянии опьянения. Только в 1976 г. травмировались, таким образом, 4 сотрудника из Центрального РОВД города Барнаула, в Октябрьском РОВД города Барнаула 1 сотрудник и т. д. [4, л. 44–49].

Выводы

Таким образом, медицинская система МВД СССР в Алтайском крае была представлена Медицинским отделом УВД Ал-

тайского края, состоявшим из Больнично-поликлинического объединения (БПО), а так же специальных медицинских подразделений (вытрезвителей и Лечебно-трудовых профилакторий), медицинских подразделений исправительно-трудовых учреждений

Медицинская система МВД СССР в рассматриваемое время имела множество направлений по лечению и обслуживанию, как самих сотрудников министерства, так местных жителей и спецконтингента. В 70-е годы прошлого столетия наблюдалось рост больничной сети, укреплялся медицинский кадровый потенциал. Несмотря на существовавшие недостатки в медицинском обслуживании ведомственных заведений, лечение было доступно, бесплатно и достаточно квалифицировано. Медицинская сеть существовала и в местах лишения свободы. Насильственные меры по лечению алкоголизма и пьянства в ЛТП вызывают неоднозначные выводы, имевшие, как свои положительные, так и отрицательные черты, это касалось и функционирование медицинских медвытрезвителей.

Руководители медицинской системы МВД СССР Алтайского края старались поддерживать тесные контакты со своими коллегами из гражданских организаций. К тому же сотрудники органов внутренних дел Алтайского края оказывали всестороннюю помощь медицинским работникам обслуживающие местное население, в частности при сопровождении психически больных людей, на основании инструкции «По неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность» Министерства здравоохранения СССР № 06-14/43 от 26 августа 1971 г. согласованной с прокуратурой и МВД СССР [20, л. 14]. Особенно это было актуально, когда затруднялось попадание медиков в помещение, где находился больной или когда их жизни и здоровью возникала угроза.

Список источников

1. Алексий П. В. История медицинских учреждений министерства внутренних дел России в правовом аспекте / П. В. Алексий, Е. А. Песошина // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 82–85.
2. Служба Отечеству. Имена, даты. Главное управление внутренних дел по Алтайскому краю. Барнаул: ООО «А.Р.Т.», 2007. 448 с.
3. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 12. Июль 1977 г. – март 1979 г. М. : Политиздат, 1979. 136 с.

4. Приказ начальника УВД Алтайского краевого совета народных депутатов «Об улучшении медицинского обслуживания личного состава» от 21 января 1978 г. № 23; Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 317.
5. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 328.
6. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 253.
7. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257.
8. Приказ начальника УВД Алтайского краевого совета народных депутатов «О неправильном определении степени трудоспособности осужденных, направляемые в лесные колонии – поселения» от 17 марта 1978 г. № 71; Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 317.
9. История советской милиции. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.): монография. Т. 2. М. : Академия МВД СССР, 1977. 338 с.
10. Приказ начальника УВД Алтайского краевого совета народных депутатов «О создании комиссии для проведения рекогносцировки местности строительства лечебно-трудового профилактория» от 6 апреля 1978 г. № 94; Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 318.
11. Протокол согласования организации АТП №3 на базе Барнаульского домостроительного комбината Главалтайстроя в городе Барнауле; Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 59.
12. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 1-в. Д. 560.
13. Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 322.
14. Фризен П. Д. Соблюдение законности в деятельности Барнаульского медицинского вытрезвителя в 60-е гг. XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2024. № 24. С. 241–242.
15. Суверов Е. В. Деятельность алтайской милиции (1953–1991 гг.): учебное пособие / Е. В. Суверов, Е. В. Миронов Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. 104 с.
16. Приказ начальника УВД Алтайского краевого совета народных депутатов «О неудовлетворительной работе медвытрезвителя ОВД Павловского райисполкома» от 4 августа 1978 г. № 204; Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319.
17. Трухин М.А. Нейтрализация преступлений экономической направленности сотрудниками органов внутренних дел на Алтае (1922-1991 гг.): монография. СПб. : Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2025. 117 с.
18. Трухин М. А. Документальная ревизия как одна из форм финансовой деятельности правоохранительных органов в Западной Сибири в 50-е годы XX века // Клио. 2023. № 12 (204). С. 127–131. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_12_127.
19. Суверов Е. В. Система контроля и проверок в органах внутренних дел Западной Сибири (50–60-е годы XX века) / Е. В. Суверов, Е. В. Мануйлов // Клио. 2023. № 2 (194). С. 135–141. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_135.
20. Инструкция «По неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность» Министерства здравоохранения СССР № 06-14/43 от 26 августа 1971 г. Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 310.

References

1. Aleksij P. V. The legal history of medical institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs / P. V. Aleksij, E. A. Pesoshina // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010;8: 82–85. (In Russ.).
2. Sluzhba Otechestvu. Imena, daty. Glavnoe upravlenie vnutrennih del po Altajskomu krayu. Barnaul: ООО «A.R.T.», 2007. 448 s. (In Russ.).
3. Reshenie partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam: sbornik dokumentov. T. 12. Iyul' 1977 g. – mart 1979 g. M. : Politizdat, 1979. 136 s. (In Russ.).
4. Prikaz nachal'nika UVD Altajskogo kraevogo soveta narodnyh deputatov «Ob uluchshenii medicinskogo obsluzhivaniya lichnogo sostava» ot 21 yanvarya 1978 g. № 23; Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 317. (In Russ.).
5. Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 328. (In Russ.).
6. Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 253. (In Russ.).
7. Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 257. (In Russ.).

8. Prikaz nachal'nika UVD Altajskogo kraevogo soveta narodnyh deputatov «O nepravil'nom opredelenii stepeni trudospособnosti osuzhdennyh, napravlyaemye v lesnye kolonii – poseleniya» ot 17 marta 1978 g. № 71; Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 317. (In Russ.).
9. Istoriya sovetskoj milicii. Sovetskaya miliciya v period socializma (1936–1977 gg.): monografiya. T. 2. M. : Akademiya MVD SSSR, 1977. 338 s. (In Russ.).
10. Prikaz nachal'nika UVD Altajskogo kraevogo soveta narodnyh deputatov «O sozdanii komissii dlya provedeniya rekognoscirovki mestnosti stroitel'stva lechebno-trudovogo profilaktoriya» ot 6 aprelya 1978 g. № 94; Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 318. (In Russ.).
11. Protokol soglasovaniya organizacii LTP №3 na baze Barnaul'skogo domostroitel'nogo kombinata Glavaltajstroya v gorode Barnaule; Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 12. Op. 2. D. 59. (In Russ.).
12. Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 12. Op. 1-v. D. 560. (In Russ.).
13. Arhiv GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 322. (In Russ.).
14. Frizen P. D. Compliance with the Law in the Activities of the Barnaul Medical Detoxification Center in the 1960s // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2024;24: 241–242. (In Russ.).
15. Suverov E. V. Deyatel'nost' altajskoj milicii (1953–1991 gg.): uchebnoe posobie / E. V. Suverov, E. V. Mironov Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2018. 104 s. (In Russ.).
16. Prikaz nachal'nika UVD Altajskogo kraevogo soveta narodnyh deputatov «O neudovletvoritel'noj rabote medvytrezvitelya OVD Pavlovskogo rajispolkoma» ot 4 avgusta 1978 g. № 204; Arhiv GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 319. (In Russ.).
17. Truhin M.A. Nejtralizaciya prestuplenij ekonomicheskoy napravlenosti sotrudnikami organov vnutrennih del na Altae (1922-1991 gg.): monografiya. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet tekhnologij upravleniya i ekonomiki, 2025. 117 s. (In Russ.).
18. Truhin M. A. Documentary Audit as a Form of Financial Activity of Law Enforcement Agencies in Western Siberia in the 1950s // Klio. 2023;12 (204): 127–131. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_12_127. (In Russ.).
19. Suverov E. V. The system of control and inspections in the internal affairs bodies of Western Siberia (1950s-1960s) / E. V. Suverov, E. V. Manujlov // Klio. 2023;2 (194): 135-141. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_135. (In Russ.).
20. Instrukciya «Po neotlozhnoj gosospitalizacii psihicheski bol'nyh, predstavlyayushchih obshchestvennuyu opasnost'» Ministerstva zdravooohraneniya SSSR № 06-14/43 ot 26 avgusta 1971 g. Arhiv GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 4. Op. 1. D. 310. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Г. Вьюн – кандидат медицинских наук
Р. А. Карпов – кандидат исторических наук
Е. В. Суверов – доктор исторических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025;
одобрена после рецензирования 25.08.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

O. G. Vyun – Candidate of Sciences (Medical)
R. A. Karpov – Candidate of Sciences (History)
E. V. Suverov – Doctor of Sciences (History), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 16.07.2025;
approved after reviewing 25.08.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 340.12

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ. РОЛЬ ВОЙСК
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
НА ОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИХ РАЗВИТИЯ**

Николай Васильевич Зубарев

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

zybnick@rambler.ru

Аннотация. Проанализировано такое понятие современного общества, как «общественный порядок» с теоретической точки зрения. Раскрыты смыслы, которые вкладываются в данное понятие философией и юридической наукой. Представлено авторское определение данного понятия с точки зрения теории права. Определена роль войск национальной гвардии по участию в охране общественного порядка.

Ключевые слова: правовое положение, политорганы, военные комиссары, политруки, политработники, Красная Армия, Великая Отечественная война

Для цитирования: Зубарев Н.В. Общественный порядок как философско-правовая категория. Роль войск национальной гвардии Российской Федерации в охране общественного порядка на современном этапе их развития // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 42–53. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/005.pdf>.

Original article

**THE CONCEPT OF PUBLIC ORDER AS A PHILOSOPHICAL AND LEGAL CATEGORY. THE ROLE OF THE
TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROTECTION OF PUBLIC
ORDER AT THE PRESENT STAGE OF THEIR DEVELOPMENT**

Nikolaj V. Zubarev

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

zybnick@rambler.ru

Abstract. The concept of modern society as "public order" is analyzed from a theoretical point of view. The meanings that philosophy and legal science put into this concept are revealed. The author presents a definition of this concept is given from the point of view of legal theory. The role of the National Guard troops in participating in the protection of public order is determined.

Keywords: order, public order, law and order, national guard troops, special military operation

For citation: Zubarev N.V. The concept of public order as a philosophical and legal category. The role of the troops of the national guard of the Russian Federation in the protection of public order at the present stage of their development. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 42–53. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/005.pdf>.

© Зубарев Н.В., 2025

Введение

Современные структурные изменения международных отношений с сопряженностью на формирование однополярных центров мироустройства, обуславливающих состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации, объективировали реконструкцию стиля и методов международного сотрудничества в формате коалиционных составов, равно как гармонизацию законодательства в области стратегического международного сотрудничества. Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудни-

чество, наряду с государственной и общественной безопасностью, являются стратегическими национальными приоритетами на основе анализа тенденций развития и возможностей Российской Федерации в современном мире [1].

При этом особую значимость представляет реализация полномочий войсками правопорядка в условиях военного положения, правового режима контртеррористической операции, что обуславливает необходимость знания норм международного гуманитарного права и обладания умением их применения в объеме должностного

положения. Также определённую практическую значимость международное сотрудничество в сфере коллективной безопасности представляет для реализации рабочих программ юридических дисциплин отраслевого и прикладного характера.

«Гибридная война» против российского государства, развязанная США и их союзниками после присоединения Крыма к России, является современным ответом на изменяющиеся условия геополитической борьбы и роста нестабильности в мире. Гибридная война является стратегией ведения конфликта. Она сочетает в себе информационную войну, кибернетические угрозы и атаки, политическое, экономическое и дипломатическое давление, ведение традиционных боевых действий с нетрадиционными средствами. Помимо этого используются запугивание, обман, подкуп представителей органов государственной власти, граждан страны и военнослужащих, с целью заставить их отказаться от выполнения своих обязанностей. Кроме этого, «гибридная война» включает в себя поддержку оппозиционного движения в государстве, что в свою очередь приводит к дестабилизации обстановки и нарушению общественного порядка.

Стратегии, которые основаны на сочетании различных методов и способов давления на государства, требуют от него гибкости и адаптивности на новые вызовы и угрозы. Данное обстоятельство стало актуальным в свете глобальных изменений, связанных с обеспечением государственной безопасности. На сегодняшний день опережающее реагирование на возникающие вызовы и угрозы является необходимым условием для обеспечения безопасности и стабильности российского государства в современных условиях. Эффективные меры, принимаемые на национальном и международном уровнях, могут значительно уменьшить риски и предотвратить возможные последствия [2]. Важную роль в обеспечении национальной безопасности играют войска национальной гвардии Российской Федерации, которые являются элементом правоохранительной системы. Их основная функция, по мнению автора – участие в охране общественного порядка.

Понятия «общественный порядок» и «правопорядок», с точки зрения теории права, имеют как общие черты, так и различия, которые «необходимо учитывать для понимания их роли в правовой и социальной системах» [2]. Целью «общественного порядка» и «правопорядка» является предотвра-

щение конфликтов и обеспечение безопасности как для индивидов, так и для общества в целом. Оба термина направлены на поддержание стабильности и гармонии в обществе, способствуя эффективному функционированию социальных и правовых систем. «Общественный порядок» и «правопорядок» взаимосвязаны: успешное развитие одного подразумевает наличие другого. Общественный порядок непосредственно влияет на правопорядок. Правовые нормы часто служат средством для поддержания порядка в обществе, а соблюдение закона способствует социальному порядку. Правопорядок, установленный на основе законов, способствует поддержанию общественного порядка. Рассматриваемые понятия подразумевают наличие определенных норм и правил, регулирующих поведение людей.

Если научное исследование «общественного порядка» рассматривается через призму социологии, философии и культуры, то в свою очередь изучение «правопорядка» преимущественно основывается на юридических (правовых нормах) и правоприменительных методах. Концепции «общественный порядок» и «правопорядок» имеют много общего в контексте обеспечения устойчивости и безопасности общества, они различаются по своему содержанию, механизму формирования и способам исследования.

Основные положения

Актуальность темы, связанной с угрозами стабильности и безопасности в России, обусловлена комплексом факторов как внешних, так и внутренних. К ним, по мнению автора, относятся:

во-первых, увеличение конфликтов на международной арене, расширение НАТО и присоединение других стран к военным альянсам создают угрозу для национальной безопасности России;

во-вторых, санкции и экономические меры, введенные против России западными странами после событий 2014 года, оказывают значительное давление на экономику и внутреннюю стабильность;

в-третьих, увеличение количества кибератак, направленных на государственные и частные организации, подрывает информационную безопасность;

в-четвертых, социальное неравенство, экономические проблемы и коррупция могут приводить к массовым протестам и недовольству среди населения, что угрожает внутренней стабильности России;

в-пятых, угрозы, связанные с террориз-

мом и экстремизмом, могут проявляться как на уровне малых групп, так и организаций, создавая риск дестабилизации в регионах и ряд других факторов. Понимание этих угроз и разработка стратегий их преодоления имеют ключевое значение для устойчивого развития российского государства и обеспечения благополучия общества [2, С. 17–19; 3, С. 24–25].

В условиях специальной военной операции на Украине Российская Федерация столкнулась с явной реакцией со стороны коллективного Запада, которая выразилась в объявлении России основным военным противником. При этом именно войска национальной гвардии и их добровольческие формирования должны быть готовы к выполнению поставленных перед ними задач по стабилизации обстановки в ходе попытки проведения «цветной революции» в России посредством охраны общественного порядка [4, С. 14–19].

Исследование «общественного порядка» и связанных с ним категорий проходит через призму различных научных дисциплин и подходов. Эти различные подходы заполнены богатым материалом, способствуя многогранному пониманию понятий «общественный порядок» и «правопорядок», а также их роли в современном обществе.

Автор подошел к исследованию данной проблемы с помощью частной теории философии права – компрехендная теория познания права (от лат. *Comprehendo* – всеохватывающий). Применение ее позволяет молодым учёным глубже понять правовые концепции, избегая идеализации и односторонности. Теория, предложенная российскими учеными [5; 6, С. 77–78; 7, С. 25–55; 8, С. 183–188], включает правовые аспекты и их взаимосвязи, что позволяет обеспечить всесторонний анализ, подчеркивает необходимость объективности в правоведении, крайне важно для формирования справедливой правовой системы и адекватного понимания динамики правовых явлений. Кроме этого, комплексное исследование помогло выявить как универсальные закономерности, так и специфические особенности в разных культурных и исторических контекстах.

Как отмечает А. А. Селифонов, «первые представления о «порядке» отразились уже в мифологии [9]. В мифах очень часто присутствовали мотивы, которые подчеркивали власть и авторитет правителей. Они в свою очередь избирались богами, либо имели божественное происхождение. Данное обстоятельство способствовало укреплению

легитимности политического порядка и правления. «Порядок» в мифологическом сознании представляется двуединой категорией, которая регулирует как космические процессы, так и социальные отношения. Выполняя нормативно-трансляционную функцию, мифы закладывают аксиологические основания для последующего теоретического осмысления порядка в философской и правовой мысли.

Например, «Правда» и «Кривда» – персонажи русской мифологии. «Кривда» – это хитрость, ложь и нечестность, представляет собой серого зайца, символизируя тьму и запутанность. «Правда» же, наоборот, олицетворяет честность, положительные моральные качества и справедливость. Как правило, изображается в виде белого зайца, подчеркивая светлый и добродетельный характер [10]. Вышеупомянутые образы показывают, как добро и зло сосуществуют и соперничают.

Русский язык отражает богатство и многогранность понятия «порядок» через различные слова и их значения. Например, слово ряд означает порядок, последовательность, располагая элементы в установленном порядке, что символизирует организованность; лад – связан с гармонией и согласованностью как на уровне отношений между людьми, так и в природе, обозначая состояние согласия и упорядоченности; мир – имеет два основных значения: внешний мир (природа, общество) и внутренний мир человека (мир души, спокойствие); наряд – это не только внешний вид, но и порядок, совокупность элементов, которые составляют гармоничный и организованный облик.

В физическом мире действуют объективные законы и процессы, которые не зависят от воли и желаний человека. Они отражают естественный порядок и предопределенность природы. Например, такие непреложные циклы, как круговорот воды, углерода и другие биогеохимические процессы, продолжают существовать вне зависимости от деятельности людей. Человечество в определенных областях вышло за рамки природных алгоритмов и получило способность к творчеству, это обстоятельство подчеркивает особую роль человеческой деятельности в обществе. Творческое начало служит двигателем прогресса и развития, но вместе с тем требует осознанного подхода – необходимо учитывать последствия своих действий и поддерживать устойчивость социальных систем.

Общество – это пространство, где люди

самостоятельно организуют свои связи, создавая культурные, социальные и политические институты, которые функционируют вне рамок природных закономерностей. Человечество способно к инновациям и преобразованиям, создавая новые социальные нормы, институты и формы взаимодействия. Общество не ограничено структурой природы; оно может развиваться, например, через образование, искусство и культуру.

Люди могут сами устанавливать правила, законы и политику, регулирующие общественные отношения, формируя «правопорядок» и «порядок» в обществе, основанные на совместных соглашениях, а не на биологических инстинктах. Таким образом, по мнению автора, свобода человечества в сфере общественных отношений представляет собой уникальную возможность для творчества и экспериментов. Это позволяет обществу справляться с вызовами и адаптироваться к изменениям в условиях постоянного развития.

Теоретические категории «общественный порядок» и «правопорядок» начали формироваться в русском языке в XIX веке, но их возникновение связано с более ранними историческими, философскими и политико-правовыми традициями [11, С. 47–66; 12, С. 20–22; 13, С. 27–24; 14; 15, С. 62–81].

Например, в древнерусских летописях встречаются упоминания о «нравах» и «законах», что свидетельствует о формировании уже в те времена понятий общественного порядка и правовых норм. Например:

– во-первых, «Повесть временных лет» [16]. Созданная в XII веке летопись является богатым источником, в которой содержатся знания о традициях, общественном устройстве, законах древних племен и их быте;

– во-вторых, «Слово о полку Игореве» [17]. В тексте литературного произведения XII века отражены представления о праве и морали. В нем рассматриваются вопросы чести и воинской доблести и осуждение предательства, отражая нормы поведения, особенно в сфере военных походов;

– в-третьих, традиционные нормы и право [18]. Устные обычаи древнерусских народов выполняли функцию социального регулирования, определяя правила взаимодействия между членами общины. Следовательно, нравы служили основой для создания более формализованных законов, которые возникли позже;

– в-четвертых, роль князей [19, С. 100–103]. Княжеская власть часто ассоциировалась с

установлением порядка и обеспечения соблюдения норм. Например, нормы поведения могли изменяться в зависимости от указаний правителей, что подчеркивало динамичность общественного порядка;

– в-пятых, влияние христианства. С принятием христианства в конце X века произошла интеграция новых моральных и правовых норм, что повлияло на существующие традиции и формирование представлений о справедливости и порядке. О роли христианства в жизни современного российского общества очень четко сказал Президент России В. В. Путин 7 января 2025 года в своем поздравлении россиян с Рождеством Христовым: «Этот светлый, долгожданный праздник дорог миллионам людей во всем мире. Он дарит верующим радость и надежду, вдохновляет на добрые мысли, дела и поступки. Отмечу, что Русская православная церковь, другие христианские конфессии России играют огромную созидательную роль в единении народа, в сбережении нашей исторической памяти, уникального культурного, духовного наследия» [20].

Эти первичные описания нравов и законов, по мнению автора, свидетельствуют о том, что вопрос порядка, справедливости и общественного устройства был актуален уже в раннее время древнерусского государства. Они послужили основой для дальнейшего развития правовых и социальных концепций в Руси и России.

Тема «порядка» в общественных отношениях занимает важное место в философии, и ее рассмотрение восходит к работам Платона. Платон (428–348 в. до н. э.) в своих трудах, особенно в «Государстве», описывает идеальное общество, в котором «порядок» достигается через структуру разделения труда. «Каждый гражданин должен выполнять свою роль (раб, воин, философ), что приводит к гармонии и стабильности в обществе», – писал Платон [21]. А справедливость, в свою очередь, достигается, когда каждый занимается тем, что делает лучше всего.

Томас Гоббс, английский философ XVII века, кардинально изменил восприятие «социального порядка» в своей работе «Левиафан». Гоббс подчеркивал, что «социальный порядок не является естественным состоянием, а результатом выбора людей, стремящихся к безопасности и стабильности» [22]. Его идеи о социальном контракте и необходимости сильной власти стали основоположными для модернизма в политической теории и оказали значительное влия-

ние на понимание политической власти и социального порядка.

Дж. Локк и Ш. Л. Монтескье дополняют друг друга в своих взглядах на «общественный порядок». Монтескье акцентирует внимание на необходимости разделения властей и воздействия культурных факторов: «общественный порядок зависит от множества факторов, включая климат, историю и культуру народа» [23]. В то время как Локк фокусируется на защите естественных прав и легитимности власти через согласие народа, «истинный общественный порядок возникает, когда власть основана на согласии народа... поддержание порядка зависит от отношений между гражданами и их правительством» [24]. В дальнейшем их идеи стали основой для формирования современных концепций демократии, правового государства и цивилизованного «общественного порядка».

Анализ социально-экономических предпосылок общественного устройства является центральным аспектом марксистской теории. Карл Маркс разработал концепцию общественно-экономических формаций и выявил закономерности, связанные с изменением общественного порядка в зависимости от экономических условий. По К. Марксу, история человечества является историей классовой борьбы. Она проявляется в формах сопротивления и эволюции производительных сил, что, в свою очередь, влечет за собой переход к новому «общественному порядку». Социальные и экономические условия определяют культурные, политические и идеологические аспекты любого общества. В свою очередь это приводит к пониманию, что изменения в общественном порядке происходят не случайно, а под влиянием объективных экономических факторов.

Подход Макса Вебера к пониманию «социального порядка» выделяется своей сложностью и многослойностью. Его работы подчеркивают, что социальный порядок не является статичным, а представляет собой результат взаимодействия индивидуальных действий, социальных структур и культурных норм. Он рассматривал социальный порядок как «результат взаимодействия между индивидами, легитимности власти, социальных норм и бюрократических структур» [25], что делает его теорию актуальной для анализа современных социальных систем.

Среди дореволюционных мыслителей и государственных деятелей России автором выделены несколько ключевых фигур, чьи взгляды оказали значительное влияние на

общие представления об «общественном порядке».

Например, Пётр I во многом изменил «социальный и политический порядок в России» [27, С. 7–15]. Он стремился к европеизации страны, вводя западные законы и порядки, создавая регулярную армию и бюрократическую систему, что укрепляло централизованное государство и его контроль над обществом. Правовому регулированию была подвергнута даже медицинская деятельность [27, С. 219–230].

Времена правления Александра I характеризовались попытками реформирования государственного порядка через создание новых законодательных учреждений и обсуждения конституционных инициатив. Его политика была направлена на изменение социальной структуры и улучшение общественного порядка, несмотря на противоречивость действий.

Николай I стремился к укреплению авторитарного порядка в рамках государства, что проявлялось в усилении цензуры и контроля за обществом. Подход к «общественному порядку» основывался на принципах «самодержавия и необходимости защиты порядка через жесткие меры» [28, С. 51–55].

М. В. Ломоносов внес вклад в культуру и образование, подчеркивая «важность просвещения как средства для формирования общественного порядка и моральных взглядов» [29, С. 101–121]. Его идеи о значении знаний для развития общества стали основой для дальнейших культурных реформ.

И. Ильин, философ и публицист XX века, анализировал природу власти и ее роль в «общественном порядке». Ученый утверждал, что «истинный порядок основывается на духовных ценностях и единстве народа, выступая против крайностей как революционного насилия, так и деспотизма» [30, С. 102–115].

А. И. Герцен критиковал существующий порядок и выступал за социальные реформы, подчеркивая важность свободы и индивидуальных прав, считая «необходимым изменить существующий порядок для достижения справедливого общества» [31, С. 36–51].

Таким образом, по мнению автора, каждый из упомянутых мыслителей и государственных деятелей внес свой огромный и уникальный вклад в формирование представлений об «общественном порядке» в России, гармонично сочетая мировые идеи с местными историческими условиями. Многообразие подходов и аналитических рамок позволяет глубже понять, как в раз-

личных контекстах строится социальная жизнь и как на протяжении истории менялись представления о порядке в российском государстве.

Советский период истории стал важным этапом в развитии теоретических и практических подходов к понятиям «общественный порядок» и «правопорядок». Исследования в этих областях помогли сформировать уникальные социологические, философские и правовые взгляды, отражающие как идеологические установки, так и социальные реалии того времени. Понимание этих категорий в контексте советского опыта продолжает оставаться актуальным и для современных исследователей, изучающих изменения в общественных системах и правовых рамках.

Например, исследования Г. М. Гранберга и А. И. Шифрея об общественном порядке в советском обществе акцентировали внимание на роли общественных организаций и комитетов в поддержании порядка. Ученые анализировали функции «общественного порядка» и выделяли ключевые аспекты данного понятия, такие как «общественный порядок устанавливает нормы, которые определяют допустимое поведение граждан; охрана прав и свобод граждан, предотвращение преступности и антисоциальных действий» [32]. Соблюдение общественного порядка укрепляет единство людей, способствуя формированию здоровой и устойчивой социальной сферы.

А. А. Пионтковский занимался вопросами «правопорядка», рассматривая его «как совокупность норм и институтов, регулирующих общественные отношения» [33, С. 129–131]. В его научных исследованиях большое значение уделялось законности и правосознанию с целью функционирования правопорядка.

Философский анализ Т. И. Грайса был направлен на изучение категории «социального порядка» через призму диалектического материализма, формулируя вывод о том, что «социальные и экономические условия формируют общественный порядок и порядок в праве» [34, С. 134–138].

Идеи Н. Г. Александрова «о социальном порядке», правопорядке и социальном контроле в значительной мере повлияли на социологическое понимание этих понятий в СССР. «Общественный порядок» он рассматривал как состояние упорядоченности и стабильности в обществе, которое основано на согласии членов общества относительно норм, ценностей и правил. В его работах подчеркивается несколько ключевых

функций, которые выполняет «общественный порядок – регуляция поведения, социальная интеграция, предотвращение конфликтов» [35, С. 301–313].

Л. С. Явич исследовал теоретические и практические аспекты понимания «общественного порядка» в разных исторических и социальных контекстах и определил общественный порядок «как систему устойчивых социальных отношений, основанных на общепринятых нормах, правилах и моральных ценностях, которые регулируют поведение индивидов и коллективов... общественный порядок является результатом как формального, так и неформального социализации» [36, С. 8, 16–23]. С точки зрения теории права его исследования акцентируют роль правовых норм, институтов и правоприменительных механизмов как ключевых элементов обеспечения социальной стабильности и правопорядка [37].

В процессе формирования общественного порядка также рассматривалась роль воспитания граждан. Работы, посвященные психологии и педагогике, акцентировали внимание на формировании правосознания и моральных ценностей у молодых людей как основе для поддержания общественного порядка. Важная часть исследований заключалась в анализе общественного контроля и коллективной ответственности как элементов, способствующих поддержанию порядка в обществе.

Важным этапом, по мнению автора, исследующим юридические категории «правопорядок» и «общественный порядок», стал советский период. В этот период научные исследования в основном основывались на марксистско-ленинской теории. Данная теория влияла на подходы к анализу социальных институтов, функций государства и механизмов, которые обеспечивают стабильность и порядок в обществе. После распада Советского Союза в 1991 году изучение данных категорий с точки зрения теории государства и права продолжилось. Аналитические подходы в этой области значительно дифференцировались, отражая комплексные изменения во всех сферах общественной жизни.

Таким образом, категория «общественный порядок» претерпела существенные изменения. В дореволюционной России общественный порядок охватывал широкий спектр явлений, включая социальные, культурные и экономические аспекты жизни общества. Защита общественного порядка подразумевала меры против различных

угроз – от преступности до социальных волнений. В современном контексте, особенно в свете изменений, произошедших после революции и в советский период, понятие стало более специализированным. Теперь акцент делается на «узком» или «милиейском» понимании, которое связано преимущественно с поддержанием правопорядка, обеспечением безопасности и борьбой с правонарушениями. Таким образом, изменения в трактовке «общественного порядка» отражают не только исторические, но и социальные трансформации, произошедшие в российском обществе.

Близкое по смыслу понимание категории «общественного порядка» нашло отражение и на обыденном понимании этого термина. Например, как отмечает В. Н. Полторыпаев, «в обыденной жизни общественный порядок понимают узко – как порядок отношений в общественных местах» [38, С. 10].

Ф. Е. Колонтаевский в своем научном труде анализирует категорию «общественный порядок» «как состояние упорядоченности и стабильности в обществе, достигнутое благодаря соблюдению норм и правил, регулирующих взаимодействия между индивидами» [39, С. 13].

Подобным образом А. В. Виссаров в своих исследованиях рассматривает общественный порядок как сложное явление, которое включает в себя элементы социальной стабильности, правопорядка и моральных норм, расширяя традиционные взгляды, акцентируя внимание на многообразии факторов, определяющих его состояние и устойчивость. В своих научных трудах он пишет: «общественный порядок – социальное явление, которое включает в себя системы норм, правил и институтов, регулирующих поведение людей в обществе» [40].

Автор подчеркивает важность социальных норм и ценностей, которые формируют представление о том, что такое «правильно» и «неправильно» в обществе. Общественный порядок служит основополагающим элементом стабильности и функционирования социума, обеспечивая предсказуемость в социальных взаимодействиях и снижая вероятность конфликтов и хаоса. Порядок способствует гармоничным отношениям между членами общества, позволяя развивать сотрудничество, взаимопонимание и взаимодействие. Поддержание общественного порядка во многом зависит от восприятия и отношения людей к данному порядку. С юридической позиции

устойчивость правовой системы обусловлена уровнем доверия к правовым институтам и нормам, консенсусом между различными социальными группами относительно легитимности действующего права. Это отражает связь между социальной солидарностью и эффективностью правового регулирования. «Когда группы разделяют единые ценности, порядок легче сохранять и поддерживать... «общественный порядок» является неотъемлемой частью социальной структуры, которая требует активного участия всех членов общества для его поддержания и развития» [35].

Российский правовед Н. Н. Вопленко, рассматривая данные юридические категории, высказывает мнение о том, что «общественный порядок является объективно необходимой формой общественного упрочения исторически сложившегося способа производства. Структуру составляют свойственные данному обществу формы нормативного регулирования совместной деятельности людей, общественные отношения как результат нормативной регламентации основных сфер общественной жизни и сам порядок в общественных отношениях, отражающий устойчивый характер, своеобразную предсказуемость или прогнозируемость практического действия социальных норм» [41].

Таким образом, успешное осуществление идеи «общественного порядка» требует согласия и сотрудничества всех участников общественной практики: государства, общественных организаций и индивидуумов. Применение эффективных средств для согласования интересов всех участников является ключевым аспектом. Свидетельства и мнения от всех участников являются важными для оценки текущего состояния общественного порядка. Обратная связь помогает выявить проблемные зоны и развивать стратегии по их улучшению, что, в свою очередь, способствует повышению устойчивости общества. Постоянный процесс совершенствования предполагает гибкость и адаптивность, что позволяет реагировать на изменения в социальном контексте и потребности граждан. Данное обстоятельство особо важно в условиях деятельности недружественных государств в отношении современной России.

Основное направление обеспечения безопасности Российского государства и общества – это укрепление роли государства как главного гаранта защиты. В связи с этим непрерывно совершенствуются структура и деятельность федеральных органов

исполнительной власти, а также подчиненных им силовых структур, что привело, в частности, к созданию в их системе войск национальной гвардии Российской Федерации. Специфика их служебно-боевой деятельности заключается в особом предназначении для выполнения задач в районах со сложной криминогенной обстановкой, строгая регламентация этой деятельности, функциональная определенность законами, служебно-боевыми уставами и другими нормативно-правовыми актами определяют их роль и место в обеспечении внутренней безопасности государства. Задачи, возложенные на войска национальной гвардии, определяет статья 2 Федерального закона от 03 июля 2016 года № 226 «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [42, С. 121–125].

Автор соглашается с мнением В. П. Сальникова, который считает, совместно с соавторами, что «чаще всего проблемы в обеспечении общественного порядка возникают во время проведения массовых мероприятий... органам внутренних дел, а теперь и национальной гвардии, приходится принимать дополнительные меры для поддержания на должном уровне обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности» [43, С. 157–163].

По мнению автора, «не стала исключением и специальная военная операция на освобожденных территориях Украины, в которой войска национальной гвардии принимают участие» [44, С. 73–83].

Заключение

Традиционное понимание национальных интересов в контексте коллективного Запада связано с концепцией исключительности, которая подразумевает особую роль данных стран на мировой арене. Взаимодействие между США и Россией исторически характеризуется соперничеством на различных уровнях – от военного до экономического и культурного. Ожидается, что США и их союзники продолжают проводить политику, направленную на ослабление позиций России, учитывая её роль как важнейшего геополитического игрока.

Автор считает, что общественный порядок в широком смысле можно определить

как состояние общества, обеспечиваемое совокупностью всех норм, правил и устойчивых социальных практик, способствующих организованному существованию общества и его стабильности. А в узком смысле под общественным порядком следует понимать правовое состояние общества, обеспечиваемое конкретными юридическими нормами и правилами, которые регулируют отношения в обществе и обеспечивают порядок, стабильность и безопасность, а также управление в обществе через четкое установление правовых норм и механизмов их соблюдения.

К основным различиям между «общественным порядком» и «правопорядком», по мнению автора, относятся:

– во-первых, содержание. С этой точки зрения «общественный порядок» – широкое понятие, охватывающее все аспекты жизни общества, включая культурные, моральные и социальные нормы. Это состояние общественных отношений, основанное на согласии, взаимопонимании и сотрудничестве. А «правопорядок» – более узкое понятие, связанное с правовыми нормами и их соблюдением. Означает систему законов и правил, регулирующих поведение граждан, а также механизмы их реализации и защиты;

– во-вторых, «общественный порядок» поддерживается через социальные отношения и культурные практики, в то время как «правопорядок» существует благодаря юридическим институтам, охране закона и правам человека.

Кроме этого, на сегодняшний день отсутствует сравнительно-правовой анализ термина «общественная безопасность». По мнению автора, исключение из содержания определения термина «общественная безопасность» размытых формулировок способствует индивидуализации общественной безопасности как вида национальной безопасности. Кроме того, законодательное закрепление определения термина «общественная безопасность» дает возможность конкретизировать положения определенных нормативно-правовых актов и улучшить их практическое применение в дальнейшем.

Список источников

1. Зорькин В. Д. Право против хаоса: монография. 3-е изд., перераб и доп. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2023. 536 с.
2. Степашин С. В. Право и гуманитарные ценности как опора в период турбулентности мировой политики // XI Петербургский международный юридический форум. СПб. : Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. С. 17–19.

3. Степашин С. В. Роль юристов в формировании дружественного цивилизационного пространства // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. М. : Росконгресс, 2024. С. 24–25.
4. Зубарев Н. В. О некоторых вопросах применения добровольческих формирований войск национальной гвардии Российской Федерации / Н. В. Зубарев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 6(323). С. 14–19.
5. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность / И. А. Ананских, Е. В. Виноградова, И. Н. Грибов [и др.]; под ред. В. П. Сальникова. СПб.: СПВИ войск национальной гвардии, 2022. 463 с.
6. Захарцев С. И. Для познания права предлагается компрехендный подход / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 77–87.
7. Захарцев С. И. Институты права с позиции компрехендной теории познания: сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / С. И. Захарцев, В. П. Сальников; отв. ред. Ф. М. Раянов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 45–55.
8. Захарцев С. И. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2016. № 2–5 (207). С. 183–188.
9. Селифонов А. А. Общественный порядок: опыт исследования: монография. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011. 130 с.
10. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни: в 3 т. Т. 1. СПб. : Тропа Троянова, 2002.
11. Сальников М. В. Геополитические, экономические и социокультурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 47–66.
12. Сальников М. В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2004. № 3 (23). С. 20–22.
13. Сальников М. В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. 2013. № 10. С. 27–44.
14. Сальников М. В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: монография. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. 203 с.
15. Сальников М. В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. 2013. № 9. С. 62–81.
16. Повесть временных лет. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Наука, 1999. 667 с. (Литературные памятники).
17. Слово о полку Игореве. М. : АСТ, 2018. 192 с.
18. Тинина З. П. Традиционные культуры древних народов мира. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2018. 79 с.
19. Ступникова Н. Н. Князь и княжеское управление в Киевской Руси // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12(72). С. 100–103.
20. Путин В. В. Поздравление с Рождеством Христовым. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76087/print> (дата обращения 12.01.2025).
21. Платон. Государство. СПб. : Азбука, 2017. 352 с.
22. Гоббс Т. Левиафан. М. : АСТ, Neoclassic, 2023. 800 с.
23. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М. : АСТ, 2022. 864 с.
24. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. 4-е изд. Челябинск: Социум, 2020. 496 с.
25. Азимова М. Макс Вебер и его отношение к теории действия // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. № 3(260). С. 66–70.
26. Гаврилина Н. А. Развитие системы государственного и общественного призрения при Петре I и его преемниках / Н. А. Гаврилина, А. В. Третьяков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 4(52). С. 7–15.
27. Сальников В. П. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I / В. П. Сальников, С. Г. Стеценко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4(237). С. 219–230.

28. Байкеева С. Е. Николай I и его деятельность на благо общества и государства: штрихи к портрету / С. Е. Байкеева, А. А. Удальцов // Экономические и правовые аспекты инновационного развития: сборник научных статей / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Глобус, 2018. С. 51–55.
29. Чернов С. В. История гениальности в России: Михаил Васильевич Ломоносов (1711–2016) // Философская школа. 2017. № 1. С. 101–121.
30. Исмагилов Р. Ф. Справедливость и правда, как идея в русской философии права / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 102–115.
31. Гутман М. Ю. Политическая стабильность и «министерская чехарда» в российской империи: анализ сквозь призму силовых ведомств (1802 – февраль 1917 гг.) / М. Ю. Гутман, В. П. Сальников, И. В. Семенова [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 1. С. 36–51.
32. Исследование межотраслевых территориальных пропорций: сборник научных трудов / под ред. А. Г. Гранберга, Б. В. Мелентьева. Новосибирск, 1980. 168 с.
33. Промохина С. А. Некоторые вопросы правопонимания советского времени // Поколение будущего: взгляд молодых ученых – 2021: сборник научных статей 10-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 11–12 ноября 2021 г. Т. 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 129–131.
34. Ячкова О. В. Принцип Кооперации в речевом общении // Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения: сборник научных трудов / отв. ред. О. А. Чекун. Вып. 2. М.: Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, 2015. С. 134–138.
35. Чуча С. Ю. Правоприменение в условиях трансформации сферы труда и модернизации теории трудовых правоотношений // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 301–313.
36. Явич Л. С. Социалистический правопорядок. Л.: ЛГУ, 1972. 78 с.
37. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: ЛГУ, 1976. 298 с.
38. Полторыпавленко В. Н. Общественный порядок и правовая активность личности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / 38. Полторыпавленко Виктор Николаевич. СПб., 1999.
39. Колонтаевский Ф. Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Колонтаевский Федор Ефимович. М., 1996. 58 с.
40. Виссаров А. В. Правопорядок и субъекты его обеспечения (Теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Виссаров Анатолий Васильевич. М., 2003. 176 с.
41. Вопленко Н. Н. Законность и правовой порядок: монография. Волгоград: ВолГУ, 2006. С. 106.
42. Сальников В. П. Войска национальной гвардии Российской Федерации – начало большого пути / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 7. С. 121–125.
43. Сальников В. П. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, охрана важнейших государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 157–163.
44. Крижановская Г. Н. Правовые основы деятельности войск национальной гвардии по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности / Г. Н. Крижановская, Н. В. Зубарев // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 6. С. 73–83.

References

1. Zor'kin V. D. Pravo protiv haosa: monografiya. 3-e izd., pererab i dop. M.: NORMA: INFRA-M, 2023. 536 s. (In Russ.).
2. Stepashin S. V. Pravo i humanitarnye cennosti kak opora v period turbulentnosti mirovoj politiki // XI Peterburgskij mezhdunarodnyj yuridicheskij forum. SPb.: Roskongress; Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii, 2023. S. 17–19. (In Russ.).
3. Stepashin S. V. Rol' yuristov v formirovanii druzhestvennogo civilizacionnogo prostranstva // XII Peterburgskij Mezhdunarodnyj yuridicheskij forum 2024. M.: Roskongress, 2024. S. 24–25. (In Russ.).
4. Zubarev N. V. On Some Issues of the Use of Volunteer Formations of the National Guard

Troops of the Russian Federation / N. V. Zubarev, V. M. Shenshin // *Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie*. 2024;6(323): 14–19. (In Russ.).

5. Dobro, doverie, spravedlivost' v filosofsko-pravovoj mysli: antichnost' i sovremennost' / I. A. Ananskih, E. V. Vinogradova, I. N. Gribov [i dr.]; pod red. V. P. Sal'nikova. SPb.: SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2022. 463 s. (In Russ.).

6. Zaharcev S. I. A compressed approach is proposed for learning about law / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // *Rossiiskij zhurnal pravovyh issledovanij*. 2017;1 (10): 77–87. (In Russ.).

7. Zaharcev S. I. Instituty prava s pozicii komprekhendnoj teorii poznaniya: sbornik statej k Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.) / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov; otv. red. F. M. Rayanov. Ufa: RIC BashGU, 2018. S. 45–55. (In Russ.).

8. Zaharcev S. I. The Comprehensive Theory of Law is a new theory of legal reality / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // *Vestnik Tadzhijskogo nacional'nogo universiteta. Seriya social'no-ekonomicheskikh i obshchestvennyh nauk*. 2016;2–5 (207): 183–188. (In Russ.).

9. Selifonov A. A. Obshchestvennyj porjadok: opyt issledovaniya: monografiya. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2011. 130 s. (In Russ.).

10. Grigor'ev A. D. Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni: v 3 t. T. 1. SPb. : Tropa Troyanova, 2002. (In Russ.).

11. Sal'nikov M. V. Geopolitical, economic, and sociocultural factors in the context of the formation and development of the national political and legal tradition in Russia // *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki*. 2012;11: 47–66. (In Russ.).

12. Sal'nikov M. V. The Domestic Political and Legal Tradition: Geopolitical, Economic, and Socio-Cultural Determinants // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2004;3 (23): 20–22. (In Russ.).

13. Sal'nikov M. V. The Domestic Political and Legal Tradition: Factors Determining Identity // *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki*. 2013;10: S. 27–44. (In Russ.).

14. Sal'nikov M. V. Politiko-pravovaya tradiciya Rossii: genezis i evolyuciya: monografiya. SPb.: Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii, 2004. 203 s. (In Russ.).

15. Sal'nikov M. V. The Evolution of the Russian Political and Legal Tradition: Some Problems of the Relationship between Static and Dynamic Principles // *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki*. 2013;9: S. 62–81. (In Russ.).

16. Povest' vremennyh let. Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb. : Nauka, 1999. 667 s. (Literaturnye pamyatniki). (In Russ.).

17. Slovo o polku Igoreve. M. : AST, 2018. 192 s. (In Russ.).

18. Tinina Z. P. Tradicionnye kul'tury drevnih narodov mira. Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, 2018. 79 s. (In Russ.).

19. Stupnikova N. N. The Prince and Princely Administration in Kievan Rus // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2010;12(72): 100–103. (In Russ.).

20. Putin V. V. Pozdravlenie s Rozhdestvom Hristovym. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76087/print> (data obrashcheniya 12.01.2025). (In Russ.).

21. Platon. Gosudarstvo. SPb. : Azbuka, 2017. 352 s. (In Russ.).

22. Gobbs T. Levafan. M. : AST, Neoclassic, 2023. 800 s. (In Russ.).

23. Montesk'e SH. L. O duhe zakonov. M. : AST, 2022. 864 s. (In Russ.).

24. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii / per. s angl. E. S. Lagutina, YU. V. Semenova. 4-e izd. CHelyabinsk: Socium, 2020. 496 s. (In Russ.).

25. Azimova M. Max Weber and His Relationship to the Theory of Action // *Izvestiya Akademii nauk Respubliki Tadjikistan. Otdelenie obshchestvennyh nauk*. 2020;3(260): 66–70. (In Russ.).

26. Gavrilina N. A. The development of the state and public welfare system under Peter I and his successors / N. A. Gavrilina, A. V. Tret'yakov // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019;4(52): S. 7–15. (In Russ.).

27. Sal'nikov V. P. Legal regulation of medical activities in Russia during the reign of Peter the Great / V. P. Sal'nikov, S. G. Stecenko // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. 2001;4(237): 219–230. (In Russ.).

28. Bajkeeva S. E. Nikolaj I i ego deyatel'nost' na blago obshchestva i gosudarstva: shtrihi k portretu / S. E. Bajkeeva, A. A. Udalcov // *Ekonomicheskie i pravovye aspekty innovacionnogo razvitiya: sbornik nauchnyh statej / otv. red. G. YU. Gulyaev*. Penza: Globus, 2018. S. 51–55. (In Russ.).

29. Chernov S. V. The History of Genius in Russia: Mikhail Vasilyevich Lomonosov (1711–2016) // *Filosofskaya shkola*. 2017. № 1. S. 101–121. (In Russ.).

30. Ismagilov R. F. Justice and Truth as an Idea in Russian Legal Philosophy / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov // *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki*. 2016;7: 102–115. (In Russ.).
31. Gutman M. YU. Political Stability and "Ministerial Fiasco" in the Russian Empire: An Analysis Through the Prism of the Security Agencies (1802 – February 1917) / M. YU. Gutman, V. P. Sal'nikov, I. V. Semenova [i dr.] // *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2023;1: 36–51. (In Russ.).
32. Issledovanie mezhotraslevykh territorial'nykh proporcij: sbornik nauchnykh trudov / pod red. A. G. Granberga, B. V. Melent'eva. Novosibirsk, 1980. 168 s. (In Russ.).
33. Promohina S. A. Nekotorye voprosy pravoponimaniya sovetskogo vremeni // *Pokolenie budushchego: vzglyad molodykh uchenykh – 2021: sbornik nauchnykh statej 10-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii, Kursk, 11–12 noyabrya 2021 g. T. 2. Kursk: YUgo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 129–131. (In Russ.).*
34. YAchkova O. V. Princip Kooperacii v rechevom obshchenii // *Sovremennoe yazykovoe obrazovanie: innovacii, problemy, resheniya: sbornik nauchnykh trudov / otv. red. O. A. Chekun. Vyp. 2. M. : Moskovskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet im. M. A. Sholohova, 2015. S. 134–138. (In Russ.).*
35. Chucha S. YU. Law enforcement in the context of the transformation of the labor sphere and the modernization of the theory of labor relations // *Pravoprimenenie*. 2022. T. 6;4: 301–313. (In Russ.).
36. YAvich L. S. *Socialisticheskij pravoporyadok*. L. : LGU, 1972. 78 s. (In Russ.).
37. YAvich L. S. *Obshchaya teoriya prava*. L. : LGU, 1976. 298 s. (In Russ.).
38. Poltorypavlenko V. N. *Obshchestvennyj poryadok i pravovaya aktivnost' lichnosti: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / 38. Poltorypavlenko Viktor Nikolaevich. SPb., 1999. (In Russ.).*
39. Kolontaevskij F. E. *Organizacionnye osnovy ohrany obshchestvennogo poryadka v sovremennykh usloviyakh: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.02 / Kolontaevskij Fedor Efimovich. M., 1996. 58 s. (In Russ.).*
40. Vissarov A. V. *Pravoporyadok i sub"ekty ego obespecheniya (Teoretiko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Vissarov Anatolij Vasil'evich. M., 2003. 176 s. (In Russ.).*
41. Voplenko N. N. *Zakonnost' i pravovoj poryadok: monografiya. Volgograd: VolGU, 2006. S. 106. (In Russ.).*
42. Sal'nikov V. P. The National Guard of the Russian Federation: The Beginning of a Great Journey / V. P. Sal'nikov, E. N. Kondrat, O. S. Borisov // *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2016;7: 121–125. (In Russ.).
43. Sal'nikov V. P. The National Guard troops and their assigned tasks: participation in maintaining public order, ensuring public safety, and protecting important state facilities, special cargo, and communication structures / V. P. Sal'nikov, E. N. Kondrat, O. S. Borisov // *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki*. 2016;7: 157–163. (In Russ.).
44. Krizhanovskaya G. N. Legal basis for the activities of the National Guard troops in maintaining public order and ensuring public safety / G. N. Krizhanovskaya, N. V. Zubarev // *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2023;6: 73–83. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.06.2025;
одобрена после рецензирования 12.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 10.06.2025;
approved after reviewing 12.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 340

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Галина Николаевна Крижановская

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

imyarec@list.ru

Аннотация. Проводится сравнительный анализ отечественных систем государственного управления разных исторических периодов в условиях военного времени. Делается вывод о том, что эффективное взаимодействие государства и институтов гражданского общества, направленное на скорейшее достижение победы, в том числе и в Специальной военной операции, возможно лишь при условии, что и государство, и гражданское общество искренне проникнуты идеей служения Отечеству.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая Отечественная война, особые совещания, военно-промышленные комитеты, Земгор, служение, гражданское общество, государственное управление, Государственный комитет обороны, Ставка Верховного главнокомандования, Специальная военная операция, волонтерские организации, волонтеры, гражданское сознание

Для цитирования: Крижановская Г.Н. Служение отечеству: взаимодействие власти и общества в условиях военных конфликтов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 54–67. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/006.pdf>.

Original article

SERVICE TO THE FATHERLAND: THE INTERACTION OF POWER AND SOCIETIES IN THE CONTEXT OF MILITARY CONFLICTS

Galina N. Krizhanovskaya

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

imyarec@list.ru

Abstract. A comparative analysis of domestic public administration systems of different historical periods in wartime conditions is carried out. It is concluded that effective interaction between the state and civil society organizations, aimed at achieving victory as soon as possible, including in a Special military operation, is possible only if both the state and civil society are sincerely imbued with the idea of serving the Fatherland.

Keywords: World War I, the Great Patriotic War, special meetings, military industrial committees, Zemgor, ministry, civil society, public administration, State Defense Committee, Supreme Command Headquarters, Special military operation, volunteer organizations, volunteers, civic consciousness

For citation: Krizhanovskaya G.N. Service to the fatherland: the interaction of power and societies in the context of military conflicts. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 54–67. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/006.pdf>.

© Крижановская Г.Н., 2025

Введение

Война всегда является испытанием на прочность для любого государства. Причем для всех сфер его жизнедеятельности. Она, как лакмусовая бумажка, показывает, насколько эффективна экономика государства, развит военно-промышленный комплекс, высок авторитет лидера и устойчива готовность населения сплотиться вокруг него. С началом войны любая, даже эффективно функционирующая система

государственного управления, подлежит изменениям, отвечающим потребностям военного времени. Война требует самоотдачи от каждого органа государства и его служащих, от каждого члена гражданского общества. Неизбежность победы во многом зависит от того, насколько сильно развито гражданское сознание данного общества, насколько глубоко оно проникнуто идеей служения и насколько одинаково ее понимают все в государстве.

Основные положения

Обстановка, сложившаяся к 2022 г., побудила руководство нашей страны принять чрезвычайные меры, направленные на защиту национальной безопасности Российской Федерации, в том числе и в связи с расширением Североатлантического альянса на восток. Ещё в 2021 г. по инициативе Президента России был разработан и представлен на согласование странам-членам НАТО проект договора о гарантиях безопасности. Текст документа включал в себя пункты о недопущении вступления в Североатлантический альянс Молдавии, Украины и Грузии, прекращении военной деятельности блока НАТО на территории Украины и других восточноевропейских стран. США было предложено не размещать американские военные базы на территории бывших республик Советского Союза и прийти к соглашению с Россией о неиспользовании третьих стран для организации нападения друг на друга [1]. Предложения нашей страны были отвергнуты.

Ситуацию обостряли обстоятельства, связанные с агрессией против Донецкой и Луганской народных республик, которые 23 февраля 2022 г. обратились к России за помощью и защитой. На следующий день Президент Российской Федерации объявил о начале Специальной военной операции, направленной на демилитаризацию, денацификацию Украины и защиту населения Донбасса.

Противоречия, возникавшие между Россией ее зарубежными партнерами, не раз приводили к международным военным конфликтам, из большинства она вышла победительницей, доказывая силу русского духа и русского оружия. Однако исторические уроки никогда не усваивались. За последние полтора столетия Россия вынуждена была не раз противостоять коллективной международной агрессии, часто рискуя своей государственностью. Разногласия, приведшие к Первой мировой войне, не были исчерпаны с подписанием Версальского мира и в последующем вылились во Вторую мировую войну. После капитуляции Германии в 1945 г. фашизм, к сожалению, искоренен не был. Мировое сообщество не смирилось с ведущей ролью Советского Союза и его правопреемницы России на мировой арене. Начавшаяся в середине XX века «холодная война» не закончилась с падением Берлинской стены, ее последствия сейчас поставили страны на грань третьей

мировой войны. В сложившейся ситуации нам как никогда важно учитывать исторический опыт дипломатической и вооруженной борьбы России за свою суверенность и понимать, что от правильно организованной системы государственного управления и от каждого из нас зависит благополучие нашей Родины.

В 1914 г. Российская империя была вынуждена вступить в Первую Мировую войну. Это решение далось Николаю II нелегко, ведь именно русский монарх был инициатором созыва первой мирной конференции в 1899 г., на которой предлагал всем своим венценосным коллегам договориться о решении сложных международных проблем мирными средствами. Не желая начала мировой войны, Николай II пытался побудить правительства союзных государств убедить Австро-Венгрию отсрочить окончание ультиматума, выдвинутого ею Сербии, проводил переговоры с правительством Австро-Венгрии о возможности пересмотра содержания ультиматума и вел активную переписку с кайзером Германии Вильгельмом II, побуждая его убедить Австро-Венгрию и Сербию остановиться «прежде, чем они зайдут слишком далеко» и «поручить решение австро-сербской проблемы Гаагской конференции, чтобы избежать кровопролития» [2, С. 170–171].

Но мирные усилия российского императора не увенчались успехом. Вильгельм II подталкивал Австро-Венгрию к войне, желая ослабить влияние России на Балканах, переложив при этом ответственность на начало войны в Европе на Николая II [3, С. 36]. В беседе с министром иностранных дел Российской империи С. Д. Сазоновым после получения телеграммы от германского императора Николай II сказал: «Он требует от меня невозможного, не хочет признавать, что австрийская мобилизация начата раньше нашей и требует прекращения нашей, не упоминая ни слова об австрийской... Если бы я теперь выразил согласие на требование Германии, мы стояли бы безоружными против австро-венгерской армии» [4, С. 36].

В Высочайшем манифесте «Об объявлении военных действий между Россией и Германией» император Николай II указывал, что Россия вынуждена вступить в войну не только для того, чтобы поддержать «единую по вере и по крови, несправедливо обиженную, родственную» Сербию, но и чтобы защитить свои «честь, достоинство,

целостность и положение среди Великих Держав». Государь призвал «еще теснее укрепить единение Царя с Его народом и отразить, поднявшись как один человек, дерзкий натиск врага» [5]. Император был уверен в том, что все его подданные дружно и самоотверженно встанут на защиту Родины.

В день издания Высочайшего Манифеста о вступлении России в войну, император обратился к собранным в Зимнем дворце представителям армии и флота, в их лице благословляя всю армию «на труд ратный». В «Слове Государя к народным представителям» Николай II выразил надежду на то, что подъем патриотических чувств в России, выразившийся в «единодушном порыве любви и готовности на всякие жертвы, вплоть до жизни», послужит «фручательством» тому, что война будет доведена до победы, «все, каждый на своем месте поможет Мне пережить ниспосланное испытание» [6, С. 14].

Стоит сказать, что объявление о вступлении России в войну было встречено общественностью с пониманием и даже вызвало поддержку. Французский посол Морис Палеолог, присутствовавший во время выхода императора на балкон Зимнего дворца и объявления им Манифеста, вспоминал потом как толпа на Дворцовой площади в патриотическом порыве, стоя на коленях, пела гимн Российской империи. Свои впечатления он записал так: «В эту минуту царь для них действительно самодержец, посланный Богом, военный, политический и религиозный вождь своего народа, неограниченный владыка их душ и тел» [7].

Одновременно с объявлением частичной мобилизации 20 июля 1914 г. в действие вступили изменения и дополнения в Положение о полевом управлении войск в военное время. Сухопутные вооруженные силы объединялись армии во главе с командующими, в составе которых было по два и более корпусов. Несколько армий, которые действовали на одном фронте, решая единую стратегическую задачу, могли объединяться в армии фронта, а армии, не входящие в их состав, получали наименование отдельных армий. Высшее руководство армией и флотом поручалось Верховному главнокомандующему при условии «...если государь император не изволит предводительствовать войсками лично». Верховный главнокомандующий имел право личного обращения к главе

государства, перед которым он нес личную ответственность. Верховному главнокомандующему в пределах театра военных действий должны были подчиняться «члены императорской фамилии, правительственные учреждения, общественные управления, должностные лица всех ведомств, а также все население». Причем ни одно правительственное учреждение и должностное лицо не могло давать ему предписания и требовать отчет о действиях и даже «...непосредственно сноситься с верховным главнокомандующим, за исключением министров, главноуправляющих отдельными частями и лиц, непосредственно подчиненных Верховному Главнокомандующему» [8].

20 июля 1914 г. должность Верховного главнокомандующего была закреплена за Великим Князем Николаем Николаевичем. В церковных службах специально была установлена для него особая молитва [9]. В этот же день император подписал Именной Высочайший Указ «Об объявлении некоторых местностей империи на военном положении», согласно которому, как отмечает Е. Н. Яковец, «Верховному главнокомандующему вверялись практически безграничные властные полномочия на огромной территории, прилегавшей к зоне боевых действий, которая включала в себя Польшу, Финляндию, Прибалтику, города Архангельск, Владивосток и даже столицу государства» [10, С. 47–48].

Верховный главнокомандующий мог по согласованию с министром финансов устанавливать ценность рубля и иностранной валюты на каждой конкретной территории, самостоятельно определять цели и тактику военных операций. Он также мог изменять состав подчиненных ему войсковых соединений, расформировывать их и образовывать новые, назначать их командование, начальника своего штаба, уведомляя о причинах этих решений императора.

Отдельно стоит отметить право Верховного главнокомандующего заключать перемирие с противником, «когда военные обстоятельства вынуждают к тому безотлагательно, донося тотчас Его Императорскому Величеству». Если же в перемирии срочной необходимости не было, но Верховный главнокомандующий посчитал бы принятие такого решения обоснованным, он должен был «испрашивать Высочайшее соизволение как на перемирие, так и на условия онаго» [8]. Но вот ведение перегово-

воров о мире и заключение мира в его компетенцию не входило.

В ходе всех военных действий с определенной периодичностью Верховный главнокомандующий должен был докладывать императору, а по окончании войны представить отчет о действиях армии и флота с приложением отчетов всех подчиненных ему командиров.

Летом 1915 г. российская армия была вынуждена отступать. По мнению генерала А. А. Брусилова, большие территории уступали противнику «во многих случаях без достаточного основания» [11, С. 143]. В этой обстановке Николай II принял решение возложить на себя обязанности Верховного главнокомандующего, несмотря на популярность в определенных кругах Великого Князя Николая Николаевича. В тот же день император назначил его наместником Кавказа. По данным генерал-майора Отдельного корпуса жандармов А. И. Спиридовича этим поступком император «предотвратил государственный переворот» [12, С. 174].

Принятие Государем на себя обязанности Верховного главнокомандующего оценивалось современниками неоднозначно: одни писали о том, что это был оправданный шаг, положительно воспринятый войсками, другие утверждали обратное. Третьи считали, что такое решение отвлекает императора от важных дел по управлению страной. В воспоминаниях Великого Князя Андрея Владимировича указывается, что большинство сошлись во мнении о том, что решение императора было бы правильным, если бы он при этом оставил при себе Николая Николаевича, а не отправлял его на Кавказ. Вдовствующая императрица опасалась, что данным поступком Николай II приобрел себе большое количество врагов, которые «этого ему не простят» и в целом предрекала, что данное обстоятельство приведет в последующем к «страшным последствиям» [9, С. 143].

Еще одним важным органом управления во время Первой мировой войны являлось Главное управление Генерального штаба. В его компетенцию включалось: организация обороны, составление мобилизационных расписаний, планов дислокации и маршрутов передвижения войск; организация и ведение стратегической разведки и военной контрразведки; руководство службой и обучением войск, а также

службой и научной работой офицеров Генерального штаба [13, С. 496–497].

Для обеспечения деятельности Верховного главнокомандующего 20 июля 1914 г. был учрежден Штаб Верховного главнокомандующего. В его функции входило предоставление сведений, необходимых верховному главнокомандующему для руководства военными действиями, разработка его указаний по ведению военных действий, руководству эксплуатацией сети железных дорог и передаче его распоряжений. Особое место в Штабе занимала должность дипломата, в обязанности которого вменялась переписка с представителями Российской империи зарубежом и с иностранными государствами [14, С. 47]. Интересно, что именно этот орган в повседневной жизни и в исторической литературе получил наименование Ставка [15, С. 120]. В первый период войны Штаб Верховного главнокомандующего располагался в Барановичах, потом был перемещен в Могилев.

Система органов государственного управления с началом войны серьезных изменений не претерпела. А тем временем армия, фронт и тыл требовали обеспечения оружием, боеприпасами, обмундированием, продуктами. По мнению ряда исследователей, накануне войны армия Российской империи была обеспечена всем необходимым для ведения скоротечной войны в Европе, однако война оказалась затяжной и поставила правительство перед необходимостью решения проблемы «снарядного голода» [16]. В Великобритании были приняты Закон о защите королевства и Закон о боеприпасах, благодаря которым британское правительство получило контроль над военными предприятиями. В Российской империи, наоборот, государство предоставило большие полномочия общественным организациям. Так, в 1914 г. для поддержки семей лиц, призванных в армию, был образован Всероссийский земский союз, который совместно с Всероссийским союзом городов занимался размещением беженцев и оказанием помощи больным и раненым [17, С. 1011]. В 1916 г. эти союзы объединились во Всероссийский союз земств и городов (далее – Земгор) во главе с князем Г. Е. Львовым. За годы их деятельности сделано было очень много для нужд фронта: открыты военные предприятия, госпитали, обустроены беженцы, накормлены раненые, пошито обмундирование,

закуплено зарубежное медицинское оборудование, сформированы санитарные поезда, вывозившие воинов в тыл [18]. Но интересно то, что бюджет этой общественной организации, состоявшей из либерально настроенной буржуазии, формировался из двух источников: государственного финансирования и пожертвований. За первые 25 месяцев войны правительство перечислило Земгору 464 млн рублей, в то время как сумма пожертвований составила 9 млн [19, С. 254] по данным Советской исторической энциклопедии «на 1 февраля 1917 г. Земгор получил от военного ведомства заказы на 242 млн рублей, выполнил же на 80 млн рублей» [20, С. 654]. Деньги, щедро выделявшиеся государством, не всегда доходили по назначению, проблема снабжения армии и тыла решена не была, снарядный и хлебный голод усугублялись, а пропаганда активно искала и находила предателей в правительстве и царской семье, в том числе в лице императрицы, при этом мало упоминая о том, что на благотворительность из своих личных сбережений царская семья потратила около 20 млн фунтов стерлингов, показав истинный пример служения своей стране [21].

В мае 1915 г., проанализировав положение дел на фронте, руководство Российской империи создало Особое совещание по контролю за артиллерийским снабжением во главе с военным министром. В его состав были включены представители военного министерства, председатель и некоторые члены Государственной думы, а также ряд частных промышленников. 17 августа 1915 г. был принят Закон об особых совещаниях, заложивший правовые основы деятельности Особых совещаний по обороне, топливу, продовольствию, перевозкам и устройству беженцев. Их деятельность координировалась министерствами, главными управлениями и специально созданным органом – Особым совещанием министров. Созданные органы наделялись правами принудительного выкупа товаров по установленным твердым ценам, могли налагать секвестр, требовать от владельцев частных предприятий преимущественно принимать военные заказы [22]. Как органы государства, Особые совещания занимались нормотворческой деятельностью, разрабатывая и издавая временные правила, неисполнение которых влекло за собой привлечение к уголовной ответственности.

Для восполнения бюджета были повышены некоторые налоги и введены новые, например, на лиц, освобожденных от воинской повинности и на военную прибыль. Для обеспечения нужд армии и флота были введены гужевая и автомобильная повинности, а вывоз за границу лошадей, хлеба, мяса и других продуктов, а также различных видов промышленного сырья (металлов, руды) был запрещен [10, С. 50]. В ноябре 1916 г. было принято Постановление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной». Лица, скрывавшие сырье или товары, подлежащие сдаче государству, устанавливавшие свои цены, поставлявшие недоброкачественное вооружение, могли быть привлечены к уголовной ответственности [23, С. 211–212].

При этом государство проявляло заботу о семьях военнослужащих, которые могли по месту работы получить компенсацию из расчета на всех иждивенцев. Семьи раненых и погибших бойцов могли рассчитывать на ежемесячные пенсионные выплаты.

Однако, несмотря на все перечисленные меры в деле снабжения фронта и тыла, государство уступило ключевую роль общественным организациям, состоявшим, в основном, из представителей либеральной оппозиции, часто сотрудничавшей с иностранными разведками и желавшей изменения существовавшего в России государственного строя. Так, например, 27 августа 1915 г. было утверждено Положение о военно-промышленных комитетах, которые создавались с целью «содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота» [24]. Они создавались как некоммерческие общественные организации, систему которых возглавлял Центральный военно-промышленный комитет, под председательством А. И. Гучкова. Военно-промышленные комитеты могли совершать сделки, в том числе и по приобретению имущества, принимать на себя обязательства по поставкам и подрядам казны, организовывать по соглашению с военным и морским министерствами поставки фронту.

Несмотря, а может и вследствие всех принятых мер к концу зимы 1917 г. в России сложилась революционная ситуация. Как следует из телеграммы, отправленной Председателем Государственной думы М. В. Родзянко Государю, в столице отмечался недостаток хлеба и муки, в том числе и по-

тому, что население отказывалось везти зерно на рынок; заводы Петрограда, работавшие на оборону, останавливались из-за недостатка топлива и сырья; на юге, из 63 доменных печей работали только 28, на Урале из 92 остановилось 44, что вызвало уменьшение производства чугуна и сокращение производства снарядов.

Зная непоколебимое стремление Николая II «исполнить свой долг до конца» и манипулируя им, М. В. Родзянко писал, что все эти обстоятельства будут способствовать тому, что остановится движение по железным дорогам, брожение распространится на армию и война не будет доведена до победы. Генерал от кавалерии Сахаров, выражая свои верноподданнические чувства, указывал императору на то, «что не русский народ задумал злодейство против Царя, а представители Государственной думы, предательски воспользовались удобной минутой для проведения своих преступных целей, армия не пошла бы против своего Государственного вождя, если бы не была в руках государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии». Практически во всех телеграммах, пришедших Царю перед отречением, красной нитью прослеживалась мысль о том, что настроения народа и армии против власти, в том числе и Верховной, можно изменить путем отречения от престола в пользу Наследника, что позволит продолжить войну и довести ее до победы, в которой так нуждается Россия. Осознав масштаб предательства, Николай II подписал отречение от престола сначала в пользу сына, потом в пользу брата, надеясь, что его поступок позволит народу сплотиться и довести войну до победного конца.

В итоге Россия потеряла свою государственность и потерпела поражение в Первой мировой войне, так как все ответственные за достижение победы лица не были объединены идеей искреннего служения Отечеству, каждый преследовал свои интересы: царь интересы России, дума интересы либеральной буржуазии, стремящейся получить доступ к инструментам власти и поддерживаемой западными странами, которым выгодно было поражение России; промышленники не забывали об обогащении; часть Великих Князей хотела установления конституционной монархии, а другая их часть желала видеть на престоле сильного монарха, способного остановить катастрофу [25].

Самой организованной политической силой оказалась Российская социал-демократическая рабочая партия, которая в союзе с немецкими социалистами выступала за «превращение войны империалистической в войну гражданскую», желала выхода России из войны и призывала пролетариат всех стран объединиться в борьбе с буржуазными правительствами за мировую революцию. Им удалось обратить революционную ситуацию в свою пользу и создать новое социалистическое государство.

Уже скоро стало ясно, что надежды на мировую революцию не оправдались, у Советского Союза много врагов, опасавшихся усиления его влияния на международной арене. В 30-е гг. XX в. правительство СССР понимало, что новой мировой войны не избежать. Стоит сказать, что И. В. Сталин и его ближайшие соратники хорошо усвоили исторический опыт и адаптировали его с учетом таких ошибок царского правительства как децентрализация снабжения и низкая координация между фронтом и тылом.

В первый же день Великой Отечественной войны был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», что способствовало передаче прав по обеспечению общественного порядка и государственной безопасности на обороняемых территориях военным властям [26]. Они теперь могли привлекать население к трудовой и автогужевой повинностям, заниматься расквартированием воинских частей, изменять время начала и окончания рабочего дня, осуществлять контроль за въездом и выездом на подконтрольную территорию.

Органы власти, предусмотренные Конституцией и руководившие страной в мирное время, продолжили свою работу, но не так интенсивно. Например, за все годы войны Верховный Совет СССР собирался всего лишь три раза. Часть функций, принадлежавших ранее Совету народных комиссаров и наркоматам, были переданы вновь созданным народным комиссариатам, ведавшим отраслями, производившими вооружение, боеприпасы, снаряжение и обмундирование.

При этом для оперативного принятия решений 30 июня 1941 г. был создан Государственный комитет обороны (далее – ГКО), члены которого несли персональную ответственность за конкретные сферы деятельности [27]. 23 июня 1941 г. был создан

другой чрезвычайный орган – Ставка Главного командования (далее – Ставка), при которой был организован институт постоянных советников [28]. Обязанности главнокомандующего были закреплены за главой государства – И. В. Сталиным, который одновременно являлся Генеральным секретарем Центрального комитета партии, Председателем Совета народных комиссаров, Государственного комитета обороны, Председателем Ставки, народным комиссаром обороны. На основании принятых Ставкой решений Генеральный штаб разрабатывал замыслы стратегических операций и кампаний. Все приказы Ставки подписывались И. В. Сталиным и начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым» [29].

Концентрация власти в едином центре достигалась еще за счет тесного сотрудничества ГКО с партией и правительством, ведь члены ГКО либо входили в Политбюро, либо занимали должности заместителей председателя правительства. Уполномоченными ГКО в регионах также назначались местные партийные лидеры или заместители народных комиссаров.

Для контроля за точностью исполнений решений Ставки на местах вводился институт представителей Ставки. Они должны были информировать Верховного главнокомандующего об обстановке на местах. Часто применяемой формой информирования являлись ежедневные доклады. По воспоминаниям Г. К. Жукова «Если по каким-то причинам в течение суток не поступало докладов представителей Ставки, Верховный сам звонил им по высокочастотной связи» [30, С. 86]. Институт представителей Ставки не требовал больших управленческих, материально-технических и временных затрат, при этом способствовал эффективному использованию сил и средств, достижению единства действий, повышению устойчивости и гибкости управления, оперативному решению задач.

Существенным отличием систем государственного управления в период Первой мировой и Великой Отечественной войн был тот факт, что в 1941 г. с целью оперативной мобилизации всех сил для борьбы с врагом именно чрезвычайный орган был центром принятия решений, а все остальные должны были «беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны» [31].

С самого начала войны руководство Советского Союза уделило внимание организации жизни прифронтовых территорий. Была издана Директива, обращающая внимание руководителей этих регионов на то, что «несмотря на создавшуюся серьезную угрозу ... некоторые ... организации и их руководители все еще не осознавали значение этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, мы должны быстро, решительно перестроить всю свою работу на военный лад» и обязывала руководителей всех уровней «покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага» [32].

Важную роль в организации обороны прифронтовых территорий и регулировании экономических вопросов играли городские комитеты обороны, с инициативой организации которых первоначально выступали местные советские и партийные служащие или военные власти. Позднее деятельность городских комитетов обороны также была регламентирована в постановлениях ГКО. В состав городских комитетов входил секретарь местного комитета партии, представитель местной исполнительной власти, начальник управления НКВД и военный комендант города. Комитеты обладали правом вводить осадное положение, переселять население, формировать части народного ополчения и истребительные батальоны, и даже руководить их боевыми действиями, давать промышленным предприятиям военные задания [33].

Как мы можем видеть, большую роль в организации обороны и перестройке экономической жизни играли партийные органы и органы НКВД, а важной составляющей формулы победы являлась идеологическая работа. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. в воинских частях существовала должность военных комиссаров, организовавших партийно-политическую работу и несших равную с командирами ответственность за боеспособность войск. С осени 1942 г. появилась должность заместителя командира по политической части, в подразделениях продолжали действовать политруки, а в партизанских отрядах – военные комиссары.

Руководство идеологической работой в армии осуществляло Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – ГПУ РККА). В част-

ности, летом 1943 г. ГПУ РККА были проведены сборы для политработников в целях обмена опытом воспитательной деятельности в войсках [34]. Им были прочитаны лекции, показаны специально подобранные исторические и патриотические фильмы. Перед отъездом каждый политработник получил с собой походную библиотеку, материалами которой в дальнейшем должен был руководствоваться.

Грамотно идеологическая работа была выстроена и в тылу. Воспитательное воздействие на молодежь оказывала комсомольская организация, на детей – пионеры. Все мы знаем подвиги пионеров-героев и молодого гвардейцев.

Важную роль отводило советское руководство созданию на оккупированных территориях партизанских отрядов и диверсионных групп [32]. Для руководства их деятельностью в мае 1942 г. при Ставке был образован Центральный штаб партизанского движения, а в сентябре 1942 г. было создано Главное командование партизанского движения, причем важную роль в координировании партизанского движения играл Народный комиссариат внутренних дел [35, 36].

Одним из решающих вкладов в победу со стороны гражданского населения стала организация под руководством органов НКВД подполья на территории, захваченной врагом [37]. В тылу врага продолжали подпольно действовать советские партийные и государственные органы, либо их функции исполняли руководители партизанских формирований. Органы власти оккупированных республик руководили подпольной работой из эвакуации. Отдельной страницей деятельности партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны является борьба партизанской бригады «За Родину» и Брасовского подполья с печально известной «Локотской республикой» на территории Брянской области [38]. Благодаря слаженной работе органов НКВД и партизанских отрядов, подполью, в большинстве случаев, удавалось выполнить задачи в полном объеме. Оккупированные территории были освобождены, но деятельность органов и войск НКВД на там еще долго продолжалась: находились и уничтожались схроны с оружием и боеприпасами, оставленные фашистами и их пособниками, разоблачались и предавались суду члены фашистско-националистического подполья [39, 40].

Важным отличием организации жизни государства в период мировых войн XX в. стало регулирование экономической сферы в целях обеспечения фронта всем необходимым. Этой работой также руководил ГКО. Им были созданы: Совет по Эвакуации, Транспортный комитет и др. Дополнительно Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) в июле 1941 г. был образован Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной армии [41]. Единство в принятии решений военными и гражданскими властями в некоторых случаях обеспечивалось в результате того, что под началом военных органов переходили гражданские наркоматы и ведомства.

Многие предприятия были эвакуированы в более безопасные регионы и там, в кратчайшие сроки, возобновили свою работу. Для повышения оперативности решения важных вопросов права народных комиссаров были расширены. В их компетенцию входило распределение материальных ресурсов и специалистов между предприятиями. Отдельно стоит сказать, что при Совете народных комиссаров были созданы: Комитет по учету и распределению рабочей силы, Совинформбюро.

Большую роль в развертывании военного производства, развитии сельского хозяйства, эвакуации промышленности и населения в отдельных регионах играли местные Советы. Поскольку большинство трудоспособного мужского населения сражалось в рядах Красной армии, на заводах, фабриках, а также колхозных и совхозных полях трудились в основном женщины и дети. Тем не менее, планы по поставке продукции были выполнены и в связи с сознательностью населения, и ввиду руководящей роли государства.

Безусловно, важную роль в приближении победы сыграла поддержка тыла, общественных организаций. Так, например, уже в июне 1941 г. женщины стали обращаться с заявлениями в отделения организации «Красный крест», в которых выражали свое желание поступить на курсы медицинских сестер, записаться в санитарные дружины и отправиться на передовую линию фронта [42].

Члены Красного Креста готовили помещения под размещение в них госпиталей, укомплектовывали их посудой, овощами, бельем, одеждой и обувью; ухаживали за ранеными, собирали им подарки, проводили культурно-просветительскую работу и организовывали досуг, оказывали содей-

ствие в случае эвакуации госпиталя. В годы Великой Отечественной войны постоянно пополнялись ряды доноров, сдававших литры крови.

Организации Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) занимались формированием народного ополчения, обучали население военному делу, готовили снайперов, собирали средства на строительство танков и самолетов [43]. Комсомольские и пионерские организации собирали металлолом на нужды военной промышленности. На фронт собирались посылки с теплыми вещами, на пожертвования граждан формировались танковые колонны и эскадрильи. Самоотверженная деятельность добровольцев была отмечена правительственными наградами.

Таким образом, сравнительный анализ систем государственного управления, а также форм взаимодействия государства и институтов гражданского общества в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн позволяет сделать вывод о том, что концентрация всех необходимых для победы сил и средств в руках государства, централизация управления и сосредоточение управленческих и экономических функций в руках ограниченного круга лиц доказали свою эффективность.

Уроки войны подчеркивают необходимость закрепления функций Верховного главнокомандующего исключительно за главой государства и осуществления им управления жизнью страны и ее обороной исключительно из столицы; важность грамотной и систематической работы по формированию гражданского сознания для создания мотивации к победе, и не допущения внедрения в общественное сознание пораженческих настроений, как это было в Первую Мировую войну; заблаговременной подготовки инфраструктуры сопротивления, особенно в приграничных районах. Опыт Великой Отечественной войны показал, что успех деятельности партизан и подполья во многом был связан с участием в ней органов и войск НКВД, а партизанская борьба эффективна только при сочетании народной инициативы с системной поддержкой государства.

Тем не менее при руководящей и направляющей роли государства победа в Великой Отечественной войне была общей победой руководства страны, фронта и тыла.

Заключение

В годы испытаний на прочность государство, его правоохранительные структуры и военная организация, а также различные институты гражданского общества должны не противопоставлять себя друг другу, а быть объединены идеей искреннего служения Отечеству. В современных условиях эти принципы сохраняют актуальность.

В ходе Первой мировой войны как отдельные подданные, так и их объединения в виде политических партий и общественных организаций, перестали сражаться за свою страну, а пытались достичь своих интересов и принести пользу Отечеству, которую каждый понимал по-своему. Кто-то сражался за монархию, кто-то за парламентскую Республику либо за Республику Советов, или вовсе за торжество мировой революции. Но никто не боролся за сильную, суверенную Россию.

В ходе Великой Отечественной войны советские граждане и их объединения, армия, органы государственной безопасности, органы государственного управления и руководители страны, выступили «единым фронтом», сражались за Родину и победили. Уроки Великой Отечественной войны показывают нам, что лица, сотрудничавшие с врагом, очень сильно ошибались, делая ставку на то, что фашистская Германия поможет им победить большевиков и восстановить справедливость. Целью их покровителей было не благополучие России, а ее уничтожение, завладение ресурсами и территориями.

Сейчас те, кто становится участником специальной военной операции, воюет с оружием в руках, делает все для достижения победы, находясь в тылу или на дипломатическом фронте, также сражаются за Россию.

Независимо от того, какая у нас будет форма правления и политического режима, мы не будем удобны мировому сообществу, пока являемся сильной и великой державой. Императору Александру III часто приписывают фразы из так называемого «политического завещания»: «Передо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», заражённое либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне моё собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Помни, – у России нет друзей. Нашей огромности бо-

яется. Во всем свете у нас только два верных союзника, – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас» [44, С. 98–99].

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно подчеркивал: западные страны являются ненадежными партнерами, стремящимися нанести России стратегическое поражение в политической, военной и в экономической сферах.

Сейчас, когда наша страна борется за русский мир, русских людей, проживающих на освобожденных территориях, мы должны четко понимать, что у России есть один путь: знать свою миссию и следовать одному курсу, не меняя его под влиянием иностранных государств, а главное, формировать гражданское сознание, в основу которого будет положена идея искреннего служения Отечеству.

Список источников

1. Проект договора о гарантиях безопасности между Россией и США. Главное // Российская газета. 2021. 17 декабря.
2. Переписка Вильгельма II с Николаем II: 1894–1914 гг. / предисл. М. Н. Покровского; Централхив. М. ; П. : Государственное издательство, 1923. 198 с.
3. Первая мировая война: историографические мифы и историческая память: монография: в 3 кн. / под О. В. Петровской; кн. 3. Вторая Отечественная война России. 1914–1917 / под. ред. П. В. Мультиатули; колл. авт.: К. А. Залесский, П. В. Мультиатули, Р. Н. Рахимов [и др.]. М., 2014. 244 с.
4. Сазонов С. Д. Воспоминания. М. : Международные отношения, 1991. 398 с.
5. Высочайший манифест от 20 июля (2 августа) 1914 г. «Об объявлении военных действий между Россией и Германией // Собрание узаконений 1914 г. Июля 20. Отд. 1. Ст. 2052.
6. Слово Государя [императора Николая Александровича] о войне. СПб. : Типография «Виктория». 1914. 16 с.
7. Палеолог М. Дневник посла / пер. с фр. Ф. Ге. М. : Захаров, 2003. 829 с. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/25186> (дата обращения: 26.05.2025).
8. Положение о полевом управлении войск в военное время. С Приложениями к Положению о полевом управлении войск в военное время (№№ 1–17). СПб. : Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. 154 с. // Военно-Ученый Архив. URL: https://warlib.site/polozhenie-o-polevom-upravlenii-vojsk-v-voennoe-vremya-1914/#1_section (дата обращения: 29.05.2025).
9. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917) / сост., предисл., коммент. В. М. Осин, В. М. Хрусталева. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2008. 446 с. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/27403> (дата обращения: 02.06.2025).
10. Яковец Е. Н. Значение мобилизационных мер начала Первой мировой и Великой Отечественной войн // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 45–47.
11. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., Л. : Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1929. 249 с.
12. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Воспоминания генерал-майора Отдельного корпуса жандармов, начальника императорской дворцовой охраны Николая II. М. : Центрполиграф, 2022. 623 с.
13. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. Т. 1: А – Й. М., 2014. 823 с.
14. Синковец А. Ю. Ставка Верховного Главнокомандующего глазами российских дипломатов (1914–1917 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. 2023. № 4 (107). С. 47–53.
15. Синковец А. Ю. Организационно-правовые основы деятельности Ставки Верховного Главнокомандующего в начале Первой мировой войны (1914–1915 годы) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 120–128.
16. Фомичев А. В. Особые совещания и военно-промышленные комитеты в системе органов военно-экономического регулирования в годы Первой Мировой войны / А. В. Фомичев, Л. С. Фомичева // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 244–255.
17. Сабенникова И. В. Сохранение традиций земства в русской эмиграции 1917–1939 гг.: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 3. С. 1008–1034.
18. Всероссийский союз городов. Очерк деятельности Всероссийского союза городов 1914–1915 г. М., 1916. 239 с.

19. Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II: в 2 т. Т. 2. Белград-Мюнхен, 1949. 260 с.
20. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 5 / под ред. Е. М. Жукова. М. : Советская энциклопедия, 1964. 960 с.
21. Крижановская Г. Н. Первая мировая война и государственный переворот февраля-марта 1917 г.: последствия и уроки / Г. Н. Крижановская, Н. И. Хабибуллина // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 1. С. 22–35.
22. Закон об особых совещаниях: [Утв. 17 авг. 1915 г.]. М. : Гор. тип., 1915. 24 с.
23. Кондратьев Н. Д. Регулирование рынка хлебов и снабжения ими армии и населения во время войны и революции за 1914–1918 гг. // Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / отв. ред. Л. И. Абалкин. М. : Наука, 1991. 487 с.
24. Положение о военно-промышленных комитетах // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1915 г. СПб. Отдел первый. Второе полугодие. № 248. Ст. 1853.
25. Крижановская Г. Н. К вопросу об оценке событий февраля и октября 1917 Г. с позиций правового государства / Г. Н. Крижановская, И. Н. Кондрат // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 32–38.
26. Указ Президиума Верховного совета СССР от 2 июня 1941 г. «О военном положении» // Ведомости Верховного совета СССР. 1941. 26 июня. № 29.
27. Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) об образовании Государственного Комитета Оборона. 30 июня 1941 г. // Правда. 1941. 1 июля.
28. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). О создании Ставки Главного Командования вооруженных сил Союза ССР. 23 июня 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446100-postanovlenie-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-o-sozdanii-stavki-glavnogo-komandovaniya-vooruzhennyh-sil-soyuza-ssr-23-iyunya-1941-g> . (дата обращения: 20.08.2025).
29. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Верховном главнокомандующем всех войск Рабоче-крестьянской армии и Военно-морского флота». 8 августа 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/327947> (дата обращения: 06.06.2025).
30. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. М., 1995. 381 с.
31. Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) об образовании Государственного Комитета Оборона от 30 июня 1941 г. // Правда. 1941. 1 июля.
32. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. [текст электронный] // Электронная библиотека исторических документов. URL : <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102731#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 09.06.2025).
33. Постановление Государственного комитета обороны о создании городских комитетов обороны. 22 октября 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Лл. 180, 181.
34. Безугольный А. Ю. Плоды «большой работы»: всеармейское совещание агитаторов, работающих с бойцами нерусских национальностей (июль – август 1943 г.) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов юга России: события, участники, символы: сборник трудов III Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 2022. С. 58–63.
35. Лысенков С. Г. Правовое положение войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии в период Великой Отечественной войны / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях: сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола. СПб., 2024. С. 120–125.
36. Бутов С. В. Организация партизанского движения в годы Великой Отечественной войны как одна из задач НКВД СССР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 ч. СПб., 2025. С. 554–556.
37. Бутов С. В. О деятельности особых отделов НКВД СССР по борьбе с пособниками фашистов в годы Великой Отечественной войны / С. В. Бутов, О. А. Быков // Никто не забыт, ничто не забыто (ко Дню Победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. Саратов, 2024. С. 14–20.

38. Осипов Б. В. Брасовская земля: история и современность: монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Б. В. Осипов, Г. Н. Крижановская. Брянск, 2011. 388 с.
39. Дерюгин А. А. Формально-юридические основания деятельности войск НКВД СССР по обеспечению внутренней безопасности в период Великой Отечественной войны / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 2(15). С. 121–125.
40. Мутигуллин А. В. «Политический бандитизм» и борьба с ним в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике в 1944–1955 гг. (историко-правовой аспект) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 10–17.
41. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об образовании при СНК СССР комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии». 1 июля 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL : <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102732> (дата обращения: 09.06.2025).
42. Информация обкома общества Красный Крест о патриотических поступках женщин области // Партийный архив Вологодского обкома КПСС. Ф. 2522. Оп. 10. Д. 68. Лл. 383–390.
43. Бутов С. В. От обороны к восстановлению города-фронта: роль 13-го мотострелкового полка войск НКВД в истории блокадного Ленинграда / С. В. Бутов, С. О. Аврамов // Подвиг сотрудников и военнотружеников органов и войск НКВД СССР в годы фашистской блокады Ленинграда. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2024. С. 275–282.
44. Андреев Д. А. Было ли «политическое завещание» императора Александра III наследнику цесаревичу Николаю Александровичу? К постановке проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 89. С. 97–114.

References

1. Draft Treaty on Security Guarantees between Russia and the United States. The Main Points // Rossijskaya gazeta. 2021. 17 dekabrya. (In Russ.).
2. Perepiska Vil'gel'ma II s Nikolaem II: 1894–1914 gg. / predisl. M. N. Pokrovskogo; Centrarchiv. M. ; P. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 198 s. (In Russ.).
3. Pervaya mirovaya vojna: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat': monogr. v 3-h kn. / pod red. O. V. Petrovskoj. Kn. 3. Vtoraya Otechestvennaya vojna Rossii. 1914–1917 / pod. red. kand. ist. nauk P. V. Mul'tatutuli; kollektiv avt.: K. A. Zaleskij, P. V. Mul'tatutuli, R. N. Rahimov [i dr.]. M., 2014. 244 s. (In Russ.).
4. Sazonov S. D. Vospominaniya. M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. 398 s. (In Russ.).
5. Vysochajshij manifest ot 20 iyulya (2 avgusta) 1914 g. «Ob ob'yavlenii voennyh dejstvij mezhdu Rossiej i Germaniej // Sobranie zakonov 1914 g. Iyulya 20. Otd. 1. St. 2052.
6. Slovo Gosudarya [imperatora Nikolaya Aleksandrovicha] o vojne. SPb. : Tipografiya «Viktoriya». 1914. 16 s.
7. Paleolog M. Dnevnik posla / per. s fr. F. Ge. M. : Zaharov, 2003. 829 s. // Istoricheskie materialy. Available from: <https://istmat.org/node/25186> (data obrashcheniya: 26.05.2025). (In Russ.).
8. Polozhenie o polevom upravlenii vojsk v voennoe vremya. S Prilozheniyami k Polozheniyu o polevom upravlenii vojsk v voennoe vremya (№№ 1–17). SPb. : Voennaya Tipografiya Imperatricy Ekateriny Velikoj (v zdanii Glavnogo Shtaba), 1914. 154 s. // Voennno-Uchenyj Arhiv. Available from: https://warlib.site/polozhenie-o-polevom-upravlenii-vojsk-v-voennoe-vremya-1914/#1_section (data obrashcheniya: 29.05.2025).
9. Voennyj dnevnik velikogo knyazya Andrey Vladimirovicha Romanova (1914–1917) / sost., predisl., komment. V. M. Osin, V. M. Hrustalev. M. : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2008. 446 s. // Istoricheskie materialy. Available from: <https://istmat.org/node/27403> (data obrashcheniya: 02.06.2025). (In Russ.).
10. YAKovec E. N. The significance of the mobilization measures at the beginning of the First World War and the Great Patriotic War // Voennoe pravo. 2022;6 (76): 45–47. (In Russ.).
11. Brusilov A. A. Moi vospominaniya. M., L. : Gos. izd-vo. Otd. voen. literatury, 1929. 249 s. (In Russ.).
12. Velikaya vojna i Fevral'skaya revolyuciya 1914–1917 gg. Vospominaniya general-majora Otdel'nogo korpusa zhendarmov, nachal'nika imperatorskoj dvorcovoj ohrany Nikolaya II. M. : Centrpoligraf, 2022. 623 s. (In Russ.).

13. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne. 1914–1918: Enciklopediya: v 3 t. / otv. red. A. K. Sorokin. T. 1: A – J. – M., 2014. 823 s. (In Russ.).
14. Sinkovec A. YU. The Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief through the Eyes of Russian Diplomats (1914–1917) // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. 2023;4 (107): 47–53. (In Russ.).
15. Sinkovec A. YU. Organizational and Legal Frameworks for the Activities of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief at the Beginning of the First World War (1914–1915) // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. 2017;1: 120–128. (In Russ.).
16. Fomichev A. V. Special meetings and military-industrial committees in the system of military-economic regulation during the First World War / A. V. Fomichev, L. S. Fomicheva // Rossiya v global'nom mire. 2014;4 (27): 244–255. (In Russ.).
17. Sabennikova I. V. Preservation of Zemstvo Traditions in Russian Emigration, 1917–1939: The Zemstvo-City Committee for Assistance to Russian Citizens Abroad (Zemgor) // Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii. 2022. T. 6;3: 1008–1034. (In Russ.).
18. Vserossijskij soyuz gorodov. Ocherk deyatel'nosti Vserossijskogo soyuza gorodov 1914–1915 g. M., 1916. 239 s.
19. Ol'denburg S. S. Carstvovanie Imperatora Nikolaya II: v 2 t. T. 2. Belgrad-Myunhen, 1949. 260 s. (In Russ.).
20. Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya: v 16 t. T. 5 / pod red. E. M. Zhukova. M. : Sovetskaya enciklopediya, 1964. 960 s. (In Russ.).
21. Krizhanovskaya G. N. The First World War and the February-March 1917 Coup d'Etat: Consequences and Lessons / G. N. Krizhanovskaya, N. I. Habibullina // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;1: 22–35. (In Russ.).
22. Zakon ob osobykh soveshchaniyah: [Utv. 17 avg. 1915 g.]. M. : Gor. tip., 1915. 24 s. (In Russ.).
23. Kondrat'ev N. D. Regulirovanie rynka hlebov i snabzheniya imi armii i naseleniya vo vremya vojny i revolyucii za 1914–1918 gg. // Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremya vojny i revolyucii / otv. red. L. I. Abalkin. M. : Nauka, 1991. 487 s. (In Russ.).
24. Polozhenie o voenno-promyshlennykh komitetakh // Sbornie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva za 1915 g. SPb. Otdel pervyj. Vtoroe polugodie. № 248. St. 1853.
25. Krizhanovskaya G. N. On the assessment of the events of February and October 1917 from the perspective of the rule of law / G. N. Krizhanovskaya, I. N. Kondrat // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019;1 (55): 32–38. (In Russ.).
26. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated June 2, 1941. "On Martial Law" // Vedomosti Verhovnogo soveta SSSR. 1941. 26 iyunya;29.
27. Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR, and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Establishment of the State Defense Committee. June 30, 1941 // Pravda. 1941. 1 iyulya. (In Russ.).
28. Postanovlenie SNK SSSR i CK VKP(b). O sozdanii Stavki Glavnogo Komandovaniya vooruzhennykh sil Soyuza SSR. 23 iyunya 1941 g. // Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov. Available from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446100-postanovlenie-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-o-sozdanii-stavki-glavnogo-komandovaniya-vooruzhennykh-sil-soyuza-ssr-23-iyunya-1941-g> . (data obrashcheniya: 20.08.2025). (In Russ.).
29. Postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) «O Verhovnom glavnokomanduyushchem vsekh vojsk Raboche- krest'yanskoj armii i Voенно-morskogo flota». 8 avgusta 1941 g. // Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov. Available from: [https:// docs.historyrussia.org/ru/nodes/327947](https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/327947) (data obrashcheniya: 06.06.2025). (In Russ.).
30. Zhukov G. K. Vospominaniya i razmyshleniya: v 3 t. T. 2. M., 1995. 381 s. (In Russ.).
31. Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR, and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Establishment of the State Defense Committee dated June 30, 1941 // Pravda. 1941. 1 iyulya. (In Russ.).
32. Direktiva SNK SSSR i CK VKP(b) partijnym i sovetskim organizaciyam prifrontovykh oblastej ot 29 iyunya 1941 g. // Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov. Available from : <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102731#mode/inspect/page/1/zoom/4> (data obrashcheniya: 09.06.2025). (In Russ.).

33. Postanovlenie Gosudarstvennogo komiteta oborony o sozdanii gorodskih komitetov oborony. 22 oktyabrya 1941 g. // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii. F. 644. Op. 1. D. 12. Ll. 180, 181. (In Russ.).
34. Bezugol'nyj A. YU. Plody «bol'shoj raboty»: vsearmejskoe soveshchanie agitatorov, rabotayushchih s bojcami nerusskikh nacional'nostej (iyul' – avgust 1943 g.) // Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly: sbornik trudov III Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Rostov n/D, 2022. S. 58–63. (In Russ.).
35. Lysenkov S. G. Pravovoe polozhenie vojsk NKVD SSSR po ohrane tyla dejstvuyushchej armii v period Velikoj Otechestvennoj vojny / S. G. Lysenkov, S. V. Butov // Aktual'nye problemy obespecheniya bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva v sovremennyh geopoliticheskikh usloviyah: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskogo mezhvuzovskogo kruglogo stola. SPb., 2024. S. 120–125. (In Russ.).
36. Butov S. V. Organizaciya partizanskogo dvizheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny kak odna iz zadach NKVD SSSR // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne): materialy XXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch. SPb., 2025. S. 554–556. (In Russ.).
37. Butov S. V. O deyatel'nosti osobyh otdelov NKVD SSSR po bor'be s posobnikami fashistov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / S. V. Butov, O. A. Bykov // Nikto ne zabyt, nichego ne zabyto (ko Dnyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne): sbornik nauchnyh statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov, 2024. S. 14–20. (In Russ.).
38. Osipov B. V. Brasovskaya zemlya: istoriya i sovremennost': monografiya. Izd. 2-e, pererab. i dop. / B. V. Osipov, G. N. Krizhanovskaya. Bryansk, 2011. 388 s. (In Russ.).
39. Deryugin A. A. Formal and legal grounds for the activities of the NKVD troops in ensuring internal security during the Great Patriotic War / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;2(15): 121–125. (In Russ.).
40. Mutigullin A. V. "Political Banditry" and the Fight Against It in Western Ukraine, Western Belarus, and the Baltic States in 1944-1955 (Historical and Legal Aspects) // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 4 (106). S. 10–17. (In Russ.).
41. Postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) «Ob obrazovanii pri SNK SSSR komiteta prodovol'stvennogo i veshchevogo snabzheniya Krasnoj Armii». 1 iyulya 1941 g. // Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov. Available from : <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102732> (data obrashcheniya: 09.06.2025). (In Russ.).
42. Informaciya obkoma obshchestva Krasnyj Krest o patrioticheskikh postupkah zhenshchin oblasti // Partijnyj arhiv Vologodskogo obkoma KPSS. F. 2522. Op. 10. D. 68. Ll. 383–390.
43. Butov S. V. Ot oborony k vosstanovleniyu goroda-fronta: rol' 13-go motostrelkovogo polka vojsk NKVD v istorii blokadnogo Leningrada / S. V. Butov, S. O. Avramov // Podvig sotrudnikov i voennosluzhashchih organov i vojsk NKVD SSSR v gody fashistskoj blokady Leningrada. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb., 2024. S. 275–282. (In Russ.).
44. Andreev D. A. Was there a "political testament" from Emperor Alexander III to his heir, Tsarevich Nikolai Alexandrovich? Setting the Problem // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2019;89: 97–114. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. Н. Крижановская – кандидат исторических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 18.06.2025;
одобрена после рецензирования 20.08.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

G. N. Krizhanovskaya – Candidate of Sciences (History), Docent

The article was submitted 18.06.2025;
approved after reviewing 20.08.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 340.1

ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1906 ГОДА ДЛЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**Ирина Сергеевна Назарова**

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

irina-nazarova@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящается исследованию историко-правового контекста Основных законов Российской империи; в материалах рукописи проводится сравнительно-правовой анализ данного конституционного акта; рассматривается вопрос о конституционности Основных законов Российской империи; формулируется вывод о значении Основных законов Российской империи как акта конституционного значения, послужившего предпосылкой последующего конституционного строительства.

Ключевые слова: конституция, конституционализм, конституционный порядок, основной закон, октроирование, императорская власть, монархия, основы государственного строя, самодержавие, права подданных

Для цитирования: Назарова И.С. Значение Основных законов Российской империи 1906 года для совершенствования конституционного законодательства // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 68–75. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/007.pdf>.

Original article

THE SIGNIFICANCE OF THE BASIC LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE OF 1906 FOR IMPROVING
CONSTITUTIONAL LEGISLATION**Irina S. Nazarova**

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

irina-nazarova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the historical and legal context of the Fundamental Laws of the Russian Empire; the manuscript contains a comparative legal analysis of this constitutional act; the issue of the constitutionality of the Fundamental Laws of the Russian Empire is considered; the conclusion is formulated about the significance of the Fundamental Laws of the Russian Empire as an act of constitutional significance that served as a prerequisite for subsequent constitutional construction.

Keywords: constitution, constitutionalism, constitutional order, fundamental law, octroi, imperial power, monarchy, foundations of the state system, autocracy, rights of subjects

For citation: Nazarova I.S. The significance of the Basic laws of the Russian empire of 1906 for improving constitutional legislation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 68–75. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/007.pdf>.

© Назарова И.С., 2025

Введение

Одной из целей Специальной военной операции является обеспечение конституционного порядка на территории Российской Федерации, включая территории субъектов, присоединенных к Российской Федерации на основании федеральных конституционных законов 2022 года, на которых введено в настоящее время военное положение. Конституционный порядок базируется на соблюдении требований Кон-

ституции Российской Федерации 1993 года, которая явилась результатом длительного конституционного развития, впитала в себя большой позитивный конституционный опыт, накопленный за весь период эволюции конституционных норм. Одним из значимых для эволюции права конституционных событий, по мнению автора, явилось принятие Основных законов Российской империи в 1906 году. Отношение к Основным законам Российской империи не бы-

ло однозначным, особенно в советский период развития российского государства и права. Вместе с тем изучение данного конституционного акта имеет существенное значение для развития историко-правовой и конституционной мысли, поскольку положительный опыт динамики конституционного развития неocenim и может быть использован в конституционной практике нашей страны, сохранение преемственности в целом является важным шагом на пути к совершенствованию российской государственности.

23 апреля 1906 года император Николай II утвердил новую редакцию Свода Основных государственных законов Российской империи. Этот акт, подготовленный в условиях острейшего политического кризиса и под давлением революции 1905–1907 годов, стал поворотным пунктом в истории российской государственности. Формально, не именуясь «конституцией», Основные законы 1906 года впервые в истории России зафиксировали на уровне права принципы организации высших органов власти, разграничили полномочия главы государства – монарха и формирующегося парламента, провозгласили определенный набор гражданских прав и свобод. Основные законы Российской империи 1906 года – это уникальный правовой феномен в контексте совершенствования конституционного законодательства, обладающий юридическими техническими особенностями. Данный документ имеет существенный конституционный статус. Он оказал влияние на последующее развитие российской государственно-правовой мысли.

Основные положения

Основные законы Российской империи 1906 года представляют собой первую попытку кодификации основ государственно-го строя России в условиях перехода от абсолютной к дуалистической монархии. Их изучение позволяет понять истоки и специфику российского конституционного процесса, его преемственность и разрывы [7, С. 215].

Несмотря на сохранение широких prerogativ императора, Основные законы 1906 года ввели элементы парламентаризма и верховенства закона. Так, в статье 84 Основных законов устанавливалось, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке». Статья 85 провозглашает следующий важный постулат: «Сила законов равно обязательна для всех

без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих». Статья 86 определяет, что «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора». Анализ механизма сдержек и противовесов, пусть и носящего ассиметричный характер, роли Государственной Думы и Государственного Совета, процедуры законодательного процесса, регламентированных статьями 106–111, важен для понимания правовых ограничений верховной власти в авторитарном контексте [14, С. 112–120].

В Разделе VIII Основных законов 1906 года провозглашались права и свободы: «Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом определенном. Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных. Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действовавшими во время совершения сих деяний уголовными законами, если притом вновь изданные законы не исключают совершенных виновными деяний из числа преступных. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных. Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Ограничения в сих правах установлены особыми законами. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение. Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно ограничение мест для собраний. Каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами. Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования об-

ществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом. Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этою свободой определяются законом. Правами российских подданных иностранцы, в России пребывающие, пользуются с соблюдением ограничений, установленных законом. Изъятия из действия изложенных в сей главе постановлений в отношении местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном, определены особыми законами» [6, С. 281]. Вместе с тем права на практике часто нарушались или ограничивались подзаконными актами, особенно в условиях действия Положения о чрезвычайной охране. Этот опыт иллюстрирует ключевую проблему конституционализма – разрыв между формальным закреплением прав и их реальным обеспечением» [10, С. 342].

Основной закон 1906 года – сложный компромиссный документ, сочетающий в себе элементы самодержавных традиций и небольшой опыт деятельности парламентских институтов. Анализ его структуры, языка, внутренних противоречий, в частности, статьи 4 о «самодержавной власти» и статьи 86 о законодательной роли Государственной Думы представляет собой ценный материал для совершенствования современной законодательной техники, особенно при разработке актов в переходные периоды [11, С. 77–85].

Изучение Основных законов 1906 года в контексте других конституций того времени (Пруссия, Япония, Австро-Венгрия) помогает выявить общие тенденции развития конституционного права в позднеимперских государствах и специфику российского пути [5, С. 178].

Принятие Основных законов 1906 года стало прямым следствием революционных событий 1905 года. Манифест 17 октября 1905 года, даровавший «незыблемые основы гражданской свободы» и обещавший создание Государственной Думы, требовал юридического оформления нового государственного строя. Работа над новой редакцией Основных законов велась под руководством С. Ю. Витте и П. А. Харитонова в условиях острой политической борьбы. Консервативные силы стремились максимально сохранить prerogatives императорской власти, либеральные и революционные – добиться установления подлинного

конституционного строя. Итоговый текст Основных законов 1906 года, утвержденный императором в период между выборами в первый состав Государственной Думы и ее созывом, носил четкий отпечаток этого компромисса, но с явным перевесом в сторону монархического начала [16, С. 156–158]. Закрепление статуса монарха в Разделе I рассматриваемого правового акта, его исключительных прав в области внешней политики, армии, назначения министров в статьях 12–15, управления церковью, а также статьи 87, позволявшей издавать чрезвычайные указы с силой закона в период, когда Государственная Дума прежнего созыва уже не действовала, а новая еще не была сформирована, стала основой для критики Основных законов 1906 года как «октроированной» и непоследовательной конституции.

Важное значение для анализа содержания, структуры, юридической силы Основных законов 1906 года имеет применение сравнительно-правового метода исследования. Сопоставление Основных законов 1906 года с конституциями других дуалистических монархий того времени позволяет выявить общие черты и выделить российскую специфику [8, С. 112].

Сравнение Основных законов 1906 года с Конституцией Пруссии 1850 года позволяет выделить отдельные общие черты. К ним относятся: сильная позиция главы государства – монарха, его контроль над исполнительной властью (назначение министров, не ответственных перед Ландтагом – статьи 44, 45 Конституции Пруссии), независимость монарха от парламента в военных и внешнеполитических делах. Существование двухпалатного парламента с верхней палатой (Прусская палата господ), формируемой по сословному принципу, частично назначаемой монархом, наличие имущественного ценза для избирателей нижней палаты [19, С. 152–153].

Вместе с тем можно найти и определенные различные аспекты характеристики двух анализируемых основных законов. Прусский Ландтаг обладал более реальными бюджетными правами (статья 99). Ответственность министров перед монархом была декларирована более четко (статья 44). Существовал Конституционный суд для разрешения споров между палатами (статья 106) – институт, отсутствовавший в России. В Основных законах 1906 года не было прямого аналога статье 4 Конституции Пруссии, провозглашавшей равенство всех перед законом.

Перейдем к сравнительно-правовой характеристике Основных законов Российской империи 1906 года и Конституции Японской империи (Мэйдзи) 1889 года. Оба анализируемых правовых акта носили ярко выраженный октроированный характер. Широкие полномочия императора («священная и неприкосновенная особа», что устанавливается в статье 3), включая верховное командование армией и флотом, объявление войны и мира, созыв и роспуск парламента (статьи 6–8, 11). Двухпалатный парламент (Палата пэров и Палата представителей) с ограниченными законодательными правами (статьи 5, 37). Министры назначались и были ответственны только перед императором (статья 55). Ограниченный перечень прав подданных (Глава II), подчиненных закону [3, С. 32–35].

Вместе с тем Конституция Японии содержала более детальную регламентацию деятельности парламента и правительства. В России не было института Тайного совета (Гэнро) как высшего консультативного органа при императоре (статья 56 Конституции Японии). Статья 87 Основных законов 1906 года (чрезвычайное указное право) была уникальной по широте и частоте применения.

Сопоставим общие позиции Основных законов Российской империи 1906 года и конституционных законов Франции 1875 года (III Республика).

В связи с тем, что Франция уже тогда была провозглашена парламентской республикой, общие черты выделить крайне сложно.

Наблюдается резкий контраст в положении главы государства – президента с ограниченными полномочиями и самодержавного императора. В конституционных актах устанавливается ответственность правительства перед парламентом (статья 6 Конституционного Закона об организации государственных властей), тогда как в Основных законах Российской империи не предусмотрена ответственность министров перед Думой. Верховенство парламента в законодательной сфере. Всеобщее мужское избирательное право (после 1848 г.) и куримальная система в России. Французская модель демонстрировала альтернативный путь конституционного развития – республиканский и парламентский, к которому стремились российские либералы, но который не был реализован [2, С. 45–50].

Можно с уверенностью констатировать, что Основные законы Российской империи

1906 года занимали место в ряду конституций дуалистических монархий конца XIX – начала XX века, но отличались большей архаичностью в вопросах регламентации полномочий монарха, речь идет преимущественно о статьях 4, 10, 87, слабостью парламентского контроля, отсутствием реальной ответственности исполнительной власти перед представительным органом и менее разработанной системой гарантий прав. Они представляли собой наиболее консервативный вариант «конституционного самодержавия». Согласно статье 87 Основных законов «во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главнo-управляющим отдельную часть не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятый мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет» [5, С. 185].

В рамках проводимого исследования представляется целесообразным, по мнению автора, сделать также акцент на выделении положительных сторон характеристики данного правового акта конституционного значения, а также отметить отрицательные аспекты.

Основные законы 1906 года имели четкую структуру, включающую в себя 11 разделов, последовательно регулирующих основы государственного строя, статус императора, порядок престолонаследия, учреждение и функционирование законодательных органов, Совет министров, министерства и другие органы, порядок издания законов, права и обязанности подданных, финансы, государственный контроль, местные законы. Эта системность была шагом вперед [11, С. 81].

Текст Основных законов в целом использовал юридически точную лексику, характерную для законодательства того времени. Однако присутствовала архаичная и двусмысленная терминология, в частности, «неограниченное самодержавие» в статье

4, несмотря на последующие ограничения: «державная воля» монарха.

По мнению автора, ключевой проблемой Основных законов 1906 года является наличие фундаментальных противоречий, которые подрывали системность данного конституционного акта.

В статье 4 закреплялось, что Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть, повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает.

В статье 86 устанавливалось, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора». Это противоречие так и не было разрешено ни доктринально, ни юридически [4, С. 213–215].

Провозглашение прав в Разделе VIII сопровождалось отсутствием действенных механизмов их судебной защиты и возможность их ограничения «в установленном законом порядке», что часто использовалось для издания репрессивных подзаконных актов.

Статья 87 позволяла обходить парламент в законодательстве, создавала параллельный, чрезвычайный законодательный канал, подрывавший принцип верховенства закона, закрепленный в статьях 84–85.

Многие нормы были недостаточно определенными, оставляя широкий простор для толкования в пользу исполнительной (императорской) власти, в частности, понятие «государственной пользы», содержащееся в статье 87 Основных законов [13, С. 67].

Несомненно, Основные законы 1906 года заложили основу для дальнейшего конституционного правового регулирования, но многие важные вопросы, такие, как детальный порядок взаимодействия палат, статус Сената как высшей судебной инстанции, механизм импичмента министров остались неурегулированными или требовали развития в текущем законодательстве.

С точки зрения юридической техники Основные законы 1906 года были документом переходной эпохи. Они продемонстрировали определенный прогресс в систематизации и формализации основ государственного строя, но страдали от внутренних противоречий, архаичных формулировок и недостаточной проработанности механизмов реализации, что снижало

их эффективность как основы конституционного порядка [17, С. 25–27].

Можно ли назвать Основные законы Российской империи 1906 года конституцией? Данный вопрос остается одним из самых дискуссионных в отечественной историко-правовой науке.

Согласно позитивистскому подходу, Основные законы 1906 года – это лишь попытка модернизации самодержавия под давлением революции, «псевдоконституция», не менявшая существа неограниченной монархии. Сам акт носил название «Основные государственные законы», а не «Конституция». Он был дарован («октроирован») императором, а не принят учредительным собранием или парламентом. Статья 4 сохраняла термин «самодержавная власть». Полномочия Государственной Думы были ограничены, министры не были ответственны перед ней. Император сохранял право абсолютного вето и роспуска Государственной Думы. Широкие полномочия по статье 87 позволяли обходить парламент [18, С. 108–114].

Сторонники функционального подхода полагают, что Основные законы 1906 года – это первая российская конституция в материальном смысле, пусть и дуалистическая, октроированная и непоследовательная. Они озаменовали переход от абсолютной монархии к конституционной, хотя и с сильными пережитками абсолютизма. Основные законы 1906 года выполняли функции конституции, они закрепили основы государственного строя, высшие органы власти и их компетенцию, основы правового статуса личности, принципы законодательного процесса, имели высшую юридическую силу. Впервые в истории России законодательная власть монарха была ограничена необходимостью согласия двухпалатного парламента (статья 86). Провозглашенные права, хотя и урезанные, создали правовую основу для последующей общественной борьбы [1, С. 78–80].

Ученые, которые придерживаются компромиссной точки зрения, отмечают, что Основные законы 1906 года можно условно назвать конституцией, но с важными оговорками об их октроированном характере, сохранении обширных прерогатив короны и внутренней противоречивости. Это был Основной закон конституционной монархии, но не республики. Основные законы 1906 года формально не отменили самодержавие (статья 4), но существенно его ограничили, введя конституционные институты (парламент, законодательные пре-

рогативы). Это был Основной закон дуалистической монархии, «конституция» в кавычках, уникальный правовой гибрид. Они создали конституционно-правовые пределы, в рамках которых происходила политическая борьба в 1906–1917 гг. [15, С. 55].

По мнению автора, Основные законы 1906 года можно назвать первой конституцией российского государства. Несмотря на свою кратковременность действия (до февраля 1917 г.) и противоречивость, Основные законы 1906 года оказали значительное влияние на развитие всех государственных и общественных институтов, а также последующее конституционное развитие России.

Деятельность четырех созывов Государственной Думы, особенно первого и второго, стала уникальной школой парламентской практики, публичной политики и законотворчества для России, прерванной, но не забытой [16, С. 210].

Принцип, закрепленный в статье 84 («Империя Российская управляется на твердых основаниях законов...»), хотя и нарушаемый, стал важным правовым ориентиром.

Раздел VIII Основных законов 1906 года стал первым в российской истории официальным перечнем гражданских прав, заложив основу для их последующего признания и развития, в том числе в советских конституциях, пусть и на иной идеологической базе [10, С. 350].

Опыт кодификации основ государственного строя, структурирования высших органов власти был прямо или косвенно учтен при разработке последующих российских и советских конституций, особенно в части определения компетенции высших органов государственной власти.

Сам факт существования Основных законов 1906 года и дискуссии вокруг них в 1906–1917 гг. сформировали конституционно-правовую традицию и язык, которые возродились в конце XX века.

Октроированный характер Основных законов 1906 года подрывал их легитимность в глазах значительной части общества. Подлинный конституционализм требует широкого общественного согласия и участия в создании Основного закона.

Внутренняя несогласованность норм (самодержавие, парламентское законодательство) стала источником постоянных конфликтов и кризисов. Конституция должна быть внутренне логичной и последовательной системой норм.

Провозглашение прав без создания действенных механизмов их судебной защиты и без ограничения возможности их чрезмерного ограничения подзаконными актами делает их декларативными. Конституционные права должны подкрепляться сильной независимой судебной властью [8, С. 287].

Крайний дисбаланс в пользу исполнительной (монархической) власти и слабость парламентского контроля дестабилизировали систему. Эффективный конституционализм требует продуманной системы сдержек и противовесов [12, С. 87].

Ясность, определенность и полнота конституционных норм, отсутствие архаичных и двусмысленных формулировок критически важны для стабильности правопорядка и предсказуемости действий власти [9, С. 101–111].

Конституция должна сочетать стабильность основных принципов с возможностью адаптации к меняющимся условиям через предусмотренные в ней же механизмы изменения, а не через создание параллельных чрезвычайных каналов [20, С. 342].

Заключение

Таким образом, Основные законы 1906 года представляют собой уникальный и противоречивый опыт конституционного развития России в условиях глубокого общественно-политического кризиса

Опыт Основных законов 1906 года – это опыт первой, во многом неудачной, но исторически неизбежной попытки России войти в конституционное пространство XX века. Их изучение позволяет понять сложность перехода от авторитарных режимов к правовому государству, важность компромисса, но и опасность непоследовательности в фундаментальных вопросах государственного строительства. Эти уроки сохраняют свою актуальность в настоящее время для совершенствования конституционного законодательства.

Эти уроки имеют существенное значение для развития правовой базы войск национальной гвардии Российской Федерации, которое необходимо, по нашему мнению, рассматривать двояко. С одной стороны, Основные законы – это, можно сказать, первый опыт конституционного регулирования вопросов организации государственной власти, в том числе, исполнительной, которую в настоящее время осуществляет, в частности, Федеральная служба войск национальной гвардии, с другой стороны – это определенный этап исторического развития нашей страны,

часть общей истории нашего Отечества, которую должны изучать военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии,

что, несомненно, способствует сохранению нашего исторического наследия.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. 864 с.
2. Ардан Ф. Франция: Государственная система. М. : Юрист, 1994. 176 с. (Раздел о Конституционных законах 1875 г.).
3. Еремин В.Н. Политическая система современной Японии. М. : Наука, 1992. 207 с. (Глава о Конституции Мэйдзи).
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I: Введение и общая часть. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 618 с.
5. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. 544 с.
6. Лебедев В. А. Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации / В. А. Лебедев, И. Г. Дудко, Д. Л. Кутейников М. : Проспект, 2021. 310 с.
7. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : РОССПЭН, 1998. 655 с.
8. Нарутто С. В. Реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина: учебное пособие / С. В. Нарутто, С. Ю. Колмаков М. : Норма: ИНФРА-М., 2022. 350 с.
9. Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции. М. : РГ-Пресс, 2021. 408 с.
10. Новицкая Т. Е. Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М. : Зерцало, 2010. 432 с.
11. Полянский П.А. Юридическая природа Основных законов 1906 г. // Правоведение. 1992. № 5. С. 77–85.
12. Права человека: между прошлым и будущим: монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В.Варламовой, Н. В. Колотовой. М. : Норма: Инфра-М, 2021. 410 с.
13. Романовский В. Г. Конституционные ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в России и за рубежом: монография. М. : Проспект, 2021. 406 с.
14. Сенников Н.М. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. как источник конституционного права // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 112–120.
15. Степанов И. М. Уроки и парадоксы российского конституционализма. М. : Манускрипт, 1996. 102 с.
16. Тютюкин С. В. Революция 1905–1907 гг. в России и самодержавие. М. : Наука, 1991. 224 с.
17. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е. М. : Зерцало-М, 2003. 312 с.
18. Шестопал Е. Б. Политико-правовая природа Основных законов 1906 г. // Советское государство и право. 1976. № 4. С. 108–114.
19. Конституции зарубежных государств: учебное пособие / сост. В. В. Маклаков. 6-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2009. 598 с. (Раздел о Конституции Пруссии 1850 г.).
20. Хабриева Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. М. : Норма: ИНФРА, 2021. 240 с.

References

1. Avak'yan S. A. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnyj kurs. T. 1. 5-e izd., pererab. i dop. M. : Norma: INFRA-M, 2014. 864 s. (In Russ.).
2. Ardan F. Franciya: Gosudarstvennaya sistema. M. : YUrist", 1994. 176 s. (Razdel o Konstitucionnyh zakonah 1875 g.). (In Russ.).
3. Eremin V.N. Politicheskaya sistema sovremennoj YAponii. M. : Nauka, 1992. 207 s. (Glava o Konstitucii Mejdzi). (In Russ.).
4. Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. I: Vvedenie i obshchaya chast'. SPb. : Tip. M. M. Stasyulevicha, 1909. 618 s. (In Russ.).
5. Kutafin O. E. Rossijskij konstitucionalizm. M. : Norma, 2008. 544 s. (In Russ.).
6. Lebedev V. A. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii / V. A. Lebedev, I. G. Dudko, D. L. Kutejnikov M. : Prospekt, 2021. 310 s. (In Russ.).
7. Medushevskij A. N. Demokratiya i avtoritarizm: Rossijskij konstitucionalizm v sravnitel'noj perspektive. M. : ROSSPEN, 1998. 655 s. (In Russ.).

8. Narutto S. V. Realizaciya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina: uchebnoe posobie / S. V. Narutto, S. YU. Kolmakov M. : Norma: INFRA-M., 2022. 350 s. (In Russ.).
9. Novelly Konstitucii Rossijskoj Federacii i zadachi yuridicheskoy nauki: materialy konferencii. M. : RG-Press, 2021. 408 s. (In Russ.).
10. Novickaya T. E. Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka. M. : Zercalo, 2010. 432 s. (In Russ.).
11. Polyanskij P.L. The legal nature of the Fundamental Laws of 1906// Pravovedenie. 1992;5: 77–85. (In Russ.).
12. Prava cheloveka: mezhdru proshlym i budushchim: monografiya / pod red. T. A. Vasil'evoy, N. V. Varlamovoj, N. V. Kolotovoj. M. : Norma: Infra-M, 2021. 410 s. (In Russ.).
13. Romanovskij V. G. Konstitucionnye ogranicheniya prav cheloveka v celyah protivodejstviya terrorizmu v Rossii i za rubezhom: monografiya. M. : Prospekt, 2021. 406 s. (In Russ.).
14. Sennikov N.M. The Fundamental Laws of the Russian Empire of April 23, 1906, as a Source of Constitutional Law // ZHurnal rossijskogo prava. 2006;8: 112–120. (In Russ.).
15. Stepanov I. M. Uroki i paradoksy rossijskogo konstitucionalizma. M. : Manuskript, 1996. 102 s. (In Russ.).
16. Tyutyukin S. V. Revolyuciya 1905–1907 gg. v Rossii i samoderzhavie. M. : Nauka, 1991. 224 s. (In Russ.).
17. CHistyakov O. I. Konstituciya RSFSR 1918 goda. Izd. 2-e. M. : Zercalo-M, 2003. 312 s. (In Russ.).
18. SHestopal E. B. The political and legal nature of the Fundamental Laws of 1906// Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1976;4: 108–114. (In Russ.).
19. Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: uchebnoe posobie / sost. V. V. Maklakov. 6-e izd. M. : Volters Kluver, 2009. 598 s. (Razdel o Konstitucii Prussii 1850 g.). (In Russ.).
20. Habrieva T. YA. Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ / T. YA. Habrieva, A. A. Klishas. M. : Norma: INFRA, 2021. 240 s. (In Russ.).

Информация об авторе

И. С. Назарова – кандидат юридических наук,
доцент

Статья поступила в редакцию 30.07.2025;
одобрена после рецензирования 21.08.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

I. S. Nazarova – Candidate of Sciences (Law),
Docent

The article was submitted 30.07.2025;
approved after reviewing 21.08.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 94(47).084.8

**ОБРАЗОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В 1943– 1967 ГГ.: К 81-Й ГОДОВЩИНЕ
ОБРАЗОВАНИЯ ВОЕННОЙ ОРДЕНА ЖУКОВА АКАДЕМИИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Василий Павлович Сидоренко¹, Василий Михайлович Игнатов²**¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия² Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ svp-52@mail.ru² vasmich.63@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных документов и материалов раскрывается механизм образования и основные периоды развития учебного заведения в 1943–1967 годах, которое за этот период прошло пять этапов реорганизации. В работе изложены проблемы становления многопрофильной школы пенитенциарной системы НКВД – МВД СССР и реформирования ее в среднее военно-политическое учебное заведение – Ленинградскую военно-политическую школу (ЛВПШ) МВД СССР.

Ключевые слова: академия, внутренние войска, главное управление лагерей, дисциплина, командиры, курсанты, наркомат внутренних дел, преподаватели, слушатели, сотрудники, строевая выучка, органы внутренних дел, офицеры, школа

Для цитирования: Сидоренко В.П., Игнатов В.М. Образование и становление учебного заведения в 1943– 1967 гг.: к 81-й годовщине образования Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 76–89. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/008.pdf>.

Original article

**EDUCATION AND ESTABLISHMENT OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION IN 1943-1967: ON THE 81ST
ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE MILITARY ORDER OF ZHUKOV OF THE ACADEMY OF THE
NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION****Vasily P. Sidorenko¹, Vasily M. Ignatov²**¹ Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia² Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ svp-52@mail.ru² vasmich.63@yandex.ru

Abstract. The article, based on archival documents and materials, reveals the mechanism of formation and the main periods of development of the educational institution in 1943–1967, which during this period went through five stages of reorganization. The work presents the problems of the formation of a multidisciplinary school of the penitentiary system of the NKVD-MVD of the USSR and its reformation into a secondary military – political educational institution - the Leningrad Military-Political School (LMPS) of the MVD of the USSR.

Keywords: academy, internal troops, main administration of camps, discipline, commanders, cadets, People's Commissariat of Internal Affairs, teachers, students, employees, drill training, internal affairs agencies, officers, school

For citation: Sidorenko V.P., Ignatov V.M. Education and establishment of the educational institution in 1943-1967: on the 81st anniversary of the formation of the Military order of Zhukov of the academy of the national guard of the Russian Federation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 76–89. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/008.pdf>.

© Сидоренко В.П., Игнатов В.М., 2025

Введение

Образование и становление нашего учебного заведения – это большая, во многом поучительная и даже захватывающая летопись одного из старейших военных вузов в системе МВД, неразрывно связанная с историей российского государства, лучшими традициями войск и органов правопорядка, которая не может оставить равнодушным всякого, кто связал свою жизнь со служением Отечеству, а также тех, кто готовится продолжить его славную эпопею.

В годы Великой Отечественной войны войска и органы Наркомата внутренних дел (НКВД) испытывали острейших дефицит офицерских кадров. С этой целью был определен комплекс мер по созданию учебных заведений по подготовке и переподготовке ведомственных специалистов, в том числе и для Главного управления лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ) НКВД СССР.

Основные положения

История образования учебного заведения в системе органов правопорядка российского государства берет свое начало в 1943 году. 16 декабря Нарком НКВД СССР подписал приказ № 0450 «Об организации Куйбышевской школы ГУЛАГа НКВД СССР». Учебное заведение предназначалось для подготовки 250 начальников лагерных подразделений и частей со сроком обучения 3 месяца. Местом дислокации школы стал бывший центральный госпиталь Особстроя НКВД, располагавшийся в районе Красной Глинки г. Куйбышева (ныне один из районов г. Самары) [1, л. 139–139 об.].

Временно исполняющей должность начальника школы была назначена Т. П. Тамбовцева, а заместителем по хозяйственной части – И. Я. Кузьминов. Штатных сотрудников было всего около 25 человек. Учебный процесс намечалось начать 15 января 1944 года. В условиях военного времени это сделать было крайне сложно. Комиссия НКВД вскрыла ряд объективных и субъективных причин срыва сроков начала учебного процесса и приняла решение о замене руководящего состава школы.

В январе 1944 года руководство школы было заменено – временно исполняющим должность начальника школы был назначен

капитан госбезопасности Морозов, его заместителями стали В. Я. Шварц, Л. А. Биргер, С. А. Малахов, Г. В. Полько [2, л. 1]. Плановые занятия по сокращённой программе начались лишь 10 февраля 1944 года на отделениях подготовки начальников учетно-распределительных частей и усовершенствования начальников санитарных частей. На начальном этапе занятия проводили всего 9 преподавателей, а после доукомплектования образовательный процесс стали осуществлять 16 преподавателей. Для проведения практических занятий привлекались специалисты пенитенциарной системы, в том числе и центрального аппарата Главного управления трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР. Для прохождения учебной практики при школе была организована исправительно-трудовая колония на 250 человек.

На начальном этапе функционирования школы комиссия ГУЛАГа проверила качество отбора кандидатов на учебу и организацию учебного процесса. Было установлено, что 80 слушателей не соответствовали требованиям приёма и были отчислены, остальные продолжили обучение. 13 мая 1944 года состоялся первый выпуск 217 специалистов, из них 104 начальника санитарных частей, 113 – начальников учетно-распределительных частей [3, л. 71].

12 июля 1944 года начальником школы был назначен старший лейтенант госбезопасности Иван Павлович Комаров (рисунок 1). Его заместителем по учебной работе являлся С. А. Малахов, по политический части – Г. В. Полько, начальником хозяйдела – Д. Б. Биргер, начальником отделения кадров – Н. И. Царев [4, л. 85, л. 25]. Новому руководству школы удалось устранить многие недостатки в организации учебы слушателей и повысить уровень учебно-воспитательного процесса и бытового устройства обучаемых второго набора. 12 октября состоялся второй выпуск 173 слушателей. Всего за 9 месяцев функционирования Куйбышевской школы ГУЛАГа НКВД, с учетом прошедших курсы переподготовки и усовершенствования, было выпущено 1024 специалиста лагерного сектора [5, л. 81].

Рисунок 1 – И. П. Комаров

Figure 1 – I. P. Komarov

Кадры для системы ГУЛАГа готовились в десяти малочисленных по составу школах, расположенных в различных регионах страны. Руководство ГУЛАГа неоднократно указывало на недостаточный уровень подготовки специалистов лагерного сектора по сокращенной программе обучения. Было принято решение о коренном изменении системы подготовки кадров в ведомственных учебных заведениях, объединении 4 школ в одно многопрофильное учебное заведение. 18 сентября 1944 года был подписан приказ Наркома внутренних дел Л. П. Берии «О реорганизации Куйбышевской школы ГУЛАГа НКВД СССР». На базе Куйбышевской школы и расформированных Магнитогорской, Северо-Двинской и Ухтоижемской школ была создана Центральная школа ГУЛАГа НКВД СССР [6, л. 85–85 об.]. Учебно-материальное оборудование расформированных школ, а также сельскохозяйственная колония для прохождения производственной практики обучаемыми, были переданы на баланс вновь созданного учебного заведения. Начальником сельскохозяйственной колонии был назначен заместитель начальника школы по хозяйственной части Д. Б. Биргер [7, л. 29].

На Центральную школу ГУЛАГа была возложена задача по подготовке руководящих кадров лагерного сектора в количестве 500 человек. В целях повышения качества подготовки специалистов срок обучения был увеличен с 3 до 5 месяцев. Учебным заведением продолжал руководить достаточно опытный капитан госбезопасности Иван Павлович Комаров. Его заместителями являлись: по политической части – майор Г. В. Полько, по учебной части –

С. А. Малахов, помощник по хозяйственной части – младший лейтенант И. А. Желнин.

Занятия намечалось начать 1 ноября 1944 года по десяти специальностям: надзорная, оперативная, медико-санитарная и ветеринарная службы; плановая, производственная, учетно-распределительная, культурно-воспитательная и счетно-бухгалтерская работы. 21 апреля 1945 года в Центральной школе состоялся первый выпуск специалистов лагерного сектора. Из 394 курсантов 158 окончили на «отлично», 149 – на «хорошо» и 87 – на «удовлетворительно». Хорошие результаты показали 429 курсантов второго набора, выпуск которых состоялся 31 октября 1945 года.

С 8 августа 1945 года Центральная школа стала функционировать как военно-учебное заведение, действовавшее на основе Устава внутренней службы и Дисциплинарного устава Красной Армии. Были утверждены правила внутреннего распорядка школы. В повседневную деятельность учебного заведения стали внедряться уставные требования армейской жизни, обязательным стало принятие Военной присяги.

Учебно-материальная база Центральной школы не в полной мере отвечала требованиям качественной подготовки начальствующих кадров лагерного сектора. 8 сентября 1945 года Нарком внутренних дел подписал приказ № 0207 «О передислокации Центральной школы ГУЛАГа НКВД СССР» в поселок Щербинка Подольского района Московской области [8, л. 60–61]. Передислокация завершилась 20 декабря 1945 года. На баланс школы были переданы помещения и материально-техническая база бывшей ИТК № 5.

На начальном этапе функционирования школы в п. Щербинка имелись большие трудности в бытовом устройстве личного состава и организации учебного процесса. Для ремонтно-восстановительных работ и хозяйственного обслуживания учебного заведения была организована ИТК с контингентом на 200 человек. Значительные сложности были с комплектованием школы постоянным составом, так как многие сотрудники школы перешли на службу в подразделения УНКВД Куйбышевской области или же уволились по выслуге лет. 1946 учебный год был начат при наличии 7 штатных преподавателей. В течение года в школу прибыли еще 11 преподавателей, в том числе А. И. Карпов, В. Ф. Карпова, Г. Р. Куклин, А. В. Куклина и другие.

В марте 1946 года Наркомат внутренних дел был преобразован в Министерство внутренних дел (МВД) СССР. В соответствии с этой реорганизацией школа получила новое наименование «Центральная школа ГУЛАГа МВД СССР» [9, С. 268–270].

Из-за разного общеобразовательного уровня, возраста и специальных званий курсанты и слушатели испытывали сложности в освоении дисциплин. Так, в 1946 году на учёбу был зачислен 271 человек, из них 186 – имели незаконченное среднее и низшее образование, а 85 – среднее, высшее и незаконченное высшее образование. Важно отметить, что многие обучающиеся являлись участниками Великой Отечественной войны.

В послевоенный период в повседневную жизнь школы все больше стали внедряться требования, аналогичные с военно-учебными заведениями. 16 марта 1946 года для личного состава была введена единая форма одежды и военная подготовка. Для офицерского состава стала обязательной командирская подготовка, введён институт оперативных ответственных дежурных, началось формирование резерва кадров для выдвижения на вышестоящие должности.

Несмотря на сложности в организации учебно-воспитательного процесса, в 1946 году было проведено три выпуска 771 специалистов лагерного сектора. В начале 1947 года в школе началась переподготовка работников кадровых аппаратов. 10 февраля 1947 года был проведен выпуск четвертого набора 269 специалистов, а 21 августа – пятый выпуск 362 человек.

Пятимесячный срок обучения не в полной мере обеспечивал высокий уровень подготовки специалистов. Именно этим и был обусловлен ряд важнейших ministerских решений, которые имели большое значение для дальнейшего функционирования школы. В связи с передачей в январе 1947 года внутренних войск в состав Министерства госбезопасности руководство МВД потребовало изменить систему подготовки ведомственных кадров. 6 июня 1947 года Центральная школа была выведена из состава ГУЛАГа и передана в подчинение Управлению кадров МВД СССР [10, л. 154]. Это привело к коренной перестройке системы подготовки специалистов лагерного сектора и во многом определило дальнейшую судьбу учебного заведения.

Приказом МВД СССР от 4 сентября 1947 года «О перебазировании Центральной школы ГУЛАГа МВД СССР» личный состав был передислоцирован в поселок Знаменка Ленинградской области [11, л. 7–8; л. 180]. Учебное заведение стало именоваться «Офицерская школа МВД СССР» для подготовки 350 специалистов среднего звена лагерного сектора с двухгодичным сроком обучения [12, л. 179]. Дислокация школы в окрестностях Ленинграда дала возможность учебному заведению широко использовать огромный научный и культурный потенциал Ленинграда для качественной подготовки специалистов.

Для размещения учебного заведения были выделены частично отремонтированные помещения бывшей ИТК № 27. Большая часть зданий находилась в полуразрушенном состоянии из-за фашистских обстрелов в годы блокады Ленинграда. Именно на этом направлении фашисты пытались прорвать оборону 21-й дивизии войск НКВД, однако воины-чекисты смогли удержать оборонительные рубежи и защитить город от вражеского вторжения. Во время восстановительных работ курсанты находили гранаты, мины и снаряды. В развалинах здания, где в настоящее время расположен батальон обеспечения учебного процесса, был обнаружен склад фашистских боеприпасов. Сообщение с городом было по железной дороге, трамвайная линия еще не была восстановлена.

В 1947 году рядом со школой в парковой зоне началось строительство двух деревянных домов для семей офицеров, которые требовалось сдать к 1 декабря. Однако из-

за несвоевременных поставок стройматериалов жилые дома были сданы в эксплуатацию только весной 1948 года. В этих домах длительное время проживали офицерские семьи. В настоящее время сохранилось только одно здание, находящееся в аварийном состоянии после пожара.

Важно отметить, что в 1947–1948 учебном году на период ремонтно-строительных работ на территории школы курсанты временно размещались и учились не в Сосновой Поляне, а в правом крыле здания Генерального штаба рядом с Дворцовой площадью (Мойка, 45). В 1948 году школа получила новое наименование «Знаменская офицерская школа МВД СССР». Учебным заведением продолжал руководить капитан госбезопасности И. П. Комаров, его заместителями являлись: по учебной части подполковник – Л. А. Куклев, по хозяйственной части – лейтенант интендантской службы И. А. Желнин.

В 1948 году на территории школы было восстановлено только одно 2-этажное здание, в котором был один лекционный зал, четыре учебных класса и столовая. Рядом через арку стояло недостроенное 2-этажное общежитие. Для ускорения ремонтных работ было выделено 15 плененных немцев. Одноэтажное здание было переоборудовано под баню, а также отремонтировано здание у пруда, где сейчас размещается кафедра огневой подготовки Академии. В этом корпусе был кабинет начальника школы, а также санитарная часть и другие службы.

В начале 1949 года было достроено общежитие курсантов, в нем был оборудован лекционный зал, столовая, а также размещалась администрация школы. Ныне в этом здании располагается следственный факультет университета МВД. Было восстановлено одноэтажное здание клуба, где демонстрировались кинофильмы, а в выходные дни устраивались танцы. В конце этого года началось строительство двух жилых домов.

В послевоенные годы значительно расширилась сеть военно-учебных заведений по подготовке политработников. Аналогичные меры принимались и в системе

МВД СССР. Перепрофилирование Знаменской школы на подготовку политработников внесло существенные коррективы в организацию учебного процесса. В начале 1948 года в школе был проведен первый набор курсантов, а 8 мая – второй набор по сокращенной программе обучения. Многие курсанты, прибывшие на учебу с младших командных должностей, стали приобретать новую для них специальность – политико-воспитательную. Кроме этого, в школе продолжалась подготовка офицеров лагерного сектора с последующим назначением их на должности начальников исправительно-трудовых колоний, лагерных отделений и лагпунктов. С 1949 года началась переподготовка сотрудников руководящего состава детских воспитательных колоний.

С каждым годом в учебных планах стали увеличиваться часы на военные дисциплины, в связи с этим в школе было создано новое структурное подразделение – цикл военных дисциплин. Комплектование должностей командно-преподавательского состава стали осуществлять преимущественно офицерами, имевшими военное образование и участниками Великой Отечественной войны.

Подготовка специалистов осуществлялась на 4 учебных курсах: партийно-политических работников со сроком обучения 2 года; административно-хозяйственных работников со сроком обучения 2 года; 11-месячная переподготовка работников по этим же специальностям; отделение по переподготовке сотрудников детских воспитательных колоний. Важно отметить, что в Знаменской офицерской школе продолжали плодотворно трудиться некоторые офицеры и преподаватели, начавшие свой служебный путь еще в Центральной школе.

В 1949 году начальником школы был назначен подполковник Григорий Иванович Баранов, целеустремленный, строгий и в то же время чуткий и отзывчивый руководитель (рисунки 2). В октябре 1949 года заместителем начальника школы – начальником учебного отдела был назначен В. И. Ушаков.

Рисунок 2 – Г. И. Баранов

Figure 2 – G. I. Baranov

В учебном заведении основную часть обучаемых составляли сотрудники служб ГУЛАГа и работники органов внутренних дел, многие из них являлись участниками войны, имели боевые награды. В их числе был Герой Советского Союза старший сержант Михаил Иванович Тихонов, кавалеры боевых орденов и медалей А. М. Журавлёв, С. С. Семенец и другие.

На курсах подготовки партийно-политических работников большое внимание уделялось культурно-массовой работе. В 1950 году слушателем младшим лейтенантом Алексеенко был написан текст и музыка марша Знаменской офицерской школы, который исполнялся на строевых смотрах (к сожалению, текст песни не сохранился). Особой популярностью пользовалась художественная самодеятельность курсантских подразделений. Нередко личный состав выступал с концертами в домах культуры города.

Большой популярностью среди личного состава пользовались соревнования по физической подготовке. Ежегодно проводились летняя и зимняя спартакиады. В 1950 году на Всесоюзных соревнованиях общества «Динамо» команды школы по лыжным гонкам и хоккею заняли 1-е место, по стрельбе – 2-е место, а также три призовых места по конькобежному спорту.

В 1951–1952 годах был осуществлён ряд реорганизаций учебного заведения. В соответствии с приказом МВД СССР от 30 марта 1951 года школа получила новое наименование «Ленинградская офицерская школа МВД СССР». Главным учебным зданием стал 1-й корпус, где сейчас обучаются курсанты – судебные эксперты университета МВД.

В этом же году был проведен последний выпуск начальников лагерного сектора. На отделении с 2-годовичным сроком обучения началась подготовка политико-воспитательных работников для исправительно-трудовых учреждений МВД СССР [13, л. 236–236 об.]. Кроме этого, политработников лагерного сектора готовили на курсах переподготовки с 9-месячным сроком обучения. Подготовка политработников проводилась и для войск, охранявших исправительно-трудовые учреждения, важные объекты и коммуникации.

Во второй половине 1951 года произошло очередное реформирование школы. В соответствии с приказом МВД СССР от 6 августа 1951 года учебное заведение стало именоваться «Ленинградское военнополитическое училище МВД СССР» [14, л. 34–35]. Были повышены требования к отбору кандидатов на учебу. На отделение партийно-политических работников стали принимать только членов или кандидатов в члены КПСС (в том числе и членов ВЛКСМ) не старше 30 лет, а на курсы переподготовки – не старше 40 лет. Учебные курсы были переименованы в дивизионы и введены должности курсовых офицеров. Одними из первых на эти должности были назначены имевшие хорошую общую подготовку молодые офицеры Е. Е. Блажчук, А. В. Паридуха, В. Г. Чаплыгин и другие. Началось становление училища как военнополитического учебного заведения МВД СССР. В учебных планах стало больше предметов и дисциплин военного профиля.

3 мая 1952 года произошла очередная реорганизация учебного заведения. Приказом МВД СССР училище было реорганизовано в Ленинградскую школу подготовки

политсостава МВД СССР [15, л. 111–111 об.]. В этом году было выпущено 344 человека, из них 142 – партийно-политических работников, 98 – специалистов культурно-воспитательных частей и отделов.

Руководство партийно-политической работой в учебном заведении осуществлял политический отдел. Первым начальником был назначен подполковник И. И. Дудоров, его заместителем – майор Н. Д. Дудченко. В 1952 году в первичной партийной организации училища насчитывалось 415 членов и кандидатов в члены КПСС, а в комсомольской организации – 137 человек. Как бы мы не относились сейчас к деятельности партийных организаций по руководству политико-воспитательной работой и учебно-воспитательным процессом, в тот период это была эффективная форма качественной подготовки офицеров-политработников.

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР Министерство внутренних дел 29 декабря 1952 года подготовило распоряжение о вручении Красных Знамен восьми учебным заведениям. 28 сентября 1953 года Ленинградской школе подготовки политсостава были вручены Грамота и Красное Знамя как символ воинской чести, доблести и славы. Командиром знамённого взвода был назначен лейтенант Е. Е. Блажчук [16, л. 95].

В начале 1950-х годов личный состав училища внёс значительный вклад в благоустройство города Ленинграда, прежде всего, Кировского района. В 1951–1952 годах курсанты и слушатели участвовали в восстановлении разрушенных войной трамвайных путей от Стрельны до Ленинграда. За активное участие в их строительстве 6 человек были награждены грамотами Ленгорисполкома. В Красносельском районе личный состав трудился на восстановлении и строительстве дорог, очистке территории от металлолома и кирпичного боя – последствий войны. В 1952 году курсанты 2 дивизионов в течение 2 суток участвовали в тушении пожара на Шуваловских торфоразработках и смогли предотвратить дальнейшее распространение очага возгорания.

В 1951–1952 годах продолжалось благоустройство территории училища: было завершено строительство стадиона, облагорожен фруктовый сад, построены теплицы для выращивания ранних овощей, а пустовавшая территория распахана для посадки

картофеля и капусты. Кроме этого, был облагорожен пруд, где проводились соревнования по плаванию, а зимой по конькобежному спорту и хоккею. В марте 1952 года впервые в истории училища было проведено учение с 50-километровым лыжным маршем, в котором участвовали все офицеры, слушатели и курсанты.

В 1953 году Совет Министров СССР принял постановление о выводе ГУЛАГа из подчинения МВД и передачи его в Министерство юстиции (МЮ). 26 мая учебное заведение стало именоваться «Ленинградская школа подготовки и усовершенствования политсостава ГУЛАГа МЮ СССР» [17, л. 50, 111 об.]. Через 7 месяцев, 1 января 1954 года, места лишения свободы вновь были переданы в подчинение МВД. Ленинградская школа 14 апреля 1954 года получила новое наименование «Ленинградская военно-политическая школа МВД СССР» (ЛВПШ) [18, л. 132].

С 1954 года ЛВПШ стала основным учебным заведением по подготовке и переподготовке специалистов одного профиля – политико-воспитательных работников для конвойных войск и органов лагерного сектора МВД СССР. Срок обучения на основном отделении составлял 2 года, а на курсах переподготовки – 9 месяцев. Руководство учебно-воспитательным процессом и партийно-политической работой осуществляли опытные заместители начальника школы: по учебной работе – подполковник Н. П. Свиарев, по политической части – подполковник И. И. Дудоров, по снабжению – подполковник Г. В. Колесников. Был сдан в эксплуатацию восстановленный трехэтажный 5-й корпус, на первом этаже которого открылась столовая (рисунок 3). Увеличивалось число слушателей школы.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 12 марта 1954 года Министерство внутренних дел разработало комплекс мер, направленных на повышение качества подготовки специалистов. В ЛВПШ офицеров-политработников и культурно-массовых специалистов готовили на 4 дивизионах: 2 курсантских с 2-годовичным сроком обучения и 2 служительских с одногодовичным периодом обучения. 31 августа в ЛВПШ состоялся первый выпуск 753 офицеров-политработников, из них 183 лейтенанта внутренней службы были направлены в подразделения лагерного сектора [19, л. 59, 77].

Рисунок 3 – Учебный корпус школы

Figure 3 – The school's academic building

В 1954 году комиссия МВД СССР провела комплексную проверку деятельности ЛВПШ и определила меры по устранению выявленных недостатков. На переподготовку были направлены офицеры, не имевшие среднего образования по специальности. Учебные дисциплины были сконцентрированы в шести циклах: общественных наук, истории, партийно-политической работы, специальных дисциплин, военных дисциплин, русского языка и литературы. В этом году в школе начали функционировать 6-месячные курсы усовершенствования руководящего политического состава лагерного сектора (КУОС). На 11-месячных кур-

сах продолжалась подготовка сотрудников культурно-воспитательных частей и отделений ИТУ.

31 января 1955 года начальником ЛВПШ был назначен полковник Александр Семенович Просьянок (рисунок 4). Он являлся опытным организатором политико-воспитательной работы, который он приобрел в должности начальника политотдела Харьковского училища тыла МВД СССР. Это позволило ему профессионально решать многие задачи по совершенствованию учебно-воспитательного процесса в военно-политическом учебном заведении.

Рисунок 4 – А. С. Просьянок

Figure 4 – A. S. Prosyank

В 1956–1957 годах ЛВПШ неоднократно отмечалась в числе лучших учебных заведений, добившихся высоких результатов в подготовке специалистов для войск и служб ИТУ. За значительный вклад в подготовку ведомственных офицерских кадров А. С. Просьянку было присвоено звание «генерал-майор», а многие офицеры были удостоены государственных наград.

В соответствии с приказом МВД СССР от 14 апреля 1956 года в школе была разработана комплексная программа отбора,

обучения и воспитания курсантов и слушателей. В 1957 году учебные заведения МВД перешли на подготовку специалистов по 3-годичной программе обучения. В ЛВПШ был проведен первый набор 200 курсантов на 3-летний курс подготовки политработников.

В марте 1957 года в школе была построена кинобудка и установлена стационарная киноустановка. Для получения навыков проведения курсантами и слушателями политико-воспитательных и культур-

но-массовых мероприятий на кафедрах были разработаны методические рекомендации. Это позволило более организованно и качественно решать задачи подготовки квалифицированных офицеров-

политработников. Подводились итоги учебной деятельности курсантов и состояния воинской дисциплины в подразделениях школы (рисунок 5).

Рисунок 5 – Генерал-майор А. С. Просьянок вручает Почетную грамоту сержанту М. Ю. Гутману за окончание 1-го курса на «отлично»

Figure 5 – Major General A. S. Prosyanyok presents a Certificate of Honor to Sergeant M. Y. Gutman for the completion of the 1st course with "excellent"

В 1958 году был проведен последний выпуск 97 офицеров 2-годичного срока подготовки политико-воспитательных работников для ИТУ. Срок обучения на переподготовке был увеличен с 6 до 11 месяцев, что позволило повысить качество подготовки политических работников ИТУ и конвойной охраны. В этом же году началась переподготовка работников ведомственных многотиражных газет. В 1959 году на КУОС была организована подготовка руководящего состава политотделов ИТУ, а в 1960 году – начальствующего состава МВД. В 1958–1961 годах переподготовку на КУОС прошли 771 человек.

В 1959 году из числа курсантов на общественных началах был создан духовой оркестр (20 чел.) под руководством курсанта И. В. Белозерова. В 1963 г. дирижером оркестра на общественных началах был назначен курсант М. Н. Сойников

В 1958–1959 годах в целях обмена опытом подготовки кадров для правоохранительных органов на базе ЛВПШ дважды проводились показательные занятия для членов делегаций братских социалистических стран: Албании, Болгарии, Китая и Чехословакии. Руководители делегаций отметили высокий уровень подготовки офицеров для войск и органов МВД.

В 1959 году ЛВПШ стала основным ведомственным учебным заведением по подготовке политработников. Численность курсантского состава была увеличена на 75 человек. Подготовка молодых офицеров

осуществлялась на двух учебных отделениях: по подготовке офицеров-политработников для войск по специальности «политическая работа», для ИТУ – «культурно-просветительная работа».

В мае 1959 года политотделы учебных заведений МВД СССР, в том числе и ЛВПШ, перешли в подчинение Политуправления внутренних и конвойных войск. Они являлись организаторами политико-воспитательной работы с офицерами, курсантами и слушателями. В то время существовала одна правящая партия и одна официальная идеология. При этом важно учитывать, что ЛВПШ являлась основным учебным заведением по подготовке офицеров-политработников, которые призваны были стать организаторами политико-воспитательной работы в войсках и органах МВД. Таким было историческое прошлое нашего учебного заведения. А историю, как известно, изменить или выправить нельзя, из неё нужно только извлекать уроки и делать правильные выводы.

В 1960 году состоялся первый выпуск 183 офицеров-политработников с 3-годовичным сроком обучения. Государственная комиссия отметила высокий уровень подготовки курсантов и слушателей. За значительный вклад в подготовку офицеров-политработников генерал-майор А. С. Просьянок был награжден Почетной грамотой МВД.

В связи с упразднением 13 января 1960 года Министерства внутренних дел СССР и

передачи его функций МВД союзных республик, ведомственные учебные заведения стали готовить специалистов для своих республик. ЛВПШ, находившейся в подчинении МВД РСФСР, было разрешено продолжать подготовку офицеров-политработников не только для РСФСР, но и для Украины, Белоруссии и Казахстана. Это значительно повысило авторитет учебного заведения

Приказом МВД РСФСР от 21 января 1962 года начальником ЛВПШ был назначен полковник Николай Степанович Солощев (рисунк 6). Важнейшим направлением его работы было формирование профессио-

нального командно-преподавательского состава. Из 75 офицеров 53 – имели высшее образование, многие учились в военных и гражданских вузах заочно. Звание «полковник» имели всего 6 офицеров [20, л. 6–7]. Руководителями учебных циклов являлись: общественных наук – кандидат философских наук полковник В. К. Зарубин (единственный в то время учёный в школе); партийно-политической работы – полковник С. А. Николаев; общевойсковых дисциплин – подполковник Ф. М. Хабарев; службы войск и управления – подполковник П. Ф. Ганин.

Рисунок 6 – Полковник Н. С. Солощев

Figure 6 – Colonel N. S. Soloshchev

В связи с реформированием в августе 1962 года МВД РСФСР в Министерство охраны общественного порядка (МООП) школа стала именоваться «Ленинградская военно-политическая школа МООП РСФСР».

7 марта 1963 года произошло очередное реформирование учебного заведения, на этот раз без учета профиля подготовки офицерских кадров. В ЛВПШ была временно прекращена подготовка политработников для войск и служб ИТУ и образовано отделение по подготовке общевойсковых офицеров. Однако уже через год курсанты командного отделения были переведены в Саратовское военное училище для дальнейшей учебы, а в ЛВПШ снова возобновлена подготовка офицеров-политработников с 3-годовичным сроком обучения. На учебу стали принимать только тех абитуриентов, которые имели среднее образование и успешно сдали вступительные экзамены. Кроме этого, на КУОС была увеличена численность слушателей-политработников. В этом же году в ЛВПШ было создано еще одно структурное

подразделение – экстернат для сдачи экзаменов за среднее военное училище. Эту форму обучения использовали офицеры КУОС, а также командиры и преподаватели школы, которые не имели среднего военного образования. Требования к освоению программы обучения экстерном были высокими. В 1965 году только 54 процента обучаемых успешно сдали госэкзамены, а в 1966 году и того меньше – 31 процент обучаемых получили положительные оценки.

В 1963 году за достигнутые успехи в обучении и воспитании курсантов и слушателей полковник Н. С. Солощев был удостоен знака «Заслуженный работник МООП РСФСР». Почетной грамотой МООП были награждены капитан внутренней охраны Н. В. Григорьев, полковник внутренней охраны В. Т. Тренин. За высокие показатели в служебной и педагогической деятельности были занесены на Доску «Передовые люди школы» подполковники В. Н. Лавров, А. М. Катичев, А. И. Забалуев, А. М. Журавлев; майор Е. Е. Блажчук; капитаны Н. В. Григорьев, И. И. Леготин, Н. А. Тимонин. Огром-

ную роль в деле становления и развития школы сыграло её руководство (рисунок 18).

1963 год для ЛВПШ оказался знаменателен еще одним важным событием. Приказом МООП РСФСР от 18 февраля 1963 года № 0143 Ленинградской военно-политической школе был установлен годовой праздник – 12 октября. Однако до настоящего времени в архивных документах не обнаружены материалы, по которым можно было бы установить то важнейшее событие, в честь которого установлен годовой праздник учебного заведения. До 1963 г. в ЛВПШ это был обычный рабочий день.

Дата образования нашего учебного заведения в 1944 году тоже является дискуссионной. В период работы с архивными документами доктор исторических наук профессор В. П. Сидоренко выявил ранее не известные материалы об образовании нашего учебного заведения. Истоки его зарождения начинаются 16 декабря 1943 года, когда была создана Куйбышевской школы ГУЛАГа НКВД СССР (приказ НКВД от 16 декабря 1943 г.), которая 18 сентября 1944 г. была реорганизована в Центральную школу ГУЛАГа НКВД СССР (приказ НКВД от 18 сентября 1944 г.). [21, л. 139–139 об.; л. 85–85 об.]. Анализ новых документальных источников показывает, что истоки образования нашего учебного заведения требуют дальнейшего исследования.

Для личного состава школы 1963 год явился напряженным периодом не только учебы, но и службы. В этом году в Ленинграде проводились праздничные мероприятия в честь 250-летия со дня основания го-

рода. Весной 1963 года значительная часть учебного времени курсантов и слушателей была отведена для выполнения задач по охране общественного порядка в городе. За добросовестное отношение к службе более 300 курсантов и слушателей были удостоены различных наград, 119 офицеров и сотрудников школы были награждены юбилейной медалью «В память 250-летия Ленинграда».

Многие выпускники ЛВПШ в войсках показывали образцы самоотверженного служения Родине. лейтенант внутренней охраны И. Г. Запровальный, окончивший учебное заведение в 1960 г. при осмотре производственного объекта с целью выявления уязвимых мест для совершения побега, вступил в схватку с бандитом-рецидивистом. Ценой своей жизни он предотвратил побег опасного преступника. Приказом МООП РСФСР от 14 сентября 1963 года Иван Григорьевич Запровальный навечно зачислен в списки 2-й команды 166-го отряда конвойной охраны [24, л. 167 об.]. Дело отца продолжил его сын Сергей, став офицером внутренних войск.

14 сентября 1967 года начальником ЛВПШ был назначен генерал-майор Петр Павлович Нистратов (рисунок 7). Большое внимание он уделял вопросам организации учебного процесса на образованном 19 августа отделении по подготовке офицеров-политработников для войск МООП с 3-годовичным сроком обучения. Начиная с 1968 г., выпускникам стали выдавать диплом всесоюзного образца со средним юридическим образованием.

Рисунок 7 – Генерал-майор П. П. Нистратов

Figure 7 – Major General P. P. Nistratov

Командование ЛВПШ с особой тщательностью подходило к подбору состава курсовых офицеров на отделение подготовки офицеров-политработников для войск МООП СССР. Одними из первых на эти должности были назначены: А. Алексеев, О. Большаков, М. Гутман, С. Кравцов, С. Кривцов, В. Лихидько, В. Орешкин, В. Шлыков, А. Паридуха и другие. В последующем они были выдвинуты на преподавательскую работу, некоторые из них защитили кандидатские и докторские диссертации.

Важно отметить, что в ЛВПШ продолжали трудиться участники Великой Отечественной войны, а также опытные преподаватели, имевшие богатый жизненный опыт и навыки учебно-воспитательной работы с курсантами и слушателями. На цикле истории работали авторитетные педагоги: Н. В. Григорьев, В. П. Жилинский, Н. И. Кузин, Я. М. Монин, А. П. Трояновский и др. В других педагогических коллективах, службах и подразделениях добросовестно трудились офицеры и служащие: Я. А. Афанасьев, В. И. Афонин, Я. Г. Батаказин, Ф. И. Бондаренко, П. Ф. Ганин, А. Ф. Гришина, П. А. Дмитриев, Н. С. Жирнов, А. И. Жохов, В. К. Зарубин, А. К. Запорожец, А. И. Кирушев, А. М. Катичев, М. Ф. Кондратьев, Г. Р. Куклин, М. М. Наумов, Н. С. Наумов, В. С. Наймушин, Н. А. Старков, В. Ф. Стародубцев, С. С. Семенец, В. С. Соловьев, М. Т. Стасевич, Н. И. Царев, А. А. Иванов, А. А. Овчинников, И. И. Леготин, В. Н. Лавров, К. И. Шемагин и другие [22, С. 17].

В ЛВПШ стало традицией проводить занятия в местах боевых действий 21-й дивизии войск НКВД с фашистскими агрессорами. Богатый опыт патриотического воспитания обучаемых был накоплен на цикле военных дисциплин, где работали офицеры: Ф. М. Хаберева, А. Вахранев, А. И. Забалуев, М. М. Грунь, А. Ф. Носок, Н. И. Ильин, Е. Д. Гордеев, П. П. Кацубо и другие. Представляется, что такой опыт работы заслуживает внимания особенно в преддверии 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В 1965–1966 годах в основном были завершены работы по благоустройству военного городка, посажены более тысячи деревьев и кустарников, практически все дороги на территории школы была заасфальтированы, в том числе и строевой плац. Для офицеров были построены два дома. Санитарная часть под руководством подполковника медицинской службы Н. Н. Зеленского, благодаря профессиональ-

ной работе врачей М. Ф. Акатовой, З. И. Бубновой и медицинской сестры М. П. Солдатенко стала образцовым лечебным учреждением. В хорошем состоянии находилось подсобное хозяйство. 20 ноября 1967 года за помощь в обеспечении охраны общественного порядка более 200 офицеров, слушателей и курсантов были награждены медалью «50 лет Советской милиции».

В 1966–1967 годах ЛВПШ неоднократно отмечалась руководством МООП СССР в числе лучших учебных заведений, добившихся высоких результатов в подготовке офицеров-политработников. Школа являлась единственным учебным заведением такого профиля в системе МООП СССР. В эти годы в школе успешно решались задачи по подготовке и переподготовке политработников для внутренних войск и органов внутренних дел. Рос авторитет школы по стране и у жителей города Ленинграда.

За период функционирования Ленинградской военно-политической школы (1954–1967 годы) было подготовлено, с учетом переподготовки на курсах усовершенствования, более 7000 специалистов, из них более 330 выпускников закончили учебное заведение «с отличием» [23, с. 15]. На основании вышеизложенного можно утверждать, что за этот период в ЛВПШ прошли подготовку, переподготовку и курсы усовершенствования практически все офицеры-политработники, проходившие службу во внутренних войсках и подразделениях исправительно-трудовых учреждений советского государства.

Заключение

Созданное в годы Великой Отечественной войны учебное заведение прошло сложный период своего становления – от подготовки сотрудников для пенитенциарной системы до реформирования его в военно-политическое учебное заведение. Этот процесс не был лёгким, он сопровождался значительными трудностями, которые преодолевались благодаря самоотверженному труду всего личного состава учебного заведения.

В рассматриваемый период наиболее яркой страницей истории учебного заведения является деятельность Ленинградской военно-политической школы. За годы ее существования в ней был сформирован профессиональный командно-преподавательский состав. В 1967 году в учебном заведении добросовестно трудились 97 офицеров, 13 сверхсрочно служащих и 103 гражданских работников. Бы-

ла создана хорошая учебно-материальная база, накоплен значительный опыт подготовки специалистов политико-воспитательной и культурно-массовой работы. ЛВПШ стала одним из лучших учебных заведений МООП СССР, настоящей кузницей подготовки офицеров-

политработников для правоохранительной системы советского государства. Это явилось прочной основой для реформирования Ленинградской военно-политической школы в высшее политическое училище (ВПУ).

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 12. Д. 143.
2. Центральный архив войск национальной гвардии Российской Федерации (ЦАВНГ). Ф. 179. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 288.
4. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3, 4.
5. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 888.
6. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 882.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 4.
8. ГАРФ. 9401. Оп. 1а. Д. 185.
9. Гутман М. Ю. Санкт-Петербургскому военному институту внутренних войск МВД России 60 лет. Честь. Отвага. Мужество / М. Ю. Гутман, В. А. Иванов, В. П. Сидоренко [и др.] / под общ. ред. С. С. Топчего, М. М. Тарасова. СПб.: СПб. : СПВИ ВВ МВД России, 2004. 320 с.
10. ЦАВНГ. Ф. 179. Д. 9.
11. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 238; ЦАВНГ. Д. 179. Оп. 1. Д. 9.
12. ЦАВНГ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 9.
13. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 399.
14. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 391.
15. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 447.
16. ЦАВНГ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 22.
17. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 447; ЦАВНГ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 22.
18. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 531.
19. ЦАВНГ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 26.
20. ЦАВНГ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 60.
21. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 143; Ф. 9414. Оп. 1. Д. 882.
22. Санкт-Петербургское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России (1944–1994). СПб. : СПб ВВКУ ВВ МВД России, 1994. 148 с.
23. Высшее политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР. Л.: ВПУ, 1984. 92 с.
24. ЦАВНГ. Ф. 1. Оп. 1с. Д. 48. Л. 167об.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 9401. Op. 12. D. 143. (In Russ.).
2. Central'nyj arhiv vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii (CAVNG). F. 179. Op. 1. D. 3. (In Russ.).
3. GARF. F. 9414. Op. 1. D. 288. (In Russ.).
4. GARF. F. 9414. Op. 1. D. 3, 4. (In Russ.).
5. GARF. F. 9414. Op. 1. D. 888. (In Russ.).
6. GARF. F. 9414. Op. 1. D. 882. (In Russ.).
7. GARF. F. 9414. Op. 1. D. 4. (In Russ.).
8. GARF. 9401. Op. 1a. D. 185. (In Russ.).
9. Gutman M. YU. Sankt-Peterburgskomu voennomu institutu vnutrennih vojsk MVD Rossii 60 let. CHest'. Otvaga. Muzhestvo / M. YU. Gutman, V. A. Ivanov, V. P. Sidorenko [i dr.] / pod obshch. red. S. S. Topchego, M. M. Tarasova. SPb. : SPb. : SPVI VV MVD Rossii, 2004. 320 s. (In Russ.).
10. CAVNG. F. 179. D. 9. (In Russ.).
11. GARF. F. 9401. Op. 12. D. 238; CAVNG. D. 179. Op. 1. D. 9. (In Russ.).
12. CAVNG. F. 179. Op. 1. D. 9. (In Russ.).
13. GARF. F. 9401. Op. 12. D. 399. (In Russ.).
14. GARF. F. 9401. Op. 12. D. 391. (In Russ.).
15. GARF. F. 9401. Op. 12. D. 447. (In Russ.).

16. CAVNG. F. 179. Op. 1. D. 22. (In Russ.).
17. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 447; CAVNG. F. 179. Op. 1. D. 22. (In Russ.).
18. GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 531. (In Russ.).
19. CAVNG. F. 179. Op. 1. D. 26. (In Russ.).
20. CAVNG. F. 179. Op. 1. D. 60. (In Russ.).
21. GARF. F. 9401. Op. 12. D. 143; F. 9414. Op. 1. D. 882. (In Russ.).
22. Sankt-Peterburgskoe vysshee voennoe komandnoe uchilishche vnutrennih vojsk MVD Rossii (1944–1994). SPb. : SPb VVKU VV MVD Rossii, 1994. 148 s. (In Russ.).
23. Vysshee politicheskoe uchilishche imeni 60-letiya VLKSM MVD SSSR. L.: VPU, 1984. 92 s. (In Russ.).
24. CAVNG. F. 1. Op. 1s. D. 48. L. 167ob. (In Russ.).

Информация об авторах

В. П. Сидоренко – доктор исторических наук, профессор

В. М. Игнатов – кандидат педагогических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025;
одобрена после рецензирования 03.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

V. P. Sidorenko – Doctor of Sciences (Historical), Professor

V. M. Ignatov – Candidate of Sciences (Pedagogy)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.07.2025;
approved after reviewing 03.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 94

ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНОЦИДА
СОВЕТСКОГО НАРОДА (1941–1945 гг.)

Иван Львович Третьяков

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
mail@tretyakov.su, <https://orcid.org/0000-0002-1720-4187>

Аннотация. Человечество вошло в новую эпоху – эпоху создания многополярного мира. Страны коллективного Запада стремятся помешать этому за счет усиления своего диктата и насаждения неокOLONIALных порядков. В условиях невиданной эскалации международной напряженности взоры мировых лидеров прикованы к России, которая продолжает оставаться центром духовности и нравственности, местом сосредоточения традиционных ценностей, которая всегда демонстрировала и продолжает демонстрировать приверженность нормам международного права. Одним из направлений деятельности либеральных пропагандистов являются попытки «покушения» на Великую победу СССР во Второй мировой войне, фальсификация истории, отрицание зверств солдат «объединённой Европы», которые под руководством Адольфа Гитлера вероломно напали на нашу страну 22 июня 1941 года. В статье предпринята попытка комплексного анализа такого явления, как геноцид советского народа в Великой Отечественной войне. Делается вывод о том, что геноцид является как уголовно-наказуемым деянием, так и экзистенциальным вызовом, брошенным всему человечеству. И от того, насколько успешно сможет оно противостоять этому вызову, воздействовать на его истоки, детерминанты и т. д., во многом будет зависеть дальнейший ход развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: геноцид, геноцид советского народа, военные преступления, Вторая мировая война, историческая память, фальсификация истории, ненависть, насилие, идеология «либерального фашизма»

Для цитирования: Третьяков И.Л. Политические, правовые и криминологические подходы к изучению геноцида советского народа (1941–1945 гг.) // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 90–105. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/009.pdf>.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE (1941–1945). POLITICAL, LEGAL AND CRIMINOLOGICAL
APPROACHES TO THE STUDY OF THIS PHENOMENON

Ivan L. Tretyakov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia
mail@tretyakov.su, <https://orcid.org/0000-0002-1720-4187>

Abstract. The contemporary era is characterized by the establishment of the multipolar global world. In response, the countries of the collective West are striving to counteract this tendency, by strengthening their dictate and imposing neo-colonial orders. In the context of an unprecedented escalation of international tension, the world leaders are directing their attention toward Russia, which continues to be a center of spirituality and morality and a place where traditional values are still honored; the country, which has always demonstrated its commitment to the norms of the International Law. In their endeavors to disparage the great victory of the USSR in the World War II, liberal propagandists resort to mere falsification of history, to denial of the atrocities of the united Europe soldiers, who under the leadership of Adolf Hitler treacherously

attacked our country on June 22, 1941. The author of the article made an attempt to analyze comprehensively the phenomenon of genocide of the Soviet people in the Great Patriotic War. He arrived at the conclusion that genocide constitutes both a criminal offense and an existential challenge to all of humanity. For human civilization the further course of development will largely depend on how successfully the humanity will be able to address and confront such challenge, to influence its origins, determinants etc.

Keywords: genocide, genocide of the Soviet people, war crimes, World War II, historical memory, falsification of history, hatred, violence, ideology of liberal fascism

For citation: Tretyakov I.L. Genocide of the soviet people (1941–1945). political, legal and criminological approaches to the study of this phenomenon. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 90–105. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/009.pdf>.

© Третьяков И.Л., 2025

Введение

Усиление позиций Российской Федерации на международной арене, стремительный рост ее военного потенциала, очевидные успехи в науке и образовании, в сфере экономики, социальной политики, историографии и т. д. – все эти события окончательно развеяли иллюзию либералов о всесилии Запада и его вечной («непоколебимой») гегемонии. Время тотального диктата англосаксов закончилось, оно бесповоротно осталось в прошлом. Именно Россия, начав в 2022 году специальную военную операцию (далее – СВО), запустила процесс турбулентности и хаотизации глобализма (господства неких надгосударственных структур, теневых правительств, транснациональных финансовых фондов), саморазрушения той модели «дивного нового мира», которую пытались создать Л. Троцкий, Ю. Хабермас, Э. Камара, Дж. Сорос, К. Шваб. Необходимость демонтажа нежизнеспособных, а также окончательно дискредитировавших себя идеологических конструкций очевидна, как очевидна и та ярость, с которой защитники Бильдербергского клуба, «давосские мечтатели» и вашингтонские ястребы отстаивают свои интересы. Увы, коллективный Запад всё ещё очень силен и не собирается выпадать в состояние паники, растерянности или анабиоза. По мнению российских исследователей, несмотря на тяжелейший системный кризис, поразивший «столпы» Европейского Союза (Германию, Францию, Италию), а также Великобританию, до начала агонии западного мира ещё слишком далеко. К тому же наметившийся крен «американского сюзерена» в сторону правых (консерваторов) не сулит нам ничего хорошего. Дело в том, что ни Америка, ни «старушка Европа» не могут (а скорее всего уже никогда не смогут) избавиться от вражды и ненависти к своему «геополити-

ческому соседу», от зависти к его природным богатствам и огромным территориям [1, С. 22–29; 2, С. 36–46].

Существует точка зрения, согласно которой цивилизация англосаксов достигла своего апогея к концу XX века, когда западные элиты широко праздновали победу в холодной войне, конец истории и торжество либеральных ценностей. Однако, как пишет профессор МГИМО В. А. Никонов, «триумфализм» рано или поздно проходит. Сегодня мир демонстрирует множество моделей развития, всё больше учитывающих национальную, религиозную, историческую, региональную, культурную и иную специфику каждой страны. Центр тяжести мирового развития всё больше перемещается с Запада на Восток, с Севера на Юг, из зоны развитых экономик в ареал развивающихся. Если ещё 30 лет назад на страны Запада приходилось 80 % мировой экономики, то сейчас – менее половины. Союз России и Китая стал восприниматься США в качестве главного геополитического (а возможно даже «цивилизационного») вызова. По большому счёту, подрывная деятельность против нашей страны, так называемая холодная война, никогда не прекращалась. Стремление «разорвать» Россию, лишить самостоятельности и превратить во множество удельных княжеств (в «лоскутное одеяло») по-прежнему греет душу западным политехнологам [3, С. 12–13].

Подтверждает сказанное очередная брюссельская доктрина – «Готовность-2030» (принятая весной этого года). В документе потенциальной противник не назван, но европейские политики публично заявляют, что в течение ближайших пяти лет они должны приложить максимум усилий, чтобы подготовить Европу к войне с Москвой. Россия обозначена как главная угроза для европейской безопасности. «Готовность-2030»

предусматривает рост общеевропейских расходов на военные нужды до 800 млрд евро, не считая собственных оборонных бюджетов стран Евросоюза. Инвестиции в промышленность должны сформировать унифицированный Европейский механизм продажи военной продукции и оптимизировать цепочку поставок.

Сегодня мы вынуждены вести борьбу с коварным и изощренным врагом на всех фронтах. Это касается и СВО, и киберпространства, и сферы информационных отношений, где осуществляется противодействие идеологии расового господства и реваншизма, фейкам, вредоносному информационно-пропагандистскому контенту.

Особенно трудно донести правду (особенно историческую) до стран, лидеры которых заражены реваншизмом и обладают «русофобским менталитетом». Одним из ярких примеров является Германия, где как минимум 1/3 депутатов бундестага публично гордятся нацистским прошлым своих предков (причем, отнюдь не рядовых членов НСДАП). А как расценивать официальное заявление Олафа Шольца (27 февраля 2022 г.) относительно того, что действия России на Украине фактически аннулируют ответственность немцев за преступления Третьего рейха? Возможно, такое поведение было обусловлено надеждой на «очередной» блицкриг Запада. Более пятидесяти стран стали оказывать финансовую, экономическую и гуманитарную помощь «бандеровскому» режиму, поставлять оружие. По разным данным около десяти тысяч официально аккредитованных советников, технических работников и специалистов-консультантов, военнослужащих стран НАТО (переодетых в украинскую форму), наемников со всего света и т. д. стремились добиться победы киевской хунты. Канцлер просчитался, а вот его слова остались, что называется «на века» и дали четкое представление о состоянии умов европейских элит, об их истинных намерениях.

22 сентября 2023 г канадский парламент в течение 20 минут, стоя, аплодировал 99-летнему военному преступнику Ярославу Гунько. Каратель Гунько с 1943 по 1945 гг. служил в дивизии СС «Галичина», на его руках кровь сотен русских, евреев, поляков, украинцев. Интернет буквально взорвал сюжет о том, как Спикер Палаты общин Энтони Рота называет престарелого нациста украинско-канадским ветераном Второй Мировой войны, героем, «который от-

важно сражался за независимость Украины против русских» [4, С. 6]. Не следует забывать и о том, что ещё 19 сентября 2019 г. Европарламент объявил СССР виновным в развязывании Второй мировой войны (разработчиками документа были депутаты Литвы и Польши).

Однако есть и положительные, причем, весьма обнадеживающие моменты. Так, в начале декабря 2024 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила резолюцию о борьбе с героизацией нацизм. Документ, предложенный Россией в соавторстве с Беларусью и Туркменистаном, получил поддержку подавляющего большинства стран-членов всемирной организации. 119 государств высказались «за». Среди 53 противников идеи предсказуемо оказались страны НАТО, Евросоюза и Украина. Документ, состоящий из 74 пунктов, рекомендует законодательно предотвратить пересмотр истории и итогов Второй мировой войны, решительно бороться с пропагандой нацизма, например нанесением граффити и рисунков на памятники жертвам боевых действий. Авторы призвали ввести запрет на любые торжественные чествования нацистского режима и его союзников, отменить дискриминирующее законодательство и убрать из образовательных материалов пропаганду расизма, ненависти по национальному признаку, религиозной принадлежности или политическим убеждениям. Российская делегация при ООН отметила неизменную поддержку в данном вопросе со стороны международного сообщества. А месяцем раньше, в ноябре того же года Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН одобрил внесенные Россией резолюции о борьбе с современными формами расизма и героизацией нацизма. «Западные страны, выразившие свое несогласие, открыто выступили против международных усилий в искоренении указанных явлений», - подчеркнула заместитель постпреда России при ООН Мария Заболоцкая. С момента принятия первой такой резолюции в 2005 году европейские страны воздерживались от голосования. Соединенные Штаты однозначно высказывались «против», объясняя это тем, что их конституция требует полной свободы слова. С началом российской специальной военной операции на Украине «западный либеральный лагерь» сменил нейтралитет на конфронтацию. Наиболее активными противниками антинацистских инициатив стали ФРГ, Япония и Италия - страны, которые перед при-

емом в ООН клятвенно заявляли, что окончательно излечились от реваншизма [14, С. 6].

К сожалению, на сегодняшний день большинство западных политиков и чиновников (сотрудников международных организаций) не имеют глубоких историко-правовых знаний. Эти, так называемые, «цепные псы глобализма» обладают фрагментарным мышлением и «руководствуются» условными рефлексам, которые выработала у них либеральная профессура. Согласно «заветам» Дж. Сороса, они придерживаются конформистской этики и считают, что ревностное исполнение своих административных обязанностей является гарантией освобождения от любой ответственности. Причем об уроках Нюрнберга уже никто из «евробюрократов» не вспоминает. А ведь Нюрнбергский трибунал продолжает оставаться важнейшей вехой в истории человечества, поскольку оказал существенное влияние на становление многих норм международного гуманитарного и уголовного права. Материалы этого процесса – авторитетная и беспристрастная летопись, к которой историки, юристы и журналисты (все, кому не безразлично будущее цивилизации) могут обращаться в поисках правды [5, С. 31–36; 6, С. 7–26].

Возможно, что такие люди обеспечивали эффективность функционирования «конвейера смерти» в гитлеровской Германии, выявляли несогласных, травили идейных противников, доносили друга на друга и т. д. Напомним, что мечтой А. Гитлера было создание единой Европы, управляемой из Берлина. Фашистского диктатора с полным основанием можно назвать одним из первых глобалистов. Таким образом, деление на ультраправых и ультралевых, особенно в современном мире, весьма условно. «Политические противники» едины в своем стремлении организовать новый поход на Восток. К тому же существует известное выражение, которое приписывается многим философам, в том числе Блезе Паскалю – «крайности сходятся» [7, С. 29–43].

Но как псевдodemократическим режимам удается «еще в зародыше» подавлять протестные настроения, лишать людей свободы волеизъявления, добиваться «нужных результатов» на выборах, действовать себе во вред, идти против собственных интересов? В первую очередь это достигается за счет тотального манипулирования общественным сознанием. Посредством

СМИ распространяются удобные властям нарративы. То, что еще вчера считалось «фейком», становится частью мейнстрима. На смену величайших достижений разума и человеческого духа еще в середине прошлого века пришла массовая культура. Сегодня, в эпоху «расцвета постмодернизма» (как уверяет ультралиберальная профессура), предметом поклонения все чаще становятся симулякры. Половые извращения пропагандируются повсеместно, причем на государственном уровне (исключением можно считать лишь позицию Дональда Трампа, его ближайшего окружения и лидеров двух-трех европейских стран).

Кроме того, растущая мощь нейросетевых технологий направляется не на устранение социальных противоречий и улучшение качества жизни, а на сбор компрометирующих сведений, на борьбу с инакомыслием, на создание иллюзорной реальности (в том числе и в виде «преимуществ», так называемой, постдемократии). Благодаря подобной обработке, «рядовые граждане» довольно быстро утрачивают социальные ориентиры, идентичность, лишаются исторической памяти.

В течение последних 30 лет на Западе отчетливо прослеживается тенденция образовательного и научного регресса. Вопрос этот чрезвычайно сложный, объемный, потому мы лишь частично затронем гуманитарный аспект проблемы. Так, в учебниках по истории (одобренных Европейским Союзом) сделан умышленный крен в сторону «очернения» нашей страны. Открыто проповедуется ненависть ко всему русскому, принижается роль советского народа в годы Второй мировой войны, демонизируется внутренняя и внешняя политика СССР. Активно дискутируются вопросы о целесообразности установления «нового порядка», о необходимости поднятия «боевого духа» среди молодежи. При этом история XX века усиленно фальсифицируется и мифологизируется. Это опасно. Европа вновь наступает на старые грабли. Между тем, мы прекрасно помним о той роковой роли, которую немецкие историки-реваншисты сыграли в процессе идеологической подготовки населения Германии к «мирному» захвату власти Гитлером. Присягнув на верность Третьему рейху, они «одномоментно» порвали с традициями гуманизма и заглушили голоса тех, кто пытался встать на защиту мира. Фашисты объявили себя потомками древних ариев, которым предстояло «очистить» планету от

«неполноценных» народов и от «коммунистической заразы», олицетворением которой был для них Советский Союз. Средством достижения своих целей главари рейха избрали геноцид. Таким же образом поступили лидеры марионеточных режимов (Венгрии, Словакии, Хорватии, Румынии, части Франции, которой руководил генерал Виши) и Финляндии [8, С. 127–137; 9, С. 1; 10, С. 95–107; 11, С. 75–90; 12, С. 6–12; 13, С. 10–17].

На одной из встреч, проводимых с главами традиционных религиозных конфессий, президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что Россия проводит свою политику для того, чтобы ничего подобного геноциду в истории человечества больше никогда не повторилось. «Мы категорически против предания забвению преступлений подобного рода, которые не имеют срока давности». Следственные органы, прокуратура и др. проводят серьезную работу по выявлению многочисленных злодеяний нацистов, причем злодеяний, совершенных в отношении всех граждан бывшего СССР, вне зависимости от их национальности. Однако, несмотря на усилия России, далеко не все страны готовы к сотрудничеству по этому вопросу, уклоняются от солидарной работы. «Тем не менее мы делаем всё для того, чтобы и на международном уровне это было поддержано» [15, С. 2].

ООН определяет геноцид как форму массового насилия, как преднамеренное уничтожение целого народа или его части. За последние пять лет судебные решения о признании геноцидом деяний нацистов в период их оккупации выносились в Брянской, Новгородской, Ленинградской, Ростовской области, в Ставропольском крае. Признана геноцидом блокада Ленинграда. Важно особо отметить, что перед вынесением решения уточняется весь массив архивных материалов, заслушиваются историки, очевидцы, эксперты. Подобные суды памяти имеют неопределимое правовое, просветительское, воспитательное и пропагандистское значение. Это чрезвычайно важно в нынешних условиях, когда человека ненавистнические идеи живы и воплощаются не только в виде факельных шествий, но и в откровенном насилии [16, С. 2; 17, С. 70–74; 18, С. 7–30; 19, С. 14–20].

О бесчеловечной природе фашизма еще в 1943 году размышлял классик советской литературы Алексей Толстой на страницах «Красной звезды». Тогда он в составе государственной комиссии побывал на

только что освобожденном Ставрополье. Увиденное ошеломило его и ужаснуло до глубины души. «В Пятигорске, на Машук-горе, в старых каменоломнях, открыто и опознано около трехсот трупов граждан русской национальности. Ещё и сейчас на крутом известняковом обрыве каменоломни видны черные пятна и брызги крови, а между камнями – обрывки одежды и женские локоны. Сюда немцы привозили из тюрем мужчин и женщин, иногда полуживых от ужасных пыток. Следы пыток обнаружены медицинским осмотром – вырванные челюсти, изломанные и обожженные конечности, скальпированные черепа» [20].

Сохранились письма, дневниковые записи писателя, которые невозможно читать без содрогания. В одном из таких свидетельств говорится: «Я видел на окраине одной деревни Белостока пять заостренных колов. На них было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые с распоротыми животами, с отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей. Это были жёны и дети наших командиров... В Пинщине, на поляне возле леса, я увидел истерзанный труп 15-летней девочки пастушки. Как в дальнейшем было установлено, семь немецких солдат изнасиловали ее, искололи штыками грудь и распороли живот ...». Члены Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков писали, что многие из них, в том числе и Алексей Толстой, в буквальном смысле были близки к тяжелейшему нервному срыву. Жена академика Петра Капицы, в частности, вспоминала: «Он возвращался с этих страшных процессов как с того света. Вместить себя столько ужасов он не мог» ... «Я каждый раз умираю с этими людьми», – говорил Алексей Толстой. Работа А. Толстого не ограничивалась лишь «административными» функциями. Нужно было присутствовать при освидетельствовании гибели советских людей, подписывать протоколы осмотра трупов, в том числе обезображенных. Приведем только один случай. «Бессмысленному издевательствам и зверствам подвергался В. И. Мурашевский, 74-х лет. При осмотре трупа Мурашевского установлено, что правая щека у него изрезана и вывернута к правому уху, правое ухо оторвано, левый глаз выколот, веко вырезано треугольником, верхняя губа отрезана, на виске вырезан треугольник, кожа на затылке

срезана бритвой до кости». В ноябре 1945 года отчёты Чрезвычайной комиссии стали одним из важнейших обвиняющих доказательств на Нюрнбергском процессе. К сожалению, Алексею Толстому не было суждено на нем выступить. Он ушёл из жизни за два месяца до нашей Победы, ушёл как солдат, выполнив свой долг перед Родиной [21, С. 14; 22, С. 711-726; 23].

Потери СССР составили около 27 млн человек, из них более 16 млн – мирные жители. Большинство советских людей было истреблено в зоне оккупации, в концентрационных лагерях, на каторжных работах. Пять млн наших соотечественников фашисты угнали в рабство. После войны рождаемость в Советском Союзе сократилось более чем на 16 %. В результате, общие, прямые и косвенные демографические потери нашей страны приблизились к 50 млн человек [24, С. 11].

Ежегодно (начиная с 2020 года) в нашей стране проводится международный научно-практический форум «Без срока давности. Ключевая точка исторической памяти». Организатором данного мероприятия выступает Национальный центр исторической памяти при президенте Российской Федерации. На форуме обсуждается самая трагическая страница Великой Отечественной войны – геноцид советского народа. Существенное внимание уделяется патриотическому воспитанию подрастающего поколения и выработке механизмов по противодействию реабилитации нацизма. В рамках форума проходят интерактивные выставки постоянно обновляемых ресурсов проекта «Без срока давности». Демонстрируются кино и фотодокументы, воспоминания советских военнопленных, узников концентрационных лагерей, протоколы допросов карателей. Максимально объемно представлена информация о местах злодеяний, совершённых нацистами и их пособниками, результаты правовой оценки преступлений фашистского режима. Даты наиболее кровавых массовых казней обозначены как «Календарь геноцида». Свои находки представляют поисковики. По словам депутата Государственной Думы, ответственного секретаря Поискового движения России Елены Цунаевой, судебные решения, установившие факты геноцида советского народа, настолько неопровержимы, что ни при каких условиях не могут быть опротестованы [25, С. 8].

Выступая на пленарной сессии пятого международного научно-практического

форума, директор Института государства и права РАН Александр Савенков подчеркнул, что о геноциде советского народа уже давно пора говорить языком не только истории и политики, но и права. Ученый акцентировал внимание присутствующих на том, что суды 25 регионов уже признали геноцидом действия фашистских захватчиков (материалы были собраны следователями Главного следственного управления СКР России). Геноцидом также были признаны – блокада Ленинграда и действия вооруженных сил Финляндии на оккупированной ими территории Карелии. В свою очередь, вступившие в силу решения судов послужили основой для ряда международных заявлений МИДа [26].

Деятельность Национального центра исторической памяти, которым руководит известный историк и культуролог Елена Малышева достойна самой высокой оценки. На протяжении ряда лет сотрудниками центра осуществляется работа над картой геноцида, где обозначены все места массовых расстрелов и пыток мирных жителей, а также бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Как сообщает Е. Малышева, ее сотрудники начали свою деятельность анализа материалов по Ставропольскому краю, «потому что это – особая территория». Дело в том, что «в отношении значительной части здешнего населения геноцид был применен дважды. Летом 1941 года Ставрополье принимало эвакуированных граждан из других регионов, которые оказались под оккупацией. Но именно здесь захватчики настигли их уже физически» [27].

В июле-октябре 2020 года в районе деревень Моглино и Глоты Псковского района, на территории базы отдыха Раздолье и в Лесном массиве между улицами Луговая и Пограничная города Пскова были обнаружены места массового захоронения мирных жителей и военнопленных времен Великой Отечественной войны. Эти территории в 1941–1944 годах находились под немецкой оккупацией. За это время немецко-фашистские захватчики и их пособники расстреляли более 75 тысяч мирных советских граждан, в том числе 1400 детей. 370 тысяч военнопленных погибли от голода и болезней. После рассмотрения полученных вещественных доказательств, проведения ряда судебных экспертиз и анализа архивной документации суд Псковской области признал геноцидом преступления нацистов против мирного

населения и военнопленных, совершенные в годы войны.

Весной 2025 года Новгородский областной суд установил факты целенаправленного уничтожения фашистами граждан СССР на территории данного региона и квалифицировал действия захватчиков как геноцид. За время оккупации в указанном регионе погибли свыше 202 000 человек, 166 000 были угнаны в рабство. Враги полностью стерли с лица земли Новгород, Малую Вишеру, Сольцы, Старую Руссу, Чудово, сожгли или взорвали практически все жилые дома, школы, сельскохозяйственные постройки.

27 января вся страна празднует день освобождения Ленинграда от блокады, которая длилась 872 дня и унесла жизни (по разным данным) от 600.000 до 1,5 млн человек. 16 января 2025 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке открылась выставка «Блокада Ленинграда - нацистский геноцид советского народа во время Великой Отечественной войны». Экспозиция была подготовлена постоянным представительством России при ООН совместно с Национальным центром исторической памяти. На выставке были представлены архивные документы, свидетельствующие о подвиге и трагедии блокадного Ленинграда. Идея проведения данного мероприятия возникла у организаторов выставки уже давно, ещё в 2022 году, когда Санкт-Петербургский городской суд принял решение о признании блокады Ленинграда нацистами и их пособниками геноцидом. По мнению президента Российской Федерации В. В. Путина, блокада Ленинграда стоит в одном ряду с такими чудовищными преступлениями против человечества, как холокост или лагеря смерти. Что же касается России, то она всегда будет помнить о том, что жизнь, мир и свободу от нацизма человечеству принёс именно советский народ. «И сделал это благодаря своему героизму, ценой огромных жертв и невозполнимой утраты» [28].

В контексте обозначенной нами темы мы не можем не напомнить о трагедии Хатыни (а таких деревень были сотни) и Бабьего Яра. Лишь спустя десятилетия россияне узнали правду об украинских карателях из ОУН-УПА (запрещенной в Российской Федерации организации) – исполнителях массовых убийств мирных граждан. Так, только за 2 дня, с 29 по 30 сентября 1941 года, в Бабьем Яру коллаборационистами были расстреляны 33 000 евреев. Массовые казни продолжались вплоть до осво-

бождения Киева в 1943 году. Всего же, по разным оценкам, в этом месте лежат тела 200 000 человек (цыган, евреев, советских военнопленных разных национальностей). Отступая, фашисты попытались скрыть следы своих преступлений.

Известный российский журналист-международник, штатный корреспондент «Российской газеты» Елена Новосёлова проводит прямые параллели с днем сегодняшним. Почерк нацистов, считает журналист, не изменился со времён Великой Отечественной. Войдя в Ставрополь, немцы «посоветовали» евреям явиться на ярмарочную площадь для дальнейшего переселения в безопасные районы. Оккупанты «работали на доверии»: «Оставьте в квартирах записки, чья это жилплощадь, кому вы доверите ключи». «Немцы пытались создать у человека ощущение надежды на возвращение», – приводит Е. Новоселова слова одного из очевидцев тех событий. Собравшихся на площади людей грузили в машины и отвозили к местам казни – к Холодному Роднику и на аэродром ДОСА-АФ. События напоминали то, что произошло в Судже в 2024 году. «Женщин и стариков собрали в интернате. Объяснили, что так легче будет обеспечивать их теплом и нанесли удар HAIMARS». В архивах ФСБ, после снятия грифа «Секретно», историки обнаружили документы, подтверждающие особую жестокость именно украинских карателей, которая приводила в замешательство даже немцев. Согласно материалам Нюрнбергского процесса, в Ставрополе были впервые опробованы так называемые «душегубки». «Умерщвление людей производилось путём отравления их окисью углерода из выхлопной трубы в отверстии пола герметически закрываемых автомашин» [29, С. 9].

Нацистами совершались целенаправленные действия насильственного характера, препятствующие деторождению лиц определенных групп, рас, этносов, национальностей. Не допускалось заключение браков между лицами, подлежащими уничтожению, совместное проживание мужчин и женщин. В концентрационных лагерях разрабатывались методики по кастрации, стерилизации, прерыванию беременности узников. Например, в Дахау, Майданеке, Освенциме и Трешлине молодых женщин заставляли сожительствовать с «прислужниками» фашистов (предателями) из числа заключенных, а когда женщины беременели - их направляли в хирургические отделения для «проведения опытов» с по-

следующим умерщвлением. По материалам Нюрнбергского трибунала особо изощренные и бесчеловечные методы использовал доктор Йозеф Менгеле.

Еще одним альтернативным деянием, входящие в объективную сторону геноцида является изъятие детей [30, С. 11–18; 31, С. 63–68]. Дети (в первую очередь подростки) направлялись в концентрационные лагеря, где выполняли функцию доноров, или материала для пересадки кожи, а также живых рабов. Девочки депортировались в Германию, где наравне со взрослыми работали в сельской местности. Малолетние дети арийской внешности (голубоглазые, светловолосые и светлокожие) направлялись в специальные центры на территории рейха для «должного воспитания и дальнейшего приобщения к культуре германских народов». Чаще всего пленников обозначали как сирот, а местом их рождения называли «восточные земли», малышей учили немецкому языку и внушали мысль о том, что их биологические родители – «истинные арийцы», которые отдали свою жизнь за идеалы Третьего рейха. Подобной деятельностью занималась организация «Лебенсборн» («Исток жизни»), основанная еще в 1935 году по личному указанию Г. Гиммлера. На протяжении всего периода своего существования данная структура насчитывала от пяти до десяти тысяч сотрудников. С 1941 по 1943 год при ее участии в Германию было вывезено около 50 000 советских детей. Американцы отказались рассматривать «Лебенсборн» как преступную организацию, поэтому ее глава, Макс Зольман был оправдан и осужден как эсэсовец к двум годам и восьми месяцам заключения. Не испытывая никаких угрызений совести, М. Зольман жил в свое удовольствие, занимал крупные административные должности в ФРГ, регулярно выступал на государственном телевидении и давал «назидательные» интервью. После взятия Берлина советские спецслужбы занялись поисками детей, насильно вывезенных немцами. Однако удалось найти и вернуть на родину не более 3 % (многие либо погибли, либо ничего не помнили о своей прошлой жизни).

Самой «известной» фабрикой смерти на оккупированной врагом советской территории был латвийский Саласпилс. Согласно советской историографии его жертвами стали 100 000 человек, из них – 12 000 детей, возраст которых находился в диапазоне от пяти до 16 лет. Тем немногим, кому удалось выжить, рассказывали, что

они регулярно сдавали кровь для вермахта. Вплоть до обретения Латвией независимости, посетителям мемориального комплекса демонстрировалась копия официального документа с резолюцией рейхсфюрера СС Гиммлера, в которой он определил Саласпилс именно как концентрационный лагерь со всеми вытекающими последствиями. Там же имелось указание – убивать детей подручными средствами (ударом приклада, тяжелыми предметами), так как патроны нужны для фронта.

Рижские власти пытаются исказить историческую правду и объявляют злодеяния нацистов русской пропагандой. Монументы уже давно находятся в ужасном состоянии, бетон крошится от сырости, постаменты поросли мхом. Деньги на реставрацию не выделяются. Националисты угрожают, что снесут скульптуры и разобьют парк (с клумбами, аттракционами, теннисными кортами). По их мнению, это необходимо, чтобы окончательно избавиться от «мрачного советского наследия».

Не смогли выучить уроки прошлого и финские политики. Выступая в войну на стороне Третьего рейха, финны хотели не просто вернуть утраченные территории, а увеличить своё государство за счет советских земель, физически уничтожив русское население. К чему это привело – мы все прекрасно помним. Главные цели финнов состояли в том, чтобы замкнуть широкое кольцо блокады вокруг Ленинграда с севера, а в дальнейшем – перерезать железную дорогу и захватить Мурманск. На территориях, которые удалось оккупировать, финны проводили политику национальной сегрегации. Людей делили на «националов» (родственные финнам народы) и «ненационалов» (славян, цыган, евреев). Вторую группу отделяли и помещали в концентрационные лагеря. Всего в Карелии было создано более 100 концентрационных лагерей. Показательно, что Г. Маннергейм подписал приказ о создании концентрационных лагерей для русского населения 8 июля 1941 года, то есть еще до начала наступления финской армии. В июле 2024 года Верховный суд Республики Карелия рассмотрел иск прокурора об установлении факта геноцида народов СССР в данном регионе. Первого августа того же года суд постановил признать военными преступлениями и геноцидом советского народа действия оккупационных властей. В судебных заседаниях принимали участие малолетние узники финских концентраци-

онных лагерей. Они рассказывали, что им пришлось пережить в застенках оккупантов. Признание геноцида - историческое решение для всей Карелии. Особенно в связи с тем, что современная Финляндия пытается откреститься от своего преступного прошлого. Однако спорить с документами и с живыми свидетелями тех событий – бессмысленно [32, С. 180–198].

Криминализация геноцида началась спустя 3,5 года после окончания Второй мировой войны, когда ООН была принята «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (1948). В российском законодательстве (в соответствии со ст. 357 Уголовного Кодекса Российской Федерации) геноцидом признаются действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинение тяжкого вреда и здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение этой группы [33].

Основной объект преступления – безопасность человечества, дополнительный – жизнь и здоровье человека. Общественная опасность геноцида состоит в том, что в результате совершения действий, входящих в содержание его объективной стороны, полностью может исчезнуть (прекратить свое существование) определенная группа людей, отличающаяся от других групп своей культурой, языком, обычаями, традиции, расовыми и иными признаками, обуславливающими ее самобытность. Группа может быть уничтожена частично, однако и в этом случае причиненный вред носит трудновыполнимый или невозможный характер. Состав геноцида относится к категории формально-материальных составов. В связи с тем, что действия, составляющие геноцид, по своему характеру могут находиться в широком диапазоне, то и характер ущерба, наносимый дополнительным объектам рассматриваемого состава преступления, может быть далеко не однозначен. Он может выражаться в моральных и физических страданиях (например, при насильственном переселении), в нанесении вреда природе, рассчитанном на физическое уничтожение членов определенных групп и т. д. [34, С. 386–388; 35, С. 179–182].

Важно уточнить, что все признаки геноцида были прописаны в Генеральном плане «Ост», разработанном в конце 1941 г. группой нацистов Третьего Главного управления имперской безопасности, которых курировал лично Г. Гиммлер. К сожалению, оригинальный текст этого плана был уничтожен его создателями незадолго до падения Берлина, однако отдельные его пункты сохранились в «Замечаниях Имперского министерства восточных оккупированных территорий». В архивах Нюрнбергского суда сохранилась докладная записка на имя Г. Гиммлера, озаглавленная как «Генеральный план "Ост". Правовые, экономические и территориальные основания восточного строительства». Автор записки – один из наиболее одиозных идеологов рейха, профессор Берлинского университета Конрад Мейер. По его мнению, начало немецкой колонизации земельных угодий от Ленинграда до Украины, Крыма, Донецкой и Кубанской областей, к Волге и Кавказу зависело от того, насколько быстро удастся избавиться сорока млн славян и других «недолюдей».

Идеологическим «обоснованием» геноцида для национал-социалистов стала расовая теория, зародившаяся в Англии и впитавшая в себя многовековые предрассудки европейцев, юдофобию, антикоммунизм. При решении экономических задач геноцид был необходим для того, чтобы сеять страх на завоеванных территориях, беспрепятственно эксплуатировать местное население, вывозить материальные, культурные ценности, природные ресурсы.

Однако «причинный комплекс» военной, политической и иной преступности Третьего рейха не ограничивался лишь этими детерминантами (хотя, безусловно, влияние их было чрезвычайно значимым). Причины отражали специфику различных сторон «бытия» немецкого общества 20–30 гг. прошлого века, нацистского государства, тех лиц, которые охотно выполняли преступные приказы. В то же время нельзя не отметить, что в основе появления причин и условий, наиболее благоприятных для совершения преступлений против человечности (геноцида), лежали объективные процессы социально-экономического, политического и духовного (точнее – бездуховного) характера. Наконец, последний уровень «комплекса» затрагивал социально-биологические, психологические и патопсихологические компоненты личности субъектов, готовых обрекать на смерть ни в чем не повинных людей. Многочисленные

документы свидетельствуют о том, наибольшим шансом подняться по служебной лестнице имели возможность субъекты, демонстрирующие начальству высокий уровень ксенофобии, агрессии и фанатизма.

В «обычной» жизни агрессия является обязательным атрибутом существования человека, она необходима для поддержания целостности всего организма, самозащиты, самоутверждения, в спорте и т. д. Сотрудникам государственных структур (особенно силовых министерств и ведомств) фашистской Германии «было выдано» свидетельство о расовом превосходстве, то есть их агрессия по отношению «недочеловекам» могла беспрепятственно выходить за рамки морально-этических или правовых норм (агрессия, направленная на разрушение и грубую деформацию отношений с окружающими, сразу же становится насилием). Значимую роль играла идеологическая убежденность нацистов в правильности своих действий, в высоком предназначении и в отсутствии какой-либо ответственности за совершенные преступления. Разумеется, что находясь в подобных условиях, внушаемые, некритичные, эмоционально-лабильные и жаждущие признания индивиды буквально «упивались властью» на оккупированных территориях. Вседозволенность и безнаказанность позволяли военным Вермахта и частям СС удовлетворять свои самые низменные наклонности. Не меньшую опасность для мирных жителей представляли военнослужащие-психопаты, насильники, некросадицы. В целом же, боевые действия, тяготы и лишения, гибель сослуживцев, грубость командиров – всё это также провоцировало действия насильственного характера со стороны захватчиков, служило самоправданием жестокости.

Всё вышесказанное позволяет убедиться, что при изучении геноцида (как социального явления) необходимо учитывать мировоззренческий аспект методологии. Кроме того, как нам представляется, своевременный (правильнее даже будет сказать поэтапный) переход от принципа системности к принципу целостности позволит сохранить беспристрастность и объективность. Это особенно важно в процессе работы над созданием криминологической теории геноцида (основу которой должны составить философские, антропологические, культурологические, исторические, социальные и социально-

психологические, уголовно-правовые воззрения крупнейших представителей российской и зарубежной научной мысли).

Именно криминология способна не только помочь разобраться в причинах и условиях существования геноцида, выявить личностные особенности тех, кто обосновывает, организует и совершает подобные преступления, но и предложить эффективные способы борьбы с данным явлением. В общих чертах это должны быть меры по противодействию криминогенным и криминальным процессам в обществе на всех его уровнях (в том числе и на международном). Далее следует указать на важность упреждающего устранения национализма, экстремистских настроений, всевозможных угроз правам, свободам и законным интересам граждан. И, наконец, последнее направление должно включать в себя индивидуальную работу с подростками и молодёжью, с люмпенизированными и маргинальными слоями общества, регулярное проведение мероприятий, способных повысить уровень общей и правовой культуры широких слоев населения, пробудить патриотические чувства, интерес к отечественной истории. В связи с высокой информационной, эмоциональной и, соответственно, интеллектуальной насыщенностью просветительская деятельность в виде открытых (посвященных геноциду) уроков в школе, а также организация военно-патриотических походов и экскурсий к местам боев и массовой гибели советских людей представляется весьма перспективной [36, С. 22–37].

Существенное место в сфере предупредительной деятельности отводится вопросам, связанным с совершенствованием законодательства. Приведем лишь один пример, демонстрирующий усилия депутатов Государственной Думы в сфере работы по увековечиванию памяти советских граждан, пострадавших от геноцида 1941–1945 гг. Так, 11 декабря 2024 г. в первом чтении был принят проект Федерального закона «О геноциде многонационального русского народа в годы Великой Отечественной войны». Данный нормативный правовой акт направлен на реализацию государственной задачи по охране исторической правды, закрепленной в ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации и других правовых актах [37]. Кроме того, судя по многочисленным публикациям в российской прессе, в текущем году будет введена уголовная ответственность за отрицание геноцида, совершенного немецко-

фашистскими захватчиками на территории нашей страны.

Огромное воспитательно-пропагандистское значение имеют музеи и «цифровые» выставки, которые позволяют рассмотреть проблему массовых убийств в годы Великой Отечественной войны под педагогическим углом зрения. К тому же общеизвестно, что наиболее мощным воздействием на психику обладает визуальный («зрелищный») ряд, в том числе и тот, который был представлен электронными носителями. В распоряжении посетителей оказываются не просто некие сведения, разрозненные данные, а целенаправленно подобранный фактический материал, подлинность которого подтверждена авторитетными экспертами.

В последние годы многие патриотические организации, государственные и политические деятели выступают с предложением о создании Музея геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны. Наиболее четко эту идею удалось сформулировать и обосновать А. Г. Звягинцеву, ученому-правоведу, заместителю Генерального прокурора Российской Федерации, а также известному историку, писателю и сценаристу. Как абсолютно правильно подчеркивает А. Г. Звягинцев, наш народ, как никакой другой, с огромными человеческими жертвами, каких ранее не знало человечество, перенес все ужасы войны и выстоял. Музей геноцида, Музей скорби, Музей Нюрнбергского процесса и т. д. можно создать в рамках Института (Центра) исторической памяти. Причём, считает ученый, не только ради сохранения самой памяти, но и для того чтобы не допустить повторения страшного нацистского прошлого, связанных с ним трагедией. Нужно вооружить нашу молодежь мировоззрением, которое бы дало ей возможность занять верную жизненную позицию по отношению к новому вызовам и угрозам. Поэтому основной задачей для старшего поколения страны становится формирование у школьников и студентов мотивации к сохранению памяти о прошлом своего Отечества и верных духовных приоритетах. К сожалению, из фокуса внимания зарубежного социума вытесняется тема Второй мировой войны, а значит и тема геноцида советского народа и холокоста, и Нюрнбергского процесса. Это – величайшее заблуждение, о чём уже не раз говорил наш президент [38, С. 125–128; 39, С. 126–137]. А. Г. Звягинцев настаивает на том, что любым попыткам пересмотра

обвинительных документов Нюрнбергского трибунала нужно давать решительный и принципиальный отпор. «Ведь цель таких действий – использовать исторические спекуляции в нечистоплотных играх, чтобы спровоцировать политические фобии, чтобы расстроить и довести до вражды целые страны и народы. Исторические факты настолько очевидны, что отрицать их – значит действовать вопреки доводам разума и совершать все новые и новые преступления» [40, С. 7].

Враг не скрывает своих планов, однако мы обладаем широким арсеналом средств по противодействию нацизму, а значит – есть повод для оптимизма. Так, выступая по случаю юбилея Ялтинской конференции, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, ведущий эксперт по российско-американским отношениям Сергей Алексеевич Рябков заявил: «Уроки прошлого, особенно столь значимые и вписываемые в современный контекст, требуют дальнейшего осмысления, комплексного всестороннего анализа. Перед всеми нами стоит задача развивать международное сотрудничество, устремленное в будущее. И взгляд в прошлое должен нам в этом помочь. В условиях становления миропорядка на многополярных началах это сотрудничество будет основано, а мы в этом абсолютно уверены, на принципах суверенного равенства государств, мирного сосуществования и взаимовыгодного взаимодействия, как это, по большому счёту и задумывалось 80 лет назад в Ялте» [40, С. 3].

Подводя итог сказанному, сформулируем ряд наиболее существенных выводов.

Геноцид следует рассматривать как многоаспектное явление, предупреждать которое крайне сложно. Именно поэтому ученые-правоведы, военные юристы, социальные психологи и политики должны объединить свои усилия в сфере создания криминологической теории геноцида. Данная теория позволила бы международному сообществу использовать универсальные алгоритмы раннего обнаружения причин и условий, детерминирующих возникновение геноцида их эффективной нейтрализации.

С позиции отечественной криминологии геноцид объясняется:

– агрессивностью человека (как социально-биологического существа) и склонностью довольно значительной части населения планеты к насилию;

– укоренившимися в бытовом сознании этническими предрассудками, идеями расового превосходства, религиозной исключительности и т. д.;

– «экономической целесообразностью» в виде стремления агрессора захватить ресурсы, «очистить» территорию и т. д.;

– ожесточением некоторых комбатантов (психоаномалов, неонацистов, националистов и т. д.), которые ориентируются исключительно на деструктивные, человеко-ненавистнические установки и верят в свою безнаказанность; большинство из них стремятся подобным образом либо «снять эмоциональное напряжение», либо самоутвердиться (реализовав свои садистические наклонности).

Действия, предпринимаемые фашистской Германией и её союзниками в 1941–1945 гг. против советского народа, содержат все признаки геноцида (ст. 357 Уголовного Кодекса Российской Федерации). Правоохранительными органами Российской Федерации было установлено, что, во-первых, имело место полное или частичное уничтожение множества национальных, этнических, расовых и религиозных групп, проживающих на территории СССР, путем убийства их членов, причинения тяжкого вреда их здоровью. Во-вторых, осуществлялось насильственное воспрепятствование деторождению отдельных категорий граждан Советского Союза. В-третьих, оккупационными властями проводились «акции» по принудительной переда-

че советских детей третьим лицам. В-четвертых, захватчики целенаправленно и максимально жестоко «реализовывали планы» по насильственному переселению мирных советских граждан в места непригодные для жизни или в места, где практиковался рабский труд, или же изначально были созданы условия, позволяющие осуществлять физическое уничтожение населения.

Умышленное, публичное отрицание геноцида советского народа является важнейшей частью антироссийской политики стран, так называемого, «коллективного Запада», которые стремятся фальсифицировать историю Второй мировой войны, предать забвению трагедию миллионов граждан СССР, погибших от голода, холода, болезней, изнурительного рабского труда, бомбежек и обстрелов, от пуль карателей. В понимании ультралиберальных политиков это нужно для того, чтобы будущие поколения европейцев не испытывали никакого сочувствия к России и видели в ней лишь смертельного врага.

Геноцид является как уголовно-наказуемым деянием, обладающим исключительной общественной опасностью, так и экзистенциальным вызовом, брошенным всему человечеству. От того, насколько успешно сможет человечество противостоять этому вызову, воздействовать на его истоки, детерминанты, сохранять правду о геноцидах прошлого и т. д., во многом будет зависеть будущее нашей цивилизации.

Список источников

1. Вахрушев В. А. Анализ современных геополитических тенденций и их влияния на национальную безопасность Российской Федерации / В. А. Вахрушев, В. В. Вылугин // Военная мысль. 2024. № 9. С. 22–29.
2. Костенко А. Н. Современные геополитические процессы и тенденции мирового развития / А. Н. Костенко, С. П. Поплавский, Е. В. Борисов // Вестник ученых международников. 2024. № 1 (27). С. 36–46.
3. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего. М. : Изд-во «Э», 2015. 672 с.
4. Макарычев М. Оттава прячет палачей // Российская газета. 2024. 14 ноября.
5. Александров А. И. Нюрнбергский приговор актуален сегодня, как никогда // Государство и право. 2023. № 2. С. 31–36. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520024655-1>.
6. Рагимов И. Нюрнбергский процесс: торжество правосудия или суд победителей? (Размышления над книгой А. Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») / И. Рагимов, Ч. Абдуллаев, А. Джафаров, Ш. Самедова, Х. Аликперов // Государство и право. 2022. № 12. С. 7–26. DOI: [10.31857/S102694520023298-8](https://doi.org/10.31857/S102694520023298-8).
7. Третьяков И. Л. К истории вопроса о массовых убийствах психически больных, совершенных сотрудниками различных государственных структур фашистской Германии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3 (28). С. 29–43. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/09/003.pdf>. EDN: BQSTKB (дата обращения: 02.02.2025).

8. Боброва О.В. Современные детерминанты геноцида / О. В. Боброва, Д. И. Рубцов // Обозреватель. 2024. № 1 (402). С. 127–137. DOI:10.48137/2074-2975_2023_6_127.
9. Кикнадзе В. Г. Что такое фашизм, нацизм и неонацизм? Генезис фашизма, механизмы его влияния на массы, взаимосвязи с нацизмом и тоталитаризмом: теория, история и современность / В. Г. Кикнадзе, Н. В. Илиевский // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 1 (34). С. 1.
10. Мальченков С. А. Фашизм как форма подавления свободы и гуманности: политико-психологический анализ / С. А. Мальченков, В. Г. Федоров // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23. № 1 (61). С. 95–107.
11. Панарин А. А. Геноцид советского народа в отражении исторической памяти о Великой Отечественной войне // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 75–90.
12. Терзи Е. С. Реакционная сущность фашизма и нацизма: историко-правовой аспект / Е. С. Терзи, Т. В. Селютина // Правовая позиция. 2023. № 4 (40). С. 6–12.
13. Третьяков И. Л. Нацистская психиатрия: массовые убийства психически больных // Российское право онлайн. 2022. № 1. С. 10–17. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.010-019.
14. Сотников Г. Уроки не выучены // Российская газета. 2024. 19 декабря.
15. Герейханова А. Без срока давности // Российская газета точка 2023. 27 января.
16. Брод А. Суды памяти. Преступления нацизма не имеют срока давности // Литературная газета. 2023. 25–31 января.
17. Плакса В. Н. Геноцид как цивилизационная угроза: развитие законодательства об уголовно-правовой ответственности // Современное право. 2024. № 6. С. 70–74.
18. Савенков А.Н. Геноцид советского народа: об ответственности без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30. DOI: 10.31857/S102694520016884-3.
19. Федоров А. В. Геноцид советского народа в годы Великой Отечественной войны: следственная и судебная практика // Юридический мир. 2023. № 1. С. 14–20.
20. Толстой А. «Коричневый дурман» // Красная звезда. 1943. 5 августа.
21. Кудряшов К. Его хождение по мукам. Алексей Толстой был одним из инициаторов расследования зверств нацистов // Аргументы и факты. 2025. № 8.
22. Стукалова О. В. На «пульсе войны» (заметки о художественных особенностях военной публицистики А. Н. Толстого) // Гуманитарное пространство. 2013. № 4. С. 711–726.
23. Толстой А. Н. Публицистика. М. : Сов. Россия, 1975. 367 с.
24. Звягинцев А. Трагическое прошлое или настоящее? // Российская газета. 2023. 13 декабря.
25. Глезеров С. Забвению не подлежит // Санкт-Петербургские ведомости. 2024. 28 ноября.
26. Александр Савенков: историческая правда на сегодняшний день – конституционное понятие. URL: <https://tvspb.ru/news/2024/11/25/aleksandr-savenkov-istoricheskaya-pravda-na-segodnyashnij-den-konstitucionnoe-ponyatie> (дата обращения: 23.02. 2025).
27. Елена Малышева. Без срока давности. URL: <https://vechorka.ru/article/bez-sroka-davnosti> (дата обращения: 23.02. 2025).
28. Путин назвал снятие блокады важнейшим рубежом борьбы с нацизмом // Известия. URL: <https://iz.ru/1829026/2025-01-27/putin-nazval-sniatie-blokady-leningrada-vazhneishim-rubezhom-borby-s-nacizmom> (дата обращения: 23.02. 2025).
29. Новоселова Е. Фашизм без срока давности // Российская газета. 2025. 11 февраля.
30. Болгова Е.И. Геноцид: понятие и состав преступления // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 2(53). С. 11–18.
31. Григорьева М. К. Насильственное воспрепятствование деторождению и принудительная передача детей в контексте содержания объективной стороны преступления «геноцид» // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. №4 (39). С. 63–68. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-63-68.
32. Веригин С. Г. Новые архивные документы о финской оккупации Карелии (1941–1944 гг.) // История. 2023. С. 180–198. URL: <https://history.jes.su/s207987840027793-1-1/> (дата обращения: 23.02. 2025).
33. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 23.02. 2025).
34. Лобунец Е. С. Особенности уголовной ответственности за геноцид / Е. С. Лобунец, Е. И. Усова // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 386–388.

35. Решняк М. Г. Геноцид: о некоторых недостатках в регламентации уголовной ответственности // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4(192). С. 179–184. DOI:10.24158/tipor.2024.4.22.
36. Утюганов А.А. Историко-правовые аспекты противодействия распространению идеологии национализма и сепаратизма среди финно-угорских народов России / А. А. Утюганов, Д. Е. Кузнецов, А. А. Бакин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 22–37. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/003.pdf>. EDN: YODCMA (дата обращения: 23.02. 2025).
37. Проект Федерального закона № 557706-8 «О геноциде многонационального русского народа в годы Великой Отечественной войны». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=244589#dwx7leUMLaLCsUUk> (дата обращения: 23.02. 2025).
38. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский процесс. М. : РИПОЛ Классик, 2022. 160 с.
39. Звягинцев А. Г. Уроки Нюрнберга. Вселенское зло перед судом истории // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 1(105). С. 126–137.
40. Звягинцев А. Г. Уроки Нюрнберга // Российская газета. 2023. 25 октября. С. 7.
41. Могулевцева Ю. Прошлое в современном контексте // Литературная газета. 2025. 26 февраля – 4 марта.

References

1. Vahrushev V. A. Analysis of current geopolitical trends and their impact on the national security of the Russian Federation / V. A. Vahrushev, V. V. Vylugin // *Voennaya mysl'*. 2024;9: 22–29. (In Russ.).
2. Kostenko A. N. Current geopolitical processes and global development trends / A. N. Kostenko, S. P. Poplavskij, E. V. Borisov // *Vestnik uchenyh mezhdunarodnikov*. 2024;1 (27): 36–46. (In Russ.).
3. Nikonov V.A. Kod civilizacii. CHto zhdet Rossiyu v mire budushchego. M. : Izd-vo «E», 2015. 672 с. (In Russ.).
4. Makarychev M. Ottawa hides the executioners // *Rossiyskaya gazeta*. 2024. 14 noyabrya. (In Russ.).
5. Aleksandrov A. I. The Nuremberg verdict is more relevant today than ever // *Gosudarstvo i pravo*. 2023;2: 31–36. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520024655-1>. (In Russ.).
6. Ragimov I. The Nuremberg Trials: Triumph of Justice or the Court of the Victors? (Reflections on the book by A. N. Savenkov, "Nuremberg: A Sentence in the Name of Peace") / I. Ragimov, CH. Abdullaev, A. Dzhafarov, SH. Samedova, H. Alikperov // *Gosudarstvo i pravo*. 2022;12: 7–26. DOI: 10.31857/S102694520023298-8. (In Russ.).
7. Tret'yakov I. L. On the history of mass killings of the mentally ill by members of various government agencies in Nazi Germany // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;3 (28): 29–43. Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/09/003.pdf>. EDN: BQSTKB (data obrashcheniya: 02.02.2025). (In Russ.).
8. Bobrova O.V. Modern determinants of genocide / O. V. Bobrova, D. I. Rubcov // *Obozrevatel'*. 2024;1 (402): 127–137. DOI:10.48137/2074-2975_2023_6_127. (In Russ.).
9. Kiknadze V. G. What are fascism, Nazism, and neo-Nazism? The genesis of fascism, the mechanisms of its influence on the masses, and its relationship with Nazism and totalitarianism: theory, history, and the present day / V. G. Kiknadze, N. V. Ilievskij // *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 2023. T. 11;1 (34): 1. (In Russ.).
10. Mal'chenkov S. A. Fascism as a Form of Suppression of Freedom and Humanity: A Political and Psychological Analysis / S. A. Mal'chenkov, V. G. Fedorov // *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*. 2023. T. 23;1 (61): 95–107. (In Russ.).
11. Panarin A. A. The Genocide of the Soviet People in the Reflection of Historical Memory about the Great Patriotic War // *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020;4: 75–90. (In Russ.).
12. Terzi E. S. The Reactionary Essence of Fascism and Nazism: A Historical and Legal Aspect / E. S. Terzi, T. V. Selyutina // *Pravovaya pozitsiya*. 2023;4 (40): 6–12. (In Russ.).
13. Tret'yakov I. L. Nazi Psychiatry: Mass Killings of the Mentally Ill // *Rossiyskoe pravo onlajn*. 2022. № 1. S. 10–17. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.010-019. (In Russ.).
14. Sotnikov G. Lessons not learned // *Rossiyskaya gazeta*. 2024. 19 dekabrya. (In Russ.).

15. Gerejhanova A. No statute of limitations // Rossijskaya gazeta tochka 2023. 27 yanvarya. (In Russ.).
16. Brod A. Courts of Memory. Nazi Crimes Have No Statute of Limitations // Literaturnaya gazeta. 2023. 25–31 yanvarya. (In Russ.).
17. Plaksa V. N. Genocide as a Civilizational Threat: Development of Criminal Law Legislation // Sovremennoe pravo. 2024. № 6. S. 70–74. (In Russ.).
18. Savenkov A. N. The Genocide of the Soviet People: On Responsibility Without Expiration Date // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 9. S. 7–30. DOI: 10.31857/S102694520016884-3. (In Russ.).
19. Fedorov A. V. The Genocide of the Soviet People during the Great Patriotic War: Investigative and Judicial Practice // Yuridicheskij mir. 2023. № 1. S. 14–20. (In Russ.).
20. Tolstoj A. "Brown datura" // Krasnaya zvezda. 1943. 5 avgusta. (In Russ.).
21. Kudryashov K. His ordeal. Alexei Tolstoy was one of the initiators of the investigation into the Nazi atrocities // Argumenty i fakty. 2025. № 8. (In Russ.).
22. Stukalova O. V. On the "pulse of war" (notes on the artistic features of A. N. Tolstoy's military journalism) // Gumanitarnoe prostranstvo. 2013. № 4. S. 711–726. (In Russ.).
23. Tolstoj A. N. Publicistika. M. : Sov. Rossiya, 1975. 367 s. (In Russ.).
24. Zvyaginцев A. Tragic past or present? // Rossijskaya gazeta. 2023. 13 dekabrya. (In Russ.).
25. Glezerov S. It is not subject to oblivion // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 2024. 28 noyabrya. (In Russ.).
26. Aleksandr Savenkov: istoricheskaya pravda na segodnyashnij den' – konstitucionnoe ponyatie. Available from: <https://tvspb.ru/news/2024/11/25/aleksandr-savenkov-istoricheskaya-pravda-na-segodnyashnij-den-konstitucionnoe-ponyatie> (data obrashcheniya: 23.02. 2025). (In Russ.).
27. Elena Malysheva. Bez sroka davnosti. Available from: <https://vechorka.ru/article/bez-sroka-davnosti> (data obrashcheniya: 23.02. 2025). (In Russ.).
28. Putin called the lifting of the blockade the most important milestone in the fight against Nazism // Izvestiya. Available from: <https://iz.ru/1829026/2025-01-27/putin-nazval-sniatie-blokady-lenigrada-vazhneishim-rubezhom-borby-s-natsizmom> (data obrashcheniya: 23.02. 2025). (In Russ.).
29. Novoselova E. Fascism without a statute of limitations // Rossijskaya gazeta. 2025. 11 fevralya. (In Russ.).
30. Bolgova E. I. Genocide: Concept and Elements of the Crime // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2024;2(53): 11–18. (In Russ.).
31. Grigor'eva M. K. Forcible prevention of childbirth and forced transfer of children in the context of the objective side of the crime of genocide // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2023;4 (39): 63–68. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-63-68. (In Russ.).
32. Verigin S. G. New archival documents on the Finnish occupation of Karelia (1941–1944) // Istoriya. 2023: 180–198. Available from: <https://history.jes.su/s207987840027793-1-1/> (data obrashcheniya: 23.02. 2025). (In Russ.).
33. Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (red. ot 28.02.2025). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 23.02. 2025). (In Russ.).
34. Lobunec E. S. Features of criminal liability for genocide / E. S. Lobunec, E. I. Usova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024; 5(233): 386–388. DOI:10.47643/1815-1337_2024_5_386. (In Russ.).
35. Reshnyak M. G. Genocide: On Some Shortcomings in the Regulation of Criminal Liability // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2024;4(192): 179–184. DOI:10.24158/tipor.2024.4.22. (In Russ.).
36. Utyuganov A.A. Historical and Legal Aspects of Countering the Spread of Nationalism and Separatism among the Finno-Ugric Peoples of Russia / A. A. Utyuganov, D. E. Kuznecov, A. A. Bakin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2 (27): 22–37. (In Russ.).
37. Proekt Federal'nogo zakona № 557706-8 «O genocide mnogonacional'nogo rossijskogo naroda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny». Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=244589#dwx7leUMLaLCsUUk> (data obrashcheniya: 23.02. 2025). (In Russ.).
38. Zvyaginцев A. G. Nyurnbergskij process. M. : RIPOL Klassik, 2022. 160 s. (In Russ.).
39. Zvyaginцев A. G. Lessons from Nuremberg. Universal Evil before the Court of History // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2025;1(105): 126–137. (In Russ.).

40. Zvyaginsev A. G. Lessons from Nuremberg // Rossijskaya gazeta. 2023. 25 oktyabrya. S. 7. (In Russ.).

41. Mogulevceva YU. The past in a modern context // Literaturnaya gazeta. 2025. 26 fevralya – 4.

Информация об авторе**Information about the author**

И. Л. Третьяков – доктор юридических наук, доцент

I. L. Tretyakov – Doctor of Science (Law), Docent

Статья поступила в редакцию 30.06.2025;
одобрена после рецензирования 22.05.2025;
принята к публикации 21.08.2025.

The article was submitted 30.06.2025;
approved after reviewing 22.05.2025;
accepted for publication 21.08.2025.

Научная статья

УДК 159.9

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ
ЮРИСТОВ С РАЗНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СТАЖЕМ

Даниил Валерьевич Бабкин¹, Ольга Анатольевна Калимуллина²

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

² Казанское высшее танковое командное училище, Казань, Россия

¹ nevinoven23@gmail.com

² olca.1970@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного эмпирического исследования, направленного на выявление эмоционально-личностных детерминант профессионального выгорания у юристов с различным профессиональным стажем. В исследовании приняли участие 520 респондентов, разделенных на две группы: молодые специалисты со стажем до 5 лет ($n=250$) и опытные юристы со стажем 5 лет и более ($n=270$). С применением методик МБИ [8], опросника В.В. Бойко [1], шкалы психологического благополучия К. Рифф [19] и других инструментов выявлены статистически значимые различия в структуре и выраженности компонентов выгорания. Установлено, что у молодых юристов преобладают симптомы эмоционального истощения, тогда как у опытных специалистов доминируют деперсонализация и редукция профессиональных достижений. Обнаружены устойчивые связи между показателями выгорания, уровнем эвдемического благополучия и особенностями локуса контроля. Теоретическая интерпретация интегрирует модель Масlach [8; 18], теорию сохранения ресурсов Хобфолла [17], теорию самоопределения Деси и Райана [16], а также модель психологического благополучия Рифф [19]. На основе полученных результатов разработаны дифференцированные практические рекомендации по профилактике профессионального выгорания для разных стажевых групп.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, юристы, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция профессиональных достижений, профессиональный стаж, эвдемическое благополучие, теория самоопределения

Для цитирования: Бабкин Д.В., Калимуллина О.А. Эмоционально-личностные детерминанты профессионального выгорания юристов с разным профессиональным стажем // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 106–114. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/010.pdf>.

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Original article

EMOTIONAL AND PERSONAL DETERMINANTS OF PROFESSIONAL BURNOUT IN LAWYERS WITH DIFFERENT
PROFESSIONAL EXPERIENCE

Daniil V. Babkin¹, Ol'ga A. Kalimullina²

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russia

² Kazan Higher Tank Command School, Kazan, Russia

¹ nevinoven23@gmail.com

² olca.1970@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a comprehensive empirical study aimed at identifying emotional and personality determinants of professional burnout among lawyers with different work experience. The study involved 520 respondents divided into two groups: young specialists with up to 5 years of experience ($n=250$) and experienced lawyers with 5 or more years of experience ($n=270$). Using MBI [8], V. V. Boyko's questionnaire [1], C. Ryff's psychological well-being scale [19]

and other instruments, statistically significant differences in the structure and severity of burnout components were revealed. It was found that young lawyers predominantly exhibit symptoms of emotional exhaustion, while experienced specialists demonstrate higher levels of depersonalization and reduced professional efficacy. Stable relationships were established between burnout indicators, eudaimonic well-being levels, and locus of control characteristics. Theoretical interpretation integrates Maslach's model [8; 18], Hobfoll's Conservation of Resources Theory [17], Deci and Ryan's Self-Determination Theory [16], and Ryff's psychological well-being model [19]. Based on the results, differentiated practical recommendations for the prevention of professional burnout have been developed for different experience groups.

Keywords: professional burnout, lawyers, emotional exhaustion, depersonalization, reduced professional efficacy, work experience, eudaimonic well-being, self-determination theory

For citation: Babkin D.V., Kalimullina O.A. Emotional and personal determinants of professional burnout in lawyers with different professional experience. *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;3(32): 106–114. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/010.pdf>.

© Бабкин Д.В., Калимуллина О.А., 2025

Введение

Профессиональная деятельность юристов традиционно относится к числу профессий с повышенным риском развития синдрома профессионального выгорания. Это обусловлено комплексом факторов, включающих высокую когнитивную нагрузку, эмоциональную напряженность, ответственность за принимаемые решения, необходимость постоянного взаимодействия с конфликтными ситуациями и морально-этическими дилеммами. Согласно современным исследованиям [11], до 40 % практикующих юристов демонстрируют клинически значимые симптомы профессионального выгорания различной степени выраженности.

Основные положения

В последние годы особое внимание исследователей привлекает роль эвдемонического благополучия как ключевого фактора, опосредующего взаимосвязь профессиональных стрессоров и развития выгорания. В отличие от гедонистического подхода, ориентированного на достижение удовольствия и избегание страданий, эвдемоническая парадигма [19] фокусируется на реализации личностного потенциала, поиске смысла и цели профессиональной деятельности. Концепция психологического благополучия Кэрл Рифф [19], включающая шесть базовых компонентов (автономия, управление средой, личностный рост, позитивные отношения, целеустремленность, самопринятие), представляет особый интерес для изучения профессиональной дезадаптации в стрессогенных профессиях.

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном анализе стажевой динамики профессионального

выгорания юристов через призму интеграции четырех теоретических моделей: трехкомпонентной модели Маслач [8; 18], теории сохранения ресурсов Хобфолла [17], теории самоопределения Деси и Райана [16], а также модели психологического благополучия Рифф [19]. Особое внимание уделяется выявлению различий в эмоционально-личностных детерминантах выгорания у юристов на разных этапах профессионального становления.

Теоретические модели профессионального выгорания

1. Трехкомпонентная модель Кристины Маслач [8, 18]

Классическая модель профессионального выгорания, разработанная К. Маслач и ее коллегами [8; 18], выделяет три взаимосвязанных компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений. В контексте юридической профессии эмоциональное истощение проявляется как чувство опустошенности и эмоциональной усталости после рабочего дня; деперсонализация выражается в формализации отношений с клиентами, коллегами и судебной системой; редукция достижений характеризуется снижением удовлетворенности результатами труда и ощущением профессиональной некомпетентности.

2. Теория сохранения ресурсов (*Conservation of Resources Theory*, S. E. Hobfoll) [17]

Данная теория [17] трактует профессиональное выгорание как результат истощения психологических ресурсов индивида (энергетических, эмоциональных, когнитивных) под воздействием хронических профессиональных стрессоров. Согласно этой модели, молодые юристы особенно

уязвимы к развитию выгорания из-за ограниченности профессионального опыта, недостатка эффективных копинг-стратегий и неразвитости ресурсной базы.

3. Модель психологического (эвдемического) благополучия К. Рифф [19]

Шестикомпонентная модель Рифф [19] представляет особую ценность для понимания профилактического потенциала личностных ресурсов в отношении профессионального выгорания. Компоненты модели включают:

- Автономию (способность к саморегуляции и независимости).
- Управление средой (компетентность в организации окружающих условий).
- Личностный рост (открытость новому опыту и саморазвитию).
- Позитивные отношения с окружающими.

– Целеустремленность (наличие жизненных целей и смыслов).

– Самопринятие (позитивное отношение к себе).

4. Теория самоопределения (Self-Determination Theory, E. L. Deci, R. M. Ryan) [16]

Согласно данной теории [16], фрустрация трех базовых психологических потребностей – в автономии, компетентности и связанности – является ключевым механизмом развития профессионального выгорания. В юридической практике фрустрация потребности в автономии часто связана с бюрократическими ограничениями, потребности в компетентности – с несоответствием профессиональных требований и возможностей, потребности в связанности – с профессиональными конфликтами и изоляцией.

Таблица 1 – Сравнительный анализ теоретических моделей профессионального выгорания

Table 1 – Comparative analysis of theoretical models of professional burnout

Модель	Основные концептуальные положения	Преимущества для изучения выгорания юристов
Трехкомпонентная модель (Maslach) [8; 18]	Выгорание как синдром: – эмоциональное истощение; – деперсонализация; – редукция достижений	Позволяет диагностировать конкретные проявления выгорания и их выраженность
Теория сохранения ресурсов (Hobfoll) [17]	Выгорание как результат истощения психологических ресурсов	Объясняет стажевые различия через динамику ресурсной базы
Модель психологического благополучия (Ryff) [19]	Выгорание как следствие дефицита самореализации и смысловой дезинтеграции	Раскрывает роль личностного потенциала в профилактике выгорания
Теория самоопределения (Deci, Ryan) [16]	Выгорание как результат фрустрации базовых психологических потребностей	Объясняет механизмы развития выгорания через призму мотивационных процессов

Методология исследования

1. Выборка исследования

В исследовании приняли участие 520 практикующих юристов, разделенных на две группы по критерию профессионального стажа:

– Группа 1 (молодые специалисты): 250 человек (150 женщин, 100 мужчин) со стажем работы от 1 до 5 лет ($M=3.2$ года). Средний возраст – 26,7 лет.

– Группа 2 (опытные специалисты): 270 человек (160 женщин, 110 мужчин) со ста-

жем работы 5 лет и более ($M=11.4$ года). Средний возраст – 39,3 года.

Критерии включения в выборку: наличие высшего юридического образования, осуществление профессиональной деятельности на момент исследования, отсутствие диагностированных психических расстройств. Все участники дали информированное согласие на участие в исследовании.

2. Инструментарий

Для комплексной оценки изучаемых феноменов использовался следующий диагностический комплекс:

– *Диагностика профессионального выгорания:*

Опросник MBI (Maslach Burnout Inventory) в адаптации Н. Е. Водопьяновой [3]: оценка выраженности эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений.

Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко [1]: выявление фаз формирования синдрома (напряжение, резистенция, истощение) и конкретных симптомов.

– *Оценка психологического благополучия:*

Шкала психологического благополучия К. Рифф (Ryff Psychological Well-Being Scale, 54-пунктовая версия) [19] в адаптированном варианте: измерение шести компонентов эвдемонического благополучия.

– *Исследование эмоционально-личностных характеристик:*

Дифференциальный опросник эмоционального состояния (ДОЭС) в адаптации А.О. Прохорова: оценка позитивного и негативного аффекта.

Методика диагностики уровня субъективного контроля (УСК) Е. Ф. Бажина: определение локуса контроля.

Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) Э. Дайнера: интегральная оценка

когнитивного компонента субъективного благополучия.

3. Процедура и методы статистического анализа

Исследование проводилось в онлайн-формате с использованием платформы Google Forms. Среднее время заполнения батареи методик составило 45–55 минут. Для обработки данных применялся пакет статистических программ SPSS 26.0 с использованием следующих методов:

– Описательная статистика (средние значения, стандартные отклонения).

– t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

– Корреляционный анализ Пирсона.

– Однофакторный и многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA, MANOVA).

– Пошаговый регрессионный анализ.

– Кластерный анализ методом k-средних.

Результаты:

1. Стажевые различия в выраженности компонентов профессионального выгорания

Результаты сравнительного анализа выявили статистически значимые различия между группами юристов с разным профессиональным стажем по всем ключевым показателям выгорания.

Таблица 2 – Показатели профессионального выгорания в группах юристов с разным стажем (M ± SD)

Table 2 – Indicators of professional burnout in groups of lawyers with different work experience (M ± SD)

Показатель	Молодые юристы (n=250)	Опытные юристы (n=270)	t-значение	p
Эмоциональное истощение (MBI)	27.4 ± 5.1	32.1 ± 4.8	5.67	<0.001
Деперсонализация (MBI)	8.2 ± 2.7	11.5 ± 3.1	4.92	<0.001
Редукция достижений (MBI)	20.7 ± 4.5	25.9 ± 3.9	7.14	<0.001
Фаза «напряжение» (Бойко)	11.9 ± 3.2	14.6 ± 2.9	3.45	<0.01
Фаза «резистенция» (Бойко)	13.1 ± 2.8	15.3 ± 3.1	3.21	<0.01
Фаза «истощение» (Бойко)	13.5 ± 3.0	18.7 ± 3.4	6.87	<0.001

выгорания на начальных этапах

Как следует из представленных данных, молодые юристы демонстрируют более высокие показатели по шкале эмоционального истощения, что свидетельствует о преобладании аффективного компонента

профессиональной карьеры. В группе опытных юристов статистически значимо выше показатели деперсонализации и редукции профессиональных достижений,

что отражает формирование стойких паттернов профессиональной деформации.

2. Особенности психологического благополучия в группах с разным стажем

Анализ показателей по шкале психологического благополучия К. Рифф [19] выявил существенные различия между группами по пяти из шести компонентов.

Таблица 3 – Показатели психологического благополучия (PWB) в группах юристов ($M \pm SD$)

Table 3 – Indicators of psychological well-being (PWB) in groups of lawyers ($M \pm SD$)

Компонент PWB	Молодые юристы (n=250)	Опытные юристы (n=270)	t-значение	p
Автономия	72.1 $\pm$ 8.3	68.3 $\pm$ 9.1	2.21	0.028
Управление средой	69.1 $\pm$ 8.0	72.4 $\pm$ 7.6	2.05	0.041
Личностный рост	78.2 $\pm$ 6.9	63.7 $\pm$ 10.2	8.34	<0.001
Позитивные отношения	75.8 $\pm$ 6.2	71.2 $\pm$ 7.9	3.12	<0.01
Целеустремленность	65.4 $\pm$ 7.8	58.9 $\pm$ 8.5	4.76	<0.001
Самопринятие	70.5 $\pm$ 7.5	65.8 $\pm$ 8.7	2.89	<0.01

Наиболее выраженные различия обнаружены по шкалам «Личностный рост» и «Целеустремленность», где молодые специалисты демонстрируют значимо более высокие показатели. Это может свидетельствовать о сохранении мотивации к профессиональному развитию и наличии карьерных перспектив на начальных этапах профессионального пути. Снижение этих показателей у опытных юристов

коррелирует с повышением выраженности редукции профессиональных достижений.

3. Взаимосвязи между показателями выгорания и эмоционально-личностными характеристиками

Корреляционный анализ выявил устойчивые взаимосвязи между компонентами выгорания и исследуемыми эмоционально-личностными характеристиками:

Таблица 4 – Значимые корреляции между показателями выгорания и другими переменными

Table 4 – Significant correlations between burnout indicators and other variables

Показатель выгорания	Коррелирующая переменная	Коэффициент r	p
Эмоциональное истощение	Негативный аффект (ДООС)	0.52	<0.001
Эмоциональное истощение	Удовлетворенность жизнью (SWLS)	-0.41	<0.01
Эмоциональное истощение	Самопринятие (PWB)	-0.38	<0.01
Деперсонализация	Внешний локус контроля (УСК)	0.39	<0.01
Деперсонализация	Позитивные отношения (PWB)	-0.42	<0.001
Деперсонализация	Управление средой (PWB)	-0.36	<0.05
Редукция достижений	Целеустремленность (PWB)	-0.62	<0.001
Редукция достижений	Личностный рост	-0.58	<0.001

жений	(PWB)		
Редукция дости- жений	Внутренний локус контроля (УСК)	-0.47	<0.001

Регрессионный анализ показал, что показатели психологического благополучия являются значимыми предикторами выраженности компонентов выгорания. Для редукции достижений наиболее значимым предиктором оказалась целеустремленность ($\beta = -0.52$, $p < 0.001$), для деперсонализации – качество межличностных отношений ($\beta = -0.44$, $p < 0.001$), для эмоционального истощения – уровень негативного аффекта ($\beta = 0.48$, $p < 0.001$).

4. Качественные данные (анализ открытых вопросов)

В дополнение к стандартизированным методикам участникам предлагалось ответить на открытые вопросы, касающиеся их профессионального опыта. Анализ ответов выявил характерные особенности восприятия профессиональной деятельности в разных стажевых группах.

Молодые юристы:

«После тяжелого рабочего дня чувствую полное опустошение. Постоянно беспокоюсь, что не справлюсь с нагрузкой, не успею в сроки. Страх допустить ошибку, которая повлияет на судьбу человека, не дает расслабиться даже дома» (женщина, 27 лет, стаж – 2 года).

«Ощущаю огромную пропасть между теоретической подготовкой в вузе и реальной юридической практикой. Не хватает практических навыков, чувствую себя неуверенно при принятии решений» (мужчина, 25 лет, стаж – 1,5 года).

Опытные юристы:

«С годами выработалось определенное отстраненное отношение к клиентам и их проблемам. Не могу позволить себе эмоционально включаться в каждую ситуацию – это было бы непосильной нагрузкой. Но иногда ловлю себя на мысли, что стал относиться к людям как к «случаям из практики», а не как к живым людям с проблемами» (мужчина, 42 года, стаж – 15 лет).

«Ощущение, что профессиональный рост остановился. Карьерные перспективы ограничены, новые вызовы отсутствуют. Многолетняя рутина порождает сомнения в осмысленности выбранной профессии» (женщина, 38 лет, стаж – 12 лет).

Обсуждение результатов

1. Стажевая динамика профессионального выгорания

Полученные результаты подтверждают гипотезу о существовании значимых различий в проявлениях профессионального вы-

горания у юристов с разным профессиональным стажем. У молодых специалистов (стаж – до 5 лет) доминирующим компонентом является эмоциональное истощение, что соответствует данным современных исследований [11; 12] о начальной фазе развития синдрома выгорания. Этот феномен объясняется недостаточностью профессионального опыта, несовершенством копинг-стратегий, высокой эмоциональной вовлеченностью и нереалистичными ожиданиями от профессиональной деятельности [17].

У опытных юристов (стаж 5 лет и более) на первый план выходят симптомы деперсонализации и редукции профессиональных достижений [8]. Это согласуется с концепцией «кристаллизации профессиональной деформации» [2], когда длительное воздействие профессиональных стрессоров приводит к формированию устойчивых защитных механизмов в форме эмоционального отчуждения и цинизма. Снижение удовлетворенности профессиональными достижениями может быть связано с эффектом «профессионального плато» [14], когда дальнейший карьерный рост ограничен, а рутинный характер деятельности перестает соответствовать потребности в самореализации [16; 19].

2. Роль эвдемонического благополучия в профилактике выгорания

Результаты исследования подтверждают значимость модели психологического благополучия К. Рифф [19] для понимания механизмов развития и профилактики профессионального выгорания у юристов. Выявленные обратные корреляции между компонентами благополучия и показателями выгорания свидетельствуют о протективной роли эвдемонических факторов.

Особого внимания заслуживает сильная отрицательная связь между целеустремленностью и редукцией профессиональных достижений ($r = -0.62$, $p < 0.001$), а также между личностным ростом и редукцией достижений ($r = -0.58$, $p < 0.001$). Это указывает на то, что сохранение смысловой ориентации в профессиональной деятельности [7] и открытость к саморазвитию [19] являются ключевыми факторами профилактики профессиональной деформации у опытных юристов.

3. Психологические факторы

Также необходимо учитывать психологические факторы юристов с разным про-

фессиональным стажем: уровень стрессоустойчивости – управление стрессом; психологическая выносливость, когнитивная гибкость, правильная мотивация; наличие опыта работы в сложных условиях; наличие психотравмирующих событий в прошлом; уровень социальной адаптации; специальная психологическая подготовка – тренинги по стрессоустойчивости, техники медитации, стресс-интервью, развитие эмоционального интеллекта [5], командная психотерапия; программы по развитию навыков принятия решений под давлением при дефиците времени и средств; работа с психологами для профилактики профессионального выгорания [21].

4. Практические рекомендации

На основе полученных результатов разработаны дифференцированные рекомендации по профилактике профессионального выгорания для разных стажевых групп:

Для молодых юристов (стаж – до 5 лет):

1. Внедрение программ адаптации и наставничества, направленных на развитие практических навыков и снижение профессиональной тревожности.

2. Тренинги по управлению эмоциональным состоянием и стрессоустойчивости [5].

3. Развитие навыков тайм-менеджмента и реалистичного планирования рабочей нагрузки.

4. Создание поддерживающей профессиональной среды, позволяющей открыто обсуждать профессиональные трудности.

Для опытных юристов (стаж – 5 лет и более):

1. Реализация программ профессионального обновления и ротации должностных обязанностей [11].

2. Внедрение коучинговых программ, направленных на переосмысление профессионального пути и постановку новых карьерных целей [19].

3. Создание возможностей для передачи профессионального опыта (наставничество, внутреннее преподавание) [10].

4. Организация супервизий с акцентом на осмысление профессиональной деятельности и профилактику цинизма [8].

Организационный уровень:

1. Регулярный мониторинг уровня профессионального выгорания с помощью валидных методик (MBI [8], опросник Бойко [1]).

2. Создание корпоративных программ психологической поддержки, включающих консультации психологов [21].

3. Разработка гибких систем профессионального развития с учетом стажевых особенностей [10].

4. Формирование организационной культуры, признающей важность психологического благополучия сотрудников [15; 20].

Заключение

Проведенное исследование подтвердило наличие стажеспецифических особенностей в проявлениях профессионального выгорания у юристов. Установлено, что молодые специалисты более подвержены эмоциональному истощению [8; 17], в то время как у опытных юристов доминируют симптомы деперсонализации и редукции профессиональных достижений [8; 18]. Выявленные различия обусловлены как объективными особенностями профессиональной деятельности на разных этапах карьеры [12], так и динамикой личностных и мотивационных факторов [16; 19].

Ключевым результатом исследования является доказательство значимой роли эвдемонического благополучия [19] как фактора, опосредующего взаимосвязь профессиональных стрессоров и развития выгорания. Компоненты психологического благополучия, особенно целеустремленность и личностный рост, выступают мощными протективными факторами в отношении профессиональной деформации.

Предложенные дифференцированные программы профилактики, учитывающие стажевые особенности проявлений выгорания, представляют практическую ценность для юридических организаций и служб психологического сопровождения профессиональной деятельности. Одним из направлений профилактики может стать педагогическое стимулирование профессиональных юристов. Рассмотрев данную проблематику в научной психолого-педагогической литературе, можно сделать вывод о том, что стимулирование понимается как целенаправленный, эмоционально-интеллектуальный субъектный процесс побуждения и активизации потенциала обучаемых, методами и средствами внешнего психолого-педагогического воздействия направленного на достижение запланированного результата и повышение эффективности стимулируемой правоприменительной деятельности. Педагогическое стимулирование формирования готовности юриста к правоприменительной деятельности возможно при соблюдении определенных психологических и педагогических условий [10]. Дальнейшие исследования в данном направлении целесообраз-

разно сосредоточить на лонгитюдном изучении динамики выгорания и оценке эф-

фективности профилактических и стимулирующих программ.

Список источников

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. СПб. : Питер, 1996. 312 с.
2. Борисова М. О. Профессиональная деформация личности юриста: диагностика и профилактика. М. : Юрайт, 2020. 218 с.
3. Водопьянова Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2009. 234 с.
4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. 752 с.
5. Котова С. А. Эмоциональный интеллект как ресурс профилактики выгорания юристов // Вестник СПбГУ. Психология. 2022. Т. 12. № 1. С. 89–104.
6. Лебедев А. Н. Особенности синдрома эмоционального выгорания у сотрудников прокуратуры / А. Н. Лебедев, М. А. Иванова // Психология и право. 2023. Т. 13. № 1. С. 178–192.
7. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 487 с.
8. Маслач К. Психология выгорания / К. Маслач, С. Джексон. СПб. : Речь, 2009. 336 с.
9. Наумова Л. Ю. Комплекс психолого-педагогических условий стимулирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности / Л. Ю. Наумова, С. Н. Сорокоумова, П. Ю. Наумов // Инновационная наука. 2019. № 11. С. 149–151.
10. Наумова Л. Ю. Структура педагогического стимулирования формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности / Л. Ю. Наумова, П. Ю. Наумов, С. Н. Сорокоумова // Научный альманах. 2019. № 10-1(60). С. 169–172.
11. Петрушихина Е. Б. Организационные факторы выгорания в юридической практике / Е. Б. Петрушихина, В. А. Штроо // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 3. С. 54–72.
12. Семенова Н. Д. Динамика профессионального стресса у юристов на разных этапах карьеры // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 120–137.
13. Стимулирование и его структура: проблема педагогического стимулирования формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности / Л. Ю. Наумова, П. Ю. Наумов, С. Н. Сорокоумова // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. № 2. С. 3736–3745.
14. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека. М. : Логос, 1996. 320 с.
15. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: state of the art // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22(3). P. 309–328.
16. Deci E. L., Ryan R. M. Self-Determination Theory: A Macrotheory of Human Motivation, Development, and Health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49(3). P. 182–185.
17. Hobfoll S. E. Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress // American Psychologist. 1989. Vol. 44. P. 513–524.
18. Maslach C., Leiter M.P. The Truth About Burnout: How Organizations Cause Personal Stress and What to Do About It. San Francisco: Jossey-Bass, 1997. 200 p.
19. Ryff C. D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatics. 2014. Vol. 83. P. 10–28.
20. Schaufeli W.B., Bakker A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: a multi-sample study // Journal of Organizational Behavior. 2004. Vol. 25. P. 293–315.
21. Утюганов А. А. Комплексный психологический подход к оценке готовности военнослужащих к действиям в особых условиях / А. А. Утюганов, А. Ю. Чудаков, С. А. Бондаренко // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2 (31). С. 167–175. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/06/018.pdf>.

References

1. Bojko V. V. Energiya emocij v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugih. SPb. : Piter, 1996. 312 s. (In Russ.).
2. Borisova M. O. Professional'naya deformaciya lichnosti yurista: diagnostika i profilaktika. M. : YUrajt, 2020. 218 s. (In Russ.).

3. Vodop'yanova N. E. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika. SPb. : Piter, 2009. 234 s. (In Russ.).
4. Il'in E. P. Emocii i chuvstva. SPb. : Piter, 2001. 752 s. (In Russ.).
5. Kotova S. A. Emotional Intelligence as a Resource for Preventing Lawyer Burnout // Vestnik SPbGU. Psihologiya. 2022. T. 12;1: 89–104. (In Russ.).
6. Lebedev A. N. Features of Emotional Burnout Syndrome in Prosecutors' Office Employees / A. N. Lebedev, M. A. Ivanova // Psihologiya i pravo. 2023. T. 13;1: 178–192. (In Russ.).
7. Leont'ev D. A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. M. : Smysl, 2003. 487 s. (In Russ.).
8. Maslach K. Psihologiya vygoraniya / K. Maslach, S. Dzhekson SPb. : Rech', 2009. 336 s. (In Russ.).
9. Naumova L. YU. A set of psychological and pedagogical conditions for stimulating the readiness of future lawyers for law-making activities / L. YU. Naumova, S. N. Sorokoumova, P. YU. Naumov // Innovacionnaya nauka. 2019;11: 149–151. (In Russ.).
10. Naumova L. YU. The structure of pedagogical stimulation of the formation of future lawyers' readiness for law-making activities / L. YU. Naumova, P. YU. Naumov, S. N. Sorokoumova // Nauchnyj al'manah. 2019;10-1(60): 169–172. (In Russ.).
11. Petrushihina E. B. Organizational factors of burnout in legal practice / E. B. Petrushihina, V. A. SHtroo // Organizacionnaya psihologiya. 2021. T. 11;3: 54–72. (In Russ.).
12. Semenova N. D. Dynamics of professional stress among lawyers at different stages of their careers // Klinicheskaya i special'naya psihologiya. 2021. T. 10;4: 120–137. (In Russ.).
13. Incentives and their structure: the problem of pedagogical incentives for the formation of future lawyers' readiness for law-making activities / L. YU. Naumova, P. YU. Naumov, S. N. Sorokoumova // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire. 2020. T. 10;2: 3736–3745. (In Russ.).
14. SHadrikov V. D. Psihologiya deyatel'nosti i sposobnosti cheloveka. M. : Logos, 1996. 320 s. (In Russ.).
15. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: state of the art // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22(3). P. 309–328. (In Russ.).
16. Deci E. L., Ryan R. M. Self-Determination Theory: A Macrotheory of Human Motivation, Development, and Health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49(3). P. 182–185. (In Russ.).
17. Hobfoll S. E. Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress // American Psychologist. 1989. Vol. 44. P. 513–524. (In Russ.).
18. Maslach C., Leiter M.P. The Truth About Burnout: How Organizations Cause Personal Stress and What to Do About It. San Francisco: Jossey-Bass, 1997. 200 p. (In Russ.).
19. Ryff C. D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatics. 2014. Vol. 83. P. 10–28. (In Russ.).
20. Schaufeli W.B., Bakker A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: a multi-sample study // Journal of Organizational Behavior. 2004. Vol. 25. P. 293–315. (In Russ.).
21. Utyuganov A. A. A comprehensive psychological approach to assessing the readiness of military personnel to act in special conditions / A. A. Utyuganov, A. YU. CHudakov, S. A. Bondarenko // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2 (31): 167–175. Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/06/018.pdf>. (In Russ.).

Информация об авторах

Information about the authors

О. А. Калимуллина – доктор педагогических наук, профессор

O. A. Kalimullina – Doctor of Sciences (Pedagogical), Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.08.2025;
одобрена после рецензирования 11.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 07.08.2025;
approved after reviewing 11.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

УДК 378.145.3

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ РОСГВАРДИИ

Лев Викторович Шабанов¹, Иван Александрович Цуканов²

¹⁻² Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹lev.shabanov@mail.ru

²ivan090287@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития психологической подготовки офицеров в интересах выполнения профессиональных задач Росгвардии. Принимается решение об открытии факультета военно-политической работы и кафедры общей и прикладной психологии в войсках национальной гвардии. Обозначены стратегии подготовки офицеров-психологов и замполитов войсковых подразделений. Описаны научные достижения, учебные разработки, общественные выступления и сферы основных профессиональных интересов кафедры. Проведен анализ необходимых психологических средств и условий подготовки офицеров гуманитарного профиля в интересах повышения успешности решения служебно-боевых задач по профессиональному предназначению. Обозначены перспективы развития психологического профиля деятельности в войсках национальной гвардии.

Ключевые слова: академия, психологическая подготовка офицеров, стресс-факторы экстремальных условий, профессиональная деятельность Росгвардии, преподаватели, курсанты, кафедра общей и прикладной психологии, образование, наука, программы обучения, военно-политическая работа, психология служебной деятельности, перспективы развития

Для цитирования: Шабанов Л.В., Цуканов И.А. Перспективы развития психологической подготовки офицеров Росгвардии // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 115–122. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/011.pdf>.

Original article

DEVELOPMENT PROSPECTS PSYCHOLOGICAL TRAINING OF ROSGVARDIYA OFFICERS

Lev V. Shabanov¹, Ivan A. Tsukanov²

¹⁻² Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹lev.shabanov@mail.ru

²ivan090287@yandex.ru

Abstract. The article discusses the prospects for the development of psychological training of officers in the interests of fulfilling the professional tasks of the Russian Guard. A decision is being made to open the Faculty of Military and Political Work and the Department of General and Applied Psychology in the National Guard troops. The strategies for training psychological officers and political officers of military units are outlined. Scientific achievements, educational developments, public appearances and areas of the department's main professional interests are described. The analysis of the necessary psychological means and conditions for the training of humanitarian officers in the interests of increasing the success of solving service and combat tasks for professional purposes has been carried out. The prospects for the development of the psychological profile of activity in the National Guard troops are outlined.

Keywords: academy, psychological training of officers, stress factors of extreme conditions, professional activity of Rosgvardiya, teachers, cadets, Department of General and Applied Psychology, education, science, training programs, military-political work, psychology of professional activity, development prospects

For citation: Shabanov L.V., Tsukanov I.A. Development prospects psychological training of rosgvardiya officers. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 115–122. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/011.pdf>.

© Шабанов Л.В., Цуканов И.А., 2025

Введение

Предпосылками открытия факультета с кафедрой психологии была проблема, поднятая задолго до этого, и связана она была с конституционной реформой, когда высший закон Российской Федерации ограничил понятие идеологий, запретив доминирование любой из них. С этого момента начинают проявляться трудности в рамках морально-политической подготовки курсантов военных образовательных организаций высшего образования. В итоге был совершён перевод формата политической подготовки в морально-психологическую.

На деле, выравниванием военно-политической работы должен заниматься замполит роты, но сначала решили готовить офицеров-психологов, которые своей деятельностью должны были бы создавать определённый морально-психологический климат в коллективе. Тревожные звонки в виде раскачивания «цветных революций», в том числе и в Москве, показали необходимость в повышении качества общей подготовки выпускников (*в критической ситуации ключ к успеху – подготовка и слаженность*). При этом военный психолог должен заниматься психологической работой, а замполит – политической подготовкой и педагогическим воспитанием личного состава.

Именно эти критерии стали основанием для формирования стратегии подготовки офицеров военно-психологической деятельности и замполитов Кафедрой общей и прикладной психологии Военной ордена Жукова академией войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Академия войск национальной гвардии). Цели и методы работы Кафедры общей и прикладной психологии (далее – кафедра) с самого начала были направлены на создание рабочего методического аппарата и учебно-научного подразделения как базы общей психологической подготовки с прикладным характером получаемых курсантами знаний, что являлось отражением актуальной повестки в интересах Росгвардии.

Основные положения

Учебная подготовка осуществляется согласно российским стандартам высшего образования по специальностям психолого-педагогического направления военно-профессиональной деятельности. Главная

и основная миссия кафедры – социализация личности офицера войск национальной гвардии Российской Федерации [16].

Кафедра в составе факультета военно-политической работы подготовила целую плеяду лейтенантов войск национальной гвардии. Многие из вчерашних выпускников сегодня с честью несут службу в самых разных регионах страны, включая вновь присоединённые территории, Заполярье. Молодые офицеры участвуют в контртеррористических операциях и специальной военной операции (далее – СВО). В 2023 офицеры-психологи, военнослужащие и сотрудники Росгвардии прибыли на повышение квалификации в составе групп дополнительного профессионального образования для обучения по программе специального психофизиологического исследования с применением полиграфа.

На кафедре организовано и успешно функционирует военно-научное общество курсантов (далее – ВНОК), на котором обучающиеся совместно с преподавателями проводят научные исследования в прикладных областях психологического знания. За годы работы профессорско-преподавательский состав кафедры и курсанты факультета военно-политической работы приняли участие в десятках межвузовских конференций, принимали участие в научных олимпиадах, выступали на форумах Экспофорума и Молодёжного парламента.

Также в рамках ВНОК кафедра создала факультативные занятия – психологический кино клуб «Закулисье». Молодые люди под руководством своих наставников просмотрели, а соответственно психологически проанализировали более 30 фильмов по самым животрепещущим темам своего поколения – поиск и обретение мужественности, образ будущего, любовь к своему Отечеству [21].

Ежемесячно оформляются в печатных и электронных изданиях научные публикации по следующим профилям психологических исследований: подготовка и отбор к специальной деятельности, диагностика и дальнейшее сопровождение военнослужащих (сотрудников), помощь и реабилитация участников СВО, готовность к экстремальным условиям военно-профессиональной деятельности, культур-

ное просвещение, организация боевой и повседневной деятельности войск. Коллектив кафедры не только принимает участие в научных, международных конференциях по всей России, участвует в учебно-методических сборах (смотре-конкурсов) психологов Росгвардии, владеет и по запросу демонстрирует достижения технологического прогресса в области психологической диагностики на различных выставках, форумах и круглых столах. Лучшая рекомендация – когда о тебе знают.

К началу 2023 учебного года рамках преподавания базовых курсов вышел опытно-экспериментальный учебник «Общая психология», после его «обкатки» на аудиториях курсантов и адъюнктов, Академия войск национальной гвардии может презентовать его как основной учебник для войск национальной гвардии Российской Федерации [23].

В настоящее время кафедра занимается разработкой различных программ образования и подготовки в интересах организации и проведения психологической работы в зоне СВО. Выходят в свет научные работы, позволяющие психологически проанализировать причины, последствия и пути решения сложившихся проблем в зоне СВО за собственный суверенитет и сохранение идентичности нашего народа.

Отдельные программы посвящены профилактике девиантного поведения в среде военнослужащих и сотрудников. Изучается и анализируется работа с делинквентами, в том числе и под руководством начальника Академии войск национальной гвардии – генерал-майора Кийко Андрея Юрьевича. [9]. Антиалкоголь, антиникотин, антинаркотик: всё, что в той или иной степени срабатывает против бойца – работает на противника, а именно ведёт к потере бдительности, игнорированию маркеров опасности, снижению качества владения оружием или ведению рукопашного боя, а также (что немаловажно и часто приводит к тяжелым последствиям) общему снижению самоконтроля и качества личных действий как индивидуально, так и в группе.

Методы

Вопросы психологической подготовки и сопровождения военнослужащих и сотрудников Росгвардии постепенно становятся приоритетными не только в стенах Академии. Поднимаются актуальные и своевременные вопросы на рабочих совещаниях в центральном аппарате войск. Всё что несёт в себе сужение горизонтов

жизненных интересов, попытку быстрой «химической компенсации» проблем, всё, что снижает интеллектуальные потенциалы личности – должно быть поставлено под контроль специалистов гуманитарного профиля деятельности и по возможности устранено [20].

С другой стороны, военный психолог должен видеть и проявления немотивированных с точки зрения необходимости действий, целесообразность которых минимальна, а вред может иметь долговременные последствия [2]. Работа со снижением уровня категоричности в суждениях и действиях – это те сложности в работе с группой, дающие сначала взаимное недоверие, а потом чувство ненадёжности при работе в тандеме или команде [14]. А значит, в перспективе необходимы курсы по программам дополнительного профессионального образования заниматься своевременной вопросами утечки информации, предательства – информационно-психологическое воздействие.

Необходимо психологическими средствами, знаковыми и символическими орудиями, по А. С. Выготскому, повышать успешность решения служебно-боевых задач:

- введение полигонов виртуального и игрового характера (лучший способ подготовки – привычка ожидать неожиданное и быть неожиданным) [22];

- проведение специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа для задач профессионального психологического отбора, тематических расследований и кадрового перемещения управленческого звена Росгвардии [8].

- работа в тренинговых группах командообразования и преодоления конфликтов и стрессов [1].

Решать проблемы качественного характера:

- снижение и уменьшение психотравмирующих факторов (сделай стресс своим союзником) [3];

- информационная работа (информированность и уверенность «Мы правы = Мы сможем!») [5];

- сопровождение родственников военнослужащих, пропавших без вести (своих не бросаем!) [12].

- создание и усвоение определенных моделей поведения и психогигиены (критическое мышление и здравый смысл) [19];

- владение приёмами психологической регуляции (в том числе тренинги общения,

работа с контролем, сочувствием, убеждённостью) [7];

- психологическая работа с актуальными состояниями: неизвестности, неопределённости, беспомощности, раздражительности [11];

- управление персоналом в структурных соподчиненных системах [24];

- создание «информационных волнорезов», блокирующих провокации (провокация – тоже информация, но требующая особой бдительности) [5].

Повышать уровень психологической подготовки к экстремальной деятельности Росгвардии:

- расширение методического обеспечения профессиональной подготовки будущих офицеров [10];

- появление специфических групп для опыта разработки и создания концептуальных решений (умение создавать непредсказуемые решения) [25];

- формирование у офицера образа будущего военно-профессионального мира [17].

Организовывать и качественно проводить психологические просвещения – работа с общественностью:

- чёткая идентичность на уровне «любовь к Родине, выше идеологических вариаций»;

- наша политика – Единая страна, Единый народ, Единые интересы. Народ и армия едины!

- уменьшать категории «отчуждения» друг от друга (народа от армии, армии от государства, государства от страны);

- соответственно, увеличивать категории «интегрирования» вышеописанных категорий.

Результаты

Основная психологическая работа должна направиться на обучающийся личный состав (доверие к себе, своим подчинённым и своим подопечным). Учебно-методические сборы должны ориентироваться не только на доподготовку молодых преподавателей, но и работу с офицерами военно-политической работы, которые часто вообще находятся за пределами учебного процесса.

Профессиональная подготовка офицеров-психологов открывает перспективные возможности дивергентного взгляда на следующих уровнях «науки побеждать»:

- на уровне тактики процесса обучения «я не курсант, Я почти офицер» (кафедра → факультет): я понимаю цель и знаю, ради чего я рискую здоровьем и жизнью [18];

- на уровне оперативной деятельности «Мы боевое братство!» (факультет → Академия → институты → округа → войсковая часть): везде есть наши выпускники, которые мне помогут освоиться и понять моё место и тот уровень качества, который с меня требует вышестоящее командование [13].

- на уровне стратегических решений «для Нас нет непреодолимых препятствий» (Академия → научная школа → центральный аппарат Росгвардии → войска): даже тактическое достижение цели достигается не только физической подготовкой, владением оружия и крепостью организма, но и умелым интеллектуальным усилием [15].

Обсуждение

Эффективность выполнения военно-профессиональных задач, от которых зависит качество проведенной психологической подготовки военнослужащих (сотрудников) Росгвардии проходит на внутренних круглых столах, совещаниях и заседаниях предметно-методических секций. Военно-профессиональная подготовка курсантов направлена на формирование психологической готовности действовать в режиме стрессогенных и экстремальных ситуаций. Проведено профессиональное обучение рождает решимость на уровне телесного интеллекта – принятие быстрых и эффективных решений условным, сформированным рефлексом мышц организма, что в свою очередь позволяет расширять ресурсную готовность военнослужащих (сотрудников) Росгвардии [4].

На практических занятиях курсанты под руководством ведущих специалистов кафедры отрабатывают формирование психологической готовности военнослужащих к экстремальным условиям деятельности, устойчивость профессиональных действий в условиях воздействия стресс-факторов обстановки, эмоционально-волевою регуляцию поведения при выполнении служебно-боевых задач. Курсанту жизненно важно понимать не только внутренние условия работы психического аппарата, но и внешние факторы психологической готовности за счёт ресурсов поддержки со стороны социальных (общество, волонтеры, однополчане) и со стороны семейных (родных и близких) групп.

Выводы

Профессиональная подготовка позволяет отрабатывать когнитивные принципы работы психики, навыки и умения физической устойчивости на пути к достижению поставленных профессиональных и жиз-

ненных целей, волевое преодоление ситуативных трудностей. В процессе подготовки отрабатываются, навыки внутренней регуляции деятельности. Психологическая готовность как результат профессиональной подготовки офицеров в оптимуме может оцениваться через мотивационно-ценностные (есть такая профессия = Родину защищать), когнитивные (познание окружающего мира, а соответственно и самого себя), рефлексивно-регулятивные и действенно-практические компоненты.

Профессиональную деятельность кафедры можно определить, как последовательную с усложнением работу, направленную на формирование необходимого психологического климата (верь себе, работай в команде, помни, что первыми погибают одиночки) которая, в свою очередь, складывается из следующих критериев: доверие себе, своим командирам; ору-

жию и экипировке; своему боевому расчёту (подразделению).

В юбилейную дату, открывая новый 2024–2025 учебный год, кафедра общей и прикладной психологии начинает работать не только с курсантами и слушателями дополнительного профессионального образования и курсов повышения квалификации офицерского состава, но и открывшейся адъюнктурой. Растёт количество и качество специалистов в области общей и социальной психологии, психологии труда, планируются новые мероприятия.

Пожелаем удачи Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации и напомним слова, сказанные святым преподобным Сергием Радонежским во время благословения святого князя Дмитрия Донского: «Удача любит умелых».

Список источников

1. Белюшина И. В. Тренинговые занятия как форма организации обучения курсантов института войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник материалов Международной конференции «Психолого-педагогические аспекты формирования личности». Новосибирск, 2023. С. 15–19.
2. Гущин А. М. От физиологии к воле: вопросы структуры психической устойчивости будущих офицеров Росгвардии при выполнении профессиональных задач / А. М. Гущин, А. А. Дьячков, П. Ю. Наумов [и др.] // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/41PSMN419> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Демина М. А. Психическая травма. Основные виды психических травм // Актуальные вопросы развития российской военной науки (ко Дню российской науки): сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 08 февраля 2024 года. Саратов: СВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 78–82.
4. Егоров Т. Г. Психология для генералов и офицеров Советской армии и Военно-морского флота. М.: Советские учебники, 2024. 320 с.
5. Забарин А. В. Психологическая устойчивость к воздействию идеологии терроризма // Социальная и политическая психология. 2018. № 23. С. 96–121.
6. Забарин А. В. Информационно-психологическое воздействие в рамках гибридной войны / А. В. Забарин, А. С. Асриев, Г. Н. Дрожко // Актуальные вопросы развития российской военной науки (ко Дню российской науки): сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2024. С. 83–86.
7. Иванов Е. А. Психологические аспекты профессиональной надежности специалистов физической подготовки / Е. А. Иванов, С. В. Лычагина // Научное мнение. 2024. № 1–2. С. 215–219.
8. Иванов Е. А. Коммуникативная технология переговорного процесса в разрешении межличностных конфликтов военнослужащих / Е. А. Иванов, Л. В. Шабанов // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 1. С. 190–201.
9. Кийко А. Ю. Психологические особенности военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, участвующих в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / А. Ю. Кийко, И. В. Белюшина. СПб.: СПВИ войск национальной гвардии, 2024. 129 с.
10. Маклачков А. В. Методическое обеспечение профессиональной подготовки будущих офицеров / А. В. Маклачков, Е. А. Маклачков // Вестник Екатеринбургского института. 2024. № 2(66). С. 145–151.

11. Марценюк Ю. А. Перспективы развития научной работы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2022. № 1. С. 4–12.
12. Полушина О. Б. Психологическое сопровождение родственников военнослужащих, пропавших без вести // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1(26). С. 150–159.
13. Прокофьева В. А. Особенности межличностных отношений военнослужащих с разными стратегиями поведения в конфликте // Научное мнение. 2023. № 6. С. 58–64.
14. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999. 383 с.
15. Теплов Б. М. Ум полководца. М. : Советские учебники, 2024. 128 с.
16. Терехин Р. А. Выраженность лидерских качеств военнослужащих в процессе военно-профессиональной социализации / Р. А. Терехин, О. Б. Полушина // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 3(94). С. 246–251.
17. Терехин Р. А. Изменение содержания образа мира курсантов-психологов в период вхождения в образовательное пространство военного вуза / Р. А. Терехин, А. С. Турчин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1(26). С. 160–166.
18. Турчин А. С. Особенности мотивации курсантов-психологов третьего года обучения // Яковлевские чтения: сборник научных статей III Межведомственной научно-практической конференции с международным участием: в 2 ч. Новосибирск, 20–21 марта 2024 г. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 399–404.
19. Утюганов А. А. Образ профессионального будущего курсантов вуза войск национальной гвардии Российской Федерации в зависимости от степени вовлеченности в спортивную деятельность / А. А. Утюганов, А. В. Кузнецов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4 (76). С. 144–156.
20. Федосеева И. А. Историко-педагогический обзор изменения методического обеспечения профессиональной подготовки будущего офицера / И. А. Федосеева, Е. А. Маклачков // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-1. С. 326–329.
21. Цуканов И. А. Аналитический подход: ритуалы инициации психологической готовности военнослужащих к профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 3(24). С. 21–28.
22. Цуканов И. А. Проблема определения термина «психологическая готовность» к деятельности в экстремальных условиях / И. А. Цуканов, Л. В. Шабанов // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN423.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
23. Шабанов Л. В. Общая психология: учебник для военных вузов. СПб., 2024. 398 с.
24. Шабанов Л. В. Проблема управления персоналом в системе перехода к мобилизационной структуре организации // Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 55-летию инженерно-экономического факультета, г. Донецк, 21 марта 2024 г / отв. ред. И. А. Кондаурова. Донецк: ДонНТУ, 2024. С. 388–395.
25. Шарухин А. П. «Окопная педагогика» профессора В. Я. Слепова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1(10). С. 48–53.

References

1. Belyushina I. V. Treningovye zanyatiya kak forma organizacii obucheniya kursantov instituta vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii «Psihologo-pedagogicheskie aspekty formirovaniya lichnosti». Novosibirsk, 2023. S. 15–19. (In Russ.).
2. Gushchin A. M. From Physiology to Willpower: Issues of the Mental Stability Structure of Future Rosgvardia Officers in the Performance of Professional Tasks / A. M. Gushchin, A. A. D'yachkov, P. YU. Naumov [i dr.] // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2019. T. 7;4. Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/41PSMN419> (data obrashcheniya: 10.02.2025). (In Russ.).
3. Demina M. A. Psihicheskaya travma. Osnovnye vidy psihicheskikh travm // Aktual'nye voprosy razvitiya rossijskoj voennoj nauki (ko Dnyu rossijskoj nauki): sbornik nauchnyh statej II Vserossijskoj

- nauchno-prakticheskoy konferencii, Saratov, 08 fevralya 2024 goda. Saratov: SVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. S. 78–82. (In Russ.).
4. Egorov T. G. Psihologiya dlya generalov i oficerov Sovetskoj armii i Voenno-morskogo flota. M. : Sovetskie uchebniki, 2024. 320 s. (In Russ.).
 5. Zabarin A. V. Psychological resistance to the influence of the ideology of terrorism // Social'naya i politicheskaya psihologiya. 2018;23: 96–121. (In Russ.).
 6. Zabarin A. V. Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie v ramkah gibridnoj vojny / A. V. Zabarin, A. S. Asriev, G. N. Drozhko // Aktual'nye voprosy razvitiya rossijskoj voennoj nauki (ko Dnyu rossijskoj nauki): sbornik nauchnyh statej II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov, 2024. S. 83–86. (In Russ.).
 7. Ivanov E. A. Psychological Aspects of Professional Reliability of Physical Training Specialists / E. A. Ivanov, S. V. Lychagina // Nauchnoe mnenie. 2024;1–2: 215–219. (In Russ.).
 8. Ivanov E. A. Communicative technology of the negotiation process in resolving interpersonal conflicts among military personnel / E. A. Ivanov, L. V. SHabanov // Konfliktologiya. 2018. T. 13;1: 190–201. (In Russ.).
 9. Kijko A. YU. Psihologicheskie osobennosti voennosluzhashchih vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, uchastvuyushchih v nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv: Uchebnoe posobie / A. YU. Kijko, I. V. Belyushina. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. 129 s. (In Russ.).
 10. Maklachkov A. V. Methodological support for the professional training of future officers / A. V. Maklachkov, E. A. Maklachkov // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2024;2(66): 145–151. (In Russ.).
 11. Marcenyuk YU. A. Prospects for the Development of Scientific Work in the National Guard Troops of the Russian Federation // Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. 2022;1: 4–12. (In Russ.).
 12. Polushina O. B. Psychological support for relatives of missing military personnel // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 150–159. (In Russ.).
 13. Prokof'eva V. A. Features of interpersonal relationships between military personnel with different conflict strategies // Nauchnoe mnenie. 2023;6: 58–64. (In Russ.).
 14. Senyavskaya E. S. Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii. M. : ROSSPEN, 1999. 383 s. (In Russ.).
 15. Teplov B. M. Um polkovodca. M. : Sovetskie uchebniki, 2024. 128 s. (In Russ.).
 16. Terekhin R. A. The expression of military personnel's leadership qualities in the process of military professional socialization / R. A. Terekhin, O. B. Polushina // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2023. T. 28;3(94): 246–251. (In Russ.).
 17. Terekhin R. A. Changes in the worldview of psychology cadets during their integration into the educational space of a military university / R. A. Terekhin, A. S. Turchin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1 (26): 160–166. (In Russ.).
 18. Turchin A. S. Osobennosti motivacii kursantov-psihologov tret'ego goda obucheniya // YAKovlevskie chtenie: sbornik nauchnyh statej III Mezhdunarodstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: v 2 ch. Novosibirsk, 20–21 marta 2024 g. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. S. 399–404. (In Russ.).
 19. Utyuganov A. A. The image of the professional future of cadets at the National Guard University of the Russian Federation, depending on the degree of involvement in sports activities / A. A. Utyuganov, A. V. Kuznecov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018;4 (76): 144–156. (In Russ.).
 20. Fedoseeva I. A. Historical and pedagogical review of changes in the methodological support for the professional training of future officers / I. A. Fedoseeva, E. A. Maklachkov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2023;80-1: 326–329. (In Russ.).
 21. Cukanov I. A. Analytical approach: initiation rituals for military personnel's psychological readiness for professional activities // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;3(24): 21–28. (In Russ.).
 22. Cukanov I. A. The problem of defining the term "psychological readiness" for activities in extreme conditions / I. A. Cukanov, L. V. SHabanov // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2023. T. 11, № 4. Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN423.pdf> (data obrashcheniya: 10.02.2025). (In Russ.).
 23. SHabanov L. V. Obshchaya psihologiya: uchebnik dlya voennyh vuzov. SPb., 2024. 398 s. (In Russ.).

24. SHabanov L. V. Problema upravleniya personalom v sisteme perekhoda k mobilizacionnoj strukture organizacii // Upravlenie personalom: realii nastoyashchego i vozmozhnosti budushchego: sb. materialov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., priurochennoj k 55-letiyu inzhenerno-ekonomicheskogo fakul'teta, g. Doneck, 21 marta 2024 g / otv. red. I. A. Kondaurova. Doneck: DonNTU, 2024. S. 388–395. (In Russ.).

25. SHaruhin A. P. "Trench Pedagogy" by Professor V. Ya. Slepov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;1(10): 48–53. (In Russ.).

Информация об авторах

Information about the authors

Л. В. Шабанов – доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент

L. V. Shabanov – Doctor of Sciences (Philosophy), Candidate of Sciences (Psychology)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 30.06.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 355.23

О ТЕХНОЛОГИЯХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ И
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С УЧАСТНИКАМИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ
ОПЕРАЦИИ

Анатолий Анатольевич Бакин

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
schizis@inbox.ru

Аннотация. Принимая осмысленное решение об активном участии в реабилитационном процессе, каждый военнослужащий испытывает уверенность в том, что специалисты, оказывающие ему соответствующие услуги, не просто достаточно квалифицированы, но и владеют широким спектром инновационных технологий. В статье рассматриваются наиболее перспективные направления и технологические подходы, сформировавшиеся в отечественной военной реабилитологии за последние три года. Акцент делается на исследовании методов социального и социально-психологического восстановления ветеранов специальной военной операции. Обосновывается вывод о том, что при всех уникальных достоинствах и возможностях искусственного интеллекта, никакая «сверхсовременная» цифровая технология, никакая нейросеть и т. д. не способны заменить человека (психолога, педагога, социального работника). Доброе слово, умный совет, искреннее сочувствие, взаимопонимание и взаимодействие (лежащее в основе профессионального сопровождения лиц, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством) – вот, что, в конечном счете, должно помочь человеку обрести веру в себя, в свою высокую социальную значимость.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, реабилитация, ресоциализация, ветеран боевых действий, искусственный интеллект, нейросеть, взаимодействие

Для цитирования: Бакин А.А. О технологиях, способствующих повышению эффективности социальной и социально-психологической работы с участниками Специальной военной операции // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 123–130. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/012.pdf>.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

ON TECHNOLOGIES THAT CONTRIBUTE TO INCREASING THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL AND SOCIO-
PSYCHOLOGICAL WORK WITH PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

Anatoly A. Bakin

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
schizis@inbox.ru

Abstract. By making a well-thought-out decision to actively participate in the rehabilitation process, every military personnel feels confident that the specialists providing them with the necessary services are not only highly qualified, but also possess a wide range of innovative technologies. This article explores the most promising areas and technological approaches that have emerged in Russian military rehabilitation over the past three years. The focus is on the methods of social and psychological rehabilitation for veterans of the special military operation. The conclusion is substantiated that for all the unique advantages and capabilities of artificial intelligence, no "cutting-edge" digital technology, no neural network, etc. are capable of replacing a person (psychologist, teacher, social worker). Kind words, smart advice, sincere

ВЕСТНИК ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ. 2025. № 3 (32). ISSN 3033-5949 (онлайн)
VESTNIK VOENNOJ AKADEMII VOJSK NACIONAL'NOJ GVARДИИ. 2025;3(32). ISSN 3033-5949 (online)

sympathy, mutual understanding and interaction (which is the basis of professional support for people suffering from post-traumatic stress).

Keywords: post-traumatic stress disorder, rehabilitation, resocialization, combat veteran, artificial intelligence, neural network, interaction

For citation: Bakin A.A. On technologies that contribute to increasing the effectiveness of social and socio-psychological work with participants in a Special military operation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 123–130. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/012.pdf>.

© Бакин А.А., 2025

Введение

Инновации в сфере комплексного (в том числе и социального) сопровождения ветеранов специальной военной операции (далее – СВО) носят как локальный, так и глобальный характер, однако в любом случае их внедрение способствует повышению качества обслуживания военнослужащих, вызывает искренний интерес в профессиональном сообществе, способствует формированию перспективных направлений для дальнейших исследований и научного поиска [1, С. 26–34; 2, С. 32–37; 3, С. 237–252].

В контексте рассматриваемых вопросов, инновационные технологии представляют собой результат научно-практической деятельности, получившей воплощение в виде принципиально нового или значительно усовершенствованного продукта, внедренного в реабилитационный процесс и доказавшего свою эффективность. В широком смысле инновационная деятельность специалистов может рассматриваться как целевая модернизация функционирования системы социального обслуживания ветеранов боевых действий, предполагающая качественные и количественные изменения во всех ее сферах [4, С. 82–95; 5, С. 17–20; 6, С. 103–106].

Основные положения

Основная роль в области инновационной деятельности отводится людям, которые способны формировать творческую атмосферу и продуцировать яркие, неординарные идеи, работать в команде, грамотно формулировать задачи и разграничивать полномочия. Психологически, «инноваторы», занимающиеся реабилитацией военнослужащих, креативны, изобретательны, инициативны и энергичны, обладают обширными интересами. Они самостоятельно мыслят и не боятся допускать ошибок, используя самые различные подходы, нетрадиционные методы.

Существует множество видов инноваций, инновационных решений и т. д., но для нас принципиальное значение имеют че-

тыре из них. Во-первых, это инновации, появившиеся на свет благодаря научному открытию или формированию нового технологического направления, качественно повышающего эффективность реабилитационных мероприятий. Во-вторых, базисные инновации, являющиеся следствием реализации масштабного проекта и основывающиеся на «классических» (базовых) представлениях о целях и задачах социального обслуживания населения. В-третьих, улучшающие инновации, связанные с оптимизацией уже существующих, апробированных и хорошо известных специалистами методик. В-четвертых, «инсайт-инновации», представляющие собой прорывные решения, сформировавшиеся на интуитивном уровне у креативных сотрудников реабилитационных центров. В ряде случаев «инсайт-инновации» могут представлять собой некий «сырой», но весьма перспективный продукт, который еще нужно доработать или «подсказку», позволяющую разрешить сложную задачу.

По мнению ряда отечественных ученых, классификацию инноваций следует создавать на основе анализа количественных и качественных показателей, научной и практической ценности конкретных методик, их новизны, характера возможностей. Кроме того, выделяют инновации, связанные с предоставлением «готовой продукции» в виде инновационных программ и услуг. Далее выделяют инновационные процессы, связанные с кардинальным пересмотром и оптимизацией большинства существующих подходов к решению тех или иных проблем. И, наконец, нельзя преуменьшать значение институциональных инноваций, которые включают в себя новые формы организации и управления сферы социального обслуживания [7, С. 8–20; 8, С. 69–74; 9, С. 190–194].

Методика, имеющая своей целью проектирование и внедрение, ориентирована на технологизацию соответствующего процесса. А сам смысл инновационной технологизации заключается в предании все-

му процессу целевой направленности, в его оптимизации, в обеспечении устойчивости, создании механизмов саморегуляции основных компонентов, в обеспечении благоприятных сопутствующих условий для специалистов и их «подопечных» на протяжении всего курса реабилитации.

Сторонники когнитивной психотерапии считают, что окончательный выбор «категорий инновативности» зависит от того, предлагают ли они специалистам концептуальные рамки для диагностики, позволяющие использовать эффективные стратегии экстренного вмешательства и длительного социального сопровождения. Во всех случаях важна ясность в понимании проблем каждого клиента. Кроме того, следует соблюдать гибкость в подходах и учитывать возможность «маневрирования». Любой алгоритм, любая схема (при необходимости) могут быть реконструированы, модифицированы или повторно интерпретированы в принципиально новом, «неожиданном» ракурсе [10, С. 21–24; 11, С. 77–92; 12, С. 26–31].

По мнению ученых, ведущим трендом постиндустриального общества становится идея формирования метавселенной (или «Интернета всего»). Причем дискуссии о позитивных и негативных аспектах этого феномена едва ли утратят свою актуальность и приведут к какому-либо согласию в обозримом будущем. Однако нельзя отрицать главного: происходят коренные изменения процессов взаимодействия и качества человеческого капитала в сфере социального обслуживания населения, образования, переобучения и трудоустройства ветеранов СВО. Увеличивается доступность и скорость потребления знаний, всевозможных услуг [13, С. 6–10; 14, С. 16–19].

Цифровизация уже охватила все ключевые отрасли Российской Федерации, в том числе и сферу реабилитации военнослужащих. А в зоне особого внимания специалистов, занимающихся адаптацией и восстановлением ветеранов, всё чаще оказываются новые сервисы и платформы (отечественный инженерный софт, потенциал которого год от года растет). Хотя, безусловно, остаются и трудноразрешимые проблемы. Например, «регуляторам» еще предстоит найти баланс между интересами человека (например, клиента реабилитационного центра) и его безопасностью. Вопросы риска утечек массива данных сегодня стоят как никогда остро,

поэтому любое агрегирование данных ассоциируется у некоторых людей исключительно с вредными последствиями (особенно связанных с мошенничеством, созданием дипфейков, хищением денежных средств и т. д.) [15, С. 3; 16, С.21–23].

Федеральный проект «Передовые инженерные школы» обеспечивает не только технологическое лидерство России, но и позволяет отечественной реабилитации ветеранов боевых действий выйти на новый, более высокий уровень за счет активного взаимодействия профессионального сообщества, ведущих вузов страны, бизнеса и государства. В частности, одна из лучших в стране инженерных школ «Цифровой инжиниринг», сформированная на базе Санкт-Петербургского политехнического университета, активно сотрудничает с Министерством обороны (особенно с Военно-медицинской академией им. С. М. Кирова), которому предоставляет в буквальном смысле прорывные технологии, а также инженеров нового поколения, универсалов, владеющих множеством специальностей.

Современные нейротехнологии позволяют собирать обширную информацию о реабилитантах, обрабатывать её, а затем – давать рекомендации по составлению программ социального обслуживания, бороться с посттравматическим стрессовым расстройством (далее – ПТСР), устранять дезадаптивные проявления, усиливать когнитивные функции, улучшать память и обучение. Нейросети расширили наши представления о возможностях человеческого организма. К сожалению, появление новых технологий зачастую опережает существующие правовые нормы. Поэтому важно оперативно совершенствовать законодательство, чтобы, с одной стороны, оно не тормозило технологическое развитие, а с другой – гарантировало полную безопасность для реабилитантов. При этом мы все прекрасно понимаем, что нельзя «отдавать» мнение специалиста и принятие окончательного решения на откуп искусственному интеллекту (далее – ИИ). Нейросети – прекрасные помощники, но они далеки от совершенства, а их бездумное (бесконтрольное) применение может оказать крайне негативное влияние на человеческую психику.

В то же время хочется также отметить, что какие бы технологии мы не использовали в работе с ветеранами СВО, практически все они рассчитаны на «перезагрузку»

мыслительной деятельности клиентов, на преодоление инерции с последующим формированием активной жизненной позиции.

В рамках каждой технологии лежат безопасные, апробированные, хорошо себя зарекомендовавшие методы. Так, среди мотивирующих, структурирующих, самосохранительных и «самоорганизующих» методов выделяются медитативные практики и аутотренинг (в различных вариациях). По мнению многих авторов, эти методы способны приводить в порядок «замусоренное» сознание, четко структурировать мышление, настраивать реабилитанта на нужную (рабочую) волну [17, С. 57–82; 18, С. 69–83].

В процессе реадaptации ветеранов приоритетная роль должна отводиться формированию индивидуальных алгоритмов саморегуляции и самопомощи. Привести в действие указанные механизмы можно, в том числе, и за счет тщательно подготовленных мотиваторов («внутренних настроев»). Речь идёт о лаконичных, но в то же время достаточно информативных (пошаговых) указаниях: как настроить себя «на оптимистичный лад», как правильно реагировать на многочисленные проблемы, как организовать свой досуг, расширить круг общения (обновить контакты) и т.д. Подобные «настрои» могут рассматриваться и как важные элементы более сложных копинг-стратегий (сегодня все чаще «мотиваторы» приобретают вид мобильных приложений, доступных для бесплатного скачивания на айфоны и андройды).

С учётом всеобщей цифровизации несомненный интерес представляет «виртуальная реадaptация», основанная на использовании гаджетов (виджетов). Существует значительное число публикаций, подтверждающих пользу мобильных приложений, подготовленных для различных групп населения. Перспективные разработки, касающиеся «цифровой стимуляции» высшей нервной деятельности реабилитантов, предлагают специалисты СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербургского государственного университета. Некоторые мотивационные программы рассчитаны на работающих и неработающих инвалидов – участников СВО, испытывающих проблемы дезадаптивного характера.

Состояние дистресса психологического неблагополучия и т.д., которые являются непременными атрибутами дезадаптации, существенно затрудняют жизнедеятельность ветеранов боевых действий, повышают степень конфликтности, агрессивности, препятствуют выстраиванию гармоничных отношений с окружающими. Однако подобная «уязвимость» успешно устраняется благодаря внедрению в реабилитационный процесс метода биологической обратной связи (далее – БОС). В основе данной технологии лежат алгоритмы обучения военнослужащих, перенесших ПТСР, способам психофизиологической саморегуляции, а также обеспечению их стрессоустойчивости.

Причем одновременное использование БОС (особенно в виде компьютерного («игрового») биоуправления, суггестивных методов и, например, санаторно-курортного лечения, активного отдыха (совместно с членами семьи), позволяет достичь более значимых (а главное – пролонгированных) результатов, чем при монотерапии психотропными препаратами. Исследования БОС (применительно к целям и задачам военной реабилитации) проводились психологами Росгвардии в 2024 году на базе целого ряда лечебных и оздоровительных учреждений, а их результаты фиксировались с помощью таких известных тестов, как «Уровень субъективного контроля», «Качество жизни», «Самочувствие, активность, настроение» и средствами электронного контроля. В результате группой специалистов, под руководством доктора психологических наук А. А. Утюганова, была существенно доработана «традиционная» система самоуправления целым рядом психофизиологических параметров организма лиц, перенесших экстремальные воздействия.

Сотрудничество военных врачей и нейропсихологов со специалистами Центра мозга и нейротехнологий ФМБА России привело к созданию Центра когнитивного психоэмоционального здоровья, где разрабатываются и внедряются принципиально новые методы восстановления центральной нервной системы. Акцент делается на нейробиоуправлении, транскраниальной магнитной стимуляции (методе, при котором магнитное поле точечно активирует нейроны), светозвуковой стимуляции. В последнем случае при помощи специальных очков и наушников реабилитологи синхронизируют работу мозга с

ритмичными вспышками и звуками (после подобных сеансов человек ощущает ясность мысли, а его работоспособность быстро восстанавливается).

Говоря о современных реабилитационных учреждениях, важно, чтобы в их структуре функционировали фиджитал-центры. Напомним, что фиджитал – это новое направление в мире игр, которое сочетает в себе цифровые технологии и физическую активность. Более двух лет назад оно было официально включено во Всероссийский реестр спорта. Его ключевая идея – совместить компьютерные виды спорта с реальными, в частности, с мини-футболом, баскетболом и баскетбольным двоеборьем, спортивной стрельбой и биатлоном.

Распутывая клубок трудноразрешимых проблем и всевозможных нюансов, связанных с восстановлением военнослужащих, получивших ранения, мы создаем в своем сознании новые алгоритмы, моделируем обстановку, пытаемся найти единственно верное тактическое решение, проигрываем возможный ход событий. При этом мы все чаще и чаще обращаемся к возможностям искусственного интеллекта. Несмотря на введенные против Российской Федерации санкции, в нашей стране сформировался целый кластер IT-технологий, которые позволяют гражданам следить за своим здоровьем и психологическим состоянием, организовывать быт, осуществлять планирование, ориентироваться в сфере повышения квалификации и поиска работы. Эти технологии получили название электронных ассистентов («цифровых ангелов»).

Некоторые пилотные модели уже используются в военной медицине. Их развитие призвано вывести на совершенно особый и максимально комфортный уровень организацию жизни ветеранов СВО, нуждающихся в лечении и комплексной реабилитации. По словам директора Института психологии РАН, академика Д. В. Ушакова, «цифровой ангел» может выступать не только в качестве электронного координатора или медиатора. Сегодня технологическое развитие привело к появлению таких феноменов, как дипфейки, идеологические кибердиверсии, кибермошенничество. Однако электронный ассистент в состоянии своевременно предупредить человека о грядущей опасности. Электронный ассистент берет на себя функцию конфиденанта и создает вокруг человека поле ин-

теллектуальной защиты, информационной безопасности. Еще одно достоинство данной программы заключается в том, что она позволяет психологу распознавать настроение человека по его разговору, мимике, жестам, интонации. Технология точно описывает черты характера пациента, прогнозирует наиболее вероятную поведенческую активность в той или иной ситуации, «дает» советы и рекомендации (как, у кого и чему лучше обучаться, какие тренинги окажут наиболее благотворное влияние). В то же время нельзя не отметить, что какими бы совершенными не казались нам цифровые помощники, последнее слово всегда будет оставаться за человеком [19, С. 1, С. 9; 20, С. 188–200].

Искусственный интеллект постепенно становится привычным помощником военных врачей, медицинских психологов, психотерапевтов. Этому в значительной мере способствует реализация Федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)». Ее главными целями являются формирование электронной медицинской карты, создание цифрового профиля пациента, который позволит работать разрабатывать индивидуальные программы лечения, реабилитации и профилактики. Страна медленно, но верно движется в сторону персонализации (медицины, комплексной реабилитации и т. д.).

Иными словами, люди, нуждающиеся в оказании им квалифицированной помощи, в ближайшее время начнут получать свое персональное лекарство, свое медицинское изделие и подвергаться воздействию «своей» (индивидуально-ориентированной) технологии. При этом искусственный интеллект помогает обработать массу данных и определять те самые особенности, которые нужно учитывать при работе с конкретным человеком.

В частности, несколько слов следует сказать о виртуальных социально-медицинских ассистентах и чат-ботах. ИИ-ассистенты проводят первичный опрос ветеранов, сокращая нагрузку на врачей, психологов, социальных работников. Например, Ada Health (более 12 миллионов пользователей только в нашей стране) ставит предварительный диагноз на основании предъявляемых жалоб и дает рекомендации. Buoy Health использует ИИ-интеллект для грамотной дифференци-

ции военнослужащих перед визитом к специалисту. Российский сервис СберЗдоровье внедряет ИИ-ассистентов для записи в специализированные центры и мониторинга хронических патологических состояний. И многие отечественные разработки в этой области уже используются в реабилитационных клиниках. СберМед ИИ анализирует рентгеновские снимки, КТ и МРТ, ЭКГ, ЭЭГ. Кардиодатчики от QRS анализируют электрокардиограмму в реальном времени, предупреждая о возможных приступах аритмии, стенокардии и так далее. Геномный ИИ подбирает диеты, лекарства и область трудоустройства на основе ДНК. Кроме того, существуют неоспоримые факты, позволяющие полагать, что телемедицина (в том числе психотерапия ПТСР) с использованием ИИ позволяет оказывать помощь нуждающимся в самых отдаленных местах.

Что же касается непосредственной работы с людьми, то очевидно, что далеко не каждый человек готов не то что полностью, а даже частично доверить свое здоровье компьютерным алгоритмам. Как показывают наши собственные исследования, ветеранам боевых действий важен человеческий, эмоциональный отклик, чего искусственный интеллект пока обеспечить не в состоянии. Более всего открыты инновациям молодые россияне, находящиеся в возрастной группе до 35 лет.

Уже не выглядит экзотикой и так называемое «чипирование». «Мозговые импланты» применяются, хотя и не так часто, в медицине для лечения различных форм эпилепсии (в том числе и посттравматической), нарушений мозгового кровообращения, «злокачественной» депрессии. Иными словами, разработаны способы корректировки некоторых особенно тяжелых биологических дефектов нервной системы, влияющих на психику и поведение. Однако, несмотря на достигнутые успехи, данная сфера деятельности еще слишком далека от совершенства. По словам академика РАН П. Балабана, «вживляя» в какую-то область головного мозга нейрочип, мы действуем довольно грубо, до конца не понимая, к какому именно нейрону подводятся нити. «Но мозг так не работает, в нём всё подчинено определенным закономерностям. Например, при любой деятельности включаются центры принятия решений, управления и контроля, активируются механизмы обратной связи и т. д.». А без од-

новременного участия всех этих центров целенаправленная активность человека, его выздоровление и восстановление невозможны [21, С. 15].

Заключение

В качестве выводов к сказанному представляется возможным сформулировать следующие положения: Во-первых, инновации в сфере комплексного сопровождения ветеранов боевых действий являются результатом тщательного анализа существующих технологий (их достоинств и недостатков), научных поисков, передового практического опыта, как отдельных специалистов, так и целых коллективов, в то же время процесс внедрения инноваций не может быть стихийным, он нуждается в поддержке, управлении и постоянной корректировке. При всем многообразии инновационных технологий (нейросетевых, информационных, проблемных и т. д.), а также при наличии тех реальных возможностей, которыми они обладают, реализация насущных задач восстановительного процесса все же остается за человеком. В данном случае речь идет и о специалисте, и о клиенте, которые должны демонстрировать «диалектическое единство» на протяжении всего курса реабилитации. Во-вторых, целенаправленные информационные воздействия, оказываемые при помощи инновационных технологий в рамках комплексной реабилитации, способствуют созданию наиболее благоприятного режима для функционирования когнитивных структур, усиления критического мышления, а также восстановления нарушенных или «деформированных» под воздействием стресса социальных связей, взглядов, установок, ценностных ориентаций. В-третьих, в сфере комплексной реабилитации и социального сопровождения ветеранов боевых действий искусственный интеллект должен восприниматься исключительно как помощник. На его рекомендации специалист должен обращать внимание, но он не обязан им следовать, игнорируя свою интуицию, опыт, эмоции. Реабилитационное пространство – это территория ответственности профессионалов, которые (в отличие от искусственного интеллекта) осознают значение таких понятий, как чувствительность и специфичность методов социальных технологий, диагностическая точность в оценке сложившейся ситуации, совесть и сострадание.

Список источников

1. Караяни А. Г. О системном подходе к психологической реабилитации участников боевых действий // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2023. № 13. С. 26–34.
2. Скорченко Ю. А. Психологическая помощь участникам военных действий // Психология человека и общества. 2023. № 3 (54). С. 32–37.
3. Утюганов А. А. О педагогическом мастерстве военнослужащих Росгвардии, участвующих в социальной реабилитации ветеранов боевых действий / А. А. Утюганов, В. П. Сальников, А. А. Бакин [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3 (28). С. 237–252.
4. Аксенова Е. И. Реабилитационные услуги: мировой опыт / Е. И. Аксенова, С. Ю. Горбатов // Московская медицина. 2022. № 4 (50). С. 82–95.
5. Грудина Т. А. Реабилитация военнослужащих, участников специальной военной операции. Клинико-психологический аспект // Вопросы психологии и экстремальных ситуаций. 2024. № 1. С. 17–20.
6. Хобта А. А. Современные технологии в области здравоохранения: анализ инноваций // Менеджмент: теории и практика. 2024. № 1–2. С. 103–106.
7. Пономаренко Г. Н. Восстановительная медицина: фундаментальные основы и перспективы развития // Физическая и реабилитационная медицина. 2022. № 1 (4). С. 8–20.
8. Рабиньякая А. М. Реабилитация пациентов в условиях цифровизации International Journal of Professional Science. 2024. № 6-2. С. 69–74.
9. Робакидзе М. Р. Инновационные технологии в медицине // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 11. С. 190–194.
10. Дергачева О. С. Психотерапевтическая помощь военнослужащим с ПТСР, прошедшим военные действия / О. С. Дергачева, Н. И. Медведева // Вестник молодого ученого. 2024. № 1 (13). С. 21–24.
11. Пароньянц И. В. Анализ психологических последствий участия военнослужащих в боевых действиях // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2024. № 1. С. 77–92.
12. Соловьева О. В. Психокоррекция эмоциональных состояний военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции // Теория и практика военного образования. 2024. № 4(5). С. 26–31.
13. Ананьев В. Н. Метавселенная Марка Цукерберга с точки зрения теории функциональных систем академика П. К. Анохина / В. Н. Ананьев, А. В. Ананьев // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80-7. С. 6–10.
14. Корнев М. С. Метавселенная: что будет после Интернета? // Журналист. 2021. № 11. С. 16–19.
15. Каленицкая А. Груз знаний / А. Каленицкая, О. Капранов // Российская газета. 2025. 18 апреля.
16. Хаджимурадова Т. Х. Особенности внедрения инновационных социальных технологий реабилитации инвалидов России // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-8. С. 21–23.
17. Моросанова В. И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3 (15). С. 57–82.
18. Морозов А. В. Психопрофилактика личностной тревожности у военнослужащих в условиях специальной военной операции // Военный академический журнал. 2024. № 4 (44). С. 69–73.
19. Медведев Ю. Цифровой ангел вам в помощь // Российская газета. 2024. 16 октября.
20. Ушаков Д. В. Искусственный интеллект как инструмент психологического исследования // Сибирский психологический журнал. 2023. № 90. С. 188–200.
21. Веденеева Н. Чип и Маск спешат на помощь // Московский комсомолец (МК в Питере). 2024. 7–13 февраля.

References

1. Karayani A. G. On a systematic approach to the psychological rehabilitation of combatants // Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah i krizisnyh situatsiyah zhiznedeysel'nosti. 2023;13: 26–34. (In

Russ.).

2. Skorchenko YU. A. Psychological assistance to participants in military operations // Psihologiya cheloveka i obshchestva. 2023;3 (54): 32–37. (In Russ.).

3. Utyuganov A. A. Psychological assistance to participants in military operations / A. A. Utyuganov, V. P. Sal'nikov, A. A. Bakin [i dr.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024. № 3 (28). S. 237–252. (In Russ.).

4. Aksenova E. I. Rehabilitation services: global experience / E. I. Aksenova, S. YU. Gorbatov // Moskovskaya medicina. 2022;4 (50): 82–95. (In Russ.).

5. Grudina T. A. Rehabilitation of military personnel and participants in special military operations. Clinical and psychological aspects // Voprosy psikhologii i ekstremal'nyh situacij. 2024;1: 17–20. (In Russ.).

6. Hobta A. A. Modern Healthcare Technologies: Innovation Analysis // Menedzhment: teorii i praktika. 2024;1–2: 103–106. (In Russ.).

7. Ponomarenko G. N. Rehabilitation Medicine: Fundamental Principles and Development Prospects // Fizicheskaya i reabilitacionnaya medicina. 2022;1(4). S. 8–20. (In Russ.).

8. Rabin'kaya A. M. Rehabilitation of patients in the context of digitalization // International Journal of Professional Science. 2024; 6-2. S. 69–74. (In Russ.).

9. Robakidze M. R. Innovative technologies in medicine // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. 2023;11; 190–194. (In Russ.).

10. Dergacheva O. S. Psychotherapeutic assistance to military personnel with PTSD who have experienced combat / O. S. Dergacheva, N. I. Medvedeva // Vestnik molodogo uchenogo. 2024;1 (13): 21–24. (In Russ.).

11. Paron'yanc I. V. Analysis of the psychological consequences of military personnel's participation in combat operations // Vestnik psikhologii i pedagogiki Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024;1: 77–92. (In Russ.).

12. Solov'eva O. V. Psychocorrection of the emotional states of military personnel participating in a special military operation // Teoriya i praktika voennogo obrazovaniya. 2024;4(5): 26–31. (In Russ.).

13. Anan'ev V. N. Mark Zuckerberg's Metaverse from the perspective of Academician P. K. Anokhin's theory of functional systems / V. N. Anan'ev, A. V. Anan'ev // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021;80-7: 6–10. (In Russ.).

14. Kornev M. S. The Metaverse: What's Next After the Internet? // Zhurnal. 2021;11: 16–19. (In Russ.).

15. Kalenickaya A. A load of knowledge / A. Kalenickaya, O. Kapranov // Rossijskaya gazeta. 2025. 18 aprelya. (In Russ.).

16. Hadzhimuradova T. H. Features of the Implementation of Innovative Social Technologies for Rehabilitation of Disabled People in Russia // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021; 72-8: 21–23. (In Russ.).

17. Morosanova V. I. The Psychology of Conscious Self-Regulation: From Origins to Modern Research // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2022;3 (15): 57–82. (In Russ.).

18. Morozov A. V. Psychoprophylaxis of personal anxiety in military personnel during a special military operation // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2024;4 (44): 69–73. (In Russ.).

19. Medvedev YU. A digital angel to help you // Rossijskaya gazeta. 2024. 16 oktyabrya. (In Russ.).

20. Ushakov D. V. Artificial Intelligence as a Tool for Psychological Research // Sibirskij psikhologicheskij zhurnal. 2023;90: 188–200. (In Russ.).

21. Vedeneeva N. Chip and Musk rush to the rescue // Moskovskij komsomolec (MK v Pitere). 2024. 7–13 fevralya. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Бакин – кандидат юридических наук,
кандидат медицинских наук

Статья поступила в редакцию 22.08.2025;
одобрена после рецензирования 10.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

A. A. Bakin – Candidate of Sciences (Law),
Candidate of Sciences (Medical)

The article was submitted 22.08.2025;
approved after reviewing 10.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 159.99

УРОВЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ДРУГИЕ ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРАКТИКУЮЩИХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Ефим Сергеевич Елизаров¹, Ксения Николаевна Белогай²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ chudops@mail.ru

² belogi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь профессиональной направленности личности и других психометрических показателей с различными факторами у практикующих акушеров, имеющих профессиональный стаж. В исследовании применялись различные методики и социально-демографические анкетные данные, была проведена статистическая обработка данных. Целью исследования было определение уровня ценностного отношения акушеров к своей профессии, как одного из факторов, влияющих на качество их участия в реализации модели непрерывного медицинского образования. Установлено, что профессиональная направленность личности акушеров формируется под влиянием комплекса факторов, включая личностные характеристики, профессиональный и личный опыт. Корреляционный анализ демонстрирует значимые связи между уровнем профессиональной направленности и различными факторами. Исследование показало, что существует значимая положительная связь между уровнем профессиональной направленности акушеров и их смысложизненными ориентациями, указывающая на взаимосвязь между профессиональной активностью и осмысленностью жизни. Также выявлено, что акушеры с высокой профессиональной направленностью более склонны к самообразованию, активно изучают новую информацию по специальности и проходят дополнительное профессиональное обучение. Личный опыт материнства, включая позитивный опыт родов и грудного вскармливания, также оказывает влияние на уровень профессиональной направленности, равно как и возраст и профессиональный стаж. Эти результаты подчеркивают важность личного и профессионального опыта, а также стремления к развитию в повышении уровня профессиональной направленности акушеров.

Ключевые слова: профессиональная направленность личности акушеров, готовность к профессиональной деятельности, акушерское дело, смысложизненные ориентации, профессиональные ситуации в работе акушеров, профессиональное образование акушеров, смысложизненные ориентации акушеров

Благодарности. Авторы выражают благодарность руководству, сотрудникам перинатального центра ГАУЗ «НГКБ № 1» г. Новокузнецк, перинатального центра ГАУЗ «КОКБ» г. Кемерово, родильного дома КОДКБ г. Кемерово, перинатального центра КГБУЗ «АККПЦ «ДАР» г. Барнаул, перинатального центра ОГАУЗ «ОПЦ» г. Томск, перинатального центра ГУЗ «ТОПЦ» г. Тула, клинического госпиталя МД Групп Лахта г. Санкт-Петербург и лично – Гребневой В. С., Ренге Л. В., Алексеевой М. В., Григорьевой Е. Ю., Лесиной Н. В., Мозес В. Г., Карсаевой В. В., Суржко А. С., Елизаровой Д. И., Мишуковой И. В., Дёмкиной Е. А.

Для цитирования: Елизаров Е.С., Белогай К.Н. Уровень профессиональной направленности личности и другие психометрические показатели практикующих медицинских работников // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 131–144. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/013.pdf>.

Original article

THE LEVEL OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF THE PERSONALITY AND OTHER PSYCHOMETRIC INDICATORS OF MEDICAL PRACTITIONERS

Efim S. Elizarov¹, Kseniya N. Belogai²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹ chudops@mail.ru

² belogi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>

Abstract. The article examines the relationship between the professional orientation of a person and other psychometric indicators with various factors among practicing obstetricians with professional experience. Various methods and socio-demographic questionnaires were used in the study, and statistical data processing was carried out. The aim of the study was to determine the level of value of obstetricians towards their profession, as one of the factors influencing the quality of their participation in the implementation of the continuous medical education model. It has been established that the professional orientation of the personality of obstetricians is formed under the influence of a complex of factors, including personal characteristics, professional and personal experience. Correlation analysis demonstrates significant links between the level of professional orientation and various factors. The study showed that there is a significant positive relationship between the level of professional orientation of obstetricians and their life-meaning orientations, indicating the relationship between professional activity and the meaningfulness of life. It was also revealed that obstetricians with a high professional orientation are more inclined to self-education, actively study new information on their specialty and undergo additional professional training. Personal experiences of motherhood, including positive experiences of childbirth and breastfeeding, also have an impact on the level of professional orientation, as well as age and professional experience. These results highlight the importance of personal and professional experience, as well as the desire for development in improving the professional orientation of obstetricians.

Keywords: professional orientation of the personality of obstetricians, readiness for professional activity, midwifery, life-meaning orientations, professional situations in the work of obstetricians, professional education of obstetricians, life-meaning orientations of obstetricians

For citation: Elizarov E.S., Belogaj K.N. The level of professional orientation of the personality and other psychometric indicators of medical practitioners. *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;3(32): 131–144. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/013.pdf>.

© Елизаров Е.С., Белогай К.Н., 2025

Введение

Профессиональная направленность личности играет важную роль, как в процессе получения профессионального образования и реализации модели непрерывного медицинского образования, так и в успешной реализации специалиста в выбранной сфере профессиональной деятельности. Особую значимость этот аспект приобретает в медицинской отрасли, в частности, в акушерстве, где от профессионализма и мотивации специалиста зависит не только качество оказываемой помощи, но и жизнь матери и ребенка.

В современных условиях развития здравоохранения вопросы формирования и поддержания высокого уровня профессиональной направленности акушеров приобретают особую актуальность. Это обусловлено растущими требованиями к качеству медицинской помощи, внедрением новых технологий и методик в акушерскую практику, повышением осведомленности пациентов в вопросах репродуктивного здоровья [6], а также необходимостью создания здоровьесберегающей среды и улучшением общественного здоровья [25]. Известно, что повышение профессиональной направленности обучающихся является значимым условием как постоянного самосовершенствования в профессии [11], так и в целом достижения ими акме [3]. Что

особенно важно для современной системы здравоохранения в России, предъявляющей резонные требования к постоянной актуализации профессиональных знаний посредством обязательного участия медицинских работников в системе непрерывного медицинского образования.

Профессиональная направленность в контексте медицинской деятельности является предметом изучения отечественных исследователей.

И. А. Коровина не только даёт дефиницию профессиональной направленности студента-медика, но и выделяет её структурные элементы: целевой, содержательный, операциональный и результативный, а также предлагает критерии и уровневые показатели её сформированности [14].

Е. В. Кузнецова анализирует профессиональную направленность студентов-медиков с точки зрения профессиональной мотивации и выделяет нижеследующие блоки: операциональный, эмоциональный, регуляционный, ценностно-смысловой [15].

Научное сообщество России исследует многогранный процесс становления профессиональной направленности студентов-медиков посредством изучения различных факторов, оказывающих на него влияние. В частности, исследуются практико-ориентированные методики формирования базовых врачебных компетенций через

повышение учебной мотивации [21]; развитие позитивного эмоционального настроя к выбранной специальности, совершенствование механизмов саморегуляции и углубленное понимание взаимосвязи личностных качеств с мотивационной составляющей [15]. Значительное внимание уделяется самостоятельной образовательной активности будущих медицинских работников [14]. Специалисты анализируют профессиональное становление представителей медицинских династий через изучение генеалогических материалов [9]. Современные исследования включают разработку цифровых образовательных платформ, таких как авторский курс «Шаг в медицину» [44]. Социокультурные аспекты подготовки медицинских специалистов рассматриваются как значимый фактор профессионального становления [4]. Глубокому анализу подвергаются ценностные ориентиры студентов-медиков, формирующиеся в процессе профессиональной подготовки [10].

Современные исследования отечественных специалистов демонстрируют специфические особенности профессиональной направленности в медицинском образовании, включая характерные признаки, ключевые факторы влияния, методы оценивания и градации уровней. Многообразие научных подходов раскрывает многогранность структурного понимания профессиональной направленности студентов-медиков.

Несмотря на значительное количество отечественных исследований в области профессиональной направленности в целом [12, 11, 18, 2, 26, 22, 17, 5, 1, 8, 13, 16], неизученными остаются вопросы как самой профессиональной направленности работающих акушеров, так и взаимосвязи уровня профессиональной направленности с их личным опытом материнства, смысловыми ориентациями и стремлением к профессиональному развитию и повышению квалификации. Понимание этих взаимосвязей может способствовать разработке более эффективных стратегий обучения, подготовки и поддержки акушеров в их учебной и профессиональной деятельности, начиная с момента получения профессионального образования и заканчивая их участием в системе непрерывного медицинского образования.

В иностранной научной литературе термин «профессиональная направленность личности» не встречается. При этом очевиден интерес учёных к изучению фак-

торов формирования медицинского работника, не просто как носителя медицинских знаний, навыков и компетенций, но и как субъекта с устойчивой системой профессиональных ценностей и осознаваемых мотивов к профессиональной деятельности как во время обучения, так и после выхода на работу, понимающего всю важность постоянной актуализации медицинских знаний, продиктованную внутренними мотивами. С этой целью зарубежные исследователи обращают своё внимание на различные теории и феномены, например, на профессиональную идентичность.

Так, Д. Голди подчёркивает сложность и многоступенчатость процесса формирования профессиональной идентичности у медицинских работников, который включает в себя ряд ключевых этапов и механизмов. Первым из них является рудиментарная самоидентификация, при которой абитуриенты начинают осознавать себя будущими врачами ещё до поступления в медицинское учебное заведение, их представления о профессии формируются под влиянием семьи, друзей, СМИ и собственных амбиций. Этот этап характеризуется созданием первичных образов профессии врача. Следующий этап – поступление на медицинское обучение, является важной ступенью развития, влияющей на профессиональное самоопределение. Здесь студенты сталкиваются с новыми социальными нормами, требованиями и ожиданиями, формирующими их начальную профессиональную идентичность. Третий этап – обучение и социализация. Во время первых лет при получении медицинского образования студенты постепенно погружаются в профильную теоретическую и практическую образовательную деятельность – изучают основы медицины, приобретают знания и навыки, необходимые для будущей карьеры. Социализация осуществляется через взаимодействие с преподавателями, однокурсниками и практикующими медицинскими работниками. Четвёртый этап – интеграция в профессию, на котором студенты встраиваются в коллектив и принимают профессиональные нормы и правила медицинского сообщества. Процесс интеграции продолжается даже после окончания обучения, поскольку обучение и адаптация продолжают всю жизнь. Автор акцентирует внимание на важности культурных и социальных аспектов формирования профессиональной идентичности, таких как культура медицинского образо-

вания и социальная среда – традиции учебного заведения влияют на восприятие профессии будущим врачом, способствуя формированию определенных ценностей и норм поведения, и отмечает, что медицинская школа часто имеет уникальные атрибуты, такие как белый халат и стетоскоп, которые символизируют начало профессионального пути студента-медика. Также автор выделяет несколько механизмов, имеющих ключевое значение при формировании профессиональной идентичности. Первым является опыт общения с пациентами, по его мнению, через общение с пациентами студенты начинают понимать важность эмоциональной связи между врачом и больным, учатся состраданию и эмпатии, которые способствуют развитию зрелого понимания своей будущей роли. Следующим механизмом указывается профессиональные трудности и кризисы, такие как моральная ответственность перед пациентами, проблемы этики и личностных психологических барьеров и ограничений. Эти ситуации способствуют глубокому размышлению над собственной профессиональной идентичностью и формируют способности справляться с трудностями. Третьим механизмом являются процессы постоянного осмысления собственного опыта, критического взгляда на собственные поступки и ценности – самооценка и рефлексия, которые помогают студентам адаптироваться к новой среде и формировать устойчивое представление о себе как профессионале. Таким образом, по мнению Д. Голди, профессиональная идентичность студентов медицинских специальностей развивается постепенно, начиная от первоначальных представлений о профессии и заканчивая осознанностью своей роли в медицинской практике, которая постоянно модернизируется. Процесс сопровождается внутренними переживаниями, внешним воздействием социальной, образовательной и профессиональной среды. Таким образом, профессиональная идентичность является динамичной структурой, претерпевающей изменения на протяжении всего профессионального пути, берущей своё начало в предпрофессиональный период времени, при определяющем влиянии социальной среды, далее, в период профессионального обучения, превалирует влияние образовательной среды, и, наконец, в профессиональном периоде большее значение приобретают профессиональная и производственная среды, и, в

меньшей степени, образовательной среды – при повышении квалификации. При этом важнейшим условием формирования профессиональной идентичности являются механизмы, основанные на получении и осмыслении личного и профессионального опыта.

Зарубежные исследователи констатируют недостаточное количество научных работ, посвящённых изучению формирования профессиональной идентичности акушеров [27]. Выявленные факторы, формирующие профессиональную идентичность акушеров, можно выделить в две группы по принципу обусловленности: индивидуальные – личный опыт [28, 45, 48], мировоззрение [48], личностные качества [29, 38, 40, 48]; средовые – профессиональное образование [28, 39], профессиональные ценности [29, 36, 38, 40, 41, 46, 49], наставничество в процессе прохождения производственной практики по акушерству [27]. При этом, очевидно постоянное взаимное влияние указанных факторов как в начале формирования профессиональной идентичности, так и в дальнейшем, при её развитии в течение всего периода осуществления профессиональной деятельности.

Также зарубежные учёные осуществляют попытки создания эталона хорошего акушера, описывающего, каким он должен быть и что ему свойственно. Так, С. Хальддорсдоттир и И. Карлсдоттир [40] разработали теорию профессионализма хорошей акушерки, включающую в себя пять элементов: профессиональная забота, профессиональная мудрость, личностное и профессиональное развитие, межличностная и профессиональная компетентность. Эта теория приписывает акушерам способность к личностному и профессиональному самовоспитанию. Позже все эти элементы были также отмечены студентами-акушерками в исследовании Э. И. Фейджен-Де Йонг и др., которые добавили к ним еще три дополнительных: личностные характеристики (уникальность, непосредственность, позитивность, жизненный опыт, трудолюбие, независимость (энергичность, сильный характер, уверенность в себе, собранность) и ум), наличие организаторских компетенций, приверженность физиологическим репродуктивным процессам [37]. В работе Я. Будиарти и др., посвященной поиску важных факторов, влияющих на профессионализм студентов акушеров, главным выделяется профессиональная компетентность, скла-

дивающаяся из знаний, навыков и отношения к делу [31].

Таким образом, в существующих исследованиях, посвящённых изучению признаков хорошего акушера, выделяются и описываются его качества, но не рассматриваются процессы их формирования и обусловленность, не приводится ранжирование по степени выраженности качеств, для диагностической, прогностической, формирующих целей. Важно отметить, что даже в значимых исследованиях данного вопроса, далеко не всегда уделяется внимание изучению формирования системы мотивов и ценностей акушеров, как предикторов отличных учебных и производственных результатов.

В то же время существуют работы, констатирующие важность учёта ценностных ориентаций и мировоззрения акушеров в контексте профессионального выгорания. Так, Б. Хантер указывает на то, что если акушеры не могут работать в соответствии со своей собственной идеологией, это приводит к различным негативным эмоциям, таким как раздражение, тревога и гнев, которые носят эмоционально изнурительный характер [42]. Л. Болл и др. отмечают, что неспособность работать в соответствии с фундаментальными принципами акушерства является одной из основных причин, по которой акушеры уходят из профессии [30].

Рядом иностранных авторов, изучающих психологические детерминанты успешной профессиональной деятельности медицинских работников, система мотивов и устремлений к занятию профессиональной деятельностью рассматривается через призму теории самодетерминации Эдварда Л. Деси и Ричарда М. Райана, в которой стремление к самоопределению, в том числе и профессиональному, рассматривается как центральное понятие в структуре мотивации, при котором тип мотивации является наиболее важным фактором, определяющим результаты в жизни [32]. Данная теория выделяет различные формы человеческой мотивации: «автономная» мотивация, которая предполагает добровольное, самоопределяющееся поведение, которое воспринимается как соответствующее внутренним личным целям; «контролируемая» мотивация, напротив, предполагает поведение, вынужденное внешним давлением на личность; «демотивация» – это отсутствие намерения действовать, а также проводит различие между мотивацией и регулированием: оба поня-

тия указывают на формы психологической энергии, которые направляют поведение, но в высшей и подчиненной формах соответственно. Схематически макрокатегории мотиваций (демотивация, внутренняя и контролируемая мотивация) включают в себя различные подкатегории, которые отражают различные типы регулирования (внутреннее, интегрированное, идентифицированное, интроецированное и внешнее). Автономная мотивация включает в себя внутренний (отражает участие в деятельности, которая, по мнению человека, приносит ему удовлетворение благодаря соответствию его интересам), интегрированный (деятельность имеет личный смысл и соответствует основным ценностям человека) и идентифицированный (индивид идентифицирует себя с осуществляемым поведением, потому что это важно для него лично и вносит вклад в развитие окружающего мира) типы регулирования. Контролируемые типы мотивации включают интроецируемые и внешние формы регулирования: интроецируемое регулирование обусловлено самооценкой, включающей стандарты или цели других людей, которые были усвоены лишь частично, и связаны с избеганием чувства вины и стыда; внешнее регулирование основано на переживании чувства контроля со стороны внешних ощутимых факторов, таких как вознаграждение, например, заработная плата и бонусы, или избегание наказаний. В рамках теории самодетерминации типы мотивации и регулирования распределяются по континууму самоопределения и интернализации, постепенно варьирующемуся в зависимости от ощущения внешнего контроля (наименее автономного или наиболее демотивированного), с одной стороны, до ощущения автономии и самоопределения в отношении целей и их подлинности, с другой [33, 34]. Российские и зарубежные исследователи отмечают влияние типа мотивации на образовательную деятельность и самооценку [19], профессиональную деятельность [23], и даже здоровье медицинских работников [32]. Таким образом, изучение мотивов выбора и действий акушеров в той или иной ситуации, позволяет сделать вывод о типе их мотивации профессиональной деятельности в целом.

Например, исходя из анализа данных, полученных в исследованиях А. Дорожевска и М. Форде, в которых изучались изначальные мотивы выбора профессии акушера, указываются как экстерналистская мотивация – влияние родственников [35], так и

внутренняя мотивация – положительный опыт взаимодействия с акушерами [38], личный опыт беременности, родов материнства [38] и желание помогать другим женщинам [35] в период репродукции – промежуток времени от начала беременности до окончания младенчества, включая роды. Исходя из наших собственных наблюдений, сделанных во время участия в различных мероприятиях и прохождении обучения по перинатологии, желание помогать другим женщинам чаще возникает на фоне негативного опыта беременности, родов и материнства и носит сублимационный и/или компенсаторный характер. Из экстерналистских мотивов, озвучиваемых нам чаще всего студентами, обучающимися по специальности «акушерское дело», в разных городах Западной Сибири, чаще всего называется отсутствие мест на более «престижных» специальностях, таких как «лечебное дело» и «сестринское дело». Таким образом, мы можем констатировать неоднородность типов мотивации среди студентов, обучающихся по специальности «акушерское дело».

Данные исследований, изучающих мотивацию акушеров к повышению квалификации, тоже разнятся. В частности, Х. Лазло и др. указывает на то, что мотивация к продолжению образования была наиболее сильной в связи с профессиональной компетентностью и врожденным стремлением к знаниям, при этом влияние внешних факторов, таких как законодательные нормы или требования работодателя, было значительно менее выраженным, т. е. являлась в большей степени автономной – внутренней [43]. Данные лонгитюдного исследования С. Робинсон, изучавшего развитие карьеры акушеров выявило следующие факторы, влияющие на развитие акушеров посредством образования: возможность получения категории, возможности для обучения без отрыва от производства и во время перерывов по уходу за детьми, поддержка и обратная связь со стороны старших коллег, собственное понимание важности непрерывного образования и поддержки со стороны руководства, в качестве меры по удержанию персонала [47], которые скорее свидетельствуют об экстерналистской мотивации акушеров к повышению квалификации.

Таким образом, мы можем констатировать, что зарубежными исследователями изучаются качественные составляющие профессионализма акушеров, мотивы выбора профессии, профессиональной

деятельности и повышения квалификации в контексте теории самодетерминации, профессиональная идентичность и профессиональная компетентность акушеров, но не производятся их количественные измерения, что не позволяет сделать вывод о степени их выраженности и связанности с мотивационно-ценностными и другими структурами личности акушеров для разработки и реализации специальных психолого-педагогических мероприятий в образовательной и производственной средах.

Наша исследовательская работа была направлена на анализ уровня профессиональной направленности личности акушеров, как одного из факторов, влияющих на реализацию модели непрерывного медицинского образования, а также жизненные ценности, профессиональный и личностный опыт, среди действующих специалистов по акушерскому делу, имеющих практический опыт работы по данной специальности,

Методы

Выборку исследования составили 92 практикующих акушера со средним профессиональным образованием по специальности 31.02.02 «Акушерское дело», работающих в государственных и частных медицинских учреждениях. Социально-демографические характеристики участников включают средний возраст – 36 лет, среднюю продолжительность рабочего стажа – 15 лет.

Предметом исследования стала профессиональная направленность акушеров и её связь со смысложизненными ориентациями, личным и профессиональным опытом.

Использованные методы включали применение теста-опросника «Уровень профессиональной направленности студентов» (УПН)

Т. Д. Дубовицкой [5], теста «Смысложизненные ориентации» (СЖО)

Д. А. Леонтьева [20] в новой структурной интерпретации Е. Н. Осина и Н. В. Кошелевой [24], проективную методику «Профессиональные ситуации в работе акушеров» (ПСРА) Елизарова Е. С. [7], вопросы анкетные социально-демографического характера. Для получения статистических показателей было использовано программное обеспечение Statistica 10.

Результаты

Уровневые показатели исследуемых параметров представлены в таблице.

Таблица – Уровневые показатели исследуемых параметров

Table – Level indicators of the studied parameters

УПН	ПСРА	СЖО				
		про- цесс	цели	результат	локус контроля	общий по- казатель
15	70	27	30	22	23	114

Группа практикующих акушеров продемонстрировала высокий уровень профессиональной направленности, набрав 15 баллов согласно тесту-опроснику УПН. Положительная оценка выбранной специальности проявляется через стремление к профессиональному росту и совершенствованию практических навыков. Накопленный опыт работы позволяет специалистам успешно адаптироваться к требованиям профессии и рабочим условиям. Мотивация к постоянному саморазвитию становится ключевым фактором карьерного роста для акушеров с высокими показателями профессиональной направленности. Профессиональная деятельность занимает важное место в системе жизненных ценностей специалистов акушерского профиля [5].

Обследованный нами медицинский персонал можно разделить на три группы: целевую, промежуточную и ментальную (от англ. *mentee* – наставляемый, подопечный ментора) [7]. Средний показатель по методике ПСРА равен 70 процентам, это означает, что большинство специалистов относятся к промежуточной группе, демонстрируя средний уровень квалификации и профессиональной мотивации. Медицинские работники данной категории обладают структурированными знаниями и достаточно эффективными практическими навыками. Либеральный подход специалистов промежуточной группы к взаимодействию с пациентами характеризуется минимальным стремлением к индивидуализации лечебного процесса. Недостаточное внимание к потребностям пациентов приводит к снижению качества медицинского обслуживания и нарушению коммуникации между акушером и пациентом [7].

Результаты исследования акушеров по методике смысловых ориентаций выявили неоднозначную картину. Высокие баллы по шкале «Цели свидетельствуют о наличии четких жизненных устремлений и осмысленном планировании будущего. Анализ остальных параметров методики

демонстрирует средние значения по шкалам «Процесс» и «Лocus контроля», а также погранично-высокие показатели по шкале «Результат». Данное сочетание указывает на вероятность несбалансированного целеполагания у практикующих специалистов. Отсутствие полноценного удовлетворения текущей деятельностью, недостаточное ощущение контроля над жизненными обстоятельствами, и высокая оценка прошлых достижений создают риск нереализованности намеченных планов. Подобный дисбаланс между амбициозными целями и имеющимися ресурсами может привести к профессиональной фрустрации и эмоциональному выгоранию медицинских работников [20]. Средние значения по шкале «Процесс» свидетельствуют об умеренной удовлетворенности текущей жизнью и эмоциональной насыщенностью повседневности. Профессиональная деятельность акушеров приносит им определенное удовлетворение, хотя некоторые жизненные аспекты могут вызывать дискомфорт [20]. Высокие баллы по шкалам «Цели» и «Результат» демонстрируют четкую направленность жизненных устремлений специалистов. Акушеры находят глубокий смысл как в достигнутых результатах, так и в планируемых свершениях. Продуктивность прожитого этапа жизни оценивается респондентами положительно, что подтверждается показателями по шкале «Результат» [20]. Средние значения по шкале «Лocus контроля» отражают сбалансированное восприятие акушерами собственной способности управлять жизненными процессами через осознанный выбор решений. Высокие баллы по шкале «Общий показатель» теста указывают на наличие устойчивых жизненных ориентиров и ценностных установок. Профессиональная деятельность респондентов гармонично вписывается в их представления о полноценной жизни [20], хотя и не является для них средством самореализации.

На основе полученных данных был проведен корреляционный анализ между ис-

следующими показателями, данные представлены на схеме.

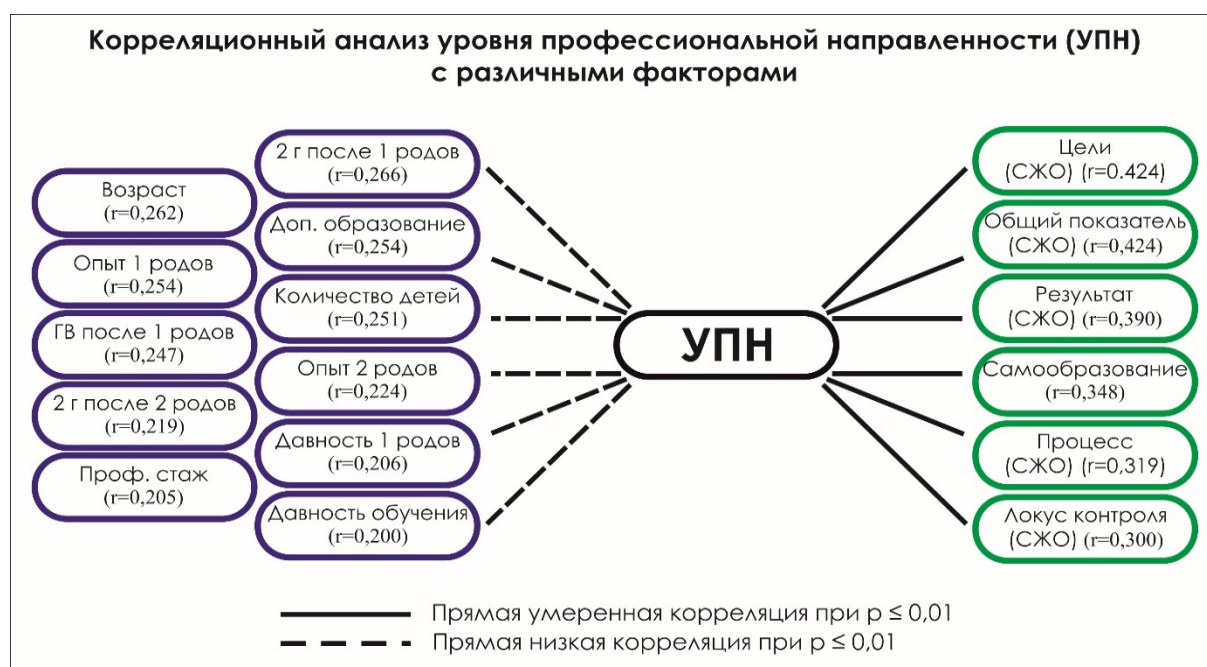

Схема – Корреляционный анализ уровня профессиональной направленности (УПН) с различными факторами.

Scheme – Correlation analysis of the level of professional orientation (LPO) with various factors

Результаты демонстрируют наличие различных положительных корреляций между уровнем профессиональной направленности и другими аспектами, приведенными ниже.

Первый показатель – шкала «Цели» в тесте СЖО ($r=0,424$, $p \leq 0,01$). Эта корреляция такой же силы, как и с общим показателем, что подчеркивает обоюдное влияние профессиональной направленности акушеров и их жизненными целями. Те, кто имеет более четкие жизненные цели, вероятно, имеют более высокий уровень профессиональной направленности, который, в свою очередь, может определять те самые жизненные цели.

Второй показатель – шкала «Общий показатель» теста СЖО ($r=0,424$, $p \leq 0,01$). Это указывает на то, что акушеры с более высоким уровнем профессиональной направленности склонны иметь более осмысленное восприятие жизни в целом. Они, вероятно, лучше понимают свои жизненные цели и находят больше смысла в своей профессиональной деятельности.

Третий показатель – шкала «Результат» в тесте СЖО ($r=0,390$, $p \leq 0,01$). Эта корреляция показывает, что акушеры с высоким уровнем профессиональной направленности склонны более позитивно оценивать

результативность своей жизни и деятельности.

Четвертый показатель – самообразование – изучение дополнительной информации по акушерству и гинекологии по собственной инициативе ($r=0,348$, $p \leq 0,01$). Данная корреляция указывает на то, что акушеры с более высоким уровнем профессиональной направленности проявляют большую инициативу в самообразовании и профессиональном развитии.

Пятый показатель – шкала «Процесс» в тесте СЖО ($r=0,319$, $p \leq 0,01$). Эта корреляция показывает, что акушеры с высоким уровнем профессиональной направленности склонны положительно оценивать процесс своей жизни, считают её осмысленной, насыщенной и интересной, получают удовольствие и удовлетворение от различных её аспектов, в том числе и от профессиональной деятельности.

Шестой показатель – шкала «Локус контроля» в тесте СЖО ($r=0,300$, $p \leq 0,01$). Эта корреляция демонстрирует, что акушеры с высоким уровнем профессиональной направленности склонны иметь более выраженный внутренний локус контроля, то есть убеждены в своей способности влиять на события в своей жизни.

Седьмой показатель – субъективная оценка своего физического и психоэмо-

ционального состояния через 2 года после первых родов ($r=0,266$, $p\leq 0,01$). Это может указывать на то, что позитивный личный опыт материнства может способствовать повышению уровня профессиональной направленности акушеров.

Восьмой показатель – возраст акушеров ($r=0,262$, $p\leq 0,01$). Это может свидетельствовать о том, что с возрастом и накоплением опыта уровень профессиональной направленности акушеров имеет тенденцию к повышению.

Девятый показатель – прохождение дополнительного профессионального образования в области акушерства и перинатологии по собственной инициативе ($r=0,254$, $p\leq 0,01$). Это указывает на то, что акушеры с более высоким уровнем профессиональной направленности чаще стремятся повышать свою квалификацию, руководствуясь своим личным желанием.

Десятый показатель – субъективная оценка опыта своих первых родов ($r=0,254$, $p\leq 0,01$), что подтверждает влияние личного опыта на уровень профессиональной направленности.

Одиннадцатый показатель – фактическое количество детей у акушеров ($r=0,251$, $p\leq 0,01$). Это может указывать на то, что личный опыт материнства способствует повышению уровня профессиональной направленности.

Двенадцатый показатель – продолжительность грудного вскармливания после своих первых родов ($r=0,247$, $p\leq 0,01$). Это может свидетельствовать о связи между успешным опытом грудного вскармливания и уровнем профессиональной направленности.

Тринадцатый и четырнадцатый показатели – субъективная оценка опыта своих вторых родов ($r=0,224$, $p\leq 0,01$) и субъективная оценка физического и психоэмоционального состояния после своих вторых родов ($r=0,219$, $p\leq 0,01$), хотя и в меньшей степени, чем опыт первых родов, подтверждает влияние личного опыта на уровень профессиональной направленности.

Пятнадцатый, шестнадцатый и семнадцатый показатели – срок давности своих первых родов ($r=0,206$, $p\leq 0,01$), профессиональный стаж ($r=0,205$, $p\leq 0,01$) и срок окончания обучения по специальности акушерское дело ($r=0,200$, $p\leq 0,01$) показывают наименьшие, но все же значимые корреляции с уровнем профессиональной направленности.

Обсуждение

Уровень профессиональной направленности у работающих акушеров характеризуется достаточно высоким значением. Однако по результатам проективной мето-

дики (ПСРА) их можно отнести к «промежуточной» группе. Это позволяет заключить, что респонденты являются квалифицированными специалистами с положительным отношением к своей работе, которая, тем не менее, не приносит им дополнительного смысла в жизни и не служит средством самовыражения. Совместный анализ этих данных и результатов теста СЖО указывает на то, что действующие акушеры, несмотря на наличие ясных и чётких целей, испытывают лишь частичное удовлетворение от своей текущей работы и не всегда ощущают влияние своих действий и решений на конечные итоги. Акушерская практика хотя и занимает важное место в их жизни, но не наделяет её дополнительным смыслом, а воспринимается как способ достижения других, внепрофессиональных, жизненных целей и служит для удовлетворения различных потребностей (таких как обеспечение жизнедеятельности, принадлежность к группе, признание и т. д.).

Диагностика смысловых ориентаций выявляет наличие у акушеров четко сформированных целевых установок при общей удовлетворенности текущими жизненными результатами. Практикующие специалисты не всегда прослеживают прямую связь между принятыми решениями и итоговыми показателями деятельности. Акушерская практика занимает важное положение в жизни специалистов, выступая преимущественно способом реализации внепрофессиональных задач, включая материальное обеспечение, социальную интеграцию, общественное признание.

Заключение

Исследование показало, что существует значимая положительная связь между уровнем профессиональной направленности акушеров и их смысловыми ориентациями, указывающая на взаимосвязь между профессиональной активностью и осмысленностью жизни. Также выявлено, что акушеры с высокой профессиональной направленностью более склонны к самообразованию, активно изучают новую информацию и проходят дополнительное обучение. Личный опыт материнства, включая позитивный опыт родов и грудного вскармливания, также оказывает влияние на уровень профессиональной направленности, равно как и возраст и профессиональный стаж. Эти результаты подчеркивают важность личного и профессионального опыта, а также стремления к развитию в повышении уровня профессиональной направленности акушеров.

Результаты исследования подчеркивают комплексную природу профессиональной

направленности акушеров, которая формируется во взаимосвязи как с личностными факторами (смысложизненными ориентациями, стремлением к саморазвитию), так и профессиональным и личным опытом. Полученные результаты согласуются с теориями А. Н. Леонтьева о взаимосвязи смысловых ориентаций и профессиональной деятельности, Э. Ф. Зеера о роли самообразования в профессиональном развитии, Е. А. Климова о развитии профессионализма с опытом, о связи мотивации, личного и профессионального развития Э. Л. Деси и Р. М. Райана. Они имеют практическую значимость для разработки программ профессионального развития акушеров и совершенствования системы их подготовки.

Полученные данные могут быть использованы для разработки стратегий повышения профессиональной мотивации акушеров, включая поддержку их стремления к самообразованию, создание условий для осмысленной профессиональной деятельности и учет личного опыта материнства в профессиональном развитии.

Необходимы дальнейшие исследования для более глубокого понимания причинно-следственных связей между выявленными факторами и профессиональной направленностью акушеров, а также для разработки эффективных методов поддержки и повышения уровня их профессиональной направленности.

Список источников

1. Афонькина Ю. А. Становление профессиональной направленности в развитии человека. Мурманск: МГПИ, 2001. 180 с.
2. Бакшаева Н. А. Психология мотивации студентов / Н. А. Бакшаева, А. А. Вербицкий. М. : Урайт, 2019. 178 с.
3. Деркач А. А. Акмеология. М. : РАГС, 2004. 688 с.
4. Доника А. Д. Профессия врача в современной измерительной системе оценки социального статуса // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6-2(37). С. 106–107.
5. Дубовицкая Т. Д. Диагностика уровня профессиональной направленности студентов // Психологическая наука и образование. 2004. № 2. С. 82–86.
6. Елизаров Е. С. Анализ проблематики профессиональной направленности студентов медицинских специальностей в отечественной и зарубежной литературе / Е. С. Елизаров, К. Н. Белогай // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2023. Т. 43. С. 3–18.
7. Елизаров Е. С. Апробация методики «Профессиональные ситуации в работе акушеров» // Актуальные проблемы развития образования на современном этапе: материалы симпозиума XVIII (L) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченной к 50-летию КемГУ, Кемерово, 20 апреля 2023 года / Науч. ред. К. Н. Белогай. Вып. 24. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. С. 133–137.
8. Журавлева Г. А. Профессиональная направленность студенческой молодежи // Социологические исследования профессиональной ориентации молодежи. Москва, 1975. С. 69–77.
9. Заболотная С. Г. Изучение врачебных династий как средство формирования профессиональной направленности студентов медицинского вуза / С. Г. Заболотная, И. А. Коровина, О. В. Назина // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 61.
10. Заболотная С. Г., Коровина И. А., Назина О. В. Анализ ценностных приоритетов студентов медицинского вуза в условиях формирования профессиональной направленности при обучении иностранному языку / С. Г. Заболотная, И. А. Коровина, О. В. Назина // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. С. 12–20.
11. Зеер Э. Ф., Зиннатова М. В. Психологическое профессиональное образование: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 135 с.
12. Климов Е. А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд): учебное пособие. М. : Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. 320 с.
13. Колденков А. Г. Анализ факторов формирования профессиональной направленности студентов технического вуза // Вестник ЛГУ. 1977. № 5.
14. Коровина И. А. Самообразовательная деятельность как фактор формирования профессиональной направленности студента-медика: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Коровина Ирина Алексеевна. Оренбург, 2012. 23 с.
15. Кузнецова Е. В. Профессиональная направленность студентов медицинского вуза в становлении личности врача // Фундаментальная наука и технологии – перспективные

- разработки: материалы XXIV Международной научно-практической конференции, North Charleston, 07–08 декабря 2020 года. Morrisville: LuluPress, Inc., 2020. С. 73–75.
16. Кузьмина Н. В. Очерки психологии труда учителя и формирования его личности. М., 1967. 183 с.
17. Кулов А. У. К определению понятия «Профессиональная направленность» личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3 (53). С. 169–172.
18. Кунц Л. И. Профессиональная направленность и направленность личности // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-napravlennost-i-napravlennost-lichnosti> (дата обращения: 26.07.2024).
19. Лабзова И. Ю. Теория самоопределения и её применение в зарубежной образовательной практике // Человек и образование. 2017. № 3 (52).
20. Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2000. 18 с.
21. Михайлова О. Д. Значение практики по получению первичных профессиональных умений и навыков в формировании профессиональной направленности студентов медицинского вуза / О. Д. Михайлова, Н. А. Хохлачева, Я. М. Вахрушев // Актуальные вопросы современного медицинского образования: материалы II Международной научно-практической конференции, Ижевск, 16–17 декабря 2021 года. Ижевск, 2021. С. 212–215.
22. Нестерова Н. Б. Профессиональная направленность студентов технического вуза // Экономика и экологический менеджмент. 2014. № 2. С. 1–9.
23. Осин Е. Н. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности / Е. Н. Осин, А. А. Горбунова, Т. О. Гордеева // Организационная психология. 2017. № 4.
24. Осин Е. Н. Тест смысловых ориентаций: новые данные о структуре и валидности / Е. Н. Осин, Н. В. Кошелева // Вопросы психологии. 2020. № 6. С. 150–163.
25. Семененко И. Г. Эффективность обучения в «школе здоровья» в зависимости от стиля педагогического общения / И. Г. Семененко, И. В. Кожемякина, Ю. О. Ким [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 1. С. 47.
26. Шавир П. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. М. : Педагогика, 1981. 96 с.
27. Arundell F., Peters K., Sheehan A. Professional identity: Students' learning from the attributes and behaviours of midwives on clinical placement. *Women Birth*. 2024 Sep;37(5):101657. doi: 10.1016/j.wombi.2024.101657. Epub 2024 Jul 16. PMID: 39018603.
28. Asamoah Ampofo E., Caine V., Clandinin D. J. Narrative Inquiry into the Professional Identity-Making of Ghanaian Midwives // *Journal of Medical Education and Curricul Development*. 2022. P. 135–137.
29. Bacheva M. Personal profile and social orientations in the interpersonal relationships among students in the field of health care // *Trakia Journal of Sciences*. 2020. Vol. 18. Suppl. 1. P. 222–229.
30. Ball L., Curtis P., Kirkham M. Why do Midwives Leave? Women's Informed Childbearing and Health Research Group. 2002, University of Sheffield, Sheffield.
31. Budiarti Y. The Factor Contributing Most to Midwife's Professional Character. Proceedings of the International Conference on Educational Psychology and Pedagogy – "Diversity in Education" (ICEPP 2019), 2020. doi:10.2991/ASSEHR.K.200130.125.
32. D'Alleva A., Coco A., Pelusi G., Gatti C., Bussotti P., Lazzari D., Bracci M., Minelli A., Gasperini B., Prospero E. Impact of Work Motivation on Occupational Health in Healthcare Workers. *Healthcare* 2023, 11, 3056. <https://doi.org/10.3390/healthcare11233056>.
33. Deci E. L., Ryan R. M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychol. Inq.* 2000, 11, 227–268.
34. Deci E. L., Ryan R.M. *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior*; Plenum: New York, NY, USA, 1985.
35. Doroszewska A. The social roles of midwives. An analysis the profession of midwife from the perspective of sociology of medical professions. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy, Warsaw, 2013. 303 p.
36. Erkus G., Dinc L. Turkish nurses' perceptions of professional values // *Journal of Professional Nursing*. 2018. № 34 (3). P. 226–232.
37. Feijen-de Jong, Kool L., Peters L., Jansen D., Perceptions of newly graduated fourth year midwifery students regarding a 'good midwife' in the Netherlands. *Midwifery* 50 (2017). 157–162.
38. Forde M. Phenomenon of becoming a midwife. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy. Liverpool, 2014. 372 p.

39. Goldie J. (2012). The formation of professional identity in medical students: Considerations for educators. *Medical teacher*. 34. 641-8. 10.3109/0142159X.2012.687476.
40. Halldorsdottir S., Karlsdottir S. The primacy of the good midwife in midwifery services: an evolving theory of professionalism in midwifery, *Scand. J. Caring Sci.* 25 (2011). 806–807.
41. Hendel T., Kagan I. Organisational values and organisational commitment: do nurses' ethno-cultural differences matter? // *Journal of Nursing Management*. 2014. № 22 (4). P. 499–505.
42. Hunter B. Conflicting ideologies as a source of emotion work in midwifery. *Midwifery* 2004; 20: 261–72.
43. Laszlo H, Strettle RJ. Midwives' motivation for continuing education. *Nurse Educ Today*. 1996 Oct;16(5):363-7. doi: 10.1016/s0260-6917(96)80010-4. PMID: 9025526.
44. Molodozhnikova N. M., Biryukova N. V., Lazareva J. B. Formation of professional orientation of high school students to medical profession by using ICT tools // *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. 2020. Vol. 15. № 1. P. 231–239.
45. Monrouxe L. V. Solicited audio diaries in longitudinal narrative research: a view from inside // *Qualitative Research*. 2009. № 9 (1). P. 81–103.
46. Poorchangizi B., Borhani F., Abbaszadeh A., Mirzaee M., Farokhzadian J. Professional Values of Nurses and Nursing Students: a comparative study // *BMC Medical Education*. 2019. № 19 (1). P. 438–446.
47. Robinson S. Professional development in midwifery: findings from a longitudinal study of midwives' careers. *Nurse Educ Today*. 1994 Jun;14(3):161-76. doi: 10.1016/0260-6917(94)90078-7. PMID: 7968960.
48. Sim-Sim M., Zangão O., Barros M., Frias A., Dias H., Santos A., Aaberg V. Midwifery Now: Narratives about Motivations for Career Choice // *Education Sciences*. 2022. N. 12. P. 243–252.
49. Weis D., Schank M.J. Professional values and empowerment: a role for continuing education // *The Journal of Continuing Education in Nursing*. 1991. № 22 (2). P. 50–53.

References

1. Afon'kina YU. A. Stanovlenie professional'noj napravlenosti v razvitii cheloveka. Murmansk: MGPI, 2001. 180 s. (In Russ.).
2. Bakshaeva N. A. Psihologiya motivacii studentov / N. A. Bakshaeva, A. A. Verbickij. M. : YUrajt, 2019. 178 s. (In Russ.).
3. Derkach A. A. Akmeologiya. M. : RAGS, 2004. 688 s. (In Russ.).
4. Donika A. D. The profession of a doctor in the modern system of measuring social status // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2015;6-2(37): 106–107. (In Russ.).
5. Dubovickaya T. D. Diagnosis of the level of professional orientation of students // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2004;2: 82–86. (In Russ.).
6. Elizarov E. S. Analysis of the professional orientation of medical students in Russian and foreign literature / E. S. Elizarov, K. N. Belogaj // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*. 2023. T. 43. S. 3–18. (In Russ.).
7. Elizarov E. S. Aprobaciya metodiki «Professional'nye situacii v rabote akusherov» // *Aktual'nye problemy razvitiya obrazovaniya na sovremennom etape: materialy simpoziuma XVIII (L) Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh, priurochennoj k 50-letiyu KemGU, Kemerovo, 20 aprelya 2023 goda / Nauch. red. K. N. Belogaj. Vyp. 24. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 133–137. (In Russ.).*
8. ZHuravleva G. A. Professional'naya napravlenost' studencheskoj molodezhi // *Sociologicheskie issledovaniya professional'noj orientacii molodezhi*. Moskva, 1975. S. 69–77. (In Russ.).
9. Zabolotnaya S. G. Studying Medical Dynasties as a Means of Forming the Professional Orientation of Medical University Students / S. G. Zabolotnaya, I. A. Korovina, O. V. Nazina // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2019;3: 61. (In Russ.).
10. Zabolotnaya S. G. Analysis of the value priorities of medical university students in the context of developing a professional focus in foreign language teaching / S. G. Zabolotnaya, I. A. Korovina, O. V. Nazina // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2018;4: 12–20. (In Russ.).
11. Zeer E. F., Zinnatova M. V. Psihologicheskoe professiovedenie: uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2019. 135 s. (In Russ.).
12. Klimov E. A. Puti v professionalizm (Psihologicheskij vzglyad): uchebnoe posobie. M. : Moskovskij psihologo-social'nyj institut: Flinta, 2003. 320 s. (In Russ.).
13. Koldenkov A. G. Analysis of the factors influencing the professional orientation of technical university students // *Vestnik LGU*. 1977;5. (In Russ.).
14. Korovina I. A. Samoobrazovatel'naya deyatel'nost' kak faktor formirovaniya professional'noj napravlenosti studenta-medika: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Korovina Irina

Alekseevna. Orenburg, 2012. 23 s. (In Russ.).

15. Kuznecova E. V. Professional'naya napravlennost' studentov medicinskogo vuza v stanovlenii lichnosti vracha // Fundamental'naya nauka i tekhnologii – perspektivnye razrabotki: materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, North Charleston, 07–08 dekabrya 2020 goda. Morrisville: LuluPress, Inc., 2020. S. 73–75. (In Russ.).

16. Kuz'mina N. V. Ocherki psikhologii truda uchitelya i formirovaniya ego lichnosti. M., 1967. 183 s. (In Russ.).

17. Kulov A. U. To define the concept of "Professional Orientation" of an individual // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2013;3 (53): 169–172. (In Russ.).

18. Kunc L. I. Professional orientation and personality orientation // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2013;4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-napravlennost-i-napravlennost-lichnosti> (data obrashcheniya: 26.07.2024). (In Russ.).

19. Labzova I. YU. The theory of self-determination and its application in foreign educational practice // CHelovek i obrazovanie. 2017;3 (52). (In Russ.).

20. Leont'ev D. A. Test smyslozhiznennykh orientacij (SZHO). 2-e izd. M. : Smysl, 2000. 18 c. (In Russ.).

21. Mihajlova O. D. Znachenie praktiki po polucheniyu pervichnykh professional'nykh umeniy i navykov v formirovanii professional'noj napravlennosti studentov medicinskogo vuza / O. D. Mihajlova, N. A. Hohlicheva, YA. M. Vahrushev // Aktual'nye voprosy sovremennogo medicinskogo obrazovaniya: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Izhevsk, 16–17 dekabrya 2021 goda. Izhevsk, 2021. S. 212–215. (In Russ.).

22. Nesterova N. B. Professional orientation of technical university students // Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. 2014;2: 1–9. (In Russ.).

23. Osin E. N. Professional Motivation of Employees in Russian Enterprises: Diagnostics and Links to Well-Being and Success / E. N. Osin, A. A. Gorbunova, T. O. Gordeeva // Organizacionnaya psikhologiya. 2017;4. (In Russ.).

24. Osin E. N. The Test of Life Orientation: New Data on Structure and Validity / E. N. Osin, N. V. Kosheleva // Voprosy psikhologii. 2020;6: 150–163. (In Russ.).

25. Semenenko I. G. The effectiveness of teaching in a "health school" depends on the style of pedagogical communication / I. G. Semenenko, I. V. Kozhemyakina, YU. O. Kim [i dr.] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2022;1: 47. (In Russ.).

26. SHavir P. A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya v rannej yunosti. M. : Pedagogika, 1981. 96 s. (In Russ.). 27. Arundell F., Peters K., Sheehan A. Professional identity: Students' learning from the attributes and behaviours of midwives on clinical placement. Women Birth. 2024 Sep;37(5):101657. doi: 10.1016/j.wombi.2024.101657. Epub 2024 Jul 16. PMID: 39018603. (In Russ.).

28. Asamoah Ampofo E., Caine V., Clandinin D. J. Narrative Inquiry into the Professional Identity-Making of Ghanaian Midwives // Journal of Medical Education and Curricul Development. 2022. P. 135–137.

29. Bacheva M. Personal profile and social orientations in the interpersonal relationships among students in the field of health care // Trakia Journal of Sciences. 2020. Vol. 18. Suppl. 1. P. 222–229.

30. Ball L., Curtis P., Kirkham M. Why do Midwives Leave? Women's Informed Childbearing and Health Research Group. 2002, University of Sheffield, Sheffield.

31. Budiarti Y. The Factor Contributing Most to Midwife's Professional Character. Proceedings of the International Conference on Educational Psychology and Pedagogy – "Diversity in Education" (ICEPP 2019), 2020. doi:10.2991/ASSEHR.K.200130.125.

32. D'Alleva A., Coco A., Pelusi G., Gatti C., Bussotti P., Lazzari D., Bracci M., Minelli A., Gasperini B., Prospero E. Impact of Work Motivation on Occupational Health in Healthcare Workers. Healthcare 2023, 11, 3056. <https://doi.org/10.3390/healthcare11233056>.

33. Deci E. L., Ryan R. M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. Psychol. Inq. 2000, 11, 227–268.

34. Deci E. L., Ryan R.M. Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior; Plenum: New York, NY, USA, 1985.

35. Doroszewska A. The social roles of midwives. An analysis the profession of midwife from the perspective of sociology of medical professions. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy, Warsaw, 2013. 303 p.

36. Erkus G., Dinc L. Turkish nurses' perceptions of professional values // Journal of Professional Nursing. 2018. № 34 (3). P. 226–232.

37. Feijen-de Jong, Kool L., Peters L., Jansen D., Perceptions of newly graduated fourth year midwifery students regarding a 'good midwife' in the Netherlands. Midwifery 50 (2017). 157–162.

38. Forde M. Phenomenon of becoming a midwife. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy. Liverpool, 2014. 372 p.

39. Goldie J. (2012). The formation of professional identity in medical students: Considerations for

educators. Medical teacher. 34. 641-8. 10.3109/0142159X.2012.687476.

40. Halldorsdottir S., Karlsdottir S. The primacy of the good midwife in midwifery services: an evolving theory of prrofessionalism in midwifery, Scand. J. Caring Sci. 25 (2011). 806–807.

41. Hendel T., Kagan I. Organisational values and organisational commitment: do nurses' ethno-cultural differences matter? // Journal of Nursing Management. 2014. № 22 (4). P. 499–505.

42. Hunter B. Conflicting ideologies as a source of emotion work in midwifery. Midwifery 2004; 20: 261–72.

43. Laszlo H, Strettle RJ. Midwives' motivation for continuing education. Nurse Educ Today. 1996 Oct;16(5):363-7. doi: 10.1016/s0260-6917(96)80010-4. PMID: 9025526.

44. Molodozhnikova N. M., Biryukova N. V., Lazareva J. B. Formation of professional orientation of high school students to medical profession by using ICT tools // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. Vol. 15. № 1. P. 231–239.

45. Monrouxe L. V. Solicited audio diaries in longitudinal narrative research: a view from inside // Qualitative Research. 2009. № 9 (1). P. 81–103.

46. Poorchangizi B., Borhani F., Abbaszadeh A., Mirzaee M., Farokhzadian J. Professional Values of Nurses and Nursing Students: a comparative study // BMC Medical Education. 2019. № 19 (1). P. 438–446.

47. Robinson S. Professional development in midwifery: findings from a longitudinal study of midwives' careers. Nurse Educ Today. 1994 Jun;14(3):161-76. doi: 10.1016/0260-6917(94)90078-7. PMID: 7968960.

48. Sim-Sim M., Zangão O., Barros M., Frias A., Dias H., Santos A., Aaberg V. Midwifery Now: Narratives about Motivations for Career Choice // Education Sciences. 2022. N. 12. P. 243–252.

49. Weis D., Schank M.J. Professional values and empowerment: a role for continuing education // The Journal of Continuing Education in Nursing. 1991. № 22 (2). P. 50–53.

Информация об авторах

Information about the authors

К. Н. Белогай – доктор психологических наук,
доцент

K. N. Belogaj – Doctor of Sciences (Psychology),
Docent

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 23.04.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 373.41

ФЕНОМЕН АДАПТАЦИИ И ЕГО ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО ВУЗА

Полина Александровна Гордеева

¹Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Новосибирск, Россия

²Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия
t35749@gmail.com

Аннотация. В публикации представлены результаты анализа теоретических и практических диспозиций феномена адаптации, рассмотрены основные стратегии его применения в образовательной среде военного вуза. Констатируется, что процесс адаптации и адаптированности привлекал учёных самых разных специальностей и направлений, в том числе: психологии, физиологии, социологии, биологии, философии и других наук. Отмечено, что адаптация обучающегося к образовательной среде высшей школы – многогранный процесс, его успешность зависит не только от организации образовательной среды высшего учебного заведения, но и от внутренней мотивации курсанта, его заинтересованности в учебе, его планах на будущее, его довузовской подготовки, личного жизненного опыта и др. Процесс адаптации носит не пассивно-приспособленческий характер, а активно-созидательный, преобразующий, является мощным стимулом для развития личности. Адаптированность курсантов в военном вузе является результатом процесса адаптации к профессиональной деятельности офицера и характеризуется чрезвычайной сложностью. Одной из главных проблем курсантов военных вузов является адаптация к образовательной среде военного вуза, которая включает: адаптацию к новым условиям проживания и обучения; к началу исполнения служебных обязанностей; адаптацию в учебной группе и межличностном общении и взаимодействии с командирами. Автором акцентировано, что помощь в адаптации курсантов к новому и при этом сложному, эмоционально насыщенному образу жизни на начальном обучении – чрезвычайно важная задача. Необходимо, чтобы каждый выпускник военного вуза не жалел о приобретенной специальности, понимал её государственную значимость и от этого испытывал чувство личного психологического благополучия. В этой связи интеграция личностно ориентированного, средового и субъектно-деятельностного подходов должна стать методологической основой в осуществлении психологического сопровождения и психологической поддержки курсантов военных вузов, направленной на помощь в адаптации и улучшении состояния, связанного с психологическим благополучием каждого курсанта.

Ключевые слова: адаптация, обучающийся, курсант, военный вуз, образовательная среда, обучение, образовательный процесс

Для цитирования: Гордеева П.А. Феномен адаптации и его основные стратегии в образовательной среде военного вуза // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 145–153. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/014.pdf>.

Original article

THE PHENOMENON OF ADAPTATION AND ITS MAIN STRATEGIES IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A MILITARY UNIVERSITY

Polina A. Gordeeva

¹Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia

²Federal State Budgetary Scientific Institution Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
t35749@gmail.com

Abstract. The publication presents the results of the analysis of theoretical and practical dispositions of the adaptation phenomenon, and discusses the main strategies for its application in the educational environment of a military university. It is stated that the process of adaptation and adaptability has attracted scientists from various fields, including psychology, physiology, sociology,

ВЕСТНИК ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ. 2025. № 3 (32). ISSN 3033-5949 (онлайн)
VESTNIK VOENNOJ AKADEMII VOJSK NACIONAL'NOJ GVARДИИ. 2025;3(32). ISSN 3033-5949 (online)

biology, philosophy, and other sciences. It is noted that the adaptation of a student to the educational environment of a higher education institution is a multifaceted process, and its success depends not only on the organization of the educational environment of a higher education institution, but also on the internal motivation of the student, their interest in learning, their plans for the future, their university training, their personal life experience, and so on. The adaptation process is not passive and accommodating, but rather active and creative, and it is a powerful stimulus for personal development. The adaptability of cadets in a military university is the result of the process of adaptation to the professional activities of an officer and is characterized by extreme complexity. One of the main problems of cadets in military universities is the adaptation to the educational environment of a military university, which includes: adaptation to new living and learning conditions; adaptation to the beginning of performing official duties; adaptation in a study group and interpersonal communication and interaction with commanders. The author emphasizes that helping cadets adapt to a new and at the same time difficult, emotionally charged way of life during the initial training is an extremely important task. It is necessary that every graduate of a military university does not regret the acquired specialty, understands its national significance, and therefore experiences a sense of personal psychological well-being. In this regard, the integration of person-oriented, environmental, and subject-activity approaches should become the methodological basis for the implementation of psychological support and psychological assistance to cadets of military universities, aimed at helping them adapt and improve their psychological well-being.

Keywords: adaptation, student, cadet, military university, educational environment, learning, educational process

For citation: Gordeeva P.A. The phenomenon of adaptation and its main strategies in the educational environment of a military university. *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;3(32):145–153. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/014.pdf>.

© Гордеева П.А., 2025

Введение

Понятие адаптации является междисциплинарной категорией, использующей во многих науках. Впервые термин «адаптация» был введен немецким физиологом Г. Аубертом в 1865 году, в переводе с латинского «adaptatio» – приспособляю. Адаптация (с лат. adaptatio – приспособление) – процесс выработки приспособлений к изменившейся среде. Формы приспособления могут быть разными (физические, биологические, социальные, культурные, психологические и др.). Человек живет в постоянно меняющейся социальной среде, поэтому процессы адаптации развиваются непрерывно, на протяжении всей жизни индивида [9, 22].

Основные положения

Процесс адаптации и адаптированности привлекал ученых самых разных специальностей и направлений, в том числе: социологии (Д. А. Андреева; Ю. К. Бабанский и др.), биологии, философии (В. Ю. Верещагин; Г. И. Царегородцев [24] и др.), медицины, психотерапии (Н. В. Бехтерева; Н. А. Литвинова и др.); педагогики (А. С. Макаренко; В. А. Сухомлинский, Т. С. Шацкий [25] и др.) и психологии (С. А. Гапонова, Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Р. М. Шамионов, М. С. Яницкий и др.). Вопросы адаптации человека в различных областях психологии занимались:

Л. С. Выготский (1930); С. Л. Рубинштейн (1946); Б. Г. Ананьев (1968); Э. Ф. Зеер [12] (1970–1980); А. В. Петровский (1982); А. Г. Асмолов (1990); А. В. Мудрик (1997); М. С. Яницкий (2007); Л. Г. Дикая (2005–2007); И. С. Якиманская (2008); В. М. Долгова (2006–2009) и др. В основе современного представления об адаптации лежат исследования физиологов И. М. Сеченова (1829–1905), И. П. Павлова (1849–1936), В. М. Бехтерева (1857–1927), Г. Селье (1907–1982) и др. Идеи И. М. Сеченова и И. П. Павлова основывались на гомеостазе, позволяющем поддерживать постоянство внутренней равновесной среды. Любое же внешнее воздействие оказывает давление на данное равновесие. Процесс компенсации направлен на поддержание равновесного состояния организма и преодоления внешнего воздействия. В работах И. П. Павлова было доказано, что в результате длительного неблагоприятного воздействия на организм возникают нарушения в работе внутренних органов. В. М. Бехтерев отмечает, что успешная адаптация отвечает интересам социального отбора. По словам ученого: «успешнее адаптируются те, кто разделяет установленные в обществе нормы...» В. М. Бехтерев отмечал, что «...чем богаче и разнообразнее опыт взаимодействия со средой, тем успешнее будет адаптация». А. Д. Сперанский (1887–1961)

говорит о ведущей роли нервной системы, выражающейся в ответных реакциях на раздражитель. Г. Селье [19] изучая влияние стресса на человека, отмечал его негативное влияние на физическое состояние организма, при этом разделил его на две категории: eustress (положительный) и distress (отрицательный). Положительный стресс, согласно автору, позволяет индивиду мобилизовать ресурсы перед выполнением сложной задачи, и не несет реальной угрозы здоровью и психике человека. Г. Селье ввел понятие «общий адаптационный синдром» (1936) (хронический стресс). Я назвал: «этот синдром «общим» потому, что он вызывается лишь теми агентами, которые приводят к общему состоянию стресса ..., и, в свою очередь, вызывает генерализованное, т. е. системное защитное явление» [28]. Г. Селье описывал процесс адаптации, как трехфазный процесс реагирования организма на стресс. Первая фаза этого процесса – реагирование на раздражитель и мобилизация ресурсов организма, вторая фаза – сопротивление, поиски выхода и приспособление к изменившимся условиям, третья фаза – истощение ресурсов в процессе затянувшегося стресса. Г. Селье описал и условия успешной адаптации. Это здоровый образ жизни (питание, режим, физическая нагрузка), социальная поддержка, а также психологические методы (релаксация, медитация и др.). Позднее в 1960–70-е гг. рядом ученых (Р. Лазарус. 1970; И. А. Аршавский, 1976 и др.), было предложено разделить стресс на физиологический и психологический. Г. Селье в 1960 г. пишет о «концепции адаптационной энергии», как о некотором запасе резервных сил организма. В 1988 году эту мысль развивает В. Н. Платонов, отмечающий наличие резервных адаптационных ресурсов, которые может использовать тренированным организмом. Таким образом, рождается мысль о возможности подготовки реагирования организма (натренированности) на стрессовые раздражители. «Адаптации являются постоянно возникающими, изменяющимися, совершенствующимися и иногда исчезающими эволюционными приспособлениями организма к среде в самом широком понимании» [23] (Н. В. Тимофеев-Риссовский, Н. Н. Воронцов, А. В. Яблоков, 1977). В. П. Казначеев (1980) описывает механизмы и типологию индивидуальных стратегий адаптации человека и определяет адаптацию как процесс «...самосохранения функционального

уровня саморегулирующейся системы в адекватных и неадекватных условиях среды, выбор функциональной стратегии, обеспечивающей оптимальное выполнение главной конечной цели поведения биосистемы» [14]. Автор выделяет индивидуальные стратегии адаптации в условиях изменения среды и рассматривает адаптацию в двух аспектах:

- статическом;
- устойчивость системы к условиям среды (адаптированность);
- динамическом – процесс приспособления к меняющимся условиям среды.

А. Х. Гаркави, Е. Б. Квакина, М. А. Уколова, (1977, 1979) подразделяют адаптационные реакции на:

- срочные (рефлекторная физиологическая реакция на длительного и жизнеугрожающие факторы);
- долговременные (возникают в результате многократного воздействия на организм).

Так, М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова (1979) подчеркивают, что процесс адаптации идет непрерывно и отражает «...субъективно опосредованное развитие личности, соответствующее ее индивидуальным особенностям и склонностям» [6]. А. В. Петровский [15] (1982) рассматривает адаптацию как составляющие сменяющие друг друга фазы социализации при вхождении человека в новый коллектив. С адаптации начинается каждый новый период в жизни человека. Автор описывает адаптацию, как усвоение действующих в обществе норм поведения и овладение соответствующими формами и принципами деятельности. Как отмечает А. А. Суханов: «В психологии чаще всего говорят о стратегиях адаптации личности к стрессовым ситуациям. Понимаются под стратегиями, главным образом, способы поведения личности, направленные на преодоление стрессовых ситуаций в целях восстановления психологического и физического равновесия. Они зависят от личностного адаптационного потенциала». Автор подчеркивает, что необходимо рассмотреть вопрос о возможности перенесения трактовки стратегий адаптации в естественных науках в эколого-психологический контекст [21]. А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов в своей книге «Психология адаптации личности», приводят следующее определение: «Адаптация – это процесс и результат приспособления и внутренних самоизменения изменений, индивида внешнего к новым активного

условиям существования. В связи с этим А. А. Реан определяет такие стратегии адаптации как: активное изменение ситуации; активное изменение качеств своей личности; активный поиск новой социальной среды с более высоким адаптационным потенциалом для данной личности и для её развития; вероятностно-комбинированный; пассивная дезадаптация (пассивное принятие требований, норм, установок, ценностей социальной среды без включения процесса самоизменения, самокоррекции и саморазвития)» [17, 27]. С. Т. Посохова рассматривает два преобладающих вида стратегий адаптации: «стратегия самораскрытия личности и стратегия самосохранения личности. Стратегия самораскрытия заключается в том, что при изменении привычных внешних и внутренних условий существования личность отказывается от устаревших стереотипов взаимодействия с обществом, культурой, предметами, природой и самим собой. В основе этого вида стратегий лежит самосохранения. Такой стратегии способа взаимодействия с изменяющейся окружающей реальностью, которая обеспечивает личности прежде всего сохранение себя как биологической единицы» [15]. Одним из вопросов, заключающих научный интерес в психологии, является изучение соотношения понятий адаптация и социа-

лизация. Под социальной адаптацией чаще всего понимает процесс активного приспособления к социальной среде, а также результат этого процесса. Выделяют два основных типа социальной адаптации:

- социальная адаптация с преобладанием активного воздействия на социальную среду;
- социальная адаптация с пассивным принятием правил социального взаимодействия в группе.

А. А. Реан не соглашается с такой классификацией и отмечает, что оба типа реагирования на изменения социальной среды являются активными. Только в первом случае активность направлена вовне, на изменение самой социальной среды, тогда как во втором случае активность направлена вовнутрь, на изменение самой личности, «самоизменения и самоприспособления к среде» [16, 26]. А. А. Реан также критикует диаметрально противоположное разделение уровней социальной адаптации на полную адаптацию и дезадаптацию (рисунок 1). Автор отмечает множество промежуточных типов интеграции в социальную среду, зависящих от уровня внешней или внутренней деятельности и уровня общения. А. А. Реан предлагает свою модель социальной адаптации личности, основанную на преобладании внутренних или внешних критериев.

Рисунок 1 – Векторная модель социальной адаптации (по А. А. Реан)

Figure 1 – Vector model of social adaptation (by A. A. Rean)

Внутренние критерии А. А. Реан связывает с эмоциональной стабильностью, эмоциональным благополучием, тогда как внешние критерии проявляются в поведении личности в новых социальных условиях. В. И. Войтко считает, что социализация включает в себя адаптацию: «Это понятие

потому и было введено в категориальный аппарат научного описания взаимодействия личности и общества, что более емким и адекватным, чем адаптация» [7]. Г.К. Аксенова, П. Ю. Аксенова (2012) в своей статье анализируют и соотносят, понятия социализация и адаптация. Они приходят к

выводу, что эти понятия не тождественны, но оба способствуют развитию личности, и усвоению ей норм поведения в обществе, а также приобретению жизненного опыта. Д. А. Андреева считает, что социализация выражает приспособление, «приноравливание человека к новым для него условиям предметной деятельности..., тогда как адаптация выражает процесс становления личности» [2]. Автор статьи солидарен с высказываниями вышеупомянутых авторов и считает неправильным употребление понятий адаптация и социализация, как терминов – синонимов. Социализация – процесс принятия личностью социальных норм и правил, позволяющий успешно взаимодействовать с данной социальной средой, выполняя свои социальные роли. Адаптация – процесс индивидуального приспособления к внешней среде (не только социальной). Адаптация – более динамичный мобильный процесс, позволяющий человеку по-разному приспосабливаться в рамках

принятых социальных ролей, с учетом постоянно меняющихся обстоятельств и условий. В. В. Гриценко выделяет критерии успешной адаптации. Это:

- «актуализация развитой потребности в самоуважении и самоактуализации;
- удовлетворенность профессиональной деятельностью как важнейшее условие реализации потребности в самоактуализации;
- удовлетворенность смыслом жизни и оптимистическую оценку жизненной ситуации;
- высокая активность, эмоциональная стабильность, интернальный локус контроля» [10].

В. М. Долгова [11] (2009) отмечает, что сочетание деятельностного и психологического компонентов является необходимым условием успешной адаптации личности.

Критерии успешности адаптации можно разделить на объективные и субъективные (рисунок 2).

Рисунок 2 – Критерии успешности адаптации

Figure 2 – Shows the criteria for successful adaptation

Е. А. Ивченко пишет: «Объективный критерий – эффективность деятельности или её результативность. Субъективный критерий – это степень осознанной или неосознанной удовлетворённости исполнителя различными аспектами жизнедеятельности» [13]. Ю. С. Бабахан отмечает важность адекватной самооценки студента в процессе его адаптации в вузе. «Важным условием успешной адаптации является наличие у него способности правильно оценивать свои возможности в отношении учебных заданий и в отношении его распорядка и правил» [3]. Период адаптации к обучению в вузе является одним из наиболее важных и сложных. В процессе перехода в вуз обучающиеся сталкиваются не только с новой учебной средой вуза, новой социальной средой, новым кругом общения среди сверстников и педагогов, с новой системой организации распорядка дня, но и становятся более независимыми и самостоятельными, многие начинают

вести самостоятельную «взрослую» жизнь, без опеки родителей, и стоят перед ежедневным выбором взрослого человека. От успешности адаптации курсантов зависят их учебные успехи, и процесс профессионального становления. Д. А. Салманова [18] отмечает в статье, что адаптация студентов не сводится только к приспособлению к новой вузовской среде, но и включает в себя процесс развития личности студента. Адаптация обучающегося (студента, курсанта) к образовательной среде высшей школы – многогранный процесс. Его успешность зависит не только от организации (внешней) образовательной среды высшего учебного заведения, оснащённости, качества профессорско-преподавательского состава, работы службы психологической поддержки, и работы кураторов (воспитателей) групп. Но и от внутренней мотивации студента (курсанта), его заинтересованности в учебе, его планах на будущее, его довузовской

подготовки, личного жизненного опыта и др. Таким образом, успешность адаптации обучающегося зависит во многом от его личностных характеристик. Процесс адаптации носит не только пассивно-приспособленческий характер, но и активно-созидательный, преобразующий. Процесс адаптации является мощным стимулом для развития личности студента (курсанта). Адаптированность курсантов в военном вузе является результатом процесса адаптации. По мнению ряда авторов, деятельность будущего военного офицера характеризуется чрезвычайной сложностью, а формирование личности курсанта как будущего офицера требует длительной адаптации как к условиям жизни, жестко регламентированному распорядку дня, значительной физической нагрузке, так и к освоению военно-профессиональных компетенций, что требует высокого уровня ответственности, собранности, развитости когнитивных способностей [1; 4]. В этой связи одной из главных проблем курсантов военных вузов является адаптация к образовательной среде военного вуза, которая включает: адаптацию к новым условиям проживания и обучения; к началу исполнения служебных обязанностей; адаптацию в учебной группе и межличностном общении и взаимодействии с командирами. В качестве одного из параметров адаптации к среде военного вуза нами был включен показатель «Доверие к себе». Данный внутриличностный феномен был впервые с отечественной психологии выделен и проанализирован Т. П. Скрипкиной в работе «Психология доверия» [20]. Ею было показано, что с феноменологической точки зрения доверие к себе «выступает как способность самостоятельно делать выбор и ставить цели». С точки зрения данного автора, доверие к себе формируется благодаря интеграции представлений личности о должном, самоатрибуций определенных личностных качеств и личных возможностей, и уровня притязаний. Уровень доверия к себе по-разному выражен и каждого человека, но определяется он «тем особым образованием, внутри которого как в едином узле «завязываются», интегрируются различные внутриличностные образования, принимающие участие в инициации и детерминирующие саморазрешение» на любые поступки. При этом, согласно концепции Т. П. Скрипкиной [5, 20], доверие к себе всегда сопрягается с доверием к той части мира, с которой взаимодействует человек. Согласно положением названной концепции, если у человека возникает противоречие между тем, что предлагает мир и тем, к чему стремится он, человек в норме раз-

решает это противоречие путем, либо увеличения доверия к себе, либо к той части мира, с которой он взаимодействует в данный момент, ибо соотношение уровня доверия к себе и к миру стремится к постоянному динамическому взаимодействию. В случае крайней формы выхода из такого равновесия, когда человек стремясь к поставленным перед собой целям начинает опираться только на себя в стремлениях к достижению целей, он теряет связь с миром, прежде всего, с социальным окружением, либо, в случае, когда он начинает опираться только на окружающий мир, он либо становится объектом манипуляции со стороны окружающего мира, либо старается манипулировать окружающим миром, стремясь «подстроить» его под себя. Данные положения концепции позволили нам включить параметр доверия к миру в изучение особенностей или стратегий адаптации курсантов военных вузов.

Выводы

Опираясь на анализ рассмотренных исследований, мы предположили, что существует часть обучающихся – курсантов, которые в сложной ситуации адаптации к новым условиям, опираются только на себя, не стремясь к взаимодействию с другими курсантами, и проявляют чисто индивидуалистическую позицию, решая только собственные задачи и в одиночку добиваясь поставленных целей. Помощь в адаптации курсантов к новому и при этом сложному, эмоционально насыщенному образу жизни на начальном обучении – чрезвычайно важная задача. Хотелось бы, чтобы каждый выпускник военного вуза, не жалел о приобретенной специальности, понимал её государственную значимость и от этого испытывал чувство личного психологического благополучия [8; 9]. В этой связи интеграция личностно ориентированного, средового и субъектно-деятельностного подходов должна стать основой в определении задач методологического осуществления психологического сопровождения и психологической поддержки курсантов военных вузов, направленного на помощь в адаптации и улучшении состояния, связанного с психологическим благополучием каждого курсанта. Задача руководства военного вуза обеспечить условия для благоприятного протекания процесса адаптации курсантов, заключающиеся в учете их личностных потребностей. Чтобы курсант мог проявить себя не только в учебных дисциплинах, но и в специально организованной внеучебной деятельности (спортивной, организаторской, творческой, технической и др.) Пристальное внимание кураторов

групп к внеучебным предпочтениям курсантов позволит выявить их потенциал, раскрыть сильные и слабые стороны, которые

можно эффективно использовать в учёте профессиональной специализации.

Список источников

1. Адаптивное управление педагогическими системами / П. И. Третьяков, С. Н. Митин, Н. Н. Бояренцев; под ред. П. И. Третьякова. М. : Изд. Центр «Академия», 2003. 368 с.
2. Андреева Д. А. О понятии адаптации. Исследования адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. Л. : ЛГУ, 1973. Вып. 13. С. 62–69.
3. Бабахан Ю. С. Самооценка студента как показатель его способности к учебной адаптации // Психологические и социально-психологические особенности адаптации студента. Ереван, 1973. С. 21–25.
4. Байбородова Л. В. Индивидуализация на разных уровнях педагогического образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы второго этапа 15-й международной научно-практической конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. С. 197–199.
5. Барабанов Р. Е. Инновации в образовании // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 1. С. 16–17.
6. Бобнева М. И. Психологические механизмы регуляции социального поведения / М. И. Бобнева, Е. В. Шорохов М. : Наука, 1979. 339 с.
7. Войтко В. И. Научно-техническая революция и проблемы социализации личности в социалистическом обществе. В кн.: Актуальные проблемы социализации личности в условиях научно-технического прогресса. Киев, 1975. 32 с.
8. Гордеева П. А. Образовательная среда вуза: основные контуры исследования. Психопедагогика в правоохранительных органах / П. А. Гордеева, Д. Ю. Тарасов. 2024. Т. 29 № 3 (98). С. 266–273.
9. Гордеева П. А. Психологическое благополучие курсантов с разными стратегиями адаптации в образовательной среде военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 5.3.4 / Гордеева Полина Александровна. Н. Новгород, 2024. 27 с.
10. Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М. : Ин-т психологии РАН, 2002. 251 с.
11. Долгова В. М. Адаптация как научно-исследовательский феномен: сущность и содержание // Молодой ученый. 2009. № 9 (9). С. 149–152.
12. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития: учебное пособие для вузов / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. 3-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2023. 234 с. (Высшее образование).
13. Ивченко Е. И. Формирование самооценки как фактора успешности социально-психологической адаптации студентов в образовательном пространстве вуза: на примере студентов-мигрантов: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07 / Ивченко Екатерина Ивановна. Ставрополь, 2007. 194 с.
14. Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, «Наука». 1980. 192 с.
15. Петровский А. В. Личность, деятельность, коллектив. М. : Просвещение, 1982. 255 с.
16. Посохова С. Т. Индивидуальные стратегии личностной адаптации / Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 624 с.
17. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.
18. Салманова Д. А. Психолого-педагогические аспекты адаптации студента в вузе // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). СПб. : Издательский дом «Свое издательство», 2017. 110 с.
19. Селье Г. В погоне за счастьем // История гуманитарных наук. 1956. № 25 (5). С. 13–29.
20. Скрипкина Т. П. Психология доверия: (теоретико-эмпирический анализ). Ростов Н/Д: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 1997. 247 с.
21. Суханов А. А. Понятие «стратегии адаптации» и виды стратегий: междисциплинарный подход // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2014. № 5. С. 178–186.

22. Тарасов Д. Ю. Особенности профессиональной мотивации студентов на начальном этапе вузовской подготовки: содержание и противоречия // Научное мнение. 2012. № 11. С. 106–112.
23. Тимофеев-Риссовский Н. В. Краткий очерк теории эволюции / Н. В. Тимофеев-Риссовский, Н. Н. Воронцов, А. В. Яблоков М. : Наука, 1977. 303 с.
24. Философские проблемы теории адаптации / под ред. Г. И. Царегородцева. М. : Наука, 2000. 322 с.
25. Шацкий С. Т. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. П. Кузина, М. Н. Скаткина, В. Н. Шацкой. М. : Педагогика, 1980. 340 с.
26. Ryan R.M., Deci E. L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // Annual Review Psychology. 2001. № 52. Pp. 141–166.
27. Ryan R. M., Deci E. L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist, №. 55(1). Pp. 68–78.
28. Selye H. «The story of the adaptation syndrome» (1952) русский перевод. Г. Селье // Очерки об адапционном синдроме. 1960.

References

1. Adaptivnoe upravlenie pedagogicheskimi sistemami / P. I. Tret'yakov, S. N. Mitin, N. N. Boyarencov; pod red. P. I. Tret'yakova. M. : Izd. Centr «Akademiya», 2003. 368 s. (In Russ.).
2. Andreeva D. A. About the concept of adaptation. Research on the adaptation of students to university conditions // Chelovek i obshchestvo. L. : LGU, 1973. Vyp. 13: 62–69. (In Russ.).
3. Babahan YU. S. Samoocenka studenta kak pokazatel' ego sposobnosti k uchebnoj adaptacii // Psihologicheskie i social'no-psihologicheskie osobennosti adaptacii studenta. Erevan, 1973. S. 21–25. (In Russ.).
4. Bajborodova L. V. Individualizaciya na raznyh urovnnyah pedagogicheskogo obrazovaniya // Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya: materialy vtorogo etapa 15-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. YAroslavl': RIO YAGPU, 2017. S. 197–199. (In Russ.).
5. Barabanov R. E. Innovations in education // Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki. 2017;1: 16–17. (In Russ.).
6. Bobneva M. I. Psihologicheskie mekhanizmy regulyacii social'nogo povedeniya / M. I. Bobneva, E. V. Shorohov M. : Nauka, 1979. 339 s. (In Russ.).
7. Vojtko V. I. Nauchno-tehnicheskaya revolyuciya i problemy socializacii lichnosti v socialisticheskom obshchestve. V kn.: Aktual'nye problemy socializacii lichnosti v usloviyah nauchno-tehnicheskogo progressa. Kiev, 1975. 32 s. (In Russ.).
8. Gordeeva P. A. Obrazovatel'naya sreda vuza: osnovnye kontury issledovaniya. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah / P. A. Gordeeva, D. YU. Tarasov. 2024. T. 29;3 (98): 266–273. (In Russ.).
9. Gordeeva P. A. Psihologicheskoe blagopoluchie kursantov s raznymi strategiyami adaptacii v obrazovatel'noj srede voennyh institutov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk: 5.3.4 / Gordeeva Polina Aleksandrovna. N. Novgorod, 2024. 27 s. (In Russ.).
10. Gricenko V. V. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya pereselencev v Rossii. M. : In-t psihologii RAN, 2002. 251 s. (In Russ.).
11. Dolgova V. M. Adaptation as a Research Phenomenon: Essence and Content // Molodoj uchenyj. 2009;9 (9): 149–152. (In Russ.).
12. Zeer E. F. Psihologiya professional'nogo razvitiya: uchebnoe posobie dlya vuzov / E. F. Zeer, E. E. Symanyuk. 3-e izd., ispr. i dop. M. : Izd-vo YUrajt, 2023. 234 s. (Vysshee obrazovanie). (In Russ.).
13. Ivchenko E. I. Formirovanie samoocenki kak faktora uspehnosti social'no-psihologicheskoy adaptacii studentov v obrazovatel'nom prostranstve vuza: na primere studentov-migrantov: dis. ... kand. psih. nauk: 19.00.07 / Ivchenko Ekaterina Ivanovna. Stavropol', 2007. 194 s. (In Russ.).
14. Kaznacheev V. P. Sovremennye aspekty adaptacii. Novosibirsk, «Nauka». 1980. 192 s. (In Russ.).
15. Petrovskij A. V. Lichnost', deyatel'nost', kolektiv. M. : Prosveshchenie, 1982. 255 s. (In Russ.).
16. Posohova S. T. Individual'nye strategii lichnostnoj adaptacii / Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy / otv. red. L. G. Dikaya, A. L. Zhuravlev. M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2007. 624 s. (In Russ.).
17. Psihologiya adaptacii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika / A. A. Rean, A. R. Kudashev, A. A.

Baranov. SPb. : PRAJM-EVROZNAK, 2006. 479 s. (In Russ.).

18. Salmanova D. A. Psihologo-pedagogicheskie aspekty adaptacii studenta v vuze // Aspekty i tendencii pedagogicheskoy nauki: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyul' 2017 g.). SPb. : Izdatel'skij dom «Svoe izdatel'stvo», 2017. 110 s. (In Russ.).

19. Sel'e G. In pursuit of happiness // Istoriya gumanitarnykh nauk. 1956;25 (5): 13–29. (In Russ.).

20. Skripkina T. P. Psihologiya doveriya: (teoretiko-empiricheskij analiz). Rostov N/D: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena, 1997. 247 s. (In Russ.).

21. Suhanov A. A. The concept of "adaptation strategies" and types of strategies: an interdisciplinary approach // Problema sootnosheniya estestvennogo i social'nogo v obshchestve i che-loveke. 2014;5: 178–186. (In Russ.).

22. Tarasov D. Yu. Features of students' professional motivation at the initial stage of university training: content and contradictions // Nauchnoe mnenie. 2012;11: 106–112. (In Russ.).

23. Timofeev-Rissovskij N. V. Kratkij ocherk teorii evolyucii / N. V. Timofeev-Rissovskij, N. N. Voron-cov, A. V. Yablokov M. : Nauka, 1977. 303 s. (In Russ.).

24. Filosofskie problemy teorii adaptacii / pod red. G. I. Caregorodceva. M. : Nauka, 2000. 322 s. (In Russ.).

25. SHackij S. T. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 2 t. T. 1 / pod red. N. P. Kuzina, M. N. Skatkina, V. N. SHackoj. M. : Pedagogika, 1980. 340 s. (In Russ.).

26. Ryan R.M., Deci, E. L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // Annual Review Psychology. 2001. № 52. Pp. 141–166.

27. Ryan R. M., Deci E. L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motiva-tion, social development, and well-being // American Psychologist, №. 55(1). Pp. 68–78.

28. Selye H. «The story of the adaptation syndrome» (1952) russkij perevod. G. Sel'e // Ocherki ob adaptacionnom sindrome. 1960. (In Russ.).

Информация об авторе

П. А. Гордеева – кандидат психологических наук

Статья поступила в редакцию 02.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

P. A. Gordeeva – Candidate of Sciences (Psychology)

The article was submitted 02.09.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 159.9

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ К ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ УГРОЗАМ

Василий Игоревич Малюта

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

malutavasily1990@mail.ru

Аннотация. В статье проведен первичный анализ основных понятий, применяемых для описания психолого-педагогических условий обеспечения устойчивости личности курсантов к информационно-психологическим угрозам. Рассматриваются ключевые понятия: безопасность, информационно-психологическое воздействие, устойчивость, а также теории И. П. Павлова, К. Лоренца, А. Маслоу и других ученых, в работах которых приводятся описания способов информационного воздействия и их последствия для поведения человека в типовых и экстремальных ситуациях. В условиях непрерывного развития информационных технологий и гибридных форм ведения войн, обеспечение устойчивости к информационно-психологическим угрозам становится актуальной задачей для российского общества. Наиболее уязвимыми к информационно-психологическим угрозам традиционно считаются подростки. Но и курсанты войск национальной гвардии Российской Федерации в последнее время являются основной мишенью для деструктивного информационного воздействия. Целью исследования выступает теоретический анализ условий, средств и методов противодействия информационно-психологической манипуляции, включающей дезинформацию, слухи, эмоциональные провокации и скрытое управление поведением.

Ключевые слова: устойчивость, психолого-педагогические условия, информационно-психологическая безопасность, информационно-психологические угрозы, воздействие на военнослужащих, устойчивость личности

Для цитирования: Малюта В.И. Анализ основных понятий, характеризующих психолого-педагогические условия обеспечения устойчивости личности курсантов к информационно-психологическим угрозам // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 154–162. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/015.pdf>.

Original article

ANALYSIS OF THE BASIC CONCEPTS THAT MAKE UP THE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR ENSURING THE STABILITY OF THE PERSONALITY OF CADETS TO INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL THREATS

Vasily I. Malyuta

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

malutavasily1990@mail.ru

Abstract. The article provides a primary analysis of the main concepts used to describe the psychological and pedagogical conditions for ensuring the stability of cadets' personalities against information and psychological threats. The key concepts considered are security, information and psychological influence (hereinafter referred to as IPI), stability, as well as the theories of I.P. Pavlov, K. Lorenz, A. Maslow, and other scientists, whose works describe the methods of information influence and their consequences for human behavior in typical and extreme situations. In the context of the continuous development of information technologies and hybrid forms of warfare, ensuring resistance to information and psychological threats (hereinafter referred to as IPT) has become an urgent task for Russian society. Adolescents are traditionally considered to be the most vulnerable to IPT. However, cadets of the National Guard of the Russian Federation (hereinafter referred to as the NGF) have recently become the primary target for destructive information influence. The purpose of the study is to provide a theoretical analysis of the conditions, means,

and methods of countering information and psychological manipulation, including disinformation, rumors, emotional provocations, and covert behavior control.

Keywords: stability, psychological and pedagogical conditions, information and psychological security, information and psychological threats, impact on military personnel, and personal stability

For citation: Malyuta V.I. Analysis of the basic concepts that make up the psychological and pedagogical conditions for ensuring the stability of the personality of cadets to information and psychological threats. *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;3(32): 154–162. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/015.pdf>.

© Малу́та В.И., 2025

Введение

Актуальность. В настоящее время при активном развитии информационных технологий всё чаще отмечается опасность гибридных форм ведения войн, одним из направлений которых выступает информационно-психологическое воздействие, представляющее собой серьезную угрозу безопасности страны. В глобальном варианте данное воздействие направлено на подрыв общественного строя и единства, манипулирование общественным сознанием и дестабилизацию политической обстановки в России. Формы информационно-психологического воздействия постоянно совершенствуются, становясь всё более изощрёнными и масштабными. Особую мишень в данном контексте представляют подростки, находящиеся в процессе формирования установок мировоззренческих и социальных [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Последнее связано также с базовыми реакциями возраста: а) эмансипацией от родительской семьи; б) группировкой со сверстниками; в) демонстрацией увлечений, используемых в качестве средства повышения своего внутригруппового статуса. При этом хронологические рамки и психологические границы данного возрастного этапа не стабильны, поэтому рецидивы «подростничества» могут наблюдаться в поведении выпускников школ, поступающих в вузы, в том числе обеспечивающие профессиональную подготовку будущих офицеров.

Курсанты войск национальной гвардии Российской Федерации, как защитники правопорядка и безопасности государства, являются одной из приоритетных целей деструктивного воздействия зарубежных антагонистов России. Поэтому изучение факторов, обуславливающих устойчивость к информационно-психологическим угрозам данной категории военнослужащих, а, в перспективе – разработка методов ее повышения и создание благоприятных условий для профессионального про-

тивооборства, являются основными задачами нашего исследования в целом.

Цель данной статьи – демонстрация результатов анализа основных понятий, характеризующих ряд психолого-педагогических условий обеспечения устойчивости личности курсантов к генерируемым информационно-психологическим угрозам.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач. Во-первых, необходимо выполнить содержательный анализ базовых понятий: «безопасность», «воздействие», «информационно-психологическое воздействие», «информационно-психологические угрозы», «устойчивость». Во-вторых, в данном исследовании необходимо выявить условия, способствующие формированию психологической устойчивости у курсантов войск национальной гвардии в процессе обучения в военном вузе. В-третьих, на основе проведенного исследования отметить предпосылки для формирования практических рекомендаций по повышению устойчивости курсантов к информационно-психологическим угрозам.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в образовательном процессе военных образовательных организаций высшего образования с целью улучшения результативности учебно-воспитательной работы, как важного условия повышения качества работы офицеров с курсантами по развитию устойчивости будущих офицеров Росгвардии к информационно-психологическим угрозам. Данные разрабатываемого эмпирического исследования планируется использовать для новых методических разработок, программ обучения и рекомендаций для командиров, заместителей по военно-политической (политической) работе и психологов, не только в военных образовательных организациях высшего образования, но и воинских частях и управлениях Росгвардии, что должно позитивно сказаться

ся на уровне психологической подготовки военнослужащих и сотрудников к противостоянию информационно-психологическим угрозам.

Материалы

Безопасность, как базовая категория рассматриваемой темы в животном мире, представляет инстинкт самосохранения. То есть внешние маркеры – реакции на ключевые раздражители. Данный феномен изучали многие ученые-физиологи и психологи [18, 20].

Так, И. П. Павлов, как один из основоположников теории классического условного рефлекса, наблюдал в совокупности безусловных рефлексов основу инстинкта самосохранения. Он предложил разделение рефлексов на две группы: а) обеспечивающие личное выживание (пищевой, защитный и рефлекс социальных взаимодействий) и б) обеспечивающие сохранение вида (половой). Павловская концепция, хотя и проливает свет на физиологические основы самосохранения, но не учитывает всю сложность психологических факторов, влияющих на поведение.

Этолог К. Лоренц высказывал обоснованную критику представления о самосохранении как о едином, обособленном инстинкте [18]. Он подчеркнул тот факт, что поведение – это результат сложного взаимодействия многих внутренних и внешних факторов, а не только следствие единоразового побуждения. Примером может послужить тот факт, что животное способно подвергать себя смертельному риску, защищая потомство (противоречие инстинкту самосохранения), или искать пищу в опасной для себя среде (взаимодействие пищевого и оборонительного рефлекса). Лоренц рассматривал безопасность через призму биологического выживания вида как главный критерий естественного отбора и «инстинкт самосохранения», которые представляют собой сложные стратегии выживания, включающие не только безусловные рефлексы, но и сложные поведенческие программы, формирующиеся на протяжении жизни.

А. Маслоу, К. Хорни и Г. Салливан делали акцент не на биологических рефлексах, а на психологической потребности в безопасности [19, 22, 25]. В иерархии потребностей Маслоу безопасность находится на второй ступени «пирамиды», после физиологических потребностей. Это потребность в защищенности, стабильности и отсутствии угроз. К. Хорни и Г. Салливан подчер-

кивали важную роль раннего опыта и взаимоотношений в формировании чувства безопасности. Недостаток безопасности в детском возрасте может привести к неврозам и психологическим проблемам во взрослой жизни.

Г. В. Грачёв, изучая психологическую безопасность, определяет ее как состояние, при котором психика человека защищена от неблагоприятного воздействия информационных, социальных и экологических стрессоров [8].

Рассматривая безопасность в информационном пространстве, стоит отметить, что защита от информационного перенапряжения, манипуляций и дезинформации становится очень важной в эпоху развития цифровых технологий. Условия достижения психологической безопасности содержат в себе развитие стрессоустойчивости, формирование адекватной самооценки, создание специальной социальной среды и профилактики психологических расстройств. В современной общественно-политической ситуации исследование психологической безопасности – это не только академическая задача, но и настоятельная необходимость в деле обеспечения психического здоровья, а также благополучия общества.

По мнению А. Н. Сухова, информационная безопасность представляет собой совокупность реальности, которая заключается в праве и возможности социума на получение правдивой информации, сохранение личной тайны и конфиденциальных данных, кроме того возможность применения разных средств и технологий в целях выявления и устранения различных угроз [23].

Целесообразно уточнить основной термин «психологическая безопасность». Психологическая безопасность личности, по мнению ряда авторов [24], – это комплексная характеристика индивида, показывающая степень удовлетворённости его основными потребностями в безопасности, которая определяется по степени переживания психологического состояния.

Кроме того, И. А. Баева занималась психологической безопасностью образовательной среды [3]. Основные ее исследования были связаны с безопасностью в школах и вузах. По мнению автора, такого рода безопасность зависит от отсутствия насилия, необходимости уважения прав личности и благоприятного климата в коллективе.

Психологическое воздействие как сложный и многогранный процесс Т. С. Кабаченко определяет, как изменение психологических качеств личности, групповых норм и общественного мнения, которые достигаются путём направленного использования психологических и социально-психологических закономерностей. Воздействие не является случайным процессом, оно предполагает заранее спланированную стратегию, учитывающую особенности определенной аудитории и необходимый результат [13]. Эффективность данного воздействия зависит от степени понимания этих закономерностей.

Г. А. Ковалев описывает воздействие как общий процесс взаимодействия двух или более систем, приводящий к изменениям в структуре или состоянии хотя бы одной из них [15]. Это довольно широкое определение, не предполагающее обязательной целенаправленности.

Специалисты в области военной психологии А. Г. Караяни и Ю. М. Караяни дают более узкое и конкретное определение воздействию [14]. Они рассматривают его как целенаправленный процесс передачи информации и энергии от одного участника к другому, вызывающий изменения в базовых установках, намерениях, представлениях, оценках, состоянии и поведении человека, на которого это воздействие направлено. Ключевое отличие их определения – акцент на целенаправленности и конкретных изменениях в психике человека.

Е. А. Доценко в своих работах подчёркивает, что психологическое воздействие – это одна из двух сторон единого коммуникативного акта, где вторая сторона – это реакция получателя [10]. Результат воздействия может проявляться в изменении психических характеристик или состояния человека, группы или общества. Существует ключевое различие между физическим и психологическим воздействием. Физическим воздействием может быть удар, который связан с затратой физической энергии. Психологическим воздействием может быть реализация замысла, достижение явной или скрытой цели, при этом затраты энергии возможны минимальные, а эффект будет значительным (например, убедительная речь, эффективная рекламная кампания или целенаправленная дезинформация).

Информационно-психологическое воздействие представляет целенаправленное влияние на психику человека или группы

людей, целью которого является изменение их поведения и убеждений. Информационно-психологическое воздействие – довольно сложный процесс, который можно анализировать посредством задачного подхода, рассматривая его с двух сторон: со стороны субъекта, который является инициатором данного воздействия, и объекта – адресата, то есть на кого направлено информационно-психологическое воздействие. Понимание этих двух сторон необходимо для противодействия манипуляциям. Рассматривая основные техники манипулятивного воздействия, описанные А. Б. Добровичем [9], можно выделить некоторые из них:

1. Дезинформация – намеренное преподнесение ложной информации для дезориентации объекта.

2. Распространение слухов, особенно сильно их влияние в условиях неопределённости и отсутствия достоверной информации. Эффективность зависит от убедительности предоставления и соответствия ожиданиям и предубеждениям целевой аудитории. Слухи, эффективные в одной стране, могут быть абсолютно не действительны в другой из-за различий в менталитете и системе ценностных ориентаций.

3. Создание агрессивных эмоциональных состояний. Субъект информационно-психологического воздействия целенаправленно провоцирует у объекта подозрительность, враждебность, ненависть, страх или панику, с целью того, чтобы лишить человека способности критически мыслить и принимать взвешенные решения. Распространение провокационных новостей или изображений в социальных сетях может вызвать волну негодования и агрессии, что может быть использовано для достижения определенных политических или экономических целей.

4. Демонстрация силы. Демонстрация своих возможностей для разрешения ситуации силовым путем, чтобы заставить подчиниться. Это может быть прямая угроза или неявное демонстрирование военной мощи, экономического влияния и т. п. Данный метод часто используется в политических конфликтах, международных отношениях и других ситуациях.

5. Манипуляция. По сути, есть скрытое побуждение объекта к необходимым действиям. Использует более тонкие методы, часто играя на эмоциях, убеждениях и ценностях объекта. Манипуляторы подбирают необходимые слова, используют

скрытые угрозы или обещания, апеллируют к авторитетам или используют другие психологические уловки [9].

В межличностных отношениях манипуляции могут проявляться в форме психологического давления, шантажа, лести или других приемов. Разнообразие методов манипуляции поистине огромно, и распознавание их требует развитых навыков критического мышления и самосознания. А. Б. Добрович выделяет несколько стадий манипулятивного воздействия:

1. Подготовка. Включает в себя изучение объекта воздействия, составление общего плана действий, подбор методов и инструментов.

2. Установление контакта. Создание условий для взаимодействия, установление доверительных отношений.

3. Формирование мотивации. Стимулирование у объекта желание что-либо делать посредством создания иллюзии выгоды, страха, чувства вины и т. п.

4. Внушение. Манипулятор ненавязчиво подводит объект к принятию решения.

5. Закрепление. Манипулятор делает это через похвалу или посредством создания иллюзии успеха.

6. Завершение. Происходит оставление объекта в уверенности, что все произошло по его собственной воле [9].

В отечественной психологии проблема, связанная с устойчивостью, в контексте личности, впервые была обозначена в 1966 году Л. И. Божович. Она рассматривала устойчивость как специфический уровень развития человека, при котором он сохраняет свою индивидуальность и взгляды, независимо от обстоятельств и условий. Наряду с этим у человека развивается защитный механизм, иммунитет от навязывания чужих идей, ценностей и убеждений, позволяющий личности оставаться верной себе [7]. Отечественные ученые-методологи [16, 17, 21] в своих трудах описывали психологическую устойчивость не только как внутреннее качество, но и как поведенческую характеристику (как человек ведет себя, адаптируется и управляет своим поведением в отношениях с окружающей средой). Психологическая устойчивость, в широкой смысловой интерпретации, – это динамическое состояние внутреннего равновесия, поддерживаемое человеком независимо от постоянного воздействия внутренних и внешних факторов. Это не является статическим состоянием, а представляет собой процесс непрерывной

адаптации и саморегуляции. Целенаправленное нарушение такого равновесия может быть эффективным механизмом для решения сложных жизненных задач, который требует мобилизации внутренних ресурсов. Примером может быть то, как спортсмен намеренно ставит труднодостижимые планки и выходит за пределы своих изначальных возможностей в тренировочном процессе для достижения более высокого уровня подготовленности. Термин психологической устойчивости включает в себя много коррелирующих характеристик: устойчивость к стрессам, эмоциональная уравновешенность, устойчивость поведения, умение правильно оценивать возникшую ситуацию и адекватно реагировать на нее, а также способность противостоять влиянию внешних факторов [12].

В работах И. А. Баевой и соавторов [4] подробно анализируются эти категории в плане образовательной среды, указывая на важность психологической безопасности для развития устойчивости психики у студентов и школьников. Научные труды Л. М. Аболина [1] конституируют эмоциональную устойчивость как функциональность личности, формирующую всю жизнь и представляющую собой совокупность эмоциональных, волевых и интеллектуальных элементов, необходимых для качественного включения в сложную деятельность и достижения определенных целей путем самоконтроля эмоционального состояния.

В рамках данных исследований были разработаны методики оценки различных элементов устойчивости и программы по ее развитию. Мы принимаем определения в следующих их выражениях. Так, психологическая устойчивость – это сложная всесторонняя характеристика личности, составляющая основу ее способности результативно справляться с жизненными сложностями, стрессовыми ситуациями и негативными внешними воздействиями, при этом оставляя психическое здоровье и адаптивность на прежнем уровне. Психологическая устойчивость есть динамический процесс, состоящий из целого комплекса взаимосвязанных компонентов, эффективно взаимодействующих между собой.

Заключение

Информационно-психологические угрозы могут посягать на весь образ жизни, социальной и информационной культуры и их порядок, образ мыслей, традиционное

духовно-нравственное воспитание, культуру нашего многонационального народа и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Устойчивость к информационно-психологическим угрозам для курсантов Росгвардии имеет особое значение в период профессионального становления и развития личности будущих офицеров, как защитников нашей страны, что особенно важно в период проведения специальной военной операции. Выявленные угрозы должны анализироваться не только специалистами – военными психологами, но и всеми офицерами, осуществляющими воспитательную работу в подразделениях Росгвардии для создания благоприятных психологических условий в плане психологической устойчивости к враждебным информационным воздействиям.

Наряду с вышеизложенным возникает ряд необходимых задач по созданию психолого-педагогических условий в образовательной среде курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации на различных периодах обучения. От курсантов требуется как собственно устойчивость, так и своевременное реагирование на появляющуюся деструктивную информацию, способную оказать негативное информационно-психологическое воздействие на их ближайшее окружение. Стоит отметить, что информационно-психологическим угрозы входят в систему информационно-психологической безопасности личности [5, 6, 26, 27]. Особая

значимость профилактики информационно-психологического воздействия отражена в проекте Федерального закона по состоянию на 3 декабря 1999 года № 99114515-2 «Об информационно-психологической безопасности» информационно-психологическая безопасность это «состояние защищенности отдельных лиц и (или) групп лиц от негативных информационно-психологических воздействий и связанных с этим иных жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере».

Таким образом, основу психолого-педагогических условий устойчивости личности к информационно-психологическим угрозам составляют различные понятия, которые являются сложным и многомерным феноменом, раскрывающимся в различных контекстах. Необходимо понимать, что успешный подбор соответствующих условий требует комплексного подхода, включающего как внутренние ресурсы личности, так и внешние социальные условия.

По результатам исследования были сформулированы итоговые выводы, отражающие основные понятия составляющих психолого-педагогические условия обеспечения устойчивости личности курсантов к информационно-психологическим угрозам. Полученные результаты теоретического анализа способствуют дальнейшему, более глубокому исследованию данной проблемы.

Список источников

1. Аболин Л. М. Эмоциональная устойчивость в напряженной деятельности, ее психологические механизмы и пути повышения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Аболин Лев Михайлович. М. : Академия педагогических наук СССР Ордена трудового Красного Знамени Научно-исследовательский институт общей и педагогической психологии, 1989. 43 с.
2. Бабичев А. М. Мировоззренческая позиция военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации по противодействию терроризму как цель профессионального воспитания / А. М. Бабичев, С. О. Аврамов // Яковлевские чтения: сборник научных статей IV Межведомственной научно-практической конференции с международным участием: в 2 ч., Новосибирск, 19–20 марта 2025 года. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2025. С. 16–20.
3. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды (Теоретические основы и технологии создания): дис. ...д-ра психол. наук: 19.00.07 / Баева Ирина Александровна. СПб., 2002. 386 с.
4. Баева И. А. Безопасная образовательная среда: психолого-педагогические основы формирования, сопровождения и оценки: учебное пособие / И. А. Баева, С. В. Тарасов, Е. Б. Лактионова. СПб. : Ленинградский областной институт развития образования, 2014. 269 с.

5. Баранов Н. А. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: монография / Н. А. Баранов, А. Л. Вассоевич, С. М. Виноградова. СПб. : Издательский дом «Петрополис», 2017. 300 с.
6. Богатырева Ю. И. Информационная безопасность личности: актуальные вопросы психолого-педагогического сопровождения и поддержки школьников // Гуманитарные науки. 2016. № 1(33). С. 99–105.
7. Божович Л. И. Устойчивость личности, процесс и условия ее формирования: материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 35: Формирование личности в коллективе. М., 1966. С. 101.
8. Грачёв Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М. : Изд-во РАГС, 1998. 125 с.
9. Добрович А. Б. Общение: наука и искусство. 2-е изд. М. : Знание, 1987. 207 с.
10. Доценко Е. А. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо, 1997. 344 с.
11. Жожикашвили Н. А. Психическая устойчивость / Н. А. Жожикашвили, А. С. Малых, А. А. Девятерикова // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 4. С. 49–66.
12. Зазыкин В. Г. Психическая устойчивость человека в особых и экстремальных условиях деятельности: монография / В. Г. Зазыкин, С. Л. Кандыбович, М. Ф. Секач. М. : Межрегиональная общественная организация «Академия военных наук», 2015. 728 с.
13. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия: учебное пособие. М., 2000. 544 с.
14. Караяни А. Г. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vozdeystvie-v-kontekste-paradigmy-strategicheskikh-kommunikatsiy> (дата обращения: 11.07.2025).
15. Ковалёв Г. А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика. М. : Институт психологии РАН, 2011. 423 с.
16. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М. : Политиздат, 1977. 304 с.
17. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 444 с.
18. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. М. : Прогресс, 1994. 272 с.
19. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. 3-е изд. СПб. : Питер, 2020. 400 с.
20. Павлов И. П. Условные рефлексы: Исследование физиологической деятельности коры головного мозга / пер. с англ. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. 415 с.
21. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М. : Питер, 2012. 705 с.
22. Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии / пер. с англ. А. В. Бруенка. М. : Когито-Центр, 2021. 347 с.
23. Сухов А. Н. Безопасность личности: теоретико-практический аспект // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. № 3 (34). С. 229–237. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-lichnosti-teoretiko-prakticheskij-aspekt> (дата обращения: 12.02.2025).
24. Харламенкова Н. Е. Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции / Н. Е. Харламенкова, Н. Е. Тарабрина, Ю. В. Быховец, О. А. Ворона, Н. Н. Казымова, Е. Н. Дымова, Н. Е. Шаталова М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 263 с.
25. Хорни К. Невроз и личностный рост: Борьба за самореализацию / пер. с англ. Е. И. Замфир. СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1997. 316 с.
26. Чернова Е. В. Информационная безопасность человека: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во «Юрайт», 2020. 243 с.
27. Шунейко А. А. Информационная безопасность человека: учебное пособие для вузов / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. М. : Владос, 2018. 166 с.

References

1. Abolin L. M. Emocional'naya ustojchivost' v napryazhennoj deyatel'nosti, ee psihologicheskie mekhanizmy i puti povysheniya: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk: 19.00.01 / Abolin Lev Mihajlovich. M. : Akademiya pedagogicheskikh nauk SSSR Ordena trudovogo Krasnogo Znameni Nauchno-

issledovatel'skij institut obshchej i pedagogicheskoj psihologii, 1989. 43 s. (In Russ.).

2. Babichev A. M. Mirovozzrencheskaya poziciya voennosluzhashchih vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii po protivodejstviyu terrorizmu kak cel' professional'nogo vospitaniya / A. M. Babichev, S. O. Avramov // YAkovlevskie chteniya: sbornik nauchnyh statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: v 2 ch., Novosibirsk, 19–20 marta 2025 goda. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 16–20. (In Russ.).

3. Baeva I. A. Psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy (Teoreticheskie osnovy i tekhnologii sozdaniya): dis. ...d-ra psihol. nauk: 19.00.07 / Baeva Irina Aleksandrovna. SPb., 2002. 386 s. (In Russ.).

4. Baeva I. A. Bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: psihologo-pedagogicheskie osnovy formirovaniya, soprovozhdeniya i ocenki: uchenoe posobie / I. A. Baeva, S. V. Tarasov, E. B. Laktionova. SPb. : Leningradskij oblastnoj institut razvitiya obrazovaniya, 2014. 269 s. (In Russ.).

5. Baranov N. A. Informacionno-psihologicheskaya i kognitivnaya bezopasnost': monografiya / N. A. Baranov, A. L. Vassoevich, S. M. Vinogradova. SPb. : Izdatel'skij dom «Petropolis», 2017. 300 s. (In Russ.).

6. Bogatyreva YU. I. Informacionnaya bezopasnost' lichnosti: aktual'nye voprosy psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya i podderzhki shkol'nikov // Gumanitarnye nauki. 2016;1(33): 99–105. (In Russ.).

7. Bozhovich L. I. Ustojchivost' lichnosti, process i usloviya ee formirovaniya: materialy XVIII Mezhdunarodnogo psihologicheskogo kongressa. Simpozium 35: Formirovanie lichnosti v kollektive. M., 1966. S. 101. (In Russ.).

8. Grachyov G. V. Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti: sostoyanie i vozmozhnosti psihologicheskoy zashchity. M. : Izd-vo RAGS, 1998. 125 s. (In Russ.).

9. Dobrovich A. B. Obshchenie: nauka i iskusstvo. 2-e izd. M. : Znanie, 1987. 207 s. (In Russ.).

10. Docenko E. L. Psihologiya manipuljacji: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. M. : CHRo, 1997. 344 s. (In Russ.).

11. ZHozhikashvili N. A. Mental stability / N. A. ZHozhikashvili, A. S. Malyh, A. A. Devyaterikova // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. 2021. T. 14;4: 49–66. (In Russ.).

12. Zazykin V. G. Psihicheskaya ustojchivost' cheloveka v osobyh i ekstremal'nyh usloviyah deyatel'nosti: monografiya / V. G. Zazykin, S. L. Kandybovich, M. F. Sekach. M. : Mezhdunarodnaya obshchestvennaya organizaciya «Akademiya voennyh nauk», 2015. 728 s. (In Russ.).

13. Kabachenko T. S. Metody psihologicheskogo vozdejstviya: uchebnoe posobie. M., 2000. 544 s. (In Russ.).

14. Karayani A. G. Information and psychological influence in the context of the strategic communications paradigm / A. G. Karayani, YU. M. Karayani // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2021;1 (41). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vozdeystvie-v-kontekste-paradigmy-strategicheskikh-kommunikatsiy> (data obrashcheniya: 11.07.2025). (In Russ.).

15. Kovalyov G. A. Psihologicheskoe vozdejstvie: teoriya, metodologiya, praktika. M. : Institut psihologii RAN, 2011. 423 s. (In Russ.).

16. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 2-e izd. M. : Politizdat, 1977. 304 s. (In Russ.).

17. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. M. : Nauka, 1984. 444 s. (In Russ.).

18. Lorenc K. Agressiya (tak nazyvaemoe «zlo») / per. s nem. G. F. SHvejnika. M. : Progress, 1994. 272 s.

19. Maslou A. Motivaciya i lichno(In Russ.)st' / per. s angl. A. M. Tatlybaevoj. 3-e izd. SPb. : Piter, 2020. 400 s. (In Russ.).

20. Pavlov I. P. Uslovnye refleksy: Issledovanie fiziologicheskoy deyatel'nosti kory golovnogogo mozga / per. s angl. L. : Izd-vo AN SSSR, 1927. 415 s. (In Russ.).

21. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii. M. : Piter, 2012. 705 s. (In Russ.).

22. Sallivan G. S. Interpersonal'naya teoriya v psichiatrii / per. s angl. A. V. Bruenka. M. : Kogito-Centr, 2021. 347 s. (In Russ.).

23. Suhov A. N. Personal Security: Theoretical and Practical Aspects // Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie. 2021;3 (34): 229–237. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-lichnosti-teoretiko-prakticheskij-aspekt> (data obrashcheniya: 12.02.2025). (In Russ.).

24. Harlamenkova N. E. Psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti: implicitnaya i eksplicitnaya koncepcii / N. E. Harlamenkova, N. E. Tarabrina, YU. V. Byhovec, O. A. Vorona, N. N. Kazymova, E. N.

Dymova, N. E. SHatalova M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2017. 263 s. (In Russ.).

25. Horni K. Nevroz i lichnostnyj rost: Bor'ba za samorealizaciyu / per. s angl. E. I. Zamfir. SPb. : Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza, 1997. 316 s. (In Russ.).

26. CHernova E. V. Informacionnaya bezopasnost' cheloveka: uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd., ispr, i dop. M. : Izd-vo «YUrajt», 2020. 243 s. (In Russ.).

27. SHunejko A. A. Informacionnaya bezopasnost' cheloveka: uchebnoe posobie dlya vuzov / A. A. SHunejko, I. A. Avdeenko. M. : Vlados, 2018. 166 s. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.07.2025;
одобрена после рецензирования 21.08.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 18.07.2025;
approved after reviewing 21.08.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 373.41

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТИ

Светлана Николаевна Сорокоумова^{1,2}, Мария Сергеевна Коробинцева³

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия

²Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия

³Южноуральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

¹4013@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

²korobintsevams@cspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8512-3170>

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования субъективного восприятия одноклассников школьниками с различным уровнем успеваемости. Потребность в общении и в одобрении сверстников, желание занять определенное место в системе отношений являются важнейшими социальными мотивами учебной деятельности, которые у школьников с низким уровнем успеваемости достаточно часто остаются несформированными. Исследование осуществлялось с помощью методики написания сочинения на тему: «Наш класс». Участниками эксперимента стали 302 младших школьника, обучающихся в 4-х классах общеобразовательных школ г. Челябинска, 86 из которых имеет низкую академическую успеваемость. Результаты исследования позволили выявить преобладание негативного и отрицательного восприятия одноклассников в группе неуспевающих школьников в сравнении с одноклассниками с более высокой успеваемостью, что выступает риском формирования социальных мотивов учебной деятельности на начальном этапе образования.

Ключевые слова: восприятие одноклассников, школьники с разным уровнем успеваемости, неуспевающие школьники, межличностные отношения

Для цитирования: Сорокоумова С.Н., Коробинцева М.С. Межличностное общение младших школьников с различным уровнем академической успеваемости // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 163–170. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/016.pdf>.

Original article

INTERPERSONAL COMMUNICATION OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF ACADEMIC ACHIEVEMENT

Svetlana N. Sorokoumova^{1,2}, Maria S. Korobintseva³

¹Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

²Federal State Budgetary Scientific Institution Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³Yuzhnouralsky State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

¹4013@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

²korobintsevams@cspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8512-3170>

Abstract. The article presents the results of an experimental study of the subjective perception of classmates by schoolchildren with different levels of academic performance. The need for communication and peer approval, the desire to take a certain place in the system of relationships are the most important social motives for educational activity, which often remain unformed in schoolchildren with low academic performance. The study was carried out using the method of writing an essay on the topic: "Our class". The participants in the experiment were 302 primary school students studying in grades 4 of comprehensive schools in Chelyabinsk, 86 of whom have low academic performance. The results of the study revealed the predominance of negative and negative perception of classmates in the group of underachieving schoolchildren in comparison

with classmates with higher academic performance, which is a risk of forming social motives for educational activity at the initial stage of education.

Keywords: perception of classmates, students with different levels of academic performance, underachieving students, and interpersonal relationships

For citation: Sorokoumova S.N., Korobintseva T.M. Interpersonal communication of primary school students with different levels of academic achievement. *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;3(32): 163–170. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/016.pdf>.

© Сорокоумова С.Н., Коробинцева М.С., 2025

Введение

Сохранение и укрепление психологического благополучия и психического здоровья школьников является одной из важнейших задач современного этапа образования. Доброжелательное взаимоотношение с одноклассниками значится основным условием школьной среды, способствующей обеспечению условий для формирования полноценной личности, которая может сопротивляться вызовам времени [5]. К окончанию начальной школы способность к взаимодействию со сверстниками и педагогами, накопление положительных коммуникаций, осознание ценности социума и коллектива, развитие дружеских отношений оформляются в один из компонентов структуры психологической готовности к переходу в основную школу [13].

Обучающиеся, учебные достижения которых не соответствуют требованиям школьной программы, подвержены нарушениям в формировании межличностных отношений с одноклассниками, что обусловлено особенностью восприятия друг друга и в дальнейшем может привести к различным социально-педагогическим и психосоциальным формам школьной дезадаптации. Конфликтность, смысловые барьеры, неадекватное реагирование на ситуации, невротические состояния могут быть последствиями неблагоприятных отношений со сверстниками и привести к ситуациям поведенческих девиаций школьников [7]. Исследования центральных психологических новообразований школьников подтвердили запаздывание формирования психических функций у детей с низким уровнем успеваемости в сравнении со сверстниками с более высокими оценками [14]. Также неудовлетворенность взаимоотношениями с одноклассниками является не только проявлением нарушения психологической безопасности школьника [2], но и не способствует преодолению общей неуспешности школьника [1].

С целью изучения особенностей субъективного восприятия одноклассников млад-

шими школьниками с различным уровнем успеваемости было организовано экспериментальное исследование.

Основные положения

Межличностные отношения – многогранное и многоструктурное явление, которое представляет собой отношение людей друг к другу, систему взаимодействий. Значимым компонентом межличностных отношений является взаимное восприятие и оценка людей в процессе взаимодействия (перцептивная сторона общения) [8]. Адекватность оценивания и восприятия партнёров играют ключевую роль в развитии и становлении положительной коммуникации. Именно субъективное восприятие отвечает за процесс формирования образов партнеров, понятий и представлений о них, а младший школьный возраст является наиболее благоприятным для формирования и совершенствования межличностных отношений [9].

В определенной социальной группе, в том числе в образовательной среде, на положение и становление личности большое влияние оказывают интеллектуальные особенности, внешний вид, темперамент [10]. Однако, что особо важно, положение личности в определенной группе зависит и от ценностных установок самой группы. Статус неуспевающего ученика, как правило, отражается на восприятии одноклассниками, общении со сверстниками, что проявляется в неодобрении, неуважении, отсутствием принятия в различные виды деятельности и может спровоцировать буллинг [15]. Отрицательная общественная оценка становится причиной отсутствия мотивации к учебной деятельности и в дальнейшем может привести к утрате внутренней позиции школьника, а в более тяжелых случаях появлению деструктивных форм поведения [12].

А. И. Божович, П. П. Блонский,
Ю. К. Бабанский, А. М. Данилов,
Н. А. Менчинская, А. И. Раев, В. С. Цетлин и др. занимались проблемой неуспеваемости, исследуя ее типы и причины. В настоя-

щее время в педагогической психологии неуспеваемость трактуется как несоответствие подготовки обучающихся требованиям содержания образования за определенный временной отрезок. Причинами неуспеваемости могут быть неэффективность учебной деятельности, неблагоприятная образовательная среда, в которой отсутствуют условия для полноценного личностного развития школьника, а также несформированность психологических компонентов учебной деятельности. Теоретический анализ исследования показал, что наиболее распространенной психологической причиной неуспеваемости является несформированность мотивов учебной деятельности: познавательных и социальных [11]. Именно социальные мотивы являются значимыми для школьников, которые испытывают трудности в освоении образовательной программы и наиболее подвержены нарушению формирования положительных взаимоотношений со сверстниками. Сложности в учебной деятельности достаточно часто становятся причиной стойкого негативного отношения одноклассников, а позиции «лидеров» в классе, как показывают исследования, занимают школьники с высоким уровнем освоения образовательной программы. В большинстве случаев неуспевающие школьники при социометрических исследованиях оказываются в статусе «пренебрегаемые» и не пользуются в коллективе популярностью.

Вместе с тем именно социальные мотивы могут стать ресурсом для повышения мотивации к учебной деятельности и как следствие преодоление стойких проблем в обучении.

Методы

С целью исследования особенностей субъективного восприятия одноклассников неуспевающими школьниками и их сверстниками с достаточным уровнем успеваемости был организован педагогический эксперимент. Участниками эксперимента стали 302 младших школьника, обучающихся в 4-х классах общеобразовательных школ г. Челябинска, 86 из которых имеют академическую задолженность по предметам «Русский язык», «Математика». Исследование было проведено с помощью методики написания сочинения на тему: «Наш класс». Изучение сочинений было направлено на выявление рассуждений сверстников друг о друге, исследование эмоционального климата классов, анализ сходных и различных высказываний.

Результаты

Анализ содержания работ позволило выделить характерные суждения о межличностных отношениях в классах и об особенностях восприятия одноклассников друг другом, классифицировать их по содержанию и эмоциональному характеру работ. Представим количественные результаты исследования в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования восприятия одноклассников школьников с разным уровнем успеваемости

Table 1 – Results of a study on the perception of classmates by students with different academic performance levels

Группы школьников	Количество школьников	Положительные характеристики		Отрицательные характеристики	
		кол-во	%	кол-во	%
Школьники с достаточным уровнем успеваемости	216	155	72	61	28
Неуспевающие школьники	86	34	41	50	59

Количественный анализ исследования показал значительное преобладание положительных характеристик в группе школьников (72 %) с достаточным уровнем успеваемости и превышение отрицательных характеристик (59 %) в группе неуспевающих школьников. Достоверность результатов и статистически значимых количественных различий между категориями

школьников с разным уровнем успеваемости были подтверждены с помощью статистического критерия хи-квадрат (χ^2 эмпири. = 24.067, (при χ^2 критич. для $p \leq 0,05 = 3.841$)).

Качественный анализ сочинений «Наш класс» в группе школьников с достаточным уровнем успеваемости показал преобладание следующих положительных характе-

ристик и высказываний: «Наш класс самый дружный!», «Мой класс очень дружный и веселый!», «У меня много друзей в классе!», «Мы очень ответственные!», «Мы всегда помогаем друг другу», «У меня в классе много друзей и подруг», «Мне нравится наша учительница, она самая добрая». Несколько работ учениц с достаточным уровнем успеваемости содержали небольшие рисунки, что было расценено как положительное отношение к предмету исследования. В работах учеников с низким уровнем успеваемости были отмечены следующие особенности: «Мой класс самый недружный!», «Мой класс плохой, потому что меня все обижают!», «Самый пло-

хой класс!», «Меня все обижают, даже девочки!». В работах школьников с низким уровнем успеваемости характеристики класса были заменены перечислением имен ребят, с которыми они дружат и, наоборот, хотели бы «убрать из класса, чтоб всем было лучше». Сочинения неуспевающих школьников содержали многочисленные жалобы на одноклассников с перечислением их негативных действий: «кричит, ругается, дерется и т. д.».

Представим количественный анализ категорий, используемых школьниками с разным уровнем успеваемости в сочинениях «Наш класс».

Таблица 2 – Количественный анализ категорий, используемых школьниками с разным уровнем успеваемости в сочинениях «Наш класс»

Table 2 – Quantitative analysis of the categories used by students with different levels of academic performance in their essays "Our Class"

Категории суждений	Школьники с достаточным уровнем успеваемости (n=214)		Неуспевающие школьники (n =86)	
	кол-во	%	кол-во	%
Оценка поведения одноклассников	42	20	22	27
Оценка внешности одноклассников	0	0	2	3
Отношение учащихся к одноклассникам	28	13	11	14
Оценка интеллектуальных качеств одноклассника	9	4,5	13	16
Обобщенная оценка личности одноклассника	32	15	21	25
Эмоционально-динамические суждения	39	18	6	8
Обобщенная оценка класса	96	45	32	38
Оценка коммуникативных качеств	4	2	4	5,5
Субъективная оценка самочувствия в классе	15	7	2	3
Отношение к оформлению класса	28	13	0	0
Оценка разделения класса по половому признаку	32	15	0	0
Оценочное описание учителя	75	35	30	36
Описание отношения к образовательным предметам	47	22	21	25

Представленные количественные результаты исследования в Таблице 2 позволяют более дифференцировано изучить характеристику суждений, отраженных в сочинении «Наш класс» школьников с разным уровнем успеваемости. И в группе успевающих школьников (45 %) и в группе ребят с низким уровнем успеваемости (38 %) количественно преобладают общие суждения о классе. Но в сравнении содержания суждений, дети с достаточным уровнем успеваемости более позитивно оценивают

свой класс (дружный, веселый, хороший и т. д.) в отличие от ребят, которые испытывают трудности освоения образовательной программы (недружелюбный, плохой) и проявляющих в письменных работах даже агрессию (выгнать из класса, ненавижу свой класс и т. д.). Практически равные количественные баллы наблюдаются в категории «Оценочное описание учителя» в группе детей с достаточным уровнем успеваемости (35 %) и в группе участников эксперимента с низким уровнем успева-

емости (36 %). В содержании суждения также отсутствуют различия: школьники одинаково позитивно отзываються об учителях-предметниках, классных руководителях, педагогов дополнительного образования. В работах встречаются такие фразы, характеризующие учителей: «самая лучшая», «самая добрая», «всегда может выслушать и помочь». В категории «Обобщенная оценка личности одноклассника» были выявлены значительные различия: школьники с более высоким уровнем успеваемости в общем объеме продемонстрировали только 15 % данного суждения, тогда как в группе детей с трудностями освоения эти данные равны 25 %. Но если школьники с более высоким уровнем успеваемости использовали только положительные характеристики, то в категории школьников с низким уровнем успеваемости суждения носят негативный характер. Точно такая же тенденция отрицательного отношения к одноклассникам у неуспевающих школьников была выявлена и при качественных характеристиках суждения «Отношения учащихся к одноклассникам». Несмотря на равное количественное процентное соотношение объема данного суждения в работах школьников, испытывающих трудности в обучении, преобладают крайне негативные отношения к одноклассникам: «мне не нравится, что на перемене они невоспитанные», «они мне не нравятся, т.к. постоянно обижают меня», «я плохо учусь из-за того, что одноклассники мне мешают» и т.п. Количество суждений «оценка поведения» преобладает в категории неуспевающих школьников, но в основном данные суждения сводятся к поименному перечислению одноклассников и жалоб на них: «Егор дерется», «Ваня бежит на переменах», «Соня забирает мои вещи». Стоит отметить, что в работах шести неуспевающих школьников (8,9 %) указываются демонстративно плохие и асоциальные качества одноклассников, что на самом деле не соответствует действительности.

Суждения «Оценка внешности одноклассников» в сочинениях успевающих школьников не выявлены, тогда как в группе ребят с низким уровнем успеваемости только в двух работах девочек (3 %) присутствуют фразы: «Дружу с Леной, потому что она очень красивая», «У Фатимы красивые платья».

Независимо от малого количественного объема суждений «оценка интеллектуаль-

ных качеств одноклассников» качественное содержание высказываний представляет значительный интерес. В группе учеников с достаточным уровнем успеваемости (4,5 %) это позитивные суждения «в нашем классе много умных ребят», «мы хорошо учимся, потому что умные и умеем слушать учителя». В работах детей с низким уровнем успеваемости, несмотря на преобладание количественных суждений высказываний об интеллектуальных качествах одноклассников (16 %) в сравнении с успевающими школьниками все суждения, без исключений, носят негативный характер. В категории «отношение к оформлению класса» и «оценка разделения класса по половому признаку» характерных суждений в работах школьников с низким уровнем успеваемости не выявлено в отличие от детей с достаточным уровнем освоения образовательной программы (13 % и 15 % соответственно). В сочинениях присутствуют высказывания о приобретении новой мебели и техники. Суждения в группе успевающих ребят об «оценке разделения класса по половому признаку» выявлены только у девочек и содержат следующую информацию: «у нас сильные мальчики и мы выиграли соревнования», «мальчики всегда поздравляют нас с 8 марта».

Обсуждение

Количественный и качественный анализ исследования позволил выявить значительные различия в восприятии одноклассников неуспевающими школьниками в сравнении со сверстниками с достаточным уровнем успеваемости. Большинство участников экспериментальной группы с трудностями в освоении образовательной программы продемонстрировали крайне негативное восприятие сверстников, что может быть свидетельством нарушения формирования межличностных отношений, конфликтности, и, как следствие, выступать в роли неблагоприятных внешних условий деятельности учения в целом. Школьникам с недостаточным уровнем успеваемости характерна импульсивность, недостаточный контроль собственных эмоций, склонность к обвинению в собственных трудностях одноклассников. Их суждения отличаются стереотипностью, краткостью и шаблонностью. Мы согласны с Киршиным П. А., Сомовым М. А., в работах которых подчеркивается наличие отрицательных эмоций, порывистости, эмоциональной возбудимости у обучающихся с низким уровнем успеваемости, что связано

с нарушениями эмоционально-волевой сферы школьников данной категории [6; 11].

Выявленное незначительное количество оценок об интеллектуальных качествах одноклассников и в той, и в другой экспериментальной группе, свидетельствует о доминировании игровых и коммуникативных учебных мотивов, когда сверстник важен с позиции игры и общения, независимо от его интеллектуальных качеств. Обнаружено более глубокое представление понятия «Наш класс» в группе успевающих школьников, которые в отличие от ребят с трудностями в обучении, раскрыли в своих работах не только отношение к классу и сверстникам, но и описали предметно-пространственную среду. Характерной особенностью, установленной в рамках экспериментального исследования, являются и значительные трудности контакта с противоположным полом у неуспевающих школьников, что может свидетельствовать о несформированности коммуникативных умений.

Заключение

Личность школьника формируется в процессе взаимоотношений со сверстниками. Исследование особенностей восприятия одноклассников школьниками с различным уровнем успеваемости позволило выявить определенную специфику. Неуспевающие ученики в основном негативно воспринимают сверстников, используют оценочные суждения, проявляют негативно окрашенные эмоции (агрессию, злость) и устойчивые отрицательные эмоции (страх, гнев). Вместе с тем качественные межличностные отношения со сверстниками выступают условием сформированной школьной мотивации, их нарушение не способствует формированию учебной деятельности в целом и преодолению трудностей в освоении образовательной программы. Неблагоприятные взаимоотношения с одноклассниками являются предиктором нарушения психологической безопасности образовательной среды, что, безусловно, должно стать объектом изучения педагогов-психологов современных образовательных организаций.

Список источников

1. Белоусова А. К. Особенности мышления детей младшего школьного возраста с трудностями в обучении / А. К. Белоусова, П. А. Гордеева, Н. И. Яманова // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2023. Т. 6, № 2. С. 79.
2. Беляева П. И. Психологическая безопасность школьника как психическое состояние // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 64. С. 73.
3. Дубровина И. В. Психологическая культура и задачи воспитания в современной школе // Вестник практической психологии образования. 2018. № 1-2(54-55). С. 6.
4. Дунаева Н. И. Психологическая структура сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов: основные эмпирические результаты / Н. И. Дунаева, С. Н. Сорокоумова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1(26). С. 109.
5. Дунаева Н. И. Формирование сопротивляемости личности студентов в условиях современной образовательной среды / Н. И. Дунаева, П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 1(42).
6. Киршин П. А. Неуспеваемость учащихся: причины и средства её преодоления // Школьные технологии. 2015. № 5. С. 78.
7. Коробинцева М. С. Психодиагностическая программа социально-гуманитарного исследования в познании причин девиантного поведения обучающихся // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 175.
8. Морозюк С. Н. Психология личности. Психология характера. М. : Юрайт, 2020. 217 с.
9. Лидак Л. В. Проявление агрессивных форм поведения у детей младшего школьного возраста: особенности и профилактика / Л. В. Лидак, С. Ю. Казанцева // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. 2024. № 3(23). С. 133.

10. Психологическая готовность будущих педагогов к воспитательной работе с подростками / С. Н. Сорокоумова, П. А. Егорова, Т. М. Сорокина, С. А. Щелоков // Приволжский научный журнал. 2015. № 3(35). С. 278.
11. Сомов М. А. Влияние успеваемости школьника на его положение в системе межличностных отношений в классе: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. / Сомов Михаил Анатольевич. М., 1984. 135 с.
12. Сорокоумова С. Н. Специфика работы психолога с деструктивной личностью / С. Н. Сорокоумова, П. А. Егорова // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 427.
13. Сорокоумова С. Н. Исследование понятийного мышления младших подростков как компонента психологической готовности к переходу из начальной в основную школу / С. Н. Сорокоумова, М. С. Коробинцева // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 1(50).
14. Сорокоумова С. Н. Чувство взрослости с различным уровнем успешности обучения в школе / С. Н. Сорокоумова, М. С. Коробинцева // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 2(31). С. 114.
15. Суворова О. В. Комплексный подход к психолого-педагогической профилактике и коррекции буллинга в подростковой среде / О. В. Суворова, К. А. Бычкова, П. А. Егорова // Нижегородский психологический альманах. 2020. Т. 1, № 1. С. 231.

References

1. Belousova A. K. Features of the thinking of primary school-aged children with learning difficulties / A. K. Belousova, P. A. Gordeeva, N. I. Yamanova // Innovacionnaya nauka: psihologiya, pedagogika, defektologiya. 2023. T. 6;2: 79. (In Russ.).
2. Belyaeva P. I. Psychological safety of a student as a mental state // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011;64: 73. (In Russ.).
3. Dubrovina I. V. Psychological Culture and Educational Tasks in a Modern School // Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya. 2018;1-2(54-55): 6. (In Russ.).
4. Dunaeva N. I. Psychological Structure of Adolescent, High School, and College Student Resilience: Key Empirical Findings / N. I. Dunaeva, S. N. Sorokoumova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26):109. (In Russ.).
5. Dunaeva N. I. Formation of students' personal resistance in a modern educational environment / N. I. Dunaeva, P. A. Gordeeva, S. N. Sorokoumova // Vestnik Mininskogo universiteta. 2023. T. 11;1(42). (In Russ.).
6. Kirshin P. A. Student Underachievement: Causes and Solutions // SHkol'nye tekhnologii. 2015;5: 78. (In Russ.).
7. Korobinceva M. S. A psychoanalytic program of socio-humanitarian research in understanding the causes of deviant behavior among students // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2022;2: 175. (In Russ.).
8. Morozyuk S. N. Psihologiya lichnosti. Psihologiya haraktera. M. : YUrajt, 2020. 217 s. (In Russ.).
9. Lidak L. V. Aggressive Behavior in Primary School Children: Characteristics and Prevention / L. V. Lidak, S. YU. Kazanceva // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2024;3(23): 133. (In Russ.).
10. Psychological readiness of future teachers for educational work with teenagers / S. N. Sorokoumova, P. A. Egorova, T. M. Sorokina, S. A. SHChelokov // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. 2015; 3(35): 278. (In Russ.).
11. Somov M. A. Vliyanie uspevaemosti shkol'nika na ego polozhenie v sisteme mezhlichnostnyh otnoshenij v klasse: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.07. / Somov Mihail Anatol'evich. M., 1984. 135 s. (In Russ.).
12. Sorokoumova S. N. Specifika raboty psihologa s destruktivnoj lichnost'yu / S. N. Sorokoumova, P. A. Egorova // Psihologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: sbornik materialov Vserossijskogo simpoziuma psihologov. Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2019. S. 427. (In Russ.).
13. Sorokoumova S. N. Research on the conceptual thinking of younger adolescents as a component of psychological readiness for the transition from primary to secondary school / S. N. Sorokoumova, M. S. Korobinceva // Vestnik Mininskogo universiteta. 2025. T. 13;1(50). (In Russ.).

14. Sorokoumova S. N. A sense of maturity with varying levels of success in school / S. N. Sorokoumova, M. S. Korobinceva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(31): 114. (In Russ.).

15. Suvorova O. V. A comprehensive approach to psychological and pedagogical prevention and correction of bullying in adolescence / O. V. Suvorova, K. A. Bychkova, P. A. Egorova // Nizhegorodskij psihologicheskij al'manah. 2020. T. 1;1: 231. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Н. Сорокоумова – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

S. N. Sorokoumova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.08.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 37.015.3

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К ВЫСОКИМ УЧЕБНЫМ НАГРУЗКАМ

Алексей Анатольевич Утюганов

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
utyuganova@rosgvard.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9641-7174>

Аннотация. Настоящее исследование было предпринято с целью установления диагностических, адаптационных и психологических возможностей компьютерной методики «игрового биоуправления» в процессе работы с военнослужащими. Новизна данной работы состоит в том, что ранее методика не использовалась в военных вузах для выявления и описания форм поведения военнослужащих. Между тем распознавание психологического переутомления и эмоционального выгорания у курсантов военных вузов является актуальным и значимым направлением деятельности психологов и педагогов. В методическом плане акцент был сделан на принципе единства сознания и деятельности, применялся экспериментально-психологический метод, особая виртуальная игра как активный способ обучения, методы математической обработки. На основании анализа полученных результатов было выявлено, что наиболее характерными для курсантов стратегиями снятия внутреннего напряжения являются занятие спортом, общением с психологом, прослушивание музыки, самостоятельная работа при подготовке к занятиям. Данное обстоятельство необходимо учитывать в учебном процессе всего психолого-педагогического сопровождения курсантов военных вузов, а также при планировании профилактических мероприятий. Цифровой инструментарий в виде «игрового биоуправления» может быть использован не только в военных вузах, но и по месту прохождения военной службы будущих офицеров в воинских частях.

Ключевые слова: цифровые технологии, «игровое биоуправление», саморегуляция, мыслительные тренировки, копинг-стратегии, стрессоустойчивость, выгорание, курсанты, военнослужащие

Для цитирования: Утюганов А.А. Психолого-педагогическое управление процессом адаптации курсантов к высоким учебным нагрузкам // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 171–183. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/017.pdf>.

Original article

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL MANAGEMENT OF THE PROCESS OF ADAPTATION OF CADETS TO HIGH ACADEMIC WORKLOADS

Alexey A. Utyuganov

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
utyuganova@rosgvard.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9641-7174>

Abstract. The present study was undertaken in order to establish the diagnostic, adaptive and psychological capabilities of the computer technique of "game bio-management" in the process of working with military personnel. The novelty of this work lies in the fact that previously the methodology was not used in military universities to identify and describe the behaviors of military personnel. Meanwhile, the recognition of psychological overwork and emotional burnout among military university cadets is an urgent and significant area of activity for psychologists and educators. Methodically, the emphasis was placed on the principle of unity of consciousness and activity, using an experimental psychological method, a special virtual game as an active way of learning, and mathematical processing methods. Based on the analysis of the results obtained, it was revealed that the most typical strategies for relieving internal tension for cadets are playing sports, communicating with a psychologist, listening to music, and independent work in preparation for classes. This circumstance must be taken into account in the educational process of all psychological and pedagogical support for military

university cadets, as well as when planning preventive measures. Digital tools in the form of "game bio-management" can be used not only in military universities, but also at the place of military service of future officers in military units.

Keywords: digital technologies, "game bio-management", self-regulation, mental training, coping strategies, stress tolerance, burnout, cadets, military personnel

For citation: Utyuganov A.A. Psychological and pedagogical management of the process of adaptation of cadets to high academic workloads. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 171–183. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/017.pdf>.

© Утюганов А.А., 2025

Введение

Психолого-педагогическое управление адаптацией курсантов к высоким учебным нагрузкам предполагает формирование у данной категории лиц навыков самоконтроля, саморегуляции и самопрограммирования. Кроме того, значительное место в данном процессе должно отводиться обучению военнослужащих наиболее эффективным способам экстренной мобилизации («активизации») резервных возможностей психики. Причем, что особенно важно отметить, – без какого-либо вреда для здоровья.

Как показывает практика, способности значительной части курсантов военных вузов раскрываются в соответствии с общими закономерностями социального, социально-биологического (преимущественно психофизиологического) и когнитивного развития. В ходе учёбы существенно перестраивается иерархия интересов, селективность мотивов приводится в соответствие с содержанием и условиями будущей профессиональной деятельности, растут интеллектуальные нагрузки, поскольку с каждым днем курсантам приходится усваивать значительные объемы информации и решать всё более и более сложные задачи. Наиболее одаренные молодые люди демонстрируют высокую успеваемость, гибкость мышления, прекрасную самоорганизацию. Они активно занимаются научной деятельностью, а некоторые даже пытаются самостоятельно (в режиме онлайн) осваивать «сквозные дисциплины», например, связанные с информационной безопасностью. Таким курсантам оказывается всесторонняя поддержка, поскольку они фактически берут на себя роль генераторов идей и локомотивов творческой мысли [2, С. 265–269; 6, С. 98–101; 10, С. 63–72].

При этом нельзя не напомнить, что, по мнению целого ряда нейропсихологов, между повышенной креативностью и психической уязвимостью существует довольно четкая связь, а кроме того, так называ-

емые «талантливые трудоголики» подвержены серьезному риску невротизации и выгорания [3, С. 138–169; 7, С. 86–107; 18].

К сожалению, работа по своевременному предотвращению всевозможных срывов, декомпенсаций и астенических состояний (вызванных переутомлением) у курсантов военных вузов оставляет желать лучшего. В определенной мере это обусловлено тем, что многие схемы и методы зачастую используются психологами без учета динамики взаимовлияния личностных, физиологических, психосоматических и внешних (ситуационных) факторов. Отсутствует надежный инструментарий, позволяющий специалистам оперативно устанавливать лиц, составляющих «группу риска» (то есть молодых людей, склонных к эмоциональному истощению и к редукции личных достижений). По-прежнему затруднения у специалистов вызывает деятельность по обнаружению (на ранних этапах) донологические признаки выгорания, а также диагностика копинг-стратегий конкретных военнослужащих и проведение коррекционной работы с личным составом. Таким образом, заявленная тема представляется весьма сложной, многоаспектной и чрезвычайно актуальной.

Объект исследования составила выборка из курсантов пятого курса Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, сдавших зимнюю экзаменационную сессию в 2024 году.

Предмет исследования: методы психолого-педагогического управления процессом адаптации курсантов военных вузов к высоким учебным нагрузкам.

Гипотеза исследования базируется на тезисе о том, что в процессе психологического сопровождения курсантов военных вузов необходимо использовать более эффективные цифровые технологии, позволяющие контролировать психофизиологическое состояние учащихся, их стрессоустойчивость, а также способствующие

повышению концентрации внимания и восстановлению организма после выполнения сложных учебных заданий. Подобные функции способны взять на себя игровые методы, в основе которых лежит принцип биологической обратной связи.

Основная цель исследования: изучение стратегий совладающих со стрессом форм поведения, которые имеют место у курсантов выпускного курса с помощью методики «игрового биоуправления» и опросника копинг-стратегий COPE, собеседования и клинического метода для решения вопроса о целесообразности проведения соответствующих коррекционных (а возможно и психотерапевтических) мероприятий.

Сопутствующей целью следует считать поиск новых алгоритмов оптимизации индивидуально-воспитательной работы и медико-психологического сопровождения военнослужащих.

Задачи исследования:

1. Определить соотношение стрессоустойчивых курсантов к тем, кто имеет признаки дезадаптации, предъявляет психосоматические жалобы. Выявить лиц, которые не обладают достаточными ресурсами для преодоления высоких интеллектуальных и психоэмоциональных нагрузок, а также, военнослужащих, не владеющих конструктивными копинг-стратегиями.

2. Изучить особенности личности и специфику дезадаптивного поведения проблемных курсантов, демонстрирующих признаки невротической астении, выгорания и т. д.

3. Апробировать методику «игровое биоуправление» в условиях военного вуза.

Материалы и методы исследования

В эксперименте приняли участие лица мужского пола, находящихся в возрастном диапазоне от 23 до 25 лет (одному человеку на момент обследования исполнилось 26 лет). Выборка была гомогенна не только по половому признаку, но и по уровню воспитания, образования, физической и психологической подготовки. Около 90 % курсантов характеризовались как имеющие четкое представление о «тяготах» военной профессии, часть из них имели статус потомственных военнослужащих. В разные периоды своей жизни более 10 % перенесли закрытые черепно-мозговые травмы. За время учебы никто из курсантов не обращался за помощью к психологам или психиатрам. Каждый четвертый активно занимался научной работой по гуманитарным и техническим спе-

циальностям, а также планировал со временем поступить в адъюнктуру. По данным ранее проведенных психологических исследований, в основной своей массе курсанты обладали такими профессионально важными качествами как твердость, решительность, самообладание, смелость, находчивость, коммуникабельность, дисциплинированность, тактичность. Все участники исследования уверенно владели навыками рукопашного боя, обращения с оружием, с взрывчатыми и химическими веществами, со средствами технической связи, а также навыками вождения автотранспортных средств (таким образом, они были готовы к активным действиям, как в обычных, так и в экстремальных условиях).

Говоря о методологии данного научного исследования, важно уточнить, что основной упор был сделан на системный подход, а принцип единства сознания и деятельности позволил нам рассматривать психику человека как на целостную систему, способную к саморегуляции и «самовоспроизведению» (например, на ментальном или виртуальном уровне).

Клинико-психологический метод позволил (благодаря установлению доверительных отношений и обещаниям соблюдать конфиденциальность) описать такие особенности психики, которые некоторые курсанты тщательно скрывали от окружающих (начальников, педагогов, товарищей), опасаясь «выставить себя в неприглядном свете», «уронить» свой социальный рейтинг, стать объектом для насмешек. В основном это касалось жалоб на «беспричинную» тревогу, головные боли, колебания настроения, вспышки агрессии, частое раздражение, плохой сон. Анализировались: внешний облик курсанта, вербальные и невербальные манеры поведения, характер жалоб, состояние эмоционально-волевой сферы, восприятие, мышление, самокритичность. Также, в качестве базисной оценки психического состояния респондентов, использовалась адаптированная специалистами Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова компьютерная версия клинико-функциональной шкалы «GAFS». По замыслу разработчиков данной шкалы, тяжесть нарушений должна соответствовать одному из десяти уровней. В свою очередь, каждый уровень характеризуется десятью цифровыми значениями. Минимальные значения сигнализируют о серьезных нарушениях центральной нервной

системы, проблемах с адаптацией и т. д., а максимальные (от 81 до 90 и от 91 до 100) – о полном или относительном благополучии. Кроме того, было проведено комплексное психофизиологическое обследование курсантов, включавшее в себя (в том числе) и изучение косвенных показателей их работоспособности (в первую очередь это касалось анализа состояния оперативной памяти, скорости протекания простых и сложных сенсомоторных реакций).

Для уточнения особенностей стресс-преодолевающего поведения курсантов выпускного курса нами был использован русскоязычный вариант опросника копинг-стратегий COPE. Причем как ситуационных, так и лежащих в их основе диспозиционных стилей. Напомним, что авторами опросника COPE (Coping Orientation to Problems Experienced Inventory) являются американские психологи, которые руководствовались научными воззрениями Р. Лазаруса относительно существования различных (наиболее часто встречающихся в человеческой популяции) моделей саморегуляции поведения. Методика позволяет тестировать неограниченный круг лиц на предмет «обнаружения» у них продуктивных и непродуктивных копинг-стратегий (включая несколько видов избегающего копинга). Однако и это еще далеко не все, так как эта методика дает возможность выявлять склонность конкретного индивида к наркотизации и алкоголизации, к суггестии, к религиозным переживаниям, потребность в поддержке и т. д. В зависимости от специфики целей и задач исследования, особенностей конкретной выборки, «диагностической ситуации» и т. д. структура опросника может подвергаться изменениям, дополнениям, корректировкам. Нами был использован цифровой вариант COPE, состоящий из 60 пунктов, объединенных в 15 шкал.

Установленные в ходе данного исследования копинг-стратегии военнослужащих соотносились с типами их личности, с акцентуациями характера. Затем проводились психокоррекционные занятия. Их последовательность была представлена следующим образом: 1) курсанты подробно описывали те стратегии, которые они обычно использовали для нейтрализации страха, тревоги, беспокойства; 2) респондентам предлагалось самостоятельно подумать о своей «уязвимости» и сформировать принципиально новые (универсальные) стратегии своего стресс-

преодолевающего поведения; 3) «умозаключения» курсантов разбирались как на индивидуальном, так и на групповом уровне; 4) под патронажем опытных психологов «запускался» процесс корректировки ошибочных взглядов и формирования поведенческой модели «эффективного управления стрессом и профилактики выгорания» (и что особенно важно, речь идет об индивидуально-ориентированной модели).

Важным средством психодиагностики и психокоррекции являются игровые технологии. Например, специально созданная для этих целей виртуальная «игра – имитация» позволяет облегчить усвоение новых навыков и оптимизировать психофизиологические процессы, происходящие у конкретного человека. Ситуации и сценарии игр обычно касаются различных аспектов жизнедеятельности [1, С. 134–138; 4, С. 7].

Применительно к военнослужащим – это сфера служебной подготовки (в широком понимании данного термина), линия боевого соприкосновения, полоса препятствий, «зачистка» здания или населенного пункта от противника. Основное требование для разработчиков – достоверность (игра должна максимально возможно имитировать реальную ситуацию, в которой человек уже оказывался или может оказаться).

В нашем случае специально подобранная компьютерная игра позволяет курсанту не только достигать желаемых результатов (в игровом формате), но и распознавать свои эмоциональные состояния, грамотно оценивать то, что с ним происходит, а также активно управлять психофизиологическими процессами. Иными словами, речь идет о биологической обратной связи (БОС), на основе которой создана методика «игрового биоуправления». Игра управляется важнейшими психофизиологическими параметрами – частотой сердечных сокращений и частотой дыхания. Комплекс рекомендаций по эмоционально-волевой тренировке нацелен на повышение устойчивости к экстремальным условиям, концентрации внимания, нейтрализации эмоционального напряжения и дискомфорта, оптимизации психологического климата.

Специальные датчики регистрируют соответствующие сигналы организма и передают их в компьютер. Сюжет данной игры связан с подводным погружением боевых пловцов в районе интенсивного судоходства и уничтожением террори-

стов. Испытуемый как бы «соревнуется сам с собой», ему нужно постоянно держать себя в руках – контролировать дыхание и сердцебиение (частоту пульса). То есть, чтобы победить в игре нужно не просто «ликвидировать диверсантов», но и продемонстрировать навыки саморегуляции, управления своими физиологическими ресурсами в экстремальной ситуации. Окончание игры позволяет установить наличие одной из трех стратегий – либо имела место эффективная саморегуляция, либо – неэффективная, либо – промежуточная.

В целом же методические особенности проведения занятий в рамках «игрового биоуправления» предполагают их последовательную трансформацию. Так, во время первого знакомства членов рабочей группы с курсантами и их инструктирования, устанавливается линия связи между участниками эксперимента, модель которой определяется организаторами исследования (психологами, педагогами, психотерапевтами). В дальнейшем, в процессе ориентации, консультирования, обучения, «переформатирования» эта модель дополняется биологической обратной связью, опосредованной техническими устройствами. При «налаживании» и оптимизации механизмов БОС, ведущим ориентиром для специалистов является вектор ее направленности на индивидуальные и групповые характеристики, которые могут быть изменены, дополнены, улучшены и т. д. [11, С. 237–252].

Как правило, обучение подразделяется на пять этапов. Во время первого этапа курсанты приобретают навыки переключения на новый ритм дыхания и «выдерживания» его в течение заданного времени. На выполнение заданий продолжительностью до 6 минут в среднем приходится 6–10 циклов (вдох-выдох – задержка). В результате, участникам эксперимента удается задерживать дыхание на 40–50 секунд. Второй этап посвящен «искусству миорелаксации» (особенно мышц лица, шеи и т. д.). Суть третьего этапа заключается в том, что курсант использует полученные «знания» для успешного прохождения всех препятствий и завершения игры. Четвертый этап связан с тренировкой воображения, т. е. молодой человек обдумывает, в каких ситуациях ему могли бы пригодиться усвоенные алгоритмы саморегуляции. Пятый этап предполагает овладение комплексом упражнений, позволя-

ющих выстраивать конструктивную линию поведения и формировать свое будущее, избегая опасности выгорания.

Возможно, что еще одним этапом станет дистанционный мониторинг, который будет представлять собой систему поддержки «невротизированной личности» и своевременного принятия психотерапевтических решений. Суть мониторинга заключается в том, что участник эксперимента устанавливает специальное мобильное приложение, куда вносит информацию о своем состоянии, настроении, тревожных мыслях и опасениях, наличии или отсутствии неблагоприятных факторов, способных вызвать дезадаптацию, данные о частоте пульса и артериальном давлении в течение рабочего дня. Далее сведения попадают в специализированную информационную систему дистанционного наблюдения. Куратор, используя возможности искусственного интеллекта и свой профессиональный опыт, составляет развернутое заключение о состоянии человека. При необходимости формируются соответствующие рекомендации. Сегодня подобные проекты успешно реализуются в целом ряде отечественных медицинских и реабилитационных центрах (правда рассчитаны они не на курсантов, а на лиц, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями, у которых в любой момент может произойти ухудшение).

Обзор литературы. О высокой значимости психологической подготовки военнослужащих, контрактников, курсантов военных училищ и т. д. пишут многие авторы. Также подчеркивается, что какими бы впечатляющими ни были достижения в сфере использования нейросетевых технологий, «последнее слово» все равно остается за человеком (штурмовиком, «окопником», снайпером, сапером, артиллеристом, оператором БПЛА) [12, С. 928–940; 13; 20]. По мнению целого ряда экспертов из стран-членов НАТО, система психологической подготовки военнослужащих должна представлять собой комплекс мероприятий, включающих себя занятия

информационно-коммуникационной, идеологической, физической, боевой и специальной направленности. При этом особое внимание в процессе обучения военному делу уделяется поддержанию (укреплению) единства психического, физического и сугубо профессионального (связанного с верностью воинскому долгу и присяге). Освоив азы профессии, наиболее мотивиро-

ванные молодые люди стремятся к улучшению своих результатов, расширению кругозора, к получению новых знаний, к удовлетворению амбиций (в плане продвижению по службе) [23; 24].

Но резервы человеческого организма не безграничны. Постоянно усиливающиеся нагрузки, растущие требования к профессиональной компетентности, хроническая усталость - всё это может привести к выгоранию и профессиональной деформации, поэтому одной из задач военной психологии является формирование у каждого военнослужащего особого психофизиологического опыта (ментального «плата»), позволяющего своевременно настраиваться на нужную волну, сохраняя спокойствие и ясность мысли [15, С. 267–283; 17, С. 844–853].

Способность военнослужащего (в данном случае курсанта) эффективно бороться со стрессом, выстраивать конструктивные копинг – стратегии, быстро восстанавливаться и т. д. предопределяет его будущее в качестве успешного офицера, пользующегося доверием и начальства, и подчиненных. Оптимистичный настрой, регулярные мыслительные тренировки, уверенное владение методами саморегуляции – все это является мощным барьером на пути психологического неблагополучия, эмоционального истощения, тревоги и депрессий. Кроме того, как показывает практика, если такие военнослужащие непосредственно участвуют в боевых действиях, то риск возникновения у них посттравматического стрессового расстройства ничтожно мал [19, С. 327–337; 26, С. 2096–2108; 27; 29].

В современных социально-психологических и гуманитарных исследованиях значительное место отводится этиологии и патогенезу «синдрома выгорания» [14, С. 36–45], а также описанию способов нейтрализации «избыточных» информационных воздействий, связанных с профессией, с исполнением служебных обязанностей, с профилактикой невротизации молодежи. Как правило, авторами особо подчеркивается, что стресс (учебный, рабочий и т. д.), особенно при хроническом течении, ведет к неминуемой деперсонализации, демотивации, потере работоспособности. Многочисленные наблюдения свидетельствуют о том, что сам «пострадавший» не может своевременно и правильно оценить свое состояние, поэтому обращается к специалистам достаточно поздно. К сожалению

и среди специалистов отсутствует единый взгляд на диагностику, структуру и динамику данного синдрома. Установлено, что под влиянием стресс-факторов у лиц с выраженными акцентуациями характера и признаками психопатизации довольно быстро наступает социальная дезадаптация. Прежде всего, это касается представителей дистимического типа, поскольку они изначально склонны к ипохондрии, подавленному настроению, навязчивым мыслям. Далее, в зоне высокого риска оказываются истероидные личности, возбудимые и застревающие граждане [25, С. 1–9]. Для выхода из кризисной ситуации психологи рекомендуют активно использовать различные формы групповой психотерапии, которые позволяют восстановить и усилить коммуникативные навыки. Чрезвычайно важно помочь человеку отказаться от иррациональных убеждений и сосредоточиться на развитии своего эмоционального интеллекта, формировании моделей преодолевающего поведения [16, С. 43–51].

К сожалению, предпринятый нами поиск междисциплинарных исследований, посвященных созданию диагностического инструментария, предназначенного для выявления ведущих копинг-стратегии у военнослужащих (а конкретно – у курсантов военных вузов), основанных на принципе «игрового биоуправления» (биологической обратной связи) ни к чему не привел. Хотя, мы смогли убедиться, этот метод востребован в сфере реабилитации комбатантов, в подростковой психиатрии, психосоматической практике, в наркологии, в пениitenciарной педагогике.

Следует также отметить, что высокой практической значимостью обладают публикации, отражающие уровень цифровизации психологических знаний и способы внедрения игровых технологий, предназначенных для обеспечения личностного роста широкого круга лиц, нуждающихся в социально-психологической и социально-медицинской помощи, а также в совершенствовании их умений по активному взаимодействию с окружающими [5, С. 107–127; 8, С. 43–47; 21; 28, С. 1–14].

Результаты и обсуждение

Из курсантов (100 %), принявших участие в эксперименте, успешно прошли все этапы обследования 72,4 %. Молодые люди не предъявляли никаких жалоб, демонстрировали высокий уровень психического здоровья и физической подготовки. У остальных (17,6 %) имели место жалобы

астенического характера, причем у 8,3 % были выявлены признаки астенической триады (в виде повышенной психической и физической истощаемости, наличия висцеро-вегетативных расстройств, нарушений сна). Таким образом, респонденты распределились по трём группам. Согласно результатам, полученным в ходе применения методики «игрового биоуправления», выяснилось, что группа «абсолютно здоровых» курсантов была ориентирована на эффективные копинг-стратегии. Испытуемые с первого раза достигали поставленной цели. Кроме того, психологи подтвердили наличие у представителей данной группы лидерских качеств. Курсанты были инициативны, общительны, уверены в своих силах, выдержаны, дисциплинированы. Они выражали готовность (при необходимости) прийти на помощь своим товарищам. В целом же им была свойственна ассертивная модель поведения. Регуляция психической активности осуществлялась как на сознательном, так и на подсознательном (рефлекторном) уровне, то есть существовали устойчивые стереотипы адаптационного поведения.

Показатели шкалы «GAFS» находились в диапазоне от 81 до 100 баллов, что свидетельствовало об отсутствии симптомов выгорания, «превосходном» функционировании (в широком диапазоне) всех сфер личной и профессиональной жизни; социально-психологические проблемы не выходят из-под контроля; окружающие охотно общаются с представителями данного типа в связи с их «душевной теплотой» и цельностью натуры.

Курсанты второй группы – 9,3 % использовали «промежуточные» стратегии (то есть курсанты относились к выполнению задания формально, демонстрируя слабую заинтересованность в конечном результате, кроме того, для них было характерно «маятникообразное» чередование успешных и неуспешных попыток мысленного воздействия на частоту своего пульса. Выявленные у курсантов нарушения укладывались в рамки ранних (не достигших своего пика) невротических расстройств и были обозначены как «астеноподобные» или соматоформные, включающие в себя ипохондрию, эмоциональную лабильность, истерические конверсии. Шесть человек с признаками посттравматического поражения головного мозга (на основании полученных в ходе исследования данных) пополнили «группу риска», список

лиц, склонных к эмоциональному выгоранию и дезадаптивному поведению. В состоянии декомпенсации данные субъекты могли начать использовать исключительно неэффективные копинг-стратегии. Фактически, эти шесть человек «зарезервировали» себе место в третьей группе и при неблагоприятных обстоятельствах (с высокой долей вероятности) пополнили бы её ряды. Совершенно очевидно, что военнослужащие нуждались в оказании им первичной консультативной помощи, а также в тщательном психологическом сопровождении, что и было сделано. Для восстановления курсантов и обучения их навыкам саморегуляции потребовалось три недели интенсивных занятий в свободное от служебного время.

Показатели шкалы «GAFS» находились в диапазоне от 61 до 70 баллов. Данные значения указывали на существование относительно «слабых» симптомов выгорания, а также на некоторые затруднения в социальной и профессиональной сферах.

Для членов третьей группы (у которых удалось «диагностировать» астеническую триаду) были характерны деструктивные стратегии в виде «демотивации», «ригидного результата» и «падения результативности». Указанные лица так и не смогли продемонстрировать положительную динамику показателя «RR – кардиоинтервал». Трое (из двенадцати) курсантов вообще не справились с заданием и попросили прервать эксперимент, сославшись на быструю утомляемость, головные боли, раздражительность, неспособность сосредоточиться. Учитывая наличие признаков выраженного психического неблагополучия (невротического генеза), а также информацию о закрытых черепно-мозговых травмах, курсанты были направлены для консультации к врачу-психиатру, который назначил соответствующее лечение (общеукрепляющее, противотревожное и т. д.). Восстановившись, (спустя месяц после описываемых событий) курсанты вновь приняли участие в эксперименте и показали удовлетворительные результаты (то есть их навыки саморегуляции значительно улучшились). Оставшихся девять человек удалось «вывести» из состояния внутреннего кризиса и дискомфорта благодаря проведению психолого-педагогических и психотерапевтических мероприятий. Согласно заключениям психологов, в целом, данную группу составляли интроверты, испытывающие серьезные

затруднения, когда вставал вопрос о необходимости быстрой мобилизации психофизиологических резервов организма, организации взаимодействия. Они плохо приспосабливались к новым людям и быстро меняющимся обстоятельствам, не умели расслабляться и постоянно «застревали» в своих микросоциальных проблемах.

Показатели шкалы «GAFS» находились в диапазоне от 51 до 60 баллов и свидетельствовали о наличии умеренных симптомов выгорания, возможном возникновении панических атак и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что закрытые черепно-мозговые травмы перенесли около 15 %. И хотя это обстоятельство играет довольно значимую роль в предрасположенности к психопатизации личности, к невротизации, к выгоранию и к профессиональной деформации, однако большинство ранее «травмированных» курсантов заняли достойные позиции в группе «абсолютно здоровых», поскольку обладали высокой стрессоустойчивостью. Тем не менее, такие курсанты нуждаются в наблюдении и организации для них регулярных функциональных тренировок в виде социально-психологических тренингов.

При помощи опросника COPE было установлено, что к числу конструктивных копинг-стратегий курсантов военного вуза относятся:

1. Сознательная концентрация волевых усилий («нужно взять себя в руки и во всем разобраться»).
2. Планирование («разложить всё по полочкам и продумать пути разрешения внутреннего кризиса»).
3. Воздержание от принятия поспешных решений и совершения необдуманных поступков («семь раз отмерь, один раз отрежь»).
4. Дружеская поддержка («всегда есть люди, искренне готовые чем-то пожертвовать, оказать содействие в трудную минуту»).
5. Стремление поддерживать оптимистичный настрой («дорогу осилит идущий», «всё получается у того, кто никогда не опускает руки»).
6. Увеличение физических нагрузок, участие в спортивных играх.

Из неконструктивных «целеполаганий» наиболее часто встречались следующие копинг-стратегии:

1. Умышленное игнорирование проблемы, отгороженность от внешнего мира.

2. «Тактика страуса» («зарыть голову в песок и ждать, когда все рассосется»).

3. Отказ от достижения любой цели при возникновении трудностей.

4. Использование психоактивных веществ.

Как конструктивные, так и неконструктивные копинг-стратегии могут встречаться у представителей самых разных типов личности, поскольку они являются иллюстрацией биосоциальной природы человека. Значимая роль в их формировании принадлежит темпераменту и воспитанию (а точнее – обучению приемам адаптационного и антистрессового поведения). Следует учитывать и специфику стресс-факторов, которые воздействуют на человека. Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что неконструктивные копинг-стратегии соотносятся с вполне определенными акцентуациями характера, среди которых доминируют шизоидные, эпилептоидные, эмоционально-неустойчивые, истерические, психастенические и тревожно-мнительные типы личности.

Обсуждение

На сегодняшний день обозначились целые направления междисциплинарных исследований, посвященные проблемам выгорания учащейся молодежи. И этому есть довольно простое объяснение. Дело в том, что психологам и психиатрам все чаще приходится сталкиваться с «побочными эффектами» образовательной деятельности. Интенсивные информационные потоки в какой-то момент начинают блокировать положительные эмоции учащихся, провоцировать нервозность, дискомфорт. Длительное «перенапряжение» центральной нервной системы приводит к нарушению функционирования органов и систем всего человеческого организма, вызывает обострение хронических заболеваний [22, С. 140–155].

К сожалению, проблема выгорания курсантов так и не стала предметом масштабных научных дискуссий. Отсутствуют публикации, посвященные анализу механизмов формирования (и поддержания) психологической защиты у лиц, обучающихся в военных вузах от деструктивного стресса. Данную публикацию можно рассматривать как первый шаг на пути исследования методики «игрового биоуправления», раскрытия ее возможностей и решения вопроса о целесообразности внедрении указанной технологии в процесс психолого-педагогического со-

провожения курсантов военных вузов. Мы собираемся продолжить работу в указанном направлении и выслушать критические замечания наших коллег (которые обязательно станут поводом для дальнейших, более содержательных дискуссий).

Заключение

Основная цель данного исследования состояла в изучении стратегий совладающих со стрессом форм поведения, которые имеют место у курсантов выпускного курса с помощью методики «игрового биоуправления» и опросника копинг-стратегий COPE, клинического метода и т. д. для решения вопроса о целесообразности проведения соответствующих коррекционных (а также психотерапевтических) мероприятий. Сопутствующая цель была обусловлена необходимостью поиска новых алгоритмов оптимизации индивидуально-воспитательной работы учебного и медико-психологического сопровождения военнослужащих (курсантов военных вузов).

Методологической платформой исследования являлись общенаучные и частные принципы, получившие широкое распространение в различных областях знаний, в том числе в психологии, социологии и педагогике: принцип детерминизма; принцип единства сознания и социального функционирования (конструктивной деятельности); принцип системности, экспериментальный, клинический и т. д.

В итоге, можно с уверенностью сказать, что цель достигнута, все задачи выполнены. Кроме того, есть все основания полагать, что гипотеза, основанная на идее о том, что в процессе психологического сопровождения курсантов военных вузов необходимо использовать более совершенные цифровые технологии контроля за психофизиологическим состоянием учащихся, за их стрессоустойчивостью (подобную функцию могут выполнить игровые методы, использующие принцип биологической обратной связи) нашла свое подтверждение.

Выводы

Успешно прошли все этапы обследования 72,4 % курсантов, которые продемонстрировали высокий уровень психического здоровья. Использование БОС позволило военнослужащим добиться лучшей концентрации внимания. Респонденты констатировали, что благодаря «игровому биоуправлению» они «обрели второе дыхание». У них появилось уникальное «окно возможностей» для саморегуляции пси-

хофизиологических функций, конструктивного самопрограммирования и успешной реализации широкого круга потребностей. Как интеллектуальные (преимущественно связанные с учебой), так и физические нагрузки стали преодолеваются более эффективно за счет «мыслительной» активации резервов центральной нервной системы.

У 17,6 % возникли проблемы, связанные с затруднением контроля частоты своего пульса в процессе выполнения ряда заданий, что было вызвано наличием у них признаков дезадаптации и (или) выгорания в виде астенической триады. Согласно результатам, полученным в ходе применения методики «игрового биоуправления», выяснилось, что «абсолютно здоровые» курсанты были ориентированы на эффективные копинг-стратегии, а проблемные – на неэффективные (в ряде случаев имели место откровенно деструктивные поведенческие стратегии, которые ни в коей мере не могли рассматриваться как стресс-преодолевающие). По словам участников эксперимента (представителей данной подгруппы), алгоритмы, составляющие суть «игрового биоуправления», явились теми инструментами, которые позволили им довольно быстро избавиться от «гнетущих» мыслей, восстановить сон, аппетит, работоспособность.

Стрессоустойчивость, внутренняя гармония, результативность учебной и служебной деятельности курсантов в значительной мере определяется сочетанием конструктивной, целенаправленной интеллектуальной активности и адаптивных копинг-стратегий, иными словами, совокупностью врожденных и приобретенных качеств, позволяющих не только преодолевать трудности, но и оптимизировать, преобразовывать окружающую действительность, реагировать на стресс факторы менее болезненно и травматично.

Методика игрового «биоуправления» обладает широкими возможностями в плане решения практических задач, связанных с восстановлением психики, совершенствованием деятельности самопрограммирующих механизмов, с диагностикой совладающего поведения и коррекцией дезадаптивных моделей поведения лиц, подверженных риску выгорания. Целесообразно дополнять полученные в процессе «игрового биоуправления» данные результатами использования нескольких психодиагностических методик (шкалы «GAFS» и опросника COPE).

Обращаясь к опыту проведения тренингов, отметим, что имело место изменение показателей, характеризующих познавательную и эмоционально-волевую деятельность респондентов. Условно говоря, благодаря психотерапевтическим сеансам удалось достичь разрешения наиболее острых противоречий, возникших в процессе функционирования военнослужащих, а также создать новую, более адаптивную иерархию отношений между энергетическими, содержательными и

смысловыми компонентами служебной деятельности.

Полученные результаты и выводы позволяют оптимизировать мероприятия по комплексному сопровождению курсантов военных вузов, оказывать на них дифференцированное психокоррекционное воздействие. Предложенная авторами методика может использоваться в рамках раннего выявления невротических расстройств у военнослужащих, а также для профилактики выгорания и профессиональной деформации.

Список источников

1. Бакин А. А. Об использовании деловых игр (с элементами IT-технологий) в военном образовании // Коммуникативные стратегии информационного общества («Медиа-технологии в цифровом мире: философия, история, политика»): труды XIV Междунар. науч.-теор. конф., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. С. 134–138.
2. Бакин А. А. Принципы системного мышления курсантов военных вузов // Системный анализ в проектировании и управлении: в 3 ч. Ч. 1: сборник научных трудов XXVII Международной научно-практической конференции / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. С. 265–269. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id24-49.
3. Белякова И. Е. Креативность и эмоциональное благополучие студентов в период вынужденного дистанционного обучения: взаимосвязь явлений / И. Е. Белякова, М. А. Кечерукова, Ю. С. Мурзина // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 8. С. 138–169. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-8-138-169.
4. Васянин А. Сыграем «Пиковую даму» // Российская газета. 2025. 17 июля.
5. Зарченко П. Ю. Влияние индивидуального вегетативного статуса на адаптацию студентов к учебному процессу и результативность ДАС-БОС-тренинга / П. Ю. Зарченко, Л. А. Варич, Э. М. Казин // Science for Education Today. Вестник НГПУ. 2021. № 5. С. 107–127. DOI: 10.15293/2658-6762.2105.06.
6. Козлов А. А. К вопросу о психологической подготовке курсантов высших учебных заведений / А. А. Козлов, М. В. Колесников // Наука и военная безопасность. 2023. № 4 (35). С. 98–101.
7. Мешкова Н. В. Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии / Н. В. Мешкова, С. Н. Ениколопов // Психология и право. 2020. № 10 (3). С. 86–107.
8. Можейко Е. Ю. Обзор исследований использования БОС-терапии при реабилитации и восстановительном лечении пациентов неврологического профиля / Е. Ю. Можейко, О. В. Петряева // Доктор.Ру. 2021. № 20(9). С. 43–47. DOI: 10.31550/1727-2378-2021-20-9-43-47.
9. Никифорова Е. А. Влияние морально-психологического состояния курсантов на проведение учебных занятий / Е. А. Никифорова, А. А. Мачин // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2024. № 3(104). С. 4–46.
10. Утюганов А. А. Основные направления научно-исследовательской деятельности сотрудников военных образовательных организаций высшего образования в условиях трансформации мирового порядка, противодействия внешним угрозам и оптимизации военного образования / А. А. Утюганов, Д. Е. Кузнецов, А. М. Казимирович [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 1 (22). С. 63–72. EDN KACHCM.
11. Утюганов А. А. О педагогическом мастерстве военнослужащих Росгвардии, участвующих в социальной реабилитации ветеранов боевых действий / А. А. Утюганов, В. П. Сальников, А. А. Бакин [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3 (28). С. 237–252. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/09/022.pdf>. EDN: RRPJRL (дата обращения: 10.07.2025).

12. Adler A. B., Bliese P. D., McGurk D., Hoge C. W., Castro C. A. (2009). Battlemind debriefing and battlemind training as early interventions with soldiers returning from Iraq: Randomization by platoon // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, Vol. 77, no. 5. P. 928–940. DOI: 10.1037/a0016877.
13. Bekesiene S. (2023). Impact of Personality on Cadet Academic and Military Performance // *Frontiers in Psychology*, Vol. 14, 1266236. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1266236.
14. Bianchi R., Schonfeld I. S., & Laurent E. (2019). Burnout: Moving beyond the status quo // *International Journal of Stress Management*, 26 (1), 36–45. <https://doi.org/10.1037/str0000088>.
15. Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach // *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 56, 2, 267–283. DOI: 10.1037/0022-3514.56.2.267.
16. Garcia-Sancho E., Salguero J.M., & Fernandez-Berrocal P. (2017). Ability emotional intelligence and its relation to aggression across time and age groups // *Scandinavian Journal of Psychology*, 58, 1, 43–51. doi:10.1111/sjop.12331.
17. Johnson D.C., Thom N.J., Stanley E.A. et al. (2014). Modifying resilience mechanisms in at-risk individuals: A controlled study of mindfulness training in Marines preparing for deployment // *American Journal of Psychiatry*, Vol. 171, 8, 844–853. DOI: 10.1176/appi.ajp.2014.13040502.
18. Jung R.E., Grazioplene R., Caprihan A., Chavez R.S., & Haier R. J. (2010). White matter integrity, creativity, and psychopathology: Disentangling constructs with diffusion tensor imaging // *PLoS ONE*, 5(3), Article e9818. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0009818>.
19. Lee J. E., Sudom K. A., Zamorski M. A. (2013). Longitudinal analysis of psychological resilience and mental health in Canadian military personnel returning from overseas deployment // *Journal of Occupational Health Psychology*, Vol. 18, 3, 327–337. DOI:10.1037/a0033059.
20. Lushenko P. (2024). Artificial Intelligence and US Military Cadets' Attitudes about Future War. SSRN. 29 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4812762.
21. Lytras M., Damiani E., Sarirete A. (2020). Technology-enhanced learning research in higher education: A transformative education primer // *Computers in Human Behavior*, vol. 109, August, 106350. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106350>.
22. Mattingly V. & Kraiger K. (2018). Can Emotional Intelligence Be Trained? A Meta-Analytical Investigation // *Human Resource Management Review*, 29, 140–155. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2018.03.002>.
23. Navas-Jiménez M. C., Laguía A., Recio P., García-Guiu C., Pastor A., Edú-Valsania S., Molero F., Mikulincer M., Moriano J. A. (2024) Secure Base Leadership in Military Training: Enhancing Organizational Identification and Resilience // *Frontiers in Psychology*, Vol. 15, 1401574. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1401574.
24. Navickienė V., Vasiliauskas V. (2024). The Effect of Cadet Resilience on Self-Efficacy and Professional Achievement: Verification of the Moderated Mediating Effect of Vocational Calling // *Frontiers in Psychology*, Vol. 14, 1330969. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1330969.
25. Rapisarda F., Corbière M., Lesage A.D., De Benedictis L., Pelletier J.F., Felix A., Leblanc Y., Vallarino M. & Miglioretti M. (2020). Development and validation of the mental health professional culture inventory // *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 29, 80, 1–9. <https://doi.org/10.1017/S2045796019000787>.
26. Raudales A. M., Weiss N. H., Dixon-Gordon K. L., Contractor A. A., Schatten H.T. (2021). The role of emotion dysregulation in the association between posttraumatic stress disorder symptoms and suicidal thoughts and behaviors among veterans // *J. Clin Psychol. Sep*; 77(9): 2096-2108. doi: 10.1002/jclp.23084.
27. Rizzo A. A., Shilling R. (2017). Clinical virtual reality tools to advance the prevention, assessment, and treatment of PTSD // *European Journal of Psychotraumatology*, Vol. 8, Sup. 5, 1414560. DOI: 10.1080/20008198.2017.1414560.
28. Smith E. E., Kahlke R., Judd T. (2020). Not just digital natives: Integrating technologies in professional education contexts // *Australasian Journal of Educational Technology*, 36 (3), 1–14. <https://doi.org/10.14742/ajet.5689>.
29. Tanielian T., Jaycox L. H. (Eds.). *Invisible wounds of war: Psychological and cognitive injuries, their consequences, and services to assist recovery*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. 498 p.

References

1. Bakin A. A. Ob ispol'zovanii delovyh igr (s elementami IT-tehnologii) v voennom obrazovanii // Kommunikativnye strategii informacionnogo obshchestva («Mediatekhnologii v cifrovom mire: filosofiya, istoriya, politika»): trudy XIV Mezhdunar. nauch.-teor. konf., Sankt-Peterburgskij politekhnicheskij universitet Petra Velikogo. SPb. : POLITEKH-PRESS, 2022. S. 134–138. (In Russ.).
2. Bakin A. A. Principy sistemnogo myshleniya kursantov voennyh vuzov // Sistemnyj analiz v proektirovanii i upravlenii: v 3 ch. CH. 1: sbornik nauchnyh trudov XXVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, FGAOU VO «Sankt-Peterburgskij politekhnicheskij universitet Petra Velikogo». SPb. : POLITEKH-PRESS, 2024. S. 265–269. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id24-49. (In Russ.).
3. Belyakova I. E. Kreativnost' i emocional'noe blagopoluchie studen-tov v period vyzhdenennogo distancionnogo obucheniya: vzaimosvyaz' yavlenij / I. E. Belyakova, M. A. Kecherukova, YU. S. Murzina // Obrazovanie i nauka. 2022. T. 24;8: 138–169. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-8-138-169. (In Russ.).
4. Vasyanin A. Let's play "The Queen of Spades" // Rossijskaya gazeta. 2025. 17 iyulya. (In Russ.).
5. Zarchenko P. YU. The impact of individual autonomic status on students' adaptation to the educational process and the effectiveness of DAS-BOS training / P. YU. Zarchenko, L. A. Varich, E. M. Kazin // Science for Education Today. Vestnik NGPU. 2021;5: 107–127. DOI: 10.15293/2658-6762.2105.06. (In Russ.).
6. Kozlov A. A. On the issue of psychological training for cadets in higher educational institutions / A. A. Kozlov, M. V. Kolesnikov // Nauka i voennaya bezopasnost'. 2023;4 (35): 98–101. (In Russ.).
7. Meshkova N. V. Creativity and Deviance: The Current State of the Problem in Psychology / N. V. Meshkova, S. N. Enikolopov // Psihologiya i pravo. 2020;10 (3): 86–107. (In Russ.).
8. Mozhejko E. YU. Review of studies on the use of BOS therapy in the rehabilitation and recovery treatment of neurological patients / E. YU. Mozhejko, O. V. Petryaeva // Doktor.Ru. 2021;20(9): 43–47. DOI: 10.31550/1727-2378-2021-20-9-43-47. (In Russ.).
9. Nikiforova E. A. The impact of the moral and psychological state of cadets on the conduct of training sessions / E. A. Nikiforova, A. A. Machin // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk. 2024;3(104): 4–46. (In Russ.).
10. Utyuganov A. A. The main areas of research activity of employees of military educational organizations of higher education in the context of the transformation of the world order, countering external threats, and optimizing military education / A. A. Utyuganov, D. E. Kuznecov, A. M. Kazimirovich [i dr.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;1 (22): 63–72. EDN KACHCM. (In Russ.).
11. Utyuganov A.A. On the pedagogical skills of Rosgvardia military personnel involved in the social rehabilitation of combat veterans / A. A. Utyuganov, V. P. Sal'nikov, A. A. Bakin [i dr.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;3 (28): 237–252. (In Russ.).
12. Adler A. B., Bliese P. D., McGurk D., Hoge C. W., Castro C. A. (2009). Battlemind debriefing and battlemind training as early interventions with soldiers returning from Iraq: Randomization by platoon // Journal of Consulting and Clinical Psychology, Vol. 77, no. 5. P. 928–940. DOI: 10.1037/a0016877.
13. Bekesiene S. (2023). Impact of Personality on Cadet Academic and Military Performance // Frontiers in Psychology, Vol. 14, 1266236. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1266236.
14. Bianchi R., Schonfeld I. S., & Laurent E. (2019). Burnout: Moving beyond the status quo // International Journal of Stress Management, 26 (1), 36–45. <https://doi.org/10.1037/str0000088>.
15. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 56, 2, 267–283. DOI: 10.1037/0022-3514.56.2.267.
16. Garcia-Sancho E., Salguero J. M., & Fernandez-Berrocal P. (2017). Ability emotional intelligence and its relation to aggression across time and age groups // Scandinavian Journal of Psychology, 58, 1, 43–51. doi:10.1111/sjop.12331.
17. Johnson D.C., Thom N.J., Stanley E.A. et al. (2014). Modifying resilience mechanisms in at-risk individuals: A controlled study of mindfulness training in Marines preparing for deployment // American Journal of Psychiatry, Vol. 171, 8, 844–853. DOI: 10.1176/appi.ajp.2014.13040502.
18. Jung R.E., Grazioplene R., Caprihan A., Chavez R.S., & Haier R. J. (2010). White matter integrity, creativity, and psychopathology: Disentangling constructs with diffusion tensor imaging // PLoS ONE, 5(3), Article e9818. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0009818>.

19. Lee J. E., Sudom K. A., Zamorski M. A. (2013). Longitudinal analysis of psychological resilience and mental health in Canadian military personnel returning from overseas deployment // *Journal of Occupational Health Psychology*, Vol. 18, 3, 327–337. DOI:10.1037/a0033059.
20. Lushenko P. (2024). Artificial Intelligence and US Military Cadets' Attitudes about Future War. SSRN. 29 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4812762.
21. Lytras M., Damiani E., Sarirete A. (2020). Technology-enhanced learning research in higher education: A transformative education primer // *Computers in Human Behavior*, vol. 109, August, 106350. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106350>.
22. Mattingly V. & Kraiger K. (2018). Can Emotional Intelligence Be Trained? A Meta-Analytical Investigation // *Human Resource Management Review*, 29, 140–155. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2018.03.002>.
23. Navas-Jiménez M. C., Laguía A., Recio P., García-Guiu C., Pastor A. , Edú-Valsania S., Molero F., Mikulincer M. , Moriano J. A. (2024) Secure Base Leadership in Military Training: Enhancing Organizational Identification and Resilience // *Frontiers in Psychology*, Vol. 15, 1401574. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1401574.
24. Navickienė V., Vasiliauskas V. (2024). The Effect of Cadet Resilience on Self-Efficacy and Professional Achievement: Verification of the Moderated Mediating Effect of Vocational Calling // *Frontiers in Psychology*, Vol. 14, 1330969. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1330969.
25. Rapisarda F., Corbière M., Lesage A. D., De Benedictis L., Pelletier J. F., Felix A., Leblanc Y., Vallarino M. & Miglioretti M. (2020). Development and validation of the mental health professional culture inventory // *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 29, 80, 1–9. <https://doi.org/10.1017/S2045796019000787>.
26. Raudales A. M., Weiss N. H., Dixon-Gordon K. L., Contractor A. A., Schatten H.T. (2021). The role of emotion dysregulation in the association between posttraumatic stress disorder symptoms and suicidal thoughts and behaviors among veterans // *J. Clin Psychol. Sep*; 77(9): 2096-2108. doi: 10.1002/jclp.23084.
27. Rizzo A. A., Shilling R. (2017). Clinical virtual reality tools to advance the prevention, assessment, and treatment of PTSD // *European Journal of Psychotraumatology*, Vol. 8, Sup. 5, 1414560. DOI: 10.1080/20008198.2017.1414560.
28. Smith E. E., Kahlke R., Judd T. (2020). Not just digital natives: Integrating technologies in professional education contexts // *Australasian Journal of Educational Technology*, 36 (3), 1–14. <https://doi.org/10.14742/ajet.5689>.
29. Tanielian T., Jaycox L. H. (Eds.). *Invisible wounds of war: Psychological and cognitive injuries, their consequences, and services to assist recovery*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. 498 p.

Информация об авторе

А. А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 02.08.2025;
одобрена после рецензирования 21.08.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

A. A. Utyuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent

The article was submitted 02.08.2025;
approved after reviewing 21.08.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ СЕНСОМОТОРНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Екатерина Вячеславовна Чекалина

Детская развивающая студия «Руки мамы», Нижний Новгород, Россия

e.v.chekalina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей сенсомоторного развития детей первого года жизни в процессе непосредственно-эмоционального общения со значимыми взрослыми. Высказывается мысль о том, что восстановление групп для детей раннего возраста в системе общественного дошкольного воспитания и рост числа развивающих центров повышает значимость работы психолога с данной возрастной категорией. Однако доминирование педиатрического подхода недостаточно для полноценного психического развития ребёнка, что требует наличия высокой профессиональной квалификации у психолога раннего детства на основе социально-психологической компетенции.

Основной гипотезой исследования является идея о том, что интеграция компонентов психомоторного развития в структуру непосредственно-эмоционального общения создает эффект взаимного обогащения и способствует более продуктивному познавательному и личностному развитию детей раннего возраста. С целью проверки гипотезы был осуществлен эксперимент по изучению произвольных движений, способствующих совершенствованию функции «хватания», как наиболее значимого достижения в психическом и сенсомоторном развитии ребенка.

В рамках научного проекта была разработана и апробирована авторская программа, направленная на создание эффективной развивающей среды с применением сенсомоторных компонентов и тактильных приемов, встроенных в процесс непосредственно-эмоционального общения психолога с ребенком, а также и на подготовку родителей (в основном матерей) к субъектному взаимодействию с ним.

Представлены аналитические материалы по результатам констатирующего и формирующего экспериментов, проведенных в контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группах детей первого года жизни.

Результаты проведенной работы показали, что компоненты сенсомоторного развития в процессе непосредственно-эмоционального общения в виде системы упражнений и тактильных приемов воспринимались детьми ЭГ гораздо более позитивно по сравнению с детьми из КГ. Подобный прогресс в совершенствовании произвольных движений-функции «хватания», общей познавательной активности и личностных проявлений детей возможен только в сотрудничестве со значимыми взрослыми-родителями и психологом, и при наличии у последнего особой профессионально значимой социально-психологической компетенции.

Ключевые слова: психолог раннего детства, социально-психологическая компетенция, дети первого года жизни, непосредственно-эмоциональное общение, сенсомоторное развитие

Для цитирования: Чекалина Е.В. Особенности сенсомоторного развития детей в процессе эмоционального общения // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 184–195. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/018.pdf>.

Original article

FEATURES OF SENSORIMOTOR DEVELOPMENT IN INFANTS DURING EMOTIONAL COMMUNICATION WITH SIGNIFICANT ADULTS

Ekaterina V. Chekalina

Children's Development Studio "Mother's Hands", Nizhny Novgorod, Russia

e.v.chekalina@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the specific features of sensorimotor development in infants during direct-emotional communication with significant adults. The author argues that the restoration of "nursery groups" within the public preschool education system, along with the growing number of developmental centers, increases the importance of psychologists' work with young children. However, the prevailing pediatric approach is insufficient for the full mental development of infants, thus requiring early childhood psychologists to possess a high level of professional qualification based on socio-psychological competence.

The main hypothesis of the study is that the integration of psychomotor development components into the structure of direct-emotional communication creates a mutually enriching effect and contributes to more productive cognitive and personal development of infants and young children. To test this hypothesis, an experiment was conducted to study voluntary movements contributing to the improvement of the "grasping" function, which is considered a key achievement in a child's mental and sensorimotor development.

As part of the scientific project, the author developed and tested a program aimed at creating an effective developmental environment using sensorimotor components and tactile techniques embedded in the process of direct-emotional communication between the psychologist and the child. The program also focused on preparing parents (mainly mothers) for subject-based interaction with the infant.

Analytical materials are presented based on the results of ascertaining and formative experiments conducted with control (CG) and experimental (EG) groups of infants.

The results of the study showed that sensorimotor development components, when included in the form of exercises and tactile techniques within direct-emotional communication, were perceived much more positively by infants in the experimental group compared to those in the control group. Such progress in the development of voluntary grasping movements, general cognitive activity, and personal manifestations in infants is possible only through collaboration with significant adults – parents and psychologists – where the psychologist must possess specific, professionally significant socio-psychological competence.

Keywords: early childhood psychologist, socio-psychological competence, infants, direct-emotional communication, sensorimotor development

For citation: Chekalina E.V. Features of sensorimotor development in infants during emotional communication with significant adults. *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;3(32): 184–195. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/018.pdf>.

© Чекалина Е.В., 2025

Введение

Работа психолога с детьми раннего возраста в настоящее время приобретает особый смысл и значимость в связи с восстановлением в системе общественного дошкольного воспитания групп для детей данной возрастной категории, а также в связи с появлением многочисленных развивающих центров. Существовавшее ранее безраздельное доминирование педиатрических служб, что, конечно, важно и необходимо, но явно недостаточно для полноценного психического развития детей раннего возраста [5, 8, 18, 19, 23].

Отечественная научная школа профессора М. И. Лисиной в качестве ведущей деятельности ребёнка в первый год жизни рассматривает, обеспечивающее появление основных психических новообразований этого возраста, непосредственно-эмоциональное общение со значимыми взрослыми (родителями и психологом) [10–16, 17, 19, 20]. При этом созда-

ние развивающей среды для реализации такого общения требует наличия высокой профессиональной квалификации у психолога раннего детства. С точки зрения данного исследования необходима сформированность социально-психологической компетенции данного специалиста, заключающейся в возможности создания личностно-развивающей среды, основанной на непосредственно-эмоциональном общении ребенка с психологом, а также с мамой, специально подготовленной психологом [22].

Наше исследование показало, что позиция матерей постепенно меняется: от визуального участия в общении психолога с ребенком в процессе занятия, до появления субъектного отношения к нему, прежде всего, к его потенциальной личности.

Автор предлагает в качестве основной гипотезы идею о том, что компоненты психомоторного, в основном тактильного вза-

имодействия, соединенные в единый процесс с особенностями непосредственно-эмоционального общения, создают уникальный эффект взаимного обогащения и прогнозируют более продуктивное становление познавательной активности, более раннего появления произвольных движений и личностных проявлений детей. Подобный синтез компонентов психомоторного развития обеспечивает ребенку позитивный эмоциональный фон общения со значимыми взрослыми (психологом и родителями), что, несомненно, важно для полноценного его взросления. Для проверки этой гипотезы была разработана авторская программа тактильного взаимодействия-системы соответствующих занятий, встроенная в структуру непосредственно-эмоционального общения психолога с ребёнком.

Тактильно-кинестетическое воздействие представляет собой эффективный метод, который позволяет создать благоприятную развивающую среду для совершенствования сенсомоторики, а также такого важного познавательного психического процесса, как восприятие [1, 8, 12, 15, 24, 25].

В ходе данного исследования классическую схему организации данной формы общения, созданную в работах М. И. Лисиной и ее учеников, мы обогатили авторской программой сенсомоторного развития детей, касающуюся, главным образом, произвольных движений, предметного восприятия и речевой активности. Так, например, развитие произвольных движений у ребёнка в процессе обогащенного непосредственно-эмоционального общения с близкими взрослыми является базой для возникновения новой потребности в деловом (предметном) взаимодействии детей со взрослыми в структуре новой ведущей деятельности-ситуативно-делового общения, на основе которой, в свою очередь, прогнозируется программа работы с ними для подготовки к игровой деятельности.

Основная часть

Тактильный контакт с матерью или другим близким взрослым для ребёнка – самое доступное средство невербального общения. Многие психологи, как отечественные, так и зарубежные, (В. М. Бехтерев, Дж. Селли, А. В. Запорожец, М. И. Лисина и др.) рассматривают подобный контакт как фактор, определяющий первый опыт взаимодействия ребёнка с окружающим миром [1, 4, 5, 7, 12, 15, 17, 19,

20]. Этот ранний опыт играет решающую роль в формировании сенсомоторных функций, навыков общения и поведения, когнитивных способностей и социальной адаптации и в целом способствует развитию процесса восприятия как вида психической деятельности, которая составляет основу ориентирования человека в окружающей действительности. Например, в работах Дж. Селли существенная роль в развитии восприятия придается мышечной активности и ощущению ребенком собственного тела [1].

Новорождённый нуждается в особом внимании и в тесном контакте с близкими взрослыми. Эта потребность наиболее полноценно реализуется в процессе ухода: при смене подгузника, переодевании, во время кормления, купания, бодрствования, ношения на руках. Ласковый спокойный голос взрослого, проговаривание своих действий, плавные движения его рук создают психологический комфорт и располагают к общению. Все, что ребенок видит, слышит, ощущает в моменты такого общения должно ассоциироваться с уверенностью в доверии и поддержке. С первых недель жизни ребёнок чувствует настроение близкого взрослого, в том числе, его волнение, способен реагировать на мимику, интонацию и тембр голоса улыбкой, гулением, вокализацией, или в некоторых ситуациях дискомфорта, плачем. На каждом этапе взаимодействия с близким взрослым (прежде всего с матерью) он получает эмоциональную и двигательную информацию, которая отражается в его долгосрочной памяти, формируя определенные образы. Тактильный контакт в ходе непосредственно-эмоционального общения с ребёнком данного возраста является ведущим фактором продуктивного детского психического развития [9, 10, 11, 12, 15, 17, 24, 25, 26, 27].

Это достигается путем создания особого развивающего пространства и оптимальных условий с применением специальных тактильных приемов-упражнений во время ухода за детьми в первые месяцы жизни: правильная поструральная организация сна и кормления, динамический контроль за положением тела ребёнка и его движениями во время бодрствования, переодевания, смены подгузника, ношения на руках у матери и игры. Эта система упражнений является сущностью авторской программы тактильно-кинестетического и эмоционального вза-

имодействия психолога с детьми и родителями.

Психолог, обучая родителей созданию развивающего пространства для ребёнка в домашних условиях, в рамках реализации данной авторской программы, особую значимость придает развитию самостоятельного моторного контроля и произвольных движений головы и рук. С этой целью предлагается выполнение упражнений и тактильных приемов из всех трех положений тела, доступных для ребенка: на боку, на животе, на спине. Также во время ухода, необходимо следить за положением его головы -она должна находиться в осевой линии позвоночника. Это критически важно для созревания нервной системы ребенка, в частности, для развития его вестибулярного аппарата и реакций равновесия, которые лежат в основе дальнейшего прямохождения [1, 2, 3, 6, 21, 27].

Проведенные исследования отечественных и зарубежных ученых (психологов и нейрофизиологов) подтверждают, что нервная система новорожденного несовершенна, и самостоятельный моторный контроль развит слабо [1, 2, 6, 7, 10, 11, 13, 21, 26, 27]. Он реагирует на прикосновение, голос взрослых, зрительные стимулы, а также на действие силы тяжести и перемещение тела в пространстве рефлексивными реакциями, обусловленными активностью врожденных рефлексов-Кусмауля, Моро, Робинзона, Бауэра, лабиринтно-тоническими, шейно-тоническими, защитными, двигательными автоматизмами опоры и ходьбы и др. Через несколько недель ответные двигательные реакции на различные стимулы становятся адаптивными, более координированными и целенаправленными, тонические рефлексy начинают интегрироваться в установочные реакции. Этот процесс обусловлен развитием коры больших полушарий головного мозга, а не только функцией стволового и спинного мозга, что характерно для реализации тонических рефлексов. Двигательные функции у ребёнка начинают развиваться по направлению от головы к ногам. Голова, глаза, шея и руки-первые части тела, в отношении которых появляется самостоятельный моторный контроль.

Для полноценной реализации этой способности требуется формирование адаптивных ответов нервной системы, которые инициируются при получении сигналов от глазодвигательных мышц, мышц шеи и головы, а также от вестибулярного

аппарата и рецепторов внутреннего уха. То есть этот процесс требует интеграции мозгом четырех основных типов сенсорной информации:

- от вестибулярного аппарата, где стимуляция происходит за счет воздействия силы тяжести и изменения положения тела;

- от глазодвигательных мышц, контролирующих движения глаз и фиксацию взгляда;

- от слухового анализатора, инициирующего поворот головы в сторону звукового стимула;

- от глубоких мышц шеи, обеспечивающих стабильность и управление положением головы.

Мозг инициирует интеграцию этих стимулов и формирует соответствующие ответные реакции, направленные на поддержание устойчивого положения головы и шеи, фиксацию взгляда. В результате этого процесса развития произвольных движений ребенок начинает осознавать собственную способность удерживать голову в стабильном положении и следить за различными объектами вокруг себя, реагировать на звуки, поворачивая голову и протягивая руки к объекту, что является показателем формирования его сенсомоторной компетенции. Умение самостоятельно удерживать голову и управлять взглядом является фундаментальным навыком для последующего развития мозга и сенсомоторных функций ребенка первого года жизни [1, 2, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 21, 27].

При поднятии ребёнка на руки необходимо учитывать начальное положение его тела. Например, подъем ребёнка из положения на спине может провоцировать рефлекс Моро, проявляющийся резким разведением рук в стороны, напряжением, запрокидыванием головы и возможным плачем. Если такие действия матери будут постоянными, это может привести к гиперактивации нервной системы, а значит, потенциально несет риск нарушения естественного хода онтогенеза. В связи с этим, перед тем как взять ребенка на руки, рекомендуется повернуть его на бок, помочь его голове принять ровное осевое положение, плотно прижать к себе, а затем вместе с ним выпрямиться. Этот подход помогает ему адаптироваться к изменениям положения его тела в пространстве, на уровне нервной системы происходит запоминание процесса перемещения из горизонтального положения в

вертикальное через позицию на боку. В дальнейшем, боковое положение занимает важное место в жизни ребенка, способствует развитию позы «наклонного сидения», которое является ключевым аспектом моторного онтогенеза [1, 2, 6]. Из данной позы он учится выходить в состояние уверенного ползания на четвереньках, стабилизировать себя в разных положениях, играть с предметом, что способствует формированию целостного восприятия образа предмета.

Наиболее продуктивно развитие самостоятельного контроля головы происходит в положении ребенка на животе [1, 2, 6, 21]. Однако детям первых месяцев жизни бывает трудно надолго оставаться в такой позиции, что может вызвать у них негативные эмоции, сопровождаемые плачем. Для решения этой задачи в данной программе психологом предлагается применить следующие приемы, соответствующие непосредственно-эмоциональному общению: поглаживающие движения, напоминающие стекание воды «ручеек», направляющие движения «динамическое позиционирование». Родителям рекомендуется посредством этих приемов, то есть тактильной и эмоциональной поддержки, обеспечить более стабильное положение тела в позиции на животе и активно помогать ребенку преодолевать затруднение, а не избегать его. В результате повторения этих упражнений движения становятся более уверенными, и он приобретает возможность осматривать ближайшее пространство и реализовывать познавательную активность.

В позиции ребенка на спине значимые взрослые (родители и психолог) во время переодевания или смены подгузника с помощью специальных целенаправленных тактильных действий – «динамическое позиционирование» может способствовать согласованию движений, доступных ему, таких как «рука-рука», «пальцы-пальцы», «глаза-рука», «рука-рот-язык», «рука-нога». Например, при смене подгузника сделать сгибание бедра к животу, развернуть стопу к средней линии тела, повернуть ребенка на бок – в таком положении тела становится возможным захват ноги рукой на одноименной стороне. Во время переодевания, при надевании рукава, рука направляется к средней линии тела и попадает в поле зрения ребенка, у него происходит зрительный контакт с руками. Во время кормления рекомендуется помогать ребенку поддерживать грудь ма-

тери или бутылочку, используя направляющие поглаживающие движения для рук. Эта ранняя двигательная активность способствует более продуктивному развитию произвольных движений, формированию общих моторных навыков, совершенствованию мелкой моторики кисти и артикуляции.

С целью проверки нашей гипотезы было проведено исследование произвольных движений головы и рук – функции хватания (захвата), как наиболее значимого достижения в психическом и сенсомоторном развитии ребенка, способствующего формированию предметного восприятия. Важными показателями нормотипичного развития детей в первые 3–4 месяца жизни являются следующие двигательные умения: самостоятельный контроль головы; произвольные движения рук (хватательный рефлекс трансформируется в функцию хватания и отпускания предмета кистью); реализация «комплекса оживления» [2, 6, 10, 11, 14, 15, 17, 21].

Стоит отметить, что движения рук тесно связаны речью и способствуют ее развитию. Многие ученые (В. М. Бехтерев, А. В. Запорожец, М. И. Лисина, Н. А. Бернштейн и др.) придавали большое значение «созидательной» функции рук в детском возрасте для развития мышления и речи [1, 3, 4, 7, 9, 12, 14, 15, 17]. В процессе формирования зрительно-тактильно-кинестетического контакта действия выпрямленных над грудью рук ребенка, движения его кисти и пальцев, выполняют особую роль в совершенствовании самостоятельной и осознанной моторики. Захват и отпускание пальцами рук частей тела (своего и близкого взрослого) или предмета играет решающую роль в формировании его предметно-манипулятивной деятельности.

В системе эмоционально-положительного «комплекса оживления» развиваются и закрепляются следующие компоненты: установление зрительного контакта ребенка с близким взрослым; ответная улыбка и гуление (вокализация) во время общения; активные свободные движения рук и ног при приближении взрослого.

В нашем исследовании приняли участие 42 ребенка в возрасте 4-х месяцев, которых разделили на 2 группы по желанию их родителей: контрольную и экспериментальную по 21 человеку в каждой группе. Все дети, принимавшие участие в эксперименте, родились в срок и являлись

практически здоровыми. Психологом была проведена диагностика качественных особенностей развития 4 вариантов двигательных моделей функции хватания у всех 42 испытуемых детей. Каждый вариант оценивался по трем показателям, определяющих их степень выраженности: захватывает предмет или часть тела (рука, пальцы, нога) самостоятельно уверенно, удерживает длительно более 8 секунд, начинает манипулировать с предметом (высокий показатель) – 3 балла; захватывает предмет с помощью взрослого, удерживает кратковременно 5–7 секунд, после чего отпускает (средний показатель) – 2 балла; захватывает с помощью взрослого после предварительной активации хватания, удерживает слабо менее 5 секунд (низкий показатель) – 1 балл. Зрительно-кинестетический контакт «глаза-руки» и «пальцы-пальцы» оценивался аналогично: выпрямляет руки над грудью самостоятельно, внимательно длительно (более 8 секунд) следит за их действиями – 3 балла; выпрямляет руки над грудью с помощью взрослого, следит за их действиями менее 5–7 секунд – 2 балла; выпрямляет руки с помощью взрослого, кратковременно фиксирует взгляд на них – 1 балл.

В рамках формирующего эксперимента психологом были проведены инди-

видуальные консультации родителей испытуемых детей, по занятиям в домашних условиях, направленных на совершенствование функции хватания. Была предложена авторская программа осознанного тактильного и эмоционального взаимодействия с ребёнком в периоды бодрствования и в моментах повседневного ухода за ним: переодевания, смены подгузника, кормления, сна, купания и пребывания на руках у матери или другого близкого взрослого.

Родители детей экспериментальной группы (ЭГ) выразили желание заниматься индивидуально с психологом 1–2 раза в неделю по 20 минут и проводить занятия дома по предложенной программе. Родители (матери) детей из контрольной группы (КГ) под руководством психолога осваивали некоторые упражнения по системе сенсомоторного развития для занятий в домашних условиях. Важно, что психологи, работающие с детьми и родителями из КГ не включали в эти занятия систему непосредственно-эмоционального общения.

Рассмотрим результаты диагностики особенностей развития функции хватания у детей экспериментальной группы. Данные констатирующего эксперимента представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты констатирующего исследования качественных особенностей развития функции хватания у детей экспериментальной группы, в % (n=21)

Table 1 – Results of the baseline (ascertaining) study on the qualitative features of the development of the grasping function in children from the experimental group, in % (n = 21)

Количество испытуемых	Радиальный захват			Ульнарный захват			Зрительно-кинестетический контакт «глаза-рука»			Тактильный контакт «рука-нога»		
	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл
100% (21 чел.)	4,76	38,1	57,14	9,52	47,62	42,86	-	47,61	52,39	-	42,86	57,14

Как видно из таблицы 1, у детей 4-х месяцев преобладает низкая – более 50 % и средняя – около 40 % степень выраженности признаков хватания. Испытуемые могли выполнить разные виды захвата предмета и удерживать на нем взгляд либо с помощью взрослого, либо начинали это делать самостоятельно, но неуверенно и недолго. Тактильный контакт «рука-рука», «рука-нога» и зрительно-кинестетический

контакт только начинает проявляться в этом возрасте, что соответствует данному этапу онтогенеза [1, 2, 4, 6, 13, 17, 21].

Так, например, в оценке радиального захвата 57,14 % детей показали низкий результат (1 балл), и 38,1 % – средний (2 балла). Высокую степень выраженности (3 балла) продемонстрировал только 1 ребенок, что составило 4,76 % от общего числа испытуемых.

Обратимся к данным таблицы 2.

Таблица 2 – Результаты констатирующего исследования качественных особенностей развития функции хватания у детей контрольной группы, в %
(n=21)

Table 2 – Results of the baseline (ascertaining) study on the qualitative features of the development of the grasping function in children from the control group, in %
(n = 21)

Количество испытуемых	Радиальный захват			Ульнарный захват			Зрительно-кинестетический контакт «глаза-рука»			Тактильный контакт «рука-нога»		
	3б алла	2б алла	1б бал л	3б алла	2б алла	1б бал л	3б алла	2б алла	1б бал л	3б алла	2б алла	1б бал л
100% (21 чел.)	9,52	38,1	52,3 8	4,76	42,86	52,3 8	-	57,14	42,8 6	–	47,62	52,3 8

Анализ данных, представленных в таблице 2, показывает, что показатели степени выраженности вариантов двигательных моделей функции хватания у детей 4-х месяцев контрольной группы приблизительно одинаковы по сравнению с данными из предыдущей таблицы. В оценке радиального захвата 52,38 % детей показали низкий результат (1 балл), 38,09 % – средний (2 балла), и 2 ребенка – высокий (3 балла) – в оценке радиального захвата, что составило 9,52 % от общего числа участников эксперимента, и 1 ребенок (4,76 %) показал высокий результат в оценке ульнарного захвата.

Данные результаты объясняются тем, что такой вариант развития хватания у здоровых детей 4-х месяцев, родившихся в срок, соответствует физиологическим особенностям этого этапа онтогенеза. В развитии ребенка целесообразно оценивать как радиальный вид захвата, так и ульнарный, а также установление зрительного контакта за своими руками и их действиями, т. к. эта способность значительно влияет на координацию и точность выполняемых рукой движений во всех положениях тела, доступных ребёнку 4–5 месяцев – на спине, на боку, на животе.

Зрительно-кинестетический контакт «глаза-рука» «пальцы-пальцы» на уровне глаз ребенка начинает формироваться с 3–4 месяцев и полноценно проявляется к 5–6 месяцам, на его основе у детей возникает новая потребность в предметно-манипулятивном взаимодействии со взрослыми, что в свою очередь является

базой для подготовки к игровой деятельности.

Хотелось бы подчеркнуть важность тактильного контакта «рука-нога» на одной-именной стороне с последующим развитием захвата ноги обеими руками. Этот контакт необходим ребёнку для восприятия границ собственного тела, развития реакций равновесия, общей моторики и движений кисти и пальцев, лежащих в основе предметного восприятия. После реализации «комплекса оживления» этот двигательный образец является значимым этапом не только для развития моторных навыков, но и психического прогресса в целом. Формирующий эксперимент проводился только с испытуемыми ЭГ и включал в себя создание особой развивающей среды, где выполнялось содержательное единство механизма реализации непосредственно-эмоционального общения детей с психологом, и встроенной в его структуру системы занятий по сенсомоторному развитию – на основе нашей главной гипотезы.

Данная профессиональная возможность психолога раннего детства является проявлением социально-психологической компетенции специалиста.

Формирующий эксперимент длился 5–6 недель до достижения испытуемыми возраста полных 5 месяцев. Рассмотрим результаты диагностики, проведенные по окончании эксперимента и представленные в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты формирующего исследования качественных особенностей развития функции хватания у детей экспериментальной группы, в % (n=21)

Table 3 – Results of the formative study on the qualitative features of the development of the grasping function in children from the experimental group, in %" (n = 21)

Количество испытуемых	Радиальный захват			Ульнарный захват			Зрительно-кинестетический контакт «глаза-рука»			Тактильный контакт «рука-нога»		
	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл
100% (21 чел.)	85,72	14,28	-	90,48	9,52	-	85,72	14,28	-	85,72	14,28	-

Обратимся к анализу результатов формирующего исследования, представленных в таблице 3. У большинства испытуемых-более 85 % наблюдается значительная динамика совершенствования всех 4 вариантов двигательных моделей хватания. У 85,72 % детей сформировалась самостоятельная способность легко и уверенно захватывать предмет, находящийся как у средней линии тела (радиальный захват), так и сбоку от него (ульнарный захват), длительно удерживать и внимательно разглядывать предмет, перекладывая его из руки в руку. Они начинали проявлять оживление и радость при появлении взрослого, показывая при этом, все чему научились за этот период времени: устанавливали зрительный контакт со взрослым, улыбались, вокализировали, протягивали руки к лицу и рукам взрослого-родителя, захватывали свою ногу обеими руками, легко переворачивались на живот, несколько испытуемых (7 человек) научились смеяться и играть со взрослыми

в «ку-ку». Дети стали узнавать психолога, который с ним регулярно занимался, и демонстрировать такую же положительную эмоциональную реакцию, как и с близкими взрослыми: матерью, отцом, бабушкой. Движения рук испытуемых стали более плавными и координированными. Улучшилась общая моторика – увеличилось количество поворотов туловища со спины на живот, они стали активно тянуться за игрушкой и делать первые попытки поползти до нее. Все эти достижения свидетельствует о высокой их познавательной активности.

Трое детей, что составило 14,28 % от общего числа испытуемых, показали средние результаты, увеличив собственные показатели с более низкой оценки в предыдущем случае.

Отметим, что никто из детей ЭГ не показал низкую степень выраженности (1 балл) оцениваемых показателей.

Рассмотрим результаты диагностики детей из КГ, представленные в таблице 4.

Таблица 4 – Результаты формирующего исследования качественных особенностей развития функции хватания у детей контрольной группы, в % (n=21)

Table 4 – Results of the formative study on the qualitative features of the development of the grasping function in children from the control group, in %" (n = 21)

Количество испытуемых	Радиальный захват			Ульнарный захват			Зрительно-кинестетический контакт «глаза-рука»			Тактильный контакт «рука-нога»		
	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл	3 балла	2 балла	1 балл
100% (21 чел.)	85,72	14,28	-	90,48	9,52	-	85,72	14,28	-	85,72	14,28	-

Из таблицы 4 следует, что дети из контрольной группы продемонстрировали динамику развития хватания, а также общей моторики и координации, однако по сравнению с ЭГ показатели наблюдаются ниже. У большинства испытуемых (около 80 %) наблюдались средние показатели развития всех 4 вариантов захвата и зрительно-кинестетического контакта. На контрольном занятии у психолога они показывали неудовольствие в виде плача во время общения со специалистом, т. к. уже научились узнавать близких взрослых, а психолог за этот период таковым не стал. Прикосновения и некоторые упражнения вызывали у детей дискомфорт, особенно когда их трогали за ручки. Семь человек, что составляет чуть больше 30 %, отдергивали руки с плачем, не желая продолжать заниматься. Напомним, что занятия с испытуемыми контрольной группы проходили только в домашних условиях. Родители этих детей занимались дома нерегулярно, лишь время от времени выполняли рекомендованные упражнения в процессе кормления, купания, ношения на руках, переодевания и смены подгузника. Несколько матерей (5 человек) признались, что не выполняли задания психолога, не делали упражнения по предложенной программе сенсомоторного развития, не устанавливали зрительный контакт и не улыбались в ходе взаимодействия с ребенком, не проговаривали свои действия, объясняя это нехваткой времени или не соответствующим эмоциональным состоянием, но только двое детей – 9,52 % из этого числа показали низкие результаты (1 балл) развития хватательной функции, остальные трое испытуемых – средние (2 балла). Предположительно эмоциональный и тактильный дефицит компенсировали бабушки этих троих детей, но они общались с ними без какой-либо системы, отказавшись выполнять задания, рекомендованные психологом. Бабушки аргументировали подобное поведение тем, что они имеют опыт взаимодействия с детьми и считают такие занятия не актуальными. Два ребенка, что составило 9,52 % от всей группы, продемонстрировали высокие результаты (3 балла), их родители отметили, что подошли к выполнению задания очень ответственно и занимались с большим желанием. Необходимо уточнить, что вначале у этих же детей были низкие показатели (1 балл) развития функции хватания, что мотивировало родителей к регулярным занятиям.

Стоит отметить, что изменилась позиция родителей, чьи дети продемонстрировали высокий результат в процессе эксперимента. Родители экспериментальной группы и двое матерей из контрольной группы были максимально вовлечены в процесс непосредственно-эмоционального общения с ребенком, активно делились видеоматериалами, вели записи в дневнике наблюдений.

После окончания эксперимента родители выразили благодарность психологу за участие в данном исследовании. Они были удивлены и обрадованы тем, что у ребёнка первого года жизни тоже может быть психолог-специалист, обладающий компетенциями по организации общения с ним, как с полноправным участником этого процесса. Родители, особенно матери детей из ЭГ, высоко оценили идею о том, что уход за ребёнком можно превратить в полноценный процесс непосредственно-эмоционального общения с личностным отношением к ребёнку и одновременно с этим включить некоторые полезные упражнения для развития его сенсомоторных систем. По их мнению, данный подход позволил экономично расходовать силы и время всех членов семьи. Родители также отметили, что дети более позитивно начали реагировать на прикосновения, особенно в области головы, шеи и рук; моменты бодрствования стали более продуктивными, сон – спокойным, плач – контролируемым, взгляд – более осознанным; ребёнка стало легче и быстрее переодеть. На приеме в поликлинике у детей, с которыми регулярно занимались в рамках эксперимента, педиатры отметили прогресс в общем физическом и психическом развитии.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтвердили выдвинутую нами центральную гипотезу: органичное соединение психологических аспектов, соответствующих структуре непосредственно-эмоционального общения и специально разработанных важнейших элементов сенсомоторного развития (в виде специальных занятий), что позволило психологу создать максимально благоприятную среду для личностного и познавательного развития детей первого года жизни. Изучение такого важного психического и сенсомоторного новообразования данного возраста – «хватания» показало значительную эффективность его совершенствования у испытуемых ЭГ по сравнению с ис-

пытуемыми из КГ. Это особенное психическое новообразование раннего возрастного периода, так как появление данной функции влечет за собой новые психические возможности детей: систему произвольных движений, изменение положения тела в пространстве и стремительное развитие восприятия. Укрепление кисти и овладение в процессе «схватывания» действиями с предметами, в свою очередь, создает предпосылки появления новой потребности – предметно-манипулятивной деятельности на основе позитивного эмоционального контакта в сотрудничестве со значимыми взрослыми (психологом и родителями). Переход к но-

вой ведущей деятельности (предметно-манипулятивной) является необходимым условием для возникновения условий ситуативно-делового общения детей со значимыми взрослыми на втором году жизни.

В рамках нашего исследования следует также отметить, что создание такой развивающей среды для детей раннего возраста на основе ведущей деятельности – непосредственно-эмоционального общения со значимыми взрослыми, возможно и необходимо при условии наличия у психолога раннего детства особой профессионально значимой социально-психологической компетенции.

Список источников

1. Айрес Э. Дж. Ребенок и сенсорная интеграция. Понимание скрытых проблем развития / пер. с англ. Юлии Даре. 5-е изд. М. : Теревинф, 2018. 272 с.
2. Ахметова Н. С. Основные положения Бобат-терапии / Н. С. Ахметова, Т. В. Варзина, А. А. Кизатова // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2014. № 2-1. С. 24–26.
3. Бернштейн Н. А. О построении движений. М. : Концептуал, 2025. 256 с.
4. Бехтерев В. М. Избранные труды по психологии личности: в 2 томах. Т. 2. Объективное изучение личности. СПб. : Алетейя, 1999. 281 с.
5. Вершинина А. Ю. Исследование эмоционального благополучия детей раннего возраста / А. Ю. Вершинина, Г. С. Горькова // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-emotsionalnogo-blagopoluchiya-detey-rannego-vozrasta> (дата обращения: 05.12.2024).
6. Войта В. Принцип Войты. Игра мышц при рефлекторном поступательном движении и в двигательном онтогенезе / В. Войта, А. Петерс / пер. с нем. Е. В. Горелова. М. : Изд-во "Springer", 2016. 171 с.
7. Запорожец А. В. Психологическое развитие ребенка. Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 1: Психическое развитие ребёнка. Педагогика. М., 1986. 320 с.
8. Зимина Н. А. Об организации развивающей среды для детей раннего возраста // Средовой подход в образовании: материалы Международной научно-практической конференции (9–11 января 2003). Н. Новгород: НФ УРАО, 2003. С. 97–99.
9. Лесгафт П.Ф. Собрание педагогических сочинений. Т. 3: Семейное воспитание ребенка и его значение. М. : Физкультура и спорт, 1956. 438 с.
10. Лисина М. И. Влияние общения со взрослым на развитие ребенка первого полугодия жизни // Развитие общения у дошкольников / под ред. А. В. Запорожца, М. И. Лисиной. М. : Педагогика, 1974. С. 65–112.
11. Лисина М. И. Возникновение и развитие непосредственно-эмоционального общения со взрослым у детей первого полугодия жизни // Развитие общения у дошкольников / под ред. А. В. Запорожца, М. И. Лисиной. М. : Педагогика, 1974. С. 18–64.
12. Лисина М. И. Особенности общения у детей раннего возраста в процессе действий, совместных со взрослым // Развитие общения у дошкольников / под ред. А. В. Запорожца, М. И. Лисиной. М. : Педагогика, 1974. С. 113–154.
13. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. М., 1986. 144 с.
14. Лисина М. И. Психология младенца // Формирование личности ребенка в общении. СПб. : Питер, 2009. С. 261–298.
15. Лисина М. И. Развитие познавательной активности детей в ходе общения со взрослыми и сверстниками // Вопросы психологии. 1981. № 4.
16. Лисина М. И. Формирование личности ребенка в общении // Лисина М. И. Формирование личности ребенка в общении. СПб. : Питер, 2009. С. 235–242.
17. Мещерякова С. Ю., Ражникова В. Г. Психология вашего младенца: у истоков общения и творчества / С. Ю. Мещерякова, В. Г. Ражникова. М. : АСТ, 1996. 384 с.

18. Мухамедрахимов Р. Ж. Научные основы ранней помощи детям младенческого и раннего возраста и их семьям // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 4. С. 571–587.
19. Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. Изд. 3-е, стереотип. М. : Тривола, 1998. 352 с.
20. Обухова Л. Ф. Концепция М. И. Лисиной и современная психология: переключки идей / Л. Ф. Обухова, М. К. Павлова // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5, № 2. С. 119–124.
21. Ратнер А. Ю. Неврология новорожденных: Острый период и поздние осложнения. 2-е изд. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2005. 368 с.
22. Сорокина Т. М. Социально-психологические характеристики профессиональной компетенции психолога, работающего с детьми раннего возраста / Т. М. Сорокина, Е. В. Чекалина // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 13.
23. Трушкина С. В. «ДС:0-3» – взгляд психолога: материалы III Международного Конгресса «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья». Казань, 2006. С. 199–200.
24. Шевырева Е. Г. Развитие тактильно-кинестетического контакта в онтогенезе / Е. Г. Шевырева, О. А. Степанова // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9 (10). С. 260–263.
25. Шокурова Н. Ю. Развитие тактильных ощущений у детей // Инновационные педагогические технологии: материалы III Международной научной конференции. Казань: Бук, 2015. С. 84–86.
26. Mowder B. A., Robinson F., Yasik A.E. (eds) Evidence-Based Practice in Infant and Early Childhood Psychology. 2009. DOI: 10.1002/9781118269602.
27. Pikler E. Some contributions to the study of infants gross motor activities / Study Group on Child Neurology and Cerebral Palsy. Oxford, 1968.

References

1. Ajres E. Dzh. Rebenok i sensornaya integraciya. Ponimanie skrytyh problem razvitiya / per. s angl. Yulii Dare. 5-e izd. M. : Terevinf, 2018. 272 s. (In Russ.).
2. Ahmetova N. S. The main provisions of Bobat therapy / N. S. Ahmetova, T. V. Varzina, A. A. Kizatova // Vestnik Kazahskogo Nacional'nogo medicinskogo universiteta. 2014;2-1: 24–26. (In Russ.).
3. Bernshtejn N. A. O postroenii dvizhenij. M. : Konceptual, 2025. 256 s. (In Russ.).
4. Bekhterev V. M. Izbrannye trudy po psihologii lichnosti: v 2 tomah. T. 2. Ob"ektivnoe izuchenie lichnosti. SPb. : Aletejya, 1999. 281 s. (In Russ.).
5. Vershinina A. YU. Research on the emotional well-being of young children / A. YU. Vershinina, G. S. Gor'kova // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021;71-2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-emotsionalnogo-blagopoluchiya-detey-rannego-vozrasta> (data obrashcheniya: 05.12.2024). (In Russ.).
6. Vojta V. Princip Vojty. Igra myshc pri reflektornom postupatel'nom dvizhenii i v dvigatel'nom ontogeneze / V. Vojta, A. Peters / per. s nem. E. V. Gorelova. M. : Izd-vo "Springer", 2016. 171 s. (In Russ.).
7. Zaporozhec A. V. Psihologicheskoe razvitie rebenka. Izbrannye psihologicheskie trudy: v 2 t. T. 1: Psihicheskoe razvitie rebyonka. Pedagogika. M., 1986. 320 s. (In Russ.).
8. Zimina N. A. Ob organizacii razvivayushchej sredy dlya detej rannego vozrasta // Sredovoj podhod v obrazovanii: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (9–11 yanvarya 2003). N. Novgorod: NF URAO, 2003. S. 97–99. (In Russ.).
9. Lesgaft P.F. Sbornik pedagogicheskikh sochinenij. T. 3: Semejnoe vospitanie rebenka i ego znachenie. M. : Fizkul'tura i sport, 1956. 438 s. (In Russ.).
10. Lisina M. I. Vliyanie obshcheniya so vzroslym na razvitie rebenka pervogo polugodiya zhizni // Razvitie obshcheniya u doshkol'nikov / pod red. A. V. Zaporozhca, M. I. Lisinoj. M. : Pedagogika, 1974. S. 65–112. (In Russ.).
11. Lisina M. I. Vozniknovenie i razvitie neposredstvenno-emotsional'nogo obshcheniya so vzroslym u detej pervogo polugodiya zhizni // Razvitie obshcheniya u doshkol'nikov / pod red. A. V. Zaporozhca, M. I. Lisinoj. M. : Pedagogika, 1974. S. 18–64. (In Russ.).
12. Lisina M. I. Osobennosti obshcheniya u detej rannego vozrasta v processe dejstvij, sovmestnyh so vzroslym // Razvitie obshcheniya u doshkol'nikov / pod red. A. V. Zaporozhca, M. I. Lisinoj. M. : Pedagogika, 1974. S. 113–154. (In Russ.).
13. Lisina M. I. Problemy ontogeneza obshcheniya. M., 1986. 144 s. (In Russ.).

14. Lisina M. I. Psihologiya mladenca // Formirovanie lichnosti rebenka v obshchenii. SPb. : Piter, 2009. S. 261–298. (In Russ.).
15. Lisina M. I. Development of children's cognitive activity during communication with adults and peers // Voprosy psihologii. 1981;4. (In Russ.).
16. Lisina M. I. Formirovanie lichnosti rebenka v obshchenii // Lisina M. I. Formirovanie lichnosti rebenka v obshchenii. SPb. : Piter, 2009. S. 235–242. (In Russ.).
17. Meshcheryakova S. YU., Razhnikova V. G. Psihologiya vashego mladenca: u istokov obshcheniya i tvorchestva / S. YU. Meshcheryakova, V. G. Razhnikova. M. : AST, 1996. 384 s. (In Russ.).
18. Muhamedrahimov R. ZH. Nauchnye osnovy rannej pomoshchi detyam mladencheskogo i rannego vozrasta i ih sem'yam // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya. 2024. T. 14. Vyp. 4. S. 571–587. (In Russ.).
19. Obuhova L. F. Detskaya psihologiya: teorii, fakty, problemy. Izd. 3-e, stereotip. M. : Trivola, 1998. 352 s. (In Russ.).
20. Obuhova L. F. M. I. Lisina's Concept and Modern Psychology: A Clash of Ideas / L. F. Obuhova, M. K. Pavlova // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. T. 5;2: 119–124. (In Russ.).
21. Ratner A. YU. Nevrologiya novorozhdennyh: Ostryj period i pozdnie oslozhneniya. 2-e izd. M. : BINOM. Laboratoriya znanij, 2005. 368 s. (In Russ.).
22. Sorokina T. M. Social and psychological characteristics of the professional competence of a psychologist working with young children / T. M. Sorokina, E. V. Shekalina // Vestnik Mininskogo universiteta. 2025. T. 13;1: 13. (In Russ.).
23. Trushkina S. V. «DC:0-3» – vzglyad psihologa: materialy III Mezhdunarodnogo Kongressa «Molodoe pokolenie XXI veka: aktual'nye problemy social'no-psihologicheskogo zdorov'ya». Kazan', 2006. S. 199–200. (In Russ.).
24. Shevyreva E. G. Development of tactile-kinesthetic contact in ontogenesis / E. G. Shevyreva, O. A. Stepanova // Byulleten' nauki i praktiki. 2016;9 (10): 260–263. (In Russ.).
25. Shokurova N. YU. Razvitie taktil'nyh oshchushchenij u detej // Innovacionnye pedagogicheskie tekhnologii: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kazan': Buk, 2015. S. 84–86. (In Russ.).
26. Mowder B. A., Robinson F., Yasik A.E. (eds) Evidence-Based Practice in Infant and Early Childhood Psychology. 2009. DOI: 10.1002/9781118269602.
27. Pikler E. Some contributions to the study of infants gross motor activities / Study Group on Child Neurology and Cerebral Palsy. Oxford, 1968.29. Tanielian T., Jaycox L. H. (Eds.). Invisible wounds of war: Psychological and cognitive injuries, their consequences, and services to assist recovery. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. 498 p.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 04.09.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 37.015.3

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОСГВАРДИИ ПРИ
ВЫПОЛНЕНИИ УПРАЖНЕНИЙ УЧЕБНЫХ СТРЕЛЬБ

Александр Григорьевич Караяни¹, Юлия Михайловна Караяни², Дмитрий Олегович Кулешов³

^{1, 2, 3} Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ karayani@mail.ru

² yulya.karayani@mail.ru

³ kuleshov0901@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования использования аудиовизуальных форм психологической подготовки в ходе проведения учебных стрельб. Актуальность научного исследования обусловлена тем, что психологическая работа в войсках национальной гвардии имеет четкую, организованную структуру и проводится по направлениям (подготовка, обследование, профилактика, помощь, просвещение), вместе с тем изменения характера ведения боевых действий, с учетом условий специальной военной операции, предъявляют новые требования к психологической подготовке военнослужащих. Теоретической и методологической основой исследования выступают идеи и концептуальные положения научных трудов А. Г. Караяни, М. П. Коробейникова, П. А. Корчемного, В. В. Сысоева. Методами изучения психологической подготовки послужили: полевой эксперимент, включенное наблюдение и анкетирование. Статистическая обработка данных проводилась посредством программы SPSS («Statistical Package for the Social Sciences»). В исследовании приняли участие военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации. Результаты, полученные в ходе исследования, показали, что использование аудиовизуальных форм психологической подготовки положительно влияет на психологическую готовность военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач.

Ключевые слова: психологическая подготовка, психологическая готовность, военнослужащие, огневая подготовка, служебно-боевые задачи

Для цитирования: Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Кулешов Д.О. Особенности психологической подготовки военнослужащих Росгвардии при выполнении упражнений учебных стрельб // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 196–204. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/019.pdf>.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL TRAINING OF THE MILITARY PERSONNEL OF THE RUSSIAN GUARD WHEN
PERFORMING SHOOTING EXERCISES

Alexander G. Karayani¹, Yuliya M. Karayani², Dmitry O. Kuleshov³

^{1, 2, 3} Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ karayani@mail.ru

² yulya.karayani@mail.ru

³ kuleshov0901@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a study on the use of audiovisual forms of psychological training during shooting practice. The relevance of the scientific research is due to the fact that psychological work in the National Guard troops has a clear, organized structure and is conducted in areas (training, examination, prevention, assistance, education), at the same time, changes in the nature of warfare, taking into account the conditions of a special military operation, impose new requirements on psychological training of military personnel.

The theoretical and methodological basis of the research are the ideas and conceptual provisions of the scientific works of A. G. Karayani, M. P. Korobeynikov, P. A. Korchemny, V. V. Sysoev. The methods of studying psychological training were experiment, included observation and

questionnaire. Statistical data processing was carried out using the SPSS program ("Statistical Package for the Social Sciences"). The study involved cadets of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation. The results obtained during the study showed that the use of audiovisual forms of psychological training has a positive effect on the psychological readiness of military personnel to perform service and combat tasks.

Keywords: psychological training, psychological readiness, military personnel, fire training, service and combat tasks

For citation: Karayani A.G., Karayani Y.M., Kuleshov D.O. Features of psychological training of the military personnel of the Russian guard when performing shooting exercises. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32):196–204. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/019.pdf>.

© Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Кулешов Д.О., 2025

Введение

Изменение характера ведения боевых действий, широкий спектр задач, выполняемых военнослужащими Росгвардии, негативное информационно-психологическое воздействие противника – это лишь некоторые факторы, оказывающие влияние на психологическую готовность военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач (далее – СБЗ). Для успешного выполнения СБЗ военнослужащему необходим определенный психологический «багаж (капитал)», свидетельствующий о высоком уровне готовности к предстоящим действиям.

Зачастую формы и методы, используемые в ходе практических стрельб, носят пассивный характер в части касающейся психологической подготовки: «приехали-отстреляли-уехали». Безусловно, при проведении подобных, «классических», стрельб формируются определенные навыки и качества необходимые военнослужащим в боевой работе, такие как точность стрельбы, адаптация к выстрелам из различного вида оружия, коллективное взаимодействие и т. д. Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что существует значительная разница между психологическим состоянием военнослужащего на полигоне и в боевых условиях. Это все равно, что ходить по бревну, расположенному на земле или поднятому на 20-метровую высоту.

В широком понимании принято различать психологическую подготовку военнослужащих по следующим видам:

Общая психологическая подготовка – направлена на формирование готовности к выполнению задач военной службы и осуществляется в рамках специфической армейской среды во всех видах деятельности. Основными формами проведения общей психологической подготовки являются: физическая подготовка, психологиче-

ское просвещение, психологическая за-
калка.

Специальная психологическая подготовка – осуществляется с целью развития специальных профессионально-важных качеств (знаний, умений, навыков) необходимых для успешного выполнения широкого спектра служебно-боевых задач. К формам проведения специальной психологической подготовки можно отнести преодоление полосы препятствий (в последнее время в научной литературе активно обсуждается использование специализированной психологической полосы препятствий для военнослужащих и сотрудников различных силовых ведомств) с применением разнообразных технических средств имитации.

Целевая психологическая подготовка – направлена на формирование психологической готовности военнослужащего для выполнения конкретной боевой задачи. К целевой психологической подготовке можно отнести специальные упражнения максимально приближенные к выполнению конкретной боевой задачи (действия военнослужащих при обнаружении беспилотных летательных аппаратов [далее – БПЛА] противника; тренировки и упражнения направленные на развитие внимания, памяти, и мышления; оперативное принятие решений в условиях ограниченного времени) [4].

Психологическая подготовка должна амплифицировать эмоции военнослужащих и органично встраиваться в их боевую подготовку. Целью психологической подготовки является развитие у военнослужащих необходимых для успешного выполнения служебно-боевых задач, профессионально-личностных качеств.

Основным принципом психологической подготовки является принцип систематичности, планового периодического воздействия на личный состав. Суть данного принципа заключается в неоднократном пере-

живании военнослужащими различного опыта (в том числе негативного), развитие необходимого психологического капитала, выстраивание необходимой в боевой обстановке модели поведения, осмыслении собственных действий и преодолении негативных реакций психики на предъявляемые стимулы-раздражители.

Основные положения

Важной задачей психологической подготовки является разработка стратегий преодоления страха при обращении с различными видами вооружения, а также развитие необходимых профессионально-личностных качеств [18].

Компоненты психологической подготовки можно представить с позиции следующих составляющих:

1. Когнитивный компонент – направлен на формирование и развитие у военнослужащих знаний об оружии (тактико-технических характеристиках, возможностях, порядка применения, особенностях эксплуатации); тактики действий; порядка выполнения предстоящей боевой работы.

2. Мотивационный – развитие мотивации военнослужащих к самосовершенствованию в рамках профессиональной (служебной) деятельности. Применение элементов психологической подготовки в ходе боевой подготовки, в частности при проведении учебных стрельб, позволяет, используя метод включенного наблюдения, выявить военнослужащих с высоким и низким уровнем психологической готовности и нервно-психологической устойчивости. Военнослужащие в ходе выполнения упражнений учебных стрельб наблюдают друг за другом, следовательно активизируется метод обучения «делай как я», то есть используя положительный образ действия военнослужащий с низким уровнем психологической готовности может в дальнейшем его повторить.

3. Операционный – направлен на развитие навыков самообладания, самоактуализации, саморегуляции, формирование моделей проактивного и конструктивного поведения, быстрого принятия решений в острых (кризисных) ситуациях.

4. Рефлексивный – направлен на активацию механизмов саморегуляции, самосознания и самодиагностики. Психологическая подготовка позволяет военнослужащим взглянуть на себя со стороны, понять на каком этапе выполнения упражнений возникли наибольшие трудности, самостоятельно провести работу над ошибками

и учесть их при выполнении реальной боевой работы.

Анализ литературы посвященной теме исследования показал, что большая часть авторов сходятся во мнении, что подготовка к боевым действиям не должна быть пассивной, она должна быть активной, трудной и напряженной, но «позитивной», так чтобы военнослужащий после «встряски» на учебном поле почувствовал уверенность в своих силах, а методы и формы проведения мероприятий боевой подготовки должны постоянно совершенствоваться с учетом постоянной модернизации оружия и тактики ведения боя [5, 6, 15, 16].

Большое значение при организации и проведении психологической подготовки играет фактор внезапности. По мнению А. Г. Караяни, «в процессе психологической подготовки необходимо формировать у военнослужащих и сотрудников реалистичный образ предстоящих боевых действий с учётом возможности применения противником инновационных и внезапных действий» [10].

По мнению А. Г. Караяни и И. А. Цуканова, задачи психологической подготовки в первую очередь заключаются в том, чтобы научить военнослужащего произвольно управлять своими телесными процессами, деятельностью нервной системы и психики в экстремальной обстановке. Также утверждается, что «в ходе психологической подготовки у военнослужащих должны быть сформированы реалистическое понимание поражающих факторов; военнослужащие должны обрести навыки эффективных действий» [8].

В своем исследовании И. И. Шабалин, Р. А. Файзулин, А. С. Томащук определили, что элементы психологической подготовки должны обогащать занятия по профессиональным военным дисциплинам (огневая подготовка, тактика, инженерная подготовка, разведка, радиационная химическая и биологическая защита) [19].

Г. И. Свечникова, опираясь на опыт организации медицинской работы в военных конфликтах, считает, что при подготовке военных медиков необходимо создавать обстановку, близко приближённую к боевой (использование военной техники, пиротехнических средств, выполнение нормативов по военно-медицинской подготовке с применением имитаторов поражения) [17].

Ряд исследователей сходятся во мнении, что психологическая подготовка во многом зависит от физической нагрузки. М. Т. Лоб-

жа, С. А. Антрофиков, И. Г. Федоров, З. Р. Рустамханов описывают возможность развития психологической готовности и эмоционально-волевой устойчивости средствами физической подготовки. В своем исследовании они предлагают в рамках занятий по физической подготовке использовать нестандартные (новые) двигательные упражнения [14].

В. В. Глебов, Д. А. Онофриенко, С. П. Родюков в своем исследовании, посвященном психофизической подготовке военнослужащих подразделений специального назначения в рамках педагогического эксперимента, доказали, что включение в профессионально-прикладную физическую подготовку личного состава подразделений специального назначения разнообразных сбивающих «дестабилизирующих» факторов, а также создание различных экстремальных условий при выполнении физических упражнений позволяет улучшить психоэмоциональное состояние личного состава и обеспечит эффективность выполнения поставленной задачи [2].

С. В. Баклановский, И. А. Саванин считают, что если применяемые психологами методы в профессиональной подготовке будущих офицеров «не моделируют существующими дидактическими средствами реальные профессиональные трудности, имеющие эмоционально-волевою природу и создающие стрессовые ситуации», это «приводит к психологической дистанции между учебной ситуацией и реальными боевыми действиями» [1].

С точки зрения Д. С. Зайцева и М. И. Балтрунаса, в процессе боевой подготовки необходимо создавать опасные условия, имитирующие реальную обстановку, что позволяет получить поведенческий опыт и психологически закалить военнослужащих [3].

С. А. Шконда и Н. Б. Карабущенко рассматривают психологическую подготовку военнослужащих, как одно из социально-психологических условий формирования психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач [20].

Выбор методов психологической подготовки во многом зависит от предстоящих действий (предстоящей боевой работы), воинской специальности и конкретного вида психологической подготовки, в рамках которой осуществляется психологическое воздействие. Например, для операторов БПЛА методы психологической подготовки будут отличаться от подготовки саперов,

если речь идет о целевой психологической подготовке. Если же речь идет о специальной психологической подготовке, то, соответственно, методы, применяемые в рамках ее реализации, могут быть одинаковыми для всех воинских специальностей.

Изучение методов, используемых в рамках психологической подготовки, позволяет классифицировать их по следующим видам:

1. Индивидуальные – проводимые с конкретными военнослужащими, направленные на оказание психологической помощи при освоении воинской специальности (проводится в форме беседы, консультации, психологической поддержке, психокоррекции, психологического просвещения, диагностики).

2. Групповые – проводимые в воинских коллективах, боевых группах и направленные на развитие положительного группового взаимодействия (тренинги, групповые упражнения, психологическое просвещение).

3. Проактивные – характеризуются созданием условий максимально приближенных к боевым (использование имитации, тренажеров, симуляторов, факторов внезапности и т. д.) для развития навыков принятия решений в экстремальных ситуациях.

Безусловным плюсом в проведении мероприятий психологической подготовки служит психологическая полоса препятствий. Использование имитационных средств в совокупности с физическими нагрузками положительно влияет на формирование и развитие таких необходимых в современном бою качеств, как внимание, восприятие, память, мышление; управление стрессом; решительность; концентрация; контроль эмоции и стресса [11].

Рассматривая систему оценки психологической подготовки, то есть насколько проводимые мероприятия были успешными либо нет, необходимо вспомнить основную цель психологической работы в войсках национальной гвардии. Психологическая работа организуется и проводится с целью успешного выполнения служебно-боевых задач. Следовательно, оценить успешность проводимых мероприятий мы можем, непосредственно наблюдая за военнослужащим (метод наблюдения, метод экспертных оценок). Стали ли его действия более согласованными, испытывал ли он в ходе выполнения упражнений какие-либо негативные состояния, качественно ли он

выполнил поставленную на учении задачу, уложился ли во временные нормативы, оценка коллективного взаимодействия и др. критерии могут быть использованы для оценки результативности психологической подготовки.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что психологическая подготовка – это целостная система, встраиваемая в структуру боевой подготовки военнослужащих; осуществляющаяся комплексно, от теории к практике, по направлениям (в зависимости от вида занятий); требующая обновляющихся вместе с боевой практикой подходов, способов и форм проведения; не терпящая формального отношения; характеризующаяся резкими изменениями в учебной обстановке, оказанием разностороннего воздействия на военнослужащих (аудиальное, визуальное, ольфакторное, тактильное, темпоральное).

Теоретический анализ проблемы исследования показал, что существует необходимость совершенствования действующей системы психологического сопровождения не только служебно-боевой, но и образовательной деятельности. Главным ориентиром здесь является специалист, который как минимум имеет представление и осознает какое негативное воздействие могут оказывать факторы внешней среды и условия, в которых выполняется задача.

Вместе с тем анализ психотравмирующих факторов, оказывающих влияние на военнослужащих, принимавших участие в специальной военной операции на территории Украины, показывает, что наиболее внешне выраженной чертой боя является аудиовизуальное воздействие.

С целью более детального изучения влияния на военнослужащих негативных факторов аудиовизуального воздействия было организовано проведение психологического полевого эксперимента. Суть данного эксперимента заключалась в оказании психологического воздействия на военнослужащих при выполнении упражнения учебных стрельб из стрелкового оружия.

Методы

В исследовании приняло участие 68 военнослужащих одной из воинских частей войск национальной гвардии Российской Федерации. Средний возраст участников эксперимента составил 21 год.

Эмпирическое исследование строилось по доэкспериментальной модели Кэмпбелла: $O_1 X O_2$, где O_1 – качество выполнения учебных стрельб из стрелкового

оружия до экспериментального воздействия, X – экспериментальное воздействие, O_2 – качество выполнения учебных стрельб из стрелкового оружия после экспериментального воздействия.

Таким образом, независимой переменной было аудиовизуальное воздействие на личный состав, а зависимой переменной – успешность выполнения упражнения.

Результаты

Порядок проведения эксперимента состоял в следующем.

Первый этап заключался в подготовке места проведения стрельб (исходной позиции для стрельбы). На данных местах устанавливалась мощная звуковая аппаратура, обильно разливалась жидкость красного цвета, имитирующая кровь, в непосредственной близости от позиции выставлялись манекены в военной форме («дружественных» войск, данные манекены также были оснащены звуковыми колонками, издающими душераздирающие звуки о помощи, также осуществлялась подготовка средств имитации взрывов (взрывпакетов) [12].

Современные боевые действия характеризуются широким применением беспилотных летательных средств различных типов. По мнению А.Г. Караяни, для успешной подготовки военнослужащих и сотрудников к предстоящей деятельности, а также с целью профилактики фобиеподобных психологических проблем, связанных с применением противником БПЛА, необходимо осуществлять превентивно-адаптивную (предвосхищающую) психологическую подготовку [7; 9; 13].

Для развития навыков определения звуков приближающегося дрона и возможности уклонения от него нами использовался прием «Обкатка дроном», также дроны использовались для оказания звукового воздействия (изменяющаяся интенсивность звуков пропеллеров над стреляющим военнослужащим).

Второй этап заключался в выполнении упражнения стрельб в соответствии с курсом стрельб, без применения психологического воздействия. Упражнение включало в себя 3 повтора: 1 и 2 повтор упражнения выполнялся в обычных условиях. При этом преподаватель, осуществляющий эксперимент, фиксировал психологическое состояние и результаты выполнения упражнения.

Третий этап включал в себя практическое выполнение стрельб с использованием психологического воздействия. 3-й по-

втор упражнения стрельб выполнялся с использованием элементов психологической закали, также как и при первых двух повторях. Преподаватель, проводящий эксперимент, осуществлял фиксацию психологического состояния и результатов выполнения упражнения.

На данном этапе результаты выполнения упражнения существенно ухудшались. Причем изменения были «разносторонние», в среднем мы ожидали понижение результатов стрельбы на один балл, «отличник» снизил результат на «хорошо», «хорошист» на «удовлетворительно» и так далее. В данном случае наблюдалось «нелинейное» изменение оценок, так часть «отличников» и «хорошистов» при оказании психологического воздействия получали неудовлетворительные результаты. Данные о ре-

зультатах выполнения упражнения представлены на рисунке.

Вместе с тем стоит отметить общее ухудшение психологического состояния личного состава, возникновение таких проявлений, как дезорганизация внимания и двигательных функций, рефлекторные реакции, тремор. Несколько военнослужащих испытывали состояние схожее с паникой, что в боевых условиях можно было бы отнести к психогенным потерям.

Однако, при повторном выполнении упражнения, после проведения работы с психологом по обучению приемам психической саморегуляции, в созданных нами условиях, происходило заметное улучшение результатов стрельбы. Что может свидетельствовать об адаптации к элементам психологического воздействия.

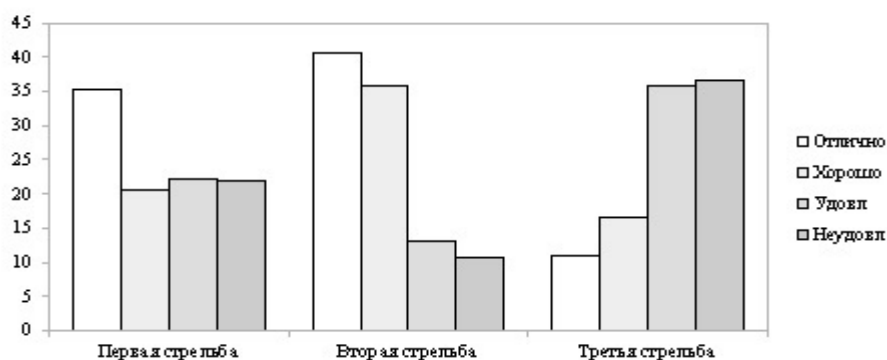

Рисунок – Оценочные показатели военнослужащих за стрельбу (% испытуемых)

Figure – Evaluation indicators of military personnel for shooting (% of subjects)

Для получения обратной связи мы использовали анкетный опрос. Военнослужащие, участвующие в эксперименте, высоко оценили данный формат проведения учебных стрельб. 84,2 % из них подчеркивали новизну, актуальность и полезность для предстоящей профессиональной деятельности, 94,5 %, испытывали трудности в ходе стрельбы в условиях психологического воздействия, 55,2 % респондентов ссылались на то, что они впервые выполняли стрельбу в таких условиях, что и явилось основным затруднением, 76,2 % высоко оценили уровень своей личностной устойчивости к внешним проявлениям, а 94,5 % посчитали обязательным использование данного

формата проведения стрельб.

Выводы

Использование элементов психологической подготовки в форме моделирования аудиовизуальных факторов современного боя показало, что данные факторы оказывают сильное воздействие на психическое состояние и боевую эффективность военнослужащих. Создание на учебных занятиях условий, приближенных к боевым, предварительное ознакомление обучаемых со специфическими факторами боевой обстановки и овладение личным составом приемами психической саморегуляции, позволяет повысить их психологическую устойчивость и успешность выполнения упражнений учебных стрельб.

Список источников

1. Баклановский С. В. Особенности организации и проведения психологической подготовки с военнослужащими в различных видах боевых действий / С. В. Баклановский, И. А. Саванин // Военный академический журнал. 2022. № 1(33). С. 150–154.
2. Глебов В. В. Пути повышения эффективности психофизической подготовки личного состава подразделений специального назначения / В. В. Глебов, Д. А. Онофриенко, С. П. Родюков // Наукосфера. 2025. № 2-1. С. 135–141. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14849574>.
3. Зайцев Д. С. Упражнения в преодолении препятствий как эффективное средство психологической подготовки военнослужащих железнодорожных войск / Д. С. Зайцев М. И. Балтрунас, О. С. Зайцев // Специальная техника и технологии транспорта. 2022. № 16. С. 320–323.
4. Карабанова О. Р. Психологическая подготовка военнослужащих к профессиональной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2021. № 2-3(14-15). С. 81–84. DOI: <https://10.24411/2409-4102-2021-102-310>.
5. Караяни А. Г. Психологическая подготовка боевых действий войск / А. Г. Караяни, П. А. Корчемный, В. И. Марченков. М. : Военный университет, 2011. 188 с.
6. Караяни А. Г. «Превентивно-адаптивные» технологии в психологической подготовке военнослужащих // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 11–15.
7. Караяни А. Г. Психологическая подготовка: от боя к учебе и от учебы в бой / А. Г. Караяни, Э. П. Утлик // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 23–27.
8. Караяни А. Г. Актуальные проблемы психологической подготовки военнослужащих в структуре военно-политической работы / А. Г. Караяни, И. А. Цуканов // Военный академический журнал. 2019. № 1(21). С. 37–44.
9. Караяни А. Г. Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к служебно-боевой деятельности в условиях применения противником БПЛА и цифровых средств слежения // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения-2023): материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года / под ред. Ю. А. Шаранова, В. Л. Ситникова. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 368–373.
10. Караяни А. Г. Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к выполнению служебно-боевых задач с учетом фактора внезапности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1(26). С. 98–108.
11. Караяни А. Г. Полоса психологической подготовки: какой ей быть? / А. Г. Караяни, А. В. Пелевин // Теория и практика военно-политической (политической) работы в воинской части, территориальном органе войск национальной гвардии Российской Федерации (к 105-й годовщине со дня образования подразделений военно-политической работы): сборник материалов межвузовского научно-практического семинара, Санкт-Петербург, 19 сентября 2023 года. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 55–60.
12. Караяни А. Г. Психологические аспекты применения имитации внешних факторов современного боя / А. Г. Караяни, С. В. Гребенюк, Д. О. Кулешов // История создания и развития инженерных войск. Вклад инженерных воинских частей и подразделений в выполнение служебно-боевых задач войсками национальной гвардии Российской Федерации: сборник статей межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 января 2024 года. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 115–120.
13. Караяни А. Г. Гезелл-состояние у участников боевых действий с применением БПЛА и дистанционных средств наблюдения / А. Г. Караяни, Д. О. Кулешов // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2024. № 14. С. 100–105.
14. Лобжа М. Т. Эмоционально-волевая устойчивость как фундаментальная основа психологической подготовки военнослужащих средствами физической подготовки / М. Т. Лобжа, С. А. Антрофиков, И. Г. Федоров, З. Р. Рустамханов // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2021. № 1. С. 220–224.
15. Лоншакова Е. В. О необходимости совершенствования психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел к служебной деятельности в условиях информационно-психологического противодействия / Е. В. Лоншакова, Ю. М. Караяни // Юридическая психология. 2023. № 2. С. 11–16.
16. Ригг Р. Б. Боевая подготовка войск: Организация и проведение подготовки войск в условиях, приближенных к боевой действительности / пер. с англ. П. Н. Видуэцкого и др. М. : Изд-во иностр. лит., 1956. 336 с.
17. Свечникова Г. И. Подготовка психологической устойчивости формирование практических навыков при обучении военнослужащих на занятиях по военно-медицинской

подготовке / Г. И. Свечникова, И. Н. Горшкова-Лоскутова, О. К. Метальникова // Вестник военного образования. 2021. № 1(28). С. 77–80.

18. Тухфатуллин А. Н. Психологическая подготовка курсантов образовательных организаций ФСИН России на занятиях по огневой подготовке / А. Н. Тухфатуллин, О. Д. Бочкарева // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, Пермь, 03–05 апреля 2024 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 264–267.

19. Шабалин И. И. Психологическая подготовка военнослужащих к выживанию в условиях экстремальной боевой обстановки с применением оружия / И. И. Шабалин, Р. А. Файзуллин, А. С. Томащук // Министерство обороны Российской Федерации: сборник статей Итоговой научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Военного института физической культуры за 2019 год, посвященной Дню российской науки, Санкт-Петербург, 03–04 марта 2020 года / под ред. Пашута В. А. Ч. 2. СПб. : Военный институт физической культуры, 2020. С. 239–243.

20. Шконда С. А. Компоненты психологической готовности личности военнослужащих и сотрудников Росгвардии в современных условиях / С. А. Шконда, Н. Б. Карабущенко // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2(27). С. 95–103.

References

1. Baklanovskij S. V. Features of the organization and implementation of psychological training with military personnel in various types of combat operations / S. V. Baklanovskij, I. A. Savanin // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2022;1(33): 150–154. (In Russ.).

2. Glebov V. V. Ways to improve the efficiency of psychophysical training of personnel of special forces units / V. V. Glebov, D. A. Onofrienko, S. P. Rodyukov // Naukosfera. 2025;2-1: 135–141. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14849574>. (In Russ.).

3. Zajcev D. S. Obstacle-overcoming exercises as an effective means of psychological training of railway troops / D. S. Zajcev M. I. Baltrunas, O. S. Zajcev // Special'naya tekhnika i tekhnologii transporta. 2022;16: 320–323. (In Russ.).

4. Karabanova O. R. Psychological preparation of military personnel for professional activities // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdravoohranenie. 2021;2-3(14-15): 81–84. DOI: <https://10.24411/2409-4102-2021-102-310>. (In Russ.).

5. Karayani A. G. Psihologicheskaya podgotovka boevykh deystvij vojsk / A. G. Karayani, P. A. Korchemnyj, V. I. Marchenkov. M. : Voennyj universitet, 2011. 188 s. (In Russ.).

6. Karayani A. G. "Preventive-adaptive" technologies in psychological training of military personnel // YUridicheskaya psihologiya. 2015;3: 11–15. (In Russ.).

7. Karayani A. G. Psihologicheskaya podgotovka: ot boya k uchebe i ot ucheby v boj / A. G. Karayani, E. P. Utlik // YUridicheskaya psihologiya. 2018. № 2. S. 23–27. (In Russ.).

8. Karayani A. G. Current issues of psychological training of military personnel in the structure of military-political work / A. G. Karayani, I. A. Cukanov // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2019;1(21): 37–44. (In Russ.).

9. Karayani A. G. Psihologicheskaya podgotovka voennosluzhashchih (sotrudnikov) k sluzhebno-boevoy deyatel'nosti v usloviyakh primeneniya protivnikom BPLA i cifrovyyh sredstv slezheniya // Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya-2023): materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 20–21 aprelya 2023 goda / pod red. YU. A. SHaranova, V. L. Sitnikova. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2023. S. 368–373. (In Russ.).

10. Karayani A. G. Psychological preparation of military personnel (employees) to perform combat missions taking into account the element of surprise // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 98–108. (In Russ.).

11. Karayani A. G. Polosa psihologicheskoy podgotovki: kakoj ej byt'? / A. G. Karayani, A. V. Pelevin // Teoriya i praktika voenno-politicheskoy (politicheskoy) raboty v voinskoj chasti, territorial'nom organe vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii (k 105-j godovshchine so dnya obrazovaniya podrazdelenij voenno-politicheskoy raboty): sbornik materialov mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminar, Sankt-Peterburg, 19 sentyabrya 2023 goda. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. S. 55–60. (In Russ.).

12. Karayani A. G. Psihologicheskie aspekty primeneniya imitacii vneshnih faktorov sovremen-nogo boya / A. G. Karayani, S. V. Grebenyuk, D. O. Kuleshov // Istoriya sozdaniya i razvitiya inzhenernykh vojsk. Vklad inzhenernykh voinskih chastey i podrazdelenij v vypolnenie sluzhebno-boevykh zadach voyskami nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: sbornik statej mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 22 yanvarya 2024 goda. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj

gvardii, 2024. S. 115–120. (In Russ.).

13. Karayani A. G. Gesell state in combat participants using UAVs and remote surveillance equipment / A. G. Karayani, D. O. Kuleshov // *Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah i krizisnyh situatsiyah zhiznedeyatel'nosti*. 2024;14: 100–105. (In Russ.).

14. Lobzha M. T. Emotional-volitional stability as a fundamental basis for psychological training of military personnel by means of physical training / M. T. Lobzha, S. A. Antrofikov, I. G. Fedorov, Z. R. Rustamhanov // *Aktual'nye problemy fizicheskoy i special'noj podgotovki silovyh struktur*. 2021;1: 220–224. (In Russ.).

15. Lonshakova E. V. On the need to improve the psychological preparation of employees of internal affairs agencies for official activities in the context of information and psychological counteraction / E. V. Lonshakova, YU. M. Karayani // *YUridicheskaya psihologiya*. 2023;2: 11–16. (In Russ.).

16. Rigg R. B. Boevaya podgotovka vojsk: Organizatsiya i provedenie podgotovki vojsk v usloviyah, priblizhennykh k boevoy dejstvitel'nosti / per. s angl. P. N. Vidueckogo i dr. M. : Izd-vo inostr. lit., 1956. 336 s. (In Russ.).

17. Svechnikova G. I. Preparation of psychological stability, formation of practical skills in training military personnel in military medical training classes / G. I. Svechnikova, I. N. Gorshkova-Loskutova, O. K. Metal'nikova // *Vestnik voennogo obrazovaniya*. 2021;1(28): 77–80. (In Russ.).

18. Tuhfatullin A. N. Psihologicheskaya podgotovka kursantov obrazovatel'nyh organizatsij FSIN Rossii na zanyatiyah po ognevoj podgotovke / A. N. Tuhfatullin, O. D. Bochkareva // *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya: sbornik materialov XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoj 145-letiyu ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federatsii, Perm', 03–05 aprelya 2024 goda*. Perm': Permskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakanaj, 2024. S. 264–267. (In Russ.).

19. SHabalin I. I. Psihologicheskaya podgotovka voennosluzhashchih k vyzhivaniyu v usloviyah ekstremal'noj boevoy obstanovki s primeneniem oruzhiya / I. I. SHabalin, R. A. Fajzullin, A. S. Tomashchuk // *Ministerstvo oborony Rossijskoj Federatsii: sbornik statej Itogovoy nauchno-prakticheskoy konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava Voennogo instituta fizicheskoy kul'tury za 2019 god, posvyashchennoj Dnyu rossijskoj nauki, Sankt-Peterburg, 03–04 marta 2020 goda* / pod red. Pashuta V. L. CH. 2. SPb. : Voennyj institut fizicheskoy kul'tury, 2020. S. 239–243. (In Russ.).

20. SHkonda S. A. Components of psychological readiness of the personality of military personnel and employees of the Russian Guard in modern conditions / S. A. SHkonda, N. B. Karabushchenko // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;2(27): 95–103. (In Russ.).

Информация об авторах

Information about the authors

А. Г. Караяни – доктор психологических наук, профессор

Ю. М. Караяни – доктор психологических наук, доцент

Д. О. Кулешов – кандидат психологических наук

A. G. Karayani – Doctor of Sciences (Psychology), Professor

Yu. M. Karayani – Doctor of Sciences (Psychology), Docent

D. O. Kuleshov – Candidate of Sciences (Psychology)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 27.08.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ С ИХ УРОВНЕМ КОНФЛИКТНОСТИ

Анатолий Степанович Турчин

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
ast55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7973-2017>

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи и взаимовлияния психологической готовности военнослужащих Росгвардии с уровнем конфликтности. В современных условиях означенная проблема имеет выраженный прикладной характер, поскольку повышенная конфликтность дезорганизует повседневную деятельность воинских подразделений, а в условиях, связанных с экстремальными обстоятельствами, может приводить к непоправимым последствиям для личности и группы.

Данные эмпирического исследования подтверждают как саму связь психологической готовности к адекватным действиям в процессе решения служебно-боевых задач с уровнем конфликтности, так и обозначают проблему психологической коррекции психических состояний тех военнослужащих, которые демонстрируют низкие или «пороговые» показатели, составляя тем самым группу риска. Последнее требует проведения психологической диагностики с последующим оказанием адресной психологической помощи лицам, поведение которых может свидетельствовать о недостаточной готовности к выполнению служебно-боевых задач.

Ключевые слова: психологическая готовность, установка, конфликтность, стрессоустойчивость, конфликтная компетентность

Для цитирования: Турчин А.С. Взаимосвязь психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач с их уровнем конфликтности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 205–217. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/020.pdf>.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PSYCHOLOGICAL READINESS OF MILITARY PERSONNEL TO PERFORM SERVICE AND MILITARY TASKS AND THEIR LEVEL OF CONFLICT

Anatoly S. Turchin

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
st55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7973-2017>

Abstract. The article examines the problem of the relationship and mutual influence of the psychological readiness of the Rosgvardia military personnel and the level of conflict. In modern conditions, this problem has a pronounced applied character, as increased conflict disrupts the daily activities of military units, and in extreme circumstances, it can lead to irreparable consequences for individuals and groups.

The data of the empirical study confirm both the connection of the psychological readiness for adequate actions in the process of solving service and combat tasks with the level of conflict, and identify the problem of psychological correction of mental states of those military personnel who demonstrate low or “threshold” indicators, thus forming a risk group. The latter requires conducting psychological diagnostics with subsequent provision of targeted psychological assistance to individuals whose behavior may indicate insufficient readiness to perform service and combat tasks.

Keywords: psychological readiness, attitude, conflict, stress resistance, and conflict competence

For citation: Turchin A.S. The relationship between the psychological readiness of military personnel to perform service and military tasks and their level of conflict. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 205–217. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/020.pdf>.

© Турчин А.С., 2025

Введение

Современные реалии предъявляют всё более высокие требования к психологической готовности личного состава, что связано не только с появлением новых образцов вооружения, внедрением новых тактик ведения боя, но и интенсивным информационно-психологическим воздействием со стороны противника. Все эти факторы значительно увеличивают нагрузку на психику военнослужащих и требуют от них высокого уровня стрессоустойчивости, способности быстро принимать решения и сохранять работоспособность в экстремальных условиях [1]. Соответственно, формирование и поддержание высокого уровня психологической готовности становится одной из ключевых задач в подготовке военнослужащих, поскольку именно от этого зависит их боевая эффективность и адаптация к быстро меняющейся обстановке [2; 3; 4; 5; 6].

Психологическая готовность к выполнению служебно-боевых задач имеет существенные особенности, обусловленные спецификой профессиональной среды военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Она сопряжена с повышенными рисками: угрозой для жизни и здоровья, значительными психическими и физическими нагрузками, необходимостью принятия ответственных решений в экстремальных ситуациях, предполагает постоянное взаимодействие с гражданским населением при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению безопасности. Эти особенности требуют от военнослужащих высокой степени психологической устойчивости, развитых навыков саморегуляции [4], эмоционального контроля и способности к конструктивному взаимодействию с сослуживцами и гражданскими лицами. Особенно остро эта проблема стоит в условиях проведения специальной военной операции, где даже незначительное снижение уровня готовности может привести к серьёзным негативным последствиям.

Необходимо учитывать такую личностную характеристику, как конфликтность, поскольку она может существенно влиять на уровень психологической готовности. Конфликты между военнослужащими могут возникать из-за различий в характере, ме-

тодах работы или личных взглядах. Некоторые конфликты могут стимулировать улучшение коллективного взаимодействия и

поиск оптимальных решений, но и они могут стать источником дезинформации, напряжения и повышенного уровня стресса. Практическая значимость проблемы исследования взаимосвязи психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач с их уровнем конфликтности представляется достаточно высокой, поскольку может помочь прогнозировать потенциальные трудности, с которыми могут столкнуться военнослужащие, обладающие высоким уровнем конфликтности.

Предмет исследования: взаимосвязь психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач с их уровнем конфликтности

Цель исследования: выявить характер влияния уровня конфликтности военнослужащих на их психологическую готовность к выполнению служебно-боевых задач.

Гипотеза исследования: уровень конфликтности военнослужащих отрицательно влияет на их психологическую готовность к выполнению служебно-боевых задач. Чем выше уровень конфликтности военнослужащего, тем ниже уровень психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач.

Основная часть

В психологической науке это понятие готовности определяется по-разному. Так, в ряде психологических словарей оно трактуется следующим образом:

Готовность – внутреннее состояние человека, выражающееся в предрасположенности к определённой деятельности или поведению [7].

Готовность – динамическое состояние личности, отражающее её способность и намерение приступить к выполнению определённого действия [8].

Исходя из содержания приведенных определений, можно заключить, что готовность есть не просто статическое состояние, а активный процесс, включающий мотивацию, установку, эмоциональную настроенность и когнитивную ориентировку. В профессиональной сфере, особенно в экстремальных видах деятельности, таких как военная служба, важно не просто быть технически или физически готовым к действию, но и обладать определённым уровнем внутренней, психологической готовности. Если общая готовность может соотноситься с функциональными состояниями организма или системы, то психологическая готовность представляет собой

более глубокое и комплексное явление, связанное с личностью человека, его мотивацией, эмоциональной устойчивостью, волевыми качествами и когнитивными возможностями.

В Большом психологическом словаре В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова понятие психологическая готовность трактуется как внутреннее состояние личности, характеризующееся мобилизацией психических процессов, мотивационно-волевых качеств и эмоциональной устойчивости, необходимых для успешного выполнения профессиональной деятельности, особенно в экстремальных условиях [9].

Один из основоположников психологической теории установки Д. Н. Узнадзе определял готовность к деятельности как специфическое состояние, возникающего у субъекта под воздействием объективной ситуации удовлетворения потребности [10], доказывая, что мистические и интуитивные представления не могут быть основой для объективного понимания природы познавательной и психической активности человека. Представления человека, наряду с прочими переживаниями и проявлениями внутренней активности, должны быть осмыслены и объяснены в рамках системы научных понятий и теоретических подходов. Именно в этом аспекте оба направления психологии сталкивались с определёнными ограничениями: естественная природа человека оставалась вне их досягаемости, становясь областью недоступной, малоизученной, по сути, закрытой для анализа. Д. Н. Узнадзе рассматривал готовность как «особое динамическое состояние установки» (сет-состояние), возникающее перед действием и влияющее на его качество. Готовность формируется под влиянием прошлого опыта и текущего контекста ситуации» [11].

Современные психологи-исследователи, учитывая специфику военной службы и её экстремальные условия, выделяют следующую структуру психологической готовности военнослужащих:

1. Профессиональное самосознание, характеризующееся осознанным восприятием военнослужащим своей профессиональной роли, личностных качеств, уровня квалификации и значимости выполняемых задач. Это обеспечивает устойчивость поведения в сложных условиях и уверенность в собственных возможностях.

2. Ценностно-смысловой компонент, включающий установки, мотивы, смысловые ориентации и личностные ценности, связанные с выполнением служебно-боевых задач, отражающий принятие военнослужащим целей и смыслов профессиональной деятельности, что способствует высокой ответственности.

3. Эмоционально-волевой компонент, отличающийся устойчивостью к стрессовым факторам, способностью контролировать эмоции, сохранять самообладание и принимать решения в экстремальных ситуациях. Он обеспечивает психоэмоциональную устойчивость и волевую мобилизацию при выполнении задач.

4. Регуляторный компонент, отвечающий за управление своим состоянием, поведением и деятельностью в изменяющихся условиях и включающий также навыки саморегуляции, самоконтроля и адаптации к внешним требованиям и внутренним состояниям.

5. Рефлексивно-оценочный компонент, включающий способности анализа своих действий, оценку эффективности поведения, коррекцию ошибок и прогнозирование последствий решений, выступающий важным элементом профессионального роста и развития личности военнослужащего [12; 13].

Все означенные компоненты тесно взаимосвязаны и обеспечивают комплексную готовность личности к выполнению служебно-боевых задач, особенно в условиях повышенной ответственности и стресса.

Одно из последних определений принадлежит Р. А. Терехину, обозначившему психологическую готовность военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач как интегральное явление, совмещающее социально-психологическое отношение к объективным либо субъективным ситуациям неопределенности и риска в деятельности, а также установку на профессионально ориентированное поведение в соответствии с полученным ранее опытом [14].

Первым компонентом психологической готовности является социально-психологическое отношение к ситуациям неопределенности и риска, которое формируется через опыт, профессиональную подготовку, установки личности и ценностные ориентации. Под этим понимается способность воспринимать и оценивать внешние обстоятельства, которые могут быть как объективными (реальные

угрозы, боевая обстановка), так и субъективными (восприятие ситуации, ожидания, прогнозирование последствий).

Вторым условием формирования готовности является наличие установки на профессионально ориентированное поведение. Речь идет о готовности к поведению, соответствующему требованиям профессии, основанному на знаниях, навыках и личностных качествах, приобретенных ранее. Такая установка позволяет военнослужащему быстро принимать решения, адаптироваться к изменяющейся обстановке, сохраняя контроль над своими действиями даже в экстремальных условиях.

Третьим компонентом выступает опора на полученный ранее опыт, как основание профессиональной уверенности, устойчивости к стрессовым факторам и способности к саморегуляции. Благодаря практике и специальному обучению формируются устойчивые модели поведения, которые становятся основой профессиональной готовности. При этом опыт может быть положительным и отрицательным, требуя внимательного подхода к его осмыслению и корректировке в ходе дальнейшей профессиональной подготовки [15; 16; 17].

Таким образом, психологическую готовность военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач характеризуют как комплексное психическое состояние личности, в которую входит социально-психологическое отношение к ситуациям неопределенности, риска. Она выражается в устойчивой установке на профессионально ориентированное поведение, сформированное на основе полученного ранее опыта и профессиональной подготовки.

Согласно Р. А. Терехину, существует пять факторов обуславливающих служебно-боевую деятельность: а) готовность к действиям в ситуации риска и неопределенности; б) готовность к ухудшению психофизиологического состояния; в) готовность к самопожертвованию; г) готовность к принятию ответственных решений; д) готовность к психическому и физическому подавлению [18].

Высокий уровень психологической готовности создаёт благоприятные условия для успешного выполнения профессиональных задач, рационального использования накопленного опыта и потенциала личности. Такое состояние обеспечивает возможность применения гибких стратегий саморегуляции и оперативного реагиро-

вания на изменяющиеся как внешние, так и внутренние обстоятельства. Готовность к изменениям есть комплексное явление, объединяющее социально-психологическое отношение личности к объективным или субъективным неопределённостям, возникающим в результате изменений обстановки [19]. Это состояние также включает установку на определённый тип поведения, сформированный на основе предыдущего опыта и профессиональной подготовки.

На уровень психологической готовности военнослужащих оказывают существенное влияние условия, в которых осуществляется их профессиональная деятельность. В теоретическом аспекте это позволяет рассматривать экстремальные ситуации как факторы, способные низвести психическое состояние бойца к низкому уровню готовности, при которой снижается способность к принятию решений и выполнению действий. Исходя из этого, конфликтность негативно влияет на социально-психологический климат в подразделении и может снижать эффективность выполнения служебно-боевых задач. С учетом усложнения требований к личности военнослужащего Росгвардии в период проведения специальной военной операции, возрастает необходимость проведения эмпирических исследований заявленной проблемы. В общетеоретическом плане проблема формирования конфликтности отражена в работах представителей Ярославской школы психологов [19; 20; 21], однако на материале подразделений Росгвардии взаимосвязь конфликтности военнослужащих и психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач изучена недостаточно [22]. В этой связи под нашим руководством было выполнено соответствующее эмпирическое исследование.

Основой выборки эмпирической части послужили военнослужащие одной из бригад Росгвардии (всего 30 респондентов).

Для изучения уровня психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач были проведены анкета «Оценка психологической готовности военнослужащих (сотрудников) к выполнению служебно-боевых задач», разработанная Р. А. Терехиным, и методика диагностики уровня личностной готовности к риску («PSK» Шуберта), как наиболее полно отражающие критерии психологиче-

ской готовности. Результаты анкетирования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Уровни психологической готовности

Table 1 – Levels of psychological readiness

Показатели	Уровень психологической готовности		
	Высокий	Средний	Низкий
готовность к действиям в нестандартных ситуациях	13 (43%)	13 (43%)	4 (14%)
готовность к самопожертвованию	16 (53%)	10 (33%)	4 (14%)
готовность к психическому и физическому давлению	11 (37%)	16 (53%)	3 (10%)
готовность к риску	17 (57%)	8 (27%)	5 (16%)

Полученные данные показывают, что в исследуемой группе имеются военнослужащие с низким уровнем психологической готовности по всем шкалам, при этом по шкале «готовность к риску» больше всего военнослужащих с низкими показателями среди шкал.

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы. Так, по шкале «психологическая готовность к действиям в нестандартных ситуациях» 43 % (13 военнослужащих) имеют высокие показатели. Это свидетельствует о готовности выполнять разнообразные задачи, в условиях, когда действия не определяются в полной мере заложенными в ходе подготовки шаблонами, т. е. они способны очень быстро оценивать окружающую обстановку и выбирать оптимальное решение. Эта группа военнослужащих обладает эмоциональной устойчивостью, готовностью брать на себя ответственность за последствия своих действий, эффективно действовать в быстро меняющихся условиях.

43 % обследованных (13 человек) демонстрируют средний уровень психологической готовности к действиям в нестандартных ситуациях, что указывает на их ограниченную, но имеющуюся способность адаптироваться к изменяющимся условиям. Они в целом способны выполнять задачи при умеренном уровне стресса и частичном отклонении от стандартных алгоритмов, однако их эффективность заметно снижается при необходимости быстрого принятия решений в условиях дефицита времени или стрессе. Их адаптивные способности проявляются преимущественно в знакомых, типовых ситуациях с элементами новизны, тогда как полностью нештатные условия требуют от них значительных временных затрат на оценку обстановки и выбор стратегии поведения.

14 % обследованных (4 человека) демонстрируют низкий уровень психологической готовности к действиям в нестандартных ситуациях, что свидетельствует о существенных трудностях в адаптации к изменяющимся условиям. Данные военнослужащие испытывают трудности при необходимости отказа от шаблонов, проявляют ригидность мышления и заметное снижение эффективности в стрессовых ситуациях. Они испытывают потребность в четких инструкциях, склонны занимать выжидательную позицию.

По шкале «психологическая готовность к самопожертвованию» 43 % военнослужащих имеют высокие показатели, что свидетельствует о выраженной способности ставить интересы коллектива и выполнение боевой задачи выше собственной жизни. Данные показатели отражают сформированность устойчивых морально-волевых качеств, готовность приходить на помощь товарищам в экстремальных условиях, принятие ответственности за выполнение задания даже в условиях значительного риска. Такие военнослужащие характеризуются высоким уровнем мотивации, развитым чувством долга и способностью к сознательной мобилизации в критических обстоятельствах.

33 % обследованных (10 человек) демонстрируют средний уровень готовности к самопожертвованию, что свидетельствует об избирательной способности к риску для выполнения задачи. Данная группа в целом готова оказывать помощь в опасных ситуациях и проявлять самоотверженность, но лишь когда риск является оправданным и есть реальные шансы на успех. Их готовность к самопожертвованию носит более рациональный характер по сравнению с группой с высокими показателями, и может колебаться в зависимости от конкрет-

ной ситуации, уровня подготовки и психоэмоционального состояния.

14 % обследованных (4 человек) демонстрируют низкий уровень готовности к самопожертвованию, что отражает их ограниченную способность к действиям, сопряженным с повышенным риском для жизни. Для данной группы характерна склонность к рациональной оценке опасности и заметные трудности в преодолении страха в критических ситуациях. Эти военнослужащие могут помогать товарищам и выполнять задачи преимущественно в условиях умеренного риска, когда отсутствует прямая угроза жизни. Их мотивационная структура отличается приоритетом личной безопасности над коллективными интересами в экстремальных ситуациях.

Результаты по шкале «психологическая готовность к психическому и физическому подавлению» свидетельствуют о том, что 37 % обследованных (11 человек) демонстрируют высокий уровень психологической готовности к психическому и физическому подавлению, что свидетельствует о сформированности у них устойчивых механизмов преодоления экстремальных условий. Данная группа военнослужащих обладает выраженной способностью сохранять работоспособность и психоэмоциональную стабильность в условиях продолжительного стресса, депривации базовых потребностей и интенсивного внешнего давления. Для них характерна высокая стрессоустойчивость. Они способны эффективно функционировать при длительном отсутствии бытового комфорта, ограниченном сне и питании, умеют управлять эмоциональными состояниями в ситуациях социальной напряженности.

53 % обследованных (16 человек) показали средний уровень психологической готовности к психическому и физическому подавлению. Данная группа сохраняет базовую работоспособность при умеренном стрессе и временном отсутствии комфорта, однако их эффективность заметно снижается при длительном психофизическом напряжении. Эти военнослужащие способны контролировать свое состояние в знакомых стрессовых ситуациях, но могут проявлять эмоциональную неустойчивость при неожиданных изменениях обстановки.

Наименьшая часть обследуемых – 10 % (3 человека) имеют низкий уровень психологической готовности к психическому и физическому подавлению, что отражает их серьезные трудности в адаптации к эк-

стремальным условиям. Они характеризуются высокой уязвимостью к стрессорам, низкой устойчивостью к физическому дискомфорту и значительным снижением продуктивности под психологическим воздействием. Такие военнослужащие испытывают значительные трудности, когда необходимо действовать в условиях продолжительного стресса, нехватки ресурсов и строгих требований, показывая быструю эмоциональную дезорганизацию.

По шкале «готовность к риску» получены следующие результаты. Так, 57 % опрошенных (17 человек) продемонстрировали высокий уровень готовности к риску, что указывает на явную готовность принимать рискованные решения и действовать в условиях неопределенности и опасности. Эта группа характеризовалась высокой готовностью к психическому и физическому подавлению свидетельствует о том, что военнослужащие с более развитой способностью к преодолевающему поведению в условиях социальной напряженности демонстрируют существенно более низкий уровень конфликтности, толерантностью к риску, способностью оценивать и принимать решения даже при отсутствии достаточной информации, а также психологической устойчивостью к негативным последствиям своих действий. Эти военнослужащие готовы брать на себя ответственность за принятие рискованных решений и обладают низкой тревожностью в ситуациях, в которых есть потенциальная опасность или угроза. Они умеют принимать нестандартные решения в критических или экстремальных ситуациях, имея стабильную мотивацию к достижению целей в условиях повышенной опасности.

27 % обследованных (8 человек) демонстрируют средний уровень готовности к риску. Их рискованность имеет рациональное основание: учитывают возможные последствия, соотносят степень опасности с важностью задачи и нуждаются в определенном уровне внешней поддержки при принятии ответственных решений. Такие военнослужащие способны к обоснованным рискованным действиям после анализа ситуации, но избегают неоправданных поступков. В критических ситуациях могут демонстрировать достаточную решительность, сохраняя способность к трезвой оценке обстановки.

Меньшая часть – 17 % обследованных (5 человек) продемонстрировали результаты, соответствующие низкому уровню готовно-

сти к риску. Такие военнослужащие проявляют повышенную тревожность в стрессовых ситуациях, связанных с риском, чрезмерную осторожность, испытывают сложности в быстром принятии решения в ситуациях, связанных с риском и опасностью,

стремясь свести к минимуму потенциальные угрозы.

После просчета всех шкал, были получены результаты общего уровня психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач, показанные на рисунке 1.

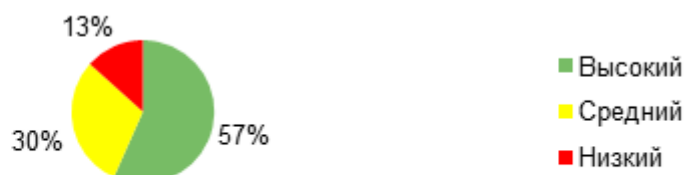

Рисунок 1 – Общий уровень психологической готовности

Figure 1 – Overall level of psychological readiness

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы.

Большая часть, а именно 57 % (17 военнослужащих), имеют высокий уровень психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач, т. е. более половины респондентов хорошо адаптируются к ситуациям неопределенности, риска и стресса. У них сформирована установка на профессионально ориентированное поведение, основанное на предыдущем опыте, что позволяет эффективно действовать в сложных, постоянно меняющихся условиях. Данные военнослужащие обладают высокой мотивацией, способностью быстро принимать решения в условиях стресса, готовностью к самопожертвованию.

Согласно полученным данным средний уровень психологической готовности имеет 29 % (9 военнослужащих). Можно считать, что они в целом способны выполнять служебно-боевые задачи, хотя и с некоторыми ограничениями. В условиях повышенного риска склонны оценивать степень риска и предполагаемый результат, характеризуются заторможенностью принятия решений в условиях стресса. Они способны выполнять задачи в штатных ситуациях, однако в условиях внезапного изменения обстановки, высокого стресса могут проявлять неуверенность, замедленную реакцию или склонность к шаблонным решениям.

Наименьшая часть 14 % выборки (4 военнослужащих) имеют низкий уровень психологической готовности. Данных

военнослужащих лучше отстранить от самостоятельного, точнее бесконтрольного, выполнения служебно-боевых задач, поскольку они имеют низкую мотивацию достижения успеха, эмоционально не стабильны, в ситуациях с риском для жизни проявляют реакции страха, тревоги, испытывают большие трудности в принятии решения, могут впадать в ступор в опасных ситуациях.

Можно сделать вывод, что примененные нами методики исследования психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач позволяют определить ее уровень и выявить военнослужащих с низким общим уровнем психологической готовности. На данных военнослужащих стоит обратить большое внимание должностным лицам и организовывать мероприятия по повышению их уровня готовности. Офицерам-психологам стоит реализовывать дифференцированный подход к военнослужащим с низкими показателями, в том числе по отдельным шкалам, для последующей адресной работы с ними в ходе специальной психологической подготовки.

При определении уровня конфликтности был использован тест «Самооценка конфликтности» В. Ф. Ряховского. Проведённое диагностическое исследование показало, что в выборке преобладают военнослужащие с невыраженной конфликтностью, а именно 57 % (17 человек). Полученные результаты представлены на рисунке 2.

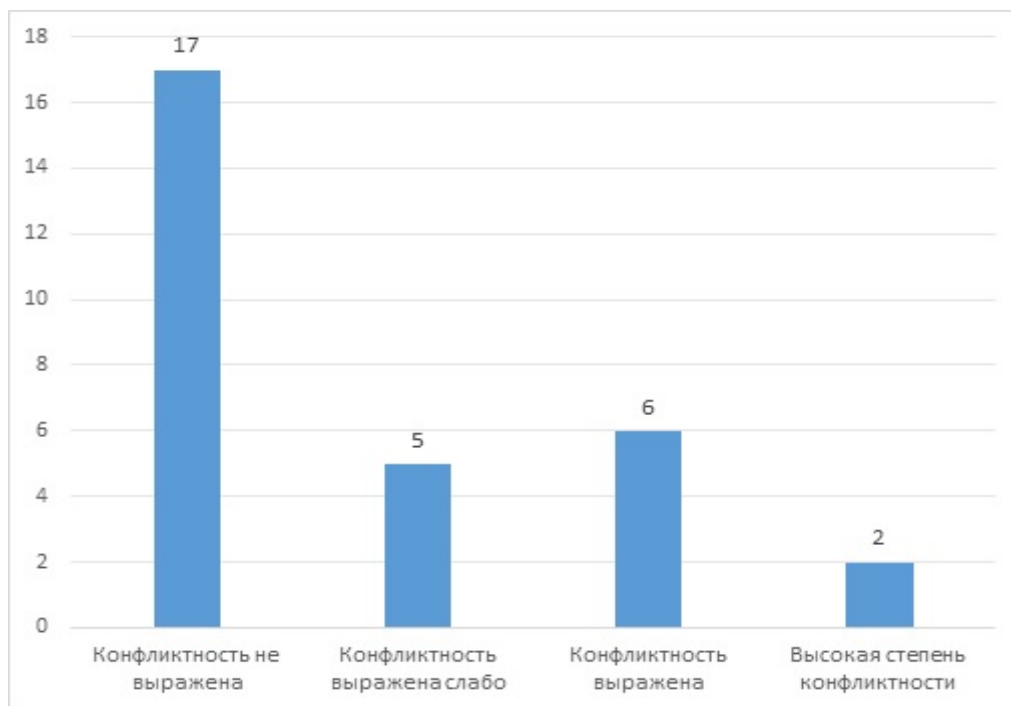

Рисунок 2 – Показатели конфликтности военнослужащих

Figure 2 – Indicators of Military Personnel Conflict

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы:

Конфликтность не выражена у 57 % военнослужащих (17 человек), отличающихся высокой степенью эмоциональной устойчивости, тактичностью и сдержанностью в общении. Они избегают конфликтов, предпочитая сохранять психологический комфорт в коллективе. При возникновении напряженных ситуаций способны выступать в роли медиаторов, помогая разрешать противоречия без эскалации. Если конфликта избежать невозможно, выбирают стратегии сотрудничества или компромисса, что свидетельствует о высоком уровне конфликтной компетентности и саморегуляции.

У 17 % респондентов (5 человек) наблюдается слабовыраженная конфликтность. В обычных условиях они редко вступают в конфликты и способны контролировать свои эмоции, но при длительном психоэмоциональном напряжении и в стрессовых ситуациях могут проявлять эмоциональную неустойчивость. В конфликтных взаимодействиях чаще всего используют конструктивные стратегии – сотрудничество или компромисс, что свидетельствует о наличии определенного потенциала для развития конфликтной компетентности.

Выраженные показатели конфликтности зафиксированы у 20 % военнослужащих (6 человек). Данная группа регулярно вовлечена в конфликтные ситуации, демонстрируя агрессивный стиль общения и провокационное поведение. Для этих военнослужащих характерны низкий уровень самоконтроля, особенно в экстремальных условиях, импульсивные реакции и склонность к поспешным выводам. Они чаще всего прибегают к стратегии соперничества, не способны идти на уступки и демонстрируют ригидность позиции. На службе это проявляется в нарушении субординации, постоянном противостоянии с командирами и сослуживцами, что приводит к ухудшению микроклимата в коллективе и снижению боевой эффективности подразделения.

6 % респондентов (2 человека) имеют высокую степень конфликтности, представляя наиболее проблемную категорию, отличающуюся устойчивыми моделями агрессивного поведения и полной неспособностью к конструктивному разрешению конфликтов. Они систематически нарушают нормы уставных взаимоотношений, проявляют открытую враждебность к командирам и товарищам, создавая напряженную атмосферу в коллективе. Их поведение отличается импульсивностью, не-

адекватными реакциями и склонностью к дисциплинарным нарушениям.

При сопоставлении данных эмпирического исследования психологической готовности и уровня конфликтности зафиксировано следующее распределение: высокую степень готовности имеют 16 военнослужащих, у которых отсутствует конфликтность и 1 военнослужащий, со слабовыраженной конфликтностью; среднюю степень готовности имеют 4 военнослужа-

щих со слабовыраженной конфликтностью; 4 военнослужащих с выраженной конфликтностью и 1 военнослужащий, у которого отсутствует конфликтность; низкую степень конфликтности имеют 2 военнослужащих с высокой степенью конфликтностью и 2 военнослужащих с выраженной конфликтностью. Данные указаны на рисунке 3.

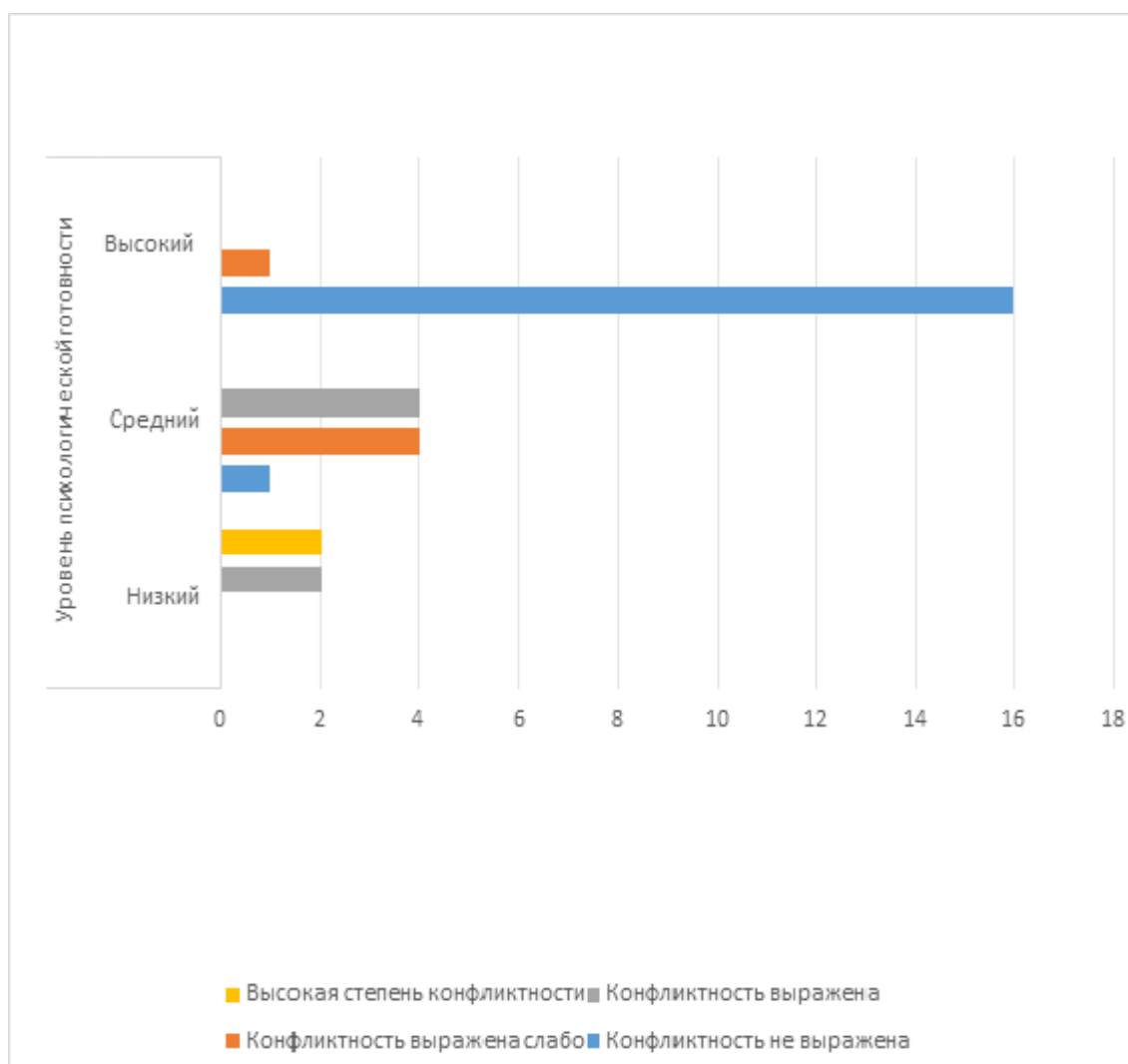

Рисунок 3 – Распределение военнослужащих по уровню психологической готовности и их конфликтности

Figure 3 – Distribution of military personnel by level of psychological readiness and conflict potential

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что менее конфликтные военнослужащие имеют высокие показатели в плане уровня психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач.

Для выявления характера взаимосвязей между изучаемыми переменными был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона. Результаты анализа представлены в Таблице 2.

Таблица 2 – Взаимосвязь психологической готовности военнослужащих и уровнем конфликтности

Table 2 – Relationship between the psychological readiness of military personnel and the level of conflict

Показатели	Уровень конфликтности	Готовность к нестандартным ситуациям	Готовность к самопожертвованию	Готовность к подавлению	Готовность к риску
Уровень конфликтности	1				
Готовность к нестандартным ситуациям	-0.86	1			
Готовность к самопожертвованию	-0.82	0.92	1		
Готовность к психическому и физическому подавлению	-0.67	0.83	0.86	1	
Готовность к риску	-0.72	0.68	0.65	0.71	1

Исходя из результатов корреляционного анализа, можно сделать выводы:

Между уровнем конфликтности и готовности к нестандартным ситуациям, готовности к самопожертвованию имеется сильная отрицательная взаимосвязь ($r = -0,86$ и $r = -0,82$). Соответственно, чем меньше уровень конфликтности, тем более высоким является уровень психологической готовности личности. Гипотеза о том, что высокая конфликтность военнослужащего существенно снижает его способность эффективно действовать в изменяющихся условиях, и демонстрировать готовность к самопожертвованию нашла подтверждение. Такую закономерность можно объяснить тем, что высокий уровень конфликтности сопровождается ригидностью мышления, снижением когнитивной гибкости, низкую адаптацию, что затрудняет реализацию готовности действиям в нестандартных условиях [23; 24; 25].

Обнаруженная сильная отрицательная корреляция ($r = -0,67$) между уровнем конфликтности и готовностью к психическому и физическому подавлению свидетельствует о том, что военнослужащие с более развитой способностью к преодолевающему поведению в условиях социальной напряжённости демонстрируют более низкий уровень конфликтности.

Также отмечена сильная отрицательная связь между конфликтностью и готовностью к риску ($r = -0,72$). Военнослужащие,

склонные к конфликтному поведению, имеют низкий уровень психологической готовности. Соответственно, уровень конфликтности имеет отрицательную сильную связь с уровнем психологической готовности военнослужащего к выполнению служебно-боевых задач.

Заключение

Исходя из полученных результатов исследования, можно сделать вывод, что снижение конфликтности военнослужащего повышает его психологическую готовность к выполнению служебно-боевых задач, что является достаточно важным компонентом психологического сопровождения.

Результаты корреляционного анализа показали, что уровень конфликтности существенно влияет на психологическую готовность, а именно чем ниже уровень конфликтности, тем выше уровень психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач. Снижение конфликтности и развитие конфликтной компетентности могут стать важными направлениями работы по повышению эффективности воинских подразделений. Полученные результаты имеют практическую значимость для командиров, психологов и заместителей командира роты по военно-политической работе.

Список источников

1. Распоряжение Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 20 февраля 2025 г. № 1/232 «О реализации Методических рекомендаций по организации психологической работы». М., 2025. 78 с.
2. Чапоргин А. Г. Психологическая готовность к выполнению служебно-боевых задач у военнослужащих и курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-2. С. 462–466.
3. Суховой А. В. Уровни и компоненты структуры психологической готовности сотрудников и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе выполнения служебно-боевых задач / А. В. Суховой, М. В. Голен // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-4. С. 358–362.
4. Турчин А. С Особенности саморегуляции служебной деятельности сотрудниками Росгвардии // Научное мнение. 2023. № 5. С. 20–24.
5. Терехин Р. А. Взаимосвязь интеллектуальных способностей, социального интеллекта и готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач / Р. А. Терехин, А. С. Турчин // Вестник государственного университета просвещения. Серия: психологические науки. 2023. № 3. С. 23–39.
6. Цуканов И. А. Психологическая готовность военнослужащих (сотрудников) к экстремальной деятельности // Живая психология. 2023. Т. 10, № 4(44). С. 83–91.
7. Быков Э. Ф. Большой психологический словарь. Минск: Харвест, 2000. С. 142.
8. Сивак А. Н. Проблема конфликтности личности курсантов военного института / А. Н. Сивак, О. Б. Полушина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25, № 4. С. 150–154.
9. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. 672 с.
10. Узнадзе Д. Н. Общая психология. М.; СПб. : Смысл; Питер, 2004. 412 с.
11. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб. : Питер, 2001. 416 с.
12. Цветкова О. А. Психологическая готовность к экстремальным условиям // Военная психология. 2008. № 3. С. 41–45.
13. Саенко Н. А. Феномен конфликтной компетентности / Н. А. Саенко, О. С. Прилепских // Инновационное развитие: ключевые проблемы и направления их решения: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Тюмень, 24 июля 2024 года. Sterlitamak: ООО «Агентство международных исследований», 2024. С. 68–70.
14. Терехин Р. А. Структура и особенности психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач / Р. А. Терехин, А. К. Татевосян // Высшее образование сегодня. 2022. № 1-2. С. 89–93.
15. Шконда С. А. Психологическая готовность военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации к выполнению служебно-боевых задач // Мир образования – образование в мире. 2022. № 4(88). С. 204–207.
16. Шконда С. А. Особенности проявления психологической готовности военнослужащих и сотрудников Росгвардии в различных условиях выполнения служебно-боевых задач // Военный академический журнал. 2024. № 4(44). С. 117–124.
17. Юнусова В. Р. Изучение конфликтности, как свойства личности / В. Р. Юнусова, Ю. В. Бадалян // Теория и практика приоритетных научных исследований: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции, Смоленск, 30 апреля 2018 года. Смоленск: Общество с ограниченной ответственностью «НОВАЛЕНСО», 2018. С. 80–88.
18. Терехин Р. А. Компоненты психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач / Р. А. Терехин, Ж. Т. Утегенов // Научное мнение. 2021. № 1–2. С. 86–91.
19. Кашапов М. М. Психология творческого процесса в конфликте: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 296 с.
20. Карпов А.А. Современная организационная психология: учебное пособие. М. : Изд-во МПСУ; Ярославль: Филигрань, 2019. 256 с.
21. Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов / под науч. ред. М. М. Кашапова, Ю.В. Пешехоновой. Ярославль: ЯрГУ 2012. 384 с.

22. Пашкин С. Б. Особенности психологических защитных механизмов и копинг-стратегий у военнослужащих с разными сроками службы / С. Б. Пашкин, А. С. Турчин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 82–94.

23. Иванов Е. А. Особенности выбора способа конфликтного взаимодействия курсантами – будущими военными психологами в первый год обучения в вузе Росгвардии / Е. А. Иванов, А. С. Турчин // Научное мнение. 2022. № 9. С. 40–46.

24. Федоров А. Ф. К вопросу взаимосвязи между индивидуально-личностными характеристиками и уровнем конфликтности воинских коллективов // The Scientific Heritage. 2020. № 55-4(55). С. 27–28.

25. Чуев К. Г. К характеристике конфликтной компетентности // Современные вопросы устойчивого развития общества в эпоху трансформационных процессов: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Москва, 22 ноября 2023 года. М. : Алэф, 2023. С. 57–60.

References

1. Rasporyazhenie Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii ot 20 fevralya 2025 g. № 1/232 «O realizacii Metodicheskikh rekomendacij po organizacii psihologicheskoy raboty». M., 2025. 78 s. (In Russ.).

2. CHaporgin A. G. Psychological readiness of military personnel and cadets of the National Guard of the Russian Federation to perform combat missions // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022;77-2: 462–466. (In Russ.).

3. Suhovej A. V. Levels and components of the structure of psychological readiness of employees and military personnel of the National Guard of the Russian Federation during the performance of service and combat missions / A. V. Suhovej, M. V. Golen // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2017;57-4: 358–362. (In Russ.).

4. Turchin A. S Features of self-regulation of official activities by Rosgvardia employees // Nauchnoe mnenie. 2023;5: 20–24. (In Russ.).

5. Terekhin R. A. The relationship between intellectual abilities, social intelligence, and the readiness of military personnel to perform combat missions / R. A. Terekhin, A. S. Turchin // Vestnik gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: psihologicheskie nauki. 2023;3: 23–39. (In Russ.).

6. Cukanov I. A. Psychological readiness of military personnel (employees) for extreme activities // Zhivaya psihologiya. 2023. T. 10;4(44): 83–91. (In Russ.).

7. Bykov E. F. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. Minsk: Harvest, 2000. S. 142. (In Russ.).

8. Sivak A. N. The Problem of Personality Conflict among Cadets at a Military Institute / A. N. Sivak, O. B. Polushina // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2019. T. 25;4: 150–154. (In Russ.).

9. Bol'shoj psihologicheskij slovar' / sost. i obshch. red. B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. SPb. : Prajm-Evroznak, 2007. 672 s. (In Russ.).

10. Uznadze D. N. Obshchaya psihologiya. M.; SPb. : Smysl; Piter, 2004. 412 s. (In Russ.).

11. Uznadze D. N. Psihologiya ustanovki. SPb. : Piter, 2001. 416 s. (In Russ.).

12. Cvetkova O. A. Psychological readiness for extreme conditions // Voennaya psihologiya. 2008;3. S. 41–45. (In Russ.).

13. Saenko N. A. Fenomen konfliktnoj kompetentnosti / N. A. Saenko, O. S. Prilepskih // Innovacionnoe razvitie: klyuchevye problemy i napravleniya ih resheniya: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tyumen', 24 iyulya 2024 goda. Sterlitamak: OOO «Agentstvo mezhdunarodnyh issledovanij», 2024. S. 68–70. (In Russ.).

14. Terekhin R. A. The structure and features of the psychological readiness of military personnel to perform combat missions / R. A. Terekhin, A. K. Tatevosyan // Vysshee obrazovanie segodnya. 2022;1-2: 89–93. (In Russ.).

15. SHkonda S. A. Psychological readiness of military personnel of the National Guard of the Russian Federation to perform combat missions // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2022;4(88): 204–207. (In Russ.).

16. SHkonda S. A. Features of the manifestation of psychological readiness of military personnel and employees of the National Guard in various conditions of performing military and combat tasks // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2024;4(44): 117–124. (In Russ.).

17. YUnusova V. R. Izuchenie konfliktnosti, kak svojstva lichnosti / V. R. YUnusova, YU. V. Badalyan // Teoriya i praktika prioritetnyh nauchnyh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov po materialam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Smolensk, 30 aprelya 2018 goda. Smolensk:

Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «NOVALENZO», 2018. S. 80–88.

18. Terekhin R. A. Components of the psychological readiness of military personnel to perform combat missions / R. A. Terekhin, Zh. T. Utegenov // Nauchnoe mnenie. 2021;1–2: 86–91. (In Russ.).

19. Kashapov M. M. Psihologiya tvorcheskogo processa v konflikte: monografiya. YArGU, 2011. 296 s. (In Russ.).

20. Karpov A.A. Sovremennaya organizacionnaya psihologiya: uchebnoe posobie. M. : Izd-vo MPSU; YArGU: Filigran', 2019. 256 s. (In Russ.).

21. Tvorcheskaya deyatel'nost' professionala v kontekste kognitivnogo i metakognitivnogo podhodov / pod nauch. red. M. M. Kashapova, YU.V. Peshekhonovoj. YArGU, 2012. 384 s. (In Russ.).

22. Pashkin S. B. Features of psychological defense mechanisms and coping strategies in military personnel with different service terms / S. B. Pashkin, A. S. Turchin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2 (27): 82–94. (In Russ.).

23. Ivanov E. A. Features of the choice of conflict interaction methods by cadets – future military psychologists in the first year of study at a Rosgvardia university / E. A. Ivanov, A. S. Turchin // Nauchnoe mnenie. 2022;9: 40–46. (In Russ.).

24. Fedorov A. F. On the relationship between individual personality characteristics and the level of conflict in military units // The Scientific Heritage. 2020;55-4(55): 27–28. (In Russ.).

25. CHuev K. G. K harakteristike konfliktnoj kompetentnosti // Sovremennye voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva v epohu transformacionnyh processov: sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 22 noyabrya 2023 goda. M. : Alef, 2023. S. 57–60. (In Russ.).

Информация об авторе

А. С. Турчин – доктор психологических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 21.07.2025;
одобрена после рецензирования 12.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

A. S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor

The article was submitted 21.07.2025;
approved after reviewing 12.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 37

КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ СЛЕПОВА ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА И
ЕГО НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Денис Евгеньевич Кузнецов

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
goodjobman@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению концепции проведения научного исследования, посвященного обобщению и фиксации научно-педагогического наследия доктора педагогических наук, профессора Слепова Владимира Яковлевича и его научно-педагогической школы. Раскрывается актуальность темы, цель, научная задача и концепция проведения исследования. Анализируются побудительные причины, вызвавшие необходимость научного обобщения педагогического опыта и результатов интеллектуальной деятельности Слепова В. Я. и его научной школы. Последовательно излагается представление о задачах и планируемых научных результатах исследования. Демонстрируется научная новизна планируемых научных результатов, среди которых ключевое место отводится влиянию научно-педагогической деятельности Слепова В. Я. и его научной школы на развитие педагогической науки в войсках правопорядка. Анализируются теоретико-методологические основы исследования жизненного пути и научно-педагогической деятельности научной школы Слепова В. Я., приводится методология проведения данного историко-педагогического исследования, классифицируются источники, составившие основу для его проведения, исследование которых необходимо для достижения наиболее полных результатов в рамках заявленной цели.

Ключевые слова: научная школа, научная память, Слепов В. Я., внутренние войска, Росгвардия, военная педагогика

Для цитирования: Кузнецов Д.Е. Концепция исследования научного наследия Слепова Владимира Яковлевича и его научной школы // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 218–226. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/021.pdf>.

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Original article

THE CONCEPT OF RESEARCH OF THE SCIENTIFIC HERITAGE OF VLADIMIR YAKOVLEVICH SLEPOV AND
HIS SCIENTIFIC SCHOOL

Denis E. Kuznetsov

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
goodjobman@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of conducting scientific research dedicated to the generalization and recording of the scientific and pedagogical heritage of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Vladimir Yakovlevich Slepov and his scientific and pedagogical school. The relevance of the topic, the purpose, the scientific task and the concept of the study are revealed. The motivating reasons that caused the need for scientific generalization of the pedagogical experience and results of intellectual activity of V. Ya. Slepov and his scientific school are analyzed. The idea of the tasks and planned scientific results of the study is consistently presented. The scientific novelty of the planned scientific results is demonstrated, among which the key place is given to the influence of the scientific and pedagogical activity of V. Ya. Slepov and his scientific school on the development of pedagogical science in the law enforcement troops. The theoretical and methodological foundations of the study of the life path and scientific and pedagogical activity of the scientific school of V. Ya. Slepov are analyzed, the methodology for conducting this historical and pedagogical study is given, the sources that formed the basis for its

implementation are classified, the study of which is necessary to achieve the most complete results within the framework of the stated goal.

Keywords: scientific school, scientific memory, Slepov V.Y a., internal troops, Russian National Guard, military pedagogy

For citation: Kuznetsov D.E. The concept of research of the scientific heritage of Vladimir Yakovlevich Slepov and his scientific school. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 218–226. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/021.pdf>.

© Кузнецов Д.Е., 2025

Введение

Анализ открытых источников демонстрирует, что история развития педагогической науки войск правопорядка на современном этапе системно не изучена. Издано небольшое число историко-педагогических трудов, раскрывающих локальные аспекты научно-педагогической деятельности в современных войсках правопорядка. Одновременно, несмотря на их очевидное значительное влияние, остается научно не раскрытой роль отдельных ученых в данном контексте. Речь идет об ученике Барабанщикова Александра Васильевича, Слепове Владимире Яковлевиче, который на вековом жизненном пути принял деятельное участие в формировании современного облика педагогической науки в войсках правопорядка, непосредственно повлиял на их научный потенциал, модернизацию и реформирование, заложил фундамент для поступательного развития, оставил после себя научную школу, десятки учеников и последователей [1, С. 82–83].

Специальная военная операция уже оказала и продолжает оказывать значительное влияние на различные сферы жизни российского общества, кардинально трансформируя некоторые из них. Военная педагогика и педагогика войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии), в подобных условиях, несмотря на свою консервативность, вынуждены в процессе переориентироваться на более эффективное выполнение задач, стоящих перед войсками в ходе участия в современных боевых действиях. Применение достижений науки и техники, искусственного интеллекта в боестолкновениях усложняет данные задач, делая все более востребованными результаты исследований в области педагогической науки, с целью их внедрения в образовательный процесс. В данном контексте видится целесообразным обратиться к результатам научно-исследовательской

деятельности Слепова В. Я. и его научно-педагогической школы.

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, участник Великой Отечественной войны [2, л. 128], полковник в отставке, доктор педагогических наук, профессор Слепов Владимир Яковлевич по праву считается одним из идеологов современной военной педагогики. Многое из сделанного им, его учениками, коллективом ученых, входящих в его научную школу, стало возможным впервые в истории. Научный коллектив под руководством

Слепова В. Я. занимался исследованием самой актуальной проблематики сначала во внутренних войсках МВД России, а затем и в Росгвардии. В феврале 2025 года Слепов В. Я. отметил свой 100-летний юбилей, а 6 июня того же года ушел из жизни[3], оставив после себя солидное научное наследие: более 100 учеников и последователей, действующую и крайне востребованную научную школу, более 300 научных и учебно-методических трудов. Стаж служебной, педагогической, научно-исследовательской и иной трудовой деятельности Слепова В. Я. составил 82 года. Все это время он неустанно создавал свое наследие, часто предугадывая те или иные тенденции в развитии военной педагогики. Сейчас, когда Слепова В. Я. – учителя, ученого и наставника, не стало, главной задачей видится обобщение и фиксация исторической памяти и научного наследия этого без преувеличения великого человека. Данная работа, начатая еще при жизни Слепова В. Я., должна быть качественно проведена, доведена до логического завершения и представлена научному сообществу.

История педагогической науки России богата выдающимися педагогами: Ломоносов М. В., Бецкой И. И., Сухомлинский В. А., Ушинский К. Д.,

Лесгафт П. Ф., Макаренко А. С. и многие другие, снискавшие своей научно-педагогической деятельностью

непререкаемый авторитет, ставшие классикой педагогической мысли. Отдельную группу составляют выдающиеся военные педагоги: Румянцев П. А., Потемкин Г. А., Суворов А. В., Ушаков Ф. Ф., Макаров С. О., Драгомиров М. И. и многие другие, оптимизировавшие систему военного обучения [4, С. 25–26]. Вместе с тем в современном обществе ощущается недостаток как новых педагогических идей, так и одиозных педагогических деятелей [5, С. 7]. Слепов В. Я., учитывая его жизненный путь и достижения в сфере военной педагогики, оправданно мог бы пополнить ряды отечественной педагогической элиты.

Анализ жизни, деятельности, научно-педагогического наследия, результатов функционирования научной школы Слепова В. Я. раскроет целую эпоху педагогической науки войск правопорядка, в частности, детализирует переходный этап создания Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, что говорит о высокой актуальности исследования. Результаты исследования будут применимы в вопросах подготовки кадров для войск национальной гвардии Российской Федерации и других силовых структур.

Материалы и методы

Цель данной работы сформулирована как раскрытие концепции реализации научного историко-педагогического исследования научной школы и научно-педагогического наследия Слепова Владимира Яковлевича. В качестве объекта исследования избрана история развития педагогической науки в войсках правопорядка в советский и постсоветский период. Предметом – научно-педагогическая деятельность Слепова В. Я. и его научной школы. Отталкиваясь от обозначенной цели, основу работы составили традиционные теоретические научные методы познания: анализ, синтез, абстрагирование и другие.

Результаты исследования

Отправной точкой развития педагогической науки, как самостоятельного направления в войсках правопорядка, следует считать 1959 год – год создания кафедры военной педагогики и военной психологии в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Первым начальником данной кафедры стал Барабанщиков Александр Васильевич – основатель отечественной военно-педагогической научной школы, доктор педагогических наук, профессор,

генерал-майор в отставке, заслуженный деятель науки РСФСР. С этого момента был дан старт фундаментальным и прикладным научным исследованиям в области войскового учебно-воспитательного и образовательного процессов. Учеными кафедры обобщался и анализировался войсковой педагогический опыт, который на выходе трансформировался в педагогические новации, транслируемые в практическую деятельность отечественных силовых структуры в интересах укрепления безопасности СССР. Барабанщиков А. В. выступил научным руководителем и консультантом более чем по 60 докторским и кандидатским диссертациям, нашедшим свое отражение и применение в педагогической теории и практике войск правопорядка [6, С. 82–83]. Одним из его учеников был на тот момент начальник кафедры истории КПСС и партийно-политической работы Высшего военно-морского училища радиотехники имени А. С. Попова, кандидат педагогических наук, подполковник Слепов Владимир Яковлевич [7, л. 6–7], ставший в 1973 году доктором педагогических наук. Слепов В. Я., за годы совместной работы с Барабанщиковым А. В., впитал в себя и проникся военно-педагогическими идеями и идеалами своего учителя, его парадигмальными взглядами, познал его наставнический метод [8] и вырос в большого ученого-созидателя [9, С. 271–272]. Именно Слепову В. Я. со временем было суждено сыграть важную роль в становлении самостоятельной педагогической науки внутренних войск МВД России и Росгвардии [10].

Слепов В. Я. начал официальную служебную и трудовую деятельность в восемнадцатилетнем возрасте и на протяжении следующих 82 лет, не прерываясь ни на год, трудился на благо Родины: участвовал в Великой Отечественной войне, имел 44 с половиной года календарной военной службы [11, л. 189, 193] и более 60 лет научно-педагогической деятельности. Под началом и при участии Слепова В. Я. подготовлено и защищено не менее 100 докторских и кандидатских исследований. В 2010 году во многом благодаря активной деятельности Слепова В. Я. был открыт первый в истории войск правопорядка диссертационный совет. В 2013 году результаты научно-педагогической деятельности Слепова В. Я.

позволили зарегистрировать собственную научную школу, также ставшую первой в истории войск правопорядка. В 2024 году в войсках правопорядка появилась первая в истории академия – Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, для создания которой Слепов В. Я. проделал поистине исполинскую работу [12, С. 162–164].

Слепов В. Я. на протяжении всей жизни являлся символом верности присяге, олицетворением долга, чести и совести. Он принимал непосредственное участие в важных для страны событиях, имел контакты и соприкосновения с первыми лицами той эпохи, чему имеются документальные подтверждения. Все перечисленное иллюстрирует реальный масштаб личности Слепова В. Я., подчеркивает его важность и значимость в контексте развития отечественной педагогической науки, в частности, военной педагогики.

Сейчас, когда жизненный путь Слепова В. Я. прервался, нам – его ученикам и последователям, как никогда важно сохранить, зафиксировать и преумножить научное наследие выдающегося научного руководителя, учителя, ученого и наставника Слепова В. Я.

Замысел научного исследования в рамках научной специальности 5.8.1 «Общая педагогика, история педагогики и образования» (педагогические науки), посвященного Слепову В. Я., родился в 2023 году в стенах, на тот момент времени, Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, в настоящее время – Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. С этого времени был начат первый методологический этап сбора информации. Ведущая идея исследования заключается в комплексном анализе жизни и деятельности Слепова В. Я. с целью систематизации его научно-педагогического наследия, включающего в себя результаты функционирования его научной школы, а также успехи и достижения его учеников и последователей, а также создание научного труда, дающего возможность составить цельное представление о Слепове В. Я. как о выдающемся ученом, педагоге и наставнике.

Научная новизна заключается, во-первых, в проведенном системном исследовании

жизни, деятельности и научного наследия Слепова В. Я., приведении ранее неизвестных и малоизвестных фактов из его биографии, служебно-боевого и научно-педагогического путей, прослеживании научных связей «учитель-ученик». Новизна усматривается также в биографическом (личностном) подходе, сквозь призму которого анализируется история педагогической науки в исследуемый период.

В основу исследования ложится метод системного анализа исторического развития педагогической науки в войсках правопорядка в обозначенный исторический период, а также биографический метод. Широко применяется системный подход, а также цивилизационный подход, благодаря которым в центре историко-педагогического исследования находится конкретный человек – Слепов В. Я., как творец истории, движущая сила развития педагогической науки в войсках правопорядка. Имеет место применение аксиологического подхода – через научное и одновременно образное раскрытие основных вопросов содержания, включающих в себя различные периоды жизни и деятельности Слепова В. Я.

Достижение цели видится возможным посредством последовательного решения следующих исследовательских задач: раскрыть теоретико-методологическую базу изучения интеллектуальной биографии Слепова В. Я. и его научной школы; сформировать методологию историко-педагогического анализа жизни и результатов деятельности Слепова В. Я. и его научной школы; классифицировать доступную источниковую базу проведения научного исследования; осветить исторические условия становления научно-исследовательских интересов Слепова В. Я. и главные этапы его интеллектуальной эволюции; описать личностные особенности Слепова В. Я., повлиявшие на развитие научно-педагогической направленности его интеллектуальной деятельности (социально-политические убеждения, религиозное и культурное мировоззрение); раскрыть роль Барabanщикова А. В. в становлении Слепова В. Я. и его научной школы; выделить этапы создания научной школы Слепова В. Я.; достоверно определить учеников и последователей Слепова В. Я., обобщить актуальные результаты и перспективы функционирования

педагогической научной школы Слепова В. Я.; обозначить этапы создания и функционирования диссертационного совета 203.037.01 (16.2.001.01), акцентировать внимание на роли Слепова В. Я. в данном процессе; суммировать основные результаты работы диссертационного совета 203.037.01 (16.2.001.01) и их влияние на развитие педагогической науки в войсках правопорядка; создать историко-педагогическую концепцию, характеризующую Слепова В. Я. как ученого, внесшего значительный вклад в создание современной военной педагогики войск правопорядка.

Нижней хронологической границей исследования выступает 23 февраля 1925 года – официальная дата рождения Слепова В. Я. [13, л. 1]; верхней хронологической рамкой определена дата ухода из жизни Слепова В. Я. – 6 июня 2025 года [14].

Источниковую базу исследования следует сгруппировать по нескольким категориям: научные и учебно-методические труды Слепова В. Я. и членов его научной школы, а также его учеников и последователей; труды о Слепове В. Я., к которым следует отнести так же публикации в СМИ и автобиографические художественные произведения; фото и видеоматериалы, иллюстрирующие деятельность Слепова В. Я.; архивные материалы, в первую очередь ведомственных архивов Министерства обороны Российской Федерации и Росгвардии, а также Российской государственной библиотеки; нарративные источники (воспоминания современников, друзей, учеников, коллег, родных и близких). Ключевыми принципами при отборе источников должны стать достоверность, полнота, объективность и историзм, что в совокупности обеспечит всестороннее освещение его жизни и наследия с учетом позиций сторонников и возможных оппонентов.

Методика исследования включает в себя два этапа: первый – поиск, анализ, интерпретация и систематизация фактического материала и данных, их проверка и сопоставление; второй – выстраивание целостного историко-педагогического повествования, основанного на проверенных данных и достоверных сведениях. В данном контексте также обосновано применение аксиологического подхода.

Теоретическая значимость исследования вытекает из уточнения, детализации и систематизации истории развития педагогической мысли в войсках правопорядка в исследуемый период.

Практическая значимость заключается во внедрении полученных результатов исследования в образовательную и научную деятельность военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации и иных силовых ведомств.

Следует отметить, что некоторые важные шаги на пути к фиксации исторической и научной памяти о Слепове В. Я. были сделаны при его жизни. Так, в 2019 году имя Слепова В. Я. было присвоено одой из аудиторий Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, в которой он многократно выступал с лекциями. Данная аудитория тематически оформлена и является действующей, в ней проходят лекционные занятия с курсантами и адъюнктами военной академии [15]. С 2023 года в военной академии учреждена ежегодная премия имени Слепова В. Я., лауреатами которой могут стать курсанты и научно-педагогические работники.

На протяжении многих лет день рождения Слепова В. Я. – 23 февраля, в военной академии являлся значимой датой, к которой начинали подготовку заблаговременно: в этот день организовывались различные мероприятия научного и воспитательного характера, организовывался турнир по волейболу имени Слепова В. Я, проходили открытые лекции самого Слепова В. Я [16, р. 45–48]. Признанием заслуг может служить тот факт, что с вековым юбилеем в 2025 году Слепова В. Я. поздравил Президент Российской Федерации. В этом же году начата традиция ежегодного проведения научно-практической педагогической конференции на базе Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, приуроченной ко дню рождения Слепова В. Я [17, 18] Данное мероприятие уже вошло в План науки военной академии на 2026 год и планируется к проведению из года в год.

Подготовлен и опубликован монографический труд о деятельности Слепова В. Я по созданию первого в истории войск правопорядка диссертационного совета, а также исследованиях, защищённых в ходе его

функционирования [19]. Данная научная работа в 2025 году была представлена на соискание премии имени великого князя К. К. Романова по гуманитарным наукам для молодых ученых, Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук, вручаемой за выдающиеся научные работы, открытия, изобретения для молодых ученых, а также на соискание премии Росгвардии в области науки. Факт участия работы, посвященной Слепову В. Я., в столь престижных конкурсах говорит о признании его достижений, заслуг и вклада в педагогическую науку.

В ведомственных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, опубликован цикл научных статей, посвященных жизни и деятельности Слепова В. Я.

В настоящее время в научно-исследовательском центре Академии войск национальной гвардии идет активная работа над монографией «Научные школы Росгвардии», планируемой к изданию в декабре 2025 года, где непременно будет раскрыта роль Слепова В. Я, как создателя первой научной школы в войсках правопорядка.

Ведется работа по созданию и регистрации базы данных, содержащей массив открытой информации и совокупность самостоятельных материалов, систематизированных в виде иерархичной структуры, о жизни, деятельности и трудах Слепова В. Я и его научной школы, фотографические и видео материалы из жизни Слепова В. Я, скан-копии архивных документов, удостоверений, грамот, благодарностей Слепова В. Я, а также материалы его рабочих записей в ежедневниках, блокнотах, книгах и черновиках. Ее создание и размещение в открытом доступе позволит вывести на качественно новый уровень возможность изучения научного наследия Слепова В. Я и его научной школы, а также продолжить научные исследования военной педагогики войск правопорядка.

Однако ключевым является диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора

педагогических наук о жизненном пути Слепова В. Я, его научно-педагогической деятельности, а также результатах функционирования созданной им научной школы. Научным консультантом выступает доктор педагогических наук, профессор Шарухин Анатолий Петрович – заведующий кафедрой теории и методики непрерывного профессионального образования научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, ученик Слепова В. Я. [20].

Заключение

Посвященное Слепову В. Я и его научной школе исследование является своевременным и актуальным. Его востребованность в научном сообществе диктуется продолжением процесса развития педагогической науки в войсках правопорядка на этапе становления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, что формирует необходимость обобщения и систематизации опыта прошлого, а также связано с внедрением в практическую деятельность войск передового педагогического опыта, основанного на подтвержденных и достоверных данных. Научные результаты исследования внесут значимый вклад в развитие педагогической науки и одного из ее направлений – служебно-боевой педагогики войск национальной гвардии Российской Федерации, а также в учебно-воспитательный процесс в войсках правопорядка. Большое количество исследуемых идей и педагогических разработок Слепова В. Я и членов его научной школы требуют углубленного изучения с учетом современных реалий, а полученный опыт нуждается в реконструкции и последующем практическом применении.

В сегодняшних условиях международной напряженности необходимо дальнейшее развитие военно-педагогического наследия Слепова В. Я. в части его расширения, углубленного анализа и дополнения с учетом инновационного развития. В перспективе в ходе исследования автор обоснованно рассчитывает на дополнительные научные находки и открытия, которые, очевидно, наряду с основными заявленными результатами обогатят историко-педагогическую науку.

Список источников

1. Волков В. Д. Концепция исследования истории развития педагогической науки в Росгвардии (1959–2023 гг.) / В. Д. Волков, А. П. Шарухин // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 2(20). С. 81–89.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1485.
3. Росгвардейцы отдали почести на похоронах ветерана Великой Отечественной войны полковника в отставке Владимира Слепова. URL: <https://academy.rosguard.gov.ru/News/Article/roshtardejcy-otdali-pochesti-na-poxoronax-veterana-velikoj-otechestvennoj-vojny-polkovnika-v-otstavke-vladimira-slepova> (дата обращения: 10.08.2025).
4. Половецкий С. Д. Развитие военно-педагогической мысли и военного образования в России во второй половине XIX – начале XX века // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2. № 4 (53). С. 25–36.
5. Помелов В. Б. Жизнь К. Д. Ушинского: монография. Киров: Вятский государственный университет, 2023. 215 с.
6. Алехин И. А. Генерал А. В. Барабанщиков – основатель советской военной педагогики // Военный академический журнал. 2019. № 3(23). С. 81–85.
7. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 851951с. Д. 7.
8. Быков А. К. Парадигмальные военно-педагогические взгляды А. В. Барабанщикова и их развитие в современных условиях // ЦИТИСЭ. 2025. № 1. С. 237–248.
9. Лямзин М. А. Лицо создателя (к 100-летию со дня рождения А. В. Барабанщикова) // Лицо человека в системах коммуникации: коллективная монография. М. : Московский институт психоанализа, 2024. С. 271–277.
10. Волков В. Д. Патриархи педагогической науки Росгвардии: А. В. Барабанщиков, В. Я. Слепов / В. Д. Волков, А. П. Шарухин // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 1. С. 56–63.
11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 1/11131с. Д. 56.
12. Кузнецов Д. Е. История создания академии войск национальной гвардии в контексте развития военной педагогики // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей XVI Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 20 ноября 2024 года. Новосибирск: Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 160–166.
13. Архив Военного комиссариата города Санкт-Петербурга. Личное дело Слепова В. Я. № 202540.
14. 6 июня 2025 года на 100-м году жизни ушел Владимир Яковлевич Слепов. URL: <https://academy.rosguard.gov.ru/News/Article/6-iyunya-2025-goda-na-101om-godu-zhizni-ushel-vladimir-yakovlevich-slepov> (дата обращения: 09.08.2025).
15. Исаева Н. Н. Аудитория имени Владимира Яковлевича Слепова и ее значение для патриотического воспитания курсантов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1(10). С. 24–26.
16. Migunov Yu. A. Vladimir Yakovlevich Slepov. Meetings gifted by fate // 20 марта 2024 года, 2024. Р. 45–48.
17. Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова): материалы межведомственной научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 25 февраля 2025 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 522 с.
18. Бакин А. А. Обзор Межведомственной научной конференции с международным участием «Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Ученый, Наставник» / А. А. Бакин, Д. Е. Кузнецов, А. Д. Внуков // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 1(30). С. 346–352.
19. Кузнецов Д. Е. Научная дискуссия с одним из отцов-основателей военной педагогики Росгвардии (к 100 летнему юбилею Слепова Владимира Яковлевича и в честь 80-летия победы в Великой Отечественной войне): монография / Д. Е. Кузнецов. СПб. : Изд-во Академии войск национальной гвардии, 2025. 160 с.

20. Шарухин Анатолий Петрович. URL:
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=478351&pubrole=100&show_refs=1&pubcat=risc
(дата обращения: 12.08.2025).

References

1. Volkov V. D. Concept of Research on the History of Pedagogical Science Development in the National Guard (1959–2023) // V. D. Volkov, A. P. SHaruhin // *Voenno-pravovye i humanitarnye nauki Sibiri*. 2024;2(20): 81–89. (In Russ.).
2. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (CAMO). F. 33. Op. 690306. D. 1485. (In Russ.).
3. Rosgvardejcy otdali pochesti na pohoronah veterana Velikoj Otechestvennoj vojny polkovnika v otstavke Vladimira Slepova. URL:
<https://academy.rosguard.gov.ru/News/Article/rosgvardejcy-otdali-pochesti-na-poxoronax-veterana-velikoj-otechestvennoj-vojny-polkovnika-v-otstavke-vladimira-slepova>
(data obrashcheniya: 10.08.2025). (In Russ.).
4. Poloveckij S. D. The development of military pedagogical thought and military education in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2018. T. 2;4 (53):. 25–36. (In Russ.).
5. Pomelov V. B. ZHizn' K. D. Ushinskogo: monografiya. Kirov: Vyatskij gosudarstvennyj universitet, 2023. 215 s. (In Russ.).
6. Alekhin I. A. General A. V. Barabanshchikov is the founder of Soviet military pedagogy // *Voennyj akademicheskij zhurnal*. 2019;3(23): 81–85. (In Russ.).
7. CAMO. F. 32. Op. 851951s. D. 7. (In Russ.).
8. Bykov A. K. A. V. Barabanshchikov's Paradigmatic Military Pedagogical Views and Their Development in Modern Conditions // *CITISE*. 2025;1: 237–248. (In Russ.).
9. Lyamzin M. A. Lico sozidatelya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Barabanshchikova) // *Lico cheloveka v sistemah kommunikacii: kollektivnaya monografiya*. M. : Moskovskij institut psihoanaliza, 2024. S. 271–277. (In Russ.).
10. Volkov V. D. Patriarchs of the Russian Guard's Pedagogical Science: A. V. Barabanshchikov, V. Ya. Slepov / V. D. Volkov, A. P. SHaruhin // *Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii*. 2025;1: 56–63. (In Russ.).
11. CAMO. F. 33. Op. 1/11131s. D. 56. (In Russ.).
12. Kuznecov D. E. Istoriya sozdaniya akademii vojsk nacional'noj gvardii v kontekste razvitiya voennoj pedagogiki // *Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovaniya v voennyh institutah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: sbornik nauchnyh statej XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Novosibirsk, 20 noyabrya 2024 goda*. Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut im. generala armii I. K. YAKovleva vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2024. S. 160–166. (In Russ.).
13. Arhiv Voennogo komissariata goroda Sankt-Peterburga. Lichnoe delo Slepova V. YA. № 202540. (In Russ.).
14. 6 iyunya 2025 goda na 100-m godu zhizni ushel Vladimir YAKovlevich Slepov. Available from: <https://academy.rosguard.gov.ru/News/Article/6-iyunya-2025-goda-na-101om-godu-zhizni-ushel-vladimir-yakovlevich-slepov> (data obrashcheniya: 09.08.2025). (In Russ.).
15. Isaeva N. N. The Vladimir Yakovlevich Slepov Auditorium and its Importance for the Patriotic Education of Cadets // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2020;1(10): 24–26. (In Russ.).
16. Migunov Yu. A. Vladimir Yakovlevich Slepov. Meetings gifted by fate // 20 marta 2024 goda, 2024. P. 45–48. (In Russ.).
17. Vladimir YAKovlevich Slepov: Uchitel', Uchyonyj, Nastavnik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. YA. Slepova): materialy mezhvedomstvennoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 25 fevralya 2025 goda. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 522 s. (In Russ.).
18. Bakin A. A. Overview of the Interdepartmental Scientific Conference with International Participation "Vladimir Yakovlevich Slepov: Teacher, Scientist, Mentor" / A. A. Bakin, D. E. Kuznecov, A. D. Vnukov // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;1(30): 346–352. (In Russ.).
19. Kuznecov D. E. Nauchnaya diskussiya s odnim iz otcov-osnovatelej voennoj pedagogiki Rosgvardii (k 100 letnemu yubileyu Slepova Vladimira YAKovlevicha i v chest' 80-letiya pobedy v

Velikoj Otechestvennoj vojne): monografiya / D. E. Kuznecov. SPb. : Izd-vo Akademii vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 160 s. (In Russ.).

20. SHaruhin Anatolij Petrovich. Available from:
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=478351&pubrole=100&show_refs=1&pubcat=risc
с (data obrashcheniya: 12.08.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

Information about the author

Д. Е. Кузнецов – кандидат исторических наук

D. E. Kuznetsov – *Candidate of Sciences (History)*

Статья поступила в редакцию 19.08.2025;
одобрена после рецензирования 19.08.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 19.08.2025;
approved after reviewing 19.08.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 372.881

ФОРМИРОВАНИЕ У КУРСАНТОВ ВОЕННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОСГВАРДИИ УМЕНИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

**Елена Александровна Емельянова¹, Марина Сергеевна Лавреева², Вера Александровна
Лангенштейн³**

¹⁻³ Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ emelena-17@yandex.ru

² spig_lamar@mail.ru

³ langvera@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется одна из важнейших проблем военно-образовательных организаций Росгвардии – формирование у курсантов умений педагогического общения. Авторы исходят из того, что успешная управленческая деятельность будущего военного специалиста базируется на его способности осуществлять такие коммуникации, которые позволяют обеспечить активную позицию подчиненного как единомышленника, реализуя не только коммуникативную, но и педагогическую функцию. Учитывая, что подобного рода умения формируются и развиваются только в результате целенаправленного педагогического влияния, военно-образовательные организации Росгвардии должны создавать педагогические условия для этого. При этом рассматриваются взгляды ученых на феномен педагогического общения, его сущность, место и роль в педагогической деятельности. На основании теории и педагогической практики выделяются умения педагогического общения, которые необходимо формировать у курсантов военно-образовательных организаций Росгвардии. Особое внимание уделяется основным направлениям и методам деятельности преподавателей и командиров подразделений по формированию у курсантов умений педагогического общения.

Ключевые слова: педагогика, деятельность, задача, стимулы, умения, коммуникация

Для цитирования: Емельянова Е.А., Лавреева М.С., Лангенштейн В.А. Формирование у курсантов военно-образовательных организаций росгвардии умений педагогического общения // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 227–236. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/022.pdf>.

Original article

FORMATION OF PEDAGOGICAL COMMUNICATION SKILLS IN CADETS OF MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE RUSSIAN GUARD

Elena A. Emel'yanova¹, Marina S. Lavreeva², Vera A. Langenshtejn³

¹⁻³ Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ emelena-17@yandex.ru

² spig_lamar@mail.ru

³ langvera@yandex.ru

Abstract. The article examines one of the most important problems of the military educational organizations of the Russian Guard - the formation of cadets' pedagogical communication skills. The authors proceed from the fact that the successful management activity of a future military specialist is based on his ability to carry out such communications that allow to ensure the active position of the subordinate as a like-minded person, realizing not only the communicative, but also the pedagogical function. Given that such skills are formed and developed only as a result of purposeful pedagogical influence, the military educational organizations of the National Guard should create pedagogical conditions for this. At the same time, the views of scientists on the phenomenon of pedagogical communication, its essence, place and role in pedagogical activity are considered.

On the basis of theory and pedagogical practice, the skills of pedagogical communication are distinguished, which must be formed in cadets of military educational organizations of the Russian Guard. Particular attention is paid to the main directions and methods of activities of teachers and unit commanders to form cadets' pedagogical communication skills.

Keywords: pedagogy, activity, task, incentives, skills, communication

For citation: Emel'yanova E.A., Lavreeva M.S., Langenshtejn V.A. Formation of pedagogical communication skills in cadets of military educational organizations of the Russian Guard. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 227–236. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/022.pdf>.

© Емельянова Е.А., Лавреева М.С., Лангенштейн В.А., 2025

Введение

Процесс подготовки современного военного специалиста предполагает формирование и развитие у него целого ряда качеств, без которых он не состоится как специалист и руководитель воинского коллектива. Среди этих качеств особое место занимают качества, характеризующие его готовность к обучению и воспитанию подчиненных, способность осуществлять педагогически выверенное, целесообразное общение с личным составом подразделения. Практика деятельности воинских коллективов свидетельствует, что без такого общения успешное управление подразделением невозможно.

Анализ научной литературы и опыта войсковой практики выявил противоречия, которые определили выбор данной темы. К числу основных противоречий можно отнести:

- между повышением роли педагогического общения в деятельности современного военного руководителя и недостаточным уровнем готовности к такой деятельности выпускников военно-образовательных организаций;

- между потребностью в современных техниках формирования у курсантов умений педагогического общения и недостаточной разработанностью технологий и методик по формированию и развитию таких умений.

Исследование избранной темы представляет собой один из шагов на пути к разрешению обозначенных проблем.

Методология и методика исследования

Методологическую основу исследования составили требования диалектико-материалистического метода познания, определяющего необходимость рассмотрения процессе формирования умений педагогического общения в развитии и взаимосвязи со всеми явлениями окружающей среды, а также требования системного подхода, позволяющего рассматривать образовательный процесс как систему, обладающую структурой и выделить этапы, цели и результаты деятельности. К теоретико-методологическому основанию исследования можно отнести теории, разработанные в психологии и педагогике: теория

субъект-субъектного общения (Б. Г. Ананьев, А.А. Бодылев, Л. С. Выготский); психологическая теория деятельности (П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн); теория делового и профессионального общения (Г. М. Андреева, Р. А. Кричевский, Ф. А. Кузин); концепция педагогического общения (М. С. Коган, В. А. Кан-Калик, Б. Ф. Ломов).

К числу методов, которыми осуществлялось изучение предмета исследования следует отнести: анализ научной литературы (философской, психологической, социально-педагогической), посвященной проблеме исследования, анализ учебно-методической литературы по профессиональному обучению как в организациях высшего профессионального образования, так и в образовательных организациях высшего военного образования, обобщение педагогического опыта. Использовались прогностические методы, включающие экспертную оценку и самооценку, методы социальной и психологической диагностики.

Результаты исследования. Основные положения.

Современное военное строительство характеризуется изменением общественного отношения к войскам национальной гвардии как государственному институту, а также к офицеру как субъекту общественно-экономической и культурной жизни. Это отношение проявляется в предъявлении к ним достаточно высоких требований со стороны общества, в том числе требований, связанных со способностью осуществлять не просто управление воинскими коллективами, а управление, базирующееся на педагогических принципах и подходах. Опыт практической деятельности в войсках национальной гвардии позволяет утверждать, что выполнение педагогических функций военного руководителя занимает от 75 % до 90 % управленческого времени [22].

По итогам опросов командиров воинских частей, военно-политических работников, а также преподавателей военных образовательных организаций выяснилось, что лишь 15 % опрошенных командиров удовлетворяет качество подготовки выпуск-

ников. При этом многие подчеркивают, что молодые офицеры недостаточно подготовлены с точки зрения педагогически целесообразного взаимодействия с подчиненными [21].

Практика воинской службы выпускников военно-образовательных организаций доказывает, что без умений педагогического общения подготовка офицера не может считаться полной. Многие ученые, изучавшие проблемы профессиональной деятельности подчеркивали значение педагогической составляющей в профессиональной деятельности руководителя. Об этом говорил А. А. Леонтьев [15]. Говоря о роли педагогического общения в деятельности педагога, В. А. Кан-Калик отмечал, что «общение в педагогической работе выступает, во-первых, как средство решения учебных задач, во-вторых, как социально-психологическое обеспечение воспитательного процесса, в-третьих, как способ организации взаимоотношений воспитателя и детей, обеспечивающих успешность обучения и воспитания» [8, С. 10–12].

Если оценивать эту ситуацию с позиции практики, то можно утверждать, что офицер, который не способен наполнить собственную деятельность по управлению воинским коллективом педагогическим содержанием, не может рассчитывать на успех в полном смысле этого слова.

А. В. Карпов, говоря об управленческой деятельности, подчеркивает одну из ее вторичности относительно деятельности других людей. Он ее называет деятельностью второго порядка [9.]. Поэтому цели управленческой деятельности достигаются использованием технологического и человеческого компонентов. Технологический – включает обеспечение функционирования техники и технологий. Человеческий – организацию межличностных взаимоотношений людей, работающих с техникой. Следовательно, обеспечение успешного функционирования любых технологических процессов можно добиться лишь путем умелого управления людьми, работающими с техникой. Успех управления достигается способностью руководителя оказывать влияние на исполнителей [6].

Влияние на подчиненных можно оказывать по-разному, но наиболее эффективным оно может быть, если содержит в себе педагогическое начало, позволяющее добиться активной позиции подчиненного в решении общей задачи, позиции единомышленника. Построение подобного рода взаимодействия выступает ведущей целью

педагогического общения, которое должно составлять педагогическое содержание любой управленческой деятельности, не исключая военного управления. Именно поэтому формирование у курсантов умений педагогического общения выступает важнейшей задачей их подготовки как будущих руководителей воинских коллективов.

Проблема педагогического общения в отечественной педагогике исследована достаточно глубоко и обширно. В. А. Кан-Калик охарактеризовал педагогическое общение, как «...систему приемов и методов, обеспечивающих реализацию целей и задач педагогической деятельности и организующих, направляющих социально-психологическое взаимодействие педагога и воспитуемых. Содержанием этого взаимодействия является обмен информацией, межличностное познание, организация и регуляция взаимоотношений с помощью различных коммуникативных средств в целях оказания воспитательного воздействия, а также целостная педагогически целесообразная самопрезентация личности педагога в аудитории; педагог выступает здесь как активатор этого процесса, он организует его и управляет им» [8].

Проблема педагогического общения в военно-образовательных организациях исследовалась А. П. Шарухиным, который рассматривал его как сложное многоплановое средство организации взаимодействия между педагогом и курсантом как в ходе занятий, так и во внеучебное время. Он подчеркивал, что этот процесс осуществляется в целях: а) установления прочных личностных контактов; б) обмена образовательной информацией; в) понимания друг друга; г) выработки единых правил взаимоотношений; д) оказания взаимовлияния [18].

В. А. Кан-Калик, исследуя педагогическое общение как коммуникативную систему, выделяет следующие этапы процесса педагогического общения:

1. Этап прогнозирования. На этом этапе педагог осуществляет построение модели будущего общения.

2. Начальный этап общения, включающий организацию, начала педагогического общения.

3. Аналитический этап, представляющий собой обобщение итогов и анализ реализованной системы общения, и моделирование новой системы общения на предстоящую деятельность [8].

В.А. Кан-Калик рассматривает педагогическое общение как особый вид коммуникации, представляющий собой множество меняющихся коммуникативных задач, производных по отношению к педагогической задаче, вытекающих из неё и определяемых последней. «Можно сказать, что коммуникативная задача есть та же педагогическая задача, но переведенная на язык коммуникации» [8, С. 15–17].

Понимание педагогического общения как некой коммуникативной задачи, представляющей собой систему и процесс, обуславливает необходимость особого подхода к умениям участников педагогического общения. Под умениями в психологии принято понимать достигнутую в процессе обучения возможность человека творчески применять знания и навыки и достигать желаемого результата в непрерывно меняющихся условиях практической деятельности [13]. К. К. Платонов в умения включал представления, понятия, знания и другие психические явления, которые обеспечивают деятельность человека [19].

Опираясь на сложившиеся в психологии и концепции педагогического общения представления под умениями педагогического общения курсантов, следует понимать сформированную в процессе обучения курсантов психологическую структуру, обеспечивающую реализацию инструментальных знаний в практических действиях по выполнению поставленной педагогической задачи путем правильно поставленной и успешно реализованной коммуникативной задачи в непрерывно меняющихся условиях практической деятельности.

В. А. Кан-Калик, исследуя феномен педагогического общения, выделял целый ряд умений, позволяющих осуществлять эффективное педагогическое общение учителя с учениками. Эти умения позволяют обеспечить реализацию каждого этапа процесса педагогического общения и, в конечном счете, достичь искомой педагогической цели. Так на этапе моделирования предстоящего общения большое значение имеет умение педагога перевести, стоящие перед ним задачи в сферу коммуникативных задач, Профессиональное управление общением в педагогическом процессе, по мнению В. А. Кан-Калика, предполагает у педагога наличие таких умений как: умения общаться на людях; умения организовывать совместную с учащимися творческую деятельность; умение

проявлять грамотную, продуманную инициативу и т. д. [17]

А. П. Шарухин вводит в научный и практический оборот понятие «стимулирующее педагогическое общение», под которым подразумевается общение руководителя с подчиненным, основанное на гуманистических ценностях, авторитете руководителя и его педагогическом профессионализме [22.]. Стимулирующее педагогическое общение базируется на следующих педагогических умениях командира подразделения: а) умение устанавливать прочный коммуникативный контакт в процессе решения служебных задач; б) умение оперативно и полноценно изучать личностные качества подчиненных; в) умение регулировать взаимоотношения в воинском коллективе; г) корректировать личностную траекторию жизни и деятельности подчиненных; [25]; е) умение быстро и правильно ориентироваться в ситуации общения [18].

М. В. Фалей в качестве особого умения педагогического общения выделяет умение слушать собеседника [23].

Опираясь на позицию исследователей феномена педагогического общения, можно выделить следующие основные умения педагогического общения, которые необходимо формировать у курсантов военно-образовательных организаций Росгвардии.

1. Умение, исходя из педагогической задачи, индивидуально-психологических особенностей потенциального собеседника и ожидаемой коммуникативной ситуации, создать модель, определить стиль, предстоящего общения и спрогнозировать наступление возможного результата.

2. Умение осуществить «коммуникативную атаку» (Кан-Калик В.А.), т. е. взять инициативу в свои руки на начальном периоде общения, проявляя творческий подход, позволяющий выбрать такой способ общения, который бы отвечал требованиям педагогической задачи и в то же время учитывал актуальную речевую ситуацию.

3. Умение выбрать и реализовать наиболее эффективный вариант речевого поведения, сочетающий оптимальную информативность, уместность, правильное и педагогически целесообразное интонирование, также владение невербальными средствами общения.

4. Умение использовать приемы и способы стимулирующего педагогического общения, включающие: поощрение инициативных коммуникативных действий подчиненных, их стремление разобраться в

сути проблемы; уважительное отношение к собеседникам; стимулирование творческой инициативы.

5. Умение преодолевать «коммуникативные барьеры»: а) барьер несовпадения установок; б) барьер сужения функций общения; в) барьер негативной установки на собеседника или подразделение; г) барьер прошлого негативного опыта общения; д) барьер подражания.

6. Умение слушать и слышать, понимать психическое состояние собеседника или аудитории, владеть приемами, позволяющими создать в процессе общения единое коммуникативное пространство.

Формирование у курсантов умений педагогического общения является одной из важных задач подготовки будущих военных специалистов в военно-образовательных организациях Росгвардии, учитывая, что каждому выпускнику придется управлять воинскими подразделениями, и от умения осуществлять коммуникативное взаимодействие с подчиненными во многом зависит успех их управленческой деятельности.

В научной литературе формирование умений рассматривается как результат системного и целенаправленного педагогического взаимодействия педагога и обучающихся. Принято выделять следующие уровни формирования умений: когнитивный; практический; эмотивный; социальный [20].

Проблемы формирования у курсантов умений педагогического общения нечасто становились предметом научного исследования. Как правило, они исследовались в контексте формирования готовности курсантов к педагогической деятельности. В работах Р. А. Гусева, С. Г. Зубова, Е. Н. Кореньевой, Е. М. Левина, Н. М. Можаяева [5; 7; 12; 14; 16] рассматривались педагогические условия, обеспечивающие готовность курсантов к профессиональной и педагогической деятельности, включающие формирование умений педагогического общения. Г. И. Хозяинов [24] готовность к педагогическому общению рассматривает как неотъемлемый компонент педагогического мастерства преподавателя высшей школы и выделяет пути его развития. В исследованиях Аксеновой Л. Н., Верещака А. В., Кашинцевой И. Л. [1; 4; 10] изучены различные аспекты деятельности по формированию у курсантов военно-образовательных организаций умений педагогического общения.

Опираясь на теоретические выводы и обобщения исследований по данной проблеме и опыт практической деятельности

командиров и преподавателей военно-образовательных организаций Росгвардии, можно утверждать следующее, что образовательная среда военных институтов имеет значительный научный и образовательный потенциал, эффективное использование которого позволяет готовить высококвалифицированных командиров, обладающих качествами современного руководителя, способного опираться не только на технологическую компоненту, но и на человеческий ресурс.

Как показали проведенные исследования, основными направлениями деятельности командиров и преподавателей по формированию у курсантов умений педагогического общения являются:

- использование современных образовательных технологий в учебно-образовательном процессе в целях формирования у обучающихся умений педагогического общения;

- психолого-педагогическое сопровождение самостоятельной работы курсантов по развитию умений педагогического общения;

- использование возможностей служебно-боевой деятельности для формирования и развития умений педагогического общения.

Учебно-образовательный процесс в военно-образовательных организациях играет ведущую роль в формировании и развитии у курсантов умений педагогического общения. Это объясняется, прежде всего, тем, что в нем ключевой фигурой выступает преподаватель, носитель не только знаний и педагогического опыта, но и методики обучения и воспитания. Кроме того, сам по себе учебный процесс содержит огромный методический потенциал для обучения курсантов теории и практике педагогической деятельности, в том числе педагогического общения.

В учебном процессе большое распространение получила практика обучения курсантов решению коммуникативных задач разного уровня коммуникативности, сложности, позволяющих реализовывать задачи педагогического общения. А. В. Кан-Калик, подчеркивая роль коммуникативной задачи в педагогическом общении, писал: «Адекватность коммуникативной задачи задаче педагогической, избранной методике воздействия – непереносимое условие продуктивности процесса общения и педагогического воздействия в целом» [8]. В педагогических исследованиях выделяются различные коммуникативные задачи, спо-

собствующие формированию умений педагогического общения. Речь идет, прежде всего, о задачах, побуждающих к мыслительной деятельности: это, могут быть задачи, которые решаются под руководством преподавателя, так и задачи, предполагающие самостоятельное или групповое решение [3].

Умение слушать и слышать, понимать психическое состояние собеседника или аудитории, владеть приемами, позволяющими создать в процессе общения единое коммуникативное пространство, развивается лишь в процессе обучения диалогическому общению. Современные исследователи также подчеркивают контакто-устанавливающий характер педагогического общения, исходя из того, что, прежде всего, в условиях диалога возможны эффективные и глубокие педагогические и иные влияния людей друг на друга. В. В. Рыжов утверждает, что построение глубоко обоснованной педагогической культуры общения возможно лишь в диалоге [2]. Поэтому важно, используя современные образовательные технологии в учебном процессе, формировать у курсантов умение педагогического диалога, лишённого назидательности, высокомерия, но наполненного уважением к собеседнику и искренним желанием вести разговор, что называется на одной волне. Задача развития умений ведения педагогического диалога решается методом обсуждения при изучении, в первую очередь, гуманитарных дисциплин – при заслушивании и обсуждении на семинарских занятиях докладов, организации учебных дискуссий.

Особую роль в формировании у курсантов умений педагогического общения играет поведение и, прежде всего, педагогическая речь преподавателя, которую он использует как в процессе лекционных и семинарских занятий, так и в ходе личного общения. А. П. Шарухин подчеркивает, что педагогическая речь преподавателя выступает его главным инструментом и, чем она выразительнее, тем более педагогична, ибо в ней проявляется облик преподавателя [18]. Педагогическая речь преподавателя служит для курсантов наглядным примером того, как должно осуществляться педагогическое общение в различных ситуациях речевого взаимодействия. Кроме содержательного наполнения она должна отличаться логикой, ориентированностью на достижение поставленной цели, выразительностью и умелым использованием невербальных средств. Важно, чтобы

педагогическая речь содержала не только образовательную, но и воспитательную составляющую. Учебный процесс насыщен ситуациями, когда преподаватель реализует педагогические задачи в ходе межличностного общения с курсантами. В этом случае деятельность преподавателя также может служить примером педагогического общения, позволяющего обучающимся понять не только, как нужно выстраивать педагогически целесообразное речевое поведение, но и уяснить, по каким основаниям педагог выбирает тот или иной стиль педагогического общения.

Психолого-педагогическое сопровождение деятельности курсантов по развитию умений педагогического общения выступает важнейшим направлением работы командиров и преподавателей военно-образовательных организаций Росгвардии.

Психолого-педагогическое сопровождение предполагает создание педагогических условий, позволяющих принимать индивидуальное оптимальное решение в различных ситуациях, основанное на взаимодополняющем общении педагога и курсанта. Эта задача решается следующими методами:

а) проведением мероприятий во внеучебной работе, в которых в ходе которых курсанты получают и закрепляют необходимые знания и умения: тренинги, ситуационно-ролевые игры, диспуты, коллективный просмотр и обсуждение кинофильмов, в которых рассматриваются проблемы педагогического взаимодействия;

б) отслеживание динамики формирования у курсантов умений педагогического общения в процессе учебного взаимодействия, служебно-боевой деятельности, в быту и оперативная коррекция их поведения путем вмешательства командиров и преподавателей;

в) создание ситуаций социального взаимодействия, позволяющих курсантам на практике приобретать опыт педагогического общения

Служебно-боевая деятельность представляет собой неотъемлемый компонент образовательной среды военных институтов и является одним из важнейших факторов в становлении будущих военных специалистов. Служебно-боевая деятельность курсантов военно-образовательных организаций Росгвардии включает в себя караульную и внутреннюю службу, а также участие в выполнении специальных задач по охране общественного порядка и поддер-

жанию общественной безопасности. Несмотря на, казалось бы, неуместность выделения в этом случае педагогических задач, на самом деле формирование и развитие умений педагогического общения в условиях служебно-боевой деятельности не только возможно, но и необходимо. Такая необходимость обусловлена тем, что в сложных обстоятельствах, требующих максимального напряжения физических и психических ресурсов, возрастает значение личностных качеств и умений командира опираться на положительные качества подчиненных во многом определяет успех в выполнении поставленной задачи.

Формирование и развитие у курсантов умений педагогического общения в процессе служебно-боевой деятельности обеспечивается:

а) участием курсантов в исполнении различных социальных ролей, в том числе обуславливающих необходимость педагогического влияния на других людей. Это могут быть роли помощника начальника караула, разводящего, старшего группы, смены, команды и т. д. Исполнение этих ролей объективно обязывает курсантов проявлять педагогические умения, позволяющие успешно выполнить поставленную задачу;

б) личным примером командиров курсантских подразделений, демонстрирующих правильное педагогическое общение в обстоятельствах, связанных с выполнением служебных задач. Служебно-боевая деятельность объективно связана с возможностью возникновения экстремальных ситуаций, характеризующихся значительным риском для здоровья и жизни, ограниченным временным ресурсом, повышенной ответственностью за результаты действий и т. д. Уместно ли говорить в этом случае о педагогическом общении как способе межличностной или групповой коммуникации? Опираясь на теоретические исследования и опыт практической деятельности, можно утверждать, что в обстановке служебно-боевой деятельности общение, как способ коммуникации, также несет педагогическую нагрузку, выступая педагогической задачей переведенной на язык коммуникации. Конечно, в служебно-боевой деятельности педагогическое общение командиров и преподавателей должно демонстрировать следующие умения, которые могут выступать образцом поведения для курсантов:

– уметь качественно выполнять свои обязанности, несмотря на трудности, которые

свойственные профессионально-служебным ситуациям;

– уметь даже в сложных условиях, сохранять самообладание в общении с окружающими и подчиненными, отдавать четкие, информативные указания, сохранять присутствие духа:

– уметь вне зависимости от обстоятельств настойчиво и в то же время гибко выполнять поставленные педагогические цели и задачи.

– в случае необходимости использовать критику как педагогический инструмент. Она должна быть деловой и предметной; тактичной; ориентированной на актуализацию позитивных качеств личности; опираться на индивидуально-личностные особенности человека.

в) моделированием ситуаций, стимулирующих курсантов к осуществлению педагогического общения и, в которых наблюдая за поведением обучающихся, командиры подразделений могут корректировать их поведение в соответствии с требованиями, предъявляемыми к педагогическому общению.

Заключение

Изучение педагогической литературы и войсковой практики позволяет сделать вывод о том, что способность командиров осуществлять педагогическое общение во взаимодействии с подчиненными выступает важнейшим условием успешности управленческой деятельности. Поэтому формирование у курсантов умений педагогического общения выступает важнейшей задачей их подготовки как будущих руководителей воинских коллективов.

Понимание педагогического общения как некой коммуникативной задачи, представляющей собой систему и процесс, обуславливает необходимость особого подхода к умениям участников педагогического общения. Под умениями педагогического общения курсантов можно понимать достигнутую в процессе обучения готовность к практическим действиям по выполнению поставленной педагогической задачи путем правильно поставленной и успешно реализованной коммуникативной задачи в непрерывно меняющихся условиях практической деятельности.

Образовательная среда военных институтов имеет значительный научный и образовательный потенциал, эффективное использование которого позволяет готовить высококвалифицированных командиров, обладающих качествами современного руководителя, способного опираться не

только на технологическую компоненту, но и на человеческий ресурс.

Основными направлениями деятельности командиров и преподавателей по формированию у курсантов умений педагогического общения являются:

– использование современных образовательных технологий в учебно-образовательном процессе в целях формирования у обучающихся умений педагогического общения;

– психолого-педагогическое сопровождение самостоятельной работы курсантов по развитию умений педагогического общения;

– использование возможностей служебно-боевой деятельности для формирования и развития умений педагогического общения.

Таким образом, целенаправленная деятельность преподавателей и командиров по формированию у курсантов умений педагогического общения в образовательной среде военно-образовательных организаций Росгвардии имеет большое значение для успешной подготовки высококвалифицированных кадров для службы в Росгвардии.

Список источников

1. Аксенова Л. Н. Формирование профессиональных коммуникативных умений у курсантов военно-технических вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Аксенова Людмила Николаевна. Челябинск, 2001. 25 с.

2. Актуальные проблемы науки и гуманитарного образования межвуз. сб. науч. трудов / под ред. проф. В. В. Рыжова. М. : Изд-во Русско-американского института, 2011. 289 с.

3. Бирюкова М. В. Педагогические условия формирования коммуникативных умений курсантов военных вузов в учебной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01 / Бирюкова Марина Валентиновна: Коломна, 2000. 20 с.

4. Верещак А. В. Формирование готовности к профессиональному общению у курсантов вуза МВД РФ: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Верещак Александр Васильевич. Йошкар-Ола, 2010. 22 с.

5. Гусев Р. А. Педагогические условия формирования профессионализма управленческой деятельности офицерских кадров и сотрудников силовых ведомств: дис. ... канд. пед. наук 13.00.08 / Гусев Роман Александрович. СПб, 2011. 163 с.

6. Заставенко В. А. Педагогическое общение в управленческой деятельности руководителя // Петербургский экономический журнал. 2016. № 4(16). С. 154–160.

7. Зубов С. Г. Подготовка курсантов высших военно-учебных заведений к воспитательной деятельности с личным составом подразделений сухопутных войск: дис. ... канд. пед. наук 13.00.08 / Зубов Сергей Геннадьевич. Казань, 2001. 204 с.

8. Кан-Калик В. А. Учителю о педагогическом общении: книга для учителя. М. : Просвещение, 1987. 190 с.

9. Карпов А. В. Психология менеджмента: учебное пособие. М. : Гардарики, 2005. 584 с.

10. Кашинцева И. Л. Формирование умений педагогического общения курсантов и слушателей образовательных учреждений УИС Минюста России при изучении иностранного языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Кашинцева Ирина Львовна. Рязань, 2003. 25 с.

11. Кононова О. А. Социально-педагогическое сопровождение межнационального общения курсантов в военном вузе: 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Кононова Ольга Алексеевна. Ярославль. 2008. 24 с.

12. Коренева Е. Н. Педагогические условия формирования профессионально-педагогической готовности студентов вузов культуры и искусств к будущей деятельности // Вестник СамГУ. 2008. № 5/1(64). С. 55–64.

13. Крысько В. Г. Психология и педагогика в схемах и таблицах. Мн. : Харвест, 1999. 384 с.

14. Левин Е. М. Педагогические условия формирования готовности будущих офицеров внутренних войск к профессиональной деятельности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Левин Евгений Михайлович. Чита, 2012. 241 с.

15. Леонтьев А. А. Педагогическое общение. 2-е изд. перераб. и доп. Москва; Нальчик: Изд. Центр «Эль-Фа». 1996. 93 с.

16. Можаяев Н. М. Сущность и особенности формирования готовности курсантов к педагогической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 89–98.
17. Педагогическое общение как предмет теоретического и прикладного исследования / В. А. Кан-Калик, Г. А. Ковалев. // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 9–17.
18. Педагогическое общение преподавателя / А. П. Шарухин, Е. М. Ермолов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 1(45). С. 194–201.
19. Психология: учебное пособие / К. К. Платонов, Г. Г. Голубев. М. : Высшая школа, 1977. 247 с.
20. Психолого-педагогические условия формирования военно-профессиональной идентичности будущих офицеров в военном вузе / В. Я. Гожилов, Л. П. Казакова, А. Г. Караяни [и др.]. М. : Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, 2018. 156 с.
21. Сигиденко С. Ю. Технология формирования готовности к педагогической деятельности курсантов военных вузов войск национальной гвардии: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Сигиденко Сергей Юрьевич: Пермь, 2021. 160 с.
22. Стимулирующее педагогическое общение руководителя подразделения / А. Н. М. Каилов, А. А. Кочин, А. П. Шарухин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 28–32.
23. Фалей М. В. Педагогическое общение: учебное пособие / М. В. Фалей. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2014. 116 с.
24. Хозяинов Г. И. Педагогическое мастерство преподавателя. М. : Высшая школа, 2000. 201 с.
25. Шарухин А. П. Психология делового общения: учебник / А. П. Шарухин, А. М. Орлов. М. : Академия, 2012. 312 с.

References

1. Aksenova L. N. Formirovanie professional'nyh kommunikativnyh umenij u kursantov voenno-tekhnicheskikh vuzov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Aksenova Lyudmila Nikolaevna. Chelyabinsk, 2001. 25 s. (In Russ.).
2. Aktual'nye problemy nauki i gumanitarnogo obrazovaniya mezhvuz. sb. nauch. trudov / pod red. prof. V. V. Ryzhova. M. : Izd-vo Russko-amerikanskogo instituta, 2011. 289 s. (In Russ.).
3. Biryukova M. V. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya kommunikativnyh umenij kursantov voennyh vuzov v uchebnoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk 13.00.01 / Biryukova Marina Valentinovna: Kolomna, 2000. 20 s. (In Russ.).
4. Vereshchak A. V. Formirovanie gotovnosti k professional'nomu obshcheniyu u kursantov vuza MVD RF: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Vereshchak Aleksandr Vasil'evich. Joshkar-Ola, 2010. 22 s. (In Russ.).
5. Gusev R. A. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya professionalizma upravlencheskoj deyatel'nosti ofiterskikh kadrov i sotrudnikov silovyh vedomstv: dis. ... kand. ped. nauk 13.00.08 / Gusev Roman Aleksandrovich. SPb, 2011. 163 s. (In Russ.).
6. Zastavenko V. A. Pedagogical Communication in Managerial Activities // Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal. 2016;4(16): 154–160. (In Russ.).
7. Zubov S. G. Podgotovka kursantov vysshih voenno-uchebnyh zavedenij k vospitatel'noj deyatel'nosti s lichnym sostavom podrazdelenij suhoputnyh vojsk: dis. ... kand. ped. nauk 13.00.08 / Zubov Sergej Gennad'evich. Kazan', 2001. 204 s. (In Russ.).
8. Kan-Kalik V. A. Uchitelyu o pedagogicheskom obshchenii: kniga dlya uchitelya. M. : Prosveshchenie, 1987. 190 s. (In Russ.).
9. Karpov A. V. Psihologiya menedzhmenta: uchebnoe posobie. M. : Gardariki, 2005. 584 s. (In Russ.).
10. Kashinceva I. L. Formirovanie umenij pedagogicheskogo obshcheniya kursantov i slushatelej obrazovatel'nyh uchrezhdenij UIS Minyusta Rossii pri izuchenii inostrannogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Kashinceva Irina L'vovna. Ryazan', 2003. 25 s. (In Russ.).
11. Kononova O. A. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie mezhnatsional'nogo obshcheniya kursantov v voennom vuze: 13.00.08 «Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya»: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / Kononova Ol'ga Alekseevna. YAroslavl'. 2008. 24 s. (In Russ.).

12. Koreneva E. N. Pedagogical Conditions for Forming the Professional and Pedagogical Readiness of Students of Universities of Culture and Arts for Future Activities // Vestnik SamGU. 2008;5/1(64): 55–64. (In Russ.).
13. Krys'ko V. G. Psihologiya i pedagogika v skhemah i tablicah. Mn. : Harvest, 1999. 384 s. (In Russ.).
14. Levin E. M. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya gotovnosti budushchih oficerov vnutrennih vojsk k professional'noj deyatel'nosti: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Levin Evgenij Mihajlovich. CHita, 2012. 241 s. (In Russ.).
15. Leont'ev A. A. Pedagogicheskoe obshchenie. 2-e izd. pererab. i dop. Moskva; Nal'chik: Izd. Centr «El'-Fa». 1996. 93 s. (In Russ.).
16. Mozhaev N. M. The essence and features of developing cadets' readiness for pedagogical activity // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2011;1 (49): 89–98. (In Russ.).
17. Pedagogical Communication as a Subject of Theoretical and Applied Research / V. A. Kan-Kalik, G. A. Kovalev. // Voprosy psihologii. 1985;4: 9–17. (In Russ.).
18. Teacher's pedagogical communication / A. P. SHaruhin, E. M. Ermolov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2010;1(45): 194–201. (In Russ.).
19. Psihologiya: uchebnoe posobie / K. K. Platonov, G. G. Golubev. M. : Vysshaya shkola, 1977. 247 s. (In Russ.).
20. Psihologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya voenno-professional'noj identichnosti budushchih oficerov v voennom vuze / V. YA. Gozhikov, L. P. Kazakova, A. G. Karayani [i dr.]. M. : Voennyj universitet Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii, 2018. 156 s. (In Russ.).
21. Sigidenko S. YU. Tekhnologiya formirovaniya gotovnosti k pedagogicheskoy deyatel'nosti kursantov voennyh vuzov vojsk nacional'noj gvardii: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Sigidenko Sergej YU'evich: Perm', 2021. 160 s. (In Russ.).
22. Stimulating pedagogical communication of the department head / A-N. M. Kaibov, A. A. Kochin, A. P. SHaruhin // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021;1 (63): 28–32. (In Russ.).
23. Falej M. V. Pedagogicheskoe obshchenie: uchebnoe posobie / M. V. Falej. YUzhno-Sahalinsk: Izd-vo SahGU, 2014. 116 s. (In Russ.).
24. Hozyainov G. I. Pedagogicheskoe masterstvo prepodavatelya. M. : Vysshaya shkola, 2000. 201s. (In Russ.).
25. SHaruhin A. P. Psihologiya delovogo obshcheniya: uchebnik / A. P. SHaruhin, A. M. Orlov. M. : Akademiya, 2012. 312 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Information about the authors

Е. А. Емельянова – кандидат педагогических наук, доцент
М. С. Лавреева – кандидат педагогических наук, профессор
В. А. Лангенштейн – кандидат педагогических наук, доцент

E. A. Emel'yanova – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent
M. S. Lavreeva – Candidate of Sciences (Pedagogy), Professor
V. A. Langenshtejn – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025;
одобрена после рецензирования 13.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 16.07.2025;
approved after reviewing 13.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 355.23

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В
ПЕРИОД ВЫПОЛНЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ РОСГВАРДИИ ЗАДАЧ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ
ОПЕРАЦИИ

Кирилл Валерьевич Демедюк¹, Алексей Павлович Рузов²

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ dkv77@rambler.ru

² a13region@ya.ru

Аннотация. В статье, на основе полученных результатов социально-психологического исследования, уточняется понятие «экстремизм», рассматриваются формы проявления признаков экстремизма, факторы, способствующие проявлению и распространению экстремизма. Выявлены современные угрозы экстремистского влияния и определены направления ответных мер этим угрозам. Предложена Схема функционирования компонента педагогической системы по профилактике экстремистских проявлений в воинских частях и служебных коллективах.

Ключевые слова: профилактика, внешние факторы, внутренние факторы, негативное информационное воздействие, меры педагогического воздействия, экстремизм

Для цитирования: Демедюк К.В., Рузов А.П. Педагогические особенности организации учебно-воспитательного процесса по профилактике экстремистских проявлений в период выполнения подразделениями Росгвардии задач Специальной военной операции // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 237–247. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/023.pdf>.

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

Original article

PEDAGOGICAL FEATURES OF THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS FOR THE
PREVENTION OF EXTREMIST MANIFESTATIONS DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION BY THE
ROSGVARDIA UNITS

Kirill V. Demedyuk¹, Alexey P. Ruzov²

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ dkv77@rambler.ru

² a13region@ya.ru

Abstract. Based on the results of a socio-psychological study, the article clarifies the concept of "extremism" and examines the forms of extremism and the factors that contribute to its manifestation and spread. The article identifies current threats of extremist influence and defines the directions of response to these threats. The article proposes a model for the functioning of a pedagogical system component aimed at preventing extremist manifestations in military units and service organizations.

Keywords: prevention, external factors, internal factors, negative information impact, pedagogical measures, and extremism

For citation: Demedyuk K.V., Ruzov A.P. Pedagogical features of the organization of the educational process for the prevention of extremist manifestations during the Special military operation by the Rosgvardia units. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;1(30): 237–247. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/023.pdf>.

© Демедюк К.В., Рузов А.П., 2025

Введение

В условиях выполнения Вооруженными Силами Российской Федерации задач специальной военной операции, службой безопасности и Главным управлением разведки Украины осуществляется поиск возможностей экстремистского влияния на граждан нашей страны, мигрантов, представителей государственных и общественных организаций, а также органов власти в целях проведения ими террористических атак [7].

Подтверждением этому является совершение в различных регионах нашей страны резонансных террористических актов завербованными Главным управлением разведки Украины гражданами Российской Федерации и мигрантами. Целью данных действий является распространение тревоги и страха среди населения и вынуждение властей страны отказаться от вооруженной защиты прав и свобод русскоязычных граждан и границ нашего государства [18].

Эти факты подчеркивают необходимость переосмысления командованием (начальниками), штабами и офицерами Росгвардии мероприятий планирования и разработки обучающих программ, направленных на предотвращение экстремистских проявлений в воинских и служебных коллективах.

Основные положения

Рассматривая сущностные особенности организации учебно-воспитательного процесса по профилактике экстремистских проявлений, необходимо понимание, а при необходимости, и уточнение категориальных понятий.

В научной среде существуют разные определения экстремизма, среди которых представлены общие понятия, например, в широком смысле экстремизм (от латинского *extremus* – «крайний, чрезмерный») означает идеологическую приверженность к радикальным взглядам и действиям во всех сферах общества [12].

Также в научном кругозоре понятия дифференцировались по видам экстремистской деятельности: политический, религиозный, экономический, информационный, экологический и др. [3].

Таким образом, понятие экстремизм стало толковаться как идеология, основанная на политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в отношении личности, какой-либо социальной группы, нации или государства, а также нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [9].

Анализ официальных источников и научных публикаций в рамках российской пра-

вовой системы и правоохранительных органов выявил особенности формулирования понятия экстремизма в различных силовых ведомствах.

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации экстремизм определяется как деятельность, направленная на насильственное изменение политического строя, нарушение правовой основы государственного управления и создание условий для конфликтов между социальными группами [6].

Министерство обороны Российской Федерации трактует экстремизм как совокупность действий, направленных на дестабилизацию внутренней обстановки путем реализации идеологии насилия, ненависти и стереотипов с целью достижения политических или социальных изменений [4].

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации экстремизм рассматривается как теория и практика достижения социально-политических, религиозных и национальных целей посредством приверженности крайним взглядам и использованием запрещенных методов [19].

Мы же в своих суждениях исходили из понимания экстремизма, как идеологии и практики насильственного изменения государственного порядка и нарушения правопорядка через проявления насилия, дискриминации и другие формы агрессии в отношении личности, социальных групп или государства.

Способами же проявления экстремизма мы понимали события, запрещенные правовыми нормами, такие как насильственное изменение основ конституционного строя; оправдание терроризма; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности и превосходства человека или группы людей над другими; нарушение прав, свобод и интересов человека в зависимости от его принадлежности; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и прав на участие в референдуме; воспрепятствование деятельности органов государственной власти и госучреждений; использование нацистской и другой запрещенной символики; распространение экстремистских материалов; ложное обвинение лица в совершении действий экстремистского характера; подстрекательство в совершении экстремистских действий, содействие в их подготовке [20].

Исследование

По решению руководства Росгвардии, в целях качественной организации профилактики экстремистских проявлений в воинских

и служебных коллективах, регулярно проводятся исследования, в выборке которых принимают участие все категории военнослужащих и сотрудников. В исследовательские блоки изучения данной проблематики, исходя из опыта ранее проводимых исследований и показавших наиболее достоверные результаты, включаются следующие ключевые показатели:

- социально-демографические характеристики личности и коллектива. Предопределены тем, что в экстремистскую деятельность, как правило, вовлекаются лица в возрасте от 17 до 50 лет [8];

- наличие проявлений экстремистского характера. Анализируется наличие шовинизма, национализма, ксенофобии и других форм экстремистских проявлений в воинских коллективах. Учитываются факторы, способствующие объединению людей с различными мировоззрениями (этическими, политическими, правовыми, религиозными) [16];

- наличие условий для возникновения экстремистских проявлений [13]. Детерминированы возникновением у личности и в коллективе таких негативных проявлений, как потеря осознания военнослужащим (сотрудником) важности служебной деятельности и понимания своей роли в ней, а также влияние на других призывами к совершению действий с экстремистским началом;

- личное отношение к экстремизму (антиэкстремистское сознание) [17]. Показатель нацелен оценить понимание каждым членом служебного коллектива сущность и содержание рассматриваемого явления и его последствия;

- оценка эффективности профилактики экстремизма [15]. Представляет изучение в рамках исследовательской работы системы профилактических мер по противодействию экстремизму.

Для проведения исследования были выбраны регионы с наибольшими показателями преступлений экстремистской направленности.

Результаты

Анализ результатов опроса показывает, что проявления с признаками экстремизма в воинских и служебных коллективах крайне редки [1]. В основном данное поведение военнослужащих и сотрудников является дисциплинарным нарушением, связанным с их взаимоотношениями. Также характерны латентные формы данного поведения, на которые командиры и начальники в некоторых случаях не реагируют из-за их незначительности.

При этом полученные результаты указали на наличие попыток вовлечения личного состава Росгвардии в деструктивную деятельность, с целью дальнейшего совершения преступлений и правонарушений экстремистского характера.

Основными формами воздействия на военнослужащих и сотрудников является распространение среди них недостоверной (фейковой) информации [14]. Наиболее распространённые экстремистские идеи касаются несправедливости выборной системы в Российской Федерации, необходимости смены власти и недоброжелательного отношения к ряду национальностей. Кроме того, военнослужащие и сотрудники в некоторых регионах сталкиваются с информацией, пропагандирующей межнациональную рознь и дискредитирующей действия Вооружённых Сил Российской Федерации в зоне проведения специальной военной операции [11].

По общему мнению военнослужащих и сотрудников Росгвардии, чаще всего данная пропаганда исходила от незнакомых граждан, общественных и националистических организаций, спортивных фанатов и людей выдающих себя за религиозных деятелей.

Следствием негативного информационного воздействия в воинских и служебных коллективах, по мнению опрошенных, наиболее возможными формами проявления признаков экстремизма могут быть:

1. Наличие привилегий в служебной деятельности на национальной основе.

2. Националистические проявления превосходства одной нации над другой.

3. Высмеивание традиций и культур сослуживцев.

4. Публичные высказывания к выходу региона из состава страны.

5. Использование запрещённой фашистской или националистической символики.

6. Запрещение ношения атрибутов принадлежности к религии, не нарушающих форму одежды.

7. Демонстрация информационных материалов (фото, видео, медиа и др.) националистического содержания, религиозной и национальной исключительности.

При этом особенность экстремистского поведения зависит от категории личного состава. Например, возможным проявлением экстремизма среди военнослужащих являются действия, направленные на внутриколлективные служебные процессы, а среди сотрудников – стимулирование экстремист-

ских настроений в коллективе по отношению к объектам служебной деятельности.

Основными внешними факторами, способствующими возникновению и распространению экстремизма в воинских частях и подразделениях Росгвардии, по мнению военнослужащих и сотрудников, также являются:

1. Попытки общественных организаций инициировать противоправную деятельность в отношении военнослужащих.
2. Проведение террористических актов вблизи государственной границы России.
3. Наличие за границей лагерей подготовки боевиков для международных экстремистских и террористических организаций.
4. Финансирование международными террористическими группами и недружественными странами экстремистских организаций, действующих на территории Российской Федерации.
5. Стремление ряда стран ослабить Россию, добиваясь ее политической и экономической изоляции.

6. Распространение экстремистской информации через Интернет, социальные сети, мессенджеры и СМИ.

7. Разногласия в международном сообществе по определению причин и условий экстремизма, наличие двойных стандартов в правоприменении и отказ недружественных стран от сотрудничества в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

8. Ограничения на поддержание единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровнях в зарубежных государствах.

Сопоставив внешние и внутренние факторы, способствующие возникновению и распространению экстремизма в воинских частях и подразделениях Росгвардии, можно сделать вывод о том, что у личного состава не в полной мере сформировано единое представление об угрозе экстремизма (рисунок 1).

Рисунок 1 – Картина представлений военнослужащих и сотрудников об угрозе экстремистских проявлений

Figure 1 – Picture of the perceptions of military personnel and employees about the threat of extremist manifestations

Кроме того, была установлена такая особенность, как средовой фактор, выраженный в территориальном расположении воинских частей и подразделений, а также принадлежности к субъекту территориального деления страны, то есть дислокации в регионе со своими национальными, религиозными и культурными обычаями. В качестве примера приведены данные из 3 регионов Российской Федерации.

Военнослужащие и сотрудники отмечают, что на возникновение экстремистских настроений в обществе в большей степени для всех регионов влияет низкий уровень доходов населения. Кроме этого, для Новосибирской области – миграция ино

странных граждан, а для республики Дагестан и Ставропольского края – коррупционные проявления.

Основными внутренними факторами возможного распространения экстремистских действий в воинских частях и подразделениях Росгвардии являются:

1. Межэтнические, межконфессиональные и социальные противоречия.
2. Проявления отдельными военнослужащими (сотрудниками) либо группами признаков экстремистских настроений, как результат ненадлежащего контроля личного состава.
3. Недостаточная эффективность мер должностного реагирования командиров

(начальников) на правонарушения личного состава.

4. Слабая действенность профилактических мероприятий, направленных на пресечение постоянно меняющихся действий экстремистского характера.

5. Неэффективное разъяснение военнослужащим и сотрудникам возможных проявлений экстремистской деятельности и их последствий, характерных для региона в процессе подготовки к несению службы.

Основными причинами возможного вступления военнослужащего и сотрудника в экстремистскую деятельность являются:

материальная выгода;

стремление к исключительности;

восполнение недостатка общения;

низкий уровень правовой грамотности и правосознания, который затрудняет понимание и интерпретацию информации об явлениях экстремизма, а также готовность отстаивать свои политические (религиозные, национальные) убеждения насильственным путем, вопреки закону.

Выводы

Исходя из полученных результатов, можно выделить ключевые задачи, необходимые для решения в целях противодействия экстремистским проявлениям среди личного состава:

формирование антиэкстремистского сознания, с периодическим доведением меняющихся способов экстремистского влияния;

обучение способам распознавания истинных целей, влияющих на личность общественных организаций и отдельных граждан, осуществляющих попытки вовлечь военнослужащего или сотрудника Росгвардии в деструктивные группы;

развитие навыков критической оценки информации;

разработка мер оперативного реагирования на экстремистские проявления и внедрение их в учебно-воспитательный процесс;

воспитание в коллективе качеств сплоченности, уважения к национальным культурам и религиям.

Проведенная исследовательская работа позволяет лучше понять сущность проблемы проникновения экстремизма в воинских (служебных) коллективах, а также важность проведения мероприятий, нацеленных на обеспечение безопасности подразделений и подготовку к выполнению служебных задач.

Результатом проведенного анализа экстремистского влияния в воинских (служеб-

ных) коллективах является выявление современных угроз, к которым относятся:

1. Экстремистские идеи и действия, поддерживаемые украинскими националистами и западными спецслужбами, направлены на подготовку и проведение многочисленных террористических актов.

2. Поиск среди военнослужащих и сотрудников субъектов экстремистского влияния для дальнейшего проведения террористических атак.

3. Наличие и активное вовлечение общественных организаций в деструктивную деятельность, направленную на личностное психологическое воздействие, ослабление эффективности служебной деятельности военнослужащих (сотрудников) и угрожающую национальной безопасности.

Исследуя современный опыт ответных мер перечисленным угрозам, следует сосредоточить работу командования (руководящего состава) воинских (служебных) коллективов на следующих направлениях:

1. Формирование у личного состава антиэкстремистского сознания, обучение выявлять признаки экстремистской деятельности и способам ее пресечения.

2. Экстремизм дифференцируется по видам и формам, что требует детального подхода к предупреждению попыток его появления, дальнейшего пресечения совершения противоправных действий среди военнослужащих и сотрудников подразделений, с учетом специфики служебной деятельности различных категорий личного состава.

3. Внешние и внутренние факторы, способствующие распространению экстремизма, включают экономические, социальные, межэтнические и межконфессиональные противоречия, которые нужно учитывать при разработке стратегий противодействия. При этом следует учитывать средовой фактор.

4. Эффективность профилактических мер зависит от уровня правовой грамотности всего личного состава и способности командиров объективно реагировать на скрытые и явные попытки осуществления деятельности экстремистского характера.

5. Негативное влияние противоречивой и фейковой информации, распространяемой в соцсетях, играет ключевую роль во внедрении и пропаганде экстремистских идей среди военнослужащих, что требует постоянного активного мониторинга и оперативного реагирования со стороны командиров (начальников).

Также полученные выводы подчеркивают необходимость комплексного подхода к введению в подготовку военнослужащих и сотрудников тематического блока, посвященного борьбе с экстремизмом и его проявлениями, с учетом актуальных угроз в период выполнения подразделениями Росгвардии задач специальной военной операции [5].

Полученные выводы позволили полагать, что в воинских и служебных коллективах

предупреждение попыток экстремистских проявлений, как одного из источников противоправных действий, является задачей, требующей включения в структуру педагогического процесса специального обучения и воспитания личного состава воинских частей [2] и подразделений Росгвардии (рисунок 2).

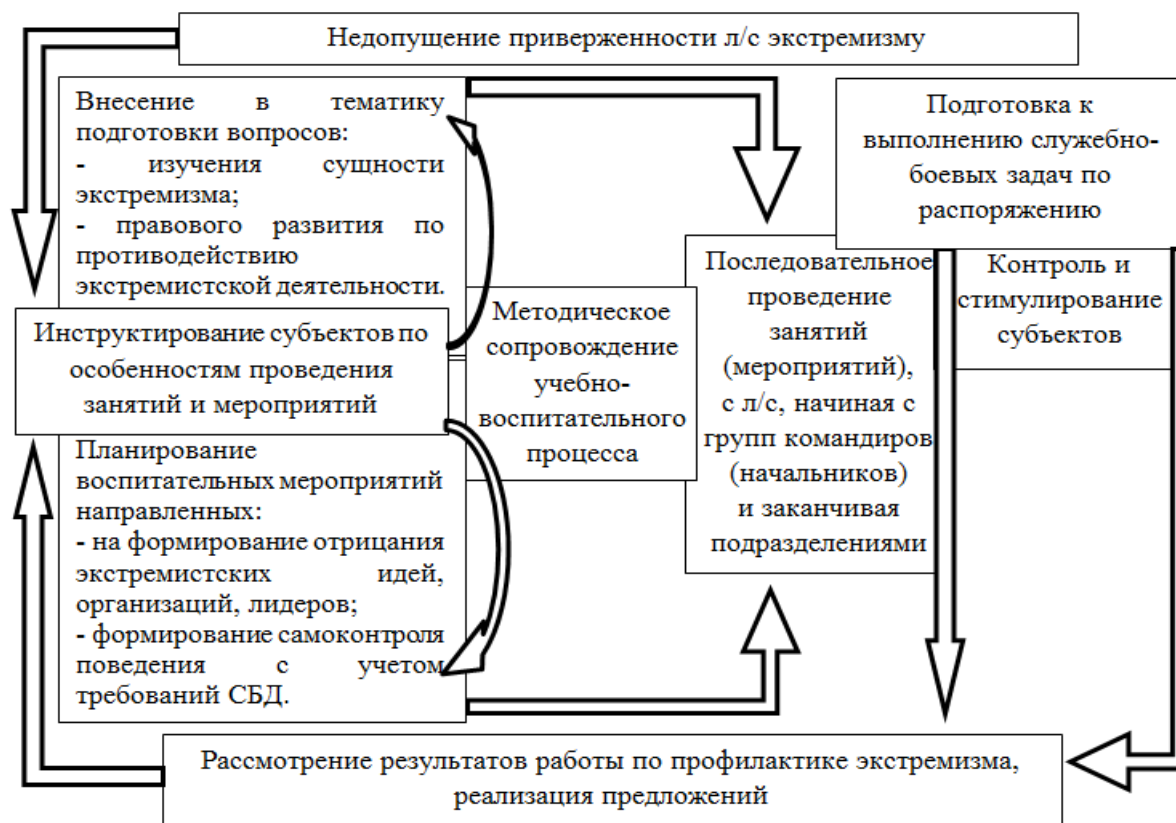

Рисунок 2 – Схема функционирования компонента педагогической системы по профилактике экстремистских проявлений в воинских и служебных коллективах

Figure 2 – Scheme of the pedagogical system component for preventing extremist manifestations in military and service units

В целях повышения эффективности работы должностных лиц в вопросах профилактики проникновения экстремизма, в воинских и служебных коллективах предлагаются следующие меры педагогического воздействия:

1. На заседаниях командования воинских частей, руководства учреждений рассматривать вопросы о наличии среди личного состава распространенности идей, связанных с экстремизмом.

2. Включать в тематику боевой, командирской, профессионально-должностной подготовки вопросы по разъяснению требований Федерального закона от 25 июля

2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в части касающейся сущности экстремизма, формах его проявления и методах противодействия (таблица 1).

3. С офицерами подразделений проводить занятия по методике проведения мероприятий индивидуальной воспитательной работы, направленной на выявление лиц, имеющих в мобильных телефонах мессенджеры, группы, контент (файлы) экстремистской направленности.

4. В тематику военно-политической (политической) работы включать вопросы, направленные на обучение военнослужа-

щих отличать экстремистские взгляды, проявления деструктивной идеологии и мерам должностного реагирования на их проявления (таблица 1).

5. При подготовке личного состава к службе по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности включать в вопросы занятий (инструктажей) ознакомление с признаками экстремистского поведения с разъяснением мер противодействия и отработке вводных по реагированию.

6. В деятельности по обучению и воспитанию личного состава формировать сплоченность воинских (служебных) коллективов, уважение к различным национальным культурам и религиям, уважение к законам и нормам права [10].

7. Исключить в воинских (служебных) коллективах возможность трансляции заведомо ложной фейковой информации, имеющей отличия от официально подтвержденной.

8. Проводить инструктивные занятия с офицерами, ответственными за профессиональный психологический отбор и командирами (начальниками) подразделений по методике выявления лиц, сталкивавшихся с взглядами экстремистской идеологии и порядком проведения с ними углубленной психодиагностической беседы.

9. Обеспечить в подразделениях наглядный материал об осуждении военнослужащих, сотрудников, граждан (в части, касающейся резонансных уголовных дел и совершенных в отношении силовых структур) за преступления, связанные с экстремизмом.

10. Осуществлять постоянное взаимодействие с органами, курирующими организации Росгвардии по вопросам профилактики экстремизма в воинских (служебных) коллективах (таблица).

Таблица – Примерная тематика и название мероприятий по профилактике распространения экстремистских идей в воинских (служебных) коллективах

Table – Approximate topics and names of events aimed at preventing the spread of extremist ideas in military (service) units

№ п/п	Срок проведения	Форма проведения	Тема (название)
1.	январь	ВП (П) П ¹	Правовые основы борьбы с экстремизмом и терроризмом. Уголовные и административно-правовые формы реагирования на их проявления
		ВП (П) Р ²	«Цветные революции» – угроза международной безопасности. Механизмы их возникновения и социальные последствия»
		показ фильмов	«Небо», «Донбасс. Вчера Сегодня. Завтра», «Азов-сталь. Освобождение», «Русофобия. История ненависти» и др.
2.	февраль	ВП (П) П	«Политическая оппозиция в Российской Федерации. Особенности экстремистских проявлений оппозиционных сил при участии Росгвардии в предупреждении и пресечении массовых нарушений общественного порядка и обеспечении общественной безопасности»
3.	март	ВП (П) Инф. ³	«Угрозы государственной и общественной безопасности Российской Федерации на современном этапе развития»; «Несистемная оппозиция: чьи интересы представляют ее руководители»
		ВП (П) Р	«Экстремизм и терроризм – чрезвычайные опас-

¹ Военно-политическая (политическая) подготовка – далее ВП (П) П.

² Военно-политическая (политическая) работа – далее ВП (П) Р.

³ Военно-политическое (политическое) информирование – далее ВП (П) Инф.

№ п/п	Срок проведения	Форма прове- дения	Тема (название)
			ности для общества и государства», «События на Украине»
4.	апрель	ВП (П) П	«Терроризм: история и современность. Участие Росгвардии в борьбе с терроризмом»
		ВП (П) Р	«Уголовная ответственность за совершение правонарушений экстремистской направленности, в том числе публичное размещение и распространение в сети "Интернет" материалов, которые могут быть классифицированы как экстремистские»
5.	май	Военно-социологическое исследование	«Особенности проявлений экстремизма, распространения взглядов, идей, направленных на разжигание межнациональных (межрелигиозных) конфликтов в воинских коллективах»
		ВП (П) Р	«Проведение специальной военной операции как инструмент борьбы с неонацизмом»
		ВП (П) П	«Основные религиозные конфессии и тоталитарные секты на территории Российской Федерации. Особенности взаимоотношений с лицами различного вероисповедания»
		Групповая беседа	С представителем религиозной конфессии «Религиозный экстремизм и особенности его проявления»
6.	июнь	ВП (П) Инф.	«Причины проведения специальной военной операции Вооруженными силами Российской Федерации»; «Украинский национализм: история возникновения и последствия проявления»
		ВП (П) Р	«Основные события специальной военной операции. Мужество и героизм военнослужащих и сотрудников Росгвардии, проявленные в борьбе с националистами»; «Участие войск национальной гвардии Российской Федерации в проведении специальной военной операции»
7.	июль	ВП (П) Р	«Ответственность за совершение правонарушений экстремистской направленности»
8.	август	ВП (П) Р	«Политическая борьба недружественных государств по отношению к России»; «Блок НАТО и его расширение как непосредственная угроза Российской Федерации»
		Встреча с участниками СВО, награжденными госнаградами	Экстремистские действия Вооруженных сил Украины в зоне выполнения задач СВО, опыт противодействия.
9.	сентябрь	ВП (П) П (с офицерами, старшим нач.составом)	«Несистемная оппозиция в Российской Федерации и применяемые технологии влияния на общественно-политическую обстановку»
		ВП (П) П с военнослужащими к/с и по призыву, мл.нач.составом	«Формы и методы экстремистских проявлений участников массовых мероприятий»
		ВП (П) Р	«Изучение требований законодательства Российской Федерации по вопросам противодействия экстремистской деятельности»
		Беседа	С представителями ФСБ России, военной проку-

№ п/п	Срок проведения	Форма прове- дения	Тема (название)
			ратуры, правоохранительных органов: «Экстремизм – общественно опасное явление»
10.	октябрь	Беседа	С представителем религиозной конфессии: «Религиозный экстремизм и особенности его проявления»
11.	ноябрь	ВП (П) П (с офицерами, старшим нач.составом)	«Профилактика экстремизма среди личного состава Росгвардии»
12.	декабрь	ВП (П) Р	«Экстремизм как угроза национальной безопасности России»
		ВП (П) Инф.	Доведение информации до личного состава о причинах, условиях и исполнителях резонансных преступлений экстремистского и террористического характера, совершенных в Российской Федерации и регионе по месту расположения подразделения

Представленные меры помогут не только снизить риски вовлечения в экстремистскую деятельность личный состав войск национальной гвардии, но и улучшат об-

щий психологический климат в подразделениях.

Список источников

- Алехин И. А. Аксиологические основания воинского коллектива / И. А. Алехин, В. С. Макаренко // Мир образования – образование в мире. 2017. № 4(68). С. 33–35.
- Военная педагогика: учебник для вузов / под общ. ред. И. А. Алехина. М. : Изд-во «Юрайт», 2018. 414 с.
- Арчаков М. К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Арчаков Михаил Константинович. Екатеринбург, 2016. 35 с.
- Буртный К. П. Экстремизм, терроризм и неонацизм – угроза национальной безопасности России» // Армейский сборник. 2024. № 9. С. 30–45.
- Дергилев И. Какие задачи выполняют бойцы Росгвардии в новых регионах // Российская газета. 2023. 15 сентября.
- Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму, терроризму и их финансированию: учебное пособие / О. Н. Коршунова, И. И. Головкин, Д. М. Пугарь [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. 216 с.
- Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О совершении киевским режимом преступлений террористической направленности». М., 2024 г.
- Дондоков Г. Р. О некоторых проблемах, стоящих перед органами местного самоуправления в сфере профилактики терроризма и экстремизма среди молодежи / Г. Р. Дондоков, Ц. С. Дондоков // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 47–50.
- Забиров Р. В. Феноменологический анализ понятия «Экстремизм», «Молодежный экстремизм», «Профилактика молодежного экстремизма» / Р. В. Забиров, О. В. Иванчук // Вестник современных исследований. 2019. № 36 (30). С. 66–70.
- Евстифеев А. В. Профессиональное воспитание военнослужащих по контракту в социокультурной среде частей внутренних войск МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Евстифеев Александр Валентинович. М., 2011. 24 с.
- Евсюк А. В. Противодействие технологиям деструктивного воздействия на личный состав группировок Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе специальной военной операции // Научно-методический бюллетень Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. 2024. № 2(22). С. 194–205.

12. Иванников Д. Экстремизм, терроризм и национализм как угроза национальной безопасности России // Армейский сборник. 2022. № 2. С. 54–59.
13. Лимарь П. П. Об особенностях мировоззрения военнослужащих, участвовавших в неформальных объединениях молодежи / П. П. Лимарь, В. А. Соби́на // Военный академический журнал. 2022. № 1(33). С. 115–119.
14. Маклачков Е. А. Защита будущих офицеров от негативного информационно-психологического воздействия / Е. А. Маклачков, О. А. Беляева // Яковлевские чтения: сборник научных статей III Межведомственной научно-практической конференции с международным участием: в 2 частях, Новосибирск, 20–21 марта 2024 года. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 247–251.
15. Меркулов С. В. Военно-политическая работа как эффективная педагогическая практика противодействия влиянию идеологии экстремизма на военнослужащих Росгвардии: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1 / Меркулов Сергей Владимирович. СПб., 2022. 225 с.
16. Роганов С. А. Профилактика экстремизма среди военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и по призыву // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2022. № 4. С. 17–20.
17. Специфика работы командира и его заместителя по военно-политической работе в предупреждении влияния идеологии экстремизма на воинские коллективы: учебное пособие для курсантов / А. А. Зотов, Е. В. Туркин, Н. В. Максимов. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2022. 94 с.
18. Теракты в России в 2022–2023 годах // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230302/terakty-1855447095.html> (дата обращения: 09.04.2025).
19. Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/> (дата обращения: 09.04.2025).
20. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.

References

1. Alekhin I. A. Aksiologicheskie osnovaniya voinskogo kollektiva / I. A. Alekhin, V. S. Makarenko // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2017;4(68): 33–35. (In Russ.).
2. Voennaya pedagogika: uchebnyk dlya vuzov / pod obshch. red. I. A. Alekhina. M. : Izd-vo «YUrajt», 2018. 414 s. (In Russ.).
3. Archakov M. K. Politicheskij ekstremizm v Rossii: sushchnost', proyavleniya, mery protivodejstviya: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.02 / Archakov Mihail Konstantinovich. Ekaterinburg, 2016. 35 s. (In Russ.).
4. Burtnyj K. P. Ekstremizm, terrorizm i neonacizm — ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii» // Armejskij sbornik. 2024;9: 30–45. (In Russ.).
5. Dergilev I. Kakie zadachi vypolnyayut bojcy Rosgvardii v novyh regionah // Rossijskaya gazeta. 2023. 15 sentyabrya. (In Russ.).
6. Deyatel'nost' prokuratury po protivodejstviyu ekstremizmu, terrorizmu i ih finansirovaniyu: uchebnoe posobie / O. N. Korshunova, I. I. Golovko, D. M. Plugar' [i dr.]; pod red. O. N. Korshunovoj. SPb. : Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2023. 216 s. (In Russ.).
7. Doklad Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii «O sovershenii kievskim rezhimom prestuplenij terroristicheskoy napravlenosti». M., 2024 g. (In Russ.).
8. Dondokov G. R. O nekotoryh problemah, stoyashchih перед organami mestnogo samoupravleniya v sfere profilaktiki terrorizma i ekstremizma sredi molodezhi / G. R. Dondokov, C. S. Dondokov // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020;8: 47–50. (In Russ.).
9. Zabirow R. V. Phenomenological analysis of the concepts "Extremism", "Youth Extremism", and "Prevention of Youth Extremism" / R. V. Zabirow, O. V. Ivanchuk // Vestnik sovremennyh issledovanij. 2019;36 (30): S. 66–70. (In Russ.).
10. Evstifeev A. V. Professional'noe vospitanie voennosluzhashchih po kontraktu v sociokul'turnoj srede chastej vnutrennih vojsk MVD Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Evstifeev Aleksandr Valentinovich. M., 2011. 24 s. (In Russ.).
11. Evsyuk A. V. Protivodejstvie tekhnologiyam destruktivnogo vozdejstviya na lichnyj sostav gruppirovok Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii v hode special'noj voennoj operacii // Nauchno-

metodicheskij byulleten' Voennoogo universiteta Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii. 2024;2(22): 194–205. (In Russ.).

12. Ivannikov D. Extremism, terrorism, and nationalism as a threat to Russia's national security // Armejskij sbornik. 2022;2: 54–59. (In Russ.).

13. Limar' P. P. On the worldview of military personnel who participated in informal youth groups / P. P. Limar', V. A. Sobina // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2022;1(33): 115–119. (In Russ.).

14. Maklachkov E. A. Zashchita budushchih oficerov ot negativnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya / E. A. Maklachkov, O. A. Belyaeva // YAkovlevskie chteniya: sbornik nauchnyh statej III Mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem: v 2 chastyah, Novosibirsk, 20–21 marta 2024 goda. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. S. 247–251. (In Russ.).

15. Merkulov S. V. Voenno-politicheskaya rabota kak effektivnaya pedagogicheskaya praktika protivodejstviya vliyaniyu ideologii ekstremizma na voennosluzhashchih Rosgvardii: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.1 / Merkulov Sergej Vladimirovich. SPb., 2022. 225 s. (In Russ.).

16. Roganov S. A. Prevention of extremism among military personnel serving on contract and on call // Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. 2022;4: 17–20. (In Russ.).

17. Specifika raboty komandira i ego zamestitelya po voenno-politicheskoj rabote v preduprezhdenii vliyaniya ideologii ekstremizma na voinskie kollektivy: uchebnoe posobie dlya kursantov / A. A. Zotov, E. V. Turkin, N. V. Maksimov. Novosibirsk : NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2022. 94 s. (In Russ.).

18. Terakty v Rossii v 2022–2023 godah // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20230302/terakty-1855447095.html> (data obrashcheniya: 09.04.2025). (In Russ.). (In Russ.).

19. Ukaz Prezidenta Rossii ot 28 dekabrya 2024 g. № 1124 «Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/> (data obrashcheniya: 09.04.2025). (In Russ.). (In Russ.).

20. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 (as amended on May 15, 2024) "On Countering Extremist Activities" // Rossijskaya gazeta. 2002. 30 iyulya.

Информация об авторах

К. В. Демедюк – кандидат педагогических наук

А. П. Рузов – кандидат военных наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

K. V. Demedyuk – Candidate of Sciences (Pedagogy)

A. P. Ryzov – Candidate of Sciences (Military)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 23.07.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 159.9.07

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В АДЪЮНКТУРАХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексей Сергеевич Кузнецов¹, Игорь Алексеевич Алехин²

¹Главное управление образования и науки Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия

²Военный университет, Москва, Россия

¹ AlekseyKuznetsov88@yandex.ru

² alehin-igor60@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы и приоритетные направления подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктурах войск национальной гвардии Российской Федерации. Подчеркивается значимость системного и целенаправленного подхода к организации научных исследований в условиях специфики служебной деятельности военнослужащих, совмещающих обучение и выполнение служебных обязанностей. Проведен анализ нормативно-правового обеспечения, содержательных и методических аспектов подготовки научных кадров, выявлены ключевые трудности, влияющие на эффективность реализации программ адъюнктуры. Особое внимание уделено вопросам формирования научной мотивации, научного руководства и адаптации тем исследований к задачам войск национальной гвардии. В заключение предлагаются рекомендации по совершенствованию организационно-методического сопровождения научно-педагогической подготовки в адъюнктуре, направленные на повышение качества и прикладной значимости диссертационных исследований.

Ключевые слова: адъюнктура, научно-педагогические кадры, научное исследование, подготовка кадров, войска национальной гвардии, военное образование, мотивация к научной деятельности

Для цитирования: Кузнецов А.С., Алехин И.А. Актуальные вопросы подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктурах войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 248–256. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/024.pdf>.

Original article

ON THE EXPERIENCE OF USING DISTANCE TECHNOLOGIES IN TRAINING PERSONNEL IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Aleksey S. Kuznetsov¹, Igor A. Alekhin²

¹ Main Department of Education and Science of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Military University, Moscow, Russia

¹ AlekseyKuznetsov88@yandex.ru

² alehin-igor60@mail.ru

Abstract. The article examines current problems and priority areas of training scientific and pedagogical personnel in postgraduate courses of the National Guard Troops of the Russian Federation. The importance of a systematic and targeted approach to organizing scientific research in the context of the specifics of the service activities of military personnel combining training and performance of official duties is emphasized. The analysis of regulatory and legal support, substantive and methodological aspects of training scientific personnel is carried out, key difficulties influencing the effectiveness of the implementation of postgraduate programs are identified. Particular attention is paid to the issues of forming scientific motivation, scientific supervision and adapting research topics to the tasks of the National Guard troops. In conclusion, recommendations are offered for improving the organizational and methodological support of scientific and pedagogical training in postgraduate studies, aimed at improving the quality and applied significance of dissertation research.

Keywords: postgraduate studies, scientific and pedagogical personnel, scientific research,

personnel training, National Guard troops, military education, motivation for scientific activity

For citation: Kuznetsov A.S., Alekhin I.A. On the experience of using distance technologies in training personnel in educational organizations of law enforcement agencies. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 248–256. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/024.pdf>.

© Кузнецов А.С., Алехин И.А., 2025

Введение

Одним из ключевых направлений кадрового обеспечения научной и образовательной деятельности в войсках национальной гвардии Российской Федерации является подготовка научно-педагогических кадров в адъюнктурах. Адъюнктура, как форма целевого военного послевузовского образования, играет центральную роль в формировании высококвалифицированных специалистов, способных решать задачи преподавания, научных исследований и методического сопровождения образовательного процесса в ведомственных вузах.

В современных условиях осложнения характера военных угроз, цифровизации сферы безопасности, а также повышенного внимания к вопросам внутренней стабильности и стремлению к научно-технологическому суверенитету, значение научно-педагогических кадров многократно возрастает [1].

В целях повышения качества и эффективности развития образовательной и научной деятельности в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии очень важно решать проблемы подготовки и аттестации научно-педагогических кадров. При этом следует учитывать особенности, характерные для военной организации. К их числу можно отнести:

- наличие ограничений, обусловленных режимом секретности;
- возникновение новых условий, накладывающих свой отпечаток на содержание процесса модернизации подготовки и аттестации научно-педагогических кадров, в их числе:
 - дефицит механизмов сопровождения научной карьеры, сокращение активного периода работы научно-педагогических кадров, обусловленное поздним приходом специалистов в науку и образование (не менее 26 лет) и ранним увольнением с военной службы;
 - недостаточная интеграция с гражданским научным пространством и сужением возможностей рассылки и получения отзывов по закрытым диссертационным работам в связи с уменьшением количества военных НИИ и вузов.

Современная система подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктурах войск национальной гвардии Российской Федерации развивается в условиях высокой нормативной регламентации и продолжает сталкиваться с рядом организационных и содержательных вызовов, оказывающих влияние на её эффективность [15].

К числу наиболее актуальных вопросов, требующих дальнейшего совершенствования, можно отнести:

недостаточную системность в методическом сопровождении подготовки адъюнктов;

ограниченный доступ к современным научным и информационно-аналитическим ресурсам;

относительно низкий уровень научной и публикационной активности обучающихся;

потребность в обновлении содержания образовательных программ с учётом цифровой трансформации и специфики служебной деятельности;

недостаточную интеграцию с гражданской научной и образовательной средой [2].

Основные положения

Совершенствование системы подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктурах требует системного подхода, ориентированного на развитие цифровой инфраструктуры, укрепление научной среды и кадрового потенциала. В числе приоритетных направлений можно выделить следующие:

1. Разработка и внедрение цифровых образовательных платформ.

Создание специализированных обучающих и научно-исследовательских платформ, интегрированных с электронными военными библиотеками, научно-аналитическими системами и базами данных, обеспечит адъюнктам равный доступ к образовательным ресурсам. Такие платформы должны включать средства дистанционного обучения, электронного документооборота, систему учёта научных достижений, а также инструменты взаимодействия с научными руководителями и экспертами.

2. Повышение качества научного руководства и института наставничества.

Для обеспечения устойчивого научного развития адъюнктов целесообразно усилить институциональную поддержку научных руководителей, а также создать систему научного наставничества с участием ведущих специалистов в соответствующих отраслях знаний. Введение механизмов внутреннего рецензирования и аудита диссертационных исследований позволит повысить качество научных проектов и степень их прикладной значимости.

3. Формирование мотивации к научной и публикационной активности.

Стимулирование научной деятельности адъюнктов может включать: проведение внутриведомственных конкурсов научных проектов, установление поощрений за публикации в рецензируемых изданиях, формирование персональных научных рейтингов. Эти меры позволят повысить научную результативность, увеличить присутствие Росгвардии в академическом пространстве и укрепить престиж ведомственных научных школ.

4. Совершенствование образовательных программ.

Актуализация содержания образовательных дисциплин должна учитывать современные вызовы в сфере безопасности. В программы целесообразно включить модули, связанные с военным прогнозированием, конфликтологией, кибербезопасностью, правовой экспертизой и социологическим анализом угроз внутренней стабильности. Это обеспечит формирование у адъюнктов не только научных, но и аналитических, экспертных компетенций [3, 18].

Методы

Для более объективной оценки состояния и перспектив подготовки научно-педагогических кадров в системе войск национальной гвардии целесообразно рассмотреть практики, сложившиеся в других силовых ведомствах Российской Федерации – Министерстве обороны (Минобороны) и Министерстве внутренних дел (МВД).

Таблица 1 – Практика подготовки научно-педагогических кадров в Минобороны и МВД

Table 1 – Practice of training scientific and pedagogical personnel in the Ministry of Defense and the Ministry of Internal Affairs

	Минобороны	МВД
Нормативно-организационный уровень	Разветвлённая система академий и НИИ	Региональные вузы с аспирантурами, централизованное методическое руководство
Научная активность и публикационная база	Развитая публикационная база, обязательная публикация в индексируемых изданиях	Внедрение систем оценки научной результативности, публикационная активность поощряется
Методическое и кадровое обеспечение	Сильные научные школы, преемственность кадров, утверждённые научные руководства	Ориентированность на практику, сильные школы в криминалистике и праве
Вовлеченность в научное сотрудничество	Тесное взаимодействие с ведущими университетами и зарубежными партнёрами	Сотрудничество с юридическими и управленческими вузами, участие в грантах

Вместе с тем высокий уровень специализации Росгвардии (антитеррор, охрана важных государственных объектов, обеспечение правопорядка в особых условиях) создаёт потенциал для формирования уникальной научной и образовательной модели, ориентированной на практиче

ские задачи обеспечения внутренней безопасности государства.

Исследование вопросов подготовки научно-педагогических кадров (далее – НПК) в системе ведомственного образования силовых структур Российской Федера-

ции носит преимущественно фрагментарный характер. В отечественной научной литературе основное внимание сосредоточено на анализе состояния адъюнктов в вузах Министерства обороны и МВД России. Что касается войск национальной гвардии, то систематизированные научные исследования в данной области представлены в ограниченном объеме [11].

Так, А. С. Курганов указывает на необходимость модернизации содержания подготовки НПК в условиях цифровой трансформации военного образования. Им подчёркиваются проблемы с организацией научного сопровождения, недостаточная публикационная активность и отставание от требований современных образовательных стандартов [1].

С. В. Нефёдов обращает внимание на институциональные противоречия между ведомственной спецификой служебной подготовки и академическими требованиями к научным кадрам. Он подчёркивает необходимость выстраивания системы наставничества и повышения доступности научных ресурсов в адъюнктурах Росгвардии [1].

И. И. Головин и А. А. Солодов рассматривают возможности повышения эффективности подготовки НПК путём внедрения сетевых форм взаимодействия между вузами силовых структур, создания межведомственных научных школ и усиления грантовой поддержки исследовательской деятельности [3].

Т. А. Постникова анализирует трансформацию роли преподавателя и научного руководителя в условиях усложнения задач внутренней безопасности. Подчёркивает, что педагог должен не только владеть научными методами, но и уметь применять их в контексте служебной специфики [4].

В зарубежной литературе проблемы подготовки НПК рассматриваются через призму университетской автономии, мобильности и баланса между преподаванием и научной работой. Так, Б. Кларк в своей концепции «академического треугольника» подчёркивает важность институционального равновесия между обучением, исследованием и управлением [5]. Эти положения активно применяются в академических структурах военных вузов стран НАТО.

П. Альтбах выделяет критические аспекты транснациональной подготовки научных кадров: владение цифровыми технологиями, способность к научной адаптации и участие в международных проектах. Эти компетенции он считает базовыми в условиях глобализации и усложнения угроз безопасности [6].

Р. Дим и соавторы подчёркивают, что интеграция НПК в исследовательские структуры, работающие с силовыми ведомствами, требует институциональной гибкости и устойчивых межведомственных связей, включая участие в оборонных и правовых проектах [7].

Теория диффузии инноваций Э. Роджерса, применительно к подготовке НПК в закрытых ведомственных структурах, объясняет сопротивление новым формам образовательной деятельности, таким как симуляции, цифровое моделирование и дистанционные курсы [8].

Таким образом, отечественные и зарубежные исследования сходятся в признании ключевой роли научно-педагогических кадров в обеспечении устойчивого развития ведомственных вузов, а также в необходимости адаптации подготовки НПК к современным вызовам, включая цифровизацию, безопасность и межведомственную интеграцию.

Организационно-штатная структура адъюнктов войск национальной гвардии развернута на базе профильных вузов Росгвардии, включая целевую подготовку адъюнктов в вузах Минобороны России (Военный университет, Военная академия МТО им. А. В. Хрулева, ВУНЦ «ОВА ВС РФ»). Адъюнктура функционирует в виде самостоятельных подразделений, с установленными лимитами на приём, сроками обучения и перечнем научных специальностей.

Образовательный процесс в адъюнктуре носит комплексный характер и направлен на реализацию программ подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Он включает:

освоение дисциплин научного блока (философия науки, методология научного исследования, иностранный язык в научной сфере и др.);

прикладную научную подготовку по избранной военной или военно-гуманитарной специальности;

прохождение педагогической практики в качестве преподавателей на кафедрах.

Особенностью обучения является сочетание общенаучной подготовки с глубокой специализацией в контексте задач обеспечения внутренней безопасности, охраны важных государственных объектов, правопорядка и антитеррористической деятельности [12].

Научная деятельность адъюнкта является основополагающей частью его образовательной траектории. От адъюкта требуется подготовка и успешная защита кандидатской диссертации, выполнение научно-исследовательской работы в интересах войск национальной гвардии, участие в научных конференциях и публикация результатов исследований в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки.

Педагогическая деятельность реализуется в виде ассистирования или самостоятельного ведения занятий, разработки учебно-методических материалов, подготовки курсовых и дипломных проектов. Таким образом, формируется практика научно-педагогической социализации, что обеспечивает готовность адъюкта к выполнению обязанностей преподавателя и научного сотрудника.

Результаты

Совершенствование системы подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре требует комплексных решений, сочетающих технологические, организационные и кадровые инновации. С учётом специфики войск правопорядка и задач, возлагаемых на Росгвардию, можно выделить следующие приоритетные направления развития.

1. Внедрение цифровых и информационно-аналитических технологий.

Цифровизация научного и образовательного пространства обозначена в качестве стратегического приоритета в ряде государственных программ и концептуальных документов. Для адъюнктов Росгвардии особую значимость могут приобрести следующие меры:

- создание ведомственных цифровых библиотек с доступом к специализированным базам данных, содержащим научные

материалы по обеспечению внутренней безопасности, охраны важных государственных объектов, правопорядка и антитеррористической деятельности;

- внедрение цифровых платформ для удалённого взаимодействия с научными руководителями, ведения электронных портфолио, мониторинга индивидуальных образовательных траекторий;

- использование инструментов интеллектуального анализа данных и геоинформационных систем (ГИС) в прикладных научных разработках.

2. Повышение научной публикационной активности адъюнктов.

Формирование устойчивого научного потенциала Росгвардии невозможно без системной поддержки публикационной деятельности молодых исследователей. Среди возможных мер:

- введение рейтинговой системы оценки научной продуктивности адъюнктов;

- стимулирование публикаций в изданиях, включённых в перечень ВАК («Белый список») [16];

- организация ведомственных научных журналов с высоким уровнем рецензирования и перспективой повышения рейтинга [13].

3. Развитие механизмов наставничества и межведомственной кооперации.

Укрепление научного и кадрового потенциала адъюнктов возможно посредством институционализации научного наставничества и расширения кооперации с профильными вузами других силовых ведомств:

- закрепление опытных научных руководителей за каждым адъюнктом с регулярной оценкой прогресса научной деятельности;

- проведение совместных семинаров, школ и форумов с ведущими вузами силовых ведомств (Военной академией Генерального штаба, Академией управления МВД России и другими);

- реализация совместных научно-исследовательских проектов и участие в межведомственных грантовых программах [14].

4. Создание единого образовательного и научного пространства Росгвардии.

Системная интеграция учебных заведений Росгвардии в единое научно-

образовательное пространство представляется важным условием координированного развития НПК. Это позволит:

- унифицировать подходы к содержанию и организации подготовки;
- создать ведомственную базу научных исследований, публикаций и диссертационных тем;
- развивать сетевые формы научного обучения, междисциплинарные исследования и коллективную работу по актуальным для Росгвардии тематикам (кибербезопасность, охрана общественного порядка, правовое сопровождение деятельности спецподразделений).

Выводы

Таким образом, в условиях цифровой трансформации, нарастания гибридных угроз и усложнения задач внутренней безопасности, подготовка научно-педагогических кадров в системе Росгвардии должна опираться на долгосрочную стратегию развития. Эта стратегия должна предусматривать технологическое обновление, научную открытость, кадровую преемственность и усиление научно-методической самостоятельности ведомственной высшей школы.

Основными ключевыми направлениями и перспективами развития НПК являются:

1. Трансформация содержания подготовки в условиях цифровой трансформации армии.

Развитие цифровой среды, систем управления знаниями и искусственного интеллекта требует кардинального обновления содержательных основ подготовки НПК. В ближайшей перспективе целесообразно:

интегрировать в учебные программы дисциплины, связанные с анализом больших данных, цифровой безопасностью, ситуационным моделированием и интеллектуальными системами поддержки принятия решений;

внедрять интерактивные цифровые тренажёры, платформы моделирования тактических и оперативных ситуаций;

формировать цифровую грамотность как отдельный модуль профессиональных компетенций адъюнкта.

2. Значение развития кадрового резерва для формирования научно-педагогической школы Росгвардии.

Создание устойчивой научно-педагогической школы внутри системы Росгвардии невозможно без стратегической подготовки и закрепления кадрового резерва. Это предполагает:

выявление и сопровождение талантливых адъюнктов с первых этапов подготовки;

формирование наставнических пар «учёный-практик – молодой исследователь»;

привлечение адъюнктов к долгосрочным научным и образовательным проектам с возможностью последующего трудоустройства в вузах и научных центрах Росгвардии [20].

3. Возможности международного сотрудничества и заимствования успешного опыта.

Несмотря на специфику и закрытость ряда направлений научной подготовки в силовых структурах, существуют сферы, в которых возможно конструктивное международное взаимодействие:

участие в форумах, конференциях и научных сетях по вопросам военного образования, педагогики и военной психологии (например, при ОБСЕ, ШОС, БРИКС);

анализ и адаптация успешных практик подготовки НПК в армиях Германии, Китая, Белоруссии, Израиля;

развитие программ научных стажировок и публикационной коллаборации в нейтральных академических сферах (например, исследования конфликтов, управления стрессом, кризисных коммуникаций) [18].

Таким образом, перспективное развитие подготовки НПК в Росгвардии предполагает системную трансформацию программ, институциональное закрепление научных кадров и открытость к заимствованию и адаптации международного опыта. Это создаёт условия для формирования собственной научно-педагогической школы, способной эффективно отвечать на вызовы XXI века.

Подготовка НПК в современных условиях должна основываться на междисциплинарности, цифровых инструментах, эффективной системе научного наставничества и академической мобильности. Комплексный подход – сочетающий научно-исследовательскую, педагогическую, управленческую и цифровую составляющую.

щие – является необходимым условием для формирования устойчивой научной и образовательной среды Росгвардии [19].

С целью повышения эффективности подготовки научно-педагогических кадров рекомендуется:

разработать и внедрить единую цифровую платформу для сопровождения обучения, научной работы и аттестации адъюнктов;

укрепить систему наставничества путём привлечения ведущих учёных из профильных вузов Минобороны и МВД;

расширить сетевое взаимодействие между учебными заведениями Росгвардии, а также с гражданскими научными организациями;

ввести систему мониторинга и поощрения публикационной активности, в том числе через грантовую и конкурсную поддержку;

формировать кадровый резерв научных работников из числа лучших выпускников адъюнктур с учётом их научного потенциала и служебной пригодности.

Реализация данных предложений будет способствовать созданию полноценной научно-педагогической школы Росгвардии, способной решать стратегические задачи в сфере внутренней безопасности и подготовки научных кадров для сил правопорядка.

Список источников

1. Курганов А. С. Современные подходы к подготовке научно-педагогических кадров в военных образовательных организациях // Военная мысль. 2022. № 11. С. 48–56.
2. Нефёдов С. В. Проблемы адъюнктуры в системе военного образования: анализ и перспективы // Вестник Военного университета. 2023. № 2. С. 61–68.
3. Головин И. И. Подготовка научно-педагогических кадров в ведомственных адъюнктурах: состояние, проблемы, перспективы / И. И. Головин, А. А. Солодов // Военно-учебные заведения: наука, образование, практика. 2022. № 4. С. 23–30.
4. Постникова Т. А. Профессиональные компетенции научных руководителей в условиях трансформации военного образования // Педагогика и психология образования. 2021. № 3. С. 34–40.
5. Clark B. R. The Academic Life: Small Worlds, Different Worlds // Educational Researcher. 1995. Vol. 24, № 9. P. 4–14.
6. Altbach P. G. Leadership for World-Class Universities: Challenges for Developing Countries. New York: Routledge, 2010. 222 p.
7. Deem R., Hillyard S., Reed M. Knowledge, Higher Education and the New Managerialism: The Changing Management of UK Universities. Oxford: Oxford University Press, 2007. 240 p.
8. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York: Free Press, 2003. 512 p.
9. Концепция научного и технического развития Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 1 дек. 2016 г. № Пр-2313 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7070.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Российская газета. 2021. 3 июля.
11. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в СССР (1917–1984 гг.). Новосибирск: ГРАНЬ, 1991. 333 с.
12. Габов А. В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 6. С. 48–88.
13. Пахомов С. И. Согласование систем подготовки и аттестации кандидатов наук / С. И. Пахомов, И. И. Головин, А. А. Солодов // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 40–49. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-40-49.

14. Пахомов С.И., Петров М.П., Абалакин К.С., Мацкевич И.М. Право на самостоятельность. Размышления о первом опыте самостоятельного присуждения ученых степеней ведущими центрами науки и образования и насущных задачах развития системы научной аттестации в стране // Высшее образование сегодня. 2019. № 8. С. 2–12. DOI: 10.25586/RNU.HET.19.08.P.02.
15. Савин А. А. Генезис номенклатуры научных специальностей в государственной системе научной аттестации России / А. А. Савин, Е. С. Иванов // Гуманитарные аспекты военного строительства: отечественный и зарубежный опыт: информационно-аналитический сборник. М. : Военный университета, 2023. С. 26–33.
16. Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук // Официальный сайт ВАК Минобрнауки России. URL: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/documents/10179> (дата обращения: 5.08.2025).
17. Соколов А.Ю. Эволюция правового регулирования института ученых званий в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 11–22.
18. Васильев С. А. Развитие нормативного регулирования конституционно-правовых отношений государства и научного сообщества в вопросах присвоения ученых званий // Российское право онлайн. 2017. № 2. С. 22–35.
19. Пахомов С. И. Введение новой номенклатуры научных специальностей в России: преемственность и новации / С. И. Пахомов, В. А. Гуртов, А. В. Стасевич // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 8. С. 11–36. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-8-11-36.
20. Бордовская Н. В. Обновление паспортов и номенклатуры научных специальностей по педагогике как условие повышения качества педагогических исследований // Педагогика. 2018. № 5. С. 3–13.

References

1. Kurganov A. S. Modern approaches to training scientific and pedagogical personnel in military educational organizations // Voennaya mys'. 2022;11: 48–56. (In Russ.).
2. Nefyodov S. V. Problems of Adjunctura in the Military Education System: Analysis and Prospects // Vestnik Voennogo universiteta. 2023;2: 61–68. (In Russ.).
3. Golovin I. I. Training of Research and Teaching Staff in Departmental Adjunct Programs: Status, Problems, and Prospects / I. I. Golovin, A. A. Solodov // Voenno-uchebnye zavedeniya: nauka, obrazovanie, praktika. 2022;4: 23–30. (In Russ.).
4. Postnikova T. A. Professional Competencies of Research Supervisors in the Context of Military Education Transformation // Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. 2021;3: 34–40. (In Russ.).
5. Clark B. R. The Academic Life: Small Worlds, Different Worlds // Educational Researcher. 1995. Vol. 24, № 9. P. 4–14. (In Russ.).
6. Altbach P. G. Leadership for World-Class Universities: Challenges for Developing Countries. New York: Routledge, 2010. 222 p. (In Russ.).
7. Deem R., Hillyard S., Reed M. Knowledge, Higher Education and the New Managerialism: The Changing Management of UK Universities. Oxford: Oxford University Press, 2007. 240 p. (In Russ.).
8. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York: Free Press, 2003. 512 p. (In Russ.).
9. Konceptiya nauchnogo i tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii: utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii 1 dek. 2016 g. № Pr-2313 // Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. № 50. St. 7070. (In Russ.).
10. National Security Strategy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 // Rossijskaya gazeta. 2021. 3 iyulya. (In Russ.).
11. Kamenev A. I. Istoriya podgotovki oficerskih kadrov v SSSR (1917–1984 gg.). Novosibirsk: GRAN', 1991. 333 s. (In Russ.).
12. Gabov A. V. The State System of Scientific Certification as a Subject of Legal Regulation in Post-Soviet Times // Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy. 2020;6: 48–88. (In Russ.).
13. Pahomov S. I. Coordination of training and certification systems for candidates of science / S. I. Pahomov, I. I. Golovin, A. A. Solodov // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2021. T. 30;7: 40–49. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-40-49. (In Russ.).
14. Pahomov S.I. Pravo na samostoyatel'nost'. Razmyshleniya o pervom opyte samostoyatel'nogo prisuzhdeniya uchenyh stepenej vedushchimi centrarni nauki i obrazovaniya i nasushchnyh zadachah razvitiya sistemy nauchnoy attestacii v strane / S. I. Pahomov, M. P. Petrov, K. S. Abalakin // Vysshee obrazovanie segodnya. 2019;8: 2–12. DOI: 10.25586/RNU.HET.19.08.P.02. (In Russ.).

15. Savin A. A. Genezis nomenklatury nauchnyh special'nostej v gosudarstvennoj sisteme nauchnoj attestacii Rossii / A. A. Savin, E. S. Ivanov // Gumanitarnye aspekty voennogo stroitel'stva: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt: informacionno-analiticheski sbornik. M. : Voennyj universiteta, 2023. S. 26–33. (In Russ.).

16. Perechen' recenziruemyh nauchnyh izdani, v kotoryh dolzhny byt' opublikovany osnovnye nauchnye rezul'taty dissertacij na soiskanie uchenoj stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoj stepeni doktora nauk // Oficial'nyj sait VAK Minobrnauki Rossii. Available from: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/documents/10179> (data obrashcheniya: 5.08.2025). (In Russ.).

17. Sokolov A.YU. Evolution of Legal Regulation of Academic Degrees in Russia // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021;1: 11–22. (In Russ.).

18. Vasil'ev S. A. Development of regulatory framework for constitutional and legal relations between the state and the scientific community in matters of awarding academic titles // Rossijskoe pravo onlain. 2017. № 2. S. 22–35. (In Russ.).

19. Pahomov S. I. Introduction of a New Nomenclature of Scientific Specialties in Russia: Continuity and Innovations / S. I. Pahomov, V. A. Gurtov, A. V. Stasevich // Obrazovanie i nauka. 2021. T. 23, № 8. S. 11–36. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-8-11-36. (In Russ.).

20. Bordovskaya N. V. Obnovlenie pasportov i nomenklatury nauchnyh special'nostej po pedagogike kak uslovie povysheniya kachestva pedagogicheskikh issledovanij // Pedagogika. 2018. № 5. S. 3–13. (In Russ.).

Информация об авторах

А. С. Кузнецов – кандидат педагогических наук

И. А. Алехин – доктор педагогических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.07.2025; одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

A. S. Kuznecov – Candidate of Sciences (Pedagogy)

I. A. Alekhin – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.07.2025; approved after reviewing 16.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 796/799

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ СПОРТИВНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ С КУРСАНТАМИ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОСГВАРДИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА

Владимир Викторович Прокопенко

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
vvbars@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу, раскрывающему обоснование внедрения национального вида спорта «Мас-рестлинг» в спортивно-массовую работу с курсантами военной образовательной организации. Автор делает акцент на доступности занятия данным видом спорта для курсантов с разным уровнем подготовленности, его популярности. Раскрыто влияние занятий мас-рестлингом на совершенствование физических и психологических качеств, вариативности навыков у курсантов, расширение диапазона адаптационных и функциональных возможностей их организма к повышенной мышечной нагрузке, воспитание волевых качеств. Основываясь на данных из открытых источников и личный практический опыт, приводятся доводы, формулируется вывод о целесообразности внедрения мас-рестлинга в спортивно-массовую работу с курсантами военных образовательных организаций высшего образования войск Росгвардии.

Ключевые слова: мас-рестлинг, национальный вид спорта, спортивно-массовая работа, методика обучения и воспитания, материальная база, курсанты, войска национальной гвардии

Для цитирования: Прокопенко В.В. Теория и практика совершенствования содержания спортивно-массовой работы с курсантами военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии с использованием национальных видов спорта // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 257–268. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/025.pdf>.

Original article

THEORY AND PRACTICE OF IMPROVING THE CONTENT OF SPORTS AND MASS WORK WITH CADETS OF THE ALL-RUSSIAN MILITARY AVIATION ORGANIZATION OF THE RUSSIAN GUARD USING NATIONAL SPORTS

Vladimir V. Prokopenko

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
vvbars@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue that reveals the rationale for introducing the national sport "Mas-wrestling" into sports and mass work with cadets of the military educational organization. The author emphasizes the availability of this sport for cadets with different levels of training, its popularity. The influence of Mas-wrestling on the improvement of physical and psychological qualities, variability of skills in cadets, expansion of the range of adaptive and functional capabilities of their body to increased muscle load, education of volitional qualities is revealed. Based on data from open sources and personal practical experience, arguments are given and a conclusion is formulated on the feasibility of introducing Mas-wrestling into sports and mass work with cadets of the All-Russian Military Educational Organization of the Russian Guard troops.

Keywords: mas-wrestling, national sport, sports and mass work, methods of training and education, material base, cadets, troops of the national guard

For citation: Prokopenko V.V. Theory and practice of improving the content of sports and mass work with cadets of the all-russian military aviation organization of the Russian guard using national sports. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 257–268. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/025.pdf>.

© Прокопенко В.В., 2025

Введение

Образовательная и внеучебная деятельность курсантов, обучающихся в военном образовательном учреждении войск национальной гвардии Российской Федерации проходит в достаточно напряженном режиме, связанном с реализацией профессиональных образовательных программ, которые насыщены значительным теоретическим и практическим объемом учебного материала по военно-профессиональным, гуманитарным и юридическим дисциплинам обучения, а также иными видами обязательной повседневной деятельности, регламентированной распорядком дня.

Дополнительной и существенной нагрузкой здесь выступает и физическая подготовка, которая также жестко регламентирована участием курсантов в учебных занятиях по дисциплине согласно расписанию и обязательным их участием в других формах физической подготовки: в ежедневной утренней физической зарядке, в спортивно-массовой работе, в самостоятельной физической тренировке.

Причем, если учебные занятия по физической подготовке несут преимущественно методическую направленность, решая задачи обучения и воспитания, а утренняя зарядка – оздоровительно-тренировочную направленность, то спортивно-массовая работа в первую очередь несет практическую направленность, где наиболее эффективно будут развиваться и совершенствоваться необходимые физические и психологические качества, прикладные навыки и их вариативность, спортивное мастерство, а также будет организован активный досуг курсантов и пропагандироваться здоровый образ жизни [20, С. 22].

Актуальность исследования заключается в том, чтобы в ходе проведения спортивно-массовой работы решить две задачи: первая – это совершенствование физической подготовленности курсантов, используя для этого упражнения из программы обучения и возможности национального вида спорта «Мас-рестлинг», и вторая – повышение спортивного мастерства курсантов, путем вовлечения их в активные занятия военно-прикладными и служебно-прикладными видами спорта, единоборствами, спортивными играми и доступными национальными видами спорта, входящими во Всероссийский реестр видов спорта.

Также важно, что в процессе реализации направлений спортивно-массовой работы, решаются и важные воспитатель-

ные задачи: формирование у курсантов чувства коллективизма, взаимопомощи, патриотизма, воинского долга, любви к Родине [1–7, 17–22].

Для повышения результативности в решении указанных выше задач, повышения зрелищности и проявления положительных эмоций занимающимися и зрителями в ходе проведения спортивно-массовых мероприятий, таких как спортивные праздники, весьма эффективным будет планировать включение в их содержание нетрадиционных и доступных для всех участников видов спорта.

И в данном контексте доступными средствами, способствующими совершенствованию содержания и повышению эффективности спортивно-массовой работы с курсантами, будут нетрадиционные виды спорта, одним из которых является популярный не только в нашей стране, но и во многих зарубежных государствах – национальный вид спорта «Мас-рестлинг» [8–12].

Материалы и методы

Исследование базировалось на традиционных общенаучных методах, активно применялся метод системного анализа, позволивший увидеть динамику развития мас-рестлинга, а также на фундаментальных принципах всесторонности и объективности, с учетом многосторонности, противоречивости и изменчивости предмета исследования.

Эмпирическую основу составили опросные материалы курсантов 1–3 курсов военных образовательных организаций высшего образования (далее – ВООВО) войск национальной гвардии, свидетельства военных специалистов, уволенных в запас и прошедших военную службу во внутренних войсках, действующих военнослужащих и гражданского персонала ВООВО Росгвардии, а также сведения из опубликованных открытых источников и практический опыт автора статьи.

Результаты исследования

Мас-рестлинг, как национальная подвижная игра, зародился много веков назад в отдаленных поселениях Якутии и пользовался большой популярностью среди местных народностей при проведении различных национальных праздников.

Первые печатные воспоминания о мас-рестлинге (игре по перетягиванию палки) относятся к XVII веку, но, по мнению многих ученых историков, данная национальная игра возникла намного раньше.

В те далекие времена материальной базой для состязаний по мас-рестлингу

были любые подручные средства: для упора ног – торчащие из земли большие камни или упавшие деревья, или ступни ног соперника, а вместо палки использовались короткие толстые ветки деревьев, бивни или рога крупных животных и т. д. [13–18]. «Правила» в мас-рестлинге были очень простыми, которые в своей основе сохранились до наших дней: соперники садились на землю друг против друга, упираясь своими стопами ног в стопы соперника и одновременно захватив палку двумя руками.

Победителем становился тот, кто перетянул соперника на свою сторону или вырвал из его рук палку.

Ввиду относительной простоты и доступности материальной базы, высокой зрелищности и эмоциональности состязаний, мас-рестлинг со временем очень быстро обрел большую популярность среди разных категорий населения в России и в разных странах мира.

Эта, некогда популярная только среди народностей Саха национальная игра «Мас тардыһыы» – «Перетягивание палки» (в переводе с якутского языка), со временем стала национальным видом спорта в Якутии, а современное название «Мас-рестлинг» (мас – палка, рестлинг – борьба) этому национальному виду спорта было предложено известным якутским борцом – олимпийским чемпионом Романом Дмитриевым.

Мас-рестлинг – это силовой вид спорта, где в единоборстве задействованы практически все мышечные группы и особенно мышцы рук, ног, спины и брюшного пресса, что говорит о комплексном воздействии этого вида спорта на повышение основных физических качеств и навыков у мас-рестлеров.

Точкой отсчета современного развития мас-рестлинга по праву считается 16 июля 2003 года, когда этот вид был включен во Всероссийский реестр видов спорта, как национальный вид спорта, а в 2005 году была утверждена Всероссийская федерация мас-рестлинга [19–24].

В настоящее время мас-рестлингом в России занимается более 20 тысяч человек, а в мире число мас-рестлеров уже более 35 тысяч и их количество постоянно увеличивается.

Ежегодно проводятся чемпионаты и первенства России среди мужчин и женщин, юниоров и юниорок, юношей и девушек, множество международных, всероссий-

ских, региональных, ведомственных и иных категорий турниров по мас-рестлингу.

Подготовка тренеров и специалистов высокой квалификации по мас-рестлингу осуществляется в 2 вузах: в Северо-Восточном федеральном университете и в Чурапчинском государственном институте физкультуры и спорта, а также в 2 педагогических колледжах.

Всероссийская федерация мас-рестлинга входит в состав Международной федерации мас-рестлинга, членами которой являются более 50 стран.

О важной роли и перспективах развития национальных видов спорта в нашей стране еще в феврале 2013 года отметил Владимир Владимирович Путин, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям, дал поручение о развитии исконных видов спорта народов России вплоть до их включения в олимпийскую программу.

В связи с чем в июне 2014 года Президентом были подписаны поправки в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», принятые Государственной Думой и одобренные Советом Федерации.

Эти положительные изменения в нормативных актах нашего государства создали мощный стимулирующий правовой механизм для дальнейшего развития национальных видов спорта, где одним из ярких представителей является «Мас-рестлинг», с его богатой историей, современным уровнем и динамикой развития, популярностью и продвижением по всему миру, что представляет его, как одного из наиболее перспективных национальных видов спорта [6, 16, 17].

В подтверждение сказанного, в июне 2022 года был утвержден Федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта «Мас-рестлинг», в сентябре 2020 года (в ред. от 25 ноября 2022 года) были утверждены Правила вида спорта «Мас-рестлинг», что открыло новые перспективы для его развития.

В 2014 году в Республике Саха был проведен первый чемпионат Мира по мас-рестлингу с участием 144 спортсменов из 35 стран, где нашими спортсменами было завоевано 12 медалей.

Каждый крупный турнир по мас-рестлингу – это очень зрелищное мероприятие с высоким эмоциональным накалом каждого поединка, что неизменно привлекает большое количество зрителей, многие из которых в дальнейшем становятся

ся его настоящими поклонниками и активными мас-рестлерами (рисунок 1).

Рисунок 1 – Эпизод схватки на III Чемпионате Мира по мас-рестлингу

Figure 1 – Episode of a fight at the World Mas-Wrestling Championship

В последние годы мас-рестлинг стал активно развиваться и практически во всех силовых ведомствах, а также в иных государственных органах исполнительной власти нашего государства.

Эффективное влияние занятий мас-рестлингом на развитие физических, специальных и психологических качеств: взрывной силы и скоростно-силовой выносливости, быстроты мышления и реакции, статической выносливости и ловко

сти, спортивной «хитрости» и настойчивости, целеустремленности и уверенности в своих силах, на повышение вариативности двигательных навыков, быстро оценили военнослужащие и сотрудники подразделений специального назначения войск национальной гвардии таких, как ОМОН и СОБР, подразделений УВО, ВДВ, МВД, ФСИН, Следственного комитета, Прокуратуры и других подразделений силовых структур (рисунок 2) [19–21].

Рисунок 2 – Учебно-тренировочные схватки по мас-рестлингу среди сотрудников СОБР

Figure 2 – Training and mas-wrestling matches among SOBR officers

Мас-рестлинг, в силу своей доступности для граждан с любым уровнем физической подготовленности, будет одним из эффективных средств для поддержания, развития и совершенствования физической подготовленности, повышения спортивного мастерства военнослужащих и сотрудников войск Росгвардии, независимо от их гендерных и возрастных особенностей.

Занятия мас-рестлингом можно проводить не только в пунктах постоянной дислокации подразделений, где есть условия для создания стандартной материальной базы для тренировок и соревнований по мас-рестлингу, но и при нахождении подразделений в пункте временной дислокации при наличии ограниченной или ввиду отсутствия необходимой материальной базы [8–17].

Важно также отметить, что в настоящее время в условиях проведения специальной

военной операции, когда идет постоянное наступательное движение наших войск, мас-рестлинг, как раз и может быть, одним из средств для поддержания физической работоспособности наших воинов при их кратковременном нахождении в каждом новом пункте временной дислокации.

В таких «боевых» условиях, для использования мас-рестлинга, как средства для поддержания «боевого» тонуса мышц и физической готовности, абсолютно не нужна будет стандартная материальная база: палка и упор для ног, вместо них можно использовать обоюдные захваты пальцами рук за предплечья и упор ногами (стопами) в стопы друг друга или использовать подручные средства в виде короткого толстого черенка сломанной ветки от близлежащего сваленного дерева и т. д. (рисунок 3) [13–18].

Рисунок 3 – Тренировка курсантов 5 курса в мас-рестлинге в пункте временной дислокации

Figure 3 – Training of 5th year cadets in mas-wrestling at the temporary deployment point

Использование возможностей мас-рестлинга в полевых условиях будет одним из наиболее доступных и эффективных средств физической тренировки в полной или в облегченной экипировке с оружием, как при подготовке, так и в перерывах между выполнением любой категорией

военнослужащих и сотрудников Росгвардии служебно-боевых задач.

После выполнения служебно-боевых или учебно-боевых (для курсантов ВООВО) задач, мас-рестлинг возможно использовать и как восстановительное средство после физических нагрузок и очень эффективное средство для развития гибкости, если

выполнять мас-рестлестинговые двигательные действия в умеренном режиме с максимальной амплитудой и относительно длительным напряжением всех мышечных групп.

Другой вариант использования мас-рестлинга, как средства физической тренировки или поддержания физической работоспособности организма, показан на

рисунке 4, на примере подготовки к выполнению и в перерывах между выполнением учебно-боевых задач по патрулированию внутренней «закрепленной» местности военнослужащими подразделения обеспечения учебного процесса Академии войск национальной гвардии [11–21].

Рисунок 4 – Использование мас-рестлинга в перерыве между выполнением курсантами учебно-боевых задач по патрулированию местности

Figure 4 – Use of mas-wrestling during breaks between cadets performing combat training tasks on patrolling the area

Еще одно важное направление мас-рестлинга – это его использование, как доступного вида спорта для любой категории военнослужащих и сотрудников без учета их гендерной принадлежности, ведущего к росту из спортивного мастерства и спортивных достижений.

Для качественного проведения учебно-тренировочного процесса и спортивных состязаний на первенство воинской части, ВООВО и иного структурного подразделения в соответствии с правилами соревнований по мас-рестлингу и включение этого вида спорта в содержание спортивных праздников, необходима минимальная, но стандартная материальная база, состоящая из упоров для ног, палок, гимнастических матов (татами, гимнастические пазлы

размером 1х1 м), а также ровная площадка с любым покрытием из расчета 3х3 м на каждое учебное место [18].

Перечень минимально необходимой стандартной материальной базы для занятий и соревнований по мас-рестлингу (рисунок 5):

- длина палки: 450–500 мм, D – 34 мм;
- доска упора: 2100 мм (длина) x 240 мм (высота) x 40–60 мм (толщина);
- опоры боковые: 480 мм (длина) x 150–250 мм (высота) x 40–60 мм (толщина);
- 2 площадки для ведения схватки в мас-рестлинге с зонами безопасности 3х3 метра (красного и синего цвета);
- нарукавники красного и синего цвета (для судьи).

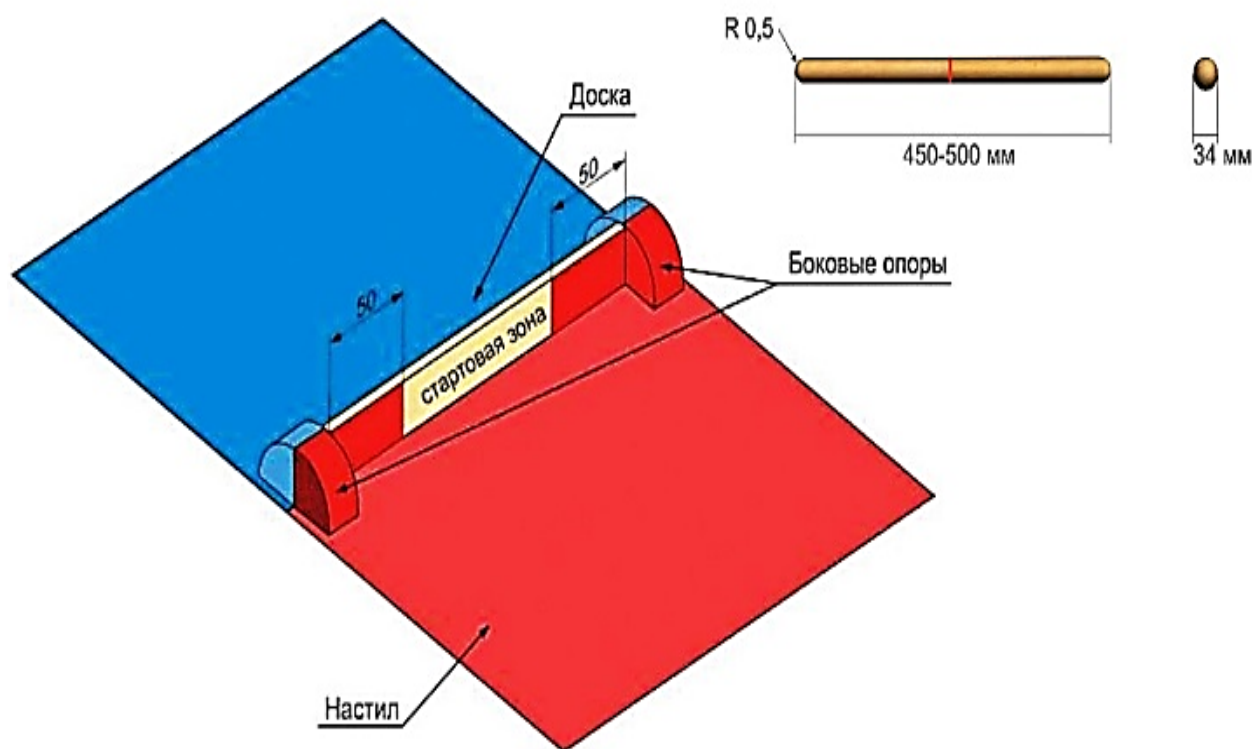

Рисунок 5 – Материальная база, используемая в виде спорта «Мас-рестлинг»

Figure 5 – Material base used in the sport of “Mas-wrestling”

Наличие в ВООВО и в иных структурных подразделениях войск Росгвардии достаточного количества и большой по емкости ровных площадей в виде стадиона, строевого плаца, беговых дорожек и т.д., позволяют привлекать к состязаниям по мас-рестлингу максимальное количество желающих, что в свою очередь будет способствовать повышению массовости и росту спортивного мастерства не только военнослужащих и сотрудников, включая курсантов и слушателей ВООВО, но и гражданского персонала данного военного учреждения [17–21].

При этом, для повышения массовости надо будет решить достаточно простую задачу: изготовление «своими руками» достаточного количества материальной базы для мас-рестлинга: упоров для ног и палок.

Решение данной задачи с учетом практического опыта войск, следующее: для изготовления палок необходимого размера подойдут б/у черенки от лопат или толстые

ветки дерева, для упоров для ног – поваленные деревья, из которых на пилораме изготавливаются доски и боковые упоры установленной толщины.

Достаточно эффективным будет использование мас-рестлинга при проведении практических занятий по физической подготовке с курсантами по любому разделу (теме) учебной программы в конце основной части занятия в виде комплексной тренировки в составе учебного взвода и без использования необходимой материальной базы мас-рестлинга.

Системно организованная методика обучения и совершенствования качеств, навыков и спортивного мастерства курсантов в мас-рестлинге будет одинаково эффективна, как при нахождении курсантских подразделений в пункте постоянной дислокации ВООВО, так и при нахождении в пунктах временной дислокации с использованием подручных средств (рисунок 6).

Рисунок 6 – Организация тренировки курсантов в мас-рестлинге на учебном занятии по физической подготовке в пункте временной дислокации

Figure 6 – Organization of cadet training in mas-wrestling during a physical training lesson at a temporary deployment point

Мас-рестлинг, это одно из доступных и эффективных средств развития и совершенствования физических, психологических и нравственных качеств, формирования вариативности двигательных навыков, повышения спортивного мастерства у курсантов ВООВО Росгвардии [17].

Преимуществом использования мас-рестлинга, как спортивного и зрелищного вида физической и спортивной тренировки для курсантов ВООВО войск Росгвардии, является:

- эффективное развитие физических и психологических качеств – «взрывной» силы, скоростно-силовой и статической выносливости, ловкости, смелости, решительности, находчивости, уверенности в своих силах и д.р.;

- укрепление костно-мышечного и опорно-двигательного аппарата;

- совершенствование функциональных систем организма;

- расширение диапазона адаптационных возможностей организма к повышенной мышечной деятельности;

- доступная материальная база для организации учебно-тренировочных занятий и спортивных соревнований;

- возможность проведения занятий и состязаний по мас-рестлингу с использованием простейшей подручной материальной базы;

- возможность проведения занятий мас-рестлингом при отсутствии материальной базы;

- простые для выполнения правила состязаний;

- возможность привлечения к состязаниям максимального количества курсантов;

- скоротечность, высокая эмоциональная и зрелищная составляющая состязаний;

- возможность проведения состязаний на любой поверхности [19–21].

Простота и доступность занятий мас-рестлингом не только для курсантов, но и для любой другой гендерной категории и возрастной группы военнослужащих и сотрудников Росгвардии, как в пункте постоянной дислокации структурного подразделения войск, так и практически на любой поверхности в пункте временной дислокации, в том числе возможность выполнять упражнение в полной или в облегченной экипировке с оружием, с использованием подручных средств или при отсутствии материальной базы – будет эффективным

средством разносторонней физической подготовки, росту спортивного мастерства, способствовать вовлечению личного состава

ва в занятия физическими упражнениями и спортом (рисунок 7) [22].

Рисунок 7 – Мас-рестлинг в учебно-тренировочной и спортивной работе с курсантами

Figure 7 – Mas-wrestling in educational, training and sports work with cadets

Вывод

В заключение можно сделать вывод, что внедрение учебно-тренировочных занятий и соревнований по мас-рестлингу в спортивно-массовую работу с курсантами ВООВО войск национальной гвардии, будет способствовать комплексному развитию физических, психологических и волевых качеств, повышению вариативности двигательных навыков, росту спортивного ма-

стерства и достижению высоких спортивных результатов, повышению успешности курсантов при освоении программного объема и при выполнении практических учебно-боевых задач и как следствие, более качественной физической прикладной подготовке обучающихся к последующей профессиональной деятельности в войсках.

Список источников

1. Акопян А. О. Федеральные стандарты спортивной подготовки -нормативы физической подготовленности на этапе начальной подготовки в видах единоборств / А. О. Акопян, А. Н. Волков, Б. Н. Шустин // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2015. № 2 (125). С. 10–15.
2. Алексеев В. Н. Мышечная активность мас-рестлеров при выполнении приемов тяги в соревновательной деятельности / В. Н. Алексеев, И. И. Готовцев, Т. Г. Артёменко, В. Н. Логинов // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2018. № 2. С. 97–103.
3. Артахинова С. Р. Определение зоны интенсивности нагрузки во время схватки в мас-рестлинге методом подсчета ЧСС / С. Р. Артахинова, Т. В. Егоров, А. А. Захаров // Состояние, опыт и перспективы развития физкультурного движения Якутии: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию физкультурного движения в Российской Федерации (18 декабря 2013 г.). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. С. 179–180.
4. Афонина И. П. Оптимизация технической подготовки единоборцев // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2013. № 1. С. 177–181.
5. Ашкинази С. М. Техничко-тактическая подготовка спортсменов в комплексных единоборствах: монография / С. М. Ашкинази, К. В. Климов. СПб., 2007. 145 с.

6. Борзунов А. В. Программирование в спортивной борьбе. М. : Спортивная борьба: Ежегодник, 1983. С. 44–47.
7. Борохин М. И. Использование двигательных средств коренных народов Якутии в физическом воспитании студентов // Теория и практика физической культуры. 2012. № 10. С. 30–32.
8. Борохин М. И. Подготовка спортсменов по перетягиванию палки «мас тардыкыы» в Якутском государственном университете / М. И. Борохин, А. А. Захаров // Национальные виды спорта, народные игры в современной системе физического воспитания и образования: материалы II Республиканской научно-практической конференции. Якутск, 2002. С. 109–112.
9. Борохин М. И. Разработка специальных упражнений для обучения техники приема у масрестлеров / М.И. Борохин, М. А. Федоров // Состояние, опыт и перспективы развития физкультурного движения Якутии: сборник региональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию физкультурного движения в Российской Федерации. Киров, 2014. С. 491–494.
10. Варвариков А. Л. Соревнования по ОФП как инструмент контроля физической подготовленности спортсменов, занимающихся мас-рестлингом / А. Л. Варвариков, П. С. Филатов, Е. П. Кудрин [и др.] // Состояние, опыт и перспективы развития физкультурного движения Якутии: материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию развития физкультурного движения в Российской Федерации. Якутск, 2013. С. 185–186.
11. Денисов В. П. Эффективность выполнения приемов при наружном хвате палки в мас-рестлинге / В. П. Денисов, А. А. Захаров, Я. Ю. Захарова // Кочневские чтения: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию В. П. Кочнева. Якутск, 2011. С. 24–30.
12. Захаров А. А. Мас-рестлинг: учебное пособие / А. А. Захаров. Якутск: Изд-во Якутского университета, 2006. 160 с.
13. Захаров А. А. Особенности специальной физической подготовки в мас-рестлинге // Физическая культура и спорт в современном обществе: материалы Всероссийской научной конференции. Хабаровск: ДВГУПС, 2011. С. 73–74.
14. Захаров А. А. Параметры движения спортивного инвентаря во время выполнения технического приема «мускуйан тардыы» (попеременная тяга) в мас-рестлинге / А. А. Захаров, А. П. Гольдман, Е. П. Кудрин [и др.] // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2015. № 5 (123). С. 69–74.
15. Захаров А. А. Мас-рестлинг: практическое пособие / А. А. Захаров, Я. Ю. Захарова, В. Н. Логинов, Н. Э. Константинов. Якутск: ООО «Реактив Принт», 2018. 135 с.
16. Кириченко Р. В. Частная методика тренировки основных физических качеств и прикладных двигательных навыков у военнослужащих внутренних войск МВД России в разных формах физической подготовки: методическое пособие / Р. В. Кириченко, И. Е. Кабаев. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского военного института МВД России, 2011. 137 с.
17. Кочнев В. П. Традиционные игры и состязания якутов (Традиционные игры и состязания народов Арктики) / В. П. Кочнев, П. П. Готовцев, Н. К. Шамаев. Якутск: Северовед, 1997. 23 с.
18. Кривошапкин П. И. Подбор упражнений специально-силовой подготовки в мас-рестлинге / П. И. Кривошапкин, Е. П. Кудрин, В. Г. Старостин // Теория и практика физической культуры и спорта. 2015. № 9. С. 78–90.
19. Лобанов Ю. Я. Физическая подготовка в вопросах и ответах: методическое пособие / Ю. Я. Лобанов, Р. В. Кириченко. СПб. : Санкт-Петербургский военный институт МВД России, 2012. 96 с.
20. Наставление по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации. М. : Федеральная служба войск Российской Федерации, 2018. 70 с.
21. Прокопенко В. В. Специальная профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии: монография. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2021. 227 с.
22. Прокопенко В. В. Организация и методика специальной функциональной подготовки курсантов военных образовательных организаций высшего образования: монография. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2022. 230 с.
23. Специальная функциональная подготовка: учебное пособие / сост. В. В. Ефимов; под ред. И. С. Скаковец. Пермь: Изд-во ПВИ войск национальной гвардии, 2019. 150 с.

24. Шадрина А. А. Якутские народные игры: учебное пособие. Якутск, 1990. 93 с.

References

1. Akopyan A. O. Federal standards of sports training - standards of physical fitness at the initial training stage in combat sports / A. O. Akopyan, A. N. Volkov, B. N. SHustin // *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2015;2 (125): 10–15. (In Russ.).
2. Alekseev V. N. Muscle activity of mas-wrestlers during pull-ups in competitive activities / V. N. Alekseev, I. I. Gotovcev, T. G. Artyomenko, V. N. Loginov // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 2018;2: 97–103. (In Russ.).
3. Artahinova S. R. Opredelenie zony intensivnosti nagruzki vo vremya skhvatki v mas-restlinge metodom podscheta CHSS / S. R. Artahinova, T. V. Egorov, A. A. Zaharov // *Sostoyanie, opyt i perspektivy razvitiya fizkul'turnogo dvizheniya YAKutii: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu fizkul'turnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii (18 dekabrya 2013 g.)*. YAKutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2013. S. 179–180. (In Russ.).
4. Afonina I. P. Optimization of technical training of martial artists // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 2013;1: 177–181. (In Russ.).
5. Ashkinazi S. M. Tekhniko-takticheskaya podgotovka sportsmenov v kompleksnyh edinoborstvakh: monografiya / S. M. Ashkinazi, K. V. Klimov. SPb., 2007. 145 s. (In Russ.).
6. Borzunov A. V. Programmirovaniye v sportivnoj bor'be. M. : Sportivnaya bor'ba: Ezhegodnik, 1983. S. 44–47. (In Russ.).
7. Borohin M. I. Using the motor skills of the indigenous peoples of Yakutia in the physical education of students // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2012;10: 30–32. (In Russ.).
8. Borohin M. I. Podgotovka sportsmenov po peretyagivaniyu palki «mas tardyky» v YAKutskom gosudarstvennom universitete / M. I. Borohin, A. A. Zaharov // *Nacional'nye vidy sporta, narodnye igry v sovremennoj sisteme fizicheskogo vospitaniya i obrazovaniya: materialy II Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. YAKutsk, 2002. S. 109–112. (In Russ.).
9. Borohin M. I. Razrabotka special'nyh uprazhnenij dlya obucheniya tekhniki priema u masrestlerov / M. I. Borohin, M. A. Fedorov // *Sostoyanie, opyt i perspektivy razvitiya fizkul'turnogo dvizheniya YAKutii: sbornik regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu fizkul'turnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii*. Kirov, 2014. S. 491–494. (In Russ.).
10. Varvarikov A. L. Sorevnovaniya po OFP kak instrument kontrolya fizicheskoy podgotovlennosti sportsmenov, zanimayushchihsy mas-restlingom / A. L. Varvarikov, P. S. Filatov, E. P. Kudrin [i dr.] // *Sostoyanie, opyt i perspektivy razvitiya fizkul'turnogo dvizheniya YAKutii: materialy Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu razvitiya fizkul'turnogo dvizheniya v Rosijskoj Federacii*. YAKutsk, 2013. S. 185–186. (In Russ.).
11. Denisov V. P. Effektivnost' vypolneniya priemov pri naruzhnom hvate palki v mas-restlinge / V. P. Denisov, A. A. Zaharov, YA. YU. Zaharova // *Kochnevskie chteniya: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu V. P. Kochneva*. YAKutsk, 2011. S. 24–30. (In Russ.).
12. Zaharov A. A. Mas-restling: uchebnoe posobie / A. A. Zaharov. YAKutsk: Izd-vo YAKutskogo universiteta, 2006. 160 s. (In Russ.).
13. Zaharov A. A. Osobennosti special'noj fizicheskoy podgotovki v mas-restlinge // *Fizicheskaya kul'tura i sport v sovremenном obshchestve: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Habarovsk: DVGUPS, 2011. S. 73–74. (In Russ.).
14. Zaharov A. A. Parameters of the movement of sports equipment during the execution of the technical reception "muskuyan tardy" (alternating pull) in mas-wrestling / A. A. Zaharov, A. P. Gol'dman, E. P. Kudrin [i dr.] // *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2015;5 (123): 69–74. (In Russ.).
15. Zaharov A. A. Mas-restling: prakticheskoe posobie / A. A. Zaharov, YA. YU. Zaharova, V. N. Loginov, N. E. Konstantinov. YAKutsk: ООО «Реактив Print», 2018. 135 s. (In Russ.).
16. Kirichenko R. V. CHastnaya metodika trenirovki osnovnyh fizicheskikh kachestv i prikladnyh dvigatel'nyh navykov u voennosluzhashchih vnutrennih vojsk MVD Rossii v raznyh formah fizicheskoy podgotovki: metodicheskoe posobie / R. V. Kirichenko, I. E. Kabaev. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta MVD Rossii, 2011. 137 s. (In Russ.).
17. Kochnev V. P. Tradicionnye igry i sostyazaniya yakutov (Tradicionnye igry i sostyazaniya narodov Arktiki) / V. P. Kochnev, P. P. Gotovcev, N. K. SHamaev. YAKutsk: Severoved, 1997. 23 s. (In Russ.).

18. Krivoshapkin P. I. Selection of exercises for special strength training in mas-wrestling / P. I. Krivoshapkin, E. P. Kudrin, V. G. Starostin // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury i sporta*. 2015;9: 78–90. (In Russ.).
19. Lobanov YU. YA. Fizicheskaya podgotovka v voprosah i otvetah: metodicheskoe posobie / YU. YA. Lobanov, R. V. Kirichenko. SPb. : Sankt-Peterburgskij voennyj institut MVD Rossii, 2012. 96 s. (In Russ.).
20. *Nastavlenie po fizicheskoy podgotovke v voyskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii*. M. : Federal'naya sluzhba vojsk Rossijskoj Federacii, 2018. 70 s. (In Russ.).
21. Prokopenko V. V. *Special'naya professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka kursantov voennykh obrazovatel'nykh organizacij vysshego obrazovaniya vojsk nacional'noj gvardii: monografiya*. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2021. 227 s. (In Russ.).
22. Prokopenko V. V. *Organizaciya i metodika special'noj funkcional'noj podgotovki kursantov voennykh obrazovatel'nykh organizacij vysshego obrazovaniya: monografiya*. SPb. : Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2022. 230 s. (In Russ.).
23. *Special'naya funkcional'naya podgotovka: uchebnoe posobie* / sost. V. V. Efimov; pod red. I. S. Skakovec. Perm': Izd-vo PVI vojsk nacional'noj gvardii, 2019. 150 s. (In Russ.).
24. SHadrina A. A. *Yakutskie narodnye igry: uchebnoe posobie*. YAkutsk, 1990. 93 s. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Прокопенко – кандидат педагогических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 14.04.2025;
одобрена после рецензирования 10.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

V. V. Prokopenko – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

The article was submitted 14.04.2025;
approved after reviewing 10.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

**ОСОБЕННОСТИ РОЛЕВОЙ ГИБКОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРЕ
СТАТУСНО-РОЛЕВОЙ ПОДСИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ**

Александр Викторович Спирин¹, Михаил Иванович Федоришин²

¹ Главное управление образования и науки Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва,

² Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

^{1,2} Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Новосибирск, Россия

¹ spirin-77@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0003-3112-5298

² maskarad14@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-6790-4835

Аннотация. Актуальность: Современные условия службы в силовых структурах характеризуются высокой динамичностью, многозадачностью и необходимостью быстрой адаптации к меняющимся обстоятельствам. В условиях глобализации и изменения социальных структур актуальность изучения ролевого поведения возрастает, так как оно влияет на эффективность взаимодействий в различных сферах общества. Современная ситуация характеризуется напряженностью на экономической и политической аренах, что обуславливает необходимость качественной подготовки курсантов к ведению современного боя. Военнослужащие действуют в различных условиях как в мирное, так и военное время, об этом говорит и ситуация, происходящая в районе выполнения специальной военной операции, где военнослужащие выполняют служебно-боевые задачи в составе сводного воинского формирования. В этих условиях особую значимость приобретает статусно-ролевая подсистема коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих, которая в свою очередь комплексировывает статусы и роли, распределенные в малой группе военнослужащих, и требуют специализированных знаний курсантов – будущих офицеров, как способность эффективно выполнять различные социальные и профессиональные роли в зависимости от специальных, функциональных и должностных обязанностей. Данная компетенция становится ключевой для успешной интеграции в профессиональное сообщество и реализации служебных задач. Основные выводы: Одной из значимой подсистемы коллективной ментальной модели является – статусно-ролевая, в структуре которой находится компонент ролевая гибкость представляющей собой важный психологический конструкт, особенно значимый в контексте подготовки будущих офицеров. Данная статья предлагает теоретический анализ феномена ролевой гибкости курсантов военных учебных заведений, рассматривая её сущность, структуру, факторы развития и значение для профессионального становления военнослужащих. Практическая значимость: полученные результаты вскрывают необходимость в процессе профессиональной подготовки курсантов развивать ролевую гибкость путем включения в образовательный процесс отработки кейсов, направленных на решение смоделированных служебно-боевых ситуаций с целью активации и усиления интеграции структурных компонентов статусно-ролевой подсистемы коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих.

Ключевые слова: коллективная ментальная модель взаимодействия, статусно-ролевая подсистема, роли, ролевая гибкость, ролевое самопознание, ролевое социальное познание, ролевая рефлексия, ролевой репертуар, военнослужащие, курсанты

Для цитирования: Спирин А.В., Федоришин М.И. Особенности ролевой гибкости как социально значимого компонента в структуре статусно-ролевой подсистемы коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 269–277. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/026.pdf>.

FEATURES OF ROLE FLEXIBILITY AS A SOCIALLY SIGNIFICANT COMPONENT IN THE STRUCTURE OF THE STATUS-ROLE SUBSYSTEM OF COLLECTIVE MENTAL MODELS OF MILITARY PERSONNEL INTERACTION

Alexander V. Spirin¹, Mihail I. Fedorishin²

¹ Main Department of Education and Science of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow

² Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

^{1,2} Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia

¹ spirin-77@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0003-3112-5298

² maskarad14@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-6790-4835

Abstract. Modern conditions of service in law enforcement agencies are characterized by high dynamism, multitasking and the need to quickly adapt to changing circumstances. In the context of globalization and changing social structures, the relevance of studying role behavior is increasing, as it affects the effectiveness of interactions in various spheres of society. The current situation is characterized by tension in the economic and political arenas, which necessitates the high-quality training of cadets for modern combat. Military personnel operate in various conditions, both in peacetime and in wartime, as evidenced by the situation in the area of a special military operation, where military personnel perform service and combat tasks as part of a combined military formation. In these conditions, the status-role subsystem of collective mental models of military personnel interaction is of particular importance, which in turn integrates statuses and roles distributed in a small group of military personnel and requires specialized knowledge of cadets – future officers, such as the ability to effectively perform various social and professional roles depending on special, functional and job responsibilities. This competence is becoming key for successful integration into the professional community and the implementation of official tasks. Main conclusions: One of the significant subsystems of the a collective mental model is the status–role subsystem, in the structure of which there is a component of role flexibility, which is an important psychological construct, especially significant in the context of training future officers. This article offers a theoretical analysis of the phenomenon of role flexibility of cadets of military educational institutions, considering its essence, structure, development factors and importance for the professional development of military personnel. Practical significance: the results obtained reveal the need to develop role flexibility in the process of professional training of cadets by including in the educational process case studies aimed at solving simulated service and combat situations in order to activate and enhance the integration of structural components of the status–role subsystem of collective mental models of interaction between military personnel.

Keywords: collective mental model of interaction, status-role subsystem, roles, role flexibility, role-based self-knowledge, role-based social cognition, role reflection, role repertoire, military personnel, cadets

For citation: Spirin A.V., Fedorishin M.I. Features of role flexibility as a socially significant component in the structure of the status-role subsystem of collective mental models of military personnel interaction. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 269–277. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/026.pdf>.

© Спири́н А.В., Фе́доришин М.И., 2025

Введение

В связи с быстрым социокультурным, экономическим, политическим и нравственным развитием современного общества, а также нарастающими геополитическими рисками в силовых структурах возникает необходимость выполнять задачи, ранее незнакомые личному составу. Статусно-ролевая подсистема комплексует статусы и роли, которые должны быть распределены в малой группе военнослужащих и требуют специализированных знаний. В свою очередь, эффективность военного подразделения при выпол-

нении служебно-боевых задач зависит от готовности каждого военнослужащего добросовестно выполнять служебно-боевые задачи, согласно своей роли и статусу в воинском формировании.

Специфика выполнения служебно-боевых задач в военное время состоит в том, что из нескольких штатных структур создается одно сводное подразделение. В этом случае мы имеем дело с личным составом одного подразделения, который не взаимодействовал в повседневной жизнедеятельности. Это оказывает влияние на командообразование и вызывает опреде-

ленные риски в период выполнения служебных задач во время проведения боевых действий. В то же время отработка навыков формирования коллективной ментальной модели взаимодействия военнослужащих (далее – КММ) облегчает понимание между членами воинского подразделения и, соответственно, повышает успешность выполнения мероприятий в военно-профессиональной деятельности как в мирное, так и военное время. Одной из значимой подсистемы КММ является статусно-ролевая, в структуре которой находится компонент ролевая гибкость представляющей собой важный психологический конструкт, особенно значимый в контексте подготовки будущих офицеров. Данная статья предлагает теоретический анализ феномена ролевой гибкости курсантов военных учебных заведений, рассматривая её сущность, структуру, факторы развития и значение для профессионального становления военнослужащих.

Основная часть

Ролевая гибкость определяется как способность индивида адаптивно менять поведенческие паттерны в соответствии с требованиями социальных ситуаций и ролевых ожиданий [7]. В психологической литературе это понятие тесно связано с концепциями социальной адаптации, ролевой компетентности и психологической пластичности.

Согласно теории Р. Мертона, ролевая гибкость является важным компонентом ролевого набора личности и позволяет разрешать ролевые конфликты и напряжения [5]. В своих работах А. В. Петровский рассматривает данный феномен в контексте персонализации личности и её адаптации к различным социальным группам [14]. Структурные компоненты ролевой гибкости состоят из:

- когнитивного компонента, который позволяет тщательно изучить необходимую роль, ее функции и значение в определенной жизнедеятельности;
- самоисследования с целью определения ролевых ограничений и психологических барьеров;
- поведенческих экспериментов, включающих в себя практика новых ролей в комфортных условиях;
- интеграция опыта – изучение и применения раннее неизученного ролевого поведения в повседневную жизнедеятельность;
- контекстуальная адаптация способствует формированию и развитию чувстви-

тельности к нестандартным ситуациям, когда возникает необходимость в ролевом переключении.

Одним из основных структурных компонентов ролевой гибкости является когнитивный компонент, который в свою очередь, включает понимание ролевых ожиданий, осознание множественности социальных ролей, рефлекссию собственного ролевого поведения [18]. Таким образом, играет важнейшую составляющую для профессионального становления курсантов в военно-профессиональной среде и заключается в осмыслении, понимании, а также интерпретации различных ролевых позиций. В современной психологической литературе когнитивный аспект ролевой гибкости рассматривается в работах отечественных и зарубежных исследователей с различных методологических позиций, что обуславливает необходимость систематизации и сопоставления данных подходов. В этой связи Дж. Келли в своей теории личностных конструктов определяет когнитивный компонент ролевой гибкости как систему индивидуальных конструктов, позволяющих человеку интерпретировать социальные ситуации и выбирать соответствующие поведенческие стратегии [7, 5]. По мнению автора, ролевая гибкость напрямую зависит от когнитивной сложности личности – способности использовать многомерную систему конструктов при анализе социальных ситуаций. Развивая идеи Дж. Келли, Р. Харре ввел понятие «ролевого сознания» – когнитивной структуры, ответственной за декодирование социальных ожиданий и трансформацию их в поведенческие программы [7]. Ученый подчеркивает, что ролевая гибкость определяется способностью к постоянной ревизии и реконструкции индивидуальной системы конструктов. Именно поэтому она необходима в профессиональной деятельности, особенно в той, где имеются постоянно изменчивые ситуации, решение по которым необходимо принимать в кратчайшее время.

В рамках когнитивно-социальной теории личности, автором которой является У. Мишел, акцентируется внимание на «ролевых схемах» как когнитивных структурах, содержащих информацию о типичных атрибутах и поведенческих паттернах, связанных с определенными социальными ролями [12]. По мнению ученого, когнитивный компонент ролевой гибкости проявляется в скорости активации релевантных ролевых схем при изменении контекста взаимо-

действия. Следовательно, именно ролевая гибкость способствует успешному взаимодействию членов внутри социальной группы. В свою очередь, в российской литературе А. Н. Леонтьев в рамках теории деятельности рассматривает когнитивный компонент ролевой гибкости через призму осознания мотивов и целей деятельности [10]. С его точки зрения, понимание структуры деятельности и ее социального контекста позволяет личности осознанно регулировать свое поведение в соответствии с меняющимися условиями социальной среды. В свою очередь, В. В. Столин акцентирует внимание на самосознании как когнитивной основе ролевой гибкости [15]. Он утверждает, что развитое самосознание позволяет личности «видеть себя со стороны» в различных ролевых позициях и осуществлять сознательную регуляцию ролевого поведения. Автор отмечает, что именно когнитивный параметром является основным развития и формирования ролевой гибкости. Так, в исследованиях Ю. М. Перевозкиной с соавторами подтверждается данное факт, что от уровня сформированности когнитивной сферы военнослужащих зависит успешность выполнения служебно-боевых задач. Идентичного мнения в своих научных трудах придерживается Е. А. Климов, который в контексте своей теории профессионального становления личности рассматривает когнитивный компонент ролевой гибкости как элемент профессионального сознания [8]. По его мнению, формирование образов профессиональных ролей и понимание требований профессии составляет когнитивную основу профессиональной гибкости, которая в свою очередь влияет на взаимодействие внутри группы и в целом на эффективность выполнения своих профессионально-трудовых обязанностей. Специфику применения ролевой гибкости военнослужащих в служебно-боевой деятельности в своих исследованиях отмечает А. Г. Караяни, доказывая, что когнитивный компонент ролевой гибкости курсантов имеет свою специфику, обусловленную особенностями военной службы [5]. Автор выделяет такие элементы, как понимание иерархической структуры военной организации, осознание границ формального и неформального взаимодействия, знание нормативных требований к различным ролевым позициям военнослужащего. Именно поэтому в своей профессиональной деятельности военнослужащие должны выполнять должностные, специальные и

функциональные обязанности, согласно их ролей в воинском формировании, что влияет на эффективность решения служебно-боевых задач. В свою очередь, И. В. Сыромятников обращает внимание на роль когнитивных схем в обеспечении ролевой гибкости военнослужащих [6]. По его мнению, усвоение когнитивных схем, соответствующих различным служебным ситуациям, позволяет курсантам быстро ориентироваться в меняющихся условиях и выбирать адекватные модели поведения. Следовательно, когнитивные особенности личности позволяют успешно выполнять смоделируемые и ситуационные служебно-боевые задачи, ранее не знакомы военнослужащему.

Дополняя научное мнение вышеуказанного автора, В. Ф. Перевалов рассматривает когнитивный компонент ролевой гибкости курсантов через призму военно-профессионального мышления [13]. Он утверждает, что развитое военно-профессиональное мышление позволяет будущим офицерам осуществлять быстрый анализ ситуации и принимать решения о выборе оптимальной ролевой позиции. Именно развитие мышления способствует развитию ролевой гибкости у военнослужащих, благодаря которой формируются основные важные профессиональные качества с целью успешного выполнения повседневных задач. В свою очередь, Э. П. Утлик в своих научных трудах дополняет концепцию ролевой гибкости и вводит понятие «ролевого самосознания военнослужащего» как основы когнитивного компонента ролевой гибкости [18]. По его мнению, ролевое самосознание включает в себя осознание собственных ролевых репертуаров, понимание ожиданий командиров и подчиненных, способность к рефлексии своего ролевого поведения.

Таким образом, сопоставление различных теоретических подходов позволяет выявить как общие точки соприкосновения, так и специфические особенности в понимании когнитивного компонента ролевой гибкости. Так, данный компонент является основополагающим и структурообразующим параметром ролевой гибкости. Его развитие у военнослужащих способствует к осознанию границ формального и неформального взаимодействия, повышению знаний нормативных требований к различным ролевым позициям военнослужащего в военно-профессиональной среде. Позволяет им быстро ориентироваться в меняющихся условиях и выбирать

адекватные модели поведения с целью эффективного выполнения служебно-боевых задач. В свою очередь для повышения уровня когнитивного компонента ролевой гибкости существуют вариативные модели развития

Одной из основополагающих моделью поэтапного развития (на основе подхода Л. С. Выготского) предполагает постепенное формирование когнитивного компонента ролевой гибкости через последовательное прохождение следующих этапов:

1. Этап внешнего освоения ролевых позиций через наблюдение и подражание.
2. Этап интериоризации ролевых моделей и формирования внутренних когнитивных схем.
3. Этап автономизации и творческой реконструкции ролевых позиций.

Следующая модель контекстного обучения (на основе подхода А. А. Вербицкого) ориентирована на развитие когнитивного компонента ролевой гибкости через погружение курсантов в различные профессиональные контексты:

1. Учебный контекст: формирование базовых представлений о ролевых позициях военнослужащего.
2. Квазипрофессиональный контекст: освоение ролевых моделей в условиях моделирования профессиональных ситуаций.
3. Учебно-профессиональный контекст: развитие ролевой гибкости в реальных условиях служебной деятельности.

Вышеуказанные контексты подтверждают тот факт, что именно образовательная деятельность способствует формированию у личности ролевой гибкости, так как в военно-профессиональной среде военнослужащий реализует несколько ролей, в зависимости от своих должностных, специальных и функциональной обязанностей, следовательно, ему необходима ролевая готовность для минимизирования времени адаптации к новой должности и роли в целом.

Следующая модель, которая дополняет образовательную деятельность, раскрывает проблемного обучения (на основе подхода А. М. Матюшкина) предполагает развитие когнитивного компонента ролевой гибкости через решение проблемных ситуаций, требующих смены ролевых позиций:

1. Создание проблемных ситуаций, демонстрирующих неэффективность привычных ролевых моделей.

2. Организация познавательной деятельности по поиску и освоению новых ролевых позиций.

3. Рефлексивный анализ опыта преобразования ролевого поведения.

Данная модель дает возможность всестороннему обеспечению профессиональной деятельности методом взаимозаменяемости внутри коллектива, когда возникает необходимость выполнять должностные обязанности другого члена группы, тем самым минимизируется затрата времени на поиск и обучения нового сотрудника и расширяются профессиональные качества, умения и опыт индивида, который стал исполнять другую роль.

На основе сопоставления различных теоретических подходов можно предложить общую синтетическую модель развития когнитивного компонента ролевой гибкости курсантов, включающую следующие направления работы:

1. Развитие ролевой рефлексии через организацию систематического анализа и оценки собственного ролевого поведения в различных ситуациях военно-профессиональной деятельности. Это направление опирается на идеи Р. Тернера [17], Э. Гоффмана [3] и В. В. Столина [15].

2. Формирование когнитивной сложности через обогащение системы конструктов, используемых для интерпретации социальных ситуаций. Данное направление базируется на теоретических положениях Дж. Келли [7] и Р. Харре [21].

3. Развитие ролевой компетентности через освоение знаний о ролевых ожиданиях, нормах и правилах поведения в различных ситуациях военно-профессиональной деятельности. Это направление опирается на концепцию П. П. Горностая [2] и исследования А. Г. Караяни [5].

4. Совершенствование военно-профессионального мышления через решение ситуационных задач, требующих быстрого анализа обстановки и выбора оптимальной ролевой позиции. Данное направление базируется на идеях В. Ф. Первалова [13] и И. В. Сыромятникова [6].

5. Формирование ролевого самосознания через организацию рефлексивных практик, направленных на осознание собственных ролевых репертуаров и ограничений. Это направление опирается на концепции Утлика [18] и Столина [15].

Вместе с тем существуют и различия в вышеуказанных подходах такие как:

1. Когнитивно-психологический подход сфокусирован на индивидуальных когнитивных структурах и процессах; социально-психологический (Э. Гоффман, Р. Тернер) – на интерпретации социальных ситуаций и взаимодействий, а деятельностный подход (А. Н. Леонтьев, Е. А. Климов) – на осознании структуры деятельности и ее социального контекста.

2. Степень детерминированности. Подходы различаются оценкой степени влияния социальной среды на когнитивный компонент ролевой гибкости: от выраженного социального детерминизма представленного у Э. Гоффмана [3] до большей автономии личностных конструктов, который описал Дж. Келли [7].

3. Акцент на статических или динамических характеристиках. Дж. Келли и В. В. Столин делает акцент на относительно устойчивых когнитивных структурах, обеспечивающих ролевую гибкость, другие [7, 15] подчеркивают значение динамических когнитивных процессов.

На основе проведенного теоретического анализа можно выделить следующие структурные элементы когнитивного компонента ролевой гибкости курсантов:

1. Ролевое самопознание – осознание собственных ролевых позиций, предпочтений и ограничений. Данный элемент наиболее полно раскрывается в работах В. В. Столина [15] и Э. П. Утлика [18], которые подчеркивают значение самосознания для эффективного ролевого поведения.

2. Ролевое социальное познание – понимание ролевой структуры военной организации, ожиданий в отношении различных ролей, требований к ролевому поведению. Этот аспект детально разработан в исследованиях А. Г. Караяни [5] и И. В. Сыромятникова [6].

3. Ролевая антиципация – способность предвидеть развитие ситуации взаимодействия и прогнозировать последствия своего ролевого поведения. Значение данного элемента отмечается в работах В. Ф. Перевалова [13] и П. П. Горностая [2].

4. Ролевая рефлексия – способность анализировать эффективность собственного ролевого поведения и корректировать его на основе полученного опыта. Наиболее полно раскрывается в концепциях Р. Тернера [17] и Э. Гоффмана [3].

5. Ролевой репертуар – система ролевых моделей, которыми владеет курсант и которые он может актуализировать в различных ситуациях. Этот аспект подробно

рассматривается в работах П. П. Горностая [2] и У. Мишела [12].

В свою очередь в военно-образовательной деятельности, как было доказано ранее, ролевая гибкость курсантов является основополагающим компонентом, который необходимо системно и постоянно развивать с целью эффективного выполнения служебно-боевых задач. Теоретический анализ позволяет выделить следующие факторы, влияющие на развитие ролевой гибкости курсантов:

1. Организационно-педагогические факторы – особенности образовательной среды военного вуза, применяемые методы обучения и воспитания, возможности для ролевого экспериментирования.

2. Социально-психологические факторы – характеристики референтных групп, групповые нормы, особенности межличностного взаимодействия.

3. Личностные факторы – определяются как «индивидуально-психологические особенности курсантов, предыдущий опыт социализации, когнитивная сложность».

4. Профессионально-деятельностный фактор – определяется как специфика осваиваемой специальности, требования будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, существуют особенности ролевой гибкости в условиях военного образования, которые были изучены следующими авторами:

По мнению Э. П. Утлика, военное образование создает специфический контекст для развития ролевой гибкости курсантов. С одной стороны, жесткая иерархическая структура, регламентированность деятельности и строгая дисциплина могут ограничивать проявления индивидуальности и спонтанности поведения [18]. С другой стороны, А. В. Кравцов считает, что необходимость выполнять различные служебные функции, взаимодействовать с разными категориями военнослужащих и гражданских лиц создает предпосылки для развития ролевого репертуара [9].

Исследования А. Г. Караяни показывают, что в процессе обучения курсанты осваивают множество ролей: обучающегося, подчиненного, командира малой группы, наставника, коллеги, представителя воинской профессии и др. Успешное освоение этих ролей требует развитой ролевой гибкости. Следовательно, значение ролевой гибкости для профессионального становления военнослужащих [5].

Ролевая гибкость играет важную роль в профессиональном становлении будущих офицеров по следующим причинам:

1. Способствует эффективной адаптации к условиям военной службы и преодолению адаптационных кризисов [20].
2. Позволяет успешно разрешать ролевые конфликты, возникающие в процессе профессиональной деятельности [4].
3. Обеспечивает психологическую готовность к смене условий деятельности (переход от учебной к служебной деятельности, смена места службы и т.д.) [9].
4. Выступает фактором профилактики профессиональной деформации и эмоционального выгорания [13].
5. Создает основу для развития лидерских качеств и командных навыков [13].

Ролевая гибкость как психологический феномен представляет особый интерес при исследовании профессионального становления курсантов военных и силовых структур. Согласно работам Ю. М. Перевозкиной с соавторами ролевая гибкость является ключевым компонентом в процессе профессиональной адаптации и социализации военнослужащих [19]. Авторы определяют ролевую гибкость как способность индивида эффективно переключаться между различными социальными ролями, адаптировать свое поведение к требованиям ситуации без потери личностной целостности. В контексте военного образования этот навык приобретает особую значимость, поскольку курсанты должны одновременно осваивать несколько ролей:

1. Роль обучающегося (студента).
2. Роль военнослужащего (подчиненного).
3. Роль будущего командира (руководителя).
4. Роль коллеги в учебной группе.

Авторы отмечают, что эти роли могут вступать в противоречие друг с другом, создавая ролевой конфликт, преодоление которого требует формирования высокого уровня ролевой гибкости [13].

Согласно концепции Ю. Перевозкиной, формирование ролевой гибкости у курсантов проходит несколько этапов:

1. Адаптационный этап (1 курс) – характеризуется первичным освоением военно-профессиональных ролей, часто сопровождается ролевым стрессом и конфликтами.
2. Идентификационный этап (2–3 курсы) – связан с принятием военно-профессиональной идентичности и интеграцией новых ролей в Я-концепцию.

3. Интеграционный этап (4–5 курсы) – формирование целостной ролевой системы, развитие способности к гибкому переключению между ролями.

М. И. Федоришин с коллегами в своих работах подчеркивают значимость социокультурного контекста в формировании ролевой гибкости. Военная среда с ее специфическими нормами, традициями и ценностями создает особое пространство для освоения ролей. Проведенные ими исследования доказывают, что успешность этого процесса зависит от индивидуально-психологических особенностей курсантов, характера образовательной среды и применяемых педагогических технологий [13]. Исследователь отмечает, что успешное формирование ролевой гибкости невозможно без учета следующих факторов:

- Особенности воинской культуры и этоса.
 - Специфика иерархических отношений в военной среде.
 - Гендерные аспекты военно-профессиональных ролей.
 - Изменения в социальных ожиданиях относительно роли военнослужащего в современном обществе.
- В своих методических разработках Ю. М. Перевозкина предлагает комплекс практических мероприятий по развитию ролевой гибкости курсантов, включающий:
- Ролевые игры и тренинги.
 - Рефлексивные практики.
 - Моделирование ситуаций профессиональной деятельности.
 - Психологическое сопровождение курсантов на разных этапах обучения.

Выводы

Таким образом, теоретический анализ ролевой гибкости курсантов позволяет рассматривать данный феномен как важнейший компонент статусно-ролевой подсистемы коллективных ментальных моделей взаимодействия военнослужащих, что способствует профессиональному становлению будущих офицеров и эффективному выполнению служебно-боевых задач в составе воинского формирования. Ролевая гибкость выступает как интегративное качество личности, позволяющее эффективно функционировать в сложной системе социальных отношений военной службы, сохраняя личностную целостность и психологическое благополучие. Эмпирические исследования, проведенные под руководством Ю. М. Перевозкиной [19], подтверждают эффективность этих методов в развитии ролевой гибкости и про-

фессиональной адаптации курсантов. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать: разработка методического инструментария для диагностики ролевой гибкости курсантов, изучение взаимосвязи ролевой гибкости с

другими профессионально важными качествами военнослужащих, создание и апробация программ целенаправленного развития ролевой гибкости в условиях военного образования.

Список источников

1. Выготский Л. С. Психология общая и экспериментальная. Л. : ГИЗ, 1925. С. 5–23.
2. Горностай П. П. Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности. Киев: Интерпресс, 2021. С. 45–67.
3. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-Пресс-Ц, 2021. С. 145–162.
4. Давыдов В. В. Концепция экспериментальной работы в сфере образования / В. В. Давыдов, Ю. В. Громыко // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 31–37.
5. Караяни А. Г. Психология профессиональной деятельности военнослужащих // Военная психология: методология, теория, практика. М. : Военный университет, 2022. С. 164–182.
6. Караяни А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. СПб. : Питер, 2022. С. 280–295.
7. Келли Дж. Теория личности: Психология личностных конструктов. СПб. : Речь, 2022. С. 156–170.
8. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2023. С. 267–280.
9. Кравцов А. В. Социально-психологическая адаптация курсантов в военном вузе. СПб. : ВА МТО, 2021. С. 78–93.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, 2021. С. 145–156.
11. Мекебаев Н. С. Особенности ролевой структуры в профессиональной деятельности военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации / Н. С. Мекебаев, Ю. М. Перевозкина // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 2 (12). С. 104–109.
12. Мишел У. Когнитивно-социальная теория личности // Психология личности: хрестоматия / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2023. С. 392–407.
13. Перевалов В. Ф. Военно-профессиональное мышление и его формирование у курсантов военных вузов // Военная мысль. 2023. № 3. С. 65–78.
14. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М. : Политиздат, 2022. С. 215–230.
15. Столин В.В. Самосознание личности. М. : Издательство Московского университета, 2022. С. 230–245.
16. Сыромятников И. В. Психология профессиональной субъектности офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации. М. : ВУ, 2022. С. 201–218.
17. Тернер Р. Роль и концепция ролевой дистанции // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 120–132.
18. Утлик Э. П. Психология личности в военной организации. М. : ВУ, 2023. С. 176–189.
19. Федоришин М. И. Специфика выраженности способностей и когнитивных процессов в зависимости от доминирующей ролевой модели курсантов при решении служебно-боевых задач / М. И. Федоришин, Ю. М. Перевозкина // Актуальные проблемы профессионально-практической психологии: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. (Дьячковские чтения – 2022). М., 2022. С. 513–520.
20. Франкл В. Воля к смыслу. М. : Апрель Пресс; Эксмо-Пресс, 2000. 97 с.
21. Харре Р. Социальное бытие как действие: символический интеракционизм против структурного функционализма // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 25–36.
22. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 2021. С. 304–320.

References

1. Vygotskij L. S. Psihologiya obshchaya i eksperimental'naya. L. : GIZ, 1925. S. 5–23. (In Russ.).
2. Gornostaj P. P. Lichnost' i rol': Rolevoj podhod v social'noj psihologii lichnosti. Kiev: Interpress, 2021. S. 45–67. (In Russ.).
3. Goffman E. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni. M. : KANON-Press-C, 2021. S. 145–162. (In Russ.).

4. Davydov V. V. The Concept of Experimental Work in the Field of Education / V. V. Davydov, YU. V. Gromyko // *Voprosy psilogi. 1994;6: 31–37. (In Russ.).*
5. Karayani A. G. Psihologiya professional'noj deyatelnosti voennosluzhashchih // *Voennaya psilogiya: metodologiya, teoriya, praktika. M. : Voennyj universitet, 2022. S. 164–182. (In Russ.).*
6. Karayani A. G. Prikladnaya voennaya psilogiya / A. G. Karayani, I. V. Syromyatnikov. SPb. : Piter, 2022. S. 280–295. (In Russ.).
7. Kelli Dzh. Teoriya lichnosti: Psihologiya lichnostnyh konstruktov. SPb. : Rech', 2022. S. 156–170. (In Russ.).
8. Klimov E. A. Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya. M. : Akademiya, 2023. S. 267–280. (In Russ.).
9. Kravcov A. V. Social'no-psihologicheskaya adaptatsiya kursantov v voennom vuze. SPb. : VAMTO, 2021. S. 78–93. (In Russ.).
10. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M. : Smysl, 2021. S. 145–156. (In Russ.).
11. Mekebaev N. S. Features of the Role Structure in the Professional Activities of the National Guard Troops of the Russian Federation / N. S. Mekebaev, YU. M. Perevozskina // *Voennopravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2022;2 (12): 104–109. (In Russ.).*
12. Mishel U. Kognitivno-social'naya teoriya lichnosti // *Psihologiya lichnosti: hrestomatiya / pod red. D. YA. Rajgorodskogo. Samara: Bahrah-M, 2023. S. 392–407. (In Russ.).*
13. Perevalov V. F. Military-professional thinking and its formation among military university cadets // *Voennaya mysl'. 2023;3: 65–78. (In Russ.).*
14. Petrovskij A.V. Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv. M. : Politizdat, 2022. S. 215–230. (In Russ.).
15. Stolin V.V. Samosoznanie lichnosti. M. : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2022. S. 230–245. (In Russ.).
16. Syromyatnikov I. V. Psihologiya professional'noj sub'ektnosti oficerov Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii. M. : VU, 2022. S. 201–218. (In Russ.).
17. Ternier R. Rol' i koncepciya rolevoj distancii // *Sociologicheskie issledovaniya. 2022;2: 120–132. (In Russ.).*
18. Utlik E. P. Psihologiya lichnosti v voennoj organizacii. M. : VU, 2023. S. 176–189. (In Russ.).
19. Fedorishin M. I. Specifika vyrazhennosti sposobnostej i kognitivnyh processov v zavisimosti ot dominiruyushchej rolevoj modeli kursantov pri reshenii sluzhebno-boevykh zadach / M. I. Fedorishin, YU. M. Perevozskina // *Aktual'nye problemy professional'no-prakticheskoy psilogii: sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. (D'yachkovskie chteniya – 2022). M., 2022. S. 513–520. (In Russ.).*
20. Frankl V. Volya k smyslu. M. : Aprel' Press; Eksmo-Press, 2000. 97 s. (In Russ.).
21. Harre R. Social Being as Action: Symbolic Interactionism vs. Structural Functionalism // *Sociologicheskie issledovaniya. 2021;4: 25–36. (In Russ.).*
22. Shibusani T. Social'naya psilogiya. Rostov n/D: Feniks, 2021. S. 304–320. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 19.07.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 355.123.1/159.91

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ В ЗОНЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Александр Юрьевич Чудаков¹, Алексей Анатольевич Утюганов², Сергей Анатольевич Бондаренко³

¹⁻³Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ chief.chudakov@yandex.ru

² utuganovaa@rosgvard.ru

³ givi1969@rambler.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальной проблеме психофизиологического обеспечения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, выполняющих задачи в условиях специальной военной операции [1]. Рассматриваются основные вызовы и особенности психофизиологического состояния военнослужащих, подвергающихся экстремальным нагрузкам боевого стресса. Анализируются существующие подходы к оказанию медицинской и психологической помощи, а также предлагаются пути совершенствования системы психофизиологического обеспечения с учетом специфики зоны боевых действий. Также в статье рассмотрена организация и методика психофизиологического сопровождения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, выполнявших служебно-боевые задачи экстремального характера. Представлен комплекс мероприятий психофизиологического сопровождения, который включает психофизиологическое изучение, углубленное психологическое и психофизиологическое обследование военнослужащих, мероприятия по оказанию им психофизиологической помощи и психологической поддержки в процессе военно-профессиональной деятельности, а также коррекции нарушенных функциональных состояний.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, специальная военная операция, военно-служащие, психофизиологическое обеспечение, психологическая устойчивость, боевой стресс, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), реабилитация, профилактика

Для цитирования: Чудаков А.Ю., Утюганов А.А., Бондаренко С.А. Психофизиологическое обеспечение деятельности военнослужащих войск национальной гвардии в зоне Специальной военной операции // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 278–287. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/027.pdf>.

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

Original article

PSYCHOPHYSIOLOGICAL SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF MILITARY PERSONNEL THE NATIONAL
GUARD IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION ZONE

Alexander Yu. Chudakov¹, Alexey A. Utyuganov², Sergey A. Bondarenko³

¹⁻³Academy of the National Guard Troops, Saint Petersburg, Russia

¹ chief.chudakov@yandex.ru

² utuganovaa@rosgvard.ru

³ givi1969@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the urgent problem of psychological and physiological support for military personnel of the National Guard of the Russian Federation performing tasks in a special military operation [1]. The main challenges and features of the psychophysiological state of military personnel exposed to extreme loads of combat stress are considered. The article analyzes existing approaches to providing medical and psychological assistance and suggests ways to improve the system of psychophysiological support, taking into account the specifics of the combat zone. The article also discusses the organization and methodology of psychophysiological support for military personnel of the National Guard of the Russian Federation who performed combat missions of an extreme nature. It presents a set of measures for psychophysiological support, which includes psychophysiological examination, in-depth psychological and

psychophysiological examination of military personnel, measures for providing them with psychophysiological assistance and psychological support during their military professional activities, as well as for correcting impaired functional states.

Keywords: National Guard troops, special military operation, military personnel, psychophysiological support, psychological stability, combat stress, post-traumatic stress disorder (PTSD), rehabilitation, and prevention

For citation: Chudakov A.Yu., Utyuganov A.A., Bondarenko S.A. Psychophysiological support for the activities of military personnel the national guard in the Special military operation zone. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 278–287. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/027.pdf>.

© Чудаков А.Ю., Утюганов А.А., Бондаренко С.А., 2025

Введение

Проведение специальной военной операции ставит перед военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации задачи, связанные с высоким уровнем психоэмоционального напряжения, непосредственным риском для жизни и здоровья, а также необходимостью адаптации к постоянно меняющимся условиям служебно-боевой деятельности [27]. Экстремальные условия современных боевых действий, столкновение с насилием и жестокостью, потеря боевых товарищей – всё это оказывает значительное влияние на психическое и физическое здоровье военнослужащих [3]. Недостаточное или неэффективное психофизиологическое обеспечение может привести к снижению боеспособности подразделений, росту числа случаев психологических нарушений и психосоматических заболеваний, включая посттравматическое стрессовое расстройство, и, как следствие, к снижению качества выполнения поставленных служебно-боевых задач [7; 19; 22]. Поэтому разработка и совершенствование комплексной системы психофизиологического обеспечения является первостепенной задачей для поддержания высокого уровня боевой готовности и благополучия личного состава [15].

Войска национальной гвардии Российской Федерации играют ключевую роль в обеспечении общественной безопасности, борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также в выполнении задач в условиях вооруженных конфликтов в различных условиях. Участие в специальной военной операции требует от военнослужащих не только физической выносливости и профессиональной подготовки, но и высокой степени психологической устойчивости. Экстремальные условия, постоянная угроза, необходимость принятия быстрых и ответственных самостоятельных решений в условиях неопределенности, а также эмоциональные переживания, связанные с боевыми действиями, создают колоссальную нагрузку на психику и физическое

здоровье [3; 24]. В связи с этим, психофизиологическое обеспечение становится неотъемлемой частью системы подготовки и поддержания боеготовности военнослужащих. Оно включает в себя комплекс мер, направленных на сохранение и укрепление психического здоровья, профилактику развития патологических психосоматических состояний, оказание своевременной и квалифицированной помощи, а также реабилитацию после выполнения служебно-боевых задач [1; 3; 18].

Основные положения

Военнослужащие Росгвардии, непосредственно участвующие в проведении специальных мероприятий по денацификации и демилитаризации на территории Украины, выполняют задачи по обеспечению безопасности мирных жителей в населённых пунктах, охране объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, поддержанию функционирования администраций органов местного управления, а также изъятию у населения выданного властями Украины вооружения и оружия, найденного на местах боёв. Выполнение поставленных задач происходит в условиях непосредственного соприкосновения с хорошо подготовленным, крайне жестоким противником (в том числе с иностранными наёмниками, военными формированиями, состоящими из бывших уголовников-убийц, маньяков, садистов, насильников и педофилов), что приводит к переживанию военнослужащими серьёзных стрессовых ситуаций и создаёт необходимость поиска действенных способов по их преодолению. Военнослужащие войск национальной гвардии в зоне специальной военной операции (далее – СВО) сталкиваются с уникальным набором психотравмирующих факторов, которые могут отличаться от тех, что испытывают военнослужащие других видов войск.

1. Специфика психотравмирующих факторов в зоне СВО для военнослужащих Росгвардии, к ним относятся [2]:

высокий уровень боевого стресса и неопределённости – постоянная угроза жизни

и здоровью, необходимость действовать в условиях быстро меняющейся обстановки, отсутствие чётких ориентиров и прогнозов;

прямое столкновение с насилием, крайней жестокостью и агрессией – непосредственное участие в боевых действиях, задержание вооруженных лиц, противодействие бандитским и диверсионно-террористическим группам;

эмоциональные переживания, связанные с потерями, утратами и горем – гибель товарищей, ранения, свидетельствование массового мародёрства и грабежей мирных жителей со стороны военнослужащих противника, свидетельствование травм (в том числе смертельных), свидетельствование последствий групповых изнасилований, расправ, пыток и массовых зверских казней пленных и гражданского населения (в том числе детей, женщин, стариков и инвалидов) [2];

отрыв от привычной социальной среды – длительное пребывание вдали от семьи и друзей, ограничение социальных контактов;

информационная перегрузка – постоянный поток информации, часто противоречивой и негативной, из различных источников и различных средств массовой информации [30];

морально-этические дилеммы – необходимость принятия самостоятельных решений в сложных ситуациях, связанных с применением силы и оружия, и ограничением прав граждан;

недостаточная ротация, полноценный сон и отдых – длительное пребывание в зоне боевых действий без возможности полноценного восстановления.

2. Основные направления психофизиологического обеспечения. Система психофизиологического обеспечения военнослужащих Росгвардии в зоне СВО должна включать в себя следующие основные направления:

психофизиологический отбор и подготовка – оценка психологической устойчивости и состояние здоровья кандидатов при поступлении на службу, проведение тренировок, направленных на развитие стрессоустойчивости и физической выносливости, навыков саморегуляции и эффективного взаимодействия в команде [11; 12];

психофизиологическое сопровождение в период подготовки к выполнению задач – информирование о возможных психотравмирующих и боевых травмирующих факторах, обучение техникам преодоления стресса, формирование позитивного настроя и мотивации, обучение приёмам само- и взаимопомощи по программе

тактической медицины [2; 4];

непосредственная психологическая поддержка в зоне боевых действий – организация работы военных психологов в подразделениях, проведение индивидуальных и групповых консультаций, оказание экстренной психологической помощи в кризисных ситуациях;

медицинское обеспечение – своевременное оказание медицинской помощи при травмах и заболеваниях, связанных с выполнением служебно-боевых задач, включая психиатрическую помощь при необходимости; создание уверенности в обязательной эвакуации при ранении (травме, заболевании), обязательном оказании квалифицированной и специализированной медицинской помощи, лечении в лучших лечебных учреждениях страны, реабилитации в санаториях, профилакториях, курортах и домах отдыха [9; 10; 28; 30];

психологическая реабилитация после выполнения служебно-боевых задач – проведение комплексных программ реабилитации, направленных на восстановление психического и физического здоровья, снижение уровня стресса и предотвращение развития ПТСР особенно с военнослужащих после минно-взрывных травм с ампутацией конечностей, утратой органа или функции органа [7; 9; 10; 19; 26; 29];

профилактика профессионального выгорания – разработка и внедрение мер, направленных на снижение уровня стресса и предотвращение развития профессионального выгорания у военнослужащих, работающих в зоне СВО [3; 8; 13; 14]. Обучение командиров и начальников основам психологической и педагогической (в том числе и девиантологической) поддержки – подготовка командиров и начальников к выявлению признаков психологического неблагополучия у подчинённых (признаков отклоняющегося поведения и его крайней формы суицидального поведения), оказанию первой психологической помощи и направлению к специалистам [6; 29].

3. Методы и формы оказания психофизиологической помощи. Для эффективного психофизиологического обеспечения необходимо использовать разнообразные методы и формы оказания помощи, адаптированные к специфике условий СВО:

индивидуальное консультирование – предоставление индивидуальной психологической помощи военнослужащим, испытывающим трудности в адаптации к условиям боевых действий, переживающим стресс или имеющим признаки психоло-

гических расстройств, девиантного, аддиктивного или суицидального поведения [3; 6; 27];

групповая психотерапия – проведение групповых занятий, направленных на снижение уровня боевого стресса, развитие навыков саморегуляции, улучшение коммуникации и сплочённости в коллективе (предотвращению конфликтов) [13; 14];

психологическое просвещение – проведение лекций, семинаров, практических занятий и тренингов, направленных на повышение психологической грамотности военнослужащих и обучение их техникам первой самопомощи и взаимопомощи [4];

кризисное вмешательство – оказание экстренной психофизиологической помощи (в том числе и медикаментозной) военнослужащим, находящимся в кризисной ситуации, например, после пережитого травматического события или при горевании об утратах близких и друзей;

использование телемедицинских технологий – предоставление дистанционной психологической помощи с использованием современных информационных технологий [5; 24];

применение методов релаксации и саморегуляции – обучение военнослужащих техникам релаксации, медитации и другим методам саморегуляции, позволяющим снизить уровень стресса и повысить психологическую устойчивость [3; 13; 14];

обеспечение должного контроля за состоянием здоровья и уровнем тренированности восстанавливающихся после выполнения боевых задач бойцов [17; 20];

работа с командирами и начальниками – проведение обучающих мероприятий для командиров по основам психологии и педагогики (девиантологии, суицидологии), методам выявления признаков психологического неблагополучия у подчинённых и оказанию первой психологической и педагогической помощи [6; 22];

создание благоприятного (бесконфликтного) психологического климата в подразделениях – формирование атмосферы доверия, взаимопомощи и поддержки, где каждый военнослужащий чувствует себя в безопасности и может обратиться за помощью [20; 21];

организация досуга и отдыха – обеспечение возможностей для восстановления сил, как физических, так и психологических, через организацию досуговых мероприятий, культурной программы, спортивных занятий и предоставление времени для отдыха [16; 19; 22].

4. Проблемы и пути совершенствования

системы психофизиологического обеспечения. Несмотря на существующие подходы, система психофизиологического обеспечения военнослужащих Росгвардии в зоне СВО сталкивается с рядом серьёзных проблем:

недостаток квалифицированных военных психологов – в условиях повышенной потребности в психологической помощи может наблюдаться дефицит специалистов, обладающих необходимым опытом работы в экстремальных условиях и в условиях боевых действий [24];

стигматизация обращения за психологической помощью – в армейской среде может сохраняться негативное отношение к обращению за психологической помощью, что препятствует своевременному выявлению и решению проблем, особенно в случаях психопатологических состояний, при аддиктивном поведении (злоупотреблении курением, алкоголем, употреблении наркотических и психоактивных веществ), а также при крайней форме девиации – самоагрессии (суицидам) и гетероагрессии (причинение физических травм и убийств) [15; 24; 26];

ограниченный доступ к квалифицированной психофизиологической помощи – в некоторых случаях, особенно в отдалённых районах или в условиях интенсивных боевых действий, доступ к квалифицированной психологической помощи может быть затруднён или невозможен [23];

недостаточная интеграция командования с медицинскими и психологическими службами (и между ними) – отсутствие тесного взаимодействия между медицинскими и психологическими службами может приводить к упущениям в комплексном подходе к психическому и физическому здоровью военнослужащих.

необходимость адаптации методик – стандартные методики психофизиологической помощи могут требовать адаптации к специфике условий СВО и особенностям контингента [27].

Пути совершенствования медико-психологической помощи:

1. Формирование воинских коллективов. В коллективе военнослужащий чувствует себя защищённым и проявляет себя с лучшей стороны [21]. В коллективе легче переносятся тяготы и невзгоды воинской службы.

Коллектив – социальная группа, в которой сформирована нравственная атмосфера, характеризующаяся следующими признаками: внутренним единством идей, целей, задач; совместным способом деятельности; взаимовыручкой и поддержкой

друг друга по принципу «один за всех и все за одного»; самоуправлением, где каждый член коллектива играет роль исполнителя при решении одной задачи, и руководителя при решении другой задачи; возможностью каждому члену коллектива завоевать авторитет в форме общего признания социального и профессионального соответствия занимаемой должности или роли; дружбой, спокойствием и уверенностью в будущем каждого члена коллектива; конструктивным поведением членов коллектива, обеспечивающим им сохранность психического и соматического здоровья; чувством гордости за принадлежность к коллективу; совместным обсуждением и принятием управленческих решений.

2. Увеличение числа подготовленных военных психологов – активное привлечение и подготовка специалистов, обладающих опытом работы в экстремальных условиях, в том числе путём повышения квалификации действующих сотрудников [3; 24].

3. Проведение информационных кампаний – разъяснительная работа среди военнослужащих и их командиров о важности психологического здоровья и необходимости своевременного обращения за помощью, с целью снижения стигматизации [15; 17].

4. Развитие телемедицинских технологий – расширение использования дистанционных форм психологической помощи, что позволит охватить большее количество военнослужащих и гражданских лиц, находящихся в отдалённых районах [5; 23].

5. Укрепление межведомственного взаимодействия – налаживание тесного сотрудничества между медицинскими, психологическими и другими службами, ответственными за обеспечение военнослужащих.

6. Разработка и внедрение специализированных программ – создание и апробация программ психофизиологической поддержки и реабилитации, адаптированных к специфике службы в войсках национальной гвардии в условиях СВО [9; 10; 25; 26; 29].

7. Систематический мониторинг психофизиологического состояния – регулярное проведение скрининговых исследований для выявления военнослужащих с патопсихологическими состояниями, нуждающихся в психологической и медицинской помощи, и своевременное оказание поддержки [15; 21].

Важно своевременное выявление и организация помощи лицам, заразившимся общественно-опасными психическими

заболеваниями: социопатии и психопатии. Присутствие таких лиц в органах военного и гражданского управления, в воинских подразделениях ведет к дезорганизации и имитации выполнения боевых и учебно-боевых задач.

Социопатия – общественно-опасное заболевание, сопровождаемое утратой совести и чувства сопереживания другим людям.

Психопатии – общественно-опасные психические заболевания, сопровождаемые выраженными дефектами характера, побуждающие человека причинять вред окружающим, создавать невыносимые условия для взаимодействия.

8. Обучение командиров – повышение грамотности командиров в области психологии и педагогики (девиантологии, суицидологии, психогигиены и психопрофилактики) для оказания первой психологической и педагогической помощи, чтобы они могли эффективно поддерживать своих подчиненных [6; 14].

9. Совершенствование системы военно-политической работы на основе исполнения Указа Президента Российской Федерации № 809 от 09 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В соответствии с данным указом военные командиры и начальники обязаны демонстрировать личный пример нравственного отношения к подчинённым, показывать приоритет духовного над материальным.

Духовность – это труд для других людей, при котором человек отдаёт им больше, чем берет взамен. Труд во благо других людей одухотворяет человека, становится его духовной основой.

Духовно-нравственные ценности – сформированные в результате обучения и воспитания отношения человека к себе, другим людям и среде обитания, характеризующиеся как безвредные и созидательные.

Приоритет духовного над материальным – процесс созидательного труда человека, служение Отечеству.

Таким образом, психофизиологическое обеспечение деятельности военнослужащих войск национальной гвардии в зоне специальной военной операции является критически важным компонентом для поддержания их боеспособности, сохранения психического и физического здоровья, и обеспечения успешного выполнения поставленных задач [19; 20; 22]. Экстремаль-

ные условия боевых действий, высокий уровень стресса и постоянная угроза оказывают значительное влияние на психику и соматику военнослужащих, что требует комплексного и системного подхода к оказанию психофизиологической помощи [3; 13; 14; 24].

Заключение

Совершенствование системы психофизиологического обеспечения военнослужащих войск национальной гвардии, выполняющих задачи в зоне специальной военной операции, является непрерывным процессом, требующим постоянного анализа и адаптации к меняющимся условиям [27]. Необходимо уделять особое внимание подготовке квалифицированных специалистов, снижению стигматизации обращения за психологической и медицинской помощью, развитию телемедицинских технологий, укреплению межведомственного взаимодействия и разработке специализированных программ [5; 23]. Только комплексный и системный подход позволит обеспечить высокий уровень психологической устойчивости военнослужащих, сохранить их психическое и физическое здоровье и обеспечить успешное выполнение поставленных задач в условиях СВО. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на изучение эффективности различных методов и

форм оказания психофизиологической помощи, а также на разработку новых подходов, учитывающих специфику службы в войсках национальной гвардии в условиях современных вооруженных конфликтов.

Приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 15 июня 2018 г. № 204 «Об утверждении Перечня показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующей им продолжительности медико-психологической реабилитации...» утверждены: перечень показаний к психофизиологической реабилитации и соответствующей им продолжительности психофизиологической реабилитации, перечень категорий военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, подлежащих при наличии показаний психофизиологической реабилитации, а также порядок и места проведения психофизиологической реабилитации военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции [9].

Список источников

1. Актуальные вопросы современной психологии: сборник научных трудов / ред. А. Ю. Чудаков. СПб., 2023. 96 с.
2. Божченко А. П. Структура смертельного травматизма в современном вооружённом конфликте / А. П. Божченко, А. А. Болдарян, Е. В. Капустин // Военно-медицинский журнал. 2024. Т. 345. № 10. С. 21–28.
3. Бондаренко С. А. Поведение людей в экстремальных ситуациях различного характера / С. А. Бондаренко, К. Г. Виктор, А. Ю. Чудаков [и др.] // Обеспечение безопасности важных государственных и социально значимых объектов Российской Федерации в современных условиях: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2025. С. 71–75.
4. Вертаев А. В. Возможности подготовки военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии к оказанию первой помощи пострадавшим с использованием метода служебно-боевых ситуаций / А. В. Вертаев, А. Ю. Чудаков, Н. С. Фомченко // Психология, педагогика, филология: вопросы теории и практики: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2024. С. 87–90.
5. Гайворонская В. В. Новые медицинские технологии – телемедицина / В. В. Гайворонская, А. Ю. Чудаков // Многопрофильная клиника XXI века. Инновации и передовой опыт: материалы XIII международной научной конференции. СПб., 2024. С. 55–57.
6. Григорович Л. А. Девиантологическая компетентность будущих педагогов и психологов / Л. А. Григорович, А. А. Горелов, А. Ю. Чудаков // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 2. № 1. С. 63–76.
7. Караяни А. Г. Сравнительный анализ психологических последствий участия в боевых действиях военнослужащих в перманентно воюющих странах / А. Г. Караяни, А. Ю. Чудаков // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 2 (4). С. 96–102.
8. Круглова М. А. Трудные рабочие ситуации как предиктор профессионального выгорания

сотрудников правоохранительных органов / М. А. Круглова, Н. Н. Лепехин, В. А. Круглов [и др.] // Вестник психотерапии. 2023. № 88. С. 81–90.

9. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 15 июня 2018 г. № 204 «Об утверждении Перечня показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующей им продолжительности медико-психологической реабилитации... URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71884230/> (дата обращения: 15.02.2025).

10. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 02 октября 2018 г. № 444 «Об утверждении Инструкции об особенностях организации оказания медицинской помощи в медицинских организациях войск национальной гвардии Российской Федерации, в том числе при санаторно-курортном лечении». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992120/> (дата обращения: 15.02.2025).

11. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 19 сентября 2022 г. № 328 «О требованиях к состоянию здоровья граждан, поступающих на военную службу (службу) в войска национальной гвардии Российской Федерации, военнослужащих и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, а также перечне дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405360875/> (дата обращения: 15.02.2025).

12. Приказ Росгвардии от 24 декабря 2021 г. № 476 «Об утверждении Порядка организации направления на медицинское освидетельствование военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, и граждан, проходящих военные сборы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, а также перечня должностных лиц, принимающих решение об их направлении на медицинское освидетельствование». URL: <https://base.garant.ru/403488024/> (дата обращения: 15.02.2025).

13. Селье Г. Стресс без дистресса. М. : «Медицина», 1962. 54 с.

14. Утюганов А. А. Комплексный психологический подход к оценке готовности военнослужащих к действиям в особых условиях / А. А. Утюганов, А. Ю. Чудаков, С. А. Бондаренко // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 2 (31). С. 167–175.

15. Чудаков А. Ю. Медико-психологическое обеспечение боевой подготовки бойцов Росгвардии в целях прогнозирования патопсихологических состояний / А. Ю. Чудаков, А. А. Утюганов, С. А. Бондаренко // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 1 (30). С. 201–212.

16. Чудаков А. Ю. Медико-биологические средства восстановления физической активности у бойцов горных спецподразделений Росгвардии / А. Ю. Чудаков, А. А. Утюганов // Российский военно-психологический журнал. 2025. № 1 (7). С. 84–93.

17. Чудаков А. Ю. Принципы контроля за состоянием здоровья и уровнем тренированности горных бойцов Росгвардии / А. Ю. Чудаков, А. А. Утюганов // Российский военно-психологический журнал. 2025. № 1 (7). С. 94–107.

18. Чудаков А. Ю. К вопросу влияния эмоций на психосоматическое здоровье / А. Ю. Чудаков, А. В. Вертаев, А. В. Гонтарь // Трансформация науки и образования в современном обществе: теория и практика междисциплинарных исследований: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. М., 2024. С. 99–103.

19. Чудаков А. Ю. Основы сохранения и восстановления боеспособности горных бойцов Росгвардии при действиях в особых условиях (введение в проблему) / А. Ю. Чудаков, А. А. Утюганов // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 3 (5). С. 72–79.

20. Чудаков А. Ю. К вопросу оценки уровня здоровья военнослужащих и прогнозирования боеспособности воинских контингентов: материалы Всеармейской научно-практической конференции / А. Ю. Чудаков, В. В. Гайворонская, А. Г. Катрушенко. СПб, 2001. С. 367–368.

21. Чудаков А. Ю. Актуальные проблемы психофизиологической коррекции функционального состояния военнослужащих / А. Ю. Чудаков, Ю. А. Квасов // Военный врач. 2001. № 19-20 (1438–1439). С. 8–9.

22. Чудаков А. Ю. Спортивно-педагогические средства восстановления боеспособности горных бойцов Росгвардии / А. Ю. Чудаков, А. А. Утюганов // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 4 (6). С. 81–88.

23. Чудаков А. Ю. Профессиональная медицинская система «Странник» и её роль в поддержании здоровья населения: сборник научных трудов / А. Ю. Чудаков, Ю. В. Гальцев, В. В.

Гайворонская. СПб – Самара, 2023. С. 78–82.

24. Чудаков А. Ю. Психология управления в экстремальных ситуациях. Проблемы окружающей среды и природных ресурсов // Воздействие антропогенных изменений окружающей среды на здоровье и социально-трудовой потенциал населения. 1999. № 3. С. 67–89.

25. Чудаков А. Ю. Современные перспективы медицинской реабилитации у военнослужащих разных стран. Актуальные вопросы организации здравоохранения и общественного здоровья в современных условиях: повышение эффективности, дальнейшие пути развития / А. Ю. Чудаков, А. А. Жуков, Р. И. Гусейнов. СПб., 2025. С. 39–47.

26. Чудаков А. Ю. Методологические основы медицинской реабилитации военнослужащих. Актуальные вопросы организации здравоохранения и общественного здоровья в современных условиях: повышение эффективности, дальнейшие пути развития / А. Ю. Чудаков, А. А. Жуков, Р. И. Гусейнов. СПб., 2025. С. 47–58.

27. Чудаков А. Ю. Адаптация человека к неблагоприятным условиям: сборник научных трудов / А. Ю. Чудаков, А. А. Жуков, Р. И. Гусейнов. СПб. – Самара, 2023. С. 51–64.

28. Чудаков А. Ю. Определение потребности в санаторно-курортном обеспечении военнослужащих в военно-медицинских учреждениях Министерства Обороны Российской Федерации // Актуальные вопросы организации здравоохранения и общественного здоровья в современных условиях: повышение эффективности, дальнейшие пути развития / А. Ю. Чудаков, А. А. Жуков, Р. И. Гусейнов. СПб., 2025. С. 58–66.

29. Чудаков А. Ю. Предложения по оптимизации системы медицинской реабилитации в военно-медицинских учреждениях Министерства Обороны Российской Федерации // Актуальные вопросы организации здравоохранения и общественного здоровья в современных условиях: повышение эффективности, дальнейшие пути развития / А. Ю. Чудаков, А. А. Жуков, Р. И. Гусейнов. СПб., 2025. С. 66–75.

30. Чудаков А.Ю., Жуков А.А., Гусейнов Р.И. Правовое регулирование санаторно-курортного обеспечения военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации // Актуальные вопросы организации здравоохранения и общественного здоровья в современных условиях: повышение эффективности, дальнейшие пути развития / А. Ю. Чудаков, А. А. Жуков, Р. И. Гусейнов. СПб., 2025. С. 75–83.

References

1. Aktual'nye voprosy sovremennoj psihologii: sbornik nauchnyh trudov / red. A. YU. CHudakov. SPb., 2023. 96 s. (In Russ.).

2. Bozhchenko A. P. The structure of fatal injuries in modern armed conflict / A. P. Bozhchenko, A. A. Boldaryan, E. V. Kapustin // Voenno-medicinskij zhurnal. 2024. T. 345;10: 21–28. (In Russ.).

3. Bondarenko S. A. Povedenie lyudej v ekstremal'nyh situacijah razlichnogo haraktera / S. A. Bondarenko, K. G. Viktorov, A. YU. CHudakov [i dr.] // Obespechenie bezopasnosti vaznyh gosudarstvennyh i social'no znachimyh ob'ektov Rossijskoj Federacii v sovremennyh usloviyah: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb., 2025. S. 71–75. (In Russ.).

4. Vertaev A. V. Vozmozhnosti podgotovki voennosluzhashchih (sotrudnikov) vojsk nacional'noj gvardii k okazaniyu pervoj pomoshchi postradavshim s ispol'zovaniem metoda sluzhebno-boevykh situacij / A. V. Vertaev, A. YU. CHudakov, N. S. Fomchenko // Psihologiya, pedagogika, filologiya: voprosy teorii i praktiki: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Simferopol', 2024. S. 87–90. (In Russ.).

5. Gajvoronskaya V. V. Novye medicinskie tekhnologii – telemedicina / V. V. Gajvoronskaya, A. YU. CHudakov // Mnogoprofil'naya klinika XXI veka. Innovacii i peredovoj opyt: materialy XIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. SPb., 2024. S. 55–57. (In Russ.).

6. Grigorovich L. A. Deviantological Competence of Future Teachers and Psychologists / L. A. Grigorovich, A. A. Gorelov, A. YU. CHudakov // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2022. T. 2;1: 63–76. (In Russ.).

7. Karayani A. G. Comparative analysis of the psychological consequences of military service in permanently war-torn countries / A. G. Karayani, A. YU. CHudakov // Rossijskij voenno-psihologicheskij zhurnal. 2024;2 (4): 96–102. (In Russ.).

8. Kruglova M. A. Difficult work situations as a predictor of professional burnout among law enforcement officers / M. A. Kruglova, N. N. Lepekhin, V. A. Kruglov [i dr.] // Vestnik psihoterapii. 2023;88: 81–90. (In Russ.).

9. Prikaz Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii ot 15 iyunya 2018 g. № 204 «Ob utverzhdenii Perechnya pokazanij k mediko-psihologicheskoy reabilitacii i sootvetstvuyushchej im

prodolzhitel'nosti mediko-psihologicheskoy reabilitacii... Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71884230/> (data obrashcheniya: 15.02.2025). (In Russ.).

10. Prikaz Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii ot 02 oktyabrya 2018 g. № 444 «Ob utverzhdenii Instrukcii ob osobennostyah organizacii okazaniya medicinskoj pomoshchi v medicinskih organizacijah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, v tom chisle pri sanatorno-kurortnom lechenii». Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992120/> (data obrashcheniya: 15.02.2025). (In Russ.).

11. Prikaz Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii ot 19 sentyabrya 2022 g. № 328 «O trebovaniyah k sostoyaniyu zdorov'ya grazhdan, postupayushchih na voennuyu sluzhbu (sluzhbu) v vojska nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, voennosluzhashchih i lic, prohodyashchih sluzhbu v vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii i imeyushchih special'nye zvaniya policii, a takzhe perechne dopolnitel'nyh obyazatel'nyh diagnosticheskikh issledovanij, provodimyh do nachala medicinskogo osvidetel'stvovaniya». Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405360875/> (data obrashcheniya: 15.02.2025). (In Russ.).

12. Prikaz Rosgvardii ot 24 dekabrya 2021 g. № 476 «Ob utverzhdenii Poryadka organizacii napravleniya na medicinskoe osvidetel'stvovanie voennosluzhashchih vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, lic, prohodyashchih sluzhbu v vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii i imeyushchih special'nye zvaniya policii, i grazhdan, prohodyashchih voennye sbory v vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, a takzhe perechnya dolzhnostnyh lic, primamayushchih reshenie ob ih napravlenii na medicinskoe osvidetel'stvovanie». Available from: <https://base.garant.ru/403488024/> (data obrashcheniya: 15.02.2025). (In Russ.).

13. Sel'e G. Stress bez distressa. M. : «Medicina», 1962. 54 s. (In Russ.).

14. Utyuganov A. A. A comprehensive psychological approach to assessing the readiness of military personnel to act in special conditions / A. A. Utyuganov, A. YU. CHudakov, S. A. Bondarenko // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2 (31): 167–175. (In Russ.).

15. CHudakov A. YU. Medical and psychological support for the combat training of Rosgvardia soldiers in order to predict pathopsychological conditions / A. YU. CHudakov, A. A. Utyuganov, S. A. Bondarenko // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2025;1 (30): 201–212. (In Russ.).

16. CHudakov A. YU. Medical and biological means of restoring physical activity in the mountain special forces of the National Guard / A. YU. CHudakov, A. A. Utyuganov // Rossijskij voenno-psihologicheskij zhurnal. 2025;1 (7): 84–93. (In Russ.).

17. CHudakov A. YU. Principles of monitoring the health and fitness level of mountain fighters in the National Guard / A. YU. CHudakov, A. A. Utyuganov // Rossijskij voenno-psihologicheskij zhurnal. 2025;1 (7): 94–107. (In Russ.).

18. CHudakov A. YU. K voprosu vliyaniya emocij na psihosomaticheskoe zdorov'e / A. YU. CHudakov, A. V. Vertaev, A. V. Gontar' // Transformaciya nauki i obrazovaniya v sovremennom obshchestve: teoriya i praktika mezhdisciplinarnyh issledovanij: materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2024. S. 99–103. (In Russ.).

19. CHudakov A. YU. Fundamentals of preserving and restoring the combat capability of the Mountain Troops of the National Guard in special conditions (introduction to the problem) / A. YU. CHudakov, A. A. Utyuganov // Rossijskij voenno-psihologicheskij zhurnal. 2024;3 (5): 72–79. (In Russ.).

20. CHudakov A. YU. K voprosu ocenki urovnya zdorov'ya voennosluzhashchih i prognozirovaniya boesposobnosti voinskih kontingentov: materialy Vsearmejskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / A. YU. CHudakov, V. V. Gajvoronskaya, A. G. Katrushenko. SPb, 2001. S. 367–368. (In Russ.).

21. CHudakov A. YU. Current issues of psychophysiological correction of the functional state of military personnel / A. YU. CHudakov, YU. A. Kvasov // Voennyj vrach. 2001;19-20 (1438–1439): 8–9. (In Russ.).

22. CHudakov A. YU. Sports and Pedagogical Means of Restoring the Combat Capability of Mountain Soldiers of the National Guard / A. YU. CHudakov, A. A. Utyuganov // Rossijskij voenno-psihologicheskij zhurnal. 2024;4 (6): 81–88. (In Russ.).

23. CHudakov A. YU. Professional'naya medicinskaya sistema «Strannik» i eyo rol' v podderzhanii zdorov'ya naseleniya: sbornik nauchnyh trudov / A. YU. CHudakov, YU. V. Gal'cev, V. V. Gajvoronskaya. SPb – Samara, 2023. S. 78–82. (In Russ.).

24. CHudakov A. YU. Psychology of Management in Extreme Situations. Environmental and Natural Resource Issues // Vozdejstvie antropogennyh izmenenij okruzhayushchej sredy na zdorov'e i social'no-trudovoj potencial naseleniya. 1999;3: 67–89. (In Russ.).

25. CHudakov A. YU. Sovremennye perspektivy medicinskoj reabilitacii u voennosluzhashchih raznyh stran. Aktual'nye voprosy organizacii zdavoohraneniya i obshchestvennogo zdorov'ya v sovremennyh

usloviyah: povyshenie effektivnosti, dal'nejshie puti razvitiya / A. YU. CHudakov, A. A. ZHukov, R. I. Gusejnov. SPb., 2025. S. 39–47. (In Russ.).

26. CHudakov A. YU. Metodologicheskie osnovy medicinskoj reabilitacii voennosluzhashchih. Aktual'nye voprosy organizacii zdavoohraneniya i obshchestvennogo zdorov'ya v sovremennyh usloviyah: povyshenie effektivnosti, dal'nejshie puti razvitiya / A. YU. CHudakov, A. A. ZHukov, R. I. Gusejnov. SPb., 2025. S. 47–58. (In Russ.).

27. CHudakov A. YU. Adaptaciya cheloveka k neblagopriyatnym usloviyam: sbornik nauchnyh trudov / A. YU. CHudakov, A. A. ZHukov, R. I. Gusejnov. SPb. – Samara, 2023. S. 51–64. (In Russ.).

28. CHudakov A. YU. Opredelenie potrebnosti v sanatorno-kurortnom obespechenii voennosluzhashchih v voenno-medicinskih uchrezhdeniyah Ministerstva Oborony Rossijskoj Federacii // Aktual'nye voprosy organizacii zdavoohraneniya i obshchestvennogo zdorov'ya v sovremennyh usloviyah: povyshenie effektivnosti, dal'nejshie puti razvitiya / A. YU. CHudakov, A. A. ZHukov, R. I. Gusejnov. SPb., 2025. S. 58–66. (In Russ.).

29. CHudakov A. YU. Predlozheniya po optimizacii sistemy medicinskoj reabilitacii v voenno-medicinskih uchrezhdeniyah Ministerstva Oborony Rossijskoj Federacii // Aktual'nye voprosy organizacii zdavoohraneniya i obshchestvennogo zdorov'ya v sovremennyh usloviyah: povyshenie effektivnosti, dal'nejshie puti razvitiya / A. YU. CHudakov, A. A. ZHukov, R. I. Gusejnov. SPb., 2025. S. 66–75. (In Russ.).

30. CHudakov A.YU., ZHukov A.A., Gusejnov R.I. Pravovoe regulirovanie sanatorno-kurortnogo obespecheniya voennosluzhashchih Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii // Aktual'nye voprosy organizacii zdavoohraneniya i obshchestvennogo zdorov'ya v sovremennyh usloviyah: povyshenie effektivnosti, dal'nejshie puti razvitiya / A. YU. CHudakov, A. A. ZHukov, R. I. Gusejnov. SPb., 2025. S. 75–83. (In Russ.).

Информация об авторах

Information about the authors

А. Ю. Чудаков – доктор медицинских наук, профессор

A. Yu. Chudakov – Doctor of Sciences (Medical), Professor

А. А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент

A. A. Utyuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent

С. А. Бондаренко – кандидат военных наук, доцент

S. A. Bondarenko – Candidate of Sciences (Military), Docent

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 12.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 355.23

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ РОСГВАРДИИ: ВЫЗОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Алексей Алексеевич Ведерников

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

alexsi_80@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена решению актуальной научно-практической проблемы модернизации системы подготовки офицерских кадров для войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях массового внедрения беспилотных авиационных систем и робототехнических комплексов. Детально проанализированы системные противоречия между потребностями войск в специалистах, способных организовывать применение робототехники, и содержанием существующих образовательных программ. На основе системного, компетентностного и деятельностного подходов разработана и всесторонне обоснована структурно-функциональная модель формирования профессиональной культуры курсантов как будущих офицеров-организаторов применения робототехнических комплексов. Научная новизна исследования заключается в авторском структурировании профессиональной культуры, включающем кибернетический, рефлексивно-оценочный и кросс-культурный компоненты, а также в комплексном подходе к ее формированию через глубокую междисциплинарную интеграцию. В результате исследования предложен конкретный методический инструментарий для профессорско-преподавательского состава, включающий фонд ситуационных задач, форматы проведения занятий и практические рекомендации по обновлению содержания образования. Материалы статьи имеют высокую практическую значимость и могут быть использованы для модернизации учебно-методического обеспечения в ведомственных вузах Росгвардии.

Ключевые слова: профессиональная культура, курсанты, офицер-организатор применения робототехнических комплексов, войска национальной гвардии, беспилотные авиационные системы, робототехнические комплексы, педагогическая модель, междисциплинарная интеграция, ситуационные задачи

Для цитирования: Ведерников А.А. Формирование профессиональной культуры будущих офицеров Росгвардии: вызовы технологической трансформации и пути их преодоления // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 288–296. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/028.pdf>.

Original article

FORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE OF FUTURE OFFICERS OF NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION AND WAYS TO OVERCOME THEM

Aleksey A. Vedernikov

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

alexsi_80@mail.ru

Abstract. The article is devoted to solving the actual scientific and practical problem of modernizing the system of training officers for the National Guard Troops of the Russian Federation in the conditions of mass introduction of unmanned aviation systems and robotic complexes. The systemic contradictions between the needs of the troops for specialists capable of organizing the use of robotics and the content of existing educational programs are analyzed in detail. Based on the systemic, competence-based, and activity-based approaches, a structural and functional model of the formation of the professional culture of cadets as future officers-organizers of the use of robotic complexes is developed and comprehensively substantiated. The scientific novelty of the study lies in the author's structuring of professional culture, which includes cybernetic, reflexive-evaluative, and cross-cultural components, as well as in a comprehensive approach to its formation through deep interdisciplinary integration. As a result of the study, a specific methodological toolkit for academic staff has been proposed, including a set of situational tasks, lesson formats, and practical recommendations

for updating the content of education. The materials of the article are highly practical and can be used to modernize the educational and methodological support in the departmental universities of the Russian National Guard.

Keywords: professional culture, cadets, officer-organizer of the use of robotic systems, national guard troops, unmanned aviation systems, robotic systems, pedagogical model, interdisciplinary integration, situational tasks

For citation: Vedernikov A.A. Formation of professional culture of future officers of National guard of the Russian Federation: challenges of technological transformation and ways to overcome them. *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2025;3(32):288–296. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/028.pdf>.

© Ведерников А.А., 2025

Введение

Глобальная технологическая трансформация сферы безопасности, характеризующаяся переходом к сетцентрическим принципам управления и активной роботизации, кардинальным образом изменяет требования к профессиональным компетенциям офицерского состава. Войска национальной гвардии Российской Федерации, решающие задачи по обеспечению общественной безопасности, противодействию терроризму и экстремизму находятся на переднем крае данных изменений. Массированное внедрение беспилотных авиационных систем (далее – БАС) и робототехнических комплексов (далее – РТК) в повседневную служебную деятельность выявило системный разрыв между технологическим оснащением подразделений и недостаточной готовностью офицерского корпуса эффективно, безопасно и правомерно интегрировать новые средства в тактику действий [19, 15].

Подготовка современного офицера уже не может ограничиваться подготовкой оператора, способного технически грамотно управлять БАС и РТК. На первый план выходит задача формирования офицера-организатора – руководителя, способного ставить задачи операторам, анализировать потоки информации, организовывать взаимодействие подразделений имеющих на вооружении БАС и РТК и обычных подразделений, а главное – нести полную ответственность за последствия применения силы в условиях дистанционного контакта с противником. Данная задача является центральной для системы военного образования [3, 17].

Актуальность исследования подтверждается рядом стратегических и нормативных документов. В «Военной доктрине Российской Федерации» подчеркивается необходимость «опережающего развития военного образования» и «интеграции

науки, образования и производства» [9]. Ведомственные директивы Росгвардии прямо указывают на необходимость подготовки высококвалифицированных кадров способных к эксплуатации БАС и РТК, а также акцентируют внимание на необходимости формирования у офицеров навыков работы с технически сложными образцами вооружения.

Однако существующая система подготовки курсантов в военных институтах зачастую не успевает адаптироваться к новым вызовам, что порождает комплекс педагогических противоречий между:

- потребностью войск в офицерах с развитым системным мышлением, способных управлять сложными человеко-машинными системами, и преобладанием в обучении узкотехнического, предметноцентричного подхода [16, 10];

- необходимостью формирования устойчивых навыков работы в условиях информационного противодействия и киберугроз и недостаточной оснащенностью образовательного процесса современными имитационными тренажерами и полигонами [1];

- критически возросшей ответственностью за последствия дистанционного применения силы и недостаточным вниманием к целенаправленному и систематическому формированию этико-правового сознания и стрессоустойчивости [2];

- междисциплинарным характером решаемых задач и жестко регламентированной организацией учебного процесса.

Цель статьи – разработать, теоретически обосновать и методически обеспечить структурно-функциональную модель формирования профессиональной культуры курсантов вузов Росгвардии как будущих офицеров-организаторов применения РТК.

Задачи исследования:

1. На основе анализа современной научной литературы и потребностей войск выявить и охарактеризовать сущность и структуру профессиональной культуры офицера-организатора применения РТК.

2. Смоделировать, визуализировать и всесторонне описать педагогическую модель процесса её формирования.

3. Разработать конкретный методический инструментарий и практические рекомендации по интеграции модели в образовательный процесс военного института.

Методологическую основу исследования составили:

Системный подход, позволивший рассмотреть процесс подготовки как целостную систему взаимосвязанных элементов (целей, содержания, методов, средств).

Компетентностный подход, выступивший ориентиром для определения конкретных результатов образования в виде интегративных качеств выпускника.

Деятельностный подход, определивший выбор методов и форм обучения, моделирующих будущую профессиональную деятельность.

Методы исследования: теоретический анализ (сравнительный, ретроспективный), синтез, педагогическое моделирование,

анализ нормативных документов и профессиональных стандартов.

Основная часть

1. Профессиональная культура офицера-организатора применения РТК: сущность и структура

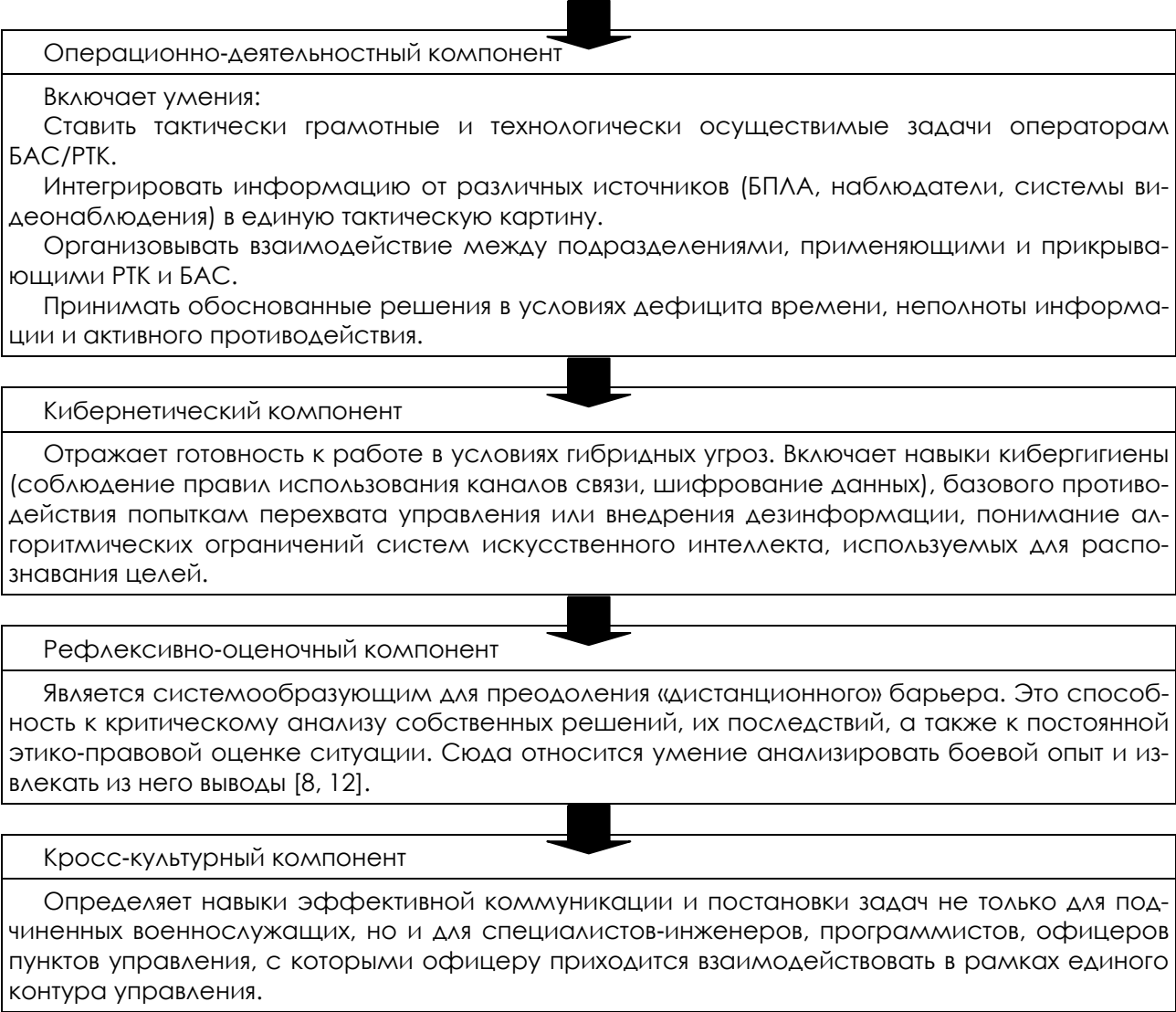
В контексте нашего исследования профессиональная культура офицера-организатора применения РТК понимается как интегративное, динамическое качество личности, представляющее собой систему мотивационно-ценностных ориентаций, фундаментальных и специальных знаний, практических умений и навыков, норм поведения и опыта рефлексии, обеспечивающих готовность к эффективному, безопасному и безусловно правомерному управлению применением робототехнических комплексов при решении служебно-боевых задач в условиях неопределенности и информационного противодействия [4, 5, 18].

Данное качество формируется на стыке общей офицерской культуры, технической грамотности и управленческих компетенций. Его структура, помимо традиционных компонентов, должна включать новые, детерминированные спецификой работы с БАС и РТК (Таблица 1).

Таблица 1 – Структура профессиональной культуры офицера-организатора применения РТК

Table 1 – Structure of the Professional Culture of an Officer Organizing the Use of RTK

Ценностно-мотивационный компонент Включает не только традиционные ценности (патриотизм, воинский долг, честь) [20, 14], но и глубокое осознание кибернетической ответственности – понимание масштаба последствий ошибочных или противоправных решений, принятых на основе данных от РТК и БАС. Сюда же относится ценность сохранения человеческой жизни (как личного состава, так и гражданских лиц) за счет грамотного и своевременного применения техники, а также неприятие «синдрома компьютерной игры» – обезличенного, нерефлексивного отношения к процессу управления.
Когнитивный компонент Требует глубоких междисциплинарных знаний, выходящих далеко за рамки тактики или инженерии [11]: Тактико-специальные знания: тактика действий подразделений, оснащенных РТК, организация взаимодействия с подразделениями прикрывающего и обеспечения. Технические знания: основы устройства, функционирования, ТХ эксплуатируемых БАС и РТК, понимание их ограничений и уязвимостей. Правовые знания: тонкости законодательства, регламентирующего применение силы, видеосъемку, обработку персональных данных с использованием БАС, нормы международного гуманитарного права. Кибернетические знания: основы информационной безопасности, понимание принципов работы каналов связи, методов радиоэлектронной борьбы и киберзащиты.

Разработанная модель представляет собой целостную систему, элементами которой являются целевой, содержательный, процессуальный и оценочный блоки, функционирующие в неразрывном единстве (Таблица 2).

Таблица 2 – Структурно-функциональная модель формирования профессиональной культуры офицера-организатора применения РТК

Table 2 – Structural and Functional Model of the Formation of the Professional Culture of an Officer-Organizer of the Use of RTC

Целевой блок. Определяет системообразующий элемент модели – формирование профессиональной культуры курсанта как будущего офицера-организатора применения РТК. Данная цель конкретизируется через совокупность ключевых компетенций, соответствующих выделенным структурным компонентам:	Способность организовывать применение РТК в составе подразделения. Готовность принимать решения в условиях киберпротиводействия и неопределенности. Умение проводить этико-правовую оценку оперативной обстановки. Навыки кросс-культурной коммуникации в технически насыщенной среде.
Содержательный блок. Реализация цели происходит через глубокую междисциплинарную интеграцию содержания образования. Предлагается не со-	В рамках тактико-специальной подготовки: внедрить модуль «Тактика действий мобильных групп, оснащенных БАС и РТК», включающий вопросы организации разведки, охраны

здавать новые дисциплины, а обогатить существующие сквозными модулями и темами:	объектов и сопровождения колонн с использованием робототехники. В рамках юридических дисциплин: дополнить программу подготовки спецкурсом «Правовые основы применения БАС и РТК в деятельности Росгвардии», включающий разбор кейсов в области законодательства. В рамках дисциплин, преподаваемых на кафедре математики и информатики: включить раздел «Основы кибербезопасности каналов управления БАС и РТК», посвященный практическим аспектам защиты данных. В рамках военной педагогики и психологии: ввести тренинги по развитию стрессоустойчивости и навыков принятия решений в условиях моральных дилемм и информационной перегрузки.
Процессуальный блок. Определяет методы, формы и технологии обучения, адекватные поставленным целям. Ключевая роль отводится активным и имитационным методам, моделирующим будущую профессиональную деятельность:	Анализ конкретных ситуаций. Основной метод для формирования рефлексивно-оценочного и когнитивного компонентов. Для использования предлагается банк кейсов трех типов: 1. Тактические кейсы: Анализ реальных или смоделированных операций (например, применение БПЛА в ходе контртеррористической операции в г. Н., применение БАС в зоне СВО для выделения наиболее успешных и спорных тактических решений). 2. Правовые кейсы: Ситуации, содержащие правовую коллизию (напр., «Получены данные с БПЛА о готовящейся диверсии на территории объекта топливно-энергетического комплекса. Каков алгоритм действий?»). 3. Этические кейсы: Дилеммы, не имеющие однозначного решения (напр., «Цель находится вблизи охраняемого объекта культурного наследия/мирных граждан. Рисковать ли выполнением задачи?»). Междисциплинарные проекты. Формат, направленный на формирование системного мышления и кросс-культурного компонента. Курсанты объединяются в рабочие группы для решения комплексной задачи. Пример: «Разработка плана применения сил и средств для охраны общественного порядка и обеспечения безопасности на массовом мероприятии (чемпионат мира) с использованием БАС и наземных РТК». В рамках проекта команда должна представить решение на выполнение задачи, расчет сил и средств, карту-схему, правовое обоснование и анализ рисков. Иммерсивные тренажеры на базе VR/AR. Технологии виртуальной и дополненной реальности используются не для отработки моторных навыков пилотирования, а для моделирования сложных условий будущей дея-

	тельности командира: Моделирование пункта управления с потоками информации от БПЛА и наземных датчиков для отработки навыков анализа обстановки в условиях информационной перегрузки. Сценарии атак на систему управления для выработки навыков сохранения управления подразделением в случаях обострения обстановки. Моделирование переговоров с «условным руководством» для отработки навыков коммуникации под влиянием стресса. Военные игры. Проведение комплексных учений на картах или электронных тренажерах, где курсанты исполняют роли командиров подразделений, организующих взаимодействие с применением РТК.
Оценочный блок. Включает критерии, показатели и диагностический инструментарий для оценки уровня сформированности каждого компонента профессиональной культуры. Оценка должна быть комплексной и проводиться на протяжении всего периода обучения [6, 7]:	Для оценки когнитивного компонента: традиционный экзамен, дополненный тестами на понимание междисциплинарных связей. Для оценки операционно-деятельностного и кибернетического компонентов: решение ситуационных задач на тренажерах, защита проектов, оценка действий на учениях и тренировках. Для оценки рефлексивно-оценочного компонента: ключевой метод – экспертная оценка решения кейсов с этическими дилеммами. Оценивается не «правильность» ответа (её может не быть), а глубина анализа, учет всех факторов, логика аргументации. Итоговая аттестация: должна включать комплексную ситуационную задачу, моделирующую реальную оперативную обстановку, для решения которой выпускнику необходимо продемонстрировать все компоненты профессиональной культуры.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило наличие объективных и актуальных недостатков в подготовке офицерских кадров, вызванного технологическим скачком в развитии средств вооруженной борьбы. Существующая система обучения курсантов, основанная на дисциплинарном подходе и знаниевой парадигме, не успевает адекватно реагировать на вызовы времени.

Предложенная в статье структурно-функциональная модель предлагает конкретный и методологически обоснованный путь преодоления данного кризиса. Её ключевыми преимуществами являются:

1. Четкая ориентированность на конечный результат – подготовку не «оператора», а «офицера-организатора», обладающего

комплексной профессиональной культурой.

2. Глубокая междисциплинарная интеграция, которая позволяет преодолеть разрыв между тактической, технической, правовой и психологической подготовкой без «ломки» существующей структуры учебных планов.

3. Ориентация на активные методы обучения (кейсы, проекты, тренажеры), которые переносят центр тяжести с пассивного усвоения информации на активную деятельность по разрешению проблем, максимально приближенных к реальным [13].

4. Комплексная система оценки, направленная на проверку не только знаний, но и способности к их практическому применению, анализу и рефлексии.

Реализация модели потребует консолидированных усилий от руководства военного института, профессорско-преподавательского состава и представителей заказчика – войск. Необходима не точечная коррекция программ, а системная перестройка образовательного процесса.

На основе проведенного исследования считаем возможным сформулировать некоторые практические рекомендации:

1. Для учебного отдела военного института:

Инициировать разработку и внедрение в учебный план на правах дисциплины по выбору или факультатива сквозного междисциплинарного курса «Основы организации применения робототехнических комплексов в подразделениях Росгвардии» объемом 36–72 часа.

Рассмотреть вопрос о создании межкафедрального учебно-методического совета по проблемам РТК и БАС для координации усилий разных кафедр.

2. Для профессорско-преподавательского состава кафедр так-

тики служебно-боевого применения и военной педагогики и психологии:

В течение 2025/2026 учебного года разработать фонд оценочных средств, включающий не менее 30 уникальных ситуационных задач с этико-правовыми дилеммами, основанных на анализе открытых данных о применении БАС и РТК.

Внедрить в процесс обучения на 4–5 курсах формат «двухчасового ситуационного анализа» на основе данных учебных БПЛА для отработки навыков анализа обстановки, постановки задач и составления докладов.

3. Для начальника кафедры математики и информатики:

Разработать и провести для курсантов выпускных курсов 8-часовой практикум «Кибергигиена офицера: защита каналов управления и данных БАС», включающий практические занятия на учебном стенде.

Дальнейшие исследования планируется посвятить апробации предложенной модели и разработке конкретных методик для каждого из выделенных структурных компонентов профессиональной культуры.

Список источников

1. Аксёнов К. В. Педагогическая технология – связывающее звено между теорией обучения и её практической реализацией // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2019. № 3, С. 62–69.

2. Алёхин И. А. Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-дидактический контекст / И. А. Алёхин, В. Я. Гожиков, А. Г. Караяни // Мир образования – образование в мире. 2015. № 3. С. 179–188.

3. Байгутина И. А. Существующие практики, модели и методы оценки кибербезопасности жизненного цикла робототехнических комплексов, включая беспилотные авиационные системы / И. А. Байгутина, А. Ю. Замятин // Радиолокация, навигация, связь: сборник трудов XXX Международной научно-технической конференции: в 5 т., Воронеж, 16–18 апреля 2024 года. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2024. С. 405–415.

4. Ведерников А. А. Профессиональная культура офицера как предмет педагогического анализа // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4(89). С. 184–186.

5. Ведерников А. А. Структура и сущность профессиональных качеств офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации / А. Е. Мазурин, А. Г. Шабанов, Г. В. Чумаров [и др.] // Международный научный журнал. 2019. № 2(75). С. 57–61.

6. Ведерников А. А. Исследование способностей курсантов военного вуза принять оптимальное управленческое решение / А. Г. Лагутин, А. А. Ведерников, А. В. Черноиванов [и др.] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 11-2. С. 53–60.

7. Ведерников А. А. Критерии оценки эффективности воспитания профессиональной культуры курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации // Научное мнение. 2022. № 12. С. 140–144.

8. Вертаев А. В. Формирование компетенции принятия оптимальных управленческих решений у курсантов вузов внутренних войск МВД России с использованием метода служебно-боевых ситуаций: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Вертаев Александр Владимирович. СПб., 2015. 28 с.

9. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976).

10. Егорова П. А. Развитие ключевых личностных компетенций будущих офицеров внутренних войск МВД России / П. А. Егорова, П. Ю. Наумов, С. Н. Сорокоумова // Педагогика и психология образования. 2015. № 4. С. 44–56.
11. Исследование кадрового потенциала национальной гвардии Российской Федерации / В. В. Косухин, А. В. Кравец, А. А. Утюганов // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, № 2(35).
12. Ковалевский В. Ф. Профессиональная культура офицера // Военная мысль. 1990. № 6. С. 36–43.
13. Коджаспирова Г. М. Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. М. : МарТ, 2005. 448 с.
14. Лаптев А. А. Теоретические и практические аспекты формирования профессиональных ценностей будущих офицеров / А. А. Лаптев, С. Н. Сорокоумова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. 160 с.
15. Лаптев А. А. Актуальные вопросы формирования профессионализма будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации / А. А. Лаптев, С. Н. Сорокоумова, П. Ю. Наумов // Педагогический журнал. 2020. Т. 10, № 6-1. С. 24–30.
16. Профессиональная ответственность будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации: стратегия и тактика подготовки / И. В. Шаповалов, С. Н. Сорокоумова, Ю. В. Стебайлов. Новосибирск: НВИ национальной гвардии Российской Федерации, 2022. 92 с.
17. Сидоров И. А. Структурно-функциональная модель системы непрерывной подготовки офицерского состава к управлению повседневной деятельностью войск национальной гвардии: тематический сборник трудов межведомственной военно-научной конференции Михайловской академии. СПб. : МВАА, 2023. № 62. С. 361–364.
18. Спивак В. А. Профессиональная культура. СПб. : Питер, 2001. С. 31.
19. Ткаченко Д. О. Компетенции операторов робототехнических средств специального назначения, формируемые в ходе обучения на тренажерной базе образовательного учреждения дополнительного профессионального образования // Применение робототехнических комплексов специального назначения: сборник трудов XXX Международной научно-практической конференции, Химки, 19 марта 2020 года. Химки: Академия гражданской защиты МЧС России, 2020. С. 73–78.
20. Утюганов А. А. Ценностно-смысловые предикторы успешности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии / А. А. Утюганов, Л. В. Фролова // Российский девиантологический журнал. 2024. № 4 (1). С. 104–116.

References

1. Aksyonov K. V. Pedagogical technology is a link between the theory of education and its practical implementation // Vestnik Yaroslavl'skogo vysshego voennogo uchilishcha protivovozdushnoj oborony. 2019;3: 62–69. (In Russ.).
2. Alyohin I. A. Innovative Resources for Forming Competencies of Military University Cadets: Psychological and Didactic Context / I. A. Alyohin, V. YA. Gozhikov, A. G. Karayani // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2015;3: 179–188. (In Russ.).
3. Bajgutlina I. A. Sushchestvuyushchie praktiki, modeli i metody ocenki kiberbezopasnosti zhiznennogo cikla robototekhnicheskikh kompleksov, vkluchaya bespilotnye aviacionnye sistemy / I. A. Bajgutlina, A. YU. Zamyatin // Radiolokaciya, navigaciya, svyaz': sbornik trudov XXX Mezhdunarodnoj nauchno-tekhnicheskoj konferencii: v 5 t., Voronezh, 16–18 aprelya 2024 goda. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2024. S. 405–415. (In Russ.).
4. Vedernikov A. A. The Professional Culture of an Officer as a Subject of Pedagogical Analysis // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021;4(89): 184–186. (In Russ.).
5. Vedernikov A. A. Struktura i sushchnost' professional'nyh kachestv oficerov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii / A. E. Mazurin, A. G. SHabanov, G. V. SHumarov [i dr.] // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2019. № 2(75). S. 57–61. (In Russ.).
6. Vedernikov A. A. Research on the ability of military university cadets to make optimal management decisions / A. G. Lagutin, A. A. Vedernikov, A. V. CHernoivanov [i dr.] // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal). 2017. Т. 8;11-2: 53–60. (In Russ.).

7. Vedernikov A. A. Criteria for assessing the effectiveness of the professional culture education of cadets at military institutes of the National Guard of the Russian Federation // Nauchnoe mnenie. 2022;12: 140–144. (In Russ.).
8. Vertaev A. V. Formirovanie kompetencii prinyatiya optimal'nyh upravlencheskih reshenij u kursantov vuzov vnutrennih vojsk MVD Rossii s s ispol'zovaniem metoda sluzhebno-boevykh situacij: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.08 / Vertaev Aleksandr Vladimirovich. SPb., 2015. 28 s. (In Russ.).
9. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii 25 dekabrya 2014 g., № Pr-2976). (In Russ.).
10. Egorova P. A. Development of key personal competencies for future officers of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation / P. A. Egorova, P. YU. Naumov, S. N. Sorokoumova // Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. 2015;4: 44–56. (In Russ.).
11. Research of the personnel potential of the National Guard of the Russian Federation / V. V. Kosuhin, A. V. Kravec, A. A. Utyuganov // Vestnik Mininskogo universiteta. 2021. T. 9;2(35). (In Russ.).
12. Kovalevskij V. F. Officer's professional culture // Voennaya mysl'. 1990;6: 36–43. (In Russ.).
13. Kodzhaspirova G. M. Slovar' po pedagogike / G. M. Kodzhaspirova, A. YU. Kodzhaspirov. M. : MarT, 2005. 448 s. (In Russ.).
14. Laptev A. A. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty formirovaniya professional'nyh cennostej budushchih oficerov / A. A. Laptev, S. N. Sorokoumova. Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2020. 160 s. (In Russ.).
15. Laptev A. A. Current issues in the formation of professionalism among future officers of the National Guard of the Russian Federation / A. A. Laptev, S. N. Sorokoumova, P. YU. Naumov // Pedagogicheskij zhurnal. 2020. T. 10;6-1: 24–30. (In Russ.).
16. Professional'naya otvetstvennost' budushchih oficerov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: strategiya i taktika podgotovki / I. V. SHapovalov, S. N. Sorokoumova, YU. V. Stebajlov. Novosibirsk: NVI nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2022. 92 s. (In Russ.).
17. Sidorov I.A. Strukturno-funkcional'naya model' sistemy nepreryvnoj podgotovki oficerskogo sostava k upravleniyu povsednevnoj deyatel'nost'yu vojsk nacional'noj gvardii: tematiceskij sbornik trudov mezhdzvedomstvennoj voenno-nauchnoj konferencii Mihajlovskoj akademii. SPb. : MVAA, 2023. № 62. S. 361–364. (In Russ.).
18. Spivak V. A. Professional'naya kul'tura. SPb. : Piter, 2001. S. 31. (In Russ.).
19. Tkachenko D. O. Kompetencii operatorov robototekhnicheskikh sredstv special'nogo naznacheniya, formiruemye v hode obucheniya na trenazhernoj baze obrazovatel'nogo uchrezhdeniya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya // Primenenie robototekhnicheskikh kompleksov special'nogo naznacheniya: sbornik trudov HKHKH Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Himki, 19 marta 2020 goda. Himki: Akademiya grazhdanskoj zashchity MCHS Rossii, 2020. S. 73–78. (In Russ.).
20. Utyuganov A. A. Value-based predictors of the success of professional activities of employees and military personnel of the National Guard / A. A. Utyuganov, L. V. Frolova // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2024;4 (1): 104–116. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 04.09.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 378.147

ТЕХНИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТА ВОЕННОГО ВУЗА

Дмитрий Николаевич Девятловский¹, Ксения Юрьевна Мурашова²

¹⁻² Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

¹devyatlovskiy@mail.ru

²HR-MurashovaKU@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыта значимость технической креативности в структуре профессиональной компетентности курсантов инженерного профиля военных вузов. Проанализированы научные подходы к определению категории «техническая креативность», определены её сущностные характеристики, функциональные компоненты и уровни проявления. Обоснована необходимость нормативного включения данного качества в состав базовых профессиональных компетенций, его роль как системообразующего элемента, обеспечивающего переход от воспроизводящего алгоритмического мышления к адаптивному инженерному действию. Сформулированы педагогические условия, способствующие развитию технической креативности: использование проектных форматов, ситуационного моделирования, кейс-методов, конструкторских заданий с элементами неопределённости и вариативности. Уточнены возможности интеграции креативного компонента в элективные дисциплины, практико-ориентированные модули и учебные мероприятия инженерного цикла.

Ключевые слова: техническая креативность, курсант военного вуза, образовательная среда, педагогические условия, профессиональная подготовка

Для цитирования: Девятловский Д.Н., Мурашова К.Ю. Техническая креативность как компонент профессиональной компетентности курсанта военного вуза // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 297–303. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/029.pdf>.

Original article

TECHNICAL CREATIVITY AS A COMPONENT OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF A MILITARY UNIVERSITY CADET

Dmitry N. Devyatlovsky¹, Kseniya Yu. Murashova²

¹⁻²Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

¹devyatlovskiy@mail.ru

²HR-MurashovaKU@yandex.ru

Abstract. The article reveals the importance of technical creativity in the structure of general professional competence of cadets of the engineering profile of military universities. Scientific approaches to defining the category of "technical creativity" are analyzed, its essential characteristics, functional components and levels of manifestation are determined. The need for the normative inclusion of this quality in the basic professional competencies, its role as a system-forming element ensuring the transition from reproducing algorithmic thinking to adaptive engineering action is substantiated. Pedagogical conditions contributing to the development of technical creativity are formulated: the use of project formats, situational modeling, case methods, design tasks with elements of uncertainty and variability. The possibilities of integrating the creative component into elective disciplines, practice-oriented modules and educational events of the engineering cycle are clarified.

Keywords: technical creativity, military academy cadet, educational environment, pedagogical conditions, professional training

For citation: Devyatlovsky D.N., Murashova K.Yu. Technical creativity as a component of the professional competence of a military university cadet. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32):297–303. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/029.pdf>.

© Девятловский Д.Н., Мурашова К.Ю., 2025

Введение

Современные требования к военнотехническому составу Вооружённых Сил Российской Федерации определяют необходимость пересмотра структуры ключевых профессиональных компетенций, формируемых в системе военного образования. В условиях неопределённости, интенсивной неравномерной смены технологических укладов и развития национальной идеи укрепления технологического лидерства, в том числе в области военнопromышленных разработок, радикально возрастает значимость одной из базовых метакомпетенций – технической креативности, как неотъемлемого личностно-профессионального компонента, определяющего способность курсанта к инициативному, обоснованному и продуктивному решению нестандартных технических задач [3; 8; 13; 16; 17; 18].

Актуальность исследования обусловлена разрывом между требованиями к выпускникам и преобладающей воспроизводящей моделью образовательной практики, в которой креативность обучающихся чаще рассматривается как «дополнительная компетенция», а не как системная составляющая профессионального профиля. Между тем именно техническая креативность определяет устойчивость и адаптивность курсанта в условиях дефицита ресурсов, неопределённости обстановки и динамики технических решений на уровне войскового звена [11; 15; 16; 17].

Потребность в теоретико-методологической фиксации структуры технической креативности продиктована необходимостью её педагогического обеспечения, измеримости и встраиваемости в образовательную траекторию. Для этого требуется научное обоснование состава, уровней и условий формирования технической креативности, а также проектирование механизмов её интеграции в общую современную модель компетенций курсантов военных вузов.

Цель исследования – научное обоснование содержания и структуры технической креативности как компонента профессиональной компетентности курсанта военного вуза, а также характеристика компонентов педагогической модели её формирования.

Для достижения поставленной цели следует решить задачи:

- раскрыть теоретические подходы к пониманию технической креативности в контексте профессиональной подготовки военнослужащих инженерного профиля.
- определить место и роль технической креативности в структуре профессиональной компетентности курсанта военного вуза.

– разработать педагогическую модель формирования технической креативности курсанта с выделением её целевых, содержательных и организационно-педагогических компонентов.

Основные положения

Современная военная педагогика, находясь в условиях интенсивной технологической трансформации, требует переосмысления подходов к определению целей и содержания обучения. В этих условиях профиль компетенций приобретает не только инструментальное, но и стратегическое значение, так как позволяет актуализировать приоритеты подготовки, соотнося их с вызовами времени: цифровизацией, мультидисциплинарностью, ростом значимости автономных решений в нестандартных ситуациях. Через этот профиль осуществляется переход от статического содержания к адаптивной педагогической архитектуре.

Компетентностный профиль курсанта военного вуза представляет собой системную совокупность ключевых профессиональных, общекультурных и специальных компетенций, обеспечивающих готовность к выполнению должностных обязанностей в условиях повышенной ответственности, технологической сложности и оперативной неопределённости. Он включает структурно оформленные результаты подготовки, ориентированные на практическую реализуемость, целостность и интегративность профессионального поведения военнослужащего инженерного профиля [1; 10; 13; 18].

Профиль необходим как средство обеспечения единства целей, содержания и критериев профессионального образования в военных учебных заведениях. Он позволяет зафиксировать нормативную рамку подготовки, отразить приоритетные качества выпускника, обеспечить преемственность между образовательными уровнями и создать условия для проектирования учебных программ с опорой на функциональные требования к военнослужащему-инженеру. Таким образом, профиль компетенций служит связующим звеном между образовательными задачами и кадровыми потребностями силовых структур.

Общий профиль компетенций курсанта включает следующие интегративные блоки:

- когнитивный (знания и понимание);
- деятельностный (умения и действия);
- личностно-волевой (мотивация, устойчивость, инициатива);
- коммуникативный (взаимодействие, аргументация, командная координация);
- рефлексивный (оценка, коррекция, самоосознание) [4].

Каждый из этих компонентов реализуется сквозь призму специфики военной инженерной подготовки, где важны как технические умения, так и личностная готовность действовать в условиях высокой ответственности и неопределённости [9; 13; 16].

Современное понимание технической креативности формируется на границах инженерной психологии, когнитивной педагогики и прикладной дидактики. В ряде отечественных и зарубежных исследований подчёркивается, что креативность в инженерной сфере представляет собой не произвольную активность, а операционализированное качество субъекта, проявляющееся в способности к системной реконструкции инженерных задач в условиях неопределённости [7].

Развитие технической креативности в условиях профессиональной военной подготовки требует теоретико-методологического обоснования, учитывающего специфику задач, решаемых обучающимися в процессе освоения инженерных дисциплин. Исследование базируется на системном, компетентностном, субъектно-деятельностном и ресурсном подходах, что позволяет рассматривать формирование технической креативности как процесс, интегрированный в общую модель профессионального становления будущего специалиста.

Связь технической креативности с профессиональной успешностью и «Я-концепцией» курсанта выражается в устойчивой мотивации к саморазвитию, способности ставить цели и достигать результатов в инженерно-проектной деятельности. Техническая креативность выступает как индивидуально-личностный ресурс, обеспечивающий субъектную позицию в профессиональном обучении и формирующий готовность к инновационным действиям.

Таким образом, техническая креативность в условиях военного вуза может быть определена как совокупность когнитивных, регулятивных и операциональных характеристик, обеспечивающих субъекту инженерной деятельности возможность продуктивного поиска решений, отличающихся новизной, технологической адекватностью и тактической уместностью. Согласно компетентностному подходу в условиях военной подготовки [3; 19], техническая креативность включает в себя элементы дивергентного мышления, эвристического прогнозирования, смысловой трансформации задачи и способности к быстрой инженерной импровизации; и может рассматриваться как метакомпетентностная характеристика, интегрируемая в профессиональный профиль курсанта не посредством декларативного обучения, а через включение в образовательную среду, требующую инициативного инженерного дей-

ствия, допускающего неопределённость и вынужденную вариативность [3; 6; 20].

Задача интеграции технической креативности в структуру компетентностного профиля курсанта требует не просто фиксации её значимости, но и методологически выстроенной педагогической модели, способной отразить многоуровневую природу данной характеристики. В условиях усложнения инженерной деятельности, роста тактической неопределённости и цифровизации профессиональной среды, возникает необходимость в системе подготовки, обеспечивающей устойчивое развитие инженерной инициативности и способности к креативному техническому действию.

Предлагаемая авторами модель технической креативности строится на принципах системности, иерархичности и педагогической управляемости. Она представляет собой многоуровневое образование, включающее взаимосвязанные компоненты, каждый из которых выполняет определённую функцию в процессе становления креативного инженерного мышления курсанта. Модель ориентирована на интеграцию в структуру профессиональной подготовки, а также на её адаптацию под специфику образовательной среды военного вуза, и включает в себя следующие компоненты:

1. Целевой компонент. Определяет стратегическую направленность педагогической работы, связанную с формированием технической креативности как интегративного качества. Его содержание включает когнитивную гибкость, проектную инициативу, способность к генерации оригинальных инженерных решений и критическую осознанность в условиях тактической и технологической неопределённости. Подцели компонента соотносятся с задачами междисциплинарной интеграции, формирования субъектной позиции и активизации продуктивного мышления.

2. Ценностно-смысловой компонент задаёт аксиологическое основание всей модели. Он фиксирует креативность не как утилитарный навык, а как профессионально значимую ценность, сопряжённую с осмыслением инженерной деятельности, принятием ошибки как элемента профессионального роста, а также с внутренней установкой на технологическое созидание. Через данный компонент реализуется переход от нормативно-задачного подхода к деятельностно-смысловому стилю инженерного мышления.

3. Содержательно-деятельностный компонент структурирует креативность по ключевым проявлениям: когнитивному, проектно-реализационному, коммуникативному и рефлексивному. Каждый из элементов формируется в рамках целенаправлен-

ной практико-ориентированной деятельности курсанта, направленной на выполнение проектных, исследовательских, симуляционных и аналитических заданий, сопряженных с инженерной неопределенностью.

4. Когнитивный компонент предполагает развитие дивергентного мышления, системного видения, способности к гибкой интерпретации задач. Это базовый уровень, обеспечивающий восприятие вариативных инженерных сценариев и адаптивную работу с нестандартными условиями. Особое внимание уделяется формированию способности к смысловой трансформации исходной ситуации и конструированию новых технических контуров.

5. Проектно-реализационный компонент отвечает за переход от идеи к действию. Он включает навыки прототипирования, цифрового моделирования, инженерной визуализации и технической реализации замысла. Данный компонент позволяет обеспечить технологическую осуществимость замысла в условиях ограничений по времени, ресурсам и технической регламентации.

6. Коммуникативный и рефлексивный компоненты обеспечивают сопровождение инженерной активности средствами осознанной аргументации, дискуссионной готовности, анализа последствий и доработки решений. Курсанту необходимо уметь не только создавать оригинальные решения, но и обосновывать их в междисциплинарной среде, выявлять слабые стороны и самостоятельно корректировать инженерную логику [8; 9; 14; 16].

7. Организационно-педагогический компонент модели фиксирует условия реализации: открытость и гибкость образовательной среды, интеграцию индивидуальных и командных форматов, использование цифровых и симуляционных средств, а также наличие наставнического сопровождения. Компонент выполняет обеспечивающую функцию, создавая необходимые предпосылки для устойчивого формирования креативности в реальных форматах подготовки.

Разработанная модель отражает специфику технической креативности как метакомпетенции, интегрируемой в систему профессиональной подготовки курсантов инженерного профиля, и демонстрирует, что формирование технической креативности не может быть сведено к формальному освоению дисциплинарного контента: оно предполагает переосмысление целей, средств и условий образовательного процесса. Это, безусловно, требует проектирование гибких программ обучения, в которых креативность рассматривается как структурно организованное и педагогически управляемое образование,

пронизывающее все уровни профессиональной подготовки курсанта, которая подразумевает, прежде всего, реализацию психолого-педагогических условий:

1. Ситуативная обусловленность учебной деятельности как условие формирования адаптивных стратегий. Одним из психолого-педагогических условий выступает организация учебных ситуаций, имитирующих реальные условия инженерно-тактических задач. Курсанты должны быть погружены в проблемные контексты, требующие оценки рисков, выбора технических решений и аргументации своей позиции. Ситуативная обусловленность учебной деятельности позволяет активизировать внутренние ресурсы мышления, волевого усилия и инженерной интуиции [12].

2. Прогрессирующие усложнения задач – как фактор устойчивого развития креативности. Психолого-педагогическая практика показывает, что развитие технической креативности требует постепенного увеличения уровня сложности учебных и проектных задач. На начальных этапах применяются ограниченные, полуструктурированные задачи с частично заданными параметрами, в то время как в старших курсах необходимо выведение обучающегося на решение полностью открытых, неопределенных задач. Принцип прогрессирующего усложнения способствует не только формированию гибкости мышления, но и выработке способности курсантов действовать в условиях дефицита информации, что особенно актуально для военно-прикладного контекста.

3. Формирование рефлексивной компетентности как регулятора креативной активности. Техническая креативность требует не только способности к генерации идей, но и готовности к их критическому анализу и переоценке. Развитие рефлексивной компетентности обучающегося позволяет осуществлять осознанную корректировку собственной стратегии мышления. Педагогическая задача заключается в создании условий, при которых рефлексия будет встроена в структуру каждой креативной задачи: через ведение дневников проектной работы, коллективные обсуждения решений, участие в само- и взаимооценке.

4. Диалогичность образовательного процесса как условие развития дивергентного мышления. Поддержка открытого диалога между курсантами, преподавателями и техническими специалистами способствует формированию различных точек зрения и альтернативных подходов к решению задач. Диалоговая среда усиливает эффект когнитивного конфликта, провоцирующего мыслительную активность. Создание условий для управляемой полифонии мнений является важным психолого-педагогическим условием, стимулиру-

щим дивергентное мышление – основу технической креативности.

5. Структурирование креативных процессов через педагогическую фасилитацию. Преподаватель должен выступать не только в роли транслятора знаний, но и как фасилитатор процессов генерации решений. Это предполагает умение управлять групповым обсуждением, задавать уточняющие вопросы, направлять ход мыслей без подавления инициативы. Такая педагогическая позиция обеспечивает равновесие между свободой мышления и профессиональной направленностью деятельности курсантов [21].

6. Формирование устойчивой креативной самоидентичности обучающегося. Важным психолого-педагогическим результатом целенаправленной работы по развитию технической креативности является формирование у обучающегося представления о себе как о субъекте, способном к нестандартному мышлению и генерации новых технических решений. Это ощущение должно быть подтверждено позитивным опытом преодоления сложных задач, признанием со стороны педагогов и сверстников, фиксацией собственного роста. Только при наличии креативной самоидентичности поведенческие и мыслительные паттерны становятся устойчивыми и воспроизводимыми в профессиональной деятельности.

Реализация совокупности вышеперечисленных психолого-педагогических условий базируется на ряде принципов, характерных для инженерной педагогики:

1. Принцип направленного педагогического моделирования креативных действий. Развитие технической креативности требует поэтапного включения курсантов в специально сконструированные дидактические ситуации, в которых заданы ограничения, неопределённости и необходимость аргументированного выбора. Педагогическое моделирование креативной деятельности включает создание матриц перехода от стандартных решений к оригинальным, формирование и предъявление обучающимся типовых ошибок проектирования, а также требование рефлексивного анализа каждого варианта решения. Такой подход обеспечивает не только развитие гибкости мышления, но и закрепление продуктивных стратегий инженерного поиска.

2. Принцип педагогического сопровождения креативного цикла. Процесс формирования технической креативности требует включения преподавателя в структуру дидактического цикла как активного сопровождающего. На этапах выдвижения идеи, проектирования, анализа и коррекции решений преподаватель должен действовать как фасилитатор, направляющий мышление обучающегося через вопрос-

ную модель, кейс-спутники и технико-логическую навигацию. Это сопровождается дозированной поддержкой и активным стимулированием к выходу за пределы очевидного. В дидактическом плане такая стратегия создаёт устойчивый контур сопровождения творческой инженерной активности.

3. Принцип использования контекстно-модульного подхода в обучении. Контекстно-модульная организация учебного материала позволяет внедрять креативные задачи непосредственно в профессионально значимые блоки содержания. При этом каждый модуль содержит не только базовую информацию и практические задания, но и креативный компонент – сценарий применения знаний в нестандартной ситуации. Это усиливает мотивационный компонент, делает обучение осмысленным и способствует осознанию обучающимися собственной профессиональной перспективы через призму оригинальности решений.

Заключение

Формирование технической креативности в системе подготовки курсантов военного вуза является стратегически значимой задачей, отражающей современные требования к профессиональному профилю военного инженера. Техническая креативность рассматривается не как частная способность, а как метакомпетенция, структурно интегрированная в общую модель профессиональной готовности и обеспечивающая способность к нестандартным решениям в условиях тактической и технологической неопределённости. Предложенная модель технической креативности включает в себя совокупность компонентов, каждый из которых выполняет системообразующую функцию: от формирования установки на инженерное созидание до обеспечения условий педагогической среды, способствующих устойчивому развитию инициативности, проектного мышления и рефлексивной инженерной позиции курсанта. В представленной модели техническая креативность рассматривается как педагогически управляемое качество, проявляющееся в реальных инженерных практиках: прототипировании, проектных решениях, симуляционных форматах и цифровых заданиях. Её внедрение возможно в рамках гибкой образовательной архитектуры военного вуза – через элективные модули, ситуационные кейсы, креативные тренинги и наставническое сопровождение.

Список источников

1. Бобонец С. А. Интенсификация образовательного процесса как условие повышения качества подготовки специалистов / С. А. Бобонец, А. В. Костюк // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 6–10.
2. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М. : Академия, 2002. 320 с.
3. Вербицкий А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции: монография / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова М. : Логос, 2020. 336 с.
4. Веревкин А. Л. Рефлексивные технологии обучения как современное средство повышения качества образования курсантов военных вузов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2017. № 1 (1). С. 15–18.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. М. : Искусство, 1971. 368 с.
6. Галушина П. С. О важности развития надпрофессиональных компетенций / П. С. Галушина, Е. В. Ражина, О. П. Неверова [и др.] // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 281–285.
7. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта. М. : Прогресс, 1965. 525 с.
8. Глухов Е. А. Особенности формирования творческого мышления у курсантов в ходе решения комплексной тактической задачи // Научно-методический бюллетень Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. 2019. № 11. С. 96–107.
9. Девятловский Д. Н. Становление и развитие праксиологической культуры обучающегося технического вуза: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Девятловский Дмитрий Николаевич. Кемерово, 2021. 350 с.
10. Журавлева М. В. Инженерная подготовка как фактор достижения технологической независимости промышленного комплекса / М. В. Журавлева, Г. Ш. Мамбетова // Непрерывное образование: XXI век. 2024. № 1 (45). С. 1–13.
11. Зиновкина М. М. Креативная педагогика: учебно-методическое пособие. М., 2020. 132 с.
12. Костюк А. В. Повышение качества подготовки специалистов Росгвардии в современных условиях // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 2 (3). С. 21–25.
13. Караяни А. Г. Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к выполнению служебно-боевых задач с учетом фактора внезапности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 98–108.
14. Кашапов М. М. Профессионально важные качества как основа формирования профессиональной компетентности будущих офицеров / М. М. Кашапов, А. В. Субботин // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 2. С. 26–31.
15. Литвиненко В. И. Военная педагогика: учебное пособие / В. И. Литвиненко, Е. С. Романова, Л. В. Архарова М. : КНОРУС, 2020. 354 с.
16. Микрюков В. Ю. Военная педагогика: учебник. М. : КНОРУС, 2019. 198 с.
17. Осипов А. Б., Гарин Е. Н., Гладышев А. Б. Военно-техническая подготовка. Военно-технические основы построения средств и комплексов радиоэлектронного подавления: учебник. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. 478 с.
18. Понкин И. В. Военная аналитика. Военное применение искусственного интеллекта и цифры. М. : Буки Веди, 2022. 106 с.
19. Пономарёв Я. А. Психология творчества и педагогика. М. : Педагогика, 1976. 280 с.
20. Ставицкий Д. В. К вопросу о теоретико-методологических основаниях и перспективах компетентностного подхода в организации военного образования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1 (10). С. 36–38.
21. Фомин В. И. Военный преподаватель в современной образовательной деятельности / В. И. Фокин, А. С. Шесатаков // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 1 (14). С. 47–50.

References

1. Bobonec S. A. Intensification of the educational process as a condition for improving the quality of training specialists / S. A. Bobonec, A. V. Kostyuk // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;3 (12): 6–10. (In Russ.).
2. Bogoyavlenskaya D. B. Psihologiya tvorcheskih sposobnostej. M. : Akademiya, 2002. 320 s. (In Russ.).

3. Verbickij A. A. Lichnostnyj i kompetentnostnyj podhody v obrazovanii: problemy integracii: monografiya / A. A. Verbickij, O. G. Larionova M. : Logos, 2020. 336 s. (In Russ.).
4. Verevkin A. L. Reflective learning technologies as a modern means of improving the quality of education for military university cadets // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2017;(1): 15–18. (In Russ.).
5. Vygotskij L. S. Psihologiya iskusstva. M. : Iskusstvo, 1971. 368 s. (In Russ.).
6. Galushina P. S. On the importance of developing supra-professional competencies / P. S. Galushina, E. V. Razhina, O. P. Neverova [i dr.] // Rossijskij nauchnyj vestnik. 2025;1: 281–285. (In Russ.).
7. Gilford Dzh. Tri storony intellekta. M. : Progress, 1965. 525 s. (In Russ.).
8. Gluhov E. A. Features of developing creative thinking among cadets during the solution of a complex tactical task // Nauchno-metodicheskij byulleten' Voennogo universiteta Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii. 2019;11: 96–107. (In Russ.).
9. Devyatlovskij D. N. Stanovlenie i razvitie praksiologicheskoy kul'tury obuchayushchegosya tekhnicheskogo vuza: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.08 / Devyatlovskij Dmitrij Nikolaevich. Kemerovo, 2021. 350 s. (In Russ.).
10. ZHuravleva M. V. Engineering training as a factor in achieving technological independence of the industrial complex / M. V. ZHuravleva, G. SH. Mambetova // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. 2024;1 (45): 1–13. (In Russ.).
11. Zinovkina M. M. Kreativnaya pedagogika: uchebno-metodicheskoe posobie. M., 2020. 132 s. (In Russ.).
12. Kostyuk A. V. Improving the quality of training for Rosgvardia specialists in modern conditions // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2018;2 (3): 21–25. (In Russ.).
13. Karayani A. G. Psychological training of military personnel (employees) for performing combat missions, taking into account the element of surprise // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1 (26): 98–108. (In Russ.).
14. Kashapov M. M. Professional Qualities as the Basis for the Formation of Professional Competence in Future Officers / M. M. Kashapov, A. V. Subbotin // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2014;2: 26–31. (In Russ.).
15. Litvinenko V. I. Voennaya pedagogika: uchebnoe posobie / V. I. Litvinenko, E. S. Romanova, L. V. Arharova M. : KNORUS, 2020. 354 s. (In Russ.).
16. Mikryukov V. YU. Voennaya pedagogika: uchebnik. M. : KNORUS, 2019. 198 s. (In Russ.).
17. Osipov A. B., Garin E. N., Gladyshev A. B. Voенно-tekhnicheskaya podgotovka. Voенно-tekhnicheskie osnovy postroeniya sredstv i kompleksov radioelektronnogo podavleniya: uchebnik. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2021. 478 s. (In Russ.).
18. Ponkin I. V. Voennaya analitika. Voенное primeneniye iskusstvennogo intellekta i cifry. M. : Buki Vedi, 2022. 106 s. (In Russ.).
19. Ponomaryov YA. A. Psihologiya tvorchestva i pedagogika. M. : Pedagogika, 1976. 280 s. (In Russ.).
20. Stavickij D. V. On the Theoretical and Methodological Foundations and Prospects of the Competency-Based Approach in Military Education // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;1 (10): 36–38. (In Russ.).
21. Fomin V. I. Military teacher in modern educational activities / V. I. Fokin, A. S. SHesatakov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;1 (14): 47–50. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. Н. Десятловский – доктор педагогических наук, доцент

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

D. N. Devyatlovsky – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.06.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 37.013.46

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОСГВАРДИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА

Александр Михайлович Казимирович

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
sps5401@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1327-293X>

Аннотация. В статье представлены результаты промежуточного исследования по педагогическому моделированию процесса информационного воздействия на курсантов военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии с использованием информационного подхода и методов математического описания. При обосновании модели процесса информационно-психологического воздействия используется логика описания явлений природы в естественно-научных дисциплинах и для убедительности приведены некоторые аналогии. Обоснован выбор конкретных компонентов модели и представлены зависимости между ними. Описаны основные трудности, при успешном разрешении которых представится возможность автоматизированного прогнозирования и расчета условий гарантированного противодействия негативному информационно-психологическому воздействию с эффективным использованием имеющихся ресурсов.

Ключевые слова: информационный подход, моделирование, профессиональная подготовка курсантов Росгвардии, процесс информационного воздействия, информационная безопасность, модель, математические методы в педагогике

Для цитирования: Казимирович А.М. Моделирование процесса информационного воздействия на курсантов военных образовательных организаций высшего образования росгвардии с использованием информационного подхода // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 304–317. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/030.pdf>.

Original article

MODELING THE PROCESS OF INFORMATION IMPACT ON CADETS MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER EDUCATION OF THE NATIONAL GUARD USING THE INFORMATION APPROACH

Aleksander M. Kazimirovich

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
sps5401@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1327-293X>

Abstract. The article presents the results of an intermediate research, on pedagogical modeling of the process of information influence on cadets of military educational organizations of higher education of the National Guard, using an information approach and methods of mathematical description. When substantiating the mathematical model of the process of information and psychological influence, the logic of describing natural phenomena in natural science disciplines is used and some analogies are given for persuasiveness. The choice of specific components of the model is substantiated and the dependencies between them are presented. Described the main difficulties, with the successful resolution of which, it will be possible to automate the forecasting and calculation of the conditions guaranteed countermeasures against negative information-psychological impact, with the effective use of available resources.

Keywords: information approach, modeling, professional training of Rosguard cadets, information impact process, information security, model, mathematical methods in pedagogy

For citation: Kazimirovich A.M. Modeling the process of information impact on cadets military educational organizations of higher education of the national guard using the information approach. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 304–317. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/030.pdf>.

© Казимирович А.М., 2025

Введение

Четвертый год специальной военной операции обличает накопившиеся идеологические противоречия между традиционным российским и «прогрессивным западным» обществом. Становятся взаимонеприемлемыми системы ценностей двух культур. Результатом непримиримых разногласий стало информационное противоборство, которое реализуется в отношении нашего общества посредством реализации информационных угроз. Противодействие информационным угрозам – одна из важнейших задач нашего времени. «Защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия, распространения псевдогуманистических и иных неолиберальных идеологических установок, создающих угрозы безопасности и суверенитету страны в сфере культурного развития» является важным направлением государственной политики [1]. Обеспечение информационной безопасности активно обсуждается и в научной среде [2, 3].

Реализация подобных угроз осуществляется посредством влияния на поведение личности и общества в целом, как правило с целью принятия ошибочных решений. Мы придерживаемся позиции Мухиной В. С. о поведении, как внешнем проявлении внутренних переживаний человека [4]. Влияние на поведение осуществляется посредством воздействия на органы чувств при подаче информации конкретной личности, социальной группе (институту) или всему обществу. Нами допускается, что описание процесса такого влияния послужит выработке эффективных методов противодействия информационно-психологическим угрозам.

Основные положения

Описание каких-либо процессов может осуществляться в различных формах. В гуманитарных науках чаще встречается текстовое, табличное, блок-схемное описание. Для достижения конкретных результатов часто используется моделирование, суть которого заключается в упрощении сложных систем, при описании процессов. Моделирование, как метод познания, используется в различных науках и предполагает использование замещающего реальность объекта исследования. Моделирование в педагогике позволяет конструктивно представить системность и процессуальность объектов педагогического процесса, отобразить их структуру и связь, да-

ет возможность в ускоренном режиме проводить эксперименты, избежать существенных ошибок в разработке новых теорий, концепций путем применения более объективного метода исследования, отвечающего принципам научного познания [5].

В педагогической науке, при моделировании образовательных процессов, как правило, выделяются целевой, содержательный, процессуальный, контрольно-оценочный компоненты [6, 7]. Отдельные компоненты могут детализироваться, или укрупняться, в зависимости от решаемых задач.

Исследованием педагогических моделей занимались Т.Г. Шарухина [8], И. О. Котлярова [9], Р. И. Платонова [5], В. Г. Свиarenко [10], Е. А. Лодатко [7],

Бабанский Ю. К., при оптимизации учебно-воспитательного процесса, представляет моделирование как «научно-обоснованный процесс создания модели (проекта) будущей педагогической системы, направленный на оптимальное достижение образовательных целей при заданных условиях» [11]. Новожилов В. Ю. в своих работах представляет моделирование, как «метод научного познания и проектирования педагогических систем, предполагающий создание абстрактных или наглядных моделей (схем, алгоритмов, концептуальных структур), отражающих существенные свойства реальных образовательных процессов для их анализа, прогнозирования и оптимизации» [12].

Т. Г. Шарухина под педагогическим моделированием понимает разработку образовательных (учебно-воспитательных) моделей, отражающих релевантные свойства реально существующих педагогических объектов (процессов), которые создаются в различных комбинациях и различными способами [8].

Центральное место в процессе моделирования занимает понятие «педагогическая модель», как продукт творческой деятельности, выраженный в физической, лингвистической, математической, схематической форме, связанный с реальным образовательным учебно-воспитательным объектом и дающий возможность изучить этот реальный объект по модели с заданной степенью достоверности.

Исходя из сказанного, можно выделить принципы педагогического моделирования:

принцип репрезентативности (функция модели в педагогике – выступать в виде копии реального объекта);

принцип целесообразности (основное предназначение модели в педагогике – способствовать прочному освоению учебного материала);

принцип релевантности (максимальной схожести свойств модели и реального объекта; количество свойств должно быть достаточным, но не избыточным).

принцип дискриптивности (если модель представляет педагогическую ситуацию, то должна присутствовать максимальная объективность) [8].

Мы можем выделить основные требованиями к моделированию педагогических процессов:

1. Научная обоснованность. Модель должна основываться на конкретных теориях и закономерностях, а также быть проверяемой.

2. Практическая применимость. Модель – это в первую очередь средство. Поэтому она должна использоваться на практике, для решения конкретных практических задач. Соответственно модель должна быть понятной, наглядной и применимой при исследовании конкретных процессов.

3. Адаптивность и гибкость. Модель должна иметь возможность корректировки и внесения дополнений, в целях адаптации к происходящим изменениям при исследовании конкретных процессов.

4. Системность. Модель должна учитывать взаимосвязи всех её элементов.

5. Адекватность. Модель должна соответствовать действительности, а её компоненты должны характеризовать существенные признаки исследуемого объекта. Иными словами модель должна объективно отражать реальность при исследовании изучаемого объекта.

При реализации информационных угроз деструктивными силами часто, в зависимости от величины затрачиваемых ресурсов, проводится вероятностный анализ возможной степени достижения поставленных целей. Так, например, не всегда организуемые «цветные революции» имеют успех (в Республике Беларусь 2020 г., в Казахстане 2021 г.). Для изучения вероятностных характеристик, при описании конкретных процессов, требуется построение математических моделей, которые крайне редко используются в гуманитарных науках.

Р. И. Платонова отмечает, что ранее на государственном уровне отмечались «воз-

росшие требования к точности и полноте описания педагогических явлений и процессов, которые обусловили появление целого ряда задач, относящихся к области измерений психолого-педагогических характеристик учебно-воспитательного процесса». Ссылаясь на методические рекомендации Управления Минпросвещения СССР, она отмечает задекларированную научную задачу педагогических исследований, которая заключается в «необходимости решения проблемы перехода от субъективных качественных описаний педагогических явлений к описанию строго количественному [5, 13].

При математическом описании изучаемых процессов, мы вводим дополнительное требование к моделированию – «Экономичность». Модель процесса должна учитывать ресурсные затраты на гарантированное достижение конкретной цели, оценивать время и «стоимость» влияния на конкретный элемент модели для прогнозирования экономической целесообразности перед выполнением конкретной задачи.

В точных науках особое внимание уделяется конкретным свойствам изучаемых объектов при конкретных протекающих процессах, а формальные определения могут быть отодвинуты исследователями на второй план. Гуманитарные науки отнести к разряду точных наук по ряду причин весьма сложно. К числу подобных причин, как правило, относят:

– сложные явления, процессы и объекты (учет психологических процессов и состояний личности и т. п.) тяжело формализуемы;

– выработка универсальных фундаментальных понятий – в настоящее время существует множество научных школ, идеи которых порой могут противоречить друг другу. Однако это вовсе не означает, что такие идеи не могут быть применимы. Каждое выведенное понятие применимо в конкретном исследовании при определенных условиях (оговорках), и не всегда может быть применимо в другом исследовании;

– изучение количественных соотношений. Следует отметить, различные комплексы диагностических средств совместно с технологиями больших данных постепенно преодолевают множественные препятствия по данному вопросу и тезис о том, что в недалеком будущем гуманитарные науки перейдут в разряд точных, предполагается вполне реалистичным.

В точных науках используются различные способы измерений величин. Любое измерение сводится к сравнению значения измеряемой величины с другим значениями, принятых за единичное (эталонное). Причем выбор эталона определяется в первую очередь удобством его использования и точностью проводимого исследования. Так, например, при измерении пространственных величин ранее использовался эталон метра в виде стержня из сплава иридия и платины, до тех пор, пока пренебрегались учет воздействия внешнего влияния на него, и свойства твердых тел сохранять до известной степени свою форму и размеры. Позже длину в 1 метр соотносили с определенным количеством длин световых волн в вакууме определённой оранжевой линии в спектре излучения атома криптона-86, а в настоящее время «метр» определяют как расстояние, проходимое в вакууме плоской электромагнитной волной за конкретную долю секунды ($1/299792458$) [14]. Не исключено, что в последующем предстоит использовать еще более точные эталоны, которые будут соотносить более сложными явлениями, тем более что эталон времени тоже подвержен изменениям. Так, например, в настоящее время в качестве эталона времени выбрана секунда, которая соотносится с периодом электромагнитного излучения, соответствующего определенному переходу в атоме цезия-133 в отсутствие внешних полей [14].

Наше исследование направлено на поиск путей и обоснование концептуальной модели описания процесса информационного воздействия (в том числе противника) на курсантов военных образовательных организаций высшего образования Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации с использованием математических методов.

Учитывая начальный этап заявленного исследования, мы предполагаем возможность применения представляемого проекта модели, при решении практикоориентированных задач любых категорий обучающихся, с учетом возрастных особенностей, уровня получаемого образования и осваиваемых специальностей.

Текущая задача нашего исследования – представить описание проходящего процесса информационного воздействия на курсантов военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии для последующей разработки эффектив-

ных педагогических средств и способов противодействия.

Для такого описания, мы исходим из того, что любая информация, воспринимаемая человеком, оказывает на него влияние, независимо от целей субъектов такой информации. Ввиду того, что формирование и развитие человека происходит в течение всей жизни под воздействием такой информации, мы вынуждены описывать изучаемый процесс в относительно короткий (возможно мгновенный) промежуток времени, длительность которого предстоит выбрать исходя из конкретной ситуации. Ввиду трудностей изучения психической стороны человека, при проходящих процессах влияния информации, мы часто вынуждены упрощать и рассматривать некоторую идеализированную модель. В естественно-научных дисциплинах вынуждены прибегать к пренебрежению несущественных сил (например, сила трения воздуха при движении тела по земной поверхности), несущественных свойств (например, при вычислении объема при заданной плотности пренебрегают изменением размеров твердых тел, под воздействием внешних влияний) или несущественных явлений (например, в кинематике, при изучении крутильных колебаний шара подвешенного на упругой проволоке). Не исключено, что при описании нами изучаемых процессов возможны некоторые неучтенные обстоятельства.

Как правило, «информационный подход представляет собой способ абстрактно-обобщенного описания и изучения информационного аспекта функционирования и структурообразования сложных систем, информационных связей и отношений на языке теории информации» [15].

Уорен Уивер, основываясь на статистической теории информации Клода Шеннона, описывает проблему коммуникации, которая распадается на три аспекта [16]:

- 1) техническую проблему: насколько точно могут быть переданы символы;
- 2) семантическую проблему: насколько точно символы сохраняют задуманное отправителем значение во время передачи;
- 3) проблему эффективности: насколько точно совпадают ожидаемый и фактический эффекты, произведенные полученным сигналом [17].

Д. И. Дубровский использует собственный информационный подход к объяснению связи явлений субъективной реальности и мозговых процессов [18].

Многими учеными информационный подход в педагогических исследованиях считается недостаточно используемым ввиду его «слаборазработанности» [19], которая вызвана чрезмерным акцентом на технологичность и связана с игнорированием гуманистических аспектов при изучении педагогических процессов. Указанный подход, как правило, характеризуется существенным упрощением, при котором занижается роль творчества и социального взаимодействия. Перечисленные недостатки в нашем исследовании приемлемы с учетом того, что на сегодняшний день большинство реализуемых информационных угроз носят шаблонный характер и реализуются посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Более того, указанные замечания мы попытаемся учесть в процессе моделирования изучаемого процесса. Нами предполагается, что точность измерения указанных характеристик тоже будет совершенствоваться с учетом совершенствования детализации компонентов модели, развития техники и дополнительных возможностей.

Ранее мы описывали необходимое условие успешного выполнения возложенных на курсантов задач, следующим образом: результат совокупного положительного влияния на курсанта в любой момент времени должен быть существенно (на порядок) выше совокупного влияния (давления) вызванного информационным воздействием со стороны деструктивных сил [20]. Очевидно, что для изучения влияния информации на курсанта предстоит выбрать «свой» эталон единицы информации, который в достаточной степени позволит отражать описываемые явления.

В классической информатике единицей информации выбран «бит», который соотносится с объемом. Такой выбор обоснован удобством в расчетах при приеме, передаче, хранении и обработке, и защите информации, построению правил её обработки, а также оценке возможностей различных вычислительных устройств, но никак не может использоваться при изучении влияния на человека. Поэтому использование «бита» в нашем конкретном случае неприменимо. Выбор такого эталона должен определяться в первую очередь существенными свойствами изучаемого объекта. При разработке математической модели процесса информационного воздействия, мы будем придерживаться логики описания явлений природы в естественно-

научных дисциплинах и для убедительности будем приводить некоторые аналогии.

Единица информации, для разрабатываемой модели, наиболее сопоставима с такой характеристикой из раздела физики «электростатика», как заряд q – скалярной величиной характеризующая интенсивность электромагнитного взаимодействия тел. Точно также такая единица может характеризовать интенсивность взаимодействия субъекта и объекта информационного воздействия. Следует отметить, что информация в нашем исследовании может быть представлена в форме, способной к восприятию объектом или их сочетании. То есть информация должна воздействовать на органы чувств человека непосредственно, или посредством специальных средств. В соответствии с принципом наглядности классической дидактики, чем больше органов чувств будет затронуто при подаче конкретного материала, тем результативнее будет осуществлено воздействие на психические процессы объекта. Более того, органы чувств способны воспринимать информацию в заданных интервалах соответствующих характеристик. Так, например, при восприятии акустической информации человек (без соответствующих заболеваний) способен воспринять звуковые колебания от 16 до 20 000 Гц. Наиболее комфортный для восприятия человеческим ухом считается частота 500–4000 Гц. В технических устройствах часто используется эффективно передаваемая полоса частот в канале тональной частоты, которая в соответствии с международным стандартом составляет 0,3–3,4 кГц. Уровни звука на каждой частоте тоже воспринимаются по-разному, в связи с чем амплитудно-частотная характеристика конкретного акустического сигнала требует отдельного изучения. Нормой считается порог слуха от -10 дБ до +10 дБ. В нашем исследовании, при рассмотрении информации мы будем исходить из «нормальных» условий её предоставления, являющихся комфортными для восприятия объектом информационного воздействия. Дубровский Д. И. в своей теории тоже обращает внимание на роль физических свойств сигнала, хотя считает их недостаточными для объяснения вызванного словами следствия [21]. В исключительном порядке мы можем представить «ненормальные» условия при которых под информационным воздействием объекту будет наноситься вред здоровью (например: чрезмерно высокая температура, атмосферное давление, уровень зву-

ка, присутствие химических реагентов, наличие вредоносных излучений и т. п.), или при которых будет существенно затруднено или невозможным принятие управленческих решений (например, наличие информации сигнализирующей об угрозе жизни, или возможной потере объектов, представляющих определённую ценность). Иными словами, при ненормальных условиях информационного воздействия на объект с заданной целью, необходимо учитывать постулаты теории иерархии потребностей А. Маслоу.

При нормальных условиях информационного взаимодействия подлежат выявлению и углубленному изучению факторы, определяющие эффективность такого взаимодействия.

Отсюда вытекает на перспективу еще одна научная задача, которая заключается в поиске корректного представления формы, единицы измерения и направления информации при описании процессов информационного воздействия.

Информационное воздействие на человека можно представить некоторой силой $\vec{F}$. Допустим, что индивид всю жизнь воспитывался в хорошем окружении с традиционными духовно-нравственными ценностями. То есть, на всем протяжении жизни индивида, различными субъектами проводилась определенная деятельность (работа) по его воспитанию. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде». Такая «работа» проводилась преимущественно посредством положительного информационного воздействия традиционными социальными институтами

ми, с определенной силой $\vec{F}_{(+)}$. Учитывая стратегический характер такой цели и длительность процесса по её достижению правильней было бы назвать такое воздействие информационно-педагогическим.

Работа субъектов негативного информационно-психологического воздействия в современных условиях реализации информационных угроз часто носит краткосрочный характер и преследует цель: принятие в конкретный (ключевой) момент времени ошибочного решения (или невозможность принятия решения) объектом информационно-психологического воздействия. Яркими примерами такого воздействия является телефонное мошенничество, телефонные провокации (заказные поджоги военкоматов, узлов железнодорожных станций и иных объектов инфраструктуры). В. М. Бехтеревым хорошо описываются примеры обстоятельств подобного воздействия [22], которые им представляются как результат внушения. «Внушить – значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению. Под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний, помимо его «я», то есть в обход его самосознющей и критикующей личности» [23].

При краткосрочном информационно-психологическом воздействии целесообразно соотносить не силу, а импульс тела $\vec{p}$ – векторную величину, являющуюся мерой механического движения тела, которая в привычном для нас виде имеет вид:

$$\vec{p} = m\vec{V}, \quad (1)$$

и в соответствии со вторым законом И. Ньютона соотносится с силой следующим образом:

$$\vec{F} = \frac{\Delta \vec{p}}{\Delta t}. \quad (2)$$

Важной особенностью указанного представления силы является его применимость не только в классической механике, но и в релятивистской.

Однако мы можем наблюдать и успешные «глобальные операции» информационного воздействия, организованные фон-

дом «Открытое общество» Джорджа Сороса на территории постсоветского пространства и, в частности, на Украине. На переписанной истории проводилась подмена традиционных духовно-нравственных ценностей, воспитывались русофобия. Особое внимание отводилось содержанию гуманитарных учебных дисциплин (учебники для учреждений среднего и высшего образования рекомендовались полномочными органами только определенных авторских коллективов, отрабатывающих конкретную заказную повестку), перераспределению учебного времени в тематических планах учебных дисциплин (например, объем учебной дисциплины «История Украины» по теме «Голодомор на Украине» существенно превышал количество часов, посвященных Великой Отечественной войне) и «качественному» подбору научно-педагогического состава, при котором на смену представителям советской школы, назначались переквалифицированные учителя по территориальному признаку (преимущественно из областей западной Украины). Образовательная деятельность проходила в тесной связи с культурной. С каждым годом все более агрессивно навязывалась русофобская повестка представителями эстрады, театра и кино. Вводился языковой запрет. Отрицались любые символы, свидетельствующие об общей истории братских народов (георгиевская лента, памятники победы в Великой Отечественной войне, советские государственные символы). Запрещалась деятельность Украинской Православной Церкви. В регионах, не принимающих навязываемые ценности, проходил открытый террор в отношении несогласных (трагедия 2 мая 2015 года в одесском Доме Профсоюзов служит одним из самых ярких свидетельств террористической деятельности различных запрещенных организаций на Украине и молчаливой поддержки государственной власти происходящего). Результатом подобных действий со стороны действующей украинской власти стало объявление Президентом Российской Федерации о проведении специальной военной операции.

Очевидно, что определенными деструктивными субъектами проводилась планомерная и многолетняя работа, в результате которой свершились несколько оранжевых революций, государственный переворот, открытый террор. Непринятие навязываемой пропаганды населением юго-восточной Украины привело к отсоединению 5 субъектов из состава Украины и вы-

нужденной мере – проведению Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции. Такую работу нам предстоит описать.

Работа в ньютоновской механике рассматривается физическая величина, которая характеризует процесс перемещения тела под воздействием силы, то есть связана прежде всего с воздействием силы $\vec{F}$, и чаще всего ассоциируется с формулой

$$\vec{A} = \vec{F}\vec{S}, \quad (3)$$

где $\vec{A}$ – собственно работа, а S – пройденный путь. Под пройденным путем S в нашем исследовании наиболее применительна такая характеристика как количество информации, участвующей во взаимодействии субъекта и объекта информационно-психологического воздействия и при котором будет наблюдаться изменение внутренних переживаний (по В. С. Мухиной) объекта. Нами предлагается, работу субъекта информационно-психологического воздействия описать следующим образом:

$$\vec{A} = \vec{F}\vec{q}. \quad (4)$$

Следует отметить, что формула работы в кинематике применима, если сила постоянна и совпадает с направлением движения тела. Именно по этой причине сила $\vec{F}$ и работа $\vec{A}$ являются скалярными величинами.

При описании исследуемых нами процессов можно провести аналогию с процессами электромагнитного взаимодействия.

В электродинамике напряжение U – физическая величина, которая равна работе электрического поля по перемещению единичного заряда q из одной точки в другую

$$U = A / q. \quad (5)$$

При подобном сопоставлении, должны учитываться особенности скалярности величин, в виду специфики протекания электрического тока (от «+» к «-»).

В нашем конкретном случае подобные величины приобретают многовекторный характер (вариантов их направлений существенно больше, чем, например, при движении в силовом кабеле), а интерес связан не с перемещением единицы информации, а с изменением внутренних переживаний человека, под ее воздействи-

ем. Напряжение сопоставимо с прилагаемой силой информационно-психологического воздействия.

$$\vec{F} = \vec{A} / \vec{q} \quad (6)$$

Если предположить применимость закона Ома, в соответствии с которым напряжение имеет вид:

$$\vec{U} = \vec{I}R \quad (7)$$

где сила тока I – скалярная величина, равная отношению электрического заряда $\vec{q}$, прошедшее через поперечное сечение проводника, к промежутку времени t , а R – сопротивление проводника.

$$\vec{I} = \vec{q} / t \quad (8)$$

то модуль силы информационно-психологического воздействия будет иметь вид:

$$|F| = IR \quad (9)$$

где R – сопротивляемость к восприятию такой информации, обусловленная индивидуальными особенностями человека, а I – скалярная величина равная количеству усвоенной объектом информации $\vec{q}$, изменившей внутренние переживания объекта в направлении выбранной цели за промежуток времени t , и имеет вид:

$$, \quad (10)$$

При этом $\vec{q}$ – скалярная величина, характеризующая интенсивность взаимодействия субъекта и объекта информационно-

го воздействия. Иными словами, $\vec{q}$ – это то количество информации, которое участвовало во взаимодействии субъекта и объекта информационного воздействия на заданную цель.

В свою очередь, ранее мы указывали, что сопротивляемость эквивалентна устойчивости к воздействию информации и является личностной динамической характеристикой, которая формируется преимущественно в процессе профессиональной подготовки, а также представляли математическое описание её развития [20].

Следует учитывать, что над человеком могут проводить работу и негативные субъекты информационного воздействия, с деструктивными целями. Получается, что такая работа отдаляет нас от запланированного результата в отношении обучающегося и соответственно имеет противоположное направление. Более того, работа, проводимая иными субъектами, может преследовать иные цели, и также влиять на запланированный результат воспитания.

Таким образом, в каждом конкретном случае «влиятельность» прикладываемой силы отдельного субъекта на достижение конкретной (нашей) цели будет определяться как её проекция на исследуемую нами цель. Действие конкретной силы на достижение заданной цели может быть представлен графически (рисунок 1).

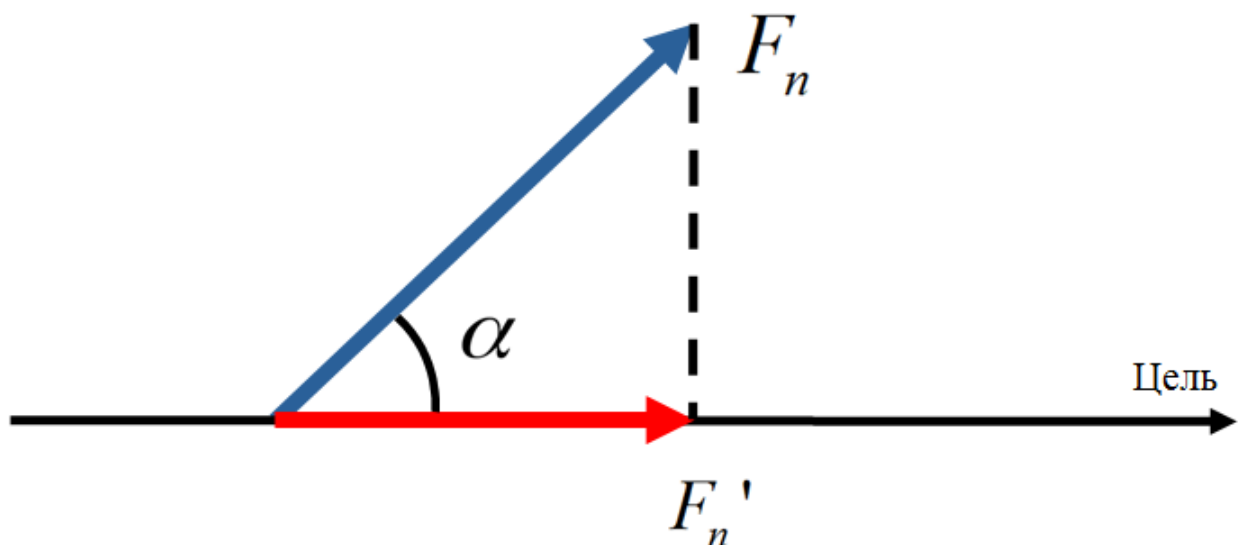

Рисунок 1 – Действие конкретной силы на достижение заданной цели

Figure 1 – The effect of a specific force on achieving a given goal

Таким образом, действие силы на достижение заданной цели будет иметь вид:

$$F_n' = F_n \cos \alpha \quad (10)$$

где угол α характеризует степень отклонения прилагаемой силы на достижение заданной нами цели. Во многих психолого-педагогических исследованиях используется такой метод как факторный анализ, при котором после подготовки данных и выделения факторов производится процедура вращения, путем изменения системы координат, в которой представлены факторы.

Следует отметить, что ранее нами использовалась такая характеристика, как объем информации, доносимый субъектом информационного воздействия с обозначением V . Учитывая, что не вся доносимая субъектом информация V будет воспринята объектом, мы можем сделать вывод об определенных информационных потерях к моменту усвоения информации человеком, ввиду сопротивляемости к вос-

приятию информации R , деятельности других субъектов информационного воздействия, и возможно определенных обстоятельств (условий и факторов), которые своей информацией оказывают влияние на человека, его поведение или самочувствие. Примером таких обстоятельств может служить высокая или низкая температура, влажность, освещенность, наличие специфических запахов, звучащие рядом звуки, происходящие рядом события (ситуации) и т. п. Для получения необходимого результата, необходимо чтобы результирующая сила информационного воздействия была достаточной, для возбуждения внутренних переживаний у объекта на заданную цель, что в свою очередь приведет к выполнению объектом определенного действия (бездействия) или изменению его поведения. Результирующей силой в направлении конкретной цели будет являться сумма проекций всех сил на заданную цель (рисунок 2).

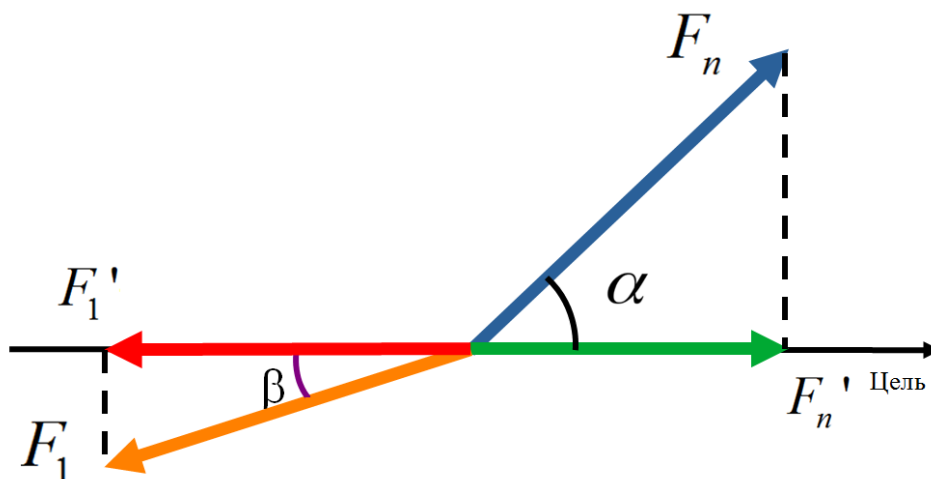

Рисунок 2 – Проекция всех сил на заданную цель

Figure 2 – Projections of all forces on a given target

Таким образом, действие результирующей силы информационного воздействия на достижение заданной цели будет иметь вид:

$$\vec{F}' = \vec{F}_1' + \vec{F}_2' + \dots + \vec{F}_n' = \sum_1^n \vec{F}_n' \quad (11)$$

Именно результирующая сила влияет на изменение внутренних переживаний человека, побуждающих его к конкретным

действиям. Наглядным примером могут служить результаты социальных экспериментов изучения конформизма проводимых Мухиной В. С. [24], Ашем С. [25, 26] и другими исследователями, при котором под внешним информационным влиянием со стороны множества субъектов в направлении одной цели, испытуемый (с низкой сопротивляемостью) ведет себя естественно, вопреки своим знаниям и убеждениям. Из приведенных эксперимен-

тов прослеживается, что подобные силы обладают некоторыми волновыми свойствами. Так, например, прослеживается явление резонанса (явление, при котором одинаковые по фазе и частоте колебания усиливают их амплитудную характеристику), которое существенно увеличивает влияние на объект информационного воздействия. Явление резонанса и раньше сопоставлялось в общественных науках и даже выводилось в отдельное научное направление под названием синергетика (в переводе с древнегреческого «плюс» и «дело», т.е. «совместная деятельность»), но почти не рассматривалось с точки зрения информационного воздействия.

Вернувшись к электродинамике, можно вспомнить, что напряжение U в цепи постоянного тока, с которой мы приводим аналогию при описании силы информационно-психологического воздействия, является характеристикой поля и рассматривается еще как разность потенциалов между начальной и конечной точкой траектории зарядов. По этой логике если начальной траекторией информации V считать субъект, а конечной траекторией усвоенной информации I – объект, то силу информационно-психологического воздействия F можно рассматривать как разность некоторых величин (потенциалов) между субъектом и объектом в способствующих усвоению информации объектом условиях.

$$F = \varphi_{(V)} - \varphi_{(I)}. \quad (12)$$

Потенциал объекта определяется готовностью обучающегося воспринимать информацию и зависит от множества переменных, требующих отдельного изучения. Если считать (при условиях, приближенных к идеальным) влияние на потенциал объекта незначительным (например, к началу учебного занятия, при нормальной организации подготовки обучающегося к занятию), то на усвоение информации объектом можно влиять за счет увеличения потенциала субъекта влияния (который, в свою очередь, определяет качество процесса информационного воздействия) и изменения качества организационных и психолого-педагогических условий.

$$\varphi_{(V)} = K_{суб} + K_{усл}. \quad (13)$$

Потенциал субъекта может быть увеличен за счет изменения некоторых характеристик субъекта (например: авторитет субъекта, его педагогическое мастерство, уровень компетентности и др.), которые в свою очередь, влияют на его деятельность (качество процесса).

Качество условий также требует отдельного изучения.

При кратковременном информационно-психологическом воздействии учитывая, что «масса субъекта информационно-психологического воздействия» сопоставима со степенью его влиятельностью, т.е. его потенциалом, импульс субъекта будет иметь вид:

$$\vec{p} = \varphi_{(V)} (\vec{V} / t). \quad (14)$$

В свою очередь силу можно представить, как отношение изменения импульса за интервал времени, выражение которое будет иметь вид:

$$\vec{F} = \frac{\Delta \vec{p}}{\Delta t} = \frac{\Delta \varphi_{(V)} (\vec{V} / t)}{\Delta t}. \quad (15)$$

Таким образом, математическую модель процесса информационного воздействия мы можем представить следующим образом:

$$\vec{A} = \vec{F} \vec{q}, \quad (16)$$

$$\vec{F} = \frac{\Delta \varphi_{(V)} (\vec{V} / t)}{\Delta t}, \quad (17)$$

$$F = \varphi_{(V)} - \varphi_{(I)}, \quad (18)$$

$$\vec{p} = \varphi_{(V)} (\vec{V} / t) \quad (19)$$

$$\vec{F} = \vec{I} R, \quad (20)$$

$$\vec{I} = \vec{q} / t, \quad (21)$$

$$\varphi_{(V)} = K_{суб} + K_{усл}, \quad (22)$$

где,

t – время;

q – скалярная величина, характеризующая интенсивность взаимодействия субъекта и объекта информационного воздействия;

$\vec{A}$ – работа, проводимая субъектом информационного воздействия;

$\vec{F}$ – сила, прилагаемая субъектом информационного воздействия;

$\vec{P}$ – импульс субъекта информационного воздействия;

$\varphi_{(V)}$ – потенциал субъекта информационного воздействия;

$\varphi_{(I)}$ – потенциал объекта информационного воздействия;

$\vec{I}$ – скалярная величина равная количеству усвоенной объектом информации в направлении выбранной цели за промежуток времени t ;

$\vec{V}$ – скалярная величина равная количеству информации, доносимой субъектом информационного воздействия объекту в направлении выбранной цели за промежуток времени t ;

R – сопротивляемость к восприятию информации, предоставляемой субъектом информационного воздействия, обусловленная индивидуальными особенностями человека;

$K_{суб}$ – характеристика субъекта информационного воздействия;

$K_{усл}$ – характеристика условий, при которых осуществляется информационное воздействие.

На основании вышеизложенного полагается необходимым представить выполненные этапы процесса моделирования (по А. Н. Дахину) [27], в следующем виде:

1) выбор предмета исследования – процесс информационного воздействия на курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации;

2) цель – противодействие негативному информационному воздействию на кур-

сантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации;

3) постановка задач моделирования – математическое описание процесса информационного воздействия на курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации;

4) разработка конструкта модели с уточнением зависимости между основными элементами (характеристиками) исследуемого объекта (представлен математическими зависимостями).

Для разрешения поставленной задачи предстоит еще пройти следующие этапы моделирования:

5) детализация компонентов представленной модели с уточнением зависимостей между основными элементами;

6) выбор критериев оценки изменений параметров и методик измерений;

7) проверка валидности модели в решении поставленных задач;

8) интерпретация результатов моделирования;

9) непосредственное использование представленной модели при решении прикладных задач.

Заключение

Представленная математическая модель в настоящее время проходит апробацию и детализацию каждого из её компонентов, опираясь на положения классической педагогики, и представляет собой концепцию нашего исследования на перспективу. Имеется множество нерешенных вопросов связанных с выбором единиц и способов измерения каждого из компонентов, порядка их фиксации и учета, а также прохождением процедуры верификации представленной модели. При успешном разрешении всех перечисленных задач нами предполагается возможность автоматизированного прогнозирования и как следствие, гарантированного противодействия негативному информационному воздействию, с эффективным использованием имеющихся ресурсов.

Список источников

1. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/> (дата обращения: 10.06.2025).

2. Шарухин А. П. Методология исследования проблемы обеспечения информационной безопасности курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации / Е. С. Индык, А. П. Шарухин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 4(25). С. 122–128.

3. Караяни А. Г. Технологии формирования образа врага в информационно-психологическом противоборстве (на примере специальной военной операции на Украине)

- / С. В. Цыганков, Ю. М. Караяни, А. Г. Караяни // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2(27). С. 137–146.
4. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития и бытия личности: в 2 т. 18-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 2022. 150 с.
5. Платонова Р. И. Моделирование в научно-педагогических исследованиях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 3(20). С. 190–194.
6. Дахин А. Н. Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и... неопределенность // Педагогика. 2003. № 4. С. 21–26.
7. Лодатко Е. А. Моделирование педагогических систем и процессов: монография. Славянск: СГПУ, 2010. 148 с.
8. Шарухина Т. Г. Педагогическое моделирование: основные правила // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2017. № 1 (1). С. 58–59.
9. Котлярова И. О. Метод моделирования в педагогических исследованиях: история развития и современное состояние // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2019. Т. 11, № 1. С. 6–20.
10. Свиначенко В. Г. Возможности педагогического моделирования в системе непрерывного образования: монография / В. Г. Свиначенко, С. В. Сорокин, М. В. Тарасевич. М. : МИФИ, 2017. 147 с.
11. Бабанский Ю. К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса: (Методические основы). М. : Просвещение, 1982. 192 с.
12. Новожилов В. Ю. Моделирование педагогических систем в профессиональном образовании: теория и практика. М. : Москва, 2012. 416 с.
13. О совершенствовании организации психолого-педагогических исследований (методические рекомендации по выполнению плана-заказа Министерства просвещения СССР педагогическим институтам на 1981–1985 гг.). М. : Министерство просвещения СССР, 1984. 19 с.
13. Физика для поступающих в вузы / Е.И. Бутиков, А.А. Быков, А.С. Кондратьев. 6-е изд. СПб. : Изд-во «Лань», 2001. 640 с.
15. Штанько В. И. Информация. Мышление. Целостность: монография. Харьков, 1992. 144 с.
16. Weaver W. Some recent contributions to the mathematical theory of communication / Shannon C.E., Weaver W. The mathematical theory of communication. Chicago: University of Illinois Press, 1969. P. 1–28.
17. Жудина А. А. Функционалистская теория сознания Д. И. Дубровского // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2024. Т. 48, № 5. С. 38–53.
18. Дубровский Д. И. Проблема «Сознание и мозг». Теоретическое решение основных вопросов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, № 2. С. 14–29.
19. Яковлева Н. О. Информационный подход в педагогических исследованиях: сущность, значение, особенности реализации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2009. № 1 (134).
20. Казимирович А. М. Описание процесса подготовки курсантов военных институтов к выполнению задач с учетом современных информационных угроз // Перспективы науки. 2023. № 5(164). С. 277–281.
21. Дубровский Д. И. Проблема связи сознания и мозговых процессов: информационный подход // Труды Международной научно-практической конференции «Психология труда, инженерная психология и эргономика – 2014» (Эрго2014), Санкт-Петербург, 03–05 июля 2014 года / под ред. А. Н. Анохина, П. И. Падерно, С. Ф. Сергеева. СПб. : Межрегиональная общественная организация «Эргономическая ассоциация», 2014. С. 127–131.
22. Бехтерев В. М. Различные взгляды на природу внушения // Психика и жизнь. Внушение. М. : Изд-во «АСТ», 2022. С. 256–259.
23. Бехтерев В. М. Определение внушения // Психика и жизнь. Внушение. М. : Изд-во «АСТ», 2022. С. 269.
24. Я и другие [Видеозапись] / режиссёр Ф. Соболев; сценарист Ю. Аликов; научный консультант А. Петровский; оператор Л. Прядкин. Киев: Киевнаучфильм, 1971. 49 мин.
25. Comstock G. A., Scharrer E. Asch // The Psychology of Media and Politics. Academic Press, 2005. P. 46–49, 19. 316 p. ISBN 9780121835521.
26. Свиридова О.О. Социально-психологические механизмы формирования клиентской лояльности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Свиридова Олеся Олеговна. М., 2013. 181 с.
27. Дахин Александр Николаевич. Педагогическое моделирование: монография. Новосибирск, 2005. 229 с.

References

1. Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 sentyabrya 2024 g. № 2501-r. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/> (data obrashcheniya: 10.06.2025). (In Russ.).
2. SHaruhin A. P. Methodology for Researching the Problem of Ensuring Information Security for Cadets of Military Institutes of the National Guard of the Russian Federation / E. S. Indyk, A. P. SHaruhin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;4(25): 122–128. (In Russ.).
3. Karayani A. G. Technologies for shaping the image of the enemy in information and psychological warfare (using the example of the special military operation in Ukraine) / S. V. Cygankov, YU. M. Karayani, A. G. Karayani // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 137–146. (In Russ.).
4. Muhina V. S. Vozrastnaya psihologiya: fenomenologiya razvitiya i bytiya lichnosti: v 2 t. 18-e izd., pererab. i dop. M. : Nauka, 2022. 150 s. (In Russ.).
5. Platonova R. I. Modeling in Scientific and Pedagogical Research // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. 2017. T. 6;3(20): 190–194. (In Russ.).
6. Dahin A. N. Pedagogical Modeling: Essence, Effectiveness, and... Uncertainty // Pedagogika. 2003;4: 21–26. (In Russ.).
7. Lodatko E. A. Modelirovanie pedagogicheskikh sistem i processov: monografiya. Slavyansk: SGPU, 2010. 148 s. (In Russ.).
8. SHaruhina T. G. Pedagogical modeling: basic rules // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2017;1 (1): 58–59. (In Russ.).
9. Kotlyarova I. O. The Method of Modeling in Pedagogical Research: History of Development and Current State // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki. 2019. T. 11;1: 6–20. (In Russ.).
10. Svinarenko V. G. Vozmozhnosti pedagogicheskogo modelirovaniya v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya: monografiya / V. G. Svinarenko, S. V. Sorokin, M. V. Tarasevich. M. : MIFI, 2017. 147 s. (In Russ.).
11. Babanskij YU. K. Optimizaciya uchebno-vospitatel'nogo processa: (Metodicheskie osnovy). M. : Prosveshchenie, 1982. 192 s. (In Russ.).
12. Novozhilov V. YU. Modelirovanie pedagogicheskikh sistem v professional'nom obrazovanii: teoriya i praktika. M. : Moskva, 2012. 416 s. (In Russ.).
13. O sovershenstvovanii organizacii psihologo-pedagogicheskikh issledovanij (metodicheskie rekomendacii po vypolneniyu plana-zakaza Ministerstva prosveshcheniya SSSR pedagogicheskimi institutami na 1981–1985 gg.). M. : Ministerstvo prosveshcheniya SSSR, 1984. 19 s. (In Russ.).
14. Fizika dlya postupayushchih v vuzy / E.I. Butikov, A.A. Bykov, A.S. Kondrat'ev. 6-e izd. SPb. : Izd-vo «Lan», 2001. 640 s. (In Russ.).
15. SHtan'ko V. I. Informaciya. Myshlenie. Celostnost': monografiya. Har'kov, 1992. 144 s. (In Russ.).
16. Weaver W. Some recent contributions to the mathematical theory of communication / Shannon C.E., Weaver W. The mathematical theory of communication. Chicago: University of Illinois Press, 1969. R. 1–28. (In Russ.).
17. ZHudina A. A. D. I. Dubrovsky's Functionalist Theory of Consciousness // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. 2024. T. 48;5: 38–53. (In Russ.).
18. Dubrovskij D. I. The problem of "Consciousness and the Brain". Theoretical solution of the main issues // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2018. T. 15;2: 14–29. (In Russ.).
19. YAKovleva N. O. The Information Approach in Pedagogical Research: Essence, Significance, and Implementation Features // Vestnik YUURGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki. 2009;1 (134). (In Russ.).
20. Kazimirovich A. M. Description of the process of training military institute cadets to perform tasks taking into account modern information threats // Perspektivy nauki. 2023;5(164): 277–281. (In Russ.).
21. Dubrovskij D. I. Problema svyazi soznaniya i mozgovykh processov: informacionnyj podhod // Trudy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Psihologiya truda, inzhenernaya psihologiya i ergonomika – 2014» (Ergo2014), Sankt-Peterburg, 03–05 iyulya 2014 goda / pod red. A. N. Anohina, P. I. Paderno, S. F. Sergeeva. SPb. : Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizaciya «Ergonomicheskaya asociaciya», 2014. S. 127–131. (In Russ.).

22. Bekhterev V. M. Razlichnye vzglyady na prirodu vnusheniya // Psihika i zhizn'. Vushenie. M. : Izd-vo «AST», 2022. S. 256–259. (In Russ.).
23. Bekhterev V. M. Opredelenie vnusheniya // Psihika i zhizn'. Vushenie. M. : Izd-vo «AST», 2022. S. 269. (In Russ.).
24. YA i drugie [Videozapis'] / rezhissyor F. Sobolev; scenarist YU. Alikov; nauchnyj konsul'tant A. Petrovskij; operator L. Pryadkin. Kiev: Kievnauchfil'm, 1971. 49 min. (In Russ.).
25. Comstock G. A., Scharrer E. Asch // The Psychology of Media and Politics. Academic Press, 2005. P. 46–49, 19. 316 p. ISBN 9780121835521. (In Russ.).
26. Sviridova O.O. Social'no-psihologicheskie mekhanizmy formirovaniya klientskoj loyal'nosti: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.05 / Sviridova Olesya Olegovna. M., 2013. 181 s. (In Russ.).
27. Dahin Aleksandr Nikolaevich. Pedagogicheskoe modelirovanie: monografiya. Novosibirsk, 2005. 229 s. (In Russ.).

Информация об авторе

А. М. Казимирович – кандидат педагогических наук

Статья поступила в редакцию 21.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

A.M. Kazimirovich – Candidate of Sciences (Pedagogy)

The article was submitted 21.08.2025;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 378.145.3

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Руслан Александрович Николаев

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
ruslan53rus1978@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается важность и актуальность государственно-патриотической компетентности. Рассмотрены этапы ее формирования. Приведены задачи, выполняемые на каждом этапе. Раскрыты мероприятия, выполняемые командирами (начальниками) поощрению государственно-патриотической активности у подчиненных. В завершении работы сделаны выводы, в которых подчеркивается роль государственно-патриотической компетентности.

Ключевые слова: государственно-патриотическая компетентность, этапы развития, патриотизм

Для цитирования: Николаев Р.А. Этапы развития государственно-патриотической компетентности у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 318–325. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/031.pdf>.

Original article

STAGES OF DEVELOPMENT OF STATE-PATRIOTIC COMPETENCE IN SERVICEMEN OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ruslan A. Nikolaev

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
ruslan53rus1978@mail.ru

Abstract. The article discusses the importance and relevance of state-patriotic competence. The stages of its formation are considered. The tasks performed at each stage are presented. The activities performed by commanders (superiors) to encourage state-patriotic activity among their subordinates are revealed. The article concludes with a summary highlighting the role of state-patriotic competence.

Keywords: state-patriotic competence, stages of development, patriotism

For citation: Nikolaev R.A. Stages of development of state-patriotic competence in servicemen of the national guard troops of the Russian Federation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32):318–325. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/031.pdf>.

© Николаев Р.А., 2025

Введение

Современная система подготовки военнослужащих в Российской Федерации представляет собой многоуровневый и комплексный процесс, включающий в себя не только физическую, тактическую и профессиональную подготовку, но и целенаправленное формирование личностных, нравственных и гражданских установок. В этом контексте особое значение приобретает государственно-патриотическая компетентность как важнейшая составляющая профессионального и морального облика военнослужащего. Речь идёт не просто о формальной лояльности к государству, но о глубокой внутренней идентификации с

интересами Родины, готовности отстаивать её ценности и обеспечивать национальную безопасность [3]. Государственно-патриотическая компетентность представляет собой многокомпонентное личностное качество, включающее в себя устойчивую приверженность идеалам служения Отечеству, высокую степень осознанного патриотизма, уважение к историческим традициям страны, понимание роли Вооружённых Сил в обеспечении государственного суверенитета и мира.

Особенно актуально и значимо развитие данной компетентности у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. В отличие от армей-

ских подразделений, основная задача которых – защита страны от внешних угроз, подразделения Росгвардии функционируют в пространстве внутренних вызовов. Их деятельность непосредственно связана с обеспечением общественного порядка, борьбой с терроризмом, экстремизмом и организованной преступностью, охраной особо важных государственных объектов, обеспечением правопорядка на массовых мероприятиях. В этих условиях патриотизм должен носить не декларативный, а деятельный характер, быть внутренним моральным ориентиром, направляющим поведение и решения военнослужащего даже в условиях неопределённости и морального напряжения. Именно поэтому формирование государственно-патриотической компетентности должно рассматриваться не как факультативный аспект профессиональной подготовки, а как неотъемлемая часть образовательной, воспитательной и психологической работы с личным составом [14].

Основные положения

Формирование государственно-патриотической компетентности у военнослужащих представляет собой сложный, поэтапный и системно организованный процесс, включающий в себя широкий спектр мероприятий, охватывающих образовательную, воспитательную, психологическую и социально-нравственную сферу. Этот процесс требует чёткого методического сопровождения, научного обоснования, а также межведомственного и междисциплинарного подхода. Он направлен на всестороннее развитие личности военнослужащего в условиях армейской среды, где ключевое значение приобретает ценностно-мотивационный компонент [18]. Государственно-патриотическая компетентность не формируется одномоментно – она является результатом систематического и последовательного воздействия на сознание, мотивационную сферу, поведенческие установки и гражданскую активность военнослужащего. В процессе её формирования решаются задачи укрепления личной ответственности за судьбу Отечества, понимания исторической преемственности, осознания роли своей воинской деятельности в поддержании стабильности и правопорядка в стране [1]. Особенно важно учитывать возрастные, психологические и социальные особенности тех, кто только начинает военную службу, а также учитывать различия между кон-

трактниками, призывниками и курсантами учебных заведений.

Ниже подробно рассмотрены ключевые этапы формирования данной компетентности, начиная с диагностико-прогностического, как фундамента всей последующей работы.

1. Диагностико-прогностический этап.

Первый и принципиально важный этап в системе формирования государственно-патриотической компетентности – это диагностико-прогностический. Его основная задача заключается в изучении исходного уровня развития патриотических установок, степени осознанности гражданской позиции, личной мотивации к воинской службе, а также базовых знаний о государстве, праве, истории и символике страны. Этот этап охватывает в первую очередь тех, кто только приступает к военной службе как по призыву, так и по контракту, а также курсантов образовательных учреждений войск национальной гвардии Российской Федерации. Проведение комплексной диагностики позволяет не только объективно оценить текущее состояние патриотического самосознания, но и определить направления и формы последующего воспитательного воздействия.

Особое внимание уделяется следующим задачам:

- выявление уровня гражданской идентичности и степени личной сопричастности к судьбе государства;

- диагностика представлений о сущности патриотизма, государственности, долге и служении Родине;

- анализ внутренней мотивации к прохождению службы, включая как рациональные, так и эмоциональные основания выбора военной профессии;

- оценка знаний об истории России, её героических страницах, государственных символах, системе власти, Конституции и воинских традициях;

- определение уязвимых точек, дефицитов или искажённых представлений, которые могут негативно повлиять на формирование патриотических установок;

- прогнозирование возможных направлений личностного развития и поведенческих тенденций на основе изучения психосоциального портрета военнослужащего.

Для реализации задач данного этапа применяются разнообразные научно обоснованные методы: анкетирование с закрытыми и открытыми вопросами, социологические опросы, индивидуальные и групповые интервью, диагностические бе-

седы, тестовые методики, позволяющие оценить уровень мотивации, ценностных ориентаций, личностной зрелости и степени социальной адаптации [5].

Особенно ценными являются такие методики, как «Патриотическая направленность личности», «Мотивация к военной службе», «Идентификация с государством» и другие психодиагностические инструменты, адаптированные к специфике военной среды. Итогом данного этапа становится разработка адресных рекомендаций и построение индивидуальных или групповых воспитательных маршрутов, направленных на устранение выявленных дефицитов и формирование прочной системы ценностей. Эти маршруты реализуются в тесном взаимодействии командиров, офицеров по воспитательной работе, военных психологов, а также представителей образовательных и культурно-просветительских структур. В отдельных случаях может применяться кураторская модель, предполагающая закрепление ответственного офицера за группой или отдельным военнослужащим с целью целенаправленного патриотического сопровождения.

Таким образом, диагностико-прогностический этап играет ключевую роль в дальнейшем построении воспитательной и образовательной траектории военнослужащего, закладывая основу для эффективного формирования государственно-патриотической компетентности в процессе его службы.

2. Мотивационно-ценностный этап.

Следующим логическим шагом в формировании государственно-патриотической компетентности становится развитие устойчивой внутренней мотивации и целостной системы ценностных ориентиров.

Этот этап предполагает не просто механическое усвоение патриотических установок, а формирование глубоко личностной установки на службу государству, развитие чувства сопричастности к судьбе Отечества, а также осознание значимости собственной роли в обеспечении общественной и государственной безопасности [10].

Ключевая задача этапа – укрепление внутренней убежденности военнослужащего в правильности и важности своего профессионального выбора, а также формирование эмоциональной привязанности к Родине, её истории, традициям и современным вызовам.

Этот этап ориентирован на эмоционально-ценностную сферу личности, формирует духовную мотивацию к службе и задаёт вектор внутреннего самовоспитания [11].

Основные направления работы включают:

- развитие уважительного и эмоционально насыщенного отношения к истории и культурному наследию Отечества;

- углублённое изучение традиций войск и героических страниц военной службы, в том числе подвига бойцов Росгвардии;

- формирование положительного образа государства, его институтов и системы государственной безопасности; разъяснение задач и функций войск национальной гвардии как органа, защищающего правопорядок, гражданские свободы и конституционный строй;

- профилактика таких негативных явлений, как равнодушие, нигилизм, цинизм, политическая апатия и недоверие к государственным структурам.

Воспитательные мероприятия на этом этапе должны быть разнообразными по форме и насыщенными по содержанию.

В их число входят:

- кураторские часы и патриотические лекции, направленные на обсуждение вопросов долга, чести, служения и национального единства;

- организованные встречи с участниками боевых действий, представителями МВД, ФСБ и Росгвардии, которые делятся личным опытом, рассказывают о профессиональной этике и преодолении трудностей;

- посещение памятных мест, мемориалов, воинских захоронений, музеев воинской славы – с последующим обсуждением и рефлексией;

- вовлечение в патриотические акции и общественные инициативы, такие как «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк», «Пост № 1», «День Неизвестного солдата»;

- участие в воинских ритуалах, церемониях поднятия государственного флага, исполнения государственного гимна, торжественных присягах.

Особую роль на данном этапе играет активная позиция командования. Именно командиры, своим личным примером, стилем общения и отношением к службе формируют у подчинённых понимание высокой миссии воинской профессии.

Только при наличии аутентичного, искреннего патриотического контекста, транслируемого от старших по званию, возможно формирование неформально-

го уважения к государству и готовности действовать в его интересах.

3. Когнитивно-деятельностный этап.

После закладки ценностно-мотивационного фундамента наступает этап углублённого овладения знаниями и навыками, составляющими когнитивный компонент государственно-патриотической компетентности. Здесь основной акцент делается на интеллектуальное и рациональное осмысление военнослужащим своей роли как представителя государственной власти, защитника закона и порядка, носителя национальных интересов [12].

Цель этого этапа – формирование прочной базы знаний и развитие способности анализировать политико-исторические и правовые реалии сквозь призму патриотизма и служебного долга. Он играет важную роль в формировании ответственного гражданина, обладающего правовой культурой, историческим мышлением и высокой дисциплинарной зрелостью.

Ключевые задачи когнитивно-деятельностного этапа включают:

- углублённое изучение истории России, её ключевых событий, военных конфликтов и национальных героев;

- ознакомление с военной историей, традициями различных родов войск, историей Росгвардии и её места в системе национальной безопасности;

- освоение основ государственной символики, знаний о Конституции, государственной власти, функциях и роли президента, парламента, судебной системы;

- детальное изучение уставов, норм воинской этики и морали, правил поведения в армии и в общественной жизни; осмысление связи между личной дисциплиной, служебной ответственностью и стабильностью внутри общества;

- включение военнослужащих в реализацию общественно значимых проектов, акций, волонтерских инициатив, что укрепляет их осознанную гражданскую позицию.

Образовательные формы работы включают:

- проведение тематических семинаров и диспутов на патриотические и историко-правовые темы;

- организация военных исторических викторин, конкурсов знаний, квестов;

- курсы гражданско-правовой подготовки, в том числе с участием представителей правоохранительных органов и преподавателей вузов;

подготовка и защита докладов, творческих работ, видеопроектов, презентаций, посвящённых ключевым вопросам патриотизма и военной службы.

Значимым эффектом данного этапа становится развитие у военнослужащих способности к рефлексивному мышлению, самостоятельному анализу моральных и этических дилемм, возникающих в ходе служебной деятельности. Это особенно важно в условиях угроз, провокаций, неоднозначных социальных ситуаций и взаимодействия с гражданским населением. Подобные навыки позволяют военнослужащим принимать взвешенные решения и сохранять верность долгу даже в сложных обстоятельствах.

4. Поведенческо-деятельностный этап.

Заключительный этап формирования государственно-патриотической компетентности – это её закрепление в конкретных формах поведения и служебной деятельности. Он отражает уровень внутренней зрелости военнослужащего, демонстрирует способность не только декларировать, но и реализовывать патриотические установки в повседневной жизни и служебной практике [16].

Главной целью этапа является переход от декларативного патриотизма к практическому, деятельностному выражению гражданской и государственной лояльности. Формируются устойчивые поведенческие паттерны, соответствующие идеалу военнослужащего-гражданина – дисциплинированного, инициативного, морально зрелого и ответственного.

К основным проявлениям сформированной государственно-патриотической компетентности относятся:

- добросовестное исполнение своих служебных обязанностей вне зависимости от внешних обстоятельств;

- строгое соблюдение уставной дисциплины, норм воинской этики и принципов субординации;

- активное участие в формировании здорового морально-психологического климата в подразделении;

- демонстрация личной инициативы при организации и проведении патриотических мероприятий, как внутри части, так и вне её;

- наставничество по отношению к младшим военнослужащим, вовлечение их в патриотические и образовательные проекты.

Командование подразделений играет ключевую роль на этом этапе, поскольку

именно оно должно отслеживать и поощрять проявления патриотической активности, создавать условия для укрепления сплочённости, морального духа и внутренней мотивации коллектива [15].

Особое внимание должно уделяться:

регулярной оценке морального климата в воинской части, выявлению деструктивных тенденций и профилактике нарушений служебной этики;

поддержанию и развитию традиций подразделения как формального, так и неформального характера;

установлению позитивного стиля командования, при котором соблюдается чёткая вертикаль ценностей, основанная на справедливости, уважении, взаимной поддержке и личном примере старших по званию.

Таким образом, поведенческо-деятельностный этап завершает процесс формирования государственно-патриотической компетентности, переводя внутренние убеждения и установки в устойчивую профессиональную практику, которая находит выражение в действиях, поступках и служебных результатах военнослужащего.

5. Рефлексивно-коррекционный этап.

Заключительный этап формирования государственно-патриотической компетентности связан с осмыслением пройденного пути, оценкой полученного опыта и закреплением сформированных личностных качеств, профессиональных и гражданских установок.

Его главная цель – обеспечение устойчивого результата воспитательной работы, формирование зрелой идентичности военнослужащего как сознательного патриота, гражданина и профессионала, способного продолжать реализацию полученных ценностей за пределами службы либо в гражданской жизни, либо в рамках дальнейшей военной карьеры [20].

Этот этап носит выраженно рефлексивный характер, в его основе лежит способность военнослужащего к самоанализу, осмыслению изменений в собственной мотивации, поведении, восприятии мира и своей роли в обществе. Здесь происходит внутренняя интеграция ценностей, навыков и опыта, приобретённых на предыдущих этапах, а также их трансформация в устойчивые личностные качества [13].

Ключевые задачи и направления этого этапа включают:

проведение итоговых диагностических процедур: собеседований, тестов, психологических опросов, направленных на

определение уровня сформированности государственно-патриотической компетентности в её различных компонентах (мотивационно-ценностном, когнитивном, поведенческом);

анализ эффективности пройденного индивидуального воспитательного маршрута, включая степень вовлечённости военнослужащего, динамику его личностного роста и уровень внутренней устойчивости к деструктивным воздействиям;

выявление сохраняющихся дефицитов, пробелов, противоречий – особенно в плане поведенческой устойчивости, мотивационной зрелости, эмоциональной регуляции и способности к самостоятельному патриотическому действию;

внесение коррективов в воспитательную стратегию, в том числе с учётом перспектив дальнейшей службы, характера личностных особенностей и профессиональных планов военнослужащего.

Особое значение на данном этапе приобретает работа с психологами, которая помогает не только провести качественную диагностику, но и обеспечить поддержку в случае выявления эмоционального выгорания, профессиональных сомнений, неуверенности в собственных силах. Это особенно актуально для военнослужащих, завершающих службу по призыву, а также для молодых контрактников и курсантов, стоящих перед выбором дальнейшего профессионального пути.

Одним из действенных инструментов данного этапа становится включение военнослужащих с высоким уровнем сформированности патриотической идентичности в наставническую, волонёрскую и просветительскую деятельность [8].

Это может реализовываться в рамках:

проведения уроков мужества для младших по призыву;

привлечения к разработке и реализации патриотических проектов на базе воинской части;

создания медийных, презентационных и образовательных материалов для военно-гражданского взаимодействия (видеоролики, буклеты, онлайн-курсы).

Таким образом, рефлексивно-коррекционный этап закрепляет результаты всего воспитательного цикла, трансформируя полученные знания, установки и модели поведения в зрелую гражданскую позицию и готовность к общественно полезной, инициативной деятельности как в армии, так и в гражданской среде. Он обеспечивает не только завершённость про-

цесса формирования компетентности, но и её устойчивость во времени [19].

Заключение

Формирование государственно-патриотической компетентности у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации – это поэтапный, комплексный процесс, охватывающий личностную, мотивационную, когнитивную и поведенческую сферы. Каждая стадия развития имеет свою специфику, цели и

методы реализации, однако в совокупности они формируют целостную личность военнослужащего, преданного интересам государства и готового к выполнению своего долга в условиях повышенной ответственности [4]. Совершенствование данной системы – одна из ключевых задач в обеспечении безопасности государства и укреплении общественного доверия к структурам власти.

Список источников

1. Федосеева И. А. Новые контуры государственно-патриотического воспитания молодежи / И. А. Федосеева, Р. А. Николаев // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 1. С. 241–247.
2. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. URL: <http://www.gospatriotprogramma.ru/the-program-of-the-russian-pvgrf-for-the-years-2011-2015> (дата обращения: 12.05.2025).
3. Харитонов Е. В. Об определении понятий «Компетентность» и «компетенция» // Успехи современного естествознания. 2007. № 3. С. 67–68.
4. Патриотическое сознание: сущность и формирование. Новосибирск: Наука, 1995. 181 с.
5. Быков А. К. Системный подход в воспитании курсантов военных вузов и сплочении их коллективов // ЦИТИСЭ. 2022. № 1. С. 266–278.
6. Азаров В. М. Патриотическое воспитание военнослужащих: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 1. С. 62–64.
7. Быков А. К. Системный подход в воспитании курсантов военных вузов и сплочении их коллективов // ЦИТИСЭ. 2022. № 1. С. 266–278.
8. Золотовская Л. А. Патриотизм как профессионально значимая ценность военнослужащих / Л. А. Золотовская, А. Н. Чистяков // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 120–124.
9. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» от 2009 г. URL: https://shkolagostishhevskayar31.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/69/Koncepciia.pdf (дата обращения: 12.05.2025).
10. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации от 21 мая 2003 г. URL: <http://minobr.government-nnov.ru> (дата обращения: 12.05.2025).
11. Кошечко А. Н. Аксиологический подход в реализации образовательных технологий деятельностного типа // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 162–168.
12. Погорелый А. П. Патриотизм как ценность российского общества: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Погорелый Александр Павлович. М., 2004. 17 с.
13. Сластенин В. А. Педагогика / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. М. : Академия, 2019. 160 с.
14. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р.]. СПб. : Стаун-кантри, 2015. 112 с.
15. Уткин В. Е. Военно-патриотическое воспитание как направление воспитательной работы в высшей военной школе: монография. Казань: Отечество, 2009. 200 с.
16. Уткин В. Е. Военно-патриотическое воспитание: компетентностный подход // Высшее образование в России. 2010. № 10. С. 137–141.
17. Милованов К. Ю. Гражданско-патриотические ценности как категория отечественной педагогической науки / К. Ю. Милованов, А. В. Овчинников // Проблемы современного образования. 2022. № 5. С. 84–93.

18. Николаев Р. А. Актуальность педагогической программы «Основные направления патриотического воспитания военнослужащих» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 237–244.

19. Гулевич А. В., Рудаков А. В. Патриотическое воспитание как стратегическое направление государственной политики Российской Федерации по укреплению национальной идентичности / А. В. Гулевич, А. В. Рудаков // Вестник российской нации. 2019. № 3. С. 9–24.

20. Нуждин Д. М. Методика государственно-патриотического воспитания курсантов военного института // Теория и практика профессионального образования. 2006. № 6. С. 88–94.

21. Зайцева Е. Л. Патриотическое воспитание как важный элемент в формировании ценностно-смысловой компетенции молодежи / Е. Л. Зайцева, А. Н. Шиканова // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Екатеринбург, 2022. С. 188–194.

References

1. Fedoseeva I. A. New contours of state-patriotic education for young people / I. A. Fedoseeva, R. A. Nikolaev // Pedagogicheskij zhurnal. 2023. T. 13;1: 241–247. (In Russ.).

2. Konceptiya patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossijskoj Federacii. Available from: <http://www.gospatriotprogramma.ru/the-program-of-the-russian-pvgrf-for-the-years-2011-2015> (data obrashcheniya: 12.05.2025). (In Russ.).

3. Haritonova E. V. On the definition of the concepts of "Competence" and "competency" // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2007;3: 67–68. (In Russ.).

4. Patrioticheskoe soznanie: sushchnost' i formirovanie. Novosibirsk: Nauka, 1995. 181 s. (In Russ.).

5. Bykov A. K. A systematic approach to educating military academy cadets and bringing them together // CITISE. 2022;1: 266–278. (In Russ.).

6. Azarov V. M. Patriotic Education of Military Personnel: Problems and Solutions // Voennaya mysl'. 2003;1: 62–64. (In Russ.).

7. Bykov A. K. A systematic approach to educating military academy cadets and bringing them together // CITISE. 2022;1: 266–278. (In Russ.).

8. Zolotovskaya L. A. Patriotism as a Professionally Significant Value for Military Personnel / L. A. Zolotovskaya, A. N. Chistyakov // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2017;2: 120–124. (In Russ.).

9. Konceptiya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii» ot 2009 g. Available from: https://shkolagostishhevskayar31.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/69/Konceptiia.pdf (data obrashcheniya: 12.05.2025). (In Russ.).

10. Konceptiya patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossijskoj Federacii ot 21 maya 2003 g. Available from: <http://minobr.government-nnov.ru> (data obrashcheniya: 12.05.2025). (In Russ.).

11. Koshechko A. N. An axiological approach to the implementation of activity-based educational technologies // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2017;3: 162–168. (In Russ.).

12. Pogorelyj A. P. Patriotizm kak cennost' rossijskogo obshchestva: so-cial'no-filosofskij analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11 / Pogorelyj Aleksandr Pavlovich. M., 2004. 17 c. (In Russ.).

13. Slastenin V. A. Pedagogika / V. A. Slastenin, I. F. Isaev, E.N. SHi-yanov. M. : Akademiya, 2019. 160 s. (In Russ.).

14. Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 maya 2015 goda № 996-r.]. SPb. : Staun-kantri, 2015. 112 s. (In Russ.).

15. Utkin V. E. Voenno-patrioticheskoe vospitanie kak napravlenie vospitatel'noj raboty v vysshej voennoj shkole: monografiya. Kazan': Otechestvo, 2009. 200 s. (In Russ.).

16. Utkin V. E. Military and Patriotic Education: A Competency-Based Approach // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2010;10: 137–141. (In Russ.).

17. Milovanov K. YU. Civil-patriotic Values as a Category of Russian Pedagogical Science / K. YU. Milovanov, A. V. Ovchinnikov // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2022;5: 84–93. (In Russ.).

18. Nikolaev R. A. Relevance of the Pedagogical Program "Main Directions of Patriotic Education of Military Personnel" // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1 (26): 237–244. (In Russ.).

19. Gulevich A. V., Rudakov A. V. Patriotic education as a strategic direction of the Russian Federation's state policy to strengthen national identity / A. V. Gulevich, A. V. Rudakov // Vestnik rossijskoj nacii. 2019;3: 9–24. (In Russ.).

20. Nuzhdin D. M. Methodology of State and Patriotic Education of Cadets at a Military Institute // Teoriya i praktika professional'nogo obrazovaniya. 2006;6: 88–94. (In Russ.).

21. Zajceva E. L. Patrioticheskoe vospitanie kak vazhnyj element v formirovanii cennostno-smyslovoj kompetencii molodezhi / E. L. Zajceva, A. N. SHikanova // Innovacionnyj potencial molodezhi: sport, kul'tura, obrazovanie. Ekaterinburg, 2022. S. 188–194. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 12.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 18.08.2025;
approved after reviewing 12.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 37.01/.09

ПОСТРОЕНИЕ ДИНАМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НА БАЗЕ СИСТЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ
УРАВНЕНИЙ ДЛЯ ОПИСАНИЯ, ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ИНТЕНСИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В
ПЕДАГОГИКЕ

Алексей Иванович Примакин¹, Сергей Алексеевич Сахнов²,
Наталья Геннадьевна Грачева³

^{1, 2}Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ a.primakin@mail.ru

² sakhnov_1992@mail.ru

³ kng25@list.ru

Аннотация. Статья посвящена динамико-математическим моделям, применяемым для анализа и прогнозирования образовательных процессов. Рассматриваются методы, позволяющие эффективно оценивать и предсказывать результаты образовательной деятельности, а также их влияние на качество обучения. Основная цель заключается в разработке и применении математических моделей, которые помогут в анализе динамики образовательных процессов и их прогнозировании. В работе используется модель Вальтера-Лотки, что позволяет более точно моделировать образовательные процессы. В результате исследования выявлены ключевые факторы, влияющие на эффективность образовательных процессов, а также предложены рекомендации по их оптимизации. Полученные результаты имеют практическое значение для образовательных учреждений, позволяя улучшить качество обучения и адаптировать образовательные программы к потребностям курсантов.

Ключевые слова: модель, обучение, оценка, знание, скорость, стресс, интенсивность, оптимизация

Для цитирования: Примакин А.И., Сахнов С.А., Грачева Н.Г. Построение динамико-математических моделей на базе системы дифференциальных уравнений для описания, прогнозирования и оценки интенсивности обучения в педагогике // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 326–338. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/032.pdf>.

Original article

BUILDING DYNAMIC AND MATHEMATICAL MODELS BASED ON A SYSTEM OF DIFFERENTIAL EQUATIONS
TO DESCRIBE, FORECAST, AND EVALUATE THE INTENSITY OF LEARNING IN PEDAGOGY

Alexey I. Primakin¹, Sergey A. Sakhnov², Natalia G. Gracheva³

^{1, 2}Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

³Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint-Petersburg, Russia

¹ a.kosolapov@mail.ru

² a.primakin@mail.ru

³ kng25@list.ru

Abstract. The article is devoted to dynamic mathematical models used for analyzing and forecasting educational processes. It examines methods that allow for effective evaluation and prediction of educational activities, as well as their impact on the quality of education. The main goal is to develop and apply mathematical models that can help in analyzing the dynamics of educational processes and their forecasting. The article uses the Walther-Lotka model, which allows for more accurate modeling of educational processes. The research identifies key factors that influence the effectiveness of educational processes and provides recommendations for their optimization. The results obtained are of practical importance for educational institutions, allowing them to improve the quality of education and adapt educational programs to the needs of students.

Keywords: model, training, evaluation, knowledge, speed, stress, intensity, optimization

For citation: Primakin A.I., Sakhnov S.A., Gracheva N.G. Building dynamic and mathematical models based on a system of differential equations to describe, forecast, and evaluate the intensity of learning in pedagogy. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 326–338. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/032.pdf>.

© Примакин А.И., Сахнов С.А., Грачева Н.Г., 2025

Введение

Актуальность статьи продиктована необходимостью математического описания динамики педагогического процесса с целью обоснования и определения оптимального уровня интенсивности обучения курсантов. Для решения этой задачи требуется подобрать математический инструментарий, который бы позволил учитывать и описывать динамику изучаемого процесса. В статье акцент сделан на возможности применения систем дифференциальных уравнений, которые позволяют в математической форме описывать, анализировать и прогнозировать особенности образовательного процесса, в том числе, обеспечивая оценку интенсивности обучения. Данные математические модели (назовем их – «динамико-математические модели») выявляют функциональные зависимости между факторами, влияющими на педагогический процесс, временем обучения, усилиями курсантов и их психологическими особенностями, что, в конечном итоге, позволяет оптимизировать учебные программы, а также педагогические методы и технологии.

В процессе создания динамико-математических моделей формируются системы дифференциальных уравнений, коэффициенты в которых определяются с помощью применения статистических методов в ходе обработки результатов тестирования обучающихся по выявлению особенностей восприятия ими учебного материала.

Адекватность сформированной динамико-математической модели реальным процессам обеспечивает объективное прогнозирование результатов обучения и обоснованные рекомендации учебным заведениям силовых структур по улучшению и повышению эффективности образовательного процесса.

Применение динамико-математических моделей позволяет выявить и наметить пути устранения некоторых противоречий, складывающихся в области теории и практики образовательного процесса.

Целесообразно, в рамках данной статьи, привести некоторые из возможных противоречий, которые проявляются в ходе обучения курсантов и требуют своего разрешения или поиска некоторого компромисса.

1. Педагогическая практика отмечает две противоположные точки зрения относительно длительности проводимых учебных занятий и объема доводимой на них информации – иногда короткие, но более интенсивные занятия дают лучший результат в сравнении с длительными занятиями, на которых объем излагаемого учебного материала растянут во времени. Выбор той или иной методики определяется мотивацией и уровнем подготовки обучающихся. Данное противоречие можно условно определить, как «количество против качества».

2. Как известно, курсанты обладают разными способностями к восприятию учебного материала – одни легко воспринимают учебную информацию, доводимую до них в высоком темпе, для других обучающихся – это неприемлемо. Данный факт иллюстрирует противоречие между универсальными методами обучения и индивидуальным подходом в процессе подготовки курсантов.

3. Существует противоречие между практическими навыками курсантов и их теоретической подготовкой. Ситуация, когда теоретические знания легко усваиваются, но вызывает затруднение применение их на практике, требует снижения общей интенсивности обучения.

4. Наблюдается противоречие между высоким уровнем интенсивности проводимых занятий и возможным, в этом случае, опасением за психоэмоциональное состояние обучающихся. Педагогическая практика показывает, что чрезмерно высокая интенсивность проводимых занятий с большим объемом учебной информации приводит к выгоранию курсантов, что снижает их мотивацию и интерес к обучению. Эту особенность можно охарактеризовать противоречием между учебной нагрузкой и мотивацией к обучению.

5. Широкое внедрение в педагогический процесс компьютерных технологий и мультимедийных средств, повсеместная цифровая трансформация, способны повысить интенсивность обучения, предлагая новые методы и ресурсы. Однако в противоречие с новациями вступают традиционные педагогические методы и технологии, которые сохраняют свою ценность и в ряде ситуаций продолжают сохранять свою ценность и результативность. Наблюдае-

мое в этом случае противоречие – это противоречие между традиционными и цифровыми (компьютерными) технологиями.

6. Отметим еще одно противоречие, которое наблюдается на заключительном этапе обучения – оценка знаний курсантов, которая, как правило, основывается на количественных показателях. Однако не всегда выставленная на экзамене оценка соответствует истинным знаниям и практическим навыкам курсантов. Таким образом, можно отметить противоречие между формальными оценками и действительным уровнем усвоения обучающимися учебного материала.

Представленные противоречия, сопровождающие учебный процесс, говорят о сложности и необходимости комплексного подхода к его организации, описанию и прогнозированию результатов, что достигается в результате формирования и применения динамико-математических моделей.

Основные положения

Динамико-математические модели представляют собой математические конструкции, которые в дифференциальной форме описывают изменения и взаимодействия различных переменных во времени. Подобные модели находят применение при описании явлений, суть которых может быть определена, как некоторое «противоборство», подчиняющееся закону диалектики – «единство и борьба двух противоположностей». Область применения динамико-математических моделей для описания ситуации «конфликта» широка: биология, экономика, решение задач военного противоборства и то, что нас интересует в рамках настоящей статьи – педагогические процессы.

Перечислим и дадим краткую характеристику основных структурных компонентов динамико-математических моделей.

Первый компонент – это переменные, изменяющиеся во времени. В контексте педагогических процессов это могут быть переменные, отражающие уровень знаний курсантов; время, затраченное на обучение, и интенсивность учебной деятельности. Каждую переменную можно представить, как одну из сторон ситуации «конфликта», ситуации «противоборства».

Следующая структурная единица – уравнения. Динамико-математические модели часто описываются с помощью

дифференциальных уравнений, которые демонстрируют, как переменные изменяются в зависимости от времени, внутренних закономерностей и внешних факторов. Например, уравнение может описывать изменение уровня знаний курсантов в зависимости от времени и интенсивности обучения.

Третий компонент связан с начальными и граничными условиями. Для решения системы дифференциальных уравнений (задача Коши) необходимо задать начальные условия (например, начальный уровень знаний курсантов) и, в некоторых случаях, граничные условия (например, максимальное время, отводимое на обучение).

Еще одна составляющая динамико-математических моделей – это вид зависимостей переменных изучаемого динамического процесса, которые могут быть представлены в линейной или нелинейной форме. Линейные модели предполагают пропорциональные изменения, тогда как нелинейные могут учитывать более сложные взаимодействия и эффекты.

Одной из основных целей при формировании динамико-математических моделей является прогнозирование будущих состояний системы. В образовательном контексте это может означать предсказание результатов обучения на основе текущих данных.

Построенная динамико-математическая модель позволяет исследовать, как изменения в одной или нескольких переменных влияют на результаты. Это может помочь в выявлении ключевых факторов, влияющих на интенсивность обучения. Данный структурный функционал динамико-математических моделей можем определить, как инструментальный анализ чувствительности модели.

В ходе динамического моделирования необходимо предусмотреть возможность визуализации результатов прогнозирования. Данный функционал динамико-математических моделей реализуется с помощью графиков и диаграмм, что позволяет лучше понять динамику процессов и взаимодействия между переменными.

В области образования динамико-математические модели могут применяться для оптимизации учебных планов, оценки эффективности различных методов обучения, а также для разработки адаптивных образовательных технологий. Таким

образом, динамико-математические модели являются мощным инструментом для анализа и прогнозирования процессов, что делает их особенно актуальными в контексте оценки интенсивности обучения.

Сформулируем цель данной статьи: определить оптимальный уровень интенсивности обучения путем динамико-математического моделирования.

Среди наиболее популярных динамико-математических моделей в обучении выделяются модели, такие как модель Вальтера-Лотки, модели нелинейной динамики и экономико-математические модели. Эти модели помогают понять сложные системы и взаимодействия, развивая навыки анализа и прогнозирования.

Модель Вальтера-Лотки: используется для изучения взаимодействия между хищниками и жертвами, демонстрируя циклы популяций и их динамику [1].

Модель Холлинга-Таннера – это классическая математическая модель в экологии, описывающая динамику взаимодействия двух видов: хищника и жертвы. Она является модификацией и развитием более простой модели Вальтера-Лотки, но включает два важных биологически реалистичных аспекта:

- насыщение хищника (функциональный ответ Холлинга II типа): скорость потребления жертв одним хищником увеличивается с ростом численности жертвы, но достигает максимума (насыщается) из-за ограниченного времени на поиск, поимку и поедание жертвы;

- внутривидовая конкуренция у хищника (или самоограничение): рост популяции хищника ограничен не только количеством доступной пищи (жертв), но и другими факторами, такими как территория, конкуренция за другие ресурсы или социальные взаимодействия. Это предотвращает неограниченный рост хищников даже при обилии жертв [2, 3].

Модель Холлинга-Таннера – это важный инструмент в экологии, позволяющий более реалистично, чем модель Вальтера-Лотки, описывать динамику взаимодействия хищника и жертвы за счет учета ограниченной способности хищников потреблять жертв (насыщение) и конкуренции внутри популяции хищников. Она предсказывает возможность устойчивого сосуществования видов или вымирания хищника в зависимости от параметров системы.

Модель Лоренца: применяется в теории хаоса для анализа динамических систем, таких как атмосферные явления, и помогает понять непредсказуемость в сложных системах [4].

Модели роста населения: включают экспоненциальные и логистические модели, которые помогают анализировать изменения в численности населения и ресурсообеспеченности [5, 6].

Экономические модели: такие как модели спроса и предложения, которые иллюстрируют взаимодействие между потребителями и производителями на рынке [7].

Модели распространения заболеваний: например, модели SIR (Susceptible-Infected-Recovered), которые используются для анализа эпидемий и распространения инфекционных заболеваний [8, 9].

В данной работе будет рассматриваться применение модели Вальтера-Лотки. Несмотря на то, что, изначально она применялась в биологии, её можно адаптировать для анализа процессов в других областях, включая обучение и педагогику.

Модель Вальтера-Лотки – это математическая модель, описывающая динамику взаимодействия двух видов в экосистеме, обычно хищника и жертвы. Часто ее называют моделью взаимодействия «хищник-жертва».

Уравнения модели «хищник-жертва» имеет вид (1):

$$\begin{cases} \frac{dx}{dt} = \alpha \cdot x - \beta \cdot x \cdot y \\ \frac{dy}{dt} = \delta \cdot x \cdot y - \gamma \cdot y \end{cases} \quad (1)$$

где: x – количество «жертв»; y – количество «хищников»; α , β , γ , δ – параметры взаимодействия между переменными и внешними факторами.

Первое равенство в системе дифференциальных уравнений (1) характеризует динамику роста популяции «жертв», а второе дифференциальное уравнение – рост популяции «хищников».

Динамико-математическая модель (1) показывает циклические колебания переменных x и y : когда «жертв» x много, «хищники» y размножаются, но затем их численность («хищников») падает из-за нехватки пищи, что позволяет «жертвам» (x) увеличивать свою популяцию.

Рассмотрим применение динамико-математической модели применительно к педагогическому процессу, полагая в ка-

честве «жертв», т. е. x – знания, навыки, мотивацию обучающихся; а «хищниками», т. е. y – забывание, усталость, стресс, отвлекающие факторы, мешающие постижению знаний.

Целесообразно рассмотреть ряд этапов, поясняющих логику соответствия особенностей педагогического процесса предлагаемой динамико-математической модели.

1. Динамика усвоения знаний:

– в ситуации, когда курсант активно учится, x растёт; «забывание» y сначала отстаёт, но потом накапливается и мешает процессу усвоения знаний (например, из-за перегрузки);

– после снижения нагрузки x падает, «забывание» уменьшается, и цикл повторяется.

Вывод: Необходимо дозировать учебную нагрузку, чтобы избежать резких спадов продуктивности.

2. Баланс теоретических знаний и практических навыков:

– теоретические знания x без применения в практической сфере обнуляются («забыванием» y);

– применение теоретических знаний к практике (δ , x , y) помогает лучше освоить и закрепить учебный материал; снижает его «забывание».

Вывод: Чем больше доля практических занятий в учебном плане, тем эффективней процесс понимания курсантами учебного теоретического материала, тем надежней и дольше удерживаются сформировавшиеся у обучающихся знания.

3. Конкуренция мотивации и прокрастинации (склонности откладывать важные дела на «потом»):

– если мотивация x высока, то курсант учится эффективно, степень усвоения учебного материала высокая;

– однако со временем наблюдается рост прокрастинации, y растёт, что приводит к снижению результативности обучения и, в целом, приводит к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам.

Вывод: Нужны перерывы и методы борьбы с прокрастинацией, например, поддерживать и поощрять активность курсантов на занятии.

4. Поиск оптимального соотношения в ходе проведения учебных занятий между групповой (сразу со всеми курсантами) и

индивидуальной (с наиболее сильными обучающимися) работой:

– если в ходе проведения занятий или в часы самостоятельной подготовки курсанты с высоким уровнем знаний и ответственности (x) помогают слабым обучающимся, то общий уровень освоения учебного материала (y) растёт (аналог увеличения количества «жертв»);

– в ситуации, когда в учебной группе слабо подготовленных курсантов (y) большинство, а именно на них направлено внимание преподавателя, курсантам с высоким уровнем знаний (x) на подобных занятиях становится скучно, понимание ими нового материала происходит быстро, их внимание на занятии ослабевает (аналог увеличения количества «хищников»).

Вывод: В ходе проводимых учебных занятий преподавателю необходимо балансировать групповую работу с индивидуальным подходом к обучающимся, например, выдачей индивидуальных заданий.

Выделим ряд гипотез, которые в последующем подтвердим или опровергнем по результатам построения и исследования динамико-математической модели в интегрированном математическом пакете Mathcad [10, 11].

В этой же программе визуализируем модель Вальтера-Лотки, что позволит провести анализ цикличности процессов обучения и оценить баланс между существующими противоречиями в педагогической сфере:

– нагрузкой и отдыхом;
– теорией и практикой;
– мотивацией и контролем отвлекающих факторов.

Поставим в соответствие биологическим переменным модели «жертва»-«хищник» Вальтерра-Лотки (1) показатели и коэффициенты, связанные с образовательным процессом:

$x(t)$ – уровень знаний/навыков обучающегося (аналог «жертв»);

$y(t)$ – уровень забывания, усталости или стресса (аналог «хищников»);

α – скорость естественного усвоения знаний курсантом (без внешних раздражителей – усталости или стресса);

β – коэффициент подавления знаний из-за стресса/перегрузки;

δ – коэффициент закрепления знаний в рамках практических занятий (влияние x , y);

γ – скорость естественного забывания знаний (при условии отсутствия повторения учебного материала).

Соответственно система дифференциальных уравнений (1) примет вид (2):

$$\begin{cases} \frac{dx}{dt} = \alpha \cdot x - \beta \cdot x \cdot y \\ \frac{dy}{dt} = \delta \cdot x \cdot y - \gamma \cdot y \end{cases} \quad (2)$$

Первое равенство в системе дифференциальных уравнений (2) характеризует динамику роста знаний у курсантов, а второе равенство – усиление процесса «забывания» (ухудшение процесса «понимания») знаний в результате воздействия внешних факторов: стресса или перегрузки.

Важно отметить, что системы (1) и (2) по своей структуре и внешнему виду совершенно одинаковые, но различаются трактовкой переменных (x, y) и коэффициентов ($\alpha, \beta, \delta, \gamma$), каждая из которых отражает именно свою предметную область: система (1) – биология; система (2) – педагогический процесс со своей спецификой решаемой задачи.

Представим интерпретацию коэффициентов системы дифференциальных уравнений (2) и методики их количественной оценки.

Для определения коэффициента α (коэффициент интенсивности освоения учебного материала) целесообразно воспользоваться формулой (3), которая позволяет оценить, как быстро курсант решает задачи без нагрузки (без учета внешних раздражителей – стресса или усталости), например, тесты «до» или «после» изучения определенной темы учебного занятия:

$$\alpha \approx \frac{\ln(x_1/x_0)}{t}, \quad (3)$$

где: x_1, x_0 – уровень знаний курсанта в начале и в конце периода обучения t .

Для определения коэффициента β (уровень влияние внешних раздражителей – стресса или усталости на интенсивность понимания и освоения нового учебного материала – формирование новых знаний) проводится эксперимент, когда в ходе интенсивной учебной нагрузки оценивается падение продуктивности.

Описание эксперимента

Для измерения падения продуктивности при интенсивной нагрузке в обучении можно использовать методику контролируемого перегруза с последующим анализом динамики эффективности.

1. Создать условия, при которых когнитивные ресурсы учащегося будут истощаться, чтобы зафиксировать момент снижения продуктивности.

Для этого применимы следующие способы:

– увеличение объема материала для резкого повышения количества информации за единицу времени;

– усложнение за счет введения задач на границе или за пределами текущих возможностей (например, переход на следующий уровень сложности);

– сокращение времени на выполнение заданий;

– многозадачность, как одновременное выполнение нескольких когнитивно сложных действий (например, изучение нового материала + решение задач + запоминание);

– эмоциональный стресс путем добавления элементов давления (например, соревновательный элемент, публичные выступления).

2. Замер продуктивности ДО, во время и ПОСЛЕ нагрузки.

Чтобы выявить падение, нужны контрольные точки (метрики) и регулярные замеры.

Применяются следующие метрики продуктивности:

Скорость – время на выполнение задания, количество решенных задач в единицу времени.

Качество – точность ответов, количество ошибок, глубина понимания (опрос, объяснение).

Когнитивная усталость – субъективная оценка усталости (шкала от 1 до 10), скорость реакции (тесты на внимание).

Мотивация – уровень вовлеченности, желание продолжать (анкетирование, наблюдение).

Существуют следующие схемы замера:

1. Базовый уровень (ДО нагрузки):

– замерить обычную продуктивность (например, скорость решения 10 задач + % ошибок);

– оценить мотивацию и когнитивное состояние.

2. Интенсивная фаза (нагрузка):

– дать повышенную нагрузку (например, в 2 раза больше материала за то же время);

– фиксировать показатели каждые 15–30 минут (падение скорости, рост ошибок);

3. Критическая точка (срыв продуктивности):

- определить момент, когда: количество ошибок возрастает на >30 %, скорость падает на >40 %.

- учащийся демонстрирует признаки усталости (рассеянность, раздражение).

4. Восстановительная фаза (после нагрузки):

- продолжать замеры после снижения нагрузки, чтобы увидеть, как быстро возвращается продуктивность.

Например, если при некотором уровне стресса или усталости (допустим, при $y = 1$) понимание (или освоение) нового учебного материала понижается на 20 % в течение одного часа, то можно считать, что $\beta \approx 0,2$.

Чтобы дополнительно обосновать снижение знаний на 20 % при стрессовой ситуации в рамках модели Вальтера-Лотки, нужно обратиться к нейрофизиологическим, когнитивным и педагогическим исследованиям.

Нейрофизиологическое обоснование влияния стресса на деятельность мозга:

- гормональный механизм:

При стрессе выделяется кортизол, который подавляет активность префронтальной коры (отвечает за сложное мышление, память) и усиливает работу амигдалы (эмоции, реакция «бей или беги»). Исследования (Arnsten, 2009) [12] показывают, что высокий кортизол снижает когнитивные функции на 15–25 %;

- ухудшение нейропластичности:

Стресс тормозит синтез BDNF (белка, необходимого для формирования нейронных связей).

Эксперименты на студентах (Lupien et al., 2005) [13] подтверждают падение эффективности обучения на 18–22% при экзаменационном стрессе.

Когнитивные механизмы, объясняющие, как стресс «крадёт» ресурсы:

- снижение рабочей памяти:

Стресс сокращает объём рабочей памяти (R. G. Morrison, 2013) [14]. Вместо 7±2 объекта мозг удерживает на 20 % меньше информации (5-6 объектов).

Решение математической задачи требует удержания промежуточных результатов – при стрессе ошибки возрастают на 15–25 %.

- туннельное мышление:

Стресс фокусирует внимание на угрозе, а не на учебной задаче.

Исследования (Eysenck, 2007) [15] фиксируют потерю 20–30 % когнитивных ресурсов на борьбу с тревогой.

Долгосрочный стресс (данные онлайн-курсов):

При высокой учебной нагрузке (дедлайны + многозадачность) курсанты:

- забывали 22 % материала через 48 часов (против 8 % в норме).

- допускали на 17–25 % больше ошибок в тестах.

Связь с параметром модели Вальтера-Лотки:

В уравнении $\frac{dx}{dt} = \alpha \cdot x - \beta \cdot x \cdot y$ элемент $\beta \cdot x \cdot y$ – член, описывающий потерю знаний из-за стресса y , так если стресс $y = 1$ (условная единица), а знания $x = 100 \%$, то $\beta \cdot x \cdot y = \beta \cdot 100 \% \cdot 1 = 20 \%$.

Физический смысл β – доля знаний, теряемая в единицу времени при единичном уровне стресса.

Почему будем применять в модели именно $\beta = 20\%$? Это средний показатель для умеренного стресса, подтверждённый метаанализами (например, Vogel & Schwabe, 2016) [16]:

- легкий стресс: падение на 5–10 %;

- умеренный стресс (экзамены, дедлайны): 15–25 %;

- хроническая стрессовая ситуация: до 40 % и выше (выгорание).

Покажем, как можно измерить индивидуальный коэффициент β .

Дадим курсанту тест ДО и ПОСЛЕ стрессовой нагрузки (например, при ограничении времени).

$\beta = \frac{\text{Потеря знаний, \%}}{y \cdot x}$ (при $y = 1$, шкала стресса)

Оптимизация обучения:

Если $\beta > 0,2$ – обучающийся чувствителен к стрессу.

Необходимо снижать нагрузку (y) или вводить техники релаксации (снижают y на 30-50%).

Таким образом, уверенно можно утверждать, что значение коэффициента $\beta \approx 0,2$ (коэффициента, отражающего степень влияния стресса на способность восприятия курсантом учебного материала) – не абстракция, а усреднённый эмпирический факт, отражающий биологические ограничения мозга. В модели Вальтера-Лотки (2) коэффициент β помогает ко-

личественно оценить риски перегрузки и обосновывает необходимость в оптимизации («балансировке») учебного процесса.

Для определения коэффициента δ , отражающего эффективность практики, повышающей способность курсантов к восприятию и пониманию учебного материала, проводится эксперимент по замеру уровня снижения «забывания» полученных знаний [17, 18]. Например, если после одного часа решения заданий «забывание» y уменьшилось на 30 %, то можно считать, что $\delta \approx 0,3$.

Для определения коэффициента γ , характеризующего скорость «забывания» полученных знаний, проводится тест, результаты которого применяются в формуле (4):

$$\gamma \approx \frac{\ln(x_0/x_1)}{t}, \quad (4)$$

где t – временной интервал измерения «забывания», когда полученные знания (без их повторения) «уменьшились» с x_0 до x_1 .

Расчет интенсивности обучения оценивается через дифференциал переменной x : $(\frac{dx}{dt})$.

Физический смысл первого равенства системы дифференциальных уравнений (2) следующий: чем выше $\alpha \cdot x$ (естественное усвоение курсантом учебного материала) и меньше $\beta \cdot x \cdot y$ (влияние стрессовой ситуации на усвоение курсантом учебного материала), тем эффективней осуществляется педагогический процесс.

Для нахождения максимальной интенсивности прироста знаний воспользуемся равенством $\frac{dx}{dt} = \alpha \cdot x - \beta \cdot x \cdot y$, взяв от его правой части производную и приравняв ее нулю: $\alpha - \beta \cdot y = 0$. Откуда $y_{\text{опт.}} = \frac{\alpha}{\beta}$.

Такую же математическую операцию сделаем со вторым равенством системы дифференциальных уравнений (2): $\delta \cdot x - \gamma = 0$, откуда $x_{\text{опт.}} = \frac{\gamma}{\delta}$.

Таким образом, удалось получить точку стационарности педагогического процесса (баланс знаний и «забывания»):

$$\begin{cases} x_{\text{опт.}} = \frac{\gamma}{\delta} \\ y_{\text{опт.}} = \frac{\alpha}{\beta} \end{cases} \quad (5)$$

Оптимальная интенсивность педагогического процесса достигается, когда усвоение знаний x высокое, а уровень стрессовой ситуации y низок.

Графическое представление решения системы дифференциальных уравнений (2) позволяет визуализировать и оценить возможную амплитуду колебаний, которая отражает уровень стабильности (когда амплитуда невысокая) педагогического процесса [19, 20]. Чем больше амплитуда колебаний переменных x и y , тем неустойчивей педагогический процесс.

Удобным программным инструментом для решения и визуализации системы дифференциальных уравнений (2) является интегрированный математический пакет Mathcad [21].

Приведем пример решения рассматриваемой выше задачи при следующих начальных условиях.

Исходные данные по степени усвоения учебного материала курсантами [22]:

– скорость естественного усвоения знаний курсантами (без внешних раздражителей): коэффициент $\alpha \approx 0,1$, т. е. знания увеличиваются на 10 % в день;

– в условиях стрессовой ситуации усвоение знаний курсантами понижается на 15 %, т. е. коэффициент $\beta \approx 0,15$;

– освоение курсантами учебного материала посредством практических занятий (решение прикладных задач по соответствующей тематике) позволяет ослабить процесс «забывания» ими полученных знаний на 25 %, т. е. коэффициент $\delta = 0,25$;

– если в ходе педагогического процесса, допустим в часы самоподготовки, курсанты не повторяют изученный на занятиях материал, то он «забывается» на 5 % в день, т. е. коэффициент $\gamma = 0,05$.

Исходные данные для построения динамико-математической модели и решения с ее помощью задачи по поиску оптимального соотношения переменных педагогического процесса вводятся в среду математического пакета Mathcad (рисунок 1).

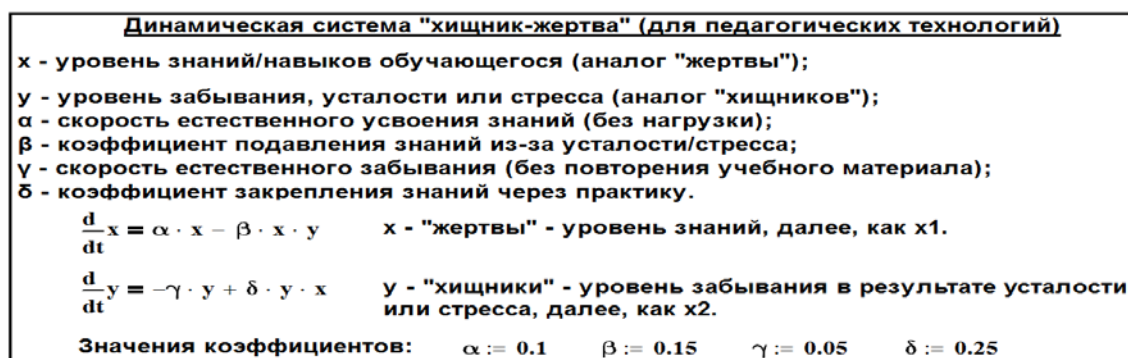

Рисунок 1 – Исходные данные для построения динамико-математической модели и решения с ее помощью задачи по поиску оптимального соотношения переменных педагогического процесса в среде математического пакета Mathcad

Figure 1 – Initial data for constructing a dynamic mathematical model and solving the problem of finding the optimal ratio of pedagogical process variables using the Mathcad mathematical package

На рисунке 2 представлены начальные значения переменных (x, y) и результат численного решения системы

дифференциальных уравнений (2) методом Рунге-Кутты с помощью встроенной в Mathcad функции *rkfixed* [21].

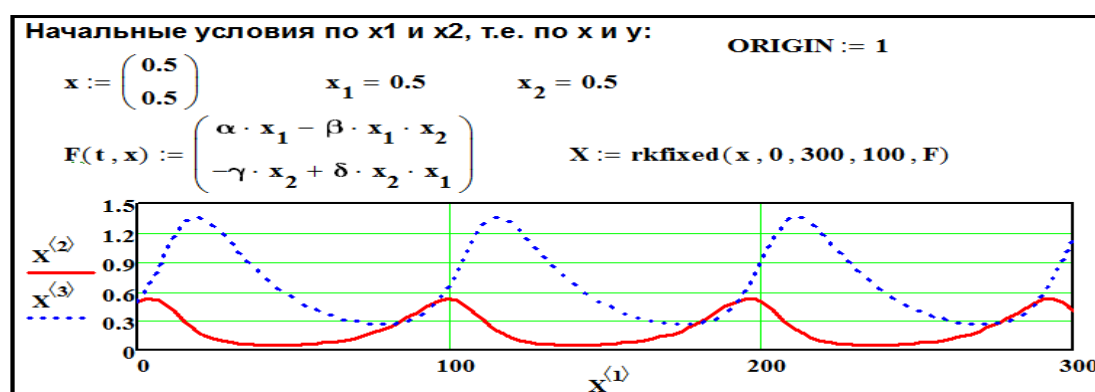

Рисунок 2 – Начальные условия переменных (x, y) и результат численного решения дифференциальных уравнений (2) методом Рунге-Кутты с помощью функции *rkfixed* в среде математического пакета Mathcad

Figure 2 – Initial conditions of the variables (x, y) and the result of the numerical solution of the differential equations (2) using the Runge-Kutta method with the *rkfixed* function in the Mathcad mathematical package environment

Для применения функции *rkfixed*, помимо начальных значений переменных, требуется еще задать вектор-функцию $F(t, X)$, которая представляет собой исходную систему дифференциальных уравнений (2), т. е. динамико-математическую модель педагогического процесса.

Полученный на рисунке 2 результат демонстрирует, что педагогический процесс имеет колебательный, периодически повторяющийся характер.

Понижение уровня внешних раздражителей (пунктирная линия) способствует

улучшению освоения курсантами учебного материала (сплошная линия).

На рисунке 3 изображен фазовый портрет педагогического процесса, представляющий собой замкнутую кривую, окружающую одну стационарную точку. Принадлежащие фазовой кривой точки, характеризуют сочетание переменных $x(t)$ и $y(t)$, т. е. уровни интенсивности «приобретения» и «забывания» знаний курсантами. Ось ординат $X^{(2)}$ – это интенсивность приобретаемых знаний ($x(t)$), а ось абсцисс $X^{(3)}$ – интенсивность внешних раздражителей (при стрессовой ситуации), т. е. $y(t)$.

Рисунок 3 – Фазовый портрет педагогического процесса, иллюстрирующий соотношения переменных $X^{(2)}$ и $X^{(3)}$ ($x(t)$ и $y(t)$ соответственно), выполненный в среде математического пакета Mathcad

Figure 3 – Phase portrait of the pedagogical process, illustrating the relationship between the variables $X^{(2)}$ and $X^{(3)}$ ($x(t)$ and $y(t)$, respectively), created using the Mathcad mathematical package

Анализ динамико-математической модели позволяет сделать следующий вывод.

Точке стационарности педагогической системы соответствуют значения переменных: $x_{ст.} = 0,2$; $y_{ст.} = 0,67$.

Результат, полученный в результате моделирования системы, соответствует аналитическим расчетам. Чтобы избежать перегрузки, необходимо держать стресс $y_{ст.} < 0,67$.

Выводы:

1. Цикличность обучения подтверждается математически: периоды активного усвоения материала закономерно сменяются фазами забывания, что требует продуманного планирования учебной нагрузки.

2. Индивидуализация обучения становится возможной благодаря расчету персональных коэффициентов (α , β , γ , δ), отражающих скорость усвоения, влияние стресса и эффективность практики.

3. Прогнозирование результатов позволяет предотвратить перегрузку учащихся, поддерживая баланс между теорией, практикой и восстановлением.

4. Оптимизация методик обучения достигается за счет анализа точек равновесия модели и амплитуды колебаний показателей.

Перспективы дальнейших исследований:

- разработка программного обеспечения для автоматического сбора данных и расчета динамики обучения;

- адаптация моделей для разных образовательных контекстов (школа, вузы, онлайн-курсы);

- интеграция с нейронауками для учета физиологических параметров (уровень кортизола, активность мозга).

Использование математических моделей в педагогике переводит образовательные стратегии на качественно новый

уровень, обеспечивая научно обоснованный подход к обучению и минимизацию когнитивных потерь. Дальнейшее развитие этого направления способно привести к созданию адаптивных образовательных систем, автоматически подстраивающихся под потребности каждого ученика. Это подчеркивает практическую значимость моделирования, обобщает выводы и намечает пути развития темы.

Заключение

Предложенная динамико-математическая модель, сформированная на системе дифференциальных уравнений, носит универсальный характер. Она позволяет описывать закономерности явлений и прогнозировать переменные (показатели) изучаемых процессов не только в педагогике, но и в любой другой предметной области, где наблюдается противостояние двух тенденций (военное противоборство, контрбатарейная борьба, борьба правоохранительных органов с преступностью, конкуренция в экономической сфере и т. п.). Следует отметить, что структурно динамико-математическая модель в виде Вальтера-Лотки может дополняться компонентами, учитывающими многообразие внешних факторов и особенности изучаемого явления.

Что касается образовательных процессов, то изменения исходных коэффициентов в модели Вальтера-Лотки (самая простая модель) позволяют выявить и визуализировать ключевые факторы, влияющие на эффективность образовательных процессов, предложить рекомендации по их оптимизации. Полученные результаты имеют практическое значение для образовательных учреждений, позволяя улучшить качество обучения и адаптировать образовательные программы к потребностям курсантов.

Список источников

1. Бакаэр Н. Краткая история математической динамики населения / Н. Бакаэр, В. А. Вольперт, Д. М. Эдиев. М., 2021. 244 с.
2. Котенко А. П. Аналитическое описание систем массового обслуживания с использованием колец вычетов / А. П. Котенко, М. Б. Букаренко // Математическое моделирование и краевые задачи: труды Седьмой Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, 03–06 июня 2010 года / Самарский государственный технический университет, Инженерная акад. России (Поволжское отделение) В. П. Радченко (ответственный редактор). Т. 2. Самара: Самарский государственный технический университет, 2010. С. 136–139.
3. Гороховский А. Н. Применение дифференциальных уравнений для моделирования экологических систем. М., 2023. 27 с.
4. Лоренц Э. Детерминированное непериодическое движение // Странные аттракторы. М., 1981. С. 88–116.
5. Капица С. П. Математическая модель роста населения мира / С. П. Капица // Математическое моделирование. 1992. Т. 4, № 6. С. 65–79.
6. Капица С. П. Модель роста населения земли и предвидимое будущее цивилизации // Мир России. Социология. Этнология. 2002. Т. 11, № 3. С. 22–43.
7. Стронгин Р. Г. Исследование операций. Модели экономического поведения: учебник. М. : Интернет-Университет Информационных Технологий, 2007. 207 с.
8. Керимкул С. Е. Симуляция инфекционных заболеваний с помощью SIR моделей и опциональные свойства применяемых моделей / С. Е. Керимкул, М. Р. Галымжан // Central Asian Scientific Journal. 2022. № 2(6). С. 3–14.
9. Редуцированная модель SIR пандемии COVID-19 / С. И. Виницкий, А. А. Гусев, В. Л. Дербов [и др.] // Журнал вычислительной математики и математической физики. 2021. Т. 61, № 3. С. 400–412.
10. Макаров Е. Г. Инженерные расчеты в Mathcad 15: учебное пособие. СПб. : Изд-во «Инфра-инженерия», 2024. 408 с.
11. Решение инженерных задач в пакете MathCAD: учебное пособие / под ред. Ю. Е. Воскобойникова. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013. 120 с.
12. Arnsten (2009) Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function. Nat Rev Neurosci. 10: 410-22.
13. Lupien, S. J. et al. Stress hormones and human memory function across the lifespan. Psychoneuroendocrinology 30, 2005. 225-242.
14. Morrison, M. A. (2013). Marketing and Managing Tourism Destinations (pp. 638-648).
15. By Eysenck, Michael W., Derakshan, Nazanin, Santos, Rita, Calvo, Manuel G. Emotion, Vol 7(2), Anxiety and cognitive performance: Attentional control theory. May 2007, 336-353.
16. Vogel, S., & Schwabe, L. (2016). Learning and Memory under Stress: Implications for the Classroom. NPJ Science of Learning, 1, 16011.
17. Грачева Н. Г. Сетевое взаимодействие в образовательной организации // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 декабря 2024 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 89–93.
18. Грачева, Н. Г. Роль информационного общения в современном мире / // Язык. Культура. Общение: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 ноября 2024 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 40–42.
19. Грачев М. И. Автоматизация организации и её техническое оснащение // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 5(77). С. 13–21.
20. Грачев М. И. Моделирование в целях оценки повышения эффективности управления предприятием // Вестник компьютерных и информационных технологий. 2023. Т. 20, № 10(232). С. 31–37.
21. Кирьянов Д. В. Mathcad 15 / Mathcad Prime 1.0. СПб. : БХВ-Петербург, 2012 + Видеокурс. 432 с.

22. Коркмазов А. В. Личностно-смысловая характеристика дисциплины курсантов и слушателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России / А. В. Коркмазов, Р. А. Кучмезов, А. Г. Бондарь // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9(160). С. 487–488.

References

1. Bakaer N. Kratkaya istoriya matematicheskoy dinamiki naseleniya / N. Bakaer, V. A. Vol'pert, D. M. Ediev. M., 2021. 244 s. (In Russ.).
2. Kotenko A. P. Analiticheskoe opisanie sistem massovogo obsluzhivaniya s ispol'zovaniem kolec vychetov / A. P. Kotenko, M. B. Bukarenko // Matematicheskoe modelirovanie i kraevye zadachi: trudy Sed'moj Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Samara, 03–06 iyunya 2010 goda / Samarskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, Inzhenernaya akad. Rossii (Povolzhskoe otделение) V. P. Radchenko (otvetstvennyj redaktor). T. 2. Samara: Samarskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 2010. S. 136–139. (In Russ.).
3. Gorohovskij A. N. Primenenie differencial'nyh uravnenij dlya modelirovaniya ekologicheskikh sistem. M., 2023. 27 s. (In Russ.).
4. Lorenc E. Determinirovannoe neperiodicheskoe dvizhenie // Strannye attraktory. M., 1981. S. 88–116. (In Russ.).
5. Kapica S. P. Mathematical model of global population growth / S. P. Kapica // Matematicheskoe modelirovanie. 1992. T. 4;6: 65–79. (In Russ.).
6. Kapica S. P. The model of global population growth and the predicted future of civilization // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. 2002. T. 11;3: 22–43. (In Russ.).
7. Strongin R. G. Issledovanie operacij. Modeli ekonomicheskogo povedeniya: uchebnik. M. : Internet-Universitet Informacionnyh Tekhnologij, 2007. 207 s. (In Russ.).
8. Kerimkul S. E. Simulation of infectious diseases using SIR models and optional properties of the applied models / S. E. Kerimkul, M. R. Galymzhan // Central Asian Scientific Journal. 2022;2(6): 3–14. (In Russ.).
9. Reduced SIR model of the COVID-19 pandemic/ S. I. Vinickij, A. A. Gusev, V. L. Derbov [i dr.] // Zhurnal vychislitel'noj matematiki i matematicheskoy fiziki. 2021. T. 61;3: 400–412. (In Russ.).
10. Makarov E. G. Inzhenernye raschety v Mathcad 15: uchebnoe posobie. SPb. : Izd-vo «Infra-inzheneriya», 2024. 408 c. (In Russ.).
11. Reshenie inzhenernyh zadach v pakete MathCAD: uchebnoe posobie / pod red. YU. E. Voskoboynikova. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 2013. 120 s. (In Russ.).
12. Arnsten (2009) Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function. Nat Rev Neurosci. 10: 410-22.
13. Lupien, S. J. et al. Stress hormones and human memory function across the lifespan. Psychoneuroendocrinology 30, 2005. 225-242.
14. Morrison, M. A. (2013). Marketing and Managing Tourism Destinations (pp. 638-648).
15. By Eysenck, Michael W., Derakshan, Nazanin, Santos, Rita, Calvo, Manuel G. Emotion, Vol 7(2), Anxiety and cognitive performance: Attentional control theory. May 2007, 336-353.
16. Vogel, S., & Schwabe, L. (2016). Learning and Memory under Stress: Implications for the Classroom. NPJ Science of Learning, 1, 16011.
17. Gracheva N. G. Setevoe vzaimodejstvie v obrazovatel'noj organizacii // Moral'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del: sovremennye podhody i perspektivy razvitiya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 05 dekabrya 2024 goda. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 89–93. (In Russ.).
18. Gracheva, N. G. Rol' informacionnogo obshcheniya v sovremennom mire / // YAzyk. Kul'tura. Obshchenie: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 21 noyabrya 2024 goda. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rosii, 2024. S. 40–42. (In Russ.).
19. Grachev M. I. Organization automation and its technical equipment // Uchenye zapiski Komсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024;5(77): 13–21. (In Russ.).
20. Grachev M. I. Modeling for assessing the improvement of enterprise management efficiency // Vestnik komp'yuternyh i informacionnyh tekhnologij. 2023. T. 20;10(232): 31–37. (In Russ.).

21. Kir'yanov D. V. Mathcad 15 / Mathcad Prime 1.0. SPb. : BHV-Peterburg, 2012 + Videokurs. 432 s. (In Russ.).

22. Korkmazov A. V. Personal and semantic characteristics of the discipline of cadets and students studying at educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. V. Korkmazov, R. A. Kuchmezov, A. G. Bondar' // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2021;9(160): 487–488. (In Russ.).

Информация об авторах

Information about the authors

А. И. Примакин – доктор технических наук, профессор

A. I. Primakin – Doctor of Sciences (Technical), Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2025;
одобрена после рецензирования 12.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 08.07.2025;
approved after reviewing 12.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 378.1

РАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНЫХ ПРИНЦИПОВ

Александр Вадимович Фетисов¹, Данил Владимирович Ставицкий²

¹⁻² Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ Eletskaeveta@yandex.ru

² stavitskiydv@spvi.ru

Аннотация. В статье обосновывается объективная необходимость применения компетентностного подхода к рациональной организации военно-профессиональной подготовки обучающихся в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии. В ней рассматривается метод структуризации военно-профессиональных компетенций, составляющих модель военного специалиста в соответствии с задачами войск национальной гвардии России.

Ключевые слова: военно-профессиональная подготовка, системная сущность военно-профессиональных компетенций, квалификационные требования, рациональная организация обучения

Для цитирования: Фетисов А.В., Ставицкий Д.В. Рациональная организация военно-профессиональной подготовки в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации на основе компетентностных принципов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 339–347. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/033.pdf>.

Original article

RATIONAL ORGANIZATION OF MILITARY PROFESSIONAL TRAINING IN THE MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION RUSSIAN FEDERATION BASED ON COMPETENCE PRINCIPLES

Aleksandr V. Fetisov¹, Danil V. Stavitskiy²

^{1, 2} Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ Eletskaeveta@yandex.ru

² stavitskiydv@spvi.ru

Abstract. The article substantiates the objective need for the application of a competency-based approach to the rational organization of military-professional training of students in the MEO HPE. It contains a method for structuring military-professional competencies that make up the model of a military specialist in accordance with the tasks of the troops of the National Guard of Russia.

Keywords: military-professional training, systemic essence of military-professional competencies, qualification requirements, rational organization of training

For citation: Fetisov A.V., Stavitskiy D.V. Rational organization of military professional training in the military educational organization of higher education Russian Federation based on competence principles. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 339–347. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/033.pdf>.

© Фетисов А.В., Ставицкий Д.В., 2025

Введение

Анализ источников по организации военно-профессиональной подготовки [3–6, 9, 14, 17] дает основание заключить, что основой для построения структуры ее рациональной организации является системная сущность базовых военно-профессиональных компетенций. Исследования доказывают [2, 3, 5, 8, 12, 13, 15, 19, 20], что этот вид компетенций является уни-

версальным. С одной стороны, они характеризуют соответствие качества подготовки квалификационным требованиям, а с другой – содержат все профессиональные свойства, которые выпускник должен сформировать в ходе обучения.

Основные положения

Таким образом, первой подсистемой, которую необходимо включить в общую структуру системы рациональной органи-

зации военно-профессиональной подготовки, являются «базовые военно-профессиональные компетенции», так как они характеризуют ее основные задачи. При этом их сущность можно сформулировать следующим образом:

1-я – способен управлять подчиненным подразделением в ходе перевода в высшие степени боевой готовности;

2-я – способен управлять подразделением в ходе общевойскового боя (при ведении наступательных действий);

3-я – способен управлять подразделением в ходе общевойскового боя (при ведении оборонительных действий);

4-я – способен управлять подразделением на марше и при расположении на месте;

5-я – способен управлять подразделением при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности;

6-я – способен управлять подразделением при охране важных государственных объектов, специальных грузов и сооружений на коммуникациях;

7-я – способен организовать действия подразделения при участии в борьбе с терроризмом и экстремизмом;

8-я – способен организовать действия подчиненных при обеспечении режимов чрезвычайного, военного положения и правового режима контртеррористической операции;

9-я – способен управлять подразделением при участии в территориальной обороне;

10-я – способен организовать выполнение служебно-боевых (боевых) задач при

оказании содействия пограничным органам и органам ФСБ по охране государственной границы;

11-я – способен руководить подразделением в условиях повседневной деятельности.

При таком построении подсистема базовых военно-профессиональных компетенций в целом будет соответствовать перечню квалификационных требований по специальности 370300 «Служебно-боевое применение соединений, частей и подразделений войск национальной гвардии».

В реальных условиях подготовки военных специалистов в военных образовательных организациях высшего образования необходим дисциплинарно-тематический инструмент, при реализации которого у обучающихся будет сформирован полный набор базовых военно-профессиональных компетенций. Таким инструментом может быть система учебных тактических задач, соответствующих основным служебно-боевым задачам, стоящих перед формированиями войск национальной гвардии Российской Федерации [8, 9, 17, 18] и включающих необходимое дисциплинарно-тематическое содержание.

Из анализа опыта служебно-боевого применения формирований очевидно, что к выполнению задач привлекаются подразделения различных звеньев тактического уровня управления. Для определения содержания служебно-боевых действий и определения привлекаемых сил и средств проведем анализ регламентирующих документов. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты анализа содержания служебно-боевых действий, формирований войск национальной гвардии Российской Федерации при выполнении возложенных задач

Table 1 – Results of the analysis of the content of service-combat actions, formations of troops of the National Guard of the Russian Federation when performing assigned tasks

№ п/п	Содержание возложенных задач	Органы управления, организующие служебно-боевые действия	Виды формирований, осуществляющих служебно-боевые действия	Формы и способы, действий, необходимые для выполнения служебно-боевых задач
1.	Участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности	Взвод отделение	Патрули, группы различного направления	Патрулирование, поиск, задержание, блокирование, сопровождение
2.	Охрана важных государственных объектов, специальных грузов и	Батальон рота взвод	Караул, наряд по КПП	Несение службы в карауле, на КПП, по-

	сооружений на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации			иск, ведение разведки, ведение оборонительного боя
3.	Участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом	рота	Разведывательная группа, блок-посты, КПП	Разведка, блокирование, поиск, засада
4.	Участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции	батальон рота взвод	Патрули, группы различного назначения, блок-посты, КПП, группа поиска, группа блокирования	Действия по разоружению незаконных вооружённых формирований, разведка, блокирование, поиск
5.	Участие в территориальной обороне Российской Федерации	рота взвод	Патрули, группы различного направления, блок-посты, КПП, группа поиска, группа блокирования	Действия по разоружению незаконных вооружённых формирований, разведка, блокирование, поиск
6.	Оказание содействия пограничным органам ФСБ в охране государственной границы	батальон рота	подразделения	блокирование, поиск, сторожевое охранение

На основе результатов анализа можно заключить следующее:

Первое. Организация выполнения задач происходит в звене «отделение- батальон». Организационно сложным в организации, разнообразной по формам и способам выполнения и требующей привлечения значительных сил и средств является задача № 4 – «Участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения и правового режима контртеррористической операции». К ее выполнению привлекаются части (подразделения) оперативного назначения. При этом привлекаемые формирования могут вести как служебно-боевые действия, формы и способы которых регламентируются наставлениями Росгвардии, так и общевойсковой бой в соответствии с Боевым уставом Сухопутных войск.

Второе. Задача № 2 – «Охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях, в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации» выполняют части (подразделения) по

охране важных государственных объектов и специальных грузов, а части (подразделения) оперативного назначения

привлекаются для их усиления в условиях ведения территориальной обороны. В этих условиях, кроме действий, связанных с охраной объектов, могут применяться различные формы и способы общевойскового боя.

Третье. Формы и способы служебно-боевых действий, применяемые при выполнении задачи № 1 «Участие в охране общественного порядка, в обеспечении общественной безопасности»; задачи № 3 «Участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом» и № 6 «Оказание содействия пограничным органам ФСБ в охране государственной границы», сводятся к проведению поиска, блокированию, действиям в засаде и в сторожевом охранении. При этом могут иметь место оборонительные и наступательные бои с привлечением взводов и рот.

Большое влияние на осознание содержания служебно-боевых задач оказал опыт специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

Во-первых, этот опыт указал на необходимость более эффективного овладения действиями в общевойсковом бою подразделений звена «взвод – рота».

Во-вторых, большую значимость получили формы и способы борьбы с диверсионно-разведывательными группами националистов. Полученный опыт также показал

на недостаточные навыки командиров по вопросам организации разведки (в том числе инженерной и с помощью беспилотных летательных аппаратов), по организации марша подразделений и взаимодействию с приданной и поддерживающей артиллерией.

Анализ содержания служебно-боевых задач и опыта боевого применения подразделений говорит о непреложном влиянии этих условий на организацию и содержание военно-профессиональной подготовки обучающихся. Кроме этого, результаты анализа позволяют утверждать о необходимости повышения требований к качеству подготовки военных специалистов. Такой вывод требует выделения этой проблематики в самостоятельную область исследований и их проведения с применением новейших достижений военной педагогики и психологии.

Анализ источников, рассматривавших проблемы повышения качества подготовки специалистов в военных учебных заведениях [3, 6, 12, 14, 16], позволил прийти к следующему заключению. Решение проблемы качества, состоящей в разработке методологии организации подготовки военных специалистов на основе системных принципов, требует создания рациональной системы. При этом система должна структурироваться не только по учебным тактическим задачам. Учитывая разные объемы информации, привлекаемой для формирования базовых военно-профессиональных компетенций при прохождении каждой из учебной тактической задачи, их следует структурировать по звеньям тактического уровня управления (отделение – батальон). Для определения ресурса времени, выделяемого на военно-профессиональную подготовку, необходимо определить вес каждой задачи.

Следующим элементом системы организации военно-профессиональной подготовки должна быть подсистема, учитывающая условия выполнения служебно-боевых задач и звеньев управления, к действиям которых должен быть подготовлен выпускник. Функционирование подсистемы в рациональной системе должно иметь целью комплексное формирование ключевых компетенций, позволяющих выпускникам руководить подразделениями конкретного звена в конкретных условиях обстановки. Структурными элементами подсистемы должны быть комплексные учебные модули, итогом изучения дисциплинарно-тематического содержания которых будут ключевые компетенции. При этом в ходе изучения модуля должны проводиться занятия по формированию содержатель-

ных компетенций обучающегося. В зависимости от учебных целей такие занятия будут формировать содержательные компетенции различных видов (знаниевые, умениевые, навыковые).

Таким образом, рациональная система военно-профессиональной подготовки будет являться системой, обеспечивающей дозированную передачу необходимой информации. На основе этого у обучающихся поэтапно формируются знания, структурируемые в виде военно-профессиональных компетенций различных видов и типов.

Для обоснования изложенного выше рассмотрим соотношение циркулирующей информации и знаний, на основе которых формируются соответствующие виды и типы компетенций. В источниках по такой проблематике используются категории «информация» и «знания». Однако их общепринятого определения не выработано. Вместе с тем потребность в этом возрастает, так как они определяют направление исследований по проблемам развития военной организации государства и подготовки военных специалистов.

Информация и знания являются основой развития системы. Их значение меняется вместе с изменениями в военной организации государства. При переходе от постиндустриальной к информационной форме значение получает информация, а при переходе к ноосферной, где определяющим развитие становится коллективный разум, – полученные при обучении знания. Таким образом, современным военным специалистом является руководитель, который способен создавать и воплощать на практике знания, позволяющие формировать современные технологии применения вооруженных формирований раньше, чем военные специалисты недружественных государств. Вывод подтверждается ходом специальной военной операции. На ее опыте можно определить последовательность трансформации знаний в новые тактические приемы.

Таким образом, трансформация полученных в ходе подготовки знаний в тактические технологии является одним из основных качеств современного военного специалиста.

Основные формулировки категории «информация» определены теорией информации. Информацию можно определить как результат взаимодействия обучающегося и обучающихся данными и информативными методами в ходе взаимодействия. В ходе подготовки сигнальный уровень является основным, а полученные обучающимися информативные сигналы

являются различными видами знаний, формирующимися в их сознании.

В современных условиях подготовки специалистов остро стоит вопрос об измерении объема информации, передаваемой в ходе занятий и ее достоверности. Другим является вопрос, на какой ступени когнитивного процесса в сознании человека воспринимаемая информация превращается в знания. С целью их разрешения проведем анализ информации и знаний. В ходе обучения познание происходит в ходе мозговой деятельности человека. При этом познающий субъект имеет конкретную установку на изучение информации. Кроме того, он ориентируется в соответствии с желаниями приобрести конкретные новые знания. В познавательном процессе субъекту предстает простая и первичная информация, как объективные и неотъемлемые свойства изучаемого объекта. Такая информация, как результат ее восприятия субъектом обучения, вначале попадает в когнитивную систему. После этой фазы она фиксируется в сознании субъекта и отражается им в форме ощущений. В процессе накопления и оценки полученной простой в усвоении первичной

информации, а также после ее последующей интеллектуальной обработки и осознания обучающемуся последовательно открываются в первую очередь связи, зависимости и закономерности, а после этого принципы, в соответствии с которыми существуют и функционируют изучаемые материальные структуры. То есть происходит процесс первичной трансформации информации в знания, существующие в сознании человека, а затем в ходе военно-профессиональной подготовки они суммируются и формируются в виде систем различного уровня, составляющих военно-профессиональные компетенции. В ряде источников [3, 6, 9, 11, 16] информация понимается как внешняя составляющая процесса обучения, а знания – как внутренняя. Учитывая, что информация и знания неравнозначные категории, с целью формирования рациональной системы военно-профессиональной подготовки, рассмотрим их динамику. Для ее выявления используем схему «Dete Infortion Knowledge Wisdom» (рисунок 1).

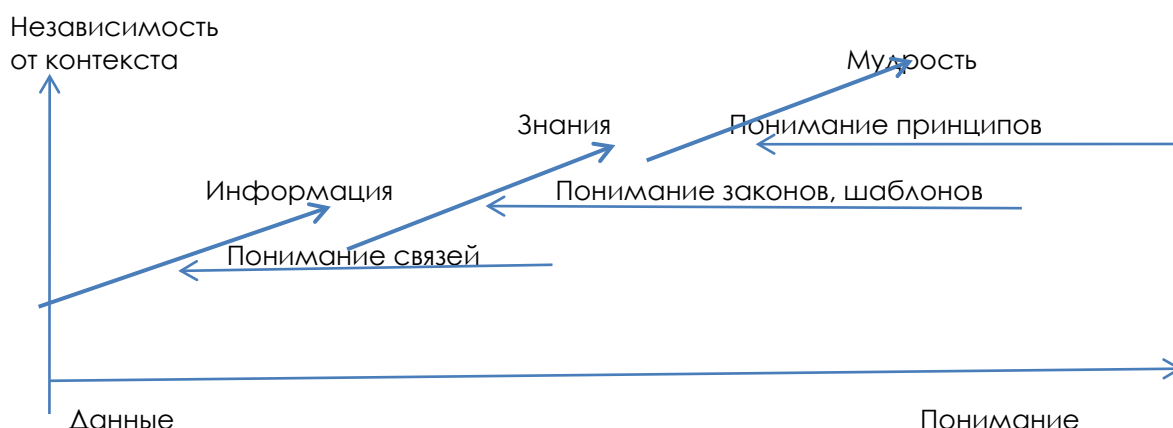

Рисунок 1 – Модель Dete Infortion Knowledge Wisdom

Figure 1 – Dete Infortion Knowledge Wisdom Model

Динамика определяется по осям «Независимость от контекста и Понимание». При сравнении граничных точек вектора информации «ДАННЫЕ, МУДРОСТЬ» относительно оси «независимость от контекста», очевидно, что мудрость оторвана от ситуации, так как является обобщающей категорией. Таким образом, процесс «от информации к знаниям» является переходом «от частного – к общему». Иными словами, вначале формируются

содержательные, а затем ключевые и базовые военно-профессиональные компе-

тенции. То есть движение по оси «понимание характеризует переход "от неосознанного – к осознанному"», если рассматривать теоретические знания. При этом практические знания привязаны к конкретным ситуациям в большей степени. Формирование таких элементов военно-профессиональных компетенций требует показателя теоретических знаний на уровне «мудрость» или уровня рефлексии или понимания общих принципов в границах отдельной учебной тактической задачи. Такой вывод требует структурирования системы организации военно-

профессиональной подготовки по основным учебно-тактическим задачам.

Необходимость совершенствования организации подготовки на системных принципах подтверждается и выводами из анализа модели «Dete Infortion Knowledge Wisdom» (рисунок 1). При переходе от теоретической составляющей компетенции к ее практическим составляющим (умения и навыки), обучающиеся получают способность генерировать новые личностные знания, которые выступают как интуиция, смекалка и озарение. Процесс происходит в ходе практических занятий при посредничестве преподавателя, который ориентирует обучающихся в нужном направлении.

Установленное положение согласуется с концепцией Г. Хэмела и К. Прахалада. Они отмечают чувственный и эмпирический характер восприятия информации.

Она представляет собой интерпретацию данных и фактов с помощью умственных действий. При этом знание еще более умозрительно. Как и информация, оно пассивно, но, учитывая наличие у обучающихся умственных способностей и методик (технологий), его реализация превращается в конкретные действия.

Представленный тезис подтверждает необходимость введения в общую систему подсистемы комплексных методических модулей.

В подтверждение сделанному выводу модель перехода (трансформации) данных (информации, содержащейся в учебно-методических источниках) в знания в ходе подготовки специалистов можно представить в виде иерархических уровней формирования (рисунок 2).

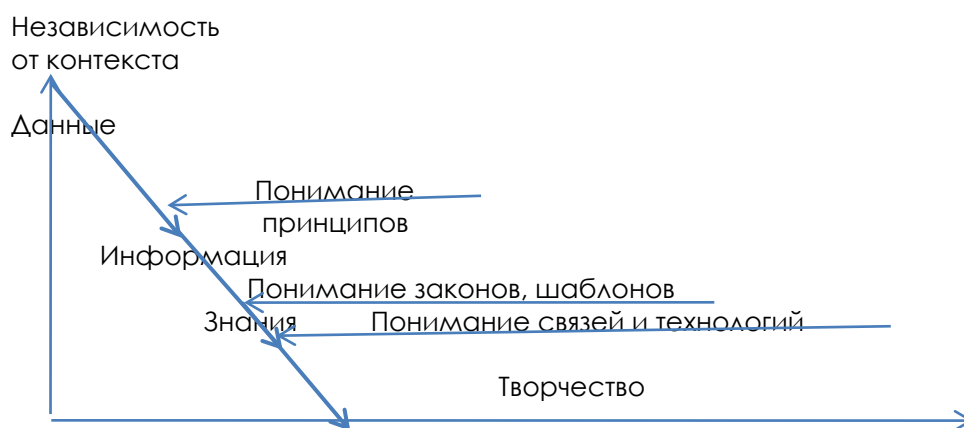

Рисунок 2 – Модель преобразования информации в знания

Figure 2 – Model for converting information into knowledge

Заключение

Категория «Данные (информации, содержащейся в учебно-методических источниках) образовательной организации». В военно-учебном заведении хранится большой массив данных. Задача руководителя состоит в рациональной организации трансформации их в информацию в ходе учебных занятий.

Категория «Информация» соответствует низшему уровню. На этом уровне разрабатываются учебно-методические материалы, а информацией владеют руководители военно-учебного заведения и научно-педагогический состав.

Категория «Знания» соответствует среднему уровню. На нем происходит передача первичной информации от обучающихся к обучающимся и ее трансформация в первичные теоретические знания. При этом в военно-учебном заведении создается система, которая обеспечивает

обучающим дополнительные возможности по извлечению информации и ее трансформации в теоретические знания (библиотеки, учебные фильмы, презентации, учебные пособия и т. д.). Таким образом, создается образовательная среда, формирующая коллективный разум научно-педагогического состава.

Категория «Мудрость» соответствует высшему уровню. На этом уровне у обучающихся происходит формирование военно-профессиональных компетенций, соответствующих квалификационным требованиям на требуемом уровне сформированности. Научно-педагогический состав при этом владеет современными передовыми педагогическими технологиями. Следует заметить, что достижение высшего уровня воспроизводства знаний возможно только на основе организации военно-профессиональной подготовки на основе системных принципов.

Список источников

1. Байденко В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): методическое пособие. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 114 с.
2. Байденко В. И. Базовые навыки (ключевые компетенции) как интегрирующий фактор образовательного процесса / В. И. Байденко, Б. Оскарссон // Профессиональное образование и формирование личности специалиста. М., 2002. С. 22–46.
3. Басовский А. Е. Управление качеством: учебник / А. Е. Басовский, В. Б. Протасьев. М. : ИНФРА-М, 2004. 212 с.
4. Будяк А. В. Компетентностный подход в высшем образовании // Вектор науки: серия «Педагогика, психология». ТолГУ. 2011. № 1. С. 23–45.
5. Бабошин В. А. Компетенции и компетентностные принципы в методике планирования образовательной деятельности организаций высшего профессионального образования / В. А. Бабошин, А. В. Костюк, А. В. Фетисов // Сборник РАРАН. 2019. № 3. С. 12.
6. Богук Ю. М. Управление образовательным процессом при подготовке специалистов в высших военных учебных заведениях: дис. канд. воен. наук / Богук Юрий Михайлович. СПб., 2011. 202 с.
7. Богук Ю. М. Моделирование процесса формирования компетенций у выпускников военно-учебных заведений // Ю. М. Богук, М. А. Голубев, Д. В. Ставицкий [и др.] // Сборник трудов ВКА. 2018. № 4. С. 12.
8. Бондаренко С. А. Сущность формирования военно-профессиональных компетенций у обучающихся в военных институтах войск национальной гвардии на основе комплексной педагогической системы: монография / С. А. Бондаренко, Д. В. Ставицкий, А. В. Фетисов. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2019. 146 с.
9. Бондаренко С. А. «Построение оптимальной комплексной системы образовательной деятельности в военно-образовательных организациях высшего образования силовых структур» / С. А. Бондаренко, Ю. М. Богук, А. В. Фетисов [и др.] // Сборник РАРАН. 2019. № 3. 12 с.
10. Ванягин В. Е. Теория и практика оценивания уровня сформированности военно-профессиональных компетенций у курсантов-артиллеристов при изучении тактических (тактико-специальных) дисциплин: дис. канд. воен. наук: 13.00.01 / Ванягин Владимир Евгеньевич. СПб., 2016. 272 с.
11. Волкова В. Н. Теория систем: учебное пособие / В. Н. Волкова, А. А. Денисов. М. : Высш. шк., 2006. 511 с.
12. Воронцов Е. В. Управление знаниями: учебное пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2016. 351 с.
13. Глухих И. Н. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 152 с.
14. Голубев М. А. Модель модульного построения и оценки качества сформированности компетенций у обучающихся вузов Минобороны России: сборник статей 23-й научно-технической конференции «Военная радиоэлектроника: Опыт использования и проблемы, подготовка специалистов» / М. А. Голубев, С. А. Багрецов. СПб. : ВУНЦ ВМФ, 2012. С. 28–32. Ч. 1.
15. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: авторская версия. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 155 с.
16. Зимняя И. А. Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования (идеализированная модель): проблемы качества образования: компетентностный подход в профессиональном образовании и проектировании образовательных стандартов: материалы XV Всероссийской научно-метод. конференции «Актуальные проблемы качества образования и пути их решения в контексте европейских и мировых тенденций». М., Уфа: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. С. 10–19. Кн. 2.
17. Квалификационные требования к военно-профессиональной подготовке выпускников военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации по военно-учетной специальности 370300 «Служебно-боевое применение соединений, воинских частей и подразделений войск национальной гвардии»

утверждены Главкомандующим войск национальной гвардии Российской Федерации 18 июня 2017 г.

18. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. (Ч. I). Ст. 4159.

19. Пылькин А. Н. Теория систем и системный анализ: учебник / А. Н. Пылькин, И. Ю. Филатов, В. В. Орехов. М. : КУРС, 2017. 192 с.

20. Ставицкий Д. В. Методика формирования содержания военно-профессиональных дисциплин при подготовке курсантов военных институтов / Д. В. Ставицкий, А. В. Фетисов // Оперативно-тактический журнал национальной гвардии Российской Федерации. 2017. № 4. С. 42–46.

References

1. Bajdenko V. I. Kompetentnostnyj podhod k proektirovaniyu gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya (metodologicheskie i metodicheskie voprosy): metodicheskoe posobie. M. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2005. 114 s. (In Russ.).

2. Bajdenko V. I. Bazovye navyki (klyuchevye kompetencii) kak integriruyushchij faktor obrazovatel'nogo processa / V. I. Bajdenko, B. Oskarsson // Professional'noe obrazovanie i formirovanie lichnosti specialista. M., 2002. S. 22–46. (In Russ.).

3. Basovskij L. E. Upravlenie kachestvom: uchebnik / L. E. Basovskij, V. B. Protas'ev. M. : INFRA-M, 2004. 212 s. (In Russ.).

4. Budyak L. V. Competency-Based Approach in Higher Education // Vektor nauki: seriya «Pedagogika, psihologiya». TolGU. 2011;1: 23–45. (In Russ.).

5. Baboshin V. A. Competencies and competency-based principles in the methodology of planning educational activities of higher professional education organizations / V. A. Baboshin, A. V. Kostyuk, A. V. Fetisov // Sbornik RARAN. 2019;3: 12. (In Russ.).

6. Boguk YU. M. Upravlenie obrazovatel'nym processom pri podgotovke specialistov v vysshih voennyh uchebnyh zavedeniyah: dis. ... kand. voen. nauk / Boguk YUrij Mihajlovich. SPb., 2011. 202 s. (In Russ.).

7. Boguk YU. M. Modeling the Process of Competence Formation in Military Educational Institutions Graduates/ YU. M. Boguk, M. A. Golubev, D. V. Stavickij [i dr.] // Sbornik trudov VKA. 2018;4: 12. (In Russ.).

8. Bondarenko S. A. Sushchnost' formirovaniya voenno-professional'nyh kompetencij u obuchayushchihsya v voennyh institutah vojsk nacional'noj gvardii na osnove kompleksnoj pedagogicheskoy sistemy: monografiya / S. A. Bondarenko, D. V. Stavickij, A. V. Fetisov. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2019. 146 s. (In Russ.).

9. Bondarenko S. A. Building an optimal integrated system of educational activities in military educational institutions of higher education of the security forces / S. A. Bondarenko, YU. M. Boguk, A. V. Fetisov [i dr.] // Sbornik RARAN. 2019;3: 12–15. (In Russ.).

10. Vanyagin V. E. Teoriya i praktika ocenivaniya urovnya sformirovannosti voenno-professional'nyh kompetencij u kursantov-artilleristov pri izuchenii takticheskikh (taktiko-special'nyh) disciplin: dis. ... kand. voen. nauk: 13.00.01 / Vanyagin Vladimir Evgen'evich. SPb., 2016. 272 s. (In Russ.).

11. Volkova V. N. Teoriya sistem: uchebnoe posobie / V. N. Volkova, A. A. Denisov. M. : Vyssh. shk., 2006. 511 s. (In Russ.).

12. Voroncov E. V. Upravlenie znaniyami: uchebnoe posobie. Minsk: Vyshejschaya shkola, 2016. 351 s. (In Russ.).

13. Gluhii I. N. Teoriya sistem i sistemnyj analiz: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Prospekt, 2017. 152 s. (In Russ.).

14. Golubev M. A. Model' modul'nogo postroeniya i ocenki kachestva sformirovannosti kompetencij u obuchayushchihsya vuzov Minoborony Rossii: sbornik statej 23-j nauchno-tekhnicheskoy konferencii «Voennaya radioelektronika: Opyt ispol'zovaniya i problemy, podgotovka specialistov» / M. A. Golubev, S. A. Bagrecov. SPb. : VUNC VMF, 2012. S. 28–32. CH. 1. (In Russ.).

15. Zimnyaya I. A. Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-celevaya osnova kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii: avtorskaya versiya. M. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2004. 155 s. (In Russ.).

16. Zimnyaya I. A. Social'no-professional'naya kompetentnost' kak celostnyj rezul'tat professional'nogo obrazovaniya (idealizirovannaya model'): problemy kachestva obrazovaniya:

kompetentnostnyj podhod v professional'nom obrazovanii i proektirovanii obrazovatel'nyh standartov: materialy XV Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii «Aktual'nye problemy kachestva obrazovaniya i puti ih resheniya v kontekste evropejskih i mirovyh tendencij». M., Ufa: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2005. S. 10–19. Kn. 2. (In Russ.).

17. Kvalifikacionnye trebovaniya k voenno-professional'noj podgotovke vypusnikov voennyh obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii po voenno-uchetnoj special'nosti 370300 «Sluzhebno-boevoe primenenie soedinenij voinskih chastej i podrazdelenij vojsk nacional'noj gvardii» utverzhdeny Glavnokomanduyushchim vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii 18 iyunya 2017 g. (In Russ.).

18. Federal Law No. 226-FZ of July 3, 2016 "On the National Guard Troops of the Russian Federation" // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016;27. (CH. I). St. 4159. (In Russ.).

19. Pyl'kin A. N. Teoriya sistem i sistemnyj analiz: uchebnik / A. N. Pyl'kin, I. YU. Filatov, V. V. Orekhov. M. : KURS, 2017. 192 s. (In Russ.).

20. Stavickij D. V. Methodology for Forming the Content of Military-Professional Disciplines in the Training of Cadets at Military Institutes / D. V. Stavickij, A. V. Fetisov // Operativno-takticheskij zhurnal nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. 2017;4: 42–46. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Фетисов – кандидат военных наук,
доцент

Д. В. Ставицкий – кандидат военных наук

Information about the authors

A. V. Fetisov – Candidate of Sciences
(Military), Docent

D. V. Stavickij – Candidate of Sciences
(Military)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025;
одобрена после рецензирования 11.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 21.04.2025;
approved after reviewing 11.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 37.01:001.8; 378.02

ОЦЕНИВАНИЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАДЕЖНОСТИ
КУРСАНТОВ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ (ИНСТИТУТА) РОСГВАРДИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

Анатолий Петрович Шарухин

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
apsha@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7706-4385

Аннотация. Статья посвящена изучению относительно мало исследованной темы, посвященной педагогической квалиметрии. В статье раскрыта актуальность темы. Дано определение понятия «оценивание системы и процесса воспитания курсантов». Изложены теоретико-методологические основания решения научной задачи повышения качества оценивания системы и процесса воспитания курсантов, а также содержание и структура данного феномена. Показано значение раскрытия содержания понятия для организации воспитания курсантов. Определены и сформулированы принципы и методы оценивания системы и процесса воспитания курсантов. Рассмотрены особенности оценивания системы и процесса воспитания курсантов военной академии (института) Росгвардии. Раскрыты педагогические условия повышения качества оценивания системы и процесса воспитания курсантов военной академии (института) Росгвардии. Определены перспективные направления дальнейших исследований проблемы оценивания системы и процесса воспитания курсантов военной академии (института) Росгвардии.

Ключевые слова: военная академия (институт) Росгвардии, воспитание профессиональной надежности курсантов, оценивание системы и процесса воспитания курсантов, теоретико-методологический аспект

Для цитирования: Шарухин А.П. Оценивание системы и процесса воспитания профессиональной надежности курсантов военной академии (института) Росгвардии: теоретико-методологический аспект // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025.

№ 3 (32). С. 348–360. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/034.pdf>.

Original article

ASSESSMENT OF THE SYSTEM AND PROCESS OF THE CADETS' PROFESSIONAL RELIABILITY
UPBRINGING OF THE ROSGVARDIYA MILITARY ACADEMY (INSTITUTE): THEORETICAL AND
METHODOLOGICAL ASPECT

Anatoly P. Sharukhin

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
apsha@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7706-4385

Abstract. The article is devoted to the study of a relatively little-researched topic on pedagogical qualimetry. The relevance of the topic is revealed in the article. The definition of the concept "assessment of the system and the process of the cadets' upbringing" is given. The theoretical and methodological foundations of solving the scientific problem of improving the quality of the assessment of the system and process of the cadets' upbringing are outlined. The content and structure of this phenomenon are revealed. The methodological significance of the concept for the cadets' upbringing organization is shown. The principles and methods of assessment of the system and the process of the cadets' upbringing are defined and formulated. The assessment features of the system and the process of the cadets' upbringing of the Rosgvardiya military Academy (Institute) are considered. The pedagogical conditions for improving the quality of the assessment system and the process of the cadets' upbringing of the Rosgvardiya Military Academy (institute) are revealed.

Perspective directions of further researches of the problem assessment of the system and process of the cadets' upbringing of the Rosgvardiya Military Academy (institute) are defined.

Keywords: the Rosgvardiya Military Academy (Institute), the cadets' professional reliability upbringing, assessment of the system and process of the cadets' upbringing, theoretical and

methodological aspect

For citation: Sharukhin A.P. Assessment of the system and process of the cadets' professional reliability upbringing of the Rosgvardiya military academy (institute): theoretical and methodological aspect. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 348–360. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/034.pdf>.

© Шарухин А.П., 2025

Введение в проблему

Успех воспитания у курсантов профессиональной надежности [5] во многом зависит от умения командиров и преподавателей правильно диагностировать и оценивать воспитательную ситуацию, делать объективные выводы. Данное умение связано с проведением эмпирических процедур и теоретических обобщений.

Вместе с тем образовательная практика свидетельствует о том, что в области воспитания будущих офицеров у командиров курсантских подразделений и преподавателей имеются серьезные пробелы с научным пониманием процесса оценивания. Оценка осуществляется фрагментарно, непоследовательно, исходя из собственных представлений, которые далеки от того, о чем писали А. С. Макаренко [15], В. Ф. Шаталов [18], М. И. Драгомиров [9] и другие классики педагогики, в том числе и военной.

В связи с этим цель статьи состоит в раскрытии сущности, структуры и механизмов оценивания системы и процесса воспитания курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации с учетом царящей в педагогике Росгвардии полипарадигмальности [6].

Методология и методы

Методология решения научной задачи разработки модели оценивания системы и процесса воспитания курсантов военной академии (института) Росгвардии совпадает с логикой современной парадигмы исследования педагогических проблем. Было определено противоречие, причины его появления и сформулирована цель исследования. В качестве научных подходов были использованы системный [1; 4], процессный [8] и ценностно-аксиологический [22] подходы. Применялись анализ, синтез, обобщение, классификация, теоретическое моделирование.

Результаты

Под оцениванием следует понимать процесс соотнесения изучаемых качеств реального объекта (объектом может быть система и/или процесс воспитания, а также результат воспитания – профессиональная надежность) со стандартом (с ка-

чествами образца или установленными нормативными требованиями, то есть критериями), фиксация степени их соответствия в числовых значениях (показателях) и его описание (интерпретация) [23; 24]. Если оценивается система воспитания профессиональной надежности выпускника, то необходимо четко определить:

специальность, по которой осуществляется подготовка курсанта и параметры профессиональной надежности (нормативное проявление конкретных свойств личности курсанта в конкретных видах деятельности, их соответствие нормативным требованиям);

требования к системе воспитания профессиональной надежности выпускника, соответствие которым каждого компонента и системы в целом приводит к высокому качеству воспитания;

шкалу измерений (упорядоченная последовательность изменений физической величины);

«инструменты» измерений.

Первичные эмпирические процедуры предназначены, прежде всего, для фиксации сложившейся педагогической ситуации, связанной с процессом воспитания профессиональной надежности будущих выпускников и уровнем воспитанности курсанта (описания, позволяющего в последующем осуществить теоретический анализ). Они позволяют собрать первичный исследовательский материал для выявления проблем.

Далее начинается теоретический этап. Однако, он возможен только в том случае, если реальную ситуацию есть возможность сравнить с образцом или нормативной системой требований. Если такой образец или нормативная система требований отсутствуют, то необходимо сначала их создать (разработать) с учетом реальных возможностей посредством проведения педагогического исследования. Все должностные лица и прежде всего управление военной академии (института) Росгвардии, командиры курсантских подразделений, профессорско-преподавательский состав должны быть «вооружены» знанием об образце или нормативной системе требований.

Командир курсантского подразделения должен четко представлять педагогическую модель (логическое системное образование, представляющее собой копию, образец или комплекс требований) системы воспитания профессиональной надежности курсанта и ее функционирование на всех этапах подготовки будущего офицера, а также свое место и функциональную роль в данной системе.

Преподаватель должен уметь разрабатывать на основе представления общей системы воспитания профессиональной надежности у курсантов педагогическую модель системы воспитания профессиональной надежности курсанта и ее функционирование в процессе обучения конкретной учебной дисциплине (как в процессе занятий, так и в процессе консультирования в ходе самостоятельной подготовки).

В моделях обязательно должны найти отражение необходимые, существенные свойства системы воспитания у курсанта профессиональной надежности, технологии воспитательного процесса, структура профессиональной надежности и параметры ее проявления. И командир, и преподаватель должны уметь создавать на практике (на основе разработанных моделей) системы оценивания.

При проведении педагогических исследований, направленных на разработку моделей системы воспитания профессиональной надежности у курсантов или ее отдельных составляющих необходимо уяснить следующие положения.

Педагогические модели могут отражать как всю систему воспитания и весь воспитательный процесс, так и отдельные структурные компоненты системы. При этом следует помнить, что к моделям не относятся ни теории, ни диаграммы, которые предназначены для объяснения модели. Однако, другие объекты (при их сравнимости с исследуемым объектом по изучаемым свойствам) можно использовать как модель. Но, нельзя при этом забывать о том, что модель и исследуемая воспитательная реальность не во всем совпадают друг с другом [26]. И чем больше в модели имеется свойств, которые не играют роли для достижения исследовательской цели, тем менее она ценна для организации процесса исследования.

Кроме того, все сравниваемые свойства (модели и реальной системы) должны быть хорошо объяснимы. Для этого необходимо просто и ясно описать сложившу-

юся воспитательную ситуацию на основе ее исследования. Например, если в системе воспитания изучаются отдельные педагогические условия развития профессиональной надежности, то их надо сначала выделить из общего состава условий, отнести по сущностным признакам к педагогическим условиям, затем смоделировать идеальный состав с наилучшими характеристиками и затем ориентироваться на данную модель.

Исследование системы воспитания профессиональной надежности и воспитательного процесса в курсантском подразделении имеет свою логику. На основе обнаружения и формулирования проблемы, осознания ее масштаба и значимости осуществляется формулировка цели, построение «дерева задач», выдвигается гипотеза, которая проверяется посредством эксперимента. Из исследования делаются выводы. Для научного исследования важно, чтобы предлагаемый способ решения проблемы носил инновационный и эффективный характер. Для практического исследования важно, чтобы был достигнут максимальный практический эффект.

Командир курсантского подразделения и преподаватель должны сначала понять: есть ли в системе воспитания и воспитательном процессе проблема, которая требует своего скорейшего решения и которая снижает эффективность воспитательного процесса. Если есть, то эта проблема должна быть сформулирована. Для ее формулировки необходимо, по сути, обнаружить противоречие, которое и определяет сущность проблемы. Актуальность должна быть доказана конкретными цифрами, фактами. Например, в отзывах на выпускников стали часто встречаться тревожные моменты, связанные с тем, что молодые офицеры не справляются со своими ролевыми функциями (например, с функциями управленца, управленца-педагога или военного специалиста).

Сформулированная проблема всегда связана с какими-либо свойствами объекта (педагогической системы или учебно-воспитательного процесса). Как правило, она касается не всего объекта, а какой-то его части, в которой «спрятана проблема», скрыты недостатки и/или причины появления недостатков. Эту часть необходимо тщательно изучить и выработать решение по проблеме. Эта часть относится к предметной части исследования.

В предмете исследования «заклучена» и цель: найти инновационный педагогиче-

ский вариант решения проблемы. Из цели вытекают задачи. В педагогических исследованиях, если они не носят сугубо теоретико- методологического характера, задачи направлены на теоретическое обоснование решения и экспериментальное подтверждение его правильности.

Одна из ключевых ролей в исследовании отводится гипотезе – предположению, как следует решать проблему. Гипотеза должна быть разработана так, чтобы: во-первых, быть содержательной в методологическом, теоретическом и экспериментальном плане; во-вторых, включать идею (подход) и способ решения проблемы. Реализация (проверка) гипотезы должна привести к значимым теоретическим и практическим результатам.

Значимость результатов (выявление тенденций, закономерных связей, разработка новых педагогических систем, приемов, методов, технологий и др.) зависит от используемых теоретических и эмпирических методов, которые в реальности используются в условиях неоднозначности и жестких требований профессиональной этики. Поэтому для большей обоснованности результатов у исследования должны быть четкие теоретико-методологические основания и многократное, перекрещивающееся использование эмпирических методов, особенно наблюдений, опросов и педагогических экспериментов. Кроме того, применение теоретических методов (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, моделирование и др.) и практических методов (различные виды бесед и опросов, с педагогических позиций осуществленное наблюдение, педагогический эксперимент, биографический анализ и анализ достижений, документальный анализ, изучение передового опыта, использование рейтинга, обращение к компетентным судьям) должно носить комплексный характер, а сами они должны быть валидными (соответствовать решаемой научной задаче – позволять изучить свойства объекта). При интерпретации полученных результатов важно оставаться объективным и не поддаваться соблазну «подгонки» полученных данных под желаемые выводы.

Какие эмпирические методы, описанные в научной литературе [11], могут быть чаще всего использованы командирами курсантских подразделений и преподавателями при проведении исследования в области воспитания профессиональной надежности у курсантов.

Педагогическое наблюдение характеризуется преднамеренной организацией, систематичностью и целенаправленностью действий, обеспечивающих полное восприятие процесса функционирования системы воспитания профессиональной надежности, а также выявления смысла воспринятого. Для большей объективности есть смысл соотнести данные нескольких актов наблюдения и сравнить их с выводами, полученными при помощи других методов исследования.

Приведем пример того, что может служить объектом наблюдения при изучении профессиональной надежности курсанта: внимательность; память; точность коммуникативных и практических действий при решении учебных и служебных задач; инициативность; готовность выручить товарища; принятие своевременных и обоснованных решений и т.д.

Беседы, особенно диагностические, проводятся с целью выяснения отношения к учебе, службе, товарищам по взводу, командам, войскам, событиям и др.

Анализ достижений курсантов, использование биографического метода и документальный анализ используются для выяснения общих и профессиональных способностей и отношения курсанта к выполнению обязанностей, причин, влияющих на это отношение, перспектив развития и др.

Педагогический эксперимент командир курсантского подразделения и преподаватель используют для того, чтобы удостовериться в правильности оснований своего педагогического замысла и принятого решения. Основанием для проектирования изменений служит констатирующий эксперимент, который «вскрывает» наличие «узких мест» в организации воспитательного процесса. Принятие решения о проведении формирующего эксперимента включает четкое теоретическое обоснование разработанного проекта изменений и организационное обеспечение реализации проекта. Контрольный эксперимент подтверждает или не подтверждает полученные результаты. Необходимо осознать, что эксперименты, касающиеся воспитательного процесса, проводятся в естественных условиях.

Передовой опыт организации воспитательного процесса обобщается и распространяется для того, чтобы он не был уделом одиночек. Значимые инновационные находки должны быть достоянием всех, кто занимается организацией обучения, вос-

питания, развития и профессиональной подготовки курсантов.

Анкетирование проводится тогда, когда стоит задача узнать мнение курсантов подразделения об организации решения по ограниченному количеству важных вопросов жизнедеятельности.

Метод компетентных судей и рейтинг близки по своей сути: при применении обеих техник осуществляется оценивание опытными людьми. Рейтинг сопровождается еще и шкалированием (распределением мест).

Для надежности количественных расчетов применяются статистические методы из математики (чаще всего встречается вычисление средней арифметической, реже – вероятностные исчисления, факторный анализ и другие сложные математические процедуры).

Завершается исследование верификацией (окончательной проверкой, сопоставлением процесса и полученных результатов с эталонными показателями, выявлением искажений, односторонности в интерпретации результатов). Для проведения верификации важно сделать так, чтобы полученные результаты стали достоянием как можно большего числа командиров и преподавателей, которые могут выступить экспертами.

Соблюдение логики и правил организации исследования выступает гарантией его качественного проведения, точности оценивания и получения значимых, достоверных результатов.

Оценивание системы воспитания у курсантов военной академии (института) Росгвардии профессиональной надежности требует разработки многоуровневой системы критериев оценки. Критериальное оценивание относится к качественному виду оценивания [7; 16]. Качественному анализу должны быть подвергнуты как компоненты системы воспитания, так и функциональные связи между ними. Оценивание системы воспитания должно быть связано с оцениванием результатов деятельности выпускника военной академии (института) Росгвардии в войсках, а также процессуальными аспектами формирования у него профессиональной надежности.

Особое внимание должно быть обращено на целеполагание, взаимодействие курсантов с командирами и преподавателями, а также информационно-содержательное наполнение проводимых мероприятий.

Если учесть, что результатом сложного процесса функционирования системы воспитания выступают множественные качественные характеристики выпускника военной академии (института) Росгвардии, то к критериям оценки системы воспитания профессиональной надежности курсантов целесообразно отнести: интегративный критерий «качество функционирования системы воспитания», выраженное в соответствии выполняемых функций каждым компонентом системы нормативным требованием, и интегративный критерий «качество результата функционирования системы воспитания», выраженное в профессиональной надежности курсанта как субъекта профессиональной деятельности, как личности и индивидуальности [2]. Другими словами, должны быть оценены: целевая заданность, ресурсные и технологические характеристики, результирующие показатели [25].

Оценивание начинается в форме диагностического оценивания [13] (определение первичного состояния дел), приобретает форму текущего (непрерывного) процесса оценивания в течение всего нормативного образовательного процесса), заканчивается суммативным (итоговым) оцениванием.

Существуют различные взгляды на то, что необходимо оценивать в системе воспитания.

Самохвалова А. Г., Тихомирова Е. В., Кирпичник А. Г., Груздев В. В. [21] предлагают включить в качестве критериев оценки воспитательной системы: включенность всех заинтересованных лиц в функционирование системы воспитания и характер их взаимоотношений; уровень организации воспитательного процесса (целеполагание, взаимодействия, среда и т. д.); результативность (социализированность и ключевые компетенции выпускников, сформированность коллектива).

Но, наиболее распространенным выступает подход, в котором предлагается использовать для оценки воспитания интегративный критерий «эффективность системы воспитания (педагогической системы, системы образования)» [10; 12]. Объяснение термина «эффективность» в науке не однозначно. Эффективность трактуется как:

степень достижения поставленных целей [20];

степень соответствия свойств выпускников потребностям рынка труда [3];

удовлетворенность выпускника полученным образованием, его быстрая социализация и сформированная у него система ценностно-смысловых ориентаций [17];

осознанное стремление и компетентностная готовность к самообразованию; самоопределившаяся мировоззренческая позиция, объективное самооценивание образованности [12];

характеристика двух групп отношений: результат — затраты и результат – цели [19];

интегративная характеристика, объединяющая множество организованных и освоенных социальных практик, а также качество выпускника как результата педагогических взаимодействий в образовательном процессе и выраженная в виде результативности (общие показатели результатов), действенности (соотнесение нормативных, спланированных результатов с целями), производительности (соотнесение результатов с затраченными ресурсами), ценности (соотнесение результатов с ценностями государства, общества и/или профессионального сообщества) [14].

Представление Г. Б. Корнетова об эффективности говорит о том, что, чем больше учтено результатов, тем более качественно может быть описана эффективность. Причем результаты могут быть не только положительными, например, в сознании и отношении курсанта могут появиться результаты, которые не планировались, но, должны быть учтены. В частности, неумение выстроить правильные взаимоотношения с курсантами может привести к негативному восприятию учебной дисциплины, нежеланию осуществлять самообразование в ее предметной области. Следует согласиться с Г. Б. Корнетовым, который считает необоснованным оценивать образовательный и воспитательный процессы только с точки зрения реализации учебной программы дисциплины (достижения степени обученности выпускников).

При использовании критерия «действенность» важно учесть то, что решается задача разобраться с итогами воспитательного процесса из расчета достижения именно спланированных результатов. Вряд ли можно говорить о полном совпадении спланированных и реально полученных результатов. Каждый человек (командир курсантского взвода, преподаватель, сам курсант) уникален как в целом, так и в разных научных статусах: индивид, субъект деятельности, личность, индивидуальность. Следовательно, командир курсантской учебной группы и преподаватель должны ставить

реальные цели (связанные с нормативными требованиями к личности выпускника) и под эти цели разрабатывать продуктивные технологии с учетом названных положений. Причем в этих целях и исходящих из них задачах должен присутствовать не только компонент так называемых ЗУНов и компетенций, но другие составляющие отношений личности к служебно-боевым задачам, к командирам (начальникам, к товарищам по учебной группе, к самому себе (эмоционально-чувственный, волевой, ценностно-смысловой, потребностно-целевой и др.). Иная, чем эта постановка вопроса, касающегося целеопределения, приведет к утрате самой сути воспитания и его оценки.

Сегодня в образовательном процессе военной академии (института) Росгвардии доминирует педагогическая модель, получившая название «полного» усвоения знаний. Эти знания касаются в абсолютном большинстве случаев выполнения стандартных задач, которые указаны в целевых установках программ учебных дисциплин. Результаты определяются в двухмерном измерении: соответствии действий описанию в нормативных документах (проверяются умения и навыки), соответствии ответа образцу (проверяются знания). Фактически с данной моделью связана и реализуется технология не поискового образования, а заучивания знаний и действий по образцу. Исследовательский компонент из подготовки по большому счету исключен. Развитие интеллекта ограничивается наполнением учебным материалом и поиском наиболее эффективных способов заучивания. Логика взаимодействия носит относительно примитивный характер: рассказать – показать – потребовать – организовать стимулирование – проконтролировать в двухмерном измерении.

Поисковая модель структурно делится на две части: базовую (фундаментальные знания и умения в предметной области учебной дисциплины), на которую отводится 40–50 % времени, и креативно-профессиональную (формирование нестандартных подходов к решению профессиональных задач), на которую отводится 50–60 % времени. Традиционными методами поискового обучения выступают кейсовые и игровые, а также исследовательские технологии, которые формируют и развивают другие качества и отношения личности курсанта.

Условием результативной реализации поисковой модели в образовательном

процессе военной академии (института) Росгвардии выступает мотивационная и компетентностная готовность учебного отдела, преподавателей и командиров курсантских подразделений к реализации в образовательном процессе креативно-профессиональной составляющей и «перестроению» образовательного процесса.

Очевидно, что и результативность воспитания, и его действенность должны соотноситься с продуктивностью (с измерением всего комплекса ресурсных затрат: время, финансы, информация, материально-технические, административные, научно-методические, нормативно-правовые и другие издержки). Руководство военной академией (институтом) Росгвардии должно видеть реальную картину затрат, связанную с подготовкой управленческих, командных и педагогических кадров, реорганизацией образовательной среды, наполнением образовательного процесса учебными и методическими материалами, нормативным обеспечением подготовки будущих офицеров на новой теоретико-методологической основе и др.

Еще один критерий «ценность результатов» должен помочь понять и подтвердить правильность ориентационно-смысловой направленности применяемой технологии и значимость результата для служебно-боевой практики, управленческой, педагогической и других видов деятельности будущего выпускника. Необходимо сравнить применяемую технологию и полученные результаты с системой основных профессиональных ценностей, регулирующих жизнедеятельность личного состава войск национальной гвардии и курсантов. Следовательно, при оценке эффективности воспитания в военной академии (институте) Росгвардии следует в полной мере учитывать, реализуются ли профессионально-этические, государственнопатриотические, правовые и другие ценности. Ценностно-аксиологический подход к организации процесса воспитания говорит о том, что объектом изучения выступает образовательная среда, наполненная этими ценностями. Ценностно-аксиологический подход ставит в центр среды личность курсанта и культуросообразные способы деятельности и общения преподавателя и командира, возвышающие его до этих ценностей. Курсант не является средством в достижении педагогических целей; педагогическое самоопределение и проявление педагога — в творческой самореализации

и развитии курсанта. Поэтому для обеспечения эффективности воспитательного процесса следует определить, является ли курсант, его развитие главной целью образовательного процесса и педагогической деятельности в военной академии (институте) Росгвардии.

При оценке эффективности воспитания следует учитывать, что критерий «ценность результата» занимает центральное место среди других критериев и существенно влияет на решение всей задачи определения эффективности образовательного процесса.

Стратегия оценивания должна включать качественные и количественные показатели, привлечение экспертов для анализа сверхсложных моментов, быть ориентированной на личности выпускника, педагога и командира курсантского подразделения, которые самореализуются в деятельности и через взаимодействие, исходить из принципа развития системы воспитания.

Диагностику качества результата (профессиональной надежности выпускника) необходимо осуществлять посредством:

- анализа отзыва на выпускников;
- оценивания выпускника его непосредственными командирами;
- оценивания выпускника преподавателями;
- самооценки.

Диагностику качества воспитательного процесса следует осуществлять посредством:

- изучения документов, регламентирующих организацию воспитательного процесса;
- приема зачетов у командиров курсантских подразделений и преподавателей;
- самооценки командиров курсантских подразделений и преподавателей;
- проведения индивидуальных диагностических бесед с командирами курсантских подразделений и преподавателями;
- наблюдения за деятельностью командиров курсантских подразделений и преподавателей по реализации воспитательного потенциала занятий, самостоятельной подготовки, проводимых мероприятий и различных сфер жизнедеятельности курсантов;
- анализа результатов воспитательной деятельности командиров курсантских подразделений и преподавателей;
- обобщенной экспертной оценки педагогического мастерства командиров курсантских подразделений и преподавателей;

изучения уровня единства и согласованности действий командиров курсантских подразделений и преподавателей;

исследования воспитательной среды жизнедеятельности курсантов.

Одной из основных проблем в оценке системы воспитания профессиональной надежности курсантов военных образовательных организаций высшего образования выступает проблема объективности. Объективность оценки системы воспитания зависит от валидности инструментария и правильного выбора стратегии оценивания. Появление проблемы, как правило, связано с тем, что офицеров, выполняющих педагогические функции, начинают сравнивать между собой и «отстающих» наказывать. В результате появляются, с одной стороны, надуманные воспитательные мероприятия, показывающие, якобы, большой объем работы и приукрашивание итогов воспитания, с другой стороны, надуманные методы диагностики и оценки, связанные с попыткой увидеть «истинную картину».

В этой связи есть повод задуматься над тем, надо ли проводить сравнительные оценки людей, организаций? Нужно ли наказывать офицеров, у которых не получается организовать процесс воспитания?

Изучение образовательной практики в подразделениях курсантов образовательных организаций высшего образования Росгвардии свидетельствует, что рост качества воспитательного процесса сопровождается в том случае, если:

поощрять за усердие и успехи, но не наказывать, а учить тех, у кого не получилось еще стать мастером в области организации воспитательного процесса;

из-за своеобразия каждого подразделения не проводить рейтинговые оценки;

не оставлять нерешенными проблемы в области организации процесса воспитания профессиональной надежности курсантов;

не обвинять за появление данных проблем офицеров, стремящихся добиться роста результатов воспитания курсантов;

привлекать к совместной проработке проблем воспитания всех участников воспитательного процесса, отвечающих за его результаты на разных уровнях управления военной образовательной организацией высшего образования;

разрабатывать (корректировать, уточнять) на каждом этапе развития курсантов совместно с ними индивидуальные маршруты становления и развития;

обеспечивать согласование целевых установок, технологий воспитательного процесса на всех уровнях управления военной образовательной организацией высшего образования (в том числе с курсантами), а также методику его оценки.

Какие ошибки чаще всего встречаются при осуществлении оценивания качества функционирования системы воспитания профессиональной надежности будущих офицеров?

1. Стремление увеличивать количество воспитательных мероприятий, совещаний, согласований и других организационных форм работы, фактически не позволяя сосредоточиться, распыляя силы, нанося ущерб качеству и оставляя без ответа вопрос: действительно ли все это способствует повышению эффективности воспитания курсантов?

2. Сосредоточение внимания на оценке планов и сопутствующих выполнению планов документов, а не на самой воспитательной работе. То есть, оценка реального качества воспитательного процесса подменяется изучением количества проведенных мероприятий и мастерства ответственного лица в составлении планов и отчетов.

3. Оценка качества системы воспитания осуществляется по «достижениям» в виде полученных призов, грамот, распределения мест, участия курсантов во всевозможных конкурсах и других творческо-представительских мероприятиях, а не по личностным изменениям в курсантах. Эффективность воспитания подменяется эффективностью деятельности некоторой части курсантов. Возникает вопрос: действительно ли участие курсантов в этих мероприятиях приносит реальные, а не сомнительные результаты?

4. Не вполне понятно, что должно быть оценено, если цели воспитания сформулированы расплывчато, неконкретно. Тогда все мероприятия остаются без «привязки к цели», проводятся ради проведения и искусственно «притягиваются» к решению какой-то воспитательной задачи. Ответить на вопрос: достигнута ли цель воспитательного процесса (?) никто не может.

5. К оценке личностно-профессионального развития всех курсантов командиры и преподаватели часто пытаются подойти с одной и той же меркой, несмотря на существенные индивидуальные различия и условия их формирования и развития. Для некоторых курсантов значительным прогрессом может быть то, за что

другого курсанта следует критиковать. Курсанты поступили в военную академию (институт) из разных регионов и школ, с разным уровнем общеобразовательной подготовленности. В таком случае можно ли курсантов сравнивать между собой или их следует сравнивать с тем, какими они были на разных этапах своего личностно-профессионального развития?

На основе каких принципов следует проектировать систему оценивания воспитания у курсантов военной образовательной организацией высшего образования Росгвардии профессиональной надежности?

1) Принцип стимулирующего влияния оценки на рост качества функционирования системы воспитания в подразделении курсантов. Оценка качества должна помочь выявить существующие проблемы, причины их появления и нацелить педагогический коллектив военной образовательной организации высшего образования Росгвардии на их устранение.

2) Принцип максимальной объективации оценивания системы воспитания. Он реализуется посредством, прежде всего, научного обоснования программы оценивания и комплексного использования исследовательского инструментария.

3) Принцип приоритетности в оценке качества воспитательного процесса внутреннего оценивания перед внешним. Бесспорно, военная образовательная организация высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации (курсантское подразделение организации в лице рота-батальон/факультет) лучше внешних субъектов знает о своих успехах и недостатках. Вместе с тем, она может скрывать эти недостатки. В связи с этим субъектам управления, выступающим внешними по отношению к образовательной организации Росгвардии (курсантскому подразделению), необходимо сосредоточиться на том, чтобы стимулировать образовательную организацию (ее подразделения) к раскрытию полной картины ситуации. Внешняя оценка должна дополнять внутреннюю.

4) Принцип сосредоточения внимания при оценивании на основных компонентах и закономерных связях между ними в системе воспитания профессиональной надежности у курсантов.

5) Принцип привлечения к оцениванию системы воспитания профессиональной надежности у курсантов мотивационно и профессионально готовых к решению данной задачи экспертов.

Таблица 1 – Качественно-количественная оценка системы воспитания профессиональной надежности курсантов военной академии (института) Росгвардии

Table 1 – Qualitative and quantitative assessment of the system of education of professional reliability of cadets of the Military Academy (Institute) of the Russian Guard

Компоненты системы	Признаки (критерии) высокого качества	Балльно-уровневые показатели
Целевой	1. Обоснованность, детальная проработанность, диагностическая представленность модели качества «профессиональная надежность» на разных отрезках образовательного маршрута курсанта, в разных областях его деятельности, в каждой учебной дисциплине. 2. Четкое понимание каждым отвечающим за свой аспект процесса воспитания должностным лицом смысла и структуры качества «профессиональная надежность». 3. Детальное понимание каждым отвечающим за свой аспект процесса воспитания должностным лицом уровня сформированности качества «профессиональная надежность» у каждого курсанта и влияющих на него факторов на разных отрезках образовательного маршрута, в разных областях его деятельности, в каждой учебной дисциплине.	Уровни: Высокий – 5 Средний – 4 Критический – 3 Неудовлетворительный – 2 Определяются на основе оценивания каждого признака

	4. Разработанная, обсужденная и осознанная каждым отвечающим за свой аспект процесса воспитания должностным лицом система курсантоцентрированных воспитательных задач, сформулированных на основе несовпадения нормативной модели качества «профессиональная надежность» и реального уровня сформированности качества у каждого курсанта. 5. Разработанная, обсужденная и осознанная каждым отвечающим за свой аспект процесса воспитания должностным лицом стратегия воспитания каждого курсанта.	
Ценностно-информационный	1. Степень наполненности пространства жизнедеятельности курсанта личностно значимым, профессионально ценностным содержанием. 2. Комплекс мотивационно-смысловых и интеллектуальных процессов при принятии решений, проявлении волевых усилий, эмоционально-чувственных переживания поступков, которые выступают рефлексивно-ценностным содержанием формируемого качества.	Уровни: Высокий – 5 Средний – 4 Критический – 3 Неудовлетворительный – 2
Технологический	1. Целесообразность и полнота используемых методов, форм, средств, технологии воспитания. 2. Соответствие характера взаимоотношений между воспитателями и воспитуемыми сложившейся воспитательной ситуации.	Уровни: Высокий – 5 Средний – 4 Критический – 3 Неудовлетворительный – 2
Личностно-субъектный	1. Уровень педагогической культуры командиров и преподавателей. 2. Уровень включенности курсанта в деятельность по саморазвитию качества «профессиональная надежность»	Уровни: Высокий – 5 Средний – 4 Критический – 3 Неудовлетворительный – 2
Организационный	1. Нормативное регулирование воспитательного процесса. 2. Принципы, методы, средства организации системы воспитания. 3. Организаторская деятельность. 4. Полнота использованных возможностей	Уровни: Высокий – 5 Средний – 4 Критический – 3 Неудовлетворительный – 2
Результативный	Результат функционирования системы воспитания: 1. Комплексный: сформированность целостного качества «профессиональная надежность курсанта как субъекта деятельности, личности и индивидуальности». 2. Ограниченный: достижение отдельных фрагментарных итогов (элементов, групп элементов качества «профессиональная надежность»)	Уровни: Высокий – 5 Средний – 4 Критический – 3 Неудовлетворительный – 2
ОБЩАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ		Уровни: Высокий – 5 Средний – 4 Критический

Выводы

Актуальность рассматриваемой темы определяется ее значимостью для проектирования инновационных систем воспитания в военной академии (институте) Росгвардии и повышения эффективности воспитательного процесса. Использование качественно-количественной оценки системы воспитания курсантов позволяет определить успехи, достоинства, слабые места, наметить перспективы совершенствования систем воспитания в военной академии (институте) Росгвардии.

В модель оценивания системы воспитания профессиональной надежности у курсантов, разработанную на основе перечисленных принципов, целесообразно включить три направления:

оценивание качества процесса воспитания и влияющих на него внутрисистемных факторов,

оценивание качества результата функционирования воспитательной системы (уровень сформированности качества «профессиональная надежность»),

оценивание качества управления системой воспитания в подразделении курсантов (учебный взвод – рота – батальон/факультет).

Оценивание системы воспитания должно носить аналитико-синтетический, проблемно-ориентированный характер и не подменяться отчетом о проделанной работе. Входить в число экспертов и осуществлять процедуру оценивания системы воспитания профессиональной надежности у курсантов должны субъекты образовательной организации всех уровней управления, а также сами курсанты.

Перспективы развития исследований в области оценивания систем воспитания в военной академии (институте) Росгвардии и эффективности воспитательного процесса расположены в проблематике педагогического целеполагания, педагогической культуры преподавателей и командиров курсантских подразделений и педагогической квалиметрии.

Список источников

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М. : Политиздат, 1985. 263 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2019. 288 с.
3. Аминов Н. А. О критериях оценки эффективности развития школы / Н. А. Аминов, Н. А. Яновская // Психологическая наука и образование. 1998. № 3–4. С. 47–59.
4. Ананьин Г. Е. Развитие системного подхода в теории воспитания: монография / под ред. Л. В. Байбородовой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. 198 с.
5. Бодров В. А. Психология и надежность: человек в системах управления техникой / В. А. Бодров, В. Я. Орлов. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. 288 с.
6. Бондаревская, Е. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания / Е. В. Бондаревская, С. В. Кульневич. М. ; Ростов н/Д, 1999. 560 с.
7. Бороненко Т. А. Полипарадигмальность как гармоничное сочетание образовательных моделей современной педагогики Росгвардии / Т. А. Бороненко, А. П. Шарухин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2024. № 2. С. 107–117.
8. Боротко Н. М. Пространство воспитания: образ бытия: монография / Науч. ред. Н. К. Сергеев. Волгоград: Перемена, 2000. 225 с.
9. Булатова Е. Г. О квалиметрическом подходе в педагогических исследованиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12-2. С. 59–63.
10. Григорьев Д. В. Создание воспитательного пространства: событийный подход // Современные гуманитарные подходы к теории и практике воспитания: сб. науч. статей. Пермь, 2001. 115 с.
11. Драгомиров М. И. Избранные труды. М. : Воениздат, 1956. 690 с.
12. Еремина О. Ю. Эффективность деятельности образовательной организации: критерии, показатели, прогнозы // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 73–85.
13. Загвязинский В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. И. Загвязинский, Р. Атаханов. М. : Academia, 2005. 208 с.

14. Зборовский Г. Е. Эффективность образования и ее критерии / Г. Е. Зборовский, А. К. Токман // Актуальные вопросы развития образования, техники и общества: межвузовский сборник аспирантских и студенческих работ. Вып. 8. Екатеринбург, 1999. С. 80–84.
15. Иванова Е. М. Профессиональная диагностика с позиций субъектно-деятельностного подхода // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / под ред. В. А. Бодрова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 193–208.
16. Корнетов Г. Б. Что такое эффективность образования // Школьные технологии. 2020. № 4. С. 14–28.
17. Макаренко А. С. Методика организации воспитательного процесса: Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М. : Педагогика, 1985. Т. 5. 336 с.
18. Миронова М. В. Квалиметрический подход к разработке педагогического мониторинга в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Миронова Марина Владимировна. Ижевск, 1998. 22 с.
19. Неустроева А. П. Критерии качества образования в общеобразовательных учреждениях // Проблемы науки. 2019. № 1 (37). С. 93–94.
20. Педагогический поиск / сост. И. Н. Баженова. 3-е изд. М. : Просвещение, 1989. 560 с.
21. Пуденко Т. И. О качестве, эффективности и эффективном контракте в общем образовании // Управление качеством образования: теория и практика. 2014. № 1 (13). С. 46.
22. Саксонова Е. Л., Трунова И. В. Эффективность образования // Педагогический вестник. 1999. № 3–4. С. 99–106.
23. Самохвалова А. Г. Критерии и методика оценки актуального состояния системы воспитания в образовательной организации / А. Г. Самохвалова, Е. В. Тихомирова, А. Г. Кирпичник // Вестник Костромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 5. С. 8–13.
24. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Утюганов Алексей Анатольевич. Кемерово, 2019. 50 с.
25. Черемных А. В. Генезис процедур оценивания образовательной деятельности в России / А. В. Черемных, О. М. Железнякова // Символ науки. 2016. № 1. С. 211–217.
26. Шадриков В. Д. Педагогическое оценивание: учебное пособие / В. Д. Шадриков, И. А. Шадрикова. М. : Университетская книга, РИД РосНОУ, 2018. 156 с.
27. Шамова Т. И. Воспитательная система школы: сущность, содержание, управление / Т. И. Шамова, Г. Н. Шибанова. М. : ЦГЛ, 2003. 200 с.
28. Шарухина Т. Г. Педагогическое моделирование: основные правила // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2017. № 1. С. 58–59.

References

1. Aver'yanov A. N. Sistemnoe poznanie mira: Metodologicheskie problemy. M. : Politizdat, 1985. 263 s. (In Russ.).
2. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. SPb. : Piter, 2019. 288 s. (In Russ.).
3. Aminov N. A. On the criteria for evaluating the effectiveness of school development / N. A. Aminov, N. A. Yanovskaya // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 1998;3–4: 47–59. (In Russ.).
4. Anan'in G. E. Razvitie sistemnogo podhoda v teorii vospitaniya: monografiya / pod red. L. V. Bajborodovoj. YAnoslavl': Izd-vo YAGPU, 2011. 198 s. (In Russ.).
5. Bodrov V. A. Psihologiya i nadezhnost': chelovek v sistemah upravleniya tekhnikoj / V. A. Bodrov, V. YA. Orlov. M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 1998. 288 s. (In Russ.).
6. Bondarevskaya, E. V. Pedagogika: lichnost' v gumanisticheskikh teoriyah i sistemah vospitaniya / E. V. Bondarevskaya, S. V. Kul'nevich. M. ; Rostov n/D, 1999. 560 s. (In Russ.).
7. Boronenko T. A. Polyparadigmality as a harmonious combination of educational models in modern pedagogy / T. A. Boronenko, A. P. SHaruhin // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2024;2: 107–117. (In Russ.).
8. Borytko N. M. Prostranstvo vospitaniya: obraz bytiya: monografiya / Nauch. red. N. K. Sergeev. Volgograd: Peremena, 2000. 225 s. (In Russ.).
9. Bulatova E. G. On the Qualimetric Approach in Pedagogical Research // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2017;12-2: 59–63. (In Russ.).
10. Grigor'ev D. V. Sozdanie vospitatel'nogo prostranstva: sobytijnyj podhod // Sovremennye gumanitarnye podhody k teorii i praktike vospitaniya: sb. nauch. statej. Perm', 2001. 115 s. (In Russ.).
11. Dragomirov M. I. Izbrannye trudy. M. : Voenizdat, 1956. 690 s. (In Russ.).

12. Eremina O. YU. The effectiveness of an educational organization: criteria, indicators, and forecasts // Zhurnal Rossijskogo prava. 2015;10: 73–85. (In Russ.).
13. Zagvyazinskij V. I. Metodologiya i metody psihologo-pedagogicheskogo issledovaniya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij / V. I. Zagvyazinskij, R. Atahanov. M. : Academia, 2005. 208 s. (In Russ.).
14. Zborovskij G. E. Effektivnost' obrazovaniya i ee kriterii / G. E. Zborovskij, A. K. Tokman // Aktual'nye voprosy razvitiya obrazovaniya, tekhniki i obshchestva: mezhvuzovskij sbornik aspirantskih i studencheskih rabot. Vyp. 8. Ekaterinburg, 1999. S. 80–84. (In Russ.).
15. Ivanova E. M. Professional'naya diagnostika s pozicij sub"ektno-deyatelnostnogo podhoda // Professional'naya prigodnost': sub"ektno-deyatelnostnyj podhod / pod red. V. A. Bodrova. M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2004. S. 193–208. (In Russ.).
16. Kornetov G. B. What is the effectiveness of education? // Shkol'nye tekhnologii. 2020;4: 14–28. (In Russ.).
17. Makarenko A. S. Metodika organizacii vospitatel'nogo processa: Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. / sost.: L. YU. Gordin, A. A. Frolov. M. : Pedagogika, 1985. T. 5. 336 s. (In Russ.).
18. Mironova M. V. Kvalimetriceskij podhod k razrabotke pedagogicheskogo monitoringa v vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Mironova Marina Vladimirovna. Izhevsk, 1998. 22 s. (In Russ.).
19. Neustroeva A. P. Criteria for the quality of education in general education institutions // Problemy nauki. 2019;1 (37): 93–94. (In Russ.).
20. Pedagogicheskij poisk / sost. I. N. Bazhenova. 3-e izd. M. : Prosveshchenie, 1989. 560 s. (In Russ.).
21. Pudenko T. I. About quality, efficiency, and an effective contract in general education // Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika. 2014;1 (13): 46. (In Russ.).
22. Saksonova E. L. The effectiveness of education / E. L. Saksonova, I. V. Trunova // Pedagogicheskij vestnik. 1999;3–4: 99–106. (In Russ.).
23. Samohvalova A. G. Criteria and methodology for assessing the current state of the education system in an educational organization / A. G. Samohvalova, E. V. Tihomirova, A. G. Kirpichnik // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2017;5: 8–13. (In Russ.).
24. Utyuganov A. A. Sistema cennostno-smyslovyyh orientacij kursantov vuzov nacional'noj gvardii: fenomenologiya i psihologo-pedagogicheskie determinanty formirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk: 19.00.07 / Utyuganov Aleksej Anatol'evich. Kemerovo, 2019. 50 s. (In Russ.).
25. ChHeremnyh A. V. Genesis of Educational Assessment Procedures in Russia / A. V. ChHeremnyh, O. M. ZHeleznyakova // Simvol nauki. 2016;1: 211–217. (In Russ.).
26. SHadrikov V. D. Pedagogicheskoe ocenivanie: uchebnoe posobie / V. D. SHadrikov, I. A. SHadrikova. M. : Universitetskaya kniga, RID RosNOU, 2018. 156 s. (In Russ.).
27. SHamova T. I. Vospitatel'naya sistema shkoly: sushchnost', sodержanie, upravlenie / T. I. SHamova, G. N. SHibanova. M. : CGL, 2003. 200 s. (In Russ.).
28. SHaruhina T. G. Pedagogical modeling: basic rules // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2017;1: 58–59. (In Russ.).

Информация об авторе

А. П. Шарухин – доктор педагогических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 04.08.2024;
одобрена после рецензирования 14.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

A. P. Sharukhin – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

The article was submitted 04.08.2024;
approved after reviewing 14.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 378.146:378.147

УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРСАНТА ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ (ИНСТИТУТА) РОСГВАРДИИ КАК ОБЪЕКТ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Татьяна Геннадьевна Шарухина

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

tgsha2006@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5169-3044>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса об учебной деятельности курсантов военной академии (института) Росгвардии. Актуальность статьи обусловлена необходимостью повышения качества и результативности учебы будущих офицеров. Цель статьи заключается в раскрытии сущности и функционального состава учебной деятельности курсантов как объекта педагогического управления. Раскрываются методологические подходы к анализу учебной деятельности курсантов как объекта педагогического управления. Большое внимание уделяется описанию функций учебной деятельности и условий ее результативности. Формулируются правила осуществления педагогических действий преподавателями. Делаются выводы и приводятся рекомендации для преподавателей.

Ключевые слова: курсанты военной образовательной организации Росгвардии, учебная деятельность, педагогическое управление, теоретико-методологические основания

Для цитирования: Шарухина Т.Г. Учебная деятельность курсанта военной академии (института) Росгвардии как объект педагогического управления: теоретико-методологический аспект // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 361–371. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/035.pdf>.

Original article

CADET'S EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE ROSGVARDIYA MILITARY ACADEMY (INSTITUTE) AS AN
OBJECT OF PEDAGOGICAL MANAGEMENT: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Tatiana G. Sharukhina

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

tgsha2006@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5169-3044>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of the educational activities of cadets of the Rosgvardiya Military Academy (Institute). The relevance of the article is due to the need to improve the quality and effectiveness of future officers' studies. The purpose of the article is to reveal the essence and functional composition of the cadets' educational activities as an object of pedagogical management. Methodological approaches to the analysis of cadets' educational activities as an object of pedagogical management are revealed. The rules for the implementation of pedagogical actions by teachers are formulated. Conclusions are drawn and recommendations for teachers are given.

Keywords: cadets of the Rosgvardiya military educational organization, educational activities, pedagogical management, theoretical and methodological foundations

For citation: Sharukhina T.G. Cadet's educational activity of the Rosgvardiya military academy (institute) as an object of pedagogical management: theoretical and methodological aspect. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 361–371. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/035.pdf>.

© Шарухина Т.Г., 2025

Введение в проблему

Высшее военное образование в войсках национальной гвардии Российской Федерации переживает существенные преобразования, направленные на повышение качества образовательного

процесса, обеспечение разностороннего развития курсантов одновременно с углублением профессионализации их подготовки. Преобразования сопровождаются поиском теоретико-методологических оснований построения

инновационных систем обучения и воспитания курсантов [5]. Исходной точкой педагогических проектирования новаций в области организации образовательного процесса и управления учебной деятельностью курсантов выступает взгляд на природу человека и его деятельности. Для этого анализируются прежде всего наиболее известные в мировой философской и психолого-педагогической литературе подходы к объяснению сущности и бытия человека.

Науке давно известно, что человек представляет собой сложную живую систему, в которой сочетаются духовные и физические аспекты, а также природные и социальные факторы. Это единство делает его продуктом и субъектом общественно-исторической деятельности и культуры [24]. Поэтому и подход к организации образовательного процесса и управлению учебной деятельностью курсантов должен учитывать эти моменты.

Педагогику высшей военной школы войск национальной гвардии Российской Федерации не может устроить подход, в котором личность сводится к индивиду, внимание акцентируется на биосоматических аспектах человека, его реакция на внешние стимулы и игнорируется социальный аспект [17]. Он не позволяет объяснить собственно «человеческое» поведение, связанное с социальными и духовными запросами.

Невозможно объяснить многие факты осознанного, а порой и героического, жертвенного поведения и с помощью подхода, в основе которого лежит бессознательное [19]. Несмотря на то, что идея бессознательного регулирования поведения человека выглядела не только когда-то революционной, но и в настоящее время оказывает существенное влияние на проектирование психологических моделей поведения человека, она не может выступать системообразующей теоретико-методологической основой моделирования педагогического идеала военнослужащего как базы обоснования педагогических целей. Мы знаем, что курсант сознательно избирает свой жизненный путь служения Отечеству. Поэтому правильнее ее рассматривать в виде некоей «операционной системы», обеспечивающей функционирование психики. Наиболее критикуемой в ней выступает идея объяснения мотивов как реализации полового инстинкта. Он важен, но не он главный в управлении

профессиональным поведением курсанта.

«Переходной» теорией к гармоничному сочетанию действия природно-биологических и социальных факторов являются взгляды Э. Фромма [20]. Выступая с позиций гуманистической психологии, он выделяет непродуктивные и продуктивные типы характеров, на которые следует обратить внимание при разработке моделей управления учебной деятельностью курсантов. В то же время природу человека он выводит из биологических и психологических свойств, влечений, которые «разворачиваются» в его деятельном существовании и освоении мира. Но, в отличие от Фрейда, Э. Фромм признает факт влияния на человеческую природу специфических условий жизнедеятельности, их социальное содержание.

Позитивное ядро присутствует и в персоналистическом подходе [18]. Этот подход акцентирует внимание на автономности личности и ее уникальности. Он рассматривает личность как результат внутренней свободы и самовыражения, что находит свое выражение в экзистенциализме. Однако в своей крайней форме персонализм приходит к утверждению, что окружающая действительность создает сплошные препятствия на пути реализации внутренней свободы и самовыражения, приводит к «неподлинности» существования, «отчуждению» личности от самой себя. В результате перед человеком открываются два пути: либо путь анархии, бунтарства, либо путь пассивной адаптации и полного подчинения условиям, что подчеркивает его «бессмысленность». В данном подходе фактически отрицается идея самовыражения как добровольно принятого долга, требующего одновременно и подчинения, и проявления инициативы, самореализации.

Марксизм рассматривает личность как продукт социальных отношений и статусно-ролевого поведения, формируемого социальными ожиданиями [14]. Формирование личности трудящихся в эксплуататорских обществах носит односторонний характер, так как личность рабочего «отчуждена» от средств производства и является рабочей силой, товаром. Полноценное, разностороннее образование получают только те, кто выступает владельцами средств производства. В коммунистических

обществах личность трудящегося ставится в центр образовательного процесса, целью которого выступает всестороннее и гармоничное воспитание человека. Однако, при этом полноценное право на существование имеет только светское содержание духовности и ограничивается или даже отрицается религиозный аспект духовности человека.

Учитывая разнообразие подходов и сложность понятия «личность», необходимо продолжать исследование этого термина в контексте образовательного процесса в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии для более точного определения его значения и применения в разработке моделей управления учебной деятельностью обучающихся.

В статье для решения данной задачи в качестве методологической была избрана концепция Б. Г. Ананьева [3], как наиболее плодотворная в плане целеопределения в образовательном процессе и, следовательно, в проектировании моделей учебной деятельности курсантов. Еще раз вернемся к начальному постулату, от которого следует вести отчет: человек представляет собой сложную живую систему, в которой гармонично сочетаются духовные и физические аспекты, а также природные и социальные факторы. Это единство делает его продуктом и субъектом общественно-исторической деятельности и культуры.

При рождении человек выступает индивидом, наследуя генетическую информацию, которая определяет его биологические свойства, интегрирующиеся в темпераменте и задатках. И темперамент, и задатки являются предпосылками становления курсанта как субъекта деятельности и приобретения им личностных свойств. Социальная составляющая курсанта проявляется в его взаимодействии с природным, социальным и внутренним мирами [16].

Взаимодействие с природным и социальным мирами способствует становлению человека как субъекта деятельности. Курсант, включенный в образовательный процесс в овладение военно-социальным опытом, охватывающим взаимодействие с природным и социальным мирами, овладевает новыми видами и способами деятельности. Чем в большей степени обобщаются психические деятельности

курсанта в процессе освоения нового материала, управляющие его реальной деятельностью, тем в большей степени развиваются его способности, тем в большей степени он становится полноценным носителем (субъектом) учебно-профессиональной деятельности [22]. Развитие способностей в учебно-профессиональной деятельности курсанта является условием роста профессионального мастерства будущего офицера.

Осуществляя учебно-профессиональную деятельность, будущий офицер развивается и в личностном плане. Занимая ячейку общества в статусе «курсант», будущий офицер начинает понимать значение мастерского владения деятельностью для выполнения ролевых функций, ее ценность, необходимость добросовестного отношения к учебе. Его учебно-профессиональная деятельность, выраженная как отношение к обществу, показывает, какая перед нами личность [23]. Это отношение выражено через роли, которые курсант выполняет как субъект деятельности (обучающийся, друг, подчиненный и др.). В выполнении ролей проявляются ценности, убеждения, взгляды и другие собственно личностные структурные компоненты, которые одновременно с их проявлением образуются, уточняются, заменяются, т.е. происходит становление личности будущего офицера. Как только нормы и ценности входят во внутренний мир курсанта, принимаются им и он становится способным самостоятельно объективно и целостно оценивать свое поведение и поведение других с профессиональной точки зрения, планировать свое поведение во благо общества и государства, можно говорить, что перед нами сформировалась самостоятельная, социально зрелая личность. Курсант превратился из объекта социальных отношений, осваивающего установленные в профессиональном сообществе нормы и ценности под его контролем, в их субъект, вносящий вклад в совершенствование данных отношений, их изменение [25].

Взаимодействия с внутренним миром показывают, что он воспринимается не через утилитарную полезность и прагматизм (как это происходит с природным миром), не через оценку нормативной (прежде всего, нравственно-

правовой) правильности взаимоотношений (как это происходит с социальным миром), а через личностные смыслы, переживания, творчество, самовыражение, когда взаимодействия с другими мирами приобретают для курсанта свойство «события», оставляя в душе свой след, а жизнь становится событийной [26]. На первое место во взаимоотношениях и взаимодействиях выходит искренность, правдивость, открытость, прежде всего перед самим собой и затем перед другими [27].

Учитывая сказанное, цель статьи состоит в том, чтобы осмыслить сложившееся противоречие между возрастающими потребностями служебно-боевой практики войск и образовательного процесса в военной академии (институте) Росгвардии в качественной и результативной учебной деятельности курсантов и в значительной степени ее несоответствии данным потребностям, а также разработать модель требуемой деятельности с позиции педагогического управления. В основу разработки модели учебной деятельности положен функционально-управленческий подход, который разработан на основе идеи о едином компонентно-структурном и функциональном составе самоуправленческих систем [28].

Методология и методы исследования

В процессе решения научной задачи осуществлялся методологический анализ существующего противоречия, применялось теоретическое моделирование учебной деятельности с возможностью осуществления прогностической оценки проектирования и реализации взаимосвязанного с данной моделью результативного педагогического управления. Использовались: сравнительный анализ научной литературы, обобщение, теоретическое моделирование, педагогическое проектирование.

Результаты

Теоретико-методологический анализ учебной деятельности курсанта свидетельствует, что она выступает: как сложное явление, смоделированное на основе одной из научных точек зрения; как образование логико-гносеологического характера, отражающее возможности и способы ее совершенствования.

Учебная деятельность курсанта направлена на объекты внешнего мира, как носители нужной ему информации, с целью ее освоения и усвоения и, тем

самым, приобретения необходимого профессионального опыта. Начинается учебная деятельность с возникновения потребности в жизненно важной информации и, соответственно, в учебной деятельности [2]. Диагностика и актуализация учебно-познавательной потребности выступает одной из наиболее важных задач профессорско-преподавательского состава и командиров курсантских подразделений. Решаться она должна их согласованными действиями. Разъяснение, постановка задач, личный пример, стимулирование и контроль должны быть отнесены к основным методам учебно-воспитательного влияния на курсантов в процессе ее решения [1].

Осознание познавательной потребности, понимание того, как ее можно реально удовлетворить превращает потребность в мотив, который, как правило, у курсантов включает не только личностно важное, но и общественно значимое содержание [11]. Вместе с тем иногда встречаются случаи, когда учебная деятельность воспринимается только как средство удовлетворения лично-семейных потребностей. Интересы общества и государства в расчет не берутся. В таких случаях, если меры ситуативного учебно-воспитательного влияния не позволяют скорректировать отношение курсанта, то его следует отчислить.

В зависимости от содержания мотива цели учебной деятельности могут отличаться и, как правило, отличаются друг от друга. Энергия, идущая от мотива, проявляется в цели (планируемом результате) либо в виде стремления получить наивысший результат, либо просто получить положительный результат, который не требует «особого напряжения» [10]. Учитывая, что от цели зависит развертывание всей программы будущих действий и их качество, становится понятной взаимосвязь мотива и цели-задач, а также значимость цели для всей учебной деятельности.

Целеопределение имеет свои инвариантные признаки. В частности, будущий результат должен быть четко представлен или образно (возможно в форме других перцептивных моделей), или вербально. Будущий результат должен быть подкреплён стремлением к нему. При этих условиях он выступает как цель [21]. Преподаватели и командиры курсантских подразделений должны понимать, что цели

из-за изменения потребностей и мотивов курсанта, а также полученного опыта могут изменяться.

Важность педагогического обеспечения успешного целеобразования в учебной деятельности не подлежит сомнению. Основные способы педагогического обеспечения расположены в консультативно-методическом поле [4]. На решении этой задачи нельзя экономить время. Она должна быть обязательно решена качественно и охватывать как стратегические цели, касающиеся всего индивидуального образовательного маршрута от момента поступления курсанта до выпуска, так и оперативные, относящиеся к изучению конкретных дисциплин, и, конечно, тактические, стоящие на каждом занятии.

При организации индивидуальной работы с курсантом по осознанию им значимости четко сформулированной цели учебной деятельности и определению конкретной цели важно, чтобы он четко представлял результат, который должен быть получен. Курсант должен понимать, где в планируемом результате присутствует теоретическое знание и какова его значимость для успешной управленческой, педагогической и других видов будущей деятельности и где присутствует практическое (инструментальное) знание (алгоритмы действий-операций в виде инструкций, рекомендаций и др.), а также какова его значимость (практическое знание при его неоднократном и точном повторении превращается сначала в умение, затем в навык) [7].

За процессом целеопределения следуют сбор и анализ информации, способствующей успешному осуществлению учебной деятельности и решению конкретных учебных задач, оценка своих сил и возможностей. Общая схема сбора и анализа информации включает в себя:

обнаружение учебной проблемы, связанной с необходимостью поиска учебной информации, и породивших ее причин;

определение возможных вариантов решения возникшей проблемы посредством обнаружения необходимой информации и достижения поставленной цели.

Роль профессорско-преподавательского состава и командиров курсантских подразделений

состоит в том, чтобы учебная деятельность курсантов была максимально обеспечена учебно-методическими материалами (учебниками, учебными пособиями, словарями, альбомами схем и другими видами учебно-методического обеспечения), а также консультативно-методической информацией [8].

Поисково-прогностическая функция после обнаружения необходимой информации предвещает принятие решения и заключается в том, что курсант анализирует каждый возможный вариант действий с точки зрения наилучшего использования ресурсов и возможностей для достижения актуальных результатов в учебной деятельности и результатов в зоне ближайшего развития [6]. Реализация поисково-прогностической функции завершается сначала разработкой общего замысла действий, который затем разворачивается в программу действий (принятие решения) и ее воплощение на занятиях и в процессе самостоятельной подготовки к ним. Формирование общего замысла действий зависит от мировоззренческой позиции курсанта, уровня развития учебной группы курсантов как коллектива, стиля управленческой деятельности командира курсантского взвода и роты.

Программа действий включает в себя: общую стратегию учебной деятельности и стратегии изучения блоков и отдельных учебных дисциплин с учетом их продолжительности и субъективной значимости; ситуативное реагирование на возникающие задачи, связанные с конкретными действиями по анализу сложившейся учебной ситуации, иерархизации возникших (поставленных) задач, распределение времени и субъектно-личностных ресурсов на их решение, разработку схем учебных действий, которые необходимо осуществить для успешного решения всего комплекса задач и др. [25].

Условием успешного воплощения в жизнь программы действий выступает организация собственных действий и особенно самоконтроля. Требования к самоконтролю формулируются, исходя из его механизма: сравнения реальной ситуации, действий, процессов с обозначенным для себя нормативом, требованиями к себе (разработанной моделью). Требования касаются разработанной модели, изучения реальной ситуации (процесса, действия,

результата) и их сравнительного анализа. При самоконтроле речь в первую очередь идет о своевременности и содержательной целостности разработки модели (образца), правил процесса и средств сравнительного анализа, охвате всех важных аспектов учебной деятельности, правильности использования процедур и объективности оценки [9]. Например, при решении учебной задачи, формулировании ответа адекватность используемой информации означает степень ее соответствия реальной ситуации, свойствам изучаемого объекта и др.

Самоконтроль выступает одним из основных рефлексивных механизмов курсантов, помогающих понять, на каком уровне учебно-профессионального развития находится в настоящее время курсант. Рефлексивный механизм имеет свои разновидности.

Идентификационно-личностный механизм рефлексивного анализа использует составляющие идентификации (отождествления курсанта с другими людьми) для анализа учебной деятельности.

Э. Фромм [20] высказал точку зрения, что человек, живущий постоянно в определенных условиях, не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Поэтому ему должны быть предъявлены образцы поведения или образы людей, на которые он мог бы равняться.

Результатом процесса идентификации выступает идентичность. Идентичность в жизнедеятельности курсантов – это психологическое образование, претерпевающее изменения на протяжении всего периода обучения и означающее, что курсант не только осваивает ценности статуса «курсант» и овладевает соответствующими ролями, но и принимает их, «встраивает» в свою мировоззренческую позицию, которой в последующем руководствуется.

В идентичности важно выделять личностную и социальную составляющие. Ценностями личностной составляющей выступают образцы офицерской чести, мужества и добросовестности, которые проецируются на жизнедеятельность курсанта. Социальная составляющая идентичности личности курсанта связана с самоотождествлением себя с лучшими служебными традициями войск национальной гвардии. Достижение уровня

развития курсанта, позволяющего сказать, что он стал носителем этих образцов и традиций выступает конечной целью образовательной деятельности.

Социально-отражательный механизм рефлексивного анализа – это осознание курсантом того факта, что в его внутреннем мире представлен другой курсант, который думает о нем, понимает и оценивает его и оценка которого ему безразлична. С этим человеком курсант ведет внутренний диалог, дискутирует с ним и понимает, что сам он тоже представлен во внутреннем мире этого другого курсанта, он безразличен ему. То есть, курсант как бы вводит другого курсанта в свой внутренний мир, делает его как бы присутствующим внутри себя в качестве кого-то, кто в свою очередь вводит своего носителя в свой внутренний мир. Безразличное отношение к тому, что думают о курсанте другие, – важный момент социально-отражательного познания.

Следовательно, чем шире круг общения, чем больше разнообразных представлений о том, как курсант, осуществляющий учебную деятельность, воспринимается другими курсантами, тем больше, в конечном счете, будущий офицер будет знать о себе.

В процессе учебной деятельности и каждого занятия курсант реализует свою программу действий. На что следует прежде всего обращать внимание преподавателю в своей управленческо-педагогической деятельности?

Управление восприятием учебной информации курсантов осуществляется для того, чтобы обеспечить ее целостное и последовательное поступление для дальнейшей интеллектуальной обработки. Основной объем информации курсант получает посредством зрения и слуха. Но, это не означает, что в методическом плане все средства и методы должны быть использованы только для активизации этих каналов информации. Чем больше органов чувств будет задействовано (при доминировании зрения и слуха), тем выше вероятность успешного освоения учебного материала.

Управление вниманием необходимо для того, чтобы курсанты не только не пропустили основное, заметили и зафиксировали главное для осмысления его во время самостоятельной работы, но и для того, чтобы увидели все поле восприятия и просканировали его для

расширения своего общего и профессионального кругозора. Развитие внимательности на занятиях выступает условием внимательного отношения к деталям своей будущей профессиональной деятельности, ее объектам в лице подчиненных, материальной базы, оружия и боевой техники, тактических знаков, сигналов, ориентиров и т.д.

Управление мышлением осуществляется прежде всего для понимания обучающимся смысла, закодированного в учебной информации, и ее структурирования для системного осознания служебно-боевой, педагогической, материально-хозяйственной реальности и на ее основе построения своей управленческой, педагогической, хозяйственно-бытовой деятельности. При осмыслении учебного материала важно: понять предназначение и природу объекта, проанализировать сущностные свойства изучаемого объекта, сгруппировать их, определить связи и тенденции развития, выявить существующие в нем противоречия, осознать, какие необходимые действия и меры необходимо осуществить и предпринять, чтобы успешно решить стоящие учебно-профессиональные задачи.

При управлении запоминанием необходимо: а) добиться «включения» как можно большего числа видов памяти за счет привлечения к освоению учебной информации как можно большего числа органов чувств и процессов (интеллектуальных, эмоциональных, двигательных и др.); б) приближать условия запоминания учебной информации к реальным, в которых будут использоваться полученные знания, умения, навыки; в) использовать различные мнемические приемы, разработанные в большом количестве современной наукой (составление и использование опорных сигналов, схематизация материала, ритмизация содержания и др.).

К предмету реализации контрольной функции относятся все компоненты познавательного процесса, но в первую очередь – исполнительные практические операции. Условием успешного выполнения контрольных функций в учебной деятельности и учебных действиях выступают развитые умения и навыки саморегуляции курсанта.

Под саморегуляцией понимается способность курсанта контролировать свои мысли, мотивацию, поведение, эмоции и самоорганизовываться для решения перспективных и текущих учебных задач. Саморегуляция включает умения самомобилизации, целеполагания, контроль за вниманием, процессом мышления, оценкой ситуации, принятием и исполнением решения. Саморегуляция выступает важным фактором успешного преодоления проблем и восприятия себя как самодостаточной личности, находящейся в определенном социальном окружении [17].

К механизмам саморегуляции относят проявление воли, сформированность параметров оптимального функционирования различных систем человека как субъекта деятельности и личности, механизм сравнения реальных показателей функциональных систем с оптимальными параметрами.

Саморегуляция обеспечивается, прежде всего, свойствами воли. Волевой компонент представляет собой резервно-регуляционный механизм в психологической структуре курсанта как субъекта деятельности и личности, который отвечает за стабильность поведения посредством преодоления сложностей, возникающих в мотивационной, компетентностной и/или эмоциональной сфере при решении учебных задач [12].

В принципе, воля нужна курсанту не тогда, когда ему понятна стоящая перед ним задача, он хорошо знает, как ее решать и уверен в своих силах (такой внутренний мир имеется, как правило, у опытных и самодостаточных курсантов), а тогда, когда присутствуют: противоречия между моральными и аморальными побуждениями (понятия «Отечество», «долг» и «честь» «стираются» в сознании, перестают выступать доминирующими побуждениями) или когда решение задачи сопровождается сильным волнением, нетерпением (тогда должна проявиться эмоционально-волевая устойчивость)

Эмоционально-волевая устойчивость одно из главных свойств будущего офицера как субъекта учебной, служебной, культурно-досуговой, внутриколлективной деятельности, которое означает, что он способен контролировать свое эмоциональное состояние в различных стрессогенных ситуациях.

Основные факторы поддержания эмоционально-волевой устойчивости:

восприятие ситуации как контролируемой с возможностью ее изменения за счет либо своего профессионального мастерства, либо своевременного использования ресурсов других участников деятельности;

накопленный профессиональный опыт, уверенность в своих способностях [13].

Регулирующий волевой эффект достигается посредством применения механизмов самоприказа или самоубеждения. Самоприказ – это непреклонное требование к самому себе. Самоубеждение связано с переоценкой мотива, уменьшением или увеличением его значения. Примером уменьшения значения объекта (посредством переоценки мотива) может служить басня И. А. Крылова «Лисица и виноград».

Успешное блокирование бессознательно-деструктивных факторов регуляции поведения осуществляется за счет высокой натренированности курсанта в области самоконтроля на основе понимания механизма их действия. Важно, чтобы курсант научился быстро осознавать следствия, которые могут наступить в результате его действий.

Анализ учебной деятельности курсантов в современной парадигме взаимодействия обучающихся и обучающихся на субъект-субъектной основе закономерно приводит к появлению вопроса: не противоречит ли субъект-субъектный принцип взаимодействия обучающихся и обучающихся принципу единоначалия? Для ответа на него следует вникнуть в суть каждого из принципов и оценить возможность их непротиворечивого согласования.

В педагогике высшего военного образования Росгвардии курсант как субъект учебной деятельности – это самостоятельное, самоорганизованное, активно-инициативное, стремящееся к достижению наивысших результатов в обучении и самообразовании, способное преодолеть свои слабости и возникающие трудности служебно-должностное лицо, принявшее присягу и стоящее в штате военно-образовательной организации. Всемерное развитие учебной субъектности курсантов выступает одной из важнейших

задач командиров курсантских подразделений и преподавателей [7; 10].

Принцип единоначалия [15] – основной принцип управления и распределения ответственности в войсках национальной гвардии. Следовательно, командир и преподаватель в процессе занятий несут личную ответственность за принимаемые педагогические решения, которые будут либо способствовать успешному развитию субъектности курсантов, либо тормозить развитие у них учебной субъектности. Таким образом, научно обоснованные, педагогически целесообразные решения командира курсантского подразделения и преподавателя не будут противоречить реализации принципа субъект-субъектного взаимодействия обучающихся и обучающихся в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Выводы

Задача разработки модели учебной деятельности курсантов, отличающейся характеристиками, связанными с их высокими достижениями, является одной из наиболее значимых теоретико-методологических задач, решение которых выступает педагогическим условием повышения качества образовательного процесса в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации.

Одним из вариантов теоретико-методологического обоснования решения задачи разработки модели учебной деятельности курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации является использование концепции Б. Г. Ананьева о развитии человека как индивида – субъекта деятельности – личности – индивидуальности, а также применение управленческо-функционального подхода к анализу учебной деятельности.

Разработанная в статье модель учебной деятельности курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации в свою очередь может выступить теоретико-методологической основой для проектирования и осуществления педагогического управления обучающимися.

Список литературы

1. Алёхин И. А. Психологические условия развития познавательной самостоятельности обучающихся на основе интерактивных дидактических технологий // Мир образования – образование в мире. 2021. № 3. С. 12–21.
2. Алмазова Н. И. Принципы реализации продуктивного подхода в профессиональном иноязычном образовании (психолого-дидактические аспекты) / Н. И. Алмазова, А. В. Рубцова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2011. № 4 (136). С. 137.
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 288 с.
4. Бордовская Н. В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: практика проектирования, анализа, применения: учебное пособие. СПб. : ООО «Книжный дом», 2008. 564 с.
5. Бороненко Т. А., Шарухин А. П. Полипарадигмальность как гармоничное сочетание образовательных моделей современной педагогики Росгвардии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2024. № 2. С. 107–117.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Под ред. В. В. Давыдова. Москва : Педагогика, 1991. 480 с.
7. Головей Л. А. Психология становления субъекта деятельности в периоды юности и взрослости: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Головей Лариса Арсеньевна. Санкт-Петербург, 1997. 526 с.
8. Гуляев В. Н. Развитие теории и практики проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе: автореф. дис... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Гуляев Владимир Николаевич. М., 2003. 49 с.
9. Евдокимов А. А. Педагогические условия развития самоконтроля курсантов вузов внутренних войск МВД России в образовательном процессе : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Евдокимов Андрей Анатольевич. СПб., 2014. 24 с.
10. Емельянова Е. А. Развитие субъектности курсантов вузов внутренних войск МВД России в процессе обучения иноязычному общению: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Емельянова Елена Александровна. СПб., 2013. 24 с.
11. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 508 с.
12. Ильин Е. П. Психология воли. Санкт-Петербург : Питер, 2009. 368 с.
13. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 752 с.
14. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — Москва : Госполитиздат, 1956. — 566 с.
15. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации [Указ Президента РФ № 1495 от 10. 11. 2007] (в ред. 2025). Москва: Эксмо, 2025. 624 с.
16. Психология: учебник / Под ред. А. А. Крылова. Москва : Проспект, 2004. 656 с.
17. Психология. Полный энциклопедический справочник / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 896 с.
18. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. Москва : Гардарики, 2004. 1072 с.
19. Фрейд З. Психология «Я» и защитные механизмы. Москва: Педагогик-Пресс, 1993. 144 с.
20. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. Г. С. Швейника. Москва : Прогресс, 1990. 269 с.
21. Хуторской А. В. Технология эвристического обучения // Школьные технологии. 1998. № 4. С. 55–75.
22. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 464 с.
23. Шадриков В. Д., Шадрикова И. А. Педагогическое оценивание : учебное пособие. Москва : Университетская книга, РИД РосНОУ, 2018. 156 с.
24. Шарухин А. П. Педагогические парадигмы образования в военных институтах Росгвардии: постановка вопроса // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 4 (218). С. 465–469.
25. Шарухин А. П. Учебная деятельность курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации: критерии оценки качества / А. П. Шарухин, А. С. Сапожников // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 10. № 11 (11). С. 53–54.

26. Шарухин А. П., Шарухина Т. Г. Педагогическое общение преподавателя: мотивационный ракурс // Современные тенденции развития гуманитарных и социально-экономических наук : Сборник трудов Международной научно-практической конференции (с очным участием). Москва, 2019. С. 395–402.

27. Шарухина Т. Г. Творческо-продуктивное иноязычное обучение курсантов военных институтов на основе профессионального дискурса // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 1 (215). С. 335–340.

28. Якунин В. А. Педагогическая психология: Учеб. пособие. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А.; Изд-во «Полиус», 1998. 639 с.

References

1. Alyohin I. A. Psychological conditions for the development of students' cognitive independence based on interactive didactic technologies // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2021;3: 12–21. (In Russ.).

2. Almazova N. I. Principles of Implementing a Productive Approach in Professional Foreign Language Education (Psychological and Didactic Aspects) / N. I. Almazova, A. V. Rubcova // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i obshchestvennye nauki». 2011;4 (136): 137. (In Russ.).

3. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. SPb. : Piter, 2002. 288 s. (In Russ.).

4. Bordovskaya N. V. Gumanitarnye tekhnologii v vuzovskoj obrazovatel'noj praktike: praktika proektirovaniya, analiza, primeneniya: uchebnoe posobie. SPb. : ООО «Knizhnyj dom», 2008. 564 s. (In Russ.).

5. Boronenko T. A. Polyparadigmality as a harmonious combination of educational models in modern pedagogy / T. A. Boronenko, A. P. SHaruhin // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2024;2: 107–117. (In Russ.).

6. Vygotskij L. S. Pedagogicheskaya psihologiya / pod red. V. V. Davydova. M. : Pedagogika, 1991. 480 s. (In Russ.).

7. Golovej JI. A. Psihologiya stanovleniya sub"ekta deyatel'nosti v periody yunosti i vzroslosti: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk: 19.00.01 / Golovej Larisa Arsen'evna. SPb., 1997. 526 s. (In Russ.).

8. Gulyaev V. N. Razvitie teorii i praktiki problemno-deyatelnostnogo obucheniya v vysshej voennoj shkole: avtoref. dis... d-ra ped. nauk: 13.00.01 / Gulyaev Vladimir Nikolaevich. M., 2003. 49 s. (In Russ.).

9. Evdokimov A. A. Pedagogicheskie usloviya razvitiya samokontrolya kursantov vuzov vnutrennih vojsk MVD Rossii v obrazovatel'nom processe: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 «Obshchaya pedagogika, istoriya pedagogiki i obrazovaniya» / Evdokimov Andrej Anatol'evich. SPb., 2014. 24 s. (In Russ.).

10. Emel'yanova E. A. Razvitie sub"ektnosti kursantov vuzov vnutrennih vojsk MVD Rossii v processe obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu: avtoref. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Emel'yanova Elena Aleksandrovna. SPb., 2013. 24 s. (In Russ.).

11. Il'in E. P. Motivaciya i motivy. SPb. : Piter, 2003. 508 s. (In Russ.).

12. Il'in E. P. Psihologiya voli. SPb. : Piter, 2009. 368 s. (In Russ.).

13. Il'in E. P. Emocii i chuvstva. SPb. : Piter, 2001. 752 s. (In Russ.).

14. Marks K. Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda // Marks K., Engel's F. Iz rannih proizvedenij. M. : Gospolitizdat, 1956. 566 s. (In Russ.).

15. Obshchevoinskie ustavy Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1495 ot 10 noyabrya 2007 g.] (v red. 2025). M. : Eksmo, 2025. 624 s. (In Russ.).

16. Psihologiya: uchebnik / pod red. A. A. Krylova. M. : Prospekt, 2004. 656 s. (In Russ.).

17. Psihologiya. Polnyj enciklopedicheskij spravochnik / sost. i obshch. red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. SPb. : Prajm-EVROZNAK, 2007. 896 s. (In Russ.).

18. Filosofiya : enciklopedicheskij slovar' / pod red. A. A. Ivina. M. : Gardariki, 2004. 1072 s. (In Russ.).

19. Frejd Z. Psihologiya «YA» i zashchitnye mekhanizmy. M. : Pedagogik-Press, 1993. 144 s. (In Russ.).

20. Fromm E. Begstvo ot svobody / Per. s angl. G. S. SHvejnika. M. : Progress, 1990. 269 s. (In Russ.).

21. Hutorskoj A. V. Technology of heuristic learning // SHkol'nye tekhnologii. 1998;4: 55–75. (In Russ.).

22. SHadrikov V. D. Psihologiya deyatel'nosti cheloveka. M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2013. 464 s. (In Russ.).

23. SHadrikov V. D., SHadrikova I. A. Pedagogicheskoe ocenivanie : uchebnoe posobie. M. : Universitetskaya kniga, RID RosNOU, 2018. 156 s. (In Russ.).

24. SHaruhin A. P. Pedagogical Paradigms of Education in Military Institutes of the National Guard: Formulating the Question // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2023;4 (218); 465–469. (In Russ.).
25. SHaruhin A. P. Educational activities of cadets of military educational institutions of higher education of the National Guard of the Russian Federation: quality assessment criteria / A. P. SHaruhin, A. S. Sapozhnikov // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk. 2017. T. 10;11 (11): 53–54. (In Russ.).
26. SHaruhin A. P. Pedagogicheskoe obshchenie prepodavatelya: motivacionnyj rakurs / A. P. SHaruhin, T. G. SHaruhina // Sovremennye tendencii razvitiya gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk: sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2019. S. 395–402. (In Russ.).
27. SHaruhina T. G. Creative and productive foreign language training for military institute cadets based on professional discourse // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. 2023;1 (215): 335–340. (In Russ.).
28. YAkunin V. A. Pedagogicheskaya psihologiya: uchebnoe posobie. SPb. : Izd-vo Mihajlova V. A.; Izd-vo «Polius», 1998. 639 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 19.08.2025;
одобрена после рецензирования 16.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the author

T. G. Шарухина – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

The article was submitted 19.08.2025;
approved after reviewing 16.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Научная статья

УДК 140

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ИТОГ ПОЛИТИКИ КОНСЕКВЕНЦИАЛИЗМА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Роман Владимирович Черепанов¹, Юлиана Айратовна Евстратова², Александра Вячеславна Лукьянова³

¹⁻³ Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ R.V.Cherepanov@yandex.ru

² yuliana130682@mail.ru

³ blacalex@yandex.ru

Аннотация. Представленное исследование посвящено влиянию консеквенциалистских принципов на формирование и реализацию внешней и внутренней политики нацистской Германии. Авторы анализируют, как стремление к достижению политических целей любыми средствами привело к масштабным преступлениям против человечества и обусловило необходимость проведения Нюрнбергского процесса. Особое внимание уделяется последствиям применения консеквенциалистского подхода в политике нацистов и его роли в формировании международного права.

Ключевые слова: консеквенциализм, Нюрнбергский процесс, нацистская Германия, преступления против человечества

Для цитирования: Черепанов Р.В., Евстратова Ю.А., Лукьянова А.В. Нюрнбергский процесс как закономерный итог политики консеквенциализма нацистской Германии // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 372–378. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/036.pdf>.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES (LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

THE NUREMBERG TRIALS AS A NATURAL RESULT OF THE CONSEQUENTIALIST POLICY OF NAZI GERMANY

Roman V. Cherepanov¹, Juliana A. Evstratova², Alexandra V. Lukyanova³

¹⁻³ Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ R.V.Cherepanov@yandex.ru

² yuliana130682@mail.ru

³ blacalex@yandex.ru

Abstract. The presented research is devoted to the influence of the consequentialist principles on the formation and implementation of the foreign and domestic policy of Nazi Germany. The authors analyze how the desire to achieve political goals by any means led to large-scale crimes against humanity and necessitated the Nuremberg Trials. Particular attention is paid to the consequences of the application of the consequentialist approach in Nazi policy and its role in the formation of international law.

Keywords: consequentialism, Nuremberg trials, Nazi Germany, crimes against humanity

For citation: Cherepanov R.V., Evstratova J.A., Lukyanova A.V. The Nuremberg trials as a natural result of the consequentialist policy of nazi Germany. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 372–378. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/036.pdf>.

© Черепанов Р.В., Евстратова Ю.А., Лукьянова А.В., 2025

Введение

В современном мире, где политические решения довольно часто сталкиваются с этическими дилеммами (границы использования искусственного интеллекта, генетическая модификация и редактирование генов, социальные сети и информационная этика и т. п.), а интенсивность развития науки выросла в разы, духовно-нравственное формирование общества не поспевает за научно-техническим прогрессом, в результате чего консеквенциалистский подход становится всё более актуальным. Однако, чтобы лучше разобраться в хитросплетениях нашего времени, необходимо обратиться к прошлому и проанализировать имеющийся опыт с намерением определить наиболее действенные принципы взаимодействий между государствами, а также те принципы, что доказали свою несостоятельность.

История государственности относительно молода и насчитывает десятки тысяч лет в сравнении существования жизни на земле. Тем не менее за это время социум смог развиваться из примитивных общинно-родовых строев до прогрессивных государств со сложными общественно-политическими устройствами. Постоянно находясь во взаимодействии с соседями, обмениваясь опытом, апробируя принципы государственного устройства, государственность росла и видоизменялась, подбирая тот формат, который подойдет конкретному социуму. В этом была заслуга философов, ученых, политиков, общественных деятелей, формировавших научно-теоретическую, а затем и практическую базу построения общества. Помимо общепринятых мировым сообществом философско-правовых принципов, таких как права человека, верховенство закона, справедливость и равенство, – существовали другие идеи и воззрения, на основе которых выстраивались общественные отношения. Одной из разновидностей таких концепций является консеквенциализм.

Основные положения

Консеквенциализм – это группа моральных теорий, где критерием нравственной оценки является результат поведения [20, С. 200–201]. Таким образом, с точки зрения консеквенциалистов, правым с моральной точки зрения является такое действие или бездействие, которое даёт хорошие результаты или последствия (включая те последствия, которые возникли в ходе достижения этих результатов).

Консеквенциализм как философско-правовое направление основывается на принципе, что моральная оценка действий должна зависеть от их последствий. В то время, как традиционные этические теории исследуют саму природу действий, консеквенциализм сосредоточен на результатах, что позволяет более гибко подходить к анализу моральных дилемм и правовых ситуаций.

В число влиятельных мыслителей в области консеквенциализма входят Джереми Бентам, Джон Стюарт Милль, Генри Сиджвик и другие научные деятели, в своих философско-правовых произведениях оформившие данное учение в русле современного понимания указанной концепции. Работа Джереми Бентама «Введение в принципы нравственной и законодательной мысли» (1789 год) заложила основы утилитаризма, где он ввел концепцию «полезности», подчеркивая важность оценки последствий действий [3;7]. В дальнейшем Джон Стюарт Милль развил идеи Бентама в своей знаменитой работе «Утилитаризм» (1863 год) [13;18]. Джон Милль акцентировал внимание на качественных аспектах счастья и ввел различие между высшими и низшими удовольствиями, что стало важным дополнением к утилитарной теории [19]. Стоит упомянуть и таких философов, как Генри Сиджвик, автор работы «Метод этики» (1907 год), в которой он анализировал и расширял утилитаристские идеи и занимался проблемами совместимости утилитаризма с другими этическими подходами [20]. Генри Сиджвик также внес вклад в развитие моральной философии, концентрируясь на том, как можно совместить требования личной морали с общественными интересами.

Данный исторический экскурс необходим для напоминания о природе происхождения концепции, ее философско-правовом значении, чтобы в дальнейшем показать характерные принципы, заимствованные нацистской Германией в государственной политике.

Стоит отметить, что схожие мысли с признаками консеквенциалистской этики приписывают видному политическому деятелю Италии Н.Макиавелли в XVI веке [10]. По всей видимости, понимание людьми сущности концепции консеквенциализма простирается глубоко в прошлое и берет свои корни при создании государственности, несмотря на ее более позднее оформление в Средние века. В политике консеквенциализм, как правило, приводит к прагма-

тичному подходу, где средства достижения целей не всегда соответствуют моральным нормам, что порой влечет трагические последствия. Ярчайшим примером применения консеквенциалистских принципов в политической практике за XX век является нацистская Германия.

Если рассматривать вышеуказанную теорию с практической точки зрения, то она демонстрирует ряд преимуществ перед политикой государства, придерживающегося ретрубутивизма, поскольку обеспечивает эффективность в принятии решений и достижении поставленных целей в кратчайшие сроки и в сложных геополитических условиях, в том числе в отдельных сферах жизнедеятельности общества, например, уголовное законодательство [2;3;9].

Однако стоит отметить, что истинные принципы консеквенциализма (полезности, максимизации блага, сравнительного анализа) [8;17] были искусно подменены нацистским руководством в угоду личных, политических и экономических целей [12].

В данном исследовании будет рассмотрен вопрос, как консеквенциализм повлиял на формирование и реализацию политики нацистской Германии, а также проанализированы последствия осуществляемой политики для международного сообщества.

Консеквенциализм в нацистской идеологии. Нацизм представлял собой радикальную идеологию, основанную на расистских и экспансионистских принципах. Наравне с расовой теорией Розенберга консеквенциализм играл в нем важную роль в формировании и реализации нацистской политики, поскольку он предполагал, что любые средства могут быть оправданы, если они приводят к желаемым результатам [11]. Данная политика включала в себя использование обмана, манипуляций и насилия, в том числе физического истребления этнических и социальных групп (евреев, цыган, славян) для достижения политических целей. Цель для нацистов – создание мирового господства «арийской расы», превосходящей другие расы в биологическом и культурном отношении и занимающей высшую позицию в «расовой иерархии».

Внешняя политика нацистской Германии была направлена на расширение «жизненной территории» и укрепление позиций страны на мировой арене. Она включала в себя аншлюс Австрии, захват Чехословакии, боевые действия в Африке. Молчание

со стороны крупнейших Европейских держав привело к дальнейшему вторжению в Польшу и развязывание II Мировой войны. Стоит отметить, что пакт Молотова – Риббентропа, заключенный между советским и германским руководством, не смог предотвратить будущей Великой Отечественной Войны в том смысле, что пакт был продиктован стратегической необходимостью для нацистов, действовавших в русле консеквенциалистского подхода, предполагавшей достижение поставленных нацистским руководством внешнеполитических целей любыми средствами, даже путем заключения мирного договора с идеологическим противником.

Внутренняя политика нацистской Германии характеризовалась установлением тоталитарного режима Адольфа Гитлера, подавлением оппозиции, ограничением влияния католической церкви и массовыми репрессиями против евреев, цыган и других неугодных режиму социальных групп или лиц, в том числе германского народа (по идеологии нацизма биологически слабые особи не имели права на существование, тем самым шло «очищение расы»). Характерна массовая пропагандистская работа с населением в рамках нацистской идеологии «арийской расы», реваншистских настроений после поражения в I Мировой войне и создание «тысячелетнего Рейха». Экономическая политика была направлена на подготовку к войне и включала в себя милитаризацию экономики, решение проблемы безработицы, крестьянского вопроса, кульминацией стало последующее использование принудительного труда заключенных и военнопленных, содержащихся в бесчеловечных условиях в концентрационных лагерях. Во внутренней политике и экономике главенствовал консеквенциалистский подход, оправдывающий любые действия, направленные на укрепление внутренней власти нацистов и экономической мощи Германии.

Последствия консеквенциалистской политики. Политика неконтролируемого консеквенциализма привела в конечном итоге к массовым преступлениям против человечности, включая Холокост (в широком смысле этого понятия), военные преступления и преступления против мира. Впервые человечество узрело масштабы трагедии, развернувшейся на территории Европы в названии концентрационных лагерей: Бухенвальд, Освенцим, Тростенец и сотни других подобных. Бесчеловечность, беспощадность творимые в отношении как

простых граждан, так и военнопленных, преступлений, перешедших все допустимые нормы морали, стали причиной создания Международного военного трибунала в Нюрнберге, который стал символом справедливости и наказания за преступления против человечности [16].

Необходимо подчеркнуть, что исторически мировым сообществом уже была предпринята попытка привлечь германское командование к ответу за общечеловеческие преступления по итогам I Мировой войны. Отдав на откуп руководству страны обязанность подвергнуть судебному преследованию тех должностных лиц и руководителей, на чьих плечах лежит ответственность за преступные деяния, были привлечены только исполнители и некоторые государственные деятели среднего звена, инициаторам удалось либо скрыться от суда, либо попросту игнорировать его. Авторы рискнут предположить, что одной из причин такого чудовищного поведения Адольфа Гитлера и его ближайшего окружения в лице Германа Геринга, Йозефа Геббельса, Генриха Гиммлера, Мартина Бормана и других было осознание их полной безнаказанности, так как на тот момент времени международные судебные органы еще не играли столь значимую роль. Памятуя об этом, страны антигитлеровской коалиции приняли решение о совместном суде над нацистской Германией, дабы избежать возможности вновь немецкому руководству избежать персональной ответственности за содеянное.

В конечном итоге Нюрнбергский процесс стал историческим событием, на котором были осуждены главные нацистские преступники. Несмотря на растянутость судебного процесса и бюрократию со стороны союзников, он явился важным шагом в развитии международного уголовного права и создании механизмов для предотвращения подобных преступлений в будущем, а также изобличил нацизм с предоставлением неопровержимых фактов как антигуманную идеологию со всей своей жестокостью и бесчеловечием [1]. Судебный процесс показал, что даже самые могущественные лидеры могут быть привлечены к ответственности за свои действия.

Тем не менее, несмотря на всю историческую значимость судебного разбирательства в Нюрнберге, стоит отметить, что нацизм вновь возродился до открытой идеологии целого государства (на примере Украины), а отдельные его элементы

стали проявляться в современном Европейском обществе, порождая тревогу не только среди деятелей науки, политики, философов, но и общественного мнения.

Подтверждением приверженности руководства Украины к проведению политики неонацизма служит развернувшийся террор по отношению к мирным жителям, проживающим на территории Луганской и Донецкой народных республик в течение долгих лет. Те бесчинства, которые творили Вооруженные Силы Украины, вновь заставляют задуматься о противодействии распространяемой философии нацизма не только в рамках силового метода путем проведения специальной военной операции, но в осуществлении комплекса мероприятий по пресечению деструктивной идеологии как таковой [22]. Такие меры должны содержать в себе помимо отлаженной работы правоохранительных органов по предотвращению распространения терроризма и экстремизма [15], просветительскую работу среди граждан по критическому восприятию радикальных идей, возрождению культурной и исторической памяти народа, целенаправленного и систематического диалога с подрастающим поколением и т. п.

Заключение

На основании вышеизложенного, Нюрнбергский процесс стал закономерным крахом политики консеквенциализма нацистской Германии. Принцип справедливости восторжествовал: ни одно государство, ни одна идеология не могут оправдать соблюдения подхода, превозносящего свои национальные цели и приоритеты над другими, отягощенными массовыми преступлениями против человечества. Кроме того, Нюрнбергский процесс стал важнейшим уроком для будущих поколений о том, что необходимо соблюдать международное право и принципы равноправия. О данных постулатах стоит помнить государствам, в XXI веке вновь обращающих свой взор в сторону идеологии нацизма в новом его проявлении, а также тем, кто оказывает им содействие. Советское руководство, как тогда казалось, успешно справилось с движением фашистско-националистического подполья после разгрома Германии в западных регионах СССР, оставив бесценный опыт борьбы с фашистской идеологией. Однако, спустя многие десятилетия нацистская идеология вновь заявила о себе. Сегодня как никогда актуально применить советский опыт в современных реалиях в борьбе с украин-

скими нацистами с поправкой на актуальные способы и методы противодействия им в рамках проведения специальной воен-

ной операции, чтобы уже раз и навсегда избавить Мир от этой заразы [4; 6;14].

Список литературы

1. Бабичев А. М. «Полотно бессмертия» в «Блокадной книге» Д. Гранина и А. Адамовича // Актуальные вопросы современной науки и образования в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Мурманск, 26 февраля 2025 года. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. С. 12–15.
2. Беличенко Р. В. Консеквенциализм в уголовном праве // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 07–08 июня 2024 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 48–50.
3. Бентам Дж. Введение в принципы нравственной и законодательной мысли. М. : Наука, 1993. 320 с.
4. Бутов С. В. О результатах борьбы органов и войск НКВД СССР с бандитизмом на Украине в годы Великой Отечественной войны / С. В. Бутов, А. В. Мутигуллин // Патриотизм: вчера, сегодня, завтра (ко Дню защитника Отечества): сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 22 февраля 2024 года. Саратов: СВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 14–19.
5. Везломцев В. Е. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм: дис ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Везломцев Виктор Евгеньевич. СПб., 2010. 205 с.
6. Гаврилов К. А. Роль правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны в борьбе с преступностью, посягающей на основы безопасности государства / К. А. Гаврилов, Р. В. Черепанов // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 562–566.
7. Колосов И. В. Действительно ли И. Бентам был первым правовым утилитаристом? / И. В. Колосов, К. Е. Сигалов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 2. С. 438–471.
8. Колосов И. В. История правового консеквенциализма: результативность права: монография. М. : Юрлитинформ, 2023. 223 с.
9. Куликов М. В. Ретрибутивизм и консеквенциализм в теориях правового наказания // Вестник Кузбасского института. 2011. № 4(7). С. 74–77.
10. Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. Г. Муравьевой. М. : АСТ, 2020. 256 с.
11. Малюта В. И. Расовая теория – миф Розенберга / В. И. Малюта, В. О. Несмиянов, Д. И. Харитоненко // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: материалы V Международной научно-практической конференции, Донецк, 20 мая 2021 года. Т. 3. Донецк: Цифровая типография, 2021. С. 545–549.
12. Меньшиков Д. И. Концепция всеобщего консеквенциализма как способ решения проблем XXI века // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2018. № 12. С. 137–143.
13. Милль Дж. Ст. Утилитаризм. М. : Мысль, 1993. 256 с.
14. Мутигуллин А. В. Правовые основы деятельности советских органов по привлечению к ответственности участников фашистско-националистического подполья и их пособников в западных регионах СССР / А. В. Мутигуллин, Д. А. Никонов // Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат: сборник научных статей II Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 20 ноября 2023 года. СПб. : ООО «Эпицентр», 2024. С. 120–125.
15. Новокшенов Д. В. К вопросу об оперативно-розыском обеспечении расследования преступлений террористической направленности / Д. В. Новокшенов, Ю. В. Гульбинский, А. А. Шапошников // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: сборник научных статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 17–18 февраля 2022 года. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2022. С. 196–200.

16. Плиев Г. А. Нюрнбергский процесс – главный судебный процесс XX века / Г. А. Плиев, Ю. А. Евстратова // Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат: сборник научных статей II Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 20 ноября 2023 года. СПб. : ООО «Эпицентр», 2024. С. 217–219.
17. Ранне А. И. Проблема происхождения морали и мотивация нравственного поступка. Прошлое и настоящее // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1(9). С. 84–97.
18. Салеева А. Н. Моральные ценности утилитаризма и их роль в современном обществе / А. Н. Салеева, А. С. Гурьянов // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 12(28). С. 308–313.
19. Серебрянский, Д. С. Классический утилитаризм: основные проблемы // Этическая мысль. 2011. № 11. С. 90–104.
20. Сиджвик Г. Метод этики. М. : Наука, 1993. 416 с.
21. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
22. Черепанов Р. В. Деятельность В. Я. Слепова по формированию патриотических взглядов будущих офицеров в пресечении деструктивной идеологии, посягающей на внешнюю безопасность Российской Федерации / Р. В. Черепанов, Д. В. Новокшенов // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В.Я. Слепова): материалы межведомственной научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 25 февраля 2025 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. С. 485–489.

References

1. Babichev A. M. «Polotno bessmertiya» v «Blokadnoj knige» D. Granina i A. Adamovicha // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya v ознаменованіе 80-letiya Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 godov: materialy XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Murmansk, 26 fevralya 2025 goda. СHеboksary: ООО «Izdatel'skij dom «Sreda», 2025. S. 12–15. (In Russ.).
2. Belichenko R. V. Konsekvencializm v уголовном prave // Uголовное zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 07–08 iyunya 2024 goda. SP. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 48–50. (In Russ.).
3. Bentam Dzh. Vvedenie v principy нравstvennoj i zakonodatel'noj mysli. M. : Nauka, 1993. 320 s. (In Russ.).
4. Butov S. V. O rezul'tatah bor'by organov i vojsk NKVD SSSR s banditizmom na Ukraine v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / S. V. Butov, A. V. Mutigullin // Patriotizm: vchera, segodnya, zavtra (ko Dnyu zashchitnika Otechestva): sbornik nauchnyh statej II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Saratov, 22 fevralya 2024 goda. Saratov: SVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. S. 14–19. (In Russ.).
5. Vezlomcev V. E. Social'no-filosofskij analiz nakazaniya: retributivizm i konsekvencializm: dis ... kand. filosof. nauk: 09.00.11 / Vezlomcev Viktor Evgen'evich. SPb., 2010. 205 s. (In Russ.).
6. Gavrilov K. A. Rol' pravoohranitel'nyh organov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v bor'be s prestupnost'yu, posyagayushchej na osnovy bezopasnosti gosudarstva / K. A. Gavrilov, R. V. СHерепанов // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne): materialy XXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch. Sankt-Peterburg, 24–25 aprelya 2025 goda. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. S. 562–566. (In Russ.).
7. Kolosov I. V. Was Jeremy Bentham really the first legal utilitarian? / I. V. Kolosov, K. E. Sigalov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: YUridicheskie nauki. 2020. T. 24;2: 438–471. (In Russ.).
8. Kolosov I. V. Istoriya pravovogo konsekvencializma: rezul'tativnost' prava: monografiya. M. : YUrlitinform, 2023. 223 s. (In Russ.).
9. Kulikov M. V. Retributivizm i konsekvencializm v teoriyah pravovogo nakazaniya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2011;4(7): 74–77. (In Russ.).
10. Makiavelli N. Gosudar' / per. s ital. G. Murav'evoy. M. : AST, 2020. 256 s. (In Russ.).
11. Malyuta V. I. Rasovaya teoriya – mif Rozenberga / V. I. Malyuta, V. O. Nesmiyanov, D. I. Haritonenko // Aktual'nye problemy pravovogo, ekonomicheskogo i social'no-psihologicheskogo znaniya: teoriya i praktika: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Doneck, 20 maya 2021 goda. T. 3. Doneck: Cifrovaya tipografiya, 2021. S. 545–549. (In Russ.).

12. Men'shchikov D. I. Konceptiya vseobshchego konsekvencializma kak sposob resheniya problem XXI veka // Poziciya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki. 2018;12: 137–143. (In Russ.).
13. Mill' Dzh. St. Utilitarizm. M. : Mysl', 1993. 256 s. (In Russ.).
14. Mutigullin A. V. Pravovye osnovy deyatelnosti sovetskih organov po privlecheniyu k otvetstvennosti uchastnikov fashistsko-nacionalisticheskogo podpol'ya i ih posobnikov v zapadnyh regionah SSSR / A. V. Mutigullin, D. A. Nikonov // Glavnyj process chelovechestva. Nyurnbergskij nabat: sbornik nauchnyh statej II Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 20 noyabrya 2023 goda. SPb. : ООО «Epicentr», 2024. S. 120–125. (In Russ.).
15. Novokshonov D. V. K voprosu ob operativno-rozysknom obespechenii rassledovaniya prestuplenij terroristicheskoy napravlenosti / D. V. Novokshonov, YU. V. Gul'binskij, A. A. SHaposhnikov // Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremenom etape: sbornik nauchnyh statej I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 17–18 fevralya 2022 goda. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2022. S. 196–200. (In Russ.).
16. Pliev G. A. Nyurnbergskij process – glavnyj sudebnyj process XX veka / G. A. Pliev, YU. A. Evstratova // Glavnyj process chelovechestva. Nyurnbergskij nabat: sbornik nauchnyh statej II Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 20 noyabrya 2023 goda. SPb. : ООО «Epicentr», 2024. S. 217–219. (In Russ.).
17. Ranne A. I. The problem of the origin of morality and the motivation of moral action. Past and present // Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii. 2021;1(9): 84–97. (In Russ.).
18. Saleeva A. N. Moral'nye cennosti utilitarizma i ih rol' v sovremenном obshchestve / A. N. Saleeva, A. S. Gur'yanov // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. 2018. № 12(28). S. 308–313. (In Russ.).
19. Serebryanskij, D. S. Classical Utilitarianism: the main problems // Eticheskaya mysl'. 2011;11: 90–104. (In Russ.).
20. Sidzhvik G. Metod etiki. M. : Nauka, 1993. 416 s. (In Russ.).
21. Filosofskij slovar' / pod red. I. T. Frolova. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Politizdat, 1991. 560 s. (In Russ.).
22. CHerepanov R. V. Deyatel'nost' V. YA. Slepova po formirovaniyu patrioticheskikh vzglyadov budushchih oficerov v presechenii destruktivnoj ideologii, posyagayushchej na vneshnyuyu bezopasnost' Rossijskoj Federacii / R. V. CHerepanov, D. V. Novokshonov // Vladimir YAKovlevich Slepov: Uchitel', Uchyonyj, Nastavnik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.YA. Slepova): materialy mezhdvedomstvennoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 25 fevralya 2025 goda. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 485–489. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. А. Евстратова – кандидат юридических наук
А. В. Лукьянова – кандидат философских наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025;
одобрена после рецензирования 14.09.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

Information about the authors

Y. A. Evstratova – Candidate of Sciences (Law)
A. V. Lukyanova – Candidate of Sciences (Philosophical)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 16.07.2025;
approved after reviewing 14.09.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

В НОГУ С АКАДЕМИЕЙ: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА С. Г. ЛЫСЕНКОВА

Алексей Александрович Дерюгин

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

deryuginaa@rosgvard.ru

Аннотация. Статья посвящена профессору Лысенкову Сергею Геннадьевичу. В ней содержится очерк жизни, педагогической деятельности и научного творчества одного из старейших профессоров Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, который отмечает в октябре 2025 года свой 80-летний юбилей. Сергей Геннадьевич Лысенков – один из крупнейших историков отечественного государства и права. В своих работах он привлекает внимание к правдивому освещению событий Великой Отечественной войны, вкладу военнослужащих войск НКВД СССР в победу советского народа над фашистским агрессором, противодействию фальсификации истории и защите исторической правды.

Ключевые слова: история государства и права, Лысенков С. Г., Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, кафедра государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра, Великая Отечественная война, фальсификация истории, традиционные духовно-нравственные ценности, защита исторической правды

Для цитирования: Дерюгин А.А. В ногу с академией: к юбилею профессора С. Г. Лысенкова // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 379–384. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/037.pdf>.

SCIENTIFIC LIFE

KEEPING UP WITH THE ACADEMY: ON THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR S. G. LYSENKOV

Alexey A. Deryugin

Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

deryuginaa@rosgvard.ru

Abstract. The article is dedicated to Professor Sergey Gennadievich Lysenkov. It contains an essay on the life, teaching and scientific work of one of the oldest professors of the Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, who celebrates his 80th birthday in October 2025. Sergey Gennadievich Lysenkov is one of the greatest historians of the Russian state and law. In his works, he draws attention to the truthful coverage of the events of the Great Patriotic War, the contribution of the NKVD troops of the USSR to the victory of the Soviet people over the fascist aggressor, countering the falsification of history and the protection of historical truth.

Keywords: history of state and law, Lysenkov S. G., Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation, Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center, the Great Patriotic War, falsification of history, traditional spiritual and moral values, protection of historical truth

For citation: Deryugin A.A. Keeping up with the academy: on the anniversary of professor S. G. Lysenkov. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(32): 379–384. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/037.pdf>.

© Дерюгин А.А., 2025

Введение	правовых	дисциплин	научно-
9 октября 2025 года отмечает юбилей	исследовательского	центра	Военной
профессор кафедры государственно-	ордена Жукова	академии	войск

национальной гвардии Российской Федерации (далее — военная академия) Лысенков Сергей Геннадьевич. Сергей Геннадьевич по праву считается видным российским ученым-правоведом, специализирующимся на проблемах развития отечественного государства и права в период Великой Отечественной войны.

Основные положения

Сергей Геннадьевич родился 9 октября 1945 года в Калуге в семье потомственных военнослужащих. В 1963 году поступил на учебу в Горьковское радиотехническое училище войск ПВО (ГРТУ), располагавшееся в легендарных «Тобольских казармах» пехотного полка, участвовавшего еще в Бородинском сражении 1812 года.

После окончания военного училища Лысенков Сергей Геннадьевич был направлен для прохождения военной службы в должности техника, старшего техника зенитно-ракетного полка Московского округа ПВО.

На службе Сергея Геннадьевича всегда отличали высокая работоспособность и принципиальность. Командование высоко ценило молодого офицера, и в феврале 1970 года он был избран секретарем комитета ВЛКСМ полка, затем последовательно занимал должности помощника начальника политотдела корпуса и армии по комсомольской работе, начальника отдела – помощника начальника политуправления Бакинского округа ПВО по комсомольской работе.

Лысенков Сергей Геннадьевич постоянно совершенствовал свое служебное мастерство, закончив в 1978 года знаменитую Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, готовившую высокопрофессиональные кадры военно-политического состава для Вооруженных Сил СССР. В июле 1980 года Сергею Геннадьевичу было доверено новое важное место службы – он был назначен начальником политического отдела зенитно-ракетного полка, дислоцированного на первой линии северной зоны ответственности Московского округа ПВО.

Склонность к педагогической и научной деятельности стали для Сергея Геннадьевича определяющими и в сентябре 1984 года он перешел на преподавательскую работу в Ленинградское высшее военно-

политическое училище ПВО имени Ю. В. Андропова (ЛВПУ), в котором до 1992 года занимал должности преподавателя, старшего преподавателя, начальника кафедры военно-политической работы. За этот период он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, и ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре военно-политической работы.

После увольнения в запас Лысенков Сергей Геннадьевич продолжил свою научную и педагогическую деятельность в различных высших учебных заведениях Санкт-Петербурга.

В 1992 году на основании решения Правительства Российской Федерации на базе Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ было создано новое учебное заведение – Высшее военное командное училище внутренних войск МВД России, на которое была возложена задача по подготовке офицеров командного профиля для внутренних войск, обладающих к тому же и правовыми знаниями [20].

Эта задача потребовала создания кафедр юридического профиля. Одной из них стала кафедра теории и истории государства и права.

Создание нового структурного подразделения, потребовало от руководства кафедры максимума усилий по созданию учебной и материальной базы, формированию сплоченного работоспособного коллектива, который представляет «богатство» любого высшего учебного заведения. Коллектив кафедры, используя все свои профессиональные качества, педагогическое мастерство принимал активное участие в подготовке высококвалифицированных офицеров [1]. «За небольшой период времени была выполнена одна из основных задач – сложился коллектив единомышленников, в который в августе 1996 года органично влился Сергей Геннадьевич Лысенков, заняв должность доцента, а затем профессора кафедры», – вспоминает один из ветеранов кафедры, стоявший у истоков ее формирования Тальянин Валерий Викторович.

Научная и педагогическая деятельность Сергей Геннадьевича Лысенкова на кафедре теории и истории государства и права всегда ориентировалась на интересы войск правопорядка. Интересы государства и общества требовали и

требуют правдивого освещения событий периода Великой Отечественной войны и вклада войск НКВД СССР в дело победы над фашистскими агрессорами. На этом поприще вот уже около 30 лет активно трудится Сергей Геннадьевич, подготовив и опубликовав ряд учебных и научных трудов, осветивших малоизученные страницы истории войск правопорядка [2, 3, 4, 5, 6, 7].

В 2005 году Сергей Геннадьевич блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны» [8], в которой уделялось значительное внимание правовому обеспечению деятельности войск НКВД СССР в военное время. В 2006 году ему было присвоено ученой звание профессора по кафедре теории и истории государства и права.

С 1996 года по настоящее время Сергей Геннадьевич Лысенков прошел весь путь становления нашего учебного заведения от военного командного училища внутренних войск МВД России до первой и единственной в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации военной академии.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации сегодня это ведущая образовательная организация в сфере подготовки кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка среди образовательных организаций силовых ведомств. Военная академия успешно участвует в выполнении кадрового заказа Росгвардии по подготовке специалистов с учетом современных требований к выполнению служебно-боевых задач, возложенных на войска национальной гвардии, опираясь на выдающихся ученых и педагогов, осуществляющих свою деятельность в ее стенах. К ним по праву относится и профессор Лысенков Сергей Геннадьевич.

Круг его научных интересов охватывает проблемы истории российского государства и права, юридические аспекты истории великой Отечественной войны, правового статуса военнослужащих Вооруженных Сил России, он является членом трех диссертационных советов, действующих в военной академии.

Сергей Геннадьевич – автор более 100 фундаментальных научных трудов, которые посвящены историко-правовой и военно-правовой проблематике. Научные работы Сергея Геннадьевича затрагивают все крупные институты теории права и государства, закономерности их развития и взаимодействия в условиях современного общества [9, 10, 11], читать их всегда чрезвычайно интересно и полезно, они отличаются глубиной мысли и нередко неожиданным взглядом на проблему.

За годы образовательной деятельности в военной академии профессор Лысенков Сергей Геннадьевич зарекомендовал себя специалистом высочайшего класса, его лекции и семинары по истории государства и права России, безусловно, оставили след в памяти нескольких поколений курсантов, являя образец великолепного владения русским языком, эрудиции, остроумия, умения видеть значимые проблемы развития права и государства в различные исторические периоды.

Для современного поколения профессорско-преподавательского состав военной академии Сергей Геннадьевич Лысенков – это не только выдающийся ученый, но и замечательный, отзывчивый коллега, профессионализм и компетентность которого позволяют всегда получить грамотный совет относительно не только научной, но и педагогической деятельности, обсудить актуальные исторические аспекты правового регулирования государственно-правовых институтов, ориентироваться в теоретико-методологических вопросах исследовательской работы.

«Сергей Геннадьевич заряжает положительной энергией всех окружающих, всегда создает рабочую, доброжелательную, позитивную атмосферу сотрудничества, основанного на взаимном уважении и взаимопонимании между коллегами», – отмечает профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Назарова Ирина Сергеевна.

Ученый секретарь военной академии Дерюгин Алексей Александрович подчеркивает: «Сергей Геннадьевич является наставником не только для своих многочисленных учеников, но и для всех молодых преподавателей военной академии, с которыми делится своим

жизненным, служебным, научным, педагогическим и методическим опытом. Для всех нас он является образцом порядочности и добросердечности, достойным представителем российской интеллигенции, человеком блестящей эрудиции, энциклопедических познаний, богатейшего служебного и жизненного опыта».

Заместитель начальника военной академии по научной работе – начальник научно-исследовательского центра Утюганов Алексей Анатольевич, характеризуя профессора Лысенкова Сергея Геннадьевича, отмечает: «его вклад в подготовку офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации и органов внутренних дел, основанный на компетентном подходе к образовательной деятельности, научного мировоззрения и патриотических убеждений огромен и достоин всяческого уважения последующими поколениями преподавателей и курсантов военной академии».

Сергей Геннадьевич долгие годы успешно занимается подготовкой кадров высшей квалификации и формированием у них педагогической компетентности. Для всех адъюнктов военной академии Сергей Геннадьевич это не только учитель, но и наставник, который раскрывает для них основы теории и методики высшего образования, дает основополагающие знания в сфере методики и методологии научного исследования. Его учеников всегда отличали глубокие и прочные знания, твердые нравственные и гражданские позиции, основанные на способности противостоять влиянию негативных процессов, происходящих в обществе [12–19].

Наряду с образовательной деятельностью, профессор Лысенков Сергей Геннадьевич большое внимание уделяет научной работе. Он является выдающимся ученым, внесшим

значительный вклад в развитие отечественной правовой мысли, в осуществлении высококвалифицированной педагогической и научной деятельности с применением новейших образовательных стандартов и методик, что было отмечено присвоением ему почетного звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Закключение

Сергей Геннадьевич пользуется огромным уважением и заслуженным авторитетом среди коллег, адъюнктов и курсантов военной академии. Общение с ним заряжает жизненной энергией, дает стимул к дальнейшему развитию и самосовершенствованию. Являясь выдающейся личностью и имея многочисленные заслуги и награды, Сергей Геннадьевич – удивительно скромный человек, внимательный и чуткий собеседник, располагающий к себе своей интеллигентностью, своими глубокими научными и жизненными познаниями, мнение которого так важно и дорого для всех, кто с ним общается. Его любят адъюнкты и курсанты, видя в нем живую легенду той далекой и во многом не известной им эпохи, к нему внимательно прислушиваются начальники и заведующие кафедр, следя за полетом его научной мысли, его ценят и уважают коллеги-преподаватели, отдавая должное его знаниям, эрудиции, замечательным качествам его души и характера.

Командование военной академии, ученый совет, коллеги, друзья и ученики сердечно поздравляют профессора Лысенкова Сергея Геннадьевича со славным юбилеем и восхищаются Вашими многочисленными достижениями и талантами, а также признательность за нравственные уроки и мудрые советы. Мы желаем Вам здоровья и дальнейших творческих, научных и иных жизненных успехов!

Список литературы

1. Кафедра теории и истории государства и права: основные направления научных исследований (к 80-летию со дня образования Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии) / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская, Д. А. Никонов, С. Г. Лысенков // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3(28). С. 13–28.
2. История внутренних войск: организационно-правовые основы строительства и служебно-боевой деятельности. СПб. : СПВИ внутренних войск МВД России, 1998. 125 с.

3. Лысенков С. Г. Внутренние войска: страницы истории / С. Г. Лысенков, В. П. Сидоренко. СПб. : СПВИ внутренних войск МВД России, 2001. 174 с.
4. Войска и органы правопорядка Санкт-Петербурга: история и современность: монография / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская, С. Г. Лысенков [и др.]. М. : ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. 174 с.
5. Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: монография. М. : Редакция журнала «На боевом посту», 2010. 262 с.
6. Лысенков С. Г. Правовое положение военнослужащих действующей армии в период Великой Отечественной войны: монография. СПб., 2004. 167 с.
7. Войска и органы правопорядка на территории Санкт-Петербурга (1811–2021 гг.): историко-правовое исследование / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская, С. Г. Лысенков [и др.]. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2021. 217 с.
8. Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны (Историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Лысенков Сергей Геннадьевич. СПб., 2005. 472 с.
9. Философско-правовое познание: актуальные проблемы / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. 418 с.
10. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2025. 459 с.
11. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2024. 423 с.
12. Бутов С. В. Правовое положение военнослужащих войск НКВД СССР на фронтах Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Бутов Сергей Валерьевич. СПб., 2024. 20 с.
13. Дубовский Ю. М. Законодательство Российской империи об уголовной ответственности военнослужащих в пореформенный период (конец XIX – начало XX вв.): историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дубовский Юрий Михайлович, 2011. 200 с.
14. Дерюгин А. А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дерюгин Алексей Александрович. СПб., 2011. 24 с.
15. Володина О. В. Социально-правовая защита семей военнослужащих в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Володина Ольга Владимировна, 2023. 153 с.
16. Олейник С. А. Государственно-правовое регулирование кадрового обеспечения внутренних войск МВД СССР в 60-е – 90-е гг. XX века: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Олейник Сергей Александрович. СПб., 2013. 174 с.
17. Погорелов С. А. Дисциплинарные правоотношения военнослужащих накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Погорелов Сергей Александрович, 2019. 211 с.
18. Полунин С. В. Дисциплинарная практика в Красной Армии и войсках Вермахта в период Второй мировой войны: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Полунин Сергей Викторович, 2023. 271 с.
19. Шахбазов Р. А. Механизм правового регулирования социальной защиты военнослужащих внутренних войск МВД России (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук / Шахбазов Роман Агамедович. СПб., 2008. 193 с.
20. Войска и органы правопорядка Санкт-Петербурга: история и современность: монография / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская, С. Г. Лысенков [и др.]. М. : ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. 174 с.

References

1. Kafedra teorii i istorii gosudarstva i prava: osnovnye napravleniya nauchnyh issledovanij (k 80-letiyu so dnya obrazovaniya Voennoj ordena ZHukova akademii vojsk nacional'noj gvardii) / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya, D. A. Nikonov, S. G. Lysenkov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024. № 3(28). S. 13–28. (In Russ.).
2. Istoriya vnutrennih vojsk: organizacionno-pravovye osnovy stroitel'stva i sluzhebno-boevoy deyatel'nosti. SPb. : SPVI vnutrennih vojsk MVD Rossii, 1998. 125 s. (In Russ.).
3. Lysenkov S. G. Vnutrennie vojska: stranicy istorii / S. G. Lysenkov, V. P. Sidorenko. SPb. : SPVI vnutrennih vojsk MVD Rossii, 2001. 174 s. (In Russ.).

4. Vojska i organy pravoporyadka Sankt-Peterburga: istoriya i sovremennost': monografiya / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya, S. G. Lysenkov [i dr.]. M. : OOO «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M», 2024. 174 s. (In Russ.).
5. Lysenkov S. G. Pravovoj status voennosluzhashchih v period Velikoj Otechestvennoj vojny: monografiya. M. : Redakciya zhurnala «Na boevom postu», 2010. 262 s. (In Russ.).
6. Lysenkov S. G. Pravovoe polozhenie voennosluzhashchih deystvuyushchej armii v period Velikoj Otechestvennoj vojny: monografiya. SPb., 2004. 167 s. (In Russ.).
7. Vojska i organy pravoporyadka na territorii Sankt-Peterburga (1811–2021 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya, S. G. Lysenkov [i dr.]. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2021. 217 s. (In Russ.).
8. Lysenkov S. G. Pravovoj status voennosluzhashchih v period Velikoj Otechestvennoj vojny (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01 / Lysenkov Sergej Gennad'evich. SPb., 2005. 472 s. (In Russ.).
9. Filosofsko-pravovoe poznanie: aktual'nye problemy / E. V. Vinogradova, A. O. Vorob'ev, M. YU. Gutman [i dr.]. 2-e izd., ispr. i dop. M. : OOO «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M», 2025. 418 s. (In Russ.).
10. Dobro, doverie, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoj mysli: antichnost' i sovremennost' / E. V. Vinogradova, A. O. Vorob'ev, I. N. Gribov [i dr.]. 2-e izd., ispr. i dop. SPb. : OOO «Nauchno-izdatel'skij centr Infra-M», 2025. 459 s. (In Russ.).
11. Politiko-pravovoe upravlenie i ugrozy suverenitetu gosudarstva / M. YU. Gutman, S. I. Zaharcev, N. V. Zorina [i dr.]. 2-e izd., ispr. i dop. – M. : INFRA-M, 2024. 423 s. (In Russ.).
12. Butov S. V. Pravovoe polozhenie voennosluzhashchih vojsk NKVD SSSR na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-pravovoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.1 / Butov Sergej Valer'evich. SPb., 2024. 20 s. (In Russ.).
13. Dubovskij YU. M. Zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii ob ugolovnoj otvetstvennosti voennosluzhashchih v poreformennyj period (konec XIX – nachalo XX vv.): istoriko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Dubovskij YUrij Mihajlovich, 2011. 200 s. (In Russ.).
14. Deryugin A. A. Sluzhebno-boevaya deyatelnost' vojsk NKVD v usloviyah chrezvychajnyh pravovyh rezhimov voennogo vremeni (na materialah Leningrada i Leningradskoj oblasti perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Deryugin Aleksej Aleksandrovich. SPb., 2011. 24 s. (In Russ.).
15. Volodina O. V. Social'no-pravovaya zashchita semej voennosluzhashchih v period Velikoj Otechestvennoj vojny (istoriko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.1 / Volodina Ol'ga Vladimirovna, 2023. 153 s. (In Russ.).
16. Olejnik S. A. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie kadrovogo obespecheniya vnutrennih vojsk MVD SSSR v 60-e – 90-e gg. XX veka: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Olejnik Sergej Aleksandrovich. SPb., 2013. 174 s. (In Russ.).
17. Pogorelov S. A. Disciplinarnye pravootnosheniya voennosluzhashchih nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Pogorelov Sergej Aleksandrovich, 2019. 211 s. (In Russ.).
18. Polunin S. V. Disciplinarnaya praktika v Krasnoj Armii i vojskah Vermahta v period Vtoroj mirovoj vojny: istoriko-pravovoj analiz: dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.1 / Polunin Sergej Viktorovich, 2023. 271 s. (In Russ.).
19. SHahbazov R. A. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya social'noj zashchity voennosluzhashchih vnutrennih vojsk MVD Rossii (teoretiko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk / SHahbazov Roman Agamedovich. SPb., 2008. 193 s. (In Russ.).
20. Vojska i organy pravoporyadka Sankt-Peterburga: istoriya i sovremennost': monografiya / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya, S. G. Lysenkov [i dr.]. M. : OOO «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M», 2024. 174 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Information about the author

А. А. Дерюгин – кандидат юридических наук, доцент

A. A. Deryugin – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.07.2025;
принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 10.07.2025;
accepted for publication 17.09.2025.

Главный редактор:

А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора:

С.Н. Сорокоумова – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционно-издательский совет:

А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.И. Александров – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Н. Бережнова – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.М. Большакова – кандидат юридических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Т.А. Бороненко – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
К.С. Гбоко – кандидат педагогических наук (Буаке, Кот-д'Ивуар)
М.Ю. Гутман – доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Дерюгин – кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
М.А. Дёмина – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
С.У. Дикаев – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Г. Дмитриева – доктор психологических наук, доцент (Уфа, Россия)
А.А. Дьячков – кандидат психологических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
Ю.А. Евстратова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Н.М. Жаринов – доктор педагогических наук, старший научный сотрудник (Санкт-Петербург, Россия)
Б.А. Жетписбаева – доктор педагогических наук, профессор (Караганда, Казахстан)
Н.Г. Закревская – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.И. Захарцев – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Р.В. Зелепукин – кандидат юридических наук, доцент (Тамбов, Россия)
А.В. Зобков – доктор психологических наук, доцент (Владимир, Россия)
В.А. Зобков – доктор психологических наук, профессор (Владимир, Россия)
С.В. Игнатъева – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Караяни – член-корреспондент Российской академии образования, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Ю.М. Караяни – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Карпов – профессор Российской академии образования, доктор психологических наук, доцент (Ярославль, Россия)
М.М. Кашапов – доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия)
В.И. Коваленко – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Е.П. Кораблина – доктор психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Косарев – кандидат педагогических наук (Нижний Новгород, Россия)
А.О. Кособуцкий – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Г.Н. Крижановская – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.Е. Кузнецов – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.И. Курдуманова – доктор педагогических наук, профессор (Омск, Россия)
Н.Ю. Лебедев – доктор юридических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
А.П. Легаев – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
С.Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.В. Маркелова – доктор психологических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Н.Н. Миняйленко – кандидат юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.И. Миронова – доктор психологических наук, доцент (Кострома, Россия)
Т.Г. Мухина – профессор Российской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, (Нижний Новгород, Россия)
В.И. Назаров – доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор (Иваново, Россия)
И.С. Назарова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.А. Никонов – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Д.В. Новокшинов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф.В. Повshedная – доктор педагогических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
С.А. Погорелов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Б. Полушина – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Л. Поминова – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
В.А. Прокофьева – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф. П. Прюсс – доктор педагогики, профессор (Грайсвальд, Германия)
С.А. Рогонов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.Б. Романовская – доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
В.П. Сальников – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.В. Семенова – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
О.Э. Старовойтова – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Стельмах – кандидат психологических наук, ассоциированный профессор (доцент) (Усть-Каменогорск, Казахстан)
С.В. Степашин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Н.Н. Суртаева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Р.А. Терехин – кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Турчин – доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Федосеева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Хабибуллин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Ци – кандидат педагогических наук (Чэнду, Китай)
Р.М. Шамионов – доктор психологических наук, профессор (г. Саратов, Россия)
А.П. Шарухин – доктор педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
С.М. Шингаев – доктор психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Учредитель:

федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-88843 от 28 декабря 2024 г.

Редакторы:

А.Д. Внуков
Е.Ю. Юпатова
И.А. Бабкин

Тираж 1 экз. Заказ № 300-25
Дата выхода в свет 29.09.2025
Издатель:
Академия войск национальной гвардии

Адрес редакции и издателя:
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1
(Академия
войск национальной гвардии);
тел.: (812) 337-40-50 (доб. 24-58)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik-spvi@spvi.ru

Отпечатано в типографии
Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии
Российской Федерации
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1

12+

Founder:

Federal State Official Military
Establishment of Higher Education
«Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops
of the Russian Federation»

Mass media is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Informational
Technologies and Media Control
(certificate Jel No FS77-88843
of 28 December 2024)

Editors:

A.D. Vnukov
E.Yu. Yupatova
I.A. Babkin

Circulation 1 copies. Order No 300-25
Date of publishing 29.09.2025
Publisher:
Academy of the National Guard Troops

Address of editorial and publisher:

1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation
(Academy
of the National Guard Troops);
Tel.: (812) 337-40-50 (24-58)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik-spvi@spvi.ru

Printed in the printing-office
of Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops
of the Russian Federation
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation

12+

Editor in Chief:

A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

S.N. Sorokoumova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Editorial and Publishing Council:

A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.I. Alexandrov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
L.N. Berezhnova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.M. Bol'shakova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
T.A. Boronenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
K.S. Gboko – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Bouake, Côte d'Ivoire)
M.Yu. Gutman – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Deryugin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
M.A. Dyomina – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
S.U. Dikaev – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
L.G. Dmitrieva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. D'jachkov – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Novosibirsk, Russia)
Yu.A. Evstratova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
N.M. Zharinov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher (Saint-Petersburg, Russia)
B.A. Zhetpisbaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, Kazakhstan)
N.G. Zakrevskaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.I. Zaharcev – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery
Sciences, Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
R.V. Zelepukin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Tambov, Russia)
A.V. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Vladimir, Russia)
V.A. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Vladimir, Russia)
S.V. Ignatieva – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Karayani – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored
Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-
Petersburg, Russia)
Yu.M. Karayani – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Karpov – Professor of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences
(Psychology), Docent (Yaroslavl, Russia)
M.M. Kashapov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yaroslavl, Russia)
V.I. Kovalenko – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
E.P. Korablina – Doctor of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Kosarev – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Nizhny Novgorod, Russia)
A.O. Kosobuckij – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
G.N. Krizhanovskaya – Candidate of Sciences (History), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.E. Kuznetsov – Candidate of Sciences (History) (Saint-Petersburg, Russia)
O.I. Kurdumanova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
N.Yu. Lebedev – Doctor of Sciences (Law), Docent (Novosibirsk, Russia)
A.P. Legaeve – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
S.G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
T.V. Markelova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
N.N. Minyailenko – Candidate of Sciences (Law), Professor
T.I. Mironova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Kostroma, Russia)
T.G. Muhina – Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences
(Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.I. Nazarov – Doctor of Sciences (Psychology), Candidate of Medical Sciences, Professor
(Ivanovo, Russia)
I.S. Nazarova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.A. Nikonov – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
D.V. Novokshonov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F.V. Povshednaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
S.A. Pogorelov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.B. Polushina – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.L. Pominova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.A. Prokof'eva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F. P. Prjuss – Doctor of Pedagogy, Professor (Graßval'd, Germany)
S.A. Roganov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.B. Romanovskaja – Doctor of Sciences (Law), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.P. Sal'nikov – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery
Sciences, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.V. Semenova – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
O.E. Starovoitova – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.A. Stel'mah – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor (Docent) (Ust'-
Kamenogorsk, Kazakhstan)
N.N. Surtaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
R.A. Terehin – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Fedoseeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Habibullin – Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow, Russia)
Ju. Ci – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Chjendu, China)
R.M. Shamionov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saratov, Russia)
A.P. Sharuhin – Doctor of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
T.G. Sharuhina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.M. Shingaev – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)